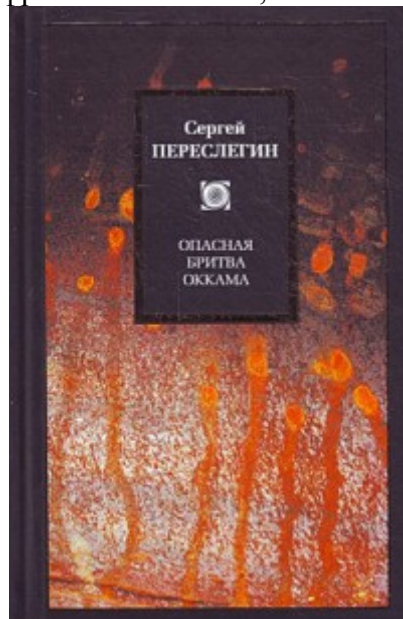

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН ОПАСНАЯ БРИТВА ОККАМА

Современная классическая футурология обещает миру три генеральных сценария: либо продление счастливого рыночного настоящего, либо «неофеодальная» утеря технологий, либо когнитивный переход в новую фазу исторического развития. Именно эти три сценарные ветки могут стать мерилем значимости фантастических произведений.

Из общего литературного пространства наиболее значимыми для проекта оказываются книги Стругацких и Толкина, Ефремова и Еськова, Симмонса и Винджа...

От редакции

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ

ЭПИЗОД III

Как сейчас уже стало понятно, в свойственной русскому мышлению тройственной парадигме мир ожидает три генеральных сценария.

Первый — продление счастливого рыночного настоящего. Кик часы работают банки, летают самолеты, по скоростным автострадам мчат комфортабельные авто. Мировые города, существующие по образному высказыванию Е. Переслегиной «как сочетание клоаки и музеев», творят бесконечные инновации, Которые остальной мир радостно потребляет в рыночно-инвестиционном формате.

Второй сценарий носит романтическое название «неофеодальный». Мир останавливается в развитии. Мы катастрофически теряем наработанные технологии, города приходят в упадок, превращаясь в «монастыри знаний». А само великое знание индустриального прошлого воспринимается как магия, доступная только посвященным адептам. Мир вступает в царство классической фэнтези.

Третий сценарий обещает нам совершенно неведомые пажити. Трое из ларца: инфо, био и нано становятся элементами тривиального быта. Мироздание, словно всеобъемлющая игра DOOM, обретает виртуальное измерение благодаря информационным технологиям, жители его биотехнологическими методами получают бесконечное здоровье, а нанотех поставляют абсолютную броню и бесконечные патроны. И самое главное: у нас появляется шанс познакомиться с новым типом разума — сверхбыстрым, сверхмощным, распределенным — и с неантропоморфным его носителем. Мы выходим в зону технологической сингулярности Винджа—фон Неймана. Формально оживет сюжет создания нового человечества, описанный много лет назад словами Джона фон Неймана: «Разговор идет о непрерывно ускоряющемся техническом прогрессе и переменах в образе жизни людей, которые создают впечатление приближения некоторой важнейшей сингулярности в истории земной расы, за которой все человеческие дела в том виде, в каком мы их знаем, не смогут продолжаться».

Винджд писал об этом уже в 1993 году: «Мы очутимся в постчеловеческой эре. И несмотря на весь свой технический оптимизм, мне было бы куда комфортнее, если бы меня от этих сверхъестественных событий отделяли тысяча лет, а не двадцать».

Что ж, прорисовав три ветки возможной эволюции мира, мы обрели опору для выбора произведений, наиболее значимых для понимания грядущего. Созданная мера Зоила включает в себя и развитие общечеловеческих ценностей, и эволюцию духовности, и мировой кодекс — систему заповедей, как уже созданных, так и тех, что еще предстоит создать и осознать.

Осталось сформулировать основное движущее противоречие.

XX век был ознаменован созданием и включением в мировую практику новейшей гуманитарной технологии — экологической заповеди. Сформулированная в работах Римского клуба как следствие из конечности экосистемы планеты Земля экологическая парадигма стала оружием в руках конкурирующего бизнеса. И изначально оплачивалась как оружие. А значит, изначально получила значительный финансовый и административный ресурс не только на разработку, но и на продвижение. Она легла в основу партийного строительства (партии зеленых в разных странах) и сформировала специализированные боевые подразделения, получившие название Green Peace.

В противовес разумно сконструировать понятие «эволюгия», включающее идеи «классической диалектики, развития как увеличения структурности системы, то есть нарастания числа противоречий в ней, эволюции биологических, технических, социальных, знаковых систем». Дискурс развития, прогресса обретает в XXI веке формат заповеди, а значит, войдет в новом формате в политические реалии и сформирует свой фронт.

Вот и сложилось пространство выбора литературных произведений, значимых для промысла Будущего. В одной обойме оказываются и братья Стругацкие, и профессор Толкин, и палеонтологи Ефремов и Еськов, и конечно же учитель Симмонс с математиком Винджем. Список неполон, но включает тех, на кого нужно обратить внимание, если Вы действительно хотите знать Будущее.

Николай Ютанов

ОПАСНАЯ БРИТВА ОККАМА

ВСТУПЛЕНИЕ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ: РАКЕТА СО СТАРТА УШЛА...

Ракета со старта ушла. Красиво ушла, картинно, это мы видели. Тут вы молодцы. А то, что она пожелала на старт вернуться, это, как говорится, ее личное дело.

Из кинофильма «Укрощение огня»

Шестидесятые годы остались в памяти человечества как последнее стратегическое наступление «по всему фронту». В последующие десятилетия немало было глубоких прорывов, некоторые из них, например широкое внедрение в быт персональных компьютеров, существенно изменили жизненные форматы, но серьезных изменений в картине мира не произошло.

Резко затормозился прогресс энергетики и транспорта. Человек не посетил Марс, Венеру, Меркурий, спутники Юпитера и пояс астероидов, в орбитальных доках не сооружаются прямоточные фотонные звездолеты. До сих пор основу авиационных парков мира составляют самолеты, либо непосредственно разработанные в 1960-е, либо обладающие практически теми же характеристиками. Кое-где даже пришлось отступать. Так, не удержали лунный плацдарм. Вновь приходится делать противооспенные прививки. Не летает ТУ-144, да и «конкордов» осталось всего 11 экземпляров, и если не сегодня, то завтра последний пассажирский сверхзвуковик окажется на приколе. Что собственно и произошло в конечном счете.

Рассеялись многие иллюзии 1960-х годов. Не удалось построить коммунизм, да и царства Божьего на земле не случилось. Хотя опасность ядерной войны уменьшилась, мир выглядит сейчас куда более опасным и непредсказуемым, нежели в «славные шестидесятые». И почти никаких надежд на лучшее будущее: только в странах типа Туниса (а эти страны именно сейчас переживают свою эпоху 60-х годов) можно встретить радостные улыбки на лицах

студентов и старших школьников.

Не получилось и «педагогической утопии»: несмотря на огромные средства, вкладываемые в школу ведущими державами, на рубеже веков мир столкнулся не с новой педагогикой, а с всеобщим кризисом образования. Уже сейчас в полный рост стоит проблема обеспечения промышленности сколько-нибудь грамотными работниками. Страшные катастрофы в Чернобыле и Бхопале продемонстрировали, сколь необходим для управления сложными системами определенный уровень подготовки. А уже очень скоро управление электросетями в крупнейших и богатейших странах мира станут осуществлять инженеры, понятия не имеющие, откуда берется электрический ток.

На сегодняшнем суматошном фоне шестидесятые годы с их черно-белой логикой и неспешным, но поступательным развитием кажутся золотым веком. Но если кризисное состояние рубежа столетий рассматривать как результат некой ошибки, эта ошибка была сделана именно тогда, в шестидесятые. Недаром к концу десятилетия разительно меняется эмоциональная окраска фантастики, поэзии, живописи и музыки. Недаром семидесятые годы прошли под знаком наступления «новых правых» и краха революции сознания¹.

Изучая 1960-е годы, трудно отделаться от мысли об их искусственности, придуманности, сконструированности. Эпоха, породившая великую литературу и музыку, время прорывов в естественных науках и технике — и полный застой в психологических и социальных дисциплинах. Эпоха неоправданных ожиданий и не оправдавшихся надежд.

Сейчас, с высоты начала XXI столетия, шестидесятые видятся мне как фальстарт, неустраняемая конструкционная ошибка. Попытка реализовать цели, заведомо недостижимые при имеющихся средствах. Но, может быть, все не так просто и необходимые ресурсы были выделены?

На фоне 1960-х годов предыдущее десятилетие как-то теряется, хотя на его счету такое историческое явление, как первый спутник. У нас — в СССР/России принято рассматривать эпоху 1948-1953 годов как позднейшие и наиболее тяжелые, «темные» годы сталинского режима, время «тишины». Затем — смерть Сталина, безвременье, и — запуском Спутника начинаются уже 1960-е годы. У Запада были свои причины вытеснить 1950-е годы в коллективное бессознательное: тяжелые и неожиданные потери в Корее, привыкание к угрозе ядерного нападения, осознание того, что «холодная война» окажется долгой и трудной.

Между тем именно искусство 1950-х наполнено ощущением радости и рассвета. Именно в пятидесятые годы в Калифорнии начала формироваться гедонистическая элита, столь необходимая по модели Т. Лири² для инсталляции пятого, нейросоматического контура психики, контура освобождения от убеждений обыденной жизни, контура, раскрывающего человеческие «муравейники» навстречу Вселенной.

Советский Союз — под мудрым руководством товарища Сталина или вопреки этому руководству — своим путем шел к «пятому контуру». Через осмысление и переосмысление опыта войны, через понимание феномена японских камикадзе и собственных подпольных групп и партизанских отрядов.

Стравинский и Шостакович не писали для сытых, упростившихся до позиции силы новых буржуа и их прагматичных деток. Они писали о людях, которые бьются за свой когнитивный проект, путаясь в сетях наведенных идей, о верующих атеистах, дерзнувших строить царство Божие на Земле на одном только вдохновении и чувстве локтя. Страна подросток. Россия и сегодня осталась такой, только те, кто помнит свое детство, не дадут соврать — подросток это творчество, мечта, жестокость и произвол. Качнулся маятник.

Куда бежать от себя? В отрицание? Если человек в тринадцать неполных лет любил яростно и страстно, то что же, с высоты своих пятидесяти — презирать себя за неадекватность избранницы? Так же и с историей. В ней был Сталин и сталинские репрессии, в это же время были Шостакович, Кабалевский, Хачатурян, Свиридов и Прокофьев, Гроссман, Ахматова и Пастернак, звучала музыка и рождались стихи. Уродливую форму, которую отлил Сталин, люди заполнили энергиями иных миров, и Грааль взорвался. Стенки сосуда не выдержали.

Проект «обновленного Союза» был разрушен на стадии инженерного осмысления — наверное, он не мог не быть разрушен при столь высоком оперативном напряжении и столь различных векторах развития, — но того, что удалось собрать и вновь пустить в дело при утилизации проекта, хватило, чтобы создать феномен шестидесятых.

¹Ютанов Н. Цветы для планеты Земля//Сообщение. №6. 2006.

²Лири Т. История будущего. СПб.: Янус, 2000.

Если, вместо того чтобы искать виноватых, проследить с любовью линии судеб, то выяснится, что в это самое послевоенное тоталитарное время Бог запросто гулял среди людей — иначе, откуда столько музыки, стихов и восхитительной романтической прозы? От подростка с его вечным другом Зигмундом Фрейдом таких талантов не дождешься. То ли Всевышний был как-то лоялен к коммунизму, то ли «меж оплывших свечей и вечерних молитв» бродил какой-то еще неведомый духовный пастырь, но в 1953 году, а точнее, начиная с 1948 года, создавался пласт культуры перехода от страстей по коллективному труду к гимну индивидуальной свободы.

Паровоз взорвался: умер диктатор Сталин в один день с композитором Прокофьевым, — вагоны, набрав прежде невиданную скорость, по инерции ехали в грядущую «революцию сознания» шестидесятых, время физиков и лириков, космической гонки и расцвета полузапрещенной литературы, «где колеблется розовый, немигающий утренний свет».

Роман И. Ефремова «Час Быка» вышел, но был изъят. Его, как водится, доставали и читали. Там было написано про то, что у нас в России случилось. Кому-то было выгодно закрыть простую цивилизационную истину: **«Лучше быть беднее, но подготовить общество с большей заботой о будущем»**. Кто, интересно, за ее прикрытие был даже готов рассекретить западные паттерны потребления? В восьмидесятые поезд коммунизма встал на прикол и далее был втихую сдан в металлолом.

В 2002-м на молодежном семинаре по геополитической стратегии России юная леди с музыкальным образованием сказала, что, если эпоха не создала своей музыки, значит, никакой эпохи и не было.

Сколько времени нам будут еще светить римейки? Хотя? Что музыке — взорвавшийся когда-то политический тягач?

«Битлз» ознаменовали революцию сознания в Америке, Американский университет мастеров (АУМ) в 60-е годы создал теорию постличиничной, свободной, стадии развития человечества. Российские барды 60-х лирично оплакали недостаток проектности у русской интеллигенции. Вновь объединенная Германия породила в конце 90-х имперские ритмы «Rammstein». Осколки российского рока разбились об ожидания перемен. Масс-культура, заполнившая сегодняшние стадионы, с трудом причисляется к музыке. По крайней мере — к божественной.

У нас в России во время концерта в филармонии не закусывают, а в Австралии — приносят одеяла, расстилают на свежем воздухе в парке, кушают и слушают классическую музыку. Потребление... Чья это мать? Не знаете?

ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА?

Подходящий к концу год был богат на яркие события, может быть, даже слишком богат. У каждого найдется своя шкала, чтобы оценить эти события по их значимости. Наверное, многие поставят на первое место начало новой «холодной войны» между Россией и Западом. Это действительно очень важно, но, на мой взгляд, не так уж ново: «холодная война» вернулась в самом начале 2000-х, когда Россия прекратила бесконечное отступление на международной арене и начала вспоминать то, чего не забывала никогда, — положение великой державы и вытекающие из него привилегии и обязательства.

Тем не менее в 2006 г., а затем и в 2007-м в отношениях между Россией и остальным миром действительно произошло немало интересного и значимого. Отметим, прежде всего, «газовый конфликт», случившийся в первых числах января, в самый разгар новогодних каникул. В споре России и Украины из-за тарифов на энергоносители обращает на себя внимание несколько стратегически существенных факторов.

Прежде всего, это — быстрота и точность реакции российского Министерства иностранных дел, ранее ему не свойственная: характерное время прохождения решения составляло 3-5 часов, а не те 72 часа, которые требуются для того, чтобы аппарат успел отработать ситуацию.

Во-вторых, это — неофициальная договоренность, достигнутая между Россией и Германией, причем речь идет не об официальной позиции Берлина, выраженной канцлером А. Меркель, — эта позиция была довольно невразумительной и, во всяком случае, неконструктивной, а о чрезвычайно резком, даже грубом политическом заявлении Г. Шредера, де-факто исключавшем Украину из числа субъектов европейской политики.

Газовый кризис 2006 года интерпретируется двояко.

Можно рассмотреть январские события в языке столкновения индустриальных и постиндустриальных методов принятия решений. В индустриальной парадигме действовали

официальной Берлин и Соединенные Штаты Америки. Напротив, газавики России и Германии, а также, что намного более удивительно, российский государственный аппарат принимали решения в логике «быстрого мира» и дипломатии реального времени. Америка со своими ядерными авианосцами и глобальной мощью безнадежно опаздывала с политической реакцией на события и местами выглядела смешно...

С другой стороны, можно вспомнить Пакт Молотова—Риббентропа и сказать, что произошел новый раздел Польши. Конечно, раздел в этот раз произошел по линии Керзона: Польша включена в германскую сферу влияния, что же касается Украины, то бывший канцлер, а ныне руководитель германской энергетики дал ясно понять, что пока не было Украины, не было и проблем с русским газом. Имеющий уши, да услышит...

В прошлый, позапрошлый и так далее разы Россия получила больше, но надо трезво смотреть на вещи: еще три года назад вообще ни о каком дележе не было бы и речи. Да и сегодня дело не в Украине и даже не в Польше. Все гораздо серьезнее.

Исторически раздел Речи Посполитой всякий раз является прелюдией к заключению русско-германского союза, который впоследствии оборачивается русско-германской войной. Это «последствие» иногда приходит буквально через несколько лет, иногда случается поколением позже. Впрочем, тот же исторический опыт доказывает, что для Германии такое развитие событий более опасно, чем для России.

Такую «картинку» можно раскрашивать в разные цвета: радоваться, что после десятилетия унижений Россия вновь обретает себя, огорчаться воссозданием «Империи Зла» и духа «холодной войны», ужасаться «кровавому и коррумпированному преступному путинскому режиму», гордиться великолепной (без всяких натяжек) работой российской государственной машины в январском кризисе. Но с января 2006 года Россия и для друзей, и для врагов вновь является одним из мировых центров силы. Во всяком случае, в энергетике.

В течение последующих месяцев Россия «примеряла» свою новую роль. Была обнародована концепция «энергетической сверхдержавы» и объявлено о начале программы развития ядерной энергетики страны. В это же время трудолюбиво разрабатывается концепция «суверенной демократии», в рамках которой начинается перестройка политической системы страны. Как следствие, происходит целый ряд пертурбаций: сколачивается «с миру по нитке» «Справедливая Россия», «Единороссы» объявляют себя «партией реального действия» и быстренько придумывают себе доктрину, рождается и умирает законопроект Мокрого—Жидких—Огонькова³ о назначаемости мэров губернаторами — политическая жизнь бьет ключом.

Одновременно разворачиваются и другие события, более опасные. Лето 2006 года отмечено нарастанием конфликта России и Грузии. Международное общественное мнение заняло прогрузинскую позицию (правда, боюсь, не только публика, но и политики не смогли бы объяснить, в чем именно эта позиция заключалась), в России махровым цветом распустились антигрузинские настроения и между делом прикрыли казино... Из чего я лично делаю вывод, что вся разборка была инспирирована с целью вульгарного передела московской собственности.

Конец года отмечен двумя странными политическими убийствами. Первой жертвой стала Анна Политковская, одна из героинь эпохи перестройки. Ее, отставшую от времени на десятилетие, навсегда застрявшую в тех годах, о которых многим очень хочется поскорее забыть, мало кто любил. Но от «не любить» до «убить» — очень большое расстояние. Не боюсь признаться, что совершенно не понимаю мотивов убийства Политковской. Для Запада и немногочисленной российской демократически настроенной общественности все очень просто: преступный режим убирает своих противников. Но даже оставляя в стороне моральную сторону дела, замечу, что эта гипотеза явно преувеличивает политическое значение Политковской, да и журналистов вообще. В век виртуальной реальности и Интернета журналист, даже владеющий действительно важной и эксклюзивной информацией, перестает быть субъектом политического действия, потому что понятие подлинности исчезло: компромат сейчас можно создавать из ничего и превращать в ничто. А поэтому за информацию не убивают. И за позицию не убивают тоже, потому что

3В конце октября 2006 г. депутаты из фракции «Единая Россия» Владимир Жидких, Владимир Мокрый и Алексей Огоньков внесли на рассмотрение депутатского корпуса поправки в Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Суть думских поправок заключается в предоставлении властям субъекта Федерации права решать, проводить или нет выборы мэра в столице региона. Согласно проекту губернатор может просто назначить главу регионального центра своим постановлением или указом.

<http://www.regnum.ru/news/745266.html>

пространство позиций плотно и любая востребованная точка зрения обязательно будет кем-то занята.

Убивают по глупости Но дураков и непрофессионалов в режиме чрезвычайного розыска обычно находят. Убивают из-за денег. Но Политковская в серьезных денежных делах не засвечивалась.

Проходит чуть больше месяца, и на первых страницах европейских газет начинается стремительно раскручиваться «дело Литвиненко», которое, разумеется, сразу же связывают со смертью Анны Политковской. Здесь разыгрывается уже полная фантазмагория с эпидемией радиофобии, несколькими международными скандалами, предсмертной запиской с подозрительно отточенными формулировками, вмешательством премьер-министров и парламентариев.

Вновь не вырисовывается ответ на вопрос, кому выгодно? Уж, во всяком случае, не России. Но и не Великобритании: смерть Литвиненко породила слишком много вопросов, неприятных для ее истеблишмента. Начиная хотя бы с выявившейся неспособности английской медицины поставить правильный диагноз.

Сам способ убийства выглядит на редкость вычурно. Полоний-210 — сильный альфа-излучатель, обладающий высокой токсичностью. Его не очень сложно получить: достаточно облучить висмут сильным нейтронным потоком. Нейтронных же излучателей по всему миру предостаточно, тем более что последнее время нейтронным облучением стерилизуют зерно. Так что, технически этот яд легко доступен и может быть изготовлен химиком или физиком средней квалификации, школьным учителем например. С другой стороны, он относительно дорог и очень сложен в применении. Отравить им массу людей и себя в том числе — проще простого, избирательно отравить одного человека почти невозможно. Наконец, у полония-210 есть особенность, очень неприятная для любого преступника, — он оставляет четкие радиоактивные следы.

Если и есть менее удачный яд для политического убийства, я, признаться, его не знаю...

Трагическая история с Политковской и Литвиненко совсем уж неожиданно закончилась болезнью Егора Гайдара, отравление которого не вписывается, кажется, ни в какую логику, даже «кровавого путинского террора».

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что политические убийства конца 2006 года, кто бы там ни был их исполнителем и заказчиком «на самом деле», использованы на Западе как инструмент воздействия на Россию. И это вполне в логике новой «холодной войны».

В той же предсказуемой логике «оранжевая контрреволюция» на Украине — приход к власти правительства Януковича и новый передел сфер влияния в стране. После «газового кризиса» другого решения за Украину не было. Как не было альтернативы и у Польши: в логике новой биполярности она просто обязана демонстрировать антироссийскую позицию. Другой вопрос, что никто не требовал от Леха Качиньского и от его брата, партийного лидера, окончательно терять чувство меры и блокировать переговоры между Россией и Европейским союзом... Хотя, почему же «никто»? Соединенные Штаты Америки выиграли несколько важных очков, публично продемонстрировав неспособность политических и экономических механизмов Европейского союза. Не говоря уже о том, что в любом конфликте между «старой» и «новой» Европой США имеют возможность занимать выгодную позицию арбитра.

Впрочем, на Польском фронте игра еще не закончена и очередной ход сейчас — за ЕС.

В логику новой «холодной войны» укладывается и саммит НАТО в Риге. Далее — молчание, потому что комментариев это театральное действо не заслуживает. Российское правительство его и не комментировало, что похвально.

При всей важности событий, происходящих в России и «вокруг России», содержание 2006 года для меня определяется не ими. Хочу сразу оговориться: «важность» события есть понятие субъективное. Изменение роли России в международном пространстве не было для меня неожиданностью, в отличие, например, от решения президента Украины Виктора Ющенко объявить Голодомор геноцидом украинского народа. Правда, депутаты поправили президента, исключив из законопроекта административную ответственность за отрицание голодомора, но мне страшно уже то, что такая строка в законопроекте была.

Проблема, конечно, не в Голодоморе, не в оценке сталинских репрессий и даже не в русско-украинских взаимоотношениях. Тревогу и страх вызывает сама тенденция устанавливать историческую правду административно-судебным способом. Украина, страна очень близкая нам, двигается по пути Австрии и еще десяти государств, где, как известно, отрицание Холокоста считается уголовным преступлением. И это не формальный, а действующий закон. Доказательством тому — процесс над известным историком-ревизионистом Дэвидом Ирвингом (его книга «Разгром конвоя PQ-17» считается классикой

военно-исторической науки). Ирвинг, известный ученый и уже очень немолодой человек, получил срок. В тюремной библиотеке он нашел свои книги. Сейчас их изъяли из библиотек нескольких стран. В том числе и из его тюремной библиотеки.

Я могу понять политиков, запрещающих людям свободно обсуждать и толковать историческое прошлое. Не понимаю только одного: у них-то какие могут быть претензии к Гитлеру или Сталину?

Нужно наконец понять, что свобода дискуссий, мнений, позиций — это не политическая, а экзистенциальная ценность. И перед европейской культурой нет преступления страшнее, чем ограничить право личности на сомнение в правильности устоявшейся оценки событий. Если Ирвинг считает, что Холокоста не было, он не только имеет право, но и обязан громко говорить об этом, а долг остальных, если они с ним не согласны, аргументированно отстаивать свою точку зрения.

Отступление великих европейских народов, к которым теперь присоединилась и Украина, от принципов, некогда сформировавших европейскую общность и современное мышление, — слишком важное событие, чтобы его можно было оценить по горячим следам. Но я думаю, в книгах будущих историков процессу Ирвинга, как и указу Ющенко, будет уделено должное внимание. Больше, чем безобразно раздутой СМИ «карикатурной войне», случившейся весной и летом 2006 года, и совершенно тривиальному криминально-этническому столкновению в Кондопоге осенью того же года.

Весьма существенным итогом года представляется мне также крупнейшее поражение, которое «цивилизованные страны» понесли в 2006 году от террористов. Я не хочу вдаваться в подробности подготовки известных террористических актов в Лондоне, тем более что они имеют на себе явный отпечаток работы «чьих-то» спецслужб. Замечу лишь, что реакция «международной общественности» на воображаемые или предполагаемые теракты выглядит традиционно неадекватной. Интересно, кто-нибудь подсчитал реальные экономические, политические и гуманитарные потери, вызванные непрерывным ужесточением контроля в аэропортах? В конечном итоге принятые меры понижают связность цивилизации, то есть саму основу существования современного мира. Если такое положение дел — не победа террористов, то я, право же, не знаю, что должно считаться победой? Полный паралич воздушных трасс?

Во всяком случае, уже сегодня я на месте террористов не столько устраивал бы реальные попытки захватывать и взрывать самолеты, сколько распускал бы слухи об этом. Затраты меньше, а экономический, политический и моральный эффект вполне адекватен.

Среди прочих мировых событий выделяются конфликты вокруг ядерных программ Северной Кореи и Ирана, наглядно свидетельствующие о том, что «время жизни» Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) подходит к концу.

Остальные события дадим списком.

В 2006 году Израиль опять воевал с Ливаном: Израилу удалось добиться поставленных целей, но политически дорогой ценой.

Во Франции продолжали жечь автомашины, хотя и не столь эффективно, как в 2005 году.

В Кот-д'Ивуар с переменным успехом прошел государственный переворот. В Таиланде переворот носил военный характер и завершился успешно, несмотря на отдельные «помарки». А вот в Венгрии правительство сохранило власть, несмотря на сильнейшее народное возмущение.

В Японии сменился премьер-министр, но политика страны осталась политикой Д. Коидзуми. Три или четыре раза за год японские руководители официально объявляли миру, что Япония, конечно, может делать ядерное оружие, но не делает и делать не будет. Первый раз я поверил, второй — усомнился... Россия зачем-то подписала протокол с США относительно вступления в ВТО. По-моему, вступление в эту организацию постепенно становится в нашей стране излюбленной народной игрой, где важен не результат, а участие.

В США республиканцы утратили большинство в сенате, что привело, в частности, к отставке Д. Рамсфелда. На повестку дня встал вопрос о коренном изменении американской политики после 2008 года. Но «проблема 2008» — совсем другая история...

(РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АМЕРИКЕ И АМЕРИКАНЦАХ)

— Капитан,— спросила нарядно одетая дама.— А что случится, если наш корабль столкнется с айсбергом?
— Да, ничего особенного. Айсберг как плыл, так и будет плыть.

Канун выборов в США. Россияне, недавно пережившие нечто подобное, улыбаются. Все-таки ничто так не поднимает национальное самосознание, как наблюдение за чужими политиками. Действительно, на фоне сегодняшних кандидатов на пост лидера крупнейшей мировой державы не только Путин с Медведевым, но, пожалуй, и Ельцин с Зюгановым выглядят очень и очень достойно. Самое время бросать в воздух чепчики и кричать: «Вперед, Россия!»

Выборы в США действительно выдержаны в стиле шоу «За стеклом-2» с Ксенией Собчак в качестве ведущей. Чтобы зрителям было удобнее следить за происходящим, кандидаты носят запоминающиеся маски, и не составляет труда восстановить прослушанную реплику в диалоге или даже подробность случайно пропущенного эпизода.

Вот президент Джордж Буш-младший, сынок Старшего — классический Старый ковбой с улыбкой в стиле: «Здесь нечисто играют!»

Кандидат Маккейн выбрал маску Параноика-Антикоммуниста. Коммунисты, правда, в основном, вымерли, но так даже смешнее.

Хиллари Клинтон — разумеется, Беспощадная стерва. Ее участие в предвыборной кампании повышает зрительский рейтинг мероприятия хотя бы тем, что заставляет вспомнить про Билла Клинтона и Монику Левински, а «Секс в большом городе» всегда популярен у населения. Даже жаль, что «режиссеры» вычеркнули ее раньше времени... вероятно, не сошлись в сумме гонорара.

Барак Обама — эту фигуру можно раскрашивать и в трагические, и в комические цвета. От: «Вчерашний раб, татарин, зять Малюты...» до «Ай-я-яй, убили негра!» Во всяком случае, наличие этого кандидата придает шоу шарм, присущий любой клоунаде.

Скорее всего, его выберут президентом. Скорее всего, потом какой-нибудь Ли Харли Освальд его застрелит, и историки сорок лет будут разбираться, действовал ли преступник в одиночку, или это был хитрый заговор ЦРУ, ФБР и Госдепартамента. Вряд ли кто-нибудь начнет всерьез искать Сценариста, Режиссера и Продюсера, тем более что они, скорее всего, и не люди вовсе, а что-то вроде воплощения коллективного бессознательного.

Предстоящие выборы очень важны для Америки. Соображения общеполитические указывают, что страна, оказавшись неоспоримым мировым лидером, попала в известный сюжет гибели Рима, причем последовательность событий на десятилетия вперед может быть выписана очень точно. Все это мы уже проходили не раз: после Римской империи погибла испанская католическая сверхдержава, а уже почти в наши дни — «владычица морей» Великая Британия. Понятно, что до грядущей катастрофы еще далеко, но с каждым шагом в глубь сюжетной воронки повернуть назад все сложнее.

Соображения стратегические рисуют картину трагических ошибок, совершенных администрацией Дж. Буша за восемь лет ее несчастливого правления. Началось все с памятной атаки на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года. Удар был впечатляющим, хотя для такого государства, как США, малозначимым. До сих пор неизвестно, сколько именно людей погибло в Башнях-близнецах (американцы говорят о более трех тысячах погибших, оценки экспертов дают вдвое большие цифры), но, во всяком случае, — намного меньше, чем от медицинских ошибок или дорожных аварий.

Реакцией руководства США на террористический удар из ниоткуда стал террористический удар в никуда. Две войны: с Афганистаном и Ираком. Понятно, что потери среди жителей этих стран никто не считал, а на грубое нарушение международного права державе-гегемону всегда было глубоко плевать. Но! В данном случае обе войны оказались для США убыточными финансово. А поскольку народ великой западной демократии воспитан в том духе, что пролитая за океаном кровь должна приносить прибыль, возникло недовольство деятельностью администрации, тем более что Буш, пытаясь удержать на плаву иракскую кампанию и американскую экономику, плавно опустил доллар на треть номинала.

Замечу здесь, что как раз это решение Дж. Буша было совершенно правильным, хотя и

запоздавшим. Но такая операция, как дефолт, требует виртуозного владения экономическим инструментарием, да и доля везения не повредит. Дж. Буш-младший, увы, не С. Кириенко и даже не Б. Ельцин. В итоге доллар упал, качество жизни населения упало, а на соотношении экспорта и импорта эта мера почти никак не сказалась и даже не снизила остроту ипотечного кризиса.

Войны дорого обошлись Америке и ее экономике, но среди последствий падения Башен не они были самыми серьезными. Для того чтобы отстроить ВТЦ, нужно два-три года. Для того чтобы оплакать американцев, погибших среди руин небоскребов, в рухнувших самолетах и на азиатских фронтах, и вырастить им замену, нужно двадцать лет. Поколение. Но и сотни лет не хватит, чтобы восстановить ту американскую свободу, которая была зачеркнута терактами 11 сентября. Для американцев 1990-х годов (не говоря уже о 1960-х) сегодняшние Штаты показались бы тюрьмой, тоталитарным полицейским государством, до боли напоминающим знакомые с детства карикатуры на Советский Союз или хомейнистский Иран. «Лучший способ избавиться от дракона — это иметь своего собственного?»

На уровне тактики проблемы множились проблемами же. От привычных коррупционных скандалов с использованием президентских привилегий до ипотечного кризиса, от дела фармацевтической компании Enron до продажи японской Toshiba такой значимой корпорации, как Westinghouse Electric. Да еще ураган «Катрина» в Нью-Орлеане и катастрофа шаттла «Колумбия».

При этом нужно учесть, что впечатляющие цифры американского валового продукта в значительной мере объясняются практикой «двойного счета» и капитализацией на территории США мировых транснациональных корпораций. Когда-то таким центром капитализации был Лондон, а завтра им может стать Токио или Шанхай.

История США убедительно демонстрирует силу этого государства и его способность к выживанию. Именно в критический для страны момент воля народа, случайность, американский Бог... что-то выталкивает на политическую авансцену именно того президента, который способен не только спасти Америку, но и превратить кризис в источник развития и трамплин для процветания следующих поколений американцев. Это — тоже сюжет, освященный именами Джона Кеннеди, Франклина и Теодора Рузвельта, Авраама Линкольна, Джорджа Вашингтона и многих других.

Откровенно говоря, я был уверен, что победу на выборах 2008 года одержит демократ, что это будет человек с интеллектом Клинтона, мудростью Франклина Рузвельта, волей — Теодора, энциклопедизмом Вильсона и харизмой Линкольна. Я полагал, что содержанием политики нового президента станет возврат к доктрине Монро⁴: избыточный контроль над Западным полушарием ценой отказа от империалистической политики в Евразии и Африке. Далее — решение экономических проблем, преодоление кризиса в энергетике, новый технологический прорыв, причем не только в мейнстриме (нано-, био-, инфотехнологии), но и, прежде всего, прорыв в технологиях управления.

Невооруженным глазом видно, что наши красавцы из шоу «За стеклом» ничего подобного сделать не в состоянии. Похоже, они даже не подозревают, что в стране системный политический и экономический кризис. «Если б Остап узнал, что он играет такие мудреные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он крайне бы удивился».

Так что же, когда Господь решает наказать страну, он лишает ее достойных руководителей? Так рассуждают сегодня в Европе и Китае, в Японии и Иране, и, конечно, в России. Наша страна как раз завершает путь от комплекса неполноценности к комплексу превосходства (всего-то и потребовалось: один хороший президент, восемь лет и благоприятная конъюнктура цен на углеводороды), так что россияне не преминут лишний раз посмеяться над действующим мировым гегемоном.

«Буш звонит Путину и просит его не изымать русские деньги из американских банков.

Путин прикрывает трубку рукой и спрашивает у Медведева:

— Что с них потребовать за это?

— Что с них возьмешь, обнищали совсем,— говорит Медведев.— Пусть для хохмы

⁴Доктрина Монро — идея провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала Дж. К. Адамсу, государственному секретарю в администрации президента Джеймса Монро (1758—1831). Президент Монро согласился с мнением своего государственного секретаря, но счел более разумным не распространять такое заявление по дипломатическим каналам, а включить его в очередное ежегодное послание президента к Конгрессу Соединенных Штатов, которое было зачитано 2 декабря 1823 г.

изберут президентом негра».

Смеяться над развлекательным предвыборным шоу действительно не грешно, но было бы опасно, и я сказал бы смертельно опасно, принимать это шоу за чистую монету и оценивать сегодняшние Штаты по интеллекту Дж. Буша, а американский образ жизни по проверкам в аэропортах, харассменту или политкорректности.

Америка напоминает айсберг, ее невидимая подводная часть больше и значимее, чем надводная.

В своих расчетах выборов 2008 года я не учел одну немаловажную деталь: к концу 2007 года, когда выявились проблемы с ипотечными кредитами и одновременно стало ясно, что в Южной Америке «что-то происходит», осторожные и разумные стратегии перестали быть для США актуальными. Поздно! Поезд ушел. Разумеется, американские аналитики — лучшие в мире! — поняли это до того, как сложился Южноамериканский союз и всерьез встал вопрос о южноамериканской валюте, конкурентной доллару.

В новой ситуации новая доктрина Монро уже не спасает положения. Южная Америка — и уже не только Венесуэла, но и Бразилия с Аргентиной — должны рассматриваться в лучшем случае как конкурент, в худшем — как противник. Решать южноамериканский вопрос силой — это сразу после Ирака или параллельно с Ираком ввязываться в военную кампанию, не имеющую границ и экономически провальную.

Итак, доктрина Монро не поможет. «Нормальный» империализм ведет в пропасть «гибели Рима». Внутри страны положение крайне напряженное, и по мере ухудшения экономической ситуации проблемы усиливаются, причем средний класс — гарант социальной устойчивости — по сути уже уничтожен антропотокм из стран третьего мира.

Советский Союз сдался в подобной ситуации.

Но если Россия имеет многовековой опыт успешно подниматься с колен, то Соединенные Штаты никогда не вставали на колени. И оказавшись в сложнейшей за всю историю страны ситуации, американские элиты начали поиск выхода. Последние годы в США — время огромной поисковой активности — в литературе, в кино, на телевидении, в науке, в культуре.

Прежде всего американских граждан стали мягко учить, что не все на свете кончается хэппи-эндом. Последний «Терминатор» отнюдь не венчается победой «светлых сил». Умирает главная героиня «Моста в Терабитию». Погибают все герои «Монстро». Американцам объясняют суть формулы: делай, что должен, и будь, что будет. Это — ресурс, и мы знаем, насколько велик этот ресурс.

В «Крепком орешке 4.0» дочь главного героя, захваченная в заложники, получает возможность поговорить по телефону с отцом: похитителям нужно продемонстрировать, что она еще жива. Четырнадцатилетняя девочка произносит: «Папа их всего четверо вместе с главным». И связь обрывается.

Извините, но это — уже совсем другая Америка, и против нее привычные русские козыри могут и не сыграть. Скорее всего, не сыграют.

Д. Симмонс и В. Виндж, оба, кстати, математики по образованию, подвергают литературному анализу ряд сценариев Будущего, разработанных американскими фабриками мысли. Речь идет не о тех сценариях, которые опубликованы в отчете RAND Corporation⁵ и вызывают у нас смех своей убогостью. Увы, «тупые американе» всерьез интересуются дальними социальными аспектами информатизации («Падение Гипериона»⁶) и внедрения нанотехнологий («Олимп», «Илион»⁷). Не секрет для них и «предельный переход» от эволюционного к спонтанному социальному развитию («Затерянные в реальном времени»).

Четвертый или уже пятый год идет на американских экранах сериал про доктора Хауза. Конечно, Америка страна политкорректная и законопослушная, только вот главный герой этого сериала — и герой *безусловно* положительный — наркоман и грубиян, ведет себя по отношению к Закону, как новый русский из анекдотов, отпускает малопрстойные в пуританской стране шуточки в адрес женщин, не особенно различая начальницу и подчиненных. Да еще он агрессивно не верит в Бога и даже не пытается уважать веру других людей.

Но он спасает людей. Любой ценой и невзирая ни на что.

⁵Примером могут служить прогнозы Rand Corporation. Исследования С. Хантингтона по «конфликту цивилизаций» также проводились в рамках Think Tank'a.

⁶Симмонс Д. Гиперион. М.: АСТ, 2003.

⁷Симмонс Д. Илион. Олимп/Романы. М.: АСТ, Хранитель, 2007.

Он ищет истину. И тоже — любой ценой и невзирая ни на что.

Он руководит групповой работой, до странности напоминающей организационно-деятельностную игру по методике Г.П. Щедровицкого⁸. Самый эффективный и самый жесткий метод групповой работы. «Только смертельно обиженный методолог может начать мыследействовать». Да, мы тоже это умеем, и на самом деле умеем больше. Но у нас это умение — ноу-хау единиц, может быть, десятков.

У них — телевизионный сериал, массовый тренинг на всю Америку.

Есть еще и Дж. Мартин со своим обстоятельным фантастическим анализом Средневековья — кивок неофеодальному пути развития, и когнитивный телесериал «Firefly» Дж. Уидона — космическая опера с постиндустриальной свободой отношений. При этом я учитываю только произведения, которые уже дошли до нашего рынка и представлены в поле русского языка.

В науке США не только всерьез вкладываются в нанотехнологии, но и, не афишируя особо, занимаются нечетким управлением и бесцелевыми стратегиями. Их энергетическая программа эгоистична донельзя, но она выполнима и — худо-бедно обеспечит американскую экономику электроэнергией. А это позволит и дальше капитализировать мировые ТНК на территории США, даже если доллар будет продолжать падать в цене.

Американцы ищут выход.

Они еще не нашли его и поэтому взяли тайм-аут на предстоящие выборы. В конце концов, в критической ситуации, если тебе позарез нужно выиграть время, сойдет и маска шута горохового.

Шоу «Обама—Маккейн» будет продолжаться.

И будет продолжаться подспудная работа американских знаниевых структур, которых у них, по моим подсчетам, наберется с полторы тысячи против четырех— пяти российских.

«НЕ ПАХЛО ИНОСТРАНЦИНОЙ, ПАХЛО РЕВОЛЮЦИЕЙ»

Кто-то хнычет,
Кто-то пишет -
Оба тратят время даром,
Нет на свете правды выше,
Правды фланговых ударов.

Л. Вершинин

Я далек от мысли, что культура, даже в самом широком ее смысле, спасет мир. Я некоторое время своей жизни жил в Утопии СССР и знаю, что такое бывает. И это было прекрасно. Сегодня, как аналитик эры потребления, я решаю задачи прагматично, по мере их поступления от заинтересованных лиц, и при этом не свободен от веры в то, что Россия когда-нибудь «вепрянет ото сна». Я имею в виду сон онтологический. Потому что технологические проблемы Россия успешно решает. При президенте Путине, по крайней мере, никто не обвинит Россию в низких темпах роста ВВП. А если что, то мы вспомним советское, анекдотичное: «нехай клеветьют!». И в области балета мы опять «впереди планеты всей».

У нас на дворе золотой век. Последние 5—10 лет перед кризисом. Мировым. Огромным. Таким, который поменяет структуру мира: в сторону нового неизведанного когнитивного общества или в сторону феодализации и упрощения, или продлит глобальную эпоху «елочных игрушек, которые не приносят никакого удовольствия» до последнего, и снова — закат Европы, откат назад и падение нравов. Такое мы уже наблюдали в истории, хотя бы и с Римской империей. Все сценарии развития сегодняшней индустриальной цивилизации: инерционный (глобализация forever), когнитивный (прорыв) или неофеодальный (размонтирование) уже акцептованы в культуре. Осталось лишь выбрать, что нравится, что по силам, что проросло естественно, а не приживлено из слепого подражания чужому.

В 2007 году Президент России озвучил перед примолкшим в недоумении саммитом G8 цивилизационную задачу России как мирового переводчика смыслов. Конкурентами России в этой области являются японский когнитивный проект «Внутренняя граница. Цели Японии

8 Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности/ В сб.: Методы исследования, диагностики и развития международных коллективов. М., 1983.

в XXI веке»⁹, англосаксонское право и американские авианосцы. Несмотря на то что грядущие геополитические битвы могут проходить на полях культуры, «верблюда приходится привязывать» и строить и строить малозумные, бесшумные, лучше и вовсе необнаружимые лодки с ракетами.

Для эпохи 2000-х годов, несмотря на неявную, умалчиваемую, но все же гонку вооружений, знаковой метафорой является проектная форма разрешения противоречий. Проявляются как факторы планетарного значения китайский и индийский проекты неоиндустриализации, причем на их фоне сразу же теряют свою значимость экономические и технологические успехи «тигров Юго-Восточной Азии». Заявляет о себе Исламский протоиндустриальный проект, в результате чего политическое содержание десятилетия выливается в ряд «межцивилизационных» (по С. Хантингтону) столкновений: войны США в Афганистане и Ираке, война России в Чечне, обострение борьбы в Турции и Палестине, кризис вокруг Иранской ядерной программы. С этим же проектом связано нарастание мировых антропоток и становление экономики ремитанса¹⁰.

На Дальнем Востоке проектным противовесом Китаю становится Япония, заявившая собственный проект когнитивного развития. Проектные формы постиндустриальной деятельности инсталлируются и в других развитых странах: Соединенных Штатах Америки, Европейском союзе, России.

Необходимо подчеркнуть, что из всех перечисленных выше проектов и проектностей в мировом информационном пространстве представлен только японский. В этой связи правомочен вопрос, что дает нам право говорить об остальных проектах и приписывать им определенное культурное содержание? В том числе и о русском проекте, русском будущем?

Мы понимаем национальную или наднациональную цивилизационную проектность как эффективную форму упаковки всех видов деятельности, направленных на разрешение одного или нескольких базовых мировых противоречий. Поскольку все развитые нации, государства и культуры сталкиваются сейчас с вызовами глобализации, терроризма (фазовых войн), ресурсной недостаточности в форме демографического, кадрового или энергетического кризиса, а также с вызовом экзистенциального голода¹¹, они вынуждены как-то реагировать на эти вызовы. Современной формой такой реакции являются национальные и наднациональные программы развития, а также институциональная деятельность. По мере продуцирования новых и новых программ и усложнения институциональной среды возникает необходимость в специфическом интегрирующем механизме, регулирующем процессы взаимодействия в пространстве управления. Среди таких механизмов наиболее простым и изученным является мегапроект. Такой проект обязательно содержит в себе какую-то рабочую онтологию как необходимое условие согласования разнородных институционально-программных конструкций, целевую рамку

9Frontier within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium Japan's Goals in the 21st Century// Report of the Prime Minister's Commission. Japan, 2000.

10Ремитанс (от *англ.* remittance — дословно: денежный перевод) — заработанные иммигрантами деньги, поступающие в страны исхода. Ремитанс — крупнейший (в ряде случаев ключевой) источник финансирования развивающихся стран: суммарно денежные переводы гастарбайтеров нередко превышают объемы иностранных инвестиций/гуманитарной помощи и поступлений от экспорта, вместе взятых. Стабильный ремитанс способствует возникновению устойчивой финансовой зависимости страны-получателя от страны-отправителя (которая является обратной стороной зависимости стран-реципиентов иммиграции от стран-поставщиков иммигрантского труда). Считается, что ремитанс предпочтительнее правительственной помощи (и потому более выгоден налогоплательщикам стран-отправителей), поскольку это прямой и, следовательно, более эффективный канал помощи развивающемуся миру.

11Под экзистенциальным голодом понимается потеря обществом трансцендентной рамки и редукция социально значимого потребления к материальному потреблению.

Экзистенциальный голод проявляется в страхе смерти, страхе изменений (инновационном сопротивлении), ощущении бессмысленности существования, синдроме хронической усталости. Общества, утратившие экзистенцию, тяготеют к точной регламентации всех сторон жизни и деятельности — к ритуальности, а также к формализации общения, смещению баланса социосистемных деятельностей в сторону контроля и эстетизации, навязчивому продуцированию всевозможных мер по обеспечению безопасности, повышенному вниманию к проблеме продления жизни вплоть до физического бессмертия. Для таких обществ характерен кризис первичных форм социальной организованности: семьи, рода, домена.

как обоснование общественных затрат, сценарную схематизацию развития как инструмент управления, определенные представления о последовательности реализации («дорожную карту») и оценку времени осуществления.

Далеко не всегда интегрирующий проект оформлен в виде единого, всеобъемлющего, официально представленного документа, фиксирующего и разъясняющего приоритеты национального (наднационального) развития. Принятие подобного документа подразумевает акт политической воли, которого трудно ожидать от парламентов, правительств и международных организаций эпохи посттоталитарной демократии. На практике проект собирается из множества частных текстов: заявлений, программ, стратегий, доктрин, связанных общей онтологией и консенсусом управляющих элит.

Мегапроекты могут носить локальный или же глобальный характер. Глобальные проекты оперируют не только собственными, но и заимствованными ресурсами и смыслами. Иначе говоря, они строят не только свое будущее, но и чужое.

На глобальную проектность обречены Соединенные Штаты Америки, что обусловлено «штабным», глобализированным, характером американской экономики, статусом доллара как одной из мировых валют, претензиями страны на планетарное лидерство.

Глобальный, наднациональный характер носит по построению интеграционный проект Европейского союза, предусматривающий создание единого деятельностного, правового и коммуникационного пространства с неопределенной территориальной привязкой¹². Такая же глобальность лежит в основе исламского проектирования: пространство Ислама задано общей онтологией, единством конструкции правовой системы, особенностями экономической жизни и финансовой системы, исторической памятью. Для обустройства и обслуживания этого пространства страны Ислама создали специальный институт — организацию Исламская конференция (ОИК). В сущности, ОИК, подобно ЕС, может быть определена как ареал действия определенных правовых сервитутов.

Размеры России, ее полистратегичность, ее географическое положение, задающее вектора взаимодействия с тремя мировыми цивилизациями, ее исторический опыт существования в форме проектной Империи¹³, — все это приводит к тому, что для России возможна лишь глобальная проектность или же — никакой.

Наконец, претендуют на глобальность Япония и Китай. В японских программных документах претензия на глобальное, мировое, проектирование предъявлена явно. Для Китая глобальный характер развития связан с избытком демографического ресурса, общемировым характером расселения диаспоры при сохранении экономических, культурных и отчасти политических связей с метрополией, потребностью в контроле над глобальными рынками. Кроме того, для обеих стран необходимость вовлечения в свое проектирование чужих ресурсов и сущностей обусловлена взрывной, неустойчивой динамикой Азиатско-Тихоокеанского региона, где вызовы и противоречия современного мира достигают предельных значений.

Интенцию к глобальности, связанную с демографическим фактором, проявляет Индия, хотя сегодня индийский проект выглядит скорее региональной версией китайского, нежели претензией на самостоятельную роль¹⁴.

Остальные страны, насколько можно судить, ограничиваются локальными проектными инициативами, некоторые из которых могут при определенных условиях обрести наднациональный статус.

¹² Уже сегодня на повестке дня стоит вопрос о включении в состав ЕС азиатской Турции. Обсуждаются кандидатуры Армении, Грузии, Туниса, Марокко.

¹³ Последовательно Россия осуществляла с большим или меньшим успехом православный, славянский и коммунистический глобальные проекты.

¹⁴ Индия имеет давнюю традицию мультитрансцендентной глобальной проектности, но эта традиция была основана на кастовой системе и специфике местных элит (ситхская и пуштунская военные и т.д.). Разделение единого организма Индии на собственно Индию, Пакистан и невразумительную искусственную конструкцию, называемую сначала Восточным Пакистаном, а потом Бангладеш, освобождение Цейлона и экзистенциально важных северных княжеств — Непала и Бутана, самостоятельность Бирмы — все это привело к противостоянию ислама, буддизма и индуизма и невозможности перехода к сложным формам идентичности, необходимым для инсталляции проектов, претендующих на глобальный статус. Ситуация может резко измениться, если наметятся какие-то формы организованности в логике Большой Индии: Британская Индия (Пакистан, Индия, Непал, Бутан), Шри-Ланка, Бирма. Такое объединение, пусть столь же условное, как в структуре ОИК, безусловно, породит пространство глобального когнитивного проектирования.

Проекты, как локальные, так и глобальные, могут носить различный фазовый характер. Китайские и индийские экономические инициативы носят все признаки капиталистической экономической модернизации. Эти страны претендуют на звание современной «мастерской мира», позицию мировых центров производства низко- и среднетехнологичной продукции. Иными словами, они строят у себя высокоразвитую индустриальную экономику, повторяя путь, который страны Европы и США, Япония и СССР прошли 50-100 лет назад. Эти проекты, следовательно, имеют индустриальное содержание.

Исламский проект обычно называют «неофеодальным», имея в виду, что он предусматривает деструкцию высокоразвитых форм производства, катастрофическое упрощение всей системы антропосред, перенос центра экономической жизни в деревни и малые города, известное возрождение традиционных форм и форматов жизни и деятельности. В действительности, однако, речь идет скорее о раннеиндустриальных экономических структурах, нежели о традиционных¹⁵. Другой вопрос, что исламский проект подразумевает существенную модификацию капиталистической системы хозяйствования с целью сделать ее совместной с исламской онтологией, которая, в частности, отрицает ссудный процент и тем самым банковский капитал. Отнесем этот проект к протоиндустриальным.

Наконец, проекты, предусматривающие разрешение фазового противоречия через создание новых социальных, политических, экономических, правовых, коммуникационных, психологических институтов, деятельности, практик и технологий, будем относить к когнитивным. Условиями когнитивного проектирования являются:

- наличие ранее построенной индустриальной экономической базы
- сложные, комплексные формы идентичности
- содержательная онтология, включающая мультитрансцендентность или новые формы экзистенциального опыта
- осознанное конструирование мира Будущего как Иного, Нового, Спонтанного

Перед следующим президентом РФ встанет задача озвучить Русский когнитивный проект, а это означает, прежде всего, проявить онтологию, если она есть, и создать — ежели вдруг ее нет. Вполне возможно, что, несмотря на привычность к так называемой московской (европейской) централизации, развитие Проекта века начнется как раз с Востока, с пассионарного Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Россия имеет свои ресурсы и свои амбиции. Мы еще можем пожить в двустоличье Москва—Владивосток и собрать в русском языке смыслы Азии и Европы. Для этого личность, начинающая этот проект, должна выйти из пространства истории и жить в пространстве культурных уникальностей. Собрать пазл из двухсотмильных зон социокультурных и экономических проникновений государств друг в друга... Такого не выдержит никакая глобализация. А может, и пусть ее...

В ОЖИДАНИИ «ГИБЕЛИ БОГОВ»

Говорят, что будущее легко предсказать, но трудно сделать это достаточно точно. В действительности история вероятностна, и поэтому никакого «правильного» прогноза не существует: версия, которую мы предвидим и выстраиваем, может стать Текущей Реальностью, а может ей и не стать. От нас это слабо зависит, хотя есть такие прогнозы,

¹⁵Концепция «неофеодализма», если понимать этот термин буквально, содержит две забавные ошибки. Во-первых, немалая часть индустриальных и постиндустриальных знаний и технологий носит пороговый характер: их трудно создать, но если уж они созданы, их проще сохранить, чем потерять. Во-вторых, катастрофическое упрощение социосистемы происходит «по рубежам»: если откат к прошлому не удалось остановить на стадии генезиса текущей фазы развития, то деструкция будет продолжаться до ранних стадий предыдущей фазы. Иными словами, социальная, военная или космическая катастрофа может отбросить человечество к раннеиндустриальной эпохе (и скорее в эпоху промышленного переворота, чем во времена Реформации), может, к Темным векам, причудливо соединяющими в себе элементы зарождения и распада традиционной фазы развития: по целому ряду параметров эта эпоха повторяет черты неолита. Но вот упасть в «высокое Средневековье», «Возрождение» или эпоху расцвета рабовладельческих империй не удастся — соответствующие структуры неустойчивы по отношению к процессу катастрофического упрощения. В дальнейшем мы будем использовать устоявшийся термин «неофеодализм», имея в виду возможность инсталляции некоторых реликтовых социальных и культурных механизмов при раннеиндустриальном характере экономики. Некоторое представление об особенностях такого «неофеодального» мира дает Туркмения времен Ниязова.

которые обладают тенденцией **проектно сбываться**. Например, сценарное предвидение аналитиков ЦРУ о грядущем распаде России...

Я знаю точно, наперед —
Сегодня кто-нибудь умрет.
Я знаю где и знаю как,
Я не гадалка, я — маньяк...

Но у всех вариантов, если, конечно, они грамотно составлены, существует общее ядро. В теории сценирования оно носит название «**Неизбежного будущего**». Что бы мы ни делали сейчас, какие бы решения ни принимали — «поезд мгновенно остановить невозможно». Социальные системы обладают огромной инерцией, и некоторая часть Будущего принципиально неотвратима, нравится нам это или нет.

Есть, напротив, «**Невозможное будущее**»: варианты развития, запрещенные известными, надежно установленными социальными законами. Например, невозможна **глобальная** термоядерная война, это противоречит «закону неубывания структурности сложной системы». Нельзя повысить рождаемость среди титульного населения индустриальной или постиндустриальной страны выше чем до 1,9 ребенка на семью — так утверждает «демографическая теорема». Нереализуема в принципе принятая лидерами G8 концепция «устойчивого развития» — здесь в роли «принципов запрета» могут выступить хоть законы диалектики, хоть методы вполне стандартного геополитического анализа.

Между Неизбежным и Невозможным будущим лежит Реальное будущее, которое, как я уже сказал, вариантно. Выбор одного из вариантов подразумевает переход от **Пространства сценирования** к одному-единственному Базовому сценарию и последующий возврат к проектной деятельности. Вы *проектируете Будущее* вместо того, чтобы *предсказывать* его. Но необходимо иметь в виду, что Вы — далеко не единственный проектант и Будущее будет создаваться в столкновении антагонистических или во взаимодействии кооперативных проектов. В теории сценирования такое столкновение учитывается в виде рисков Базового сценария.

В описании метод сценирования довольно прост. Сначала Вы ищете субъекты сценирования — тех игроков на мировой (региональной, страновой, личной) «шахматной доске», которые участвуют в проектировании значимых для вас и вашей задачи сторон Будущего. Затем вы просчитываете объективные тренды развития, проявленные уже сегодня или готовые проявиться завтра, и тем самым определяете Неизбежное будущее.

На следующем такте вы учитываете субъективный характер исторического развития, для чего проводите ролевую сценарную игру. Это — самый сложный и самый дорогостоящий этап работы. В ходе подготовки, которая должна длиться несколько месяцев, игроки и посредник изучают особенности субъектов сценирования. Затем — в ходе самой игры — игроки моделируют возможные действия субъектов, в то время как посредник учитывает объективные тенденции, общемировые закономерности и «держит рамку» возможного Реального будущего.

Затем игра анализируется, определяются критические решения, принятые игроками, на основании этих решений выстраивается система развилок и создается пространство сценирования. В этом пространстве выбирается — вами или заказчиком — траектория, отмечающая базовый сценарий, выстраивающий то Будущее, в которое вы хотите попасть. Сценарии, альтернативные к базовому, рассматриваются как его риски, сценарные развилки определяют возможные принципиальные решения и привязывают их ко времени, когда они должны будут быть приняты, — так определяются «**окна возможностей**». На следующей стадии происходит возврат в пространство проектирования и на основании базового Сценария создается проект развития. Как сказал бы Винни Пух: «По-моему, так».

Базовый сценарий, реализованный в виде проекта или мегапроекта, может быть руководством к действию или же ничем. Беда России в том и состоит, что в стране наблюдается паралич политической воли, который затрудняет переход от сценирования Будущего к его проектированию. В кругах экспертов, занимающихся прогнозированием, шутят: «У нас в стране есть только два сценария — инерционный и нереалистический».

Впрочем, нет худа без добра: по той же причине, то есть из-за отсутствия политической воли на уровне высших элит, Россия смогла избежать включения себя в чужие конструкции Будущего в качестве одного из объектов проектирования. Так что пока еще мы не потеряли шансов обрести субъектный статус и стать одним из ключевых игроков на рынке Будущего.

Ни у кого нет монополии на разработку сценариев Будущего. Это — сложная работа, требующая коллективных усилий. Япония, которая при премьер-министре Коидзуми

профессионально занялась разработкой концепции постиндустриального развития страны, создала для этой цели специальную комиссию, в которую вошли ученые, политики, представители деловых кругов, писатели, деятели культуры, военные, космонавт и даже гейши. Результатом работы этой исследовательской группы стал замечательный документ «Внутренняя граница. Цели Японии в XXI веке»¹⁶, в соответствии с которым страна приводит ни более и ни менее чем свою Конституцию. Важную роль в реализации этого проекта играют, в частности, художники-мультипликаторы, чья деятельность способствовала распространению в мире моды на анимэ.

Текущий момент характерен, интересен и страшен тем, что резко снижается вариантность Будущего, иначе говоря, Неизбежное почти смыкается с Невозможным, оставляя очень тонкий «зазор» для самостоятельного исторического творчества.

Мы живем в конце эпохи. Индустриальный мир достиг предела своего развития, и все четыре базовые деятельности Человечества — познание, обучение (воспроизводство накопленной информации), управление и производство — находятся в тяжелом и длительном кризисе. Падает производительность капитала и растет норма эксплуатации — везде. Падает возраст потери познавательной активности у детей, и школа уже не в состоянии с этим справиться, в результате чего резко снижается грамотность и теряется онтологическая «рамка» — везде. Уменьшается эффективность труда ученых: по критерию производства новых смыслов на одного исследователя мы опустили на уровень Темных веков. Управленческие системы, напротив, захлебываются в избытке информации, которая уже не может быть обработана в реальном времени. Разрушаются привычные международные и национальные организующие структуры. Нарастает антропоток, и нетрудно оценить, что уже скоро можно будет говорить о новом «великом переселении народов».

Мы интерпретируем все это как приближение общества к **постиндустриальному барьеру**, и если этот барьер обладает теми же свойствами, что индустриальный и неолитический, мы обязаны предсказать вступление Человечества в один из наиболее критических периодов его развития за всю его историю.

Брат поднимет клинок на брата,
Родичи близкие в распрях погибнут,
Век бурь и волков, век мечей и секир
Перед гибелью мира...

Наступающий этап мировой нестабильности проявится, прежде всего, в военной области. Есть все основания предсказывать серьезный военный конфликт масштаба мировых войн первой половины XX столетия или взаимоувязанную цепь локальных конфликтов в середине второго—начале третьего десятилетия нынешнего века. Одной из предпосылок этого станет энергетическая проблема, проявляющаяся не столько как нехватка сырья, сколько как кризис генерирующих мощностей и распределительных сетей. Данный кризис, в частности, положит конец промышленному росту Китая, что послужит причиной внутреннего кризиса в этой стране по типу «перестройки», если не гражданской войны.

Другой важной предпосылкой станет рост внутренней нестабильности в ряде стран, осуществляющих постиндустриальные преобразования. Две различные во всем экономические, политические, социальные структуры — умирающая индустриальная и рождающаяся когнитивная — вступят в смертельную схватку между собой. Это проявится в росте насилия, резком изменении статистики катастроф, преступности и самоубийств. Это сделает неизбежным переход ряда стран к агрессивной внешней политике во имя утилизации пассионарной энергии молодежи и стабилизации внутреннего положения.

В некоторых государствах, в частности в России, внутренняя нестабильность проявится как взрывной рост антагонизма между поколениями — «детские войны».

Насколько я могу судить, фокусом конфликтов первой половины XXI века станет Азиатско-Тихоокеанский регион, а первой серьезной войной «сверхнового времени» — новая Русско-японская.

Таково Неизбежное будущее, которое, однако, еще можно «раскрасить в разные цвета» и превратить из «совсем катастрофического» в «сложное и неоднозначное». Этим занимаются четыре великие державы современности, акторы собственных постиндустриальных проектов: Япония, США, Германия (Евросоюз) и Россия.

¹⁶Frontier within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium Japan's Goals in the 21st Century// Report of the Prime Minister's Commission. Japan, 2000.

ЧАСТЬ 1 «НЕ ОБНАЖАЙ В КОРЧМЕ..»

«НЕ ОБНАЖАЙ В КОРЧМЕ...», ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ГЕНЕРАТОР АРХЕТИПОВ И ПАТТЕРНОВ

Просим Вас стать автором выпуска «РЭО» и будем признательны за материал, который раскрывал бы Вашу позицию по вопросу того, какие образы и стили поведения транслирует сегодняшняя российская литература (1), какие общественные запросы она удовлетворяет и ФОРМИРУЕТ (2)? Сегодняшние бестселлеры — случаен ли их «пул» или закономерен, как он может измениться (3)? Сегодня на книжных прилавках среди исторической литературы зачастую можно увидеть мемуары или иные книги бывших высокопоставленных чинов фашистской Германии (это лишь частный пример, но можно подумать и о других образцах мемуаристики). Является ли это просто стремлением беспристрастно взглянуть на историю? Не провоцирует ли подобная литература нацистские настроения у молодежи, не имеющей определенного бэкграунда (4)? Каковы, по Вашему мнению, тенденции развития российской литературы в целом и ее отдельных направлений в частности (5)? Влияет ли современная фантастическая и футуристическая литература на формирование образов будущего, и если да, то как (6)?

1

На моей памяти это уже четвертая развернутая дискуссия на «советскую» тему «Литература и ее общественно-политическое значение». Впрочем, проблема и в самом деле не утратила актуальности.

Между предельными позициями лежит целый спектр возможностей, да и сами эти позиции: «Мир есть текст» и «Книга только отражает мир» — не выглядят абсурдными, хотя вера во всемогущество литературы сродни вере в Бога, а убежденность в ее бессилии, как правило, диктуется личными обидами «потерянных поколений»: на Марс не слетали, страну развалили, светлого Будущего не предвидится... Обе реакции естественные, но какие-то... детские?

Первое ключевое понятие — детский.

Существуют книги, оказывающие очень сильное влияние на людей, вплоть до определяющего. Это — детские книги. Отметим, что российский листинг «школьного чтения» за последние двадцать пять—тридцать лет расширился за счет хорошей переводной литературы, но принципиально не изменился. Крах СССР, как это ни странно, не повлиял или почти не повлиял на детское чтение на постсоветском пространстве. «Эту картинку можно раскрашивать в разные цвета» (например, ужаснуться, как же недалеко мы ушли от эпохи тоталитаризма, или посокрушаться, что книги-то хорошие, да дети их не читают, или влезть в бутылку с узким горлышком, доказывая, что А. Гайдар пропагандирует сталинские ценности, а Дж. Толкин — общечеловеческие), но, возможно, перспективнее пристально взглянуть на те паттерны, которые транслирует современная детская литература.

Возьмем, к примеру, Дж. Роулинг с ее феноменальной — и заслуженной — популярностью. О чем говорят книги «поттеровского цикла», чему они учат? Да тому же, чему и «Чучело», и «Голубятня на желтой поляне», и «Оборотень», и «Рыцари сорока островов», и «Хранители»: честь выше страха, дружба и преданность значат больше, чем послушание и преуспевание, ум способен выручить почти всегда, а там, где бессилён ум, поможет сердце. А инновацией, пожалуй, является нравственная асимметрия — у Дж. Роулинг добро относительно, в то время как зло абсолютно. Оказывается, условность добра, невозможность переложить нравственный выбор на некий «абсолютный авторитет» ничего не меняет: переход на сторону зла не становится более нравственным оттого, что добро какое-то... сомнительное¹⁷.

¹⁷Заметим, не пытаясь развить эту мысль, что в текстах романов о Гарри Поттере чувствуется сильное влияние русской советской литературы второй половины XX века. В своей «веселой» ипостаси Хогвартс воспринимается, во всяком случае моим поколением, как специализированная школа чародейства при НИИЧАВО. А по мере развертывания событий и взросления героев возникают совсем другие ассоциации. «Мальчик со шпагой», «Дикая собака динго», «Завтра была война...» Почему-то никто еще не обратил внимание, что Дж.

Если книга оказывает значительное влияние на ребенка, то вряд ли мы погрешим против истины, предположив, что литература тем сильнее воздействует на человека, чем больше в нем от ребенка. Из этой, скажем так, теоремы вытекает ряд следствий, почти все они нелицеприятные, однако... Вид Ното выделяется из общей биологической палитры не только наличием разума, но и прямо-таки неправдоподобно долгим взрослением. Трудно не обратить внимания на данную корреляцию, и она действительно давно изучена биологами. Установлено, что детеныши разных высших млекопитающих ведут себя почти одинаково: тигренок гораздо больше похож на котенка, щенка или енотика, чем на взрослого тигра. Общими для всех детенышей поведенческими особенностями являются низкий коммуникационный порог и способность играть. Напрашивается связать эти детские черты с креативными способностями и «вообще интеллектом». Тогда получается, что человеческий разум — это затянувшееся детство?

Не совсем так, но «в этой галиматье есть идея». Для человека характерно (и, в частности, за счет очень высокой продолжительности периода взросления) сохранение детских черт во взрослой психике. Здесь важна мера: чуть больше этих черт, и человек оказывается неспособным к деятельности — возникает безответственная инфантильная особь, в биологических сообществах обреченная, в мире людском иногда выживающая... к сожалению. Чуть меньше — и человек роботизируется, теряя всякую потенцию к развитию и, следовательно, к творчеству.

Литература играет свою роль в поиске баланса.

2

Итак, литература естественным образом подразделяется на «детскую» и «взрослую». Детская обособлена, подчиняется собственным законам и слабо зависит от социальной, национальной и прочих рамок. Она транслирует некое общечеловеческое начало, обуславливающее само существование социосистемы как формы организации совместной жизни крупных приматов. Воспитанные эволюцией в логике беспощадной внутривидовой конкуренции, они некогда были вынуждены перейти к социальному существованию и придали смысл понятию «целого», будь то род, племя или иной коллектив. Точно так же им пришлось поставить «разум», то есть триединство способностей к творчеству, коммуникации и совместной деятельности¹⁸, выше физической силы. Возникновение представлений о «целом», их рефлексия в индивидуальном и общественном (обобществляющемся?) сознании привело к появлению внелогических правил поведения, что, в свою очередь, породило культуру как специфический человеческий феномен¹⁹ и превратило биоэволюцию в социальное развитие. В этом смысле детская литература, сколь бы современна она ни была по форме и обсуждаемым проблемам, всегда содержит в себе «память былых времен», мифологию самой мифологии, включенность в неназванные эпохи генезиса человеческого. Этот контекст является общим для всей детской литературы. Вне всякой зависимости от того, что призван транслировать исторически / политически / национально / конфессионально конкретный текст, между строк будет читаться как у Владимира Высоцкого:

И во веки веков, и во все времена
Трус-предатель всегда презираем.
Враг есть враг, и война все равно есть война,
И темница тесна, и свобода одна,
И всегда на нее уповаем...

В этом отношении детская литература принадлежит культуре в общечеловеческом смысле этого понятия: культура как атрибутивный признак существования социосистемы, то есть сообщества разумных, — в то время как «взрослая литература» принадлежит частным культурам, то есть она исторически, социально и так далее обусловлена.

Роулинг пишет, по существу, военную прозу. Книгу о детях, которые научились умирать раньше, чем целоваться.

¹⁸ Может быть, именно это триединство и надо называть «мыследеятельностью»?

¹⁹ Об имманентности культуры, в наиболее простейшей форме понимаемой как «религиозное чувство», много и правильно говорится в классической книге Веркора «Люди или животные». С присущим ему блеском эту тему развивает С. Лем («Культура как ошибка»).

Эта «взрослая» литература разделяется на элитарную и массовую — деление гораздо более общее, нежели общепринятое, — на художественную и публицистическую, или, еще того хуже — на развлекательную и серьезную²⁰.

И та и другая «взрослая» литература решает три социальные задачи: «раскрывает глаза на», то есть ярко и образно отражает проблемное настоящее, «завершает гештальт», то есть дописывает, переписывает, переформатирует прошлое, и создает образ, еще не существующего, но витающего в воздухе, то есть сочиняет Будущее.

Эти задачи соответствуют трем основным базовым процессам, протекающим в обществе: сохранению культуры, развитию культуры, ароморфозу культуры. Под «ароморфозом» мы здесь понимаем спонтанное изменение, появление новых форм и сущностей, революцию в культуре.

Об элитарной литературе, во всяком случае о русскоязычной элитарной литературе, в логике поставленных в начале статьи проблем сказать просто нечего. На актуальные вопросы она не отвечает, поведенческих паттернов не транслирует и общественные запросы не удовлетворяет. Просто потому, что ее почти никто не читает. В том числе — и элиты. Или даже прежде всего — элиты.

В обществе, в котором до любой революции далеко, у определенной специфической группы людей принято и престижно публиковаться в малотиражных «толстых» журналах и принимать в них традиционные литературные позы, изучать образцы прошлого и ругать настоящее как несоответствующее высоким идеалам литературы и образования.

Гуманитарная интеллигенция сегодняшней России как раз и уповает на прекрасные воспоминания и занимается «литературной археологией», за что ей спасибо, потому что культура таким образом сохраняется, а преемственность поколений ее потребителей не разрывается. Однако в деятельностьную рамку высокая литература не выходит и, по сути, представляет собой рафинированную и очень скучную игру для взрослых. Для весьма специфического взрослого сообщества.

Среди массовой литературы принято выделять в самостоятельные «жанры» детектив и фантастику. Ни первое, ни второе жанром не является, но для нашего рассмотрения это не принципиально. Также отдельной строкой учтем публицистику, тем более что именно в России книги non-fiction регулярно возглавляют списки бестселлеров. Выключим из рассмотрения такое специфическое «блюдо», как «женский роман»: он включает в себя все упомянутые направления в специфически облегченной версии.

Сразу же отметим, что литература, обращенная «в сегодня», даже очень массовая и успешная, обладает очень слабым трансляционным потенциалом. Связано это с заполненностью соответствующих областей информационного пространства. Книга В. Пелевина «Generation P» весьма точно отражает политтехнологические реалии конца 1990-х годов. Как выразился Е. Островский — один из профессионалов в этой области — «дотошный и занудливый производственный роман». Нет никакого сомнения, что «Generation P», появившись оно лет на десять раньше, самым активным образом участвовало бы в построении «посттоталитарной демократии» в России: из этого текста пришли бы узнаваемые фигуры акторов, коронные фразы, паттерны делового и личного поведения. Но на рубеже веков политтехнологическая ниша была уже застроена, и роман смог только отразить ее в зеркале, в меру кривом, в меру магическом.

Бестселлеры никогда не отражают ни прошлого ни будущего. Они всегда текущи и всегда «над пропастью во ржи»; напряженно дрожит их проблематика и будоражит нас, мешая потреблять без смысла в пустоте капиталистического бытия. Бестселлеры актуальны, это во-первых. И они отражают конфликт поколений, во-вторых. Ну если не конфликт поколений, то хотя бы диалектический противовес добра и зла. Массово продаваемые книги отражают интерес читателя к героям и ситуациям, метафорам и онтологиям, которые представлены в этих книгах. «А что я им вру, что ли?» — спрашивает герой В. Пелевина. Популярная литература о настоящем показывает только одно: вся наша жизнь имеет смысл, такая как она есть: с благородными бандитами Устиновой, с трансцендентными проститутками Пелевина, с учениками кудесника Е. Лукина, с японскими «Звонками» из будущего и колодцами из прошлого, с ошибками в химии и геологии, с Поттерами всех

²⁰Термины «элитарная» и «массовая» ни в коем случае не надо понимать как мало- и многотиражная. Тиражная политика современных крупных издательств — это отдельная тема, далеко выходящая за рамки данной статьи. Несколько упрощая, скажем, что тираж книги и ее востребованность связаны слабой корреляционной, но отнюдь не функциональной зависимостью.

мастей во всех школах и во веки веков, аминь...

Эту литературу потребляют, как умеют, причем для одних потребление — это рефлексия над Пелевиным, а для других — мечта стать героиней бандитского прикола Д. Донцовой. Это — хлеб: каждый жует его в соответствии с имеющимися зубами, а кто-то и совсем не ест. Про всю эту литературу, «настоящую» по сути и по дате выхода, говорят, что она плагиат... Наверное, с Гомера... А также с Библии, Корана, Книги перемен и т.д. В действительности это не плагиат. Это — бесконечная рекурсия сегодняшнего бытия. Сто тысяч отражений.

Такая литература ничего не формирует. Ее формируют процессы в обществе, политике, культуре. Она — результат, а не причина чего-то. **Она есть**, как у нас есть компьютеры и термоутюги...

Книги о сегодняшнем дне — всегда вторичны по отношению к Текущей Реальности. Ругая «чернуху», «порнуху» (и не знаю, каким бы термином определить творчество автора «Голубого сала»? Может быть, «грязнуха?»), современной российской интеллигенции стоит вспомнить замечательную детскую сказку В. Губарева «Королевство Кривых зеркал» и фразу оттуда: *«А я, между прочим, только твоё отражение»*.

В этом смысле — литература не столько социальный конструктор, сколько социальный индикатор, «градусник». Температура у нас, конечно, повышенная, аж зашкаливает. Но, во всяком случае, социальный организм борется.

3

Литература, обращенная в прошлое, способна переформатировать реальности. Дело в том, что, критически анализируя минувшее, она и настоящее ставит под сомнение. А квантовые свойства истории в том и заключаются, что, усомнившись в Текущей Реальности, можно сменить эту Реальность. Тогда, насколько можно судить по аналогии с теорией тоннельного перехода, одно общество скачком сменится на другое — с другой историей и другими идентичностями.

В этой логике самой опасной попыткой переписать историю является деятельность В. Суворова и «суворовцев», не устающих доказывать, что Германия напала на Советский Союз в рамках справедливой оборонительной войны. Далеко не безобидной игрой оказывается и пресловутая «новая хронология», которую студенты МГУ давно припечатали формулой:

Через Греко-Палестину,
Пряча ладан в ятаган,
Делал хадж на Украину
Римский папа Чингисхан.

Откровенно говоря, мне трудно понять, какая Реальность может получиться из мифологической Вселенной А. Фоменко. Боюсь, несовместимая с существованием разумных существ...

А вот Реальность В. Суворова легко представима, и для многих она привлекательна. Ведь автор «Аквариума» и «Ледокола» борется отнюдь не с мифами о Второй Мировой войне²¹. Его задача гораздо шире — вычеркнуть из истории целую эпоху тоталитарных войн. Для того чтобы сделать это, нужно — буквально действуя по Фоменко — отождествить социализм с фашизмом, уничтожив по пути всякую разницу между ними.

Еще раз подчеркнем, **историческая литература воздействует на настоящее через реинтерпретацию прошлого**. Историческая аналитика, в том числе и расплодившиеся ныне «альтернативки», часто лежащие на грани между публицистикой и фантастикой, укрепляет Текущую Реальность, обогащает ее новыми сущностями, добавочными гранями и цветами. Военная мемуаристика, широко издающаяся в РФ с 1998 года, разнообразные критические, аналитические и справочные издания, обращенные к истории нацистской Германии, отвечают на актуальные вопросы о «нас — сегодняшних», о диалектике побед и поражений, об исчезающих из истории и человеческой памяти уникальных культурах нацистской

²¹В отличие, например, от М. Мельтюхова, который в своем «Упущенном шансе Сталина» (Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939-1941 гг. М.: Вече, 2006) занимается именно разбором тонкостей военной истории. Собственно, именно у Мельтюхова суворовские экзерсисы обретают некий смысл и входят в соприкосновение с реальным историческим материалом.

Германии и сталинского Советского Союза.

К нацизму или неонацизму все это не имеет никакого отношения. Поверьте человеку, исполнявшему в масштабной ролевой игре должность великого фюрера Германской нации: нацисты книжек не читают и чужими исчезнувшими культурами не интересуются²². У них совершенно другие паттерны поведения.

«Браунинг стихов не пишет. Это пистолет, а не поэт»²³.

4

Переписывая историю своего «былого», осознавая правды и неправды прошлых лет, примеряя себя в «туда и обратно», человек развивается и становится способным понять, где он во времени со своей маленькой свободой, а где мир с его хитросплетением родов, племен и судеб. Полезно путешествовать даже на чужой машинке времени с путанными траекториями возврата. Полезно примерять наряды дедов и мечи самураев, искусства древних королей и традиции друидов. Полезно собирать мозаику из событий: нет-нет да и поймешь, как развивается цивилизация и как можно вычислить будущее по нехватаящим в картинке квадратикам. Опасно только потерять точку отсчета и затеряться во времени.

Участники ролевых игр и реконструкторы, любители играть в стратегии на картах быстрее придут в Будущее, чем те, кто читает про то, как живется и умирается сейчас. Почему? Потому что в играх они насмотрелись не существующего, но возникающего, не реального, но вероятного.

5

Если информационные ниши, отвечающие за сегодняшние паттерны поведения и виды деятельности, застроены, то относительно завтрашнего дня все не так очевидно. Иными словами, текст может транслировать образы и стили, соотносимые с Будущим — неизбежным, возможным или вероятным. Традиционно книги, соотносимые с иной Реальностью, нежели Текущая, принято относить к фантастике.

Разговор о современной российской да и мировой фантастике уместно начать с констатации кризиса этого литературного направления, и вряд ли мы погрешим против истины, если свяжем этот кризис с отсутствием в обществе четких представлений о будущем, да и серьезного интереса к этой теме.

«Общество потребления» учит жить сегодняшним днем, и от количества «первых учеников» рябит в глазах. Х. Мураками сунулся было к джаббервогам, они же бармаглоты, — те плохо приняли его героев. Из Будущего — ему за попытку спасибо! Произведение ругают. Жанр нарушен.

В СССР пророки были как-то не в чести, а вот фантастика проросла с обочин из-под запретов. Своим учителем считая М. Булгакова... Фальстарт Советов породил и фальстарт образов Коммунистического будущего. Девальвация прошла. М. Булгаков остался. И. Ефремова забыли или почти забыли. Стругацкие погрузнели, но стали онтологией для тех, кто сегодня вошел в элиту страны. Нерелективной, капитализированной по шею, упертой, но элитой... Нового образа Будущего нет. Встречаются пока под таким. Сделано на совесть...

«В общем и целом» для современной фантастики характерно отсутствие нового в сравнении с классическими текстами советского периода видения Реальности — хоть как целостного Представления, хоть как набора деталей, значимых не только для антуража.

Тем интереснее отдельные исключения — нечастые что здесь, что на Диком Западе.

²²Гитлеровский национал-социализм это, прежде всего, воинствующий антиинтеллектуализм. Именно поэтому в Третьем рейхе было очень плохо с проектным мышлением, даже на геополитическом уровне. В анекдоте: «Все немцы умны, честны и преданы фюреру, но, к сожалению, все три качества никогда не сочетаются в одном человеке» — очень небольшая доля шутки. Играя за Германию, я понимал, что единственным шансом добиться для нее хотя бы неопределенного мира является воплощение в жизнь интеграционного политического проекта при обязательном участии «русских». Но такой проект практически не имел социальной базы в реальной Германской империи «образца 1941 года» и даже в игровом пространстве шел, что называется, со скрипом.

²³Ким Р. Школа призраков. Кто украл Пуннакана? Кобра под подушкой. Тетрадь, найденная в Сунчоне. М.: Советский писатель, 1971.

Д. Симмонс в своей тетралогии²⁴, новаторской как по форме, так и по содержанию, глубоко обсуждает проблемы новой трансценденции. Для того чтобы определить содержание «Илиона», не пересказывая книгу целиком, в моем распоряжении нет достаточного количества терминов. Скажем так: изображены не самые очевидные черты умирающей цивилизации, некогда владевшей сверхтехнологиями.

В. Виндж подробно и тщательно анализирует физически нетривиальную вселенную в «Пламени над бездной», не забывая по ходу дела иронизировать по поводу современных интернет-чатов. В той же книге автор работает с негуманоидной психикой, более того, с распределенной негуманоидной психикой. Интерес с точки зрения создания новых паттернов представляет и диалогия «Сквозь время» («Война миру» — «Затерянные в реальном времени»)²⁵.

Российские советские авторы, когда-то лидировавшие на «рынке образов Будущего», сейчас почти не представлены на нем. Разумеется, в «Опоздавших к лету» А. Лазарчука²⁶ выстраивается метафорическая модель нестационарных информационных объектов, там же проводятся сложные аналогии между макро- и микровселенными, рассматриваемыми в вероятностном формализме, но этот роман относится не к нашему времени, а к началу 1990-х годов. В известном смысле, «Опоздавшие...» — последний советский фантастический роман. Что, впрочем, не мешает ему активно транслировать образы и паттерны.

Несколько более современным по времени написания является обстоятельный разбор Г. Л. Олди и А. Валентиновым мифологических динамических сюжетов в «Троянском цикле»²⁷. Наконец, совсем недавно вышел «Портрет кудесника в юности» Е. Лукина²⁸, а этот насквозь ироничный текст способен формировать и образы Будущего, и общественные запросы.

Это не все, конечно, но почти все.

Слишком большой процент фантастов предпочитают выполнять хорошо оплачиваемые социальные заказы из настоящего. Литература Будущего замерла перед рывком — родиться или нет. Предыдущая фантастика родилась в застенках «железного занавеса». Фэнтези наших дней заменила детям мечту о кровавых битвах и белоснежных победах. Так, завернувшись в метафору, формируется современная «пятая колонна»: мы сделаем ваше Будущее из Прошлого, потому что иначе его больше не из чего делать. Р. Желязны и А. Азимов умерли в подозрительно похожем сюжете.

6

В современном детективе страсть к качественному выполнению «запросов потребителя» проявляется гораздо сильнее, чем в фантастике. В этом жанре практически невозможно создать что-то оригинальное: любая находка немедленно тиражируется в десятках и сотнях наименований. Если в фантастике мода на уголовно ненаказуемый, к сожалению, плагиат коснулась только эльфов, хоббитов и Гарри Поттера, то в детективе копируется абсолютно все, поощряется и самокопирование. Тем интереснее проанализировать, что же именно «все»?

За последние два года в этом направлении литературы произошли изменения, на мой взгляд, отрадные.

Постепенно начали «умирать» бандитские сериалы. Во-первых, это поле деятельности уже застроено, во-вторых, реальность и книжные представления о ней потеряли в какой-то момент всякую корреляцию. Вообще говоря, чем более стремится автор детектива изобразить «реальную жизнь», по его мнению, сплошь состоящую из заказных убийств, наркотиков и групповых изнасилований, тем более неправдоподобной получается «картинка». В-третьих, читателю просто надоело. Зато неожиданно стал модным исторический интеллектуальный детектив, восходящий к Пересу де Риверте, если не к самому У. Эко. Упомяну через запятую «Дантов клуб» М. Перла²⁹, «Непогребенного» Ч.

24Симмонс Д. Песни Гипериона: Гиперион. Падение Гипериона/ Романы. М.: АСТ, 2005.

25Виндж В. Сквозь время. М.: АСТ, 2000.

26Лазарчук А. Опоздавшие к лету. М.: АСТ, 2005.

27Олди Г. Л. Одиссей, сын Лаэрта. М.: Эксмо, 2008; Валентинов А. Диомед, сын Тидея. М.: Эксмо, 2008.

28Лукин Е. Портрет кудесника в юности. М.: АСТ, 2004.

29Перл М. Дантов клуб. М.: Эксмо, 2005.

Паллисера³⁰, «Эсклибрис» Р. Кинга³¹. Из российских авторов назову, конечно, Х. Ван Зайчика с его детективом-Отражением «Евразийская симфония»³². Хотелось бы надеяться, что эта мегакнига с подзаголовком «Плохих людей нет» способна транслировать смыслы и в Будущее, и в Настоящее...

Тенденцию интеллектуализации детектива можно было бы только приветствовать, если бы не неожиданный уклон жанра в мистику и непрерывные подражания Дэну Брауну.

7

Пора подводить итоги.

Литература может что-то транслировать, только если она претендует на массовость и при этом работает с контекстом, в который вписано «сегодня». Такой контекст обычно создается прошлым (историческая публицистика, мемуаристика, аналитика, «альтернативные» исследования), будущим (это принято относить к фантастике) или восприятием читателя (детская литература).

Литература трудно управляема в тоталитарном мире. На самом деле в рыночной экономике она тоже плохо управляема, потому что креативность можно продать, но ее не удастся купить. Можно заставить сотню авторов писать роман, прославляющий «Макдональдсы», можно даже заставить публику покупать эти романы, но вот чтобы еще их читать...³³ Что же поделать с тем, что речь президента о «так называемых мокрецах» всегда стилистически безобразна...

Поскольку литература не управляема, она ничего не транслирует, транслируют отдельные авторы. В меру сил, возможностей и разумения. Авторы, кстати, обычно осознают свою ответственность и приравнивают перо не к штыку, а к мечу, который, как известно, является оружием благородного боя. Ибо сказано: «Не обнажай в корчме...».

Литература удовлетворяет два альтернативных общественных запроса: на отражение действительности и на уход от действительности. На «самость» общества и человека и на их «инаковость». Литература не способна выполнить заказ на преобразование человека и общества, но честно пытается это сделать.

Сегодня литературу потребляют. Потребление эстетизируется. Что попало люди есть не хотят. Подросли стили публицистики и журналистики. Как у группы «Зимовье зверей»: *«И желания становятся старше, и в возможностях больше свободы»*. Список бестселлеров, разумеется, не случаен, но предсказать, станет ли та или иная книга бестселлером, не представляется возможным. Точно так же как нельзя предсказать, кто из родившихся сегодня на планете Земля детей обретет бессмертную славу. Но, конечно, у первенцев королей и властителей шансов больше — в этом случае можно **практически гарантировать попадание в число хорошо продаваемых книг литературных первоисточников кассовых фильмов**. Успех влечет за собой успех.

Список бестселлеров будет меняться (очень медленно) в направлении повышения интеллектуальной насыщенности текста и целостности авторской картины мира. Весьма вероятно появление крупных мультимедийных проектов, совмещающих фильм (сериал), игру и книгу. Можно ожидать и создание литературных «римейков» по мотивам блестящих текстов 1960-х годов и даже более раннего периода.

Хотелось бы надеяться, что будет преодолен смысловой кризис российской фантастики, но пока соответствующего тренда что-то не видно, так что инструмента для формирования образов будущего у российских властных и интеллектуальных элит на сегодня нет. Кто-то скажет — к лучшему, но меня такое положение дел беспокоит.

Сквозь нынешний день, не лишенный надежды,
И завтрашний выглядит необозримым.
Но небо уже самолетов не держит,
Но небо уже наливается дымом...

30Паллисер Ч. Непогребенный. СПб.: Домино; М.: Эксмо, 2006.

31Кинг Р. Эсклибрис. М.: Эксмо, 2005.

32См., например, Ван Зайчик Х. Дело непогашенной луны. СПб: Азбука-классика, 2005.

33Поэтому литература не способна ФОРМИРОВАТЬ потребности. Она принципиально отличается от рекламы тем, что реклама — это «по умолчанию ложь», а книга все-таки «по умолчанию правда».

И в тех местах, где оптика лгала,
Я выпрямлял собою зеркала...

«Зимовье зверей»

За последние десятилетия «Война Кольца» проанализирована вдоль и поперек. Наверное, только Текущая Реальность изучена ныне лучше, нежели мир Дж. Р. Р. Толкина. Исходный Текст снабжен комментариями и целыми томами толкований, он рассыпан калейдоскопом продолжений, вывернут наизнанку сонмом пародий, оттранслирован на языки музыки, анимации, кино. Относительно всех мыслимых плоскостей симметрии Текста созданы и апробированы «зеркальные отражения».

«Последний кольценосец»³⁴ можно принять за одно из таких отражений — тем более что первому изданию был предпослан заголовок «История Средиземья — глазами Врага». Однако военлекарь второго ранга Халадин слабо ассоциируется с образом Черного Властелина, да и не проходят перед его мысленным взором имена конунгов и названия выигранных ими битв.

Мир-текст «Средиземье» был соткан профессором английской литературы Дж. Толкиным из информационных архивов, присоединенных к западноевропейскому эпосу, и до сих пор оставался вотчиной филологов. «Последний кольценосец» образует альтернативное Представление: естественнонаучный подход к созданным реалиям. Этим книга и интересна.

Заметим здесь, что Толкин, если не Джон, то, во всяком случае, Кристофер³⁵, не был чужд подобного анализа, о чем свидетельствует длинный кусок «Неоконченных историй», в котором дается подробное описание оптических свойств палантиров.

Увы, отрывок столь же «научен», сколь удобочитаем. В «Последнем кольценосце» К. Еськов дает прозрачный намек на эту главу «Неоконченных сказаний»:

- «- В оптике разбираетесь?
- В пределах университетского курса.
- Все ясно... Тогда лучше "на пальцах"».

В отличие от сэра Кристофера мэтр Еськов по мере возможностей избегает формального наукообразия. Социальная механика Средиземья объясняется именно «на пальцах»: через отсылки к земной истории «невооруженным глазом» видны параллели с Двуречьем, Средней Азией, Экваториальной Африкой, Аравией — через литературную игру в «интеллектуальный шпионский роман»³⁶, через сюжетобразующую «головоломку», подкинутую доктору Халадину главой ордена Назгулов. через иронические «протоколы эльфийских мудрецов». «Точкой сборки» столь различных художественных приемов является жанр **исторической реконструкции**, предложенный Л. Мештерхези³⁷. Для этого

34Еськов К. Последний кольценосец. М.: Эксмо, 2003.

35Кристофер Толкин регулярно публикует тексты, имеющие отношение к архивам отца. Не представляется возможным определить, какая доля представленных материалов принадлежит перу Дж. Толкина, а какая дописана самим Кристофером. Большинство экспертов придерживается той точки зрения, что за «Неоконченные сказания» всю полноту ответственности несет Толкин-младший.

36В Текущей Реальности этот интереснейший жанр представлен, прежде всего, литературой мемуарного характера. См., например, Э. Захариас «Секретные миссии», О. Пинто «Друг или враг?» (Захариас Э. Секретные миссии. Пинто О. Друг или враг? М.: Терра, 1996). В. Шелленберг «Лабиринт» (Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: «Дом Бируни», 1991). Из художественной литературы вспоминаются повести Ю. Семенова «Альтернатива» и «Экспансия» (Семенов Ю. Собр. соч.: В 12 томах. М.: Терра — Книжный клуб, 2008. Т. 2, 5); Б. Райнов «Что может быть лучше плохой погоды»; Л. Беркеши «Перстень с печаткой» (Райнов Б. Что может быть лучше плохой погоды. Беркеши А. Перстень с печаткой. М.: Молодая гвардия, 1970). Возможно, лучшим «обобщенным текстом» в жанре «интеллектуального шпионского романа» можно считать телесериал «Вариант "Омега"».

37Контуры нового литературного направления были обозначены «Загадкой Прометея» (Мештерхези Л. Загадка Прометея. М.: Прогресс, 1977). Двадцатью годами позднее появился роман Г. Л. Олди «Герой должен быть один», созданный на том же историческом материале

жанра характерно, во-первых, отношение к мифу не столько как к метафоре исторического события, сколько как к его точному описанию (в пределах неизбежных трансляционных погрешностей), во-вторых, последовательное применение принципа актуализма, согласно которому «любые системы в прошлом функционировали так же, как их современные аналоги, до тех пор, пока не доказано обратное»³⁸.

В соответствие с высокими современными художественными стандартами роман К. Еськова рекурсивен. С одной стороны, жанр исторической реконструкции подразумевает формальное применение естественнонаучного подхода к Средиземью — миру мифическому, фантастическому, выдуманному. С другой — естественнонаучный подход живет внутри самого романа: он выступает в качестве предмета трех сюжетообразующих диалогов (Саруман — Гэндальф, Шарья — Рана — Халадин, Саруман — Халадин), обсуждается в «Оружейном монастыре» Дул-Гулдора, структурирует пространство эпилога. В этом смысле «Последний кольценосец» можно назвать **книгой о приключениях рационального познания**, написанной в ключе рационального познания. Такая рекурсия, может быть, позволит читателю взглянуть «из надсистемы» на саму суть науки и тем самым зафиксировать ее место в «личной Вселенной».

Роман К. Еськова не нуждается в обычном послесловии: автор, следуя эстетике научного трактата, замыкает текст эпилогом, где добросовестно комментирует историю Халадина и вписывает ее в контекст учебника истории для шестого класса³⁹. Все же некоторые, намеченные в тексте смыслы остаются не распакованными, и прежде всего, это относится к сравнительному историческому анализу Средиземья и Текущей Реальности. Эта тема и станет основным предметом нашей статьи.

СРЕДИЗЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В **Текущей Реальности** зарождение научного подхода датируется ранним Возрождением. В основу соответствующего типа мышления положен ряд принципов (презумпций), из которых нас будет интересовать прежде всего **принцип развития**. В применении к миру-тексту Средиземья это подразумевает **линейность времени** вместо его **циклическости**.

Линейность времени — это европейская картина мира, это диалектическая спираль исторического движения, это обязательный приход индустриальной фазы развития общества. А также — выработанные и засоленные почвы, угольные терриконы, ядерные взрывы и безжизненные равнины, поросшие черными маками; ударные авианосцы, атакующие Заокраинный Запад. Линейное время — это динамически развивающиеся цивилизации Мордора, Умбара, Кханда, Изенгарда.

Циклическое время задает жизненный ритм традиционных обществ земного востока: замкнутых культур, исповедующих принцип Дао. Это — «дурная бесконечность», неизбежное «повторение пройденного», это право возвыситься до понимания таинств Вселенной, но — ценой невозможности кому-то передать свои озарения или хотя бы использовать их. Циклическое время характерно для странного, не имеющего прямых аналогов в Текущей Реальности мира Зачарованных лесов Лориена.

И наконец, «земли войны»: Рохан, Гондор, северные княжества, в том числе Хоббитания, к началу «Войны Кольца» не достроившие свою цивилизационную идентичность. Такова сцена, на которой разыгрываются события «Властелина Колец», «Последнего кольценосца» и десятков других «толкино-ориентированных» художественных произведений⁴⁰.

1

К. Еськов описывает геоэкономическую структуру Средиземья конца Третьей эпохи,

и являющийся ответом на исследования Л. Мештерхези (в начале века вышли продолжения: «Одиссей, сын Лаэрта» самого Г. Л. Олди, «Диомед, сын Тидея», А. Валентинова). Кроме того, в жанре гротескной исторической реконструкции некоторое время работал В. Пелевин.
38Еськов К. Удивительная палеонтология: История Земли и жизни на ней. М.: НЦЭНАС, 2007.

39В наши дни, когда господствует странная система одиннадцатилетнего образования с одним пропущенным классом, время стальных арбалетов, мануфактурного производства и ранних буржуазных революций изучается в седьмом классе.

40То есть с точностью до обозначений — практически всей классической фэнтези.

следуя общизвестным источникам, то есть «Сильмариллиону» и «Властелину Колец»: При изучении этих текстов бросается в глаза **устойчивость конфликта, образующего динамический сюжет истории Мира Толкина**.

Вся история Древней Эпохи образована перипетиями многовекового противостояния Ангбада и эльфийских королевств. Насколько можно судить, оба воюющих социума пребывали в архаичной фазе развития; тем не менее прослеживается вполне определенный курс «Врага» на создание новых и новых развивающих технологий, прежде всего военных, в то время как эльфийская изобретательность закончилась тем же, чем началась,— трагической фигурой Феанора.

Собственно, трагична вся история нольдоров, эльфов-рудокопов. В их психике причудливым образом переплелось линейное время, маркированное актами творчества, страшными клятвами, торжественным Исходом из Валинора, и время циклическое, обрамляющее калейдоскоп битв, предательств и неустойчивых союзов. Понятно, что нольдоры более всех были заинтересованы в сохранении существующего положения дел: при любом определенном исходе «войны сильмариллей» они были обречены или на уничтожение, или на ассимиляцию.

Однако в течение всей Древней Эпохи именно нольдоры остаются главной ударной силой антиморготовой коалиции. Подобная ситуация известна нам и по Текущей Реальности. Может быть, наилучший пример - Польша, максимально заинтересованная в межвоенный период (1918-1939) в европейской стабильности и постоянно эту стабильность нарушающая.

«Битва внезапного пламени» знаменует резкий и необратимый перелом в «тысячелетнем конфликте»⁴¹. Нужно ли понимать под «драконами» продукты биоинженерии, или некий аналог «танков», или же броненосные корабли с механическими двигателями, взявшие под контроль долину Сириона (в комментариях к «Сильмариллиону» рассматриваются все эти возможности и, кроме того, ряд совсем экзотических версий),— в любом случае эльфийские армии были разгромлены, осада Ангбада полностью снята и армии «темных сил» впервые за всю войну вышли на оперативный простор. Останавливать их было нечем, тем более что под контроль войск Моргота перешли основные сельскохозяйственные угодья Беллерианда, в том числе — пастбища Ард-Галена, экономический базис тяжелой кавалерии, главного наступательного оружия доиндустриальных эпох.

Далее «конфликт времен» некоторое время пребывает в латентном состоянии, а в Средиземье устанавливается полный хаос. Ангбад пытается (безуспешно) ассимилировать или уничтожить остатки эльфийской культуры, эльфы же впервые привлекают на свою сторону значимые количества людей, что дает возможность испытать еще один шанс («Битва Бесчисленных Слез») и затем перейти к партизанской войне. Заканчивается Древняя Эпоха Войной Гнева, о которой источники не сообщают решительно ничего, кроме неопровержимого факта личного участия в ней Богов.

Война гнева обернулась цивилизационной катастрофой такого масштаба, что Средиземье на целую эпоху «выпадает из истории». Единственной культурой, избежавшей возврата к дикости, стал Нуменор, о котором наши основные источники повествуют более чем лаконично. Однако сам факт наличия нуменорской экспансии в Средиземье в форме набегов или образования прибрежных поселений свидетельствует о повышенной «социальной температуре» на благословенном острове. Едва ли мы ошибемся, предположив, что источником «нагрева» был все тот же конфликт циклического и линейного времени — принявший на сей раз форму политической борьбы. Ввиду наличия пустого Средиземья, служившего стоком пассионарных элементов обеих партий, события развивались достаточно медленно. Когда все возможности для тонкой политической регулировки оказались исчерпанными, Ар-Фаразон решил разрубить узел противоречий, нанеся удар по оплоту могущества эльфов, их магических технологий и их циклического времени — по Заокраинному Западу. И вот здесь мы вновь встречаемся с прямым и непосредственным участием Богов в исторических событиях. О новой Войне гнева Дж. Толкин говорит еще меньше, чем о первой. Известен лишь ее исход — физическое уничтожение Нуменора и «закрытие» Валинора. Историческая сцена вновь переносится в Средиземье, теперь уже навсегда.

Насколько можно судить, к этому времени расположенная на востоке периферийная часть Ангбадской культуры сумела восстановиться, дав начало Мордорской городской

⁴¹В рамках Текущей Реальности используется термин «Вековой конфликт», но для эльфов век — это сугубо тактическая единица.

цивилизации. Консолидировались и остатки эльфов: Саруман в беседе с Халадином определяет их число в 20-30 тысяч носителей разума (это «оценка сверху», включающая также «темных» и «зеленых» эльфов, избегающих вмешиваться в политику и практически не взаимодействующих с людьми). Приход с Запада «девяти кораблей» нарушил установившееся равновесие, обернулся чередой «релаксационных войн» и в конце концов поднял структурообразующий «конфликт времен» на новый уровень. Сомнительно, чтобы этот конфликт ясно понимался его «рядовыми участниками» (хотя бы и в королевских мантиях), но основатели и сотрудники противодействующих Орденов называли вещи своими именами.

По-видимому, в течение большей части эпохи Ордена действовали комплементарно. Ситуация резко изменилась, когда Мордор вышел на порог уже не мануфактурной, но промышленной революции.

Здесь важно обратить внимание на принципиально иную по сравнению с Текущей Реальностью картину прогресса. У нас арбалеты, затем пушки и мушкеты предшествовали секуляризации мира, торжеству эмпирического подхода, мануфактурам, эпохе войн и революций. Мордор же проводит гигантские плановые мелиоративные работы, строит паровые машины, исследует электрическую природу нервных импульсов и конструирует планеры, имея в своем распоряжении примитивное военное снаряжение и еще более примитивную военную науку⁴². Разумно предположить, что такое положение дел обуславливалось явным или неявным соглашением между противоборствующими Орденами.

Здесь, на Земле, похожая ситуация возникла в Парагвае, где орденом Иезуитов была предпринята попытка отказаться от концепта национального государства и создать принципиально новую организующую структуру, основанную на взаимной терпимости и идеях прогресса. Эксперимент продолжался более двухсот лет, и к середине XIX столетия Парагвай, первым на латиноамериканском континенте, вплотную подошел к порогу индустриальной эпохи. Именно в этот момент вспыхивает Южноамериканская война (1864-1870). До сих пор не вполне понятно, какие именно силы развязали ее и сделали столь кровопролитной. Поводом к войне послужил конфликт Аргентины и Уругвая, тогда не обладающего статусом государства. Уругвай обратился за помощью к Парагваю, но уже через несколько месяцев выступил против своего союзника единым фронтом с Аргентиной и Бразилией. Последующие перипетии напоминают «Войну Кольца» в изложении К. Еськова и заканчиваются так же: победители оккупировали более половины территории страны и уничтожили 4/5 (прописью: восемьдесят процентов) ее гражданского населения. По масштабности истребления мирных жителей Южноамериканская война делит первое место с геноцидом, который осуществлял в Бельгийском Конго король Леопольд, и существенно превосходит достижения Адольфа Гитлера. Парагвай так и не оправился от этого удара, по сей день он остается одной из беднейших стран Латинской Америки⁴³.

К концу Третьей эпохи возможности развивать технологии, сохраняя при этом военный баланс, оказываются исчерпанными. Это обстоятельство никоим образом нельзя связывать с чьей-то злой волей: Совета Назгулов, очередного нумерованного Саурана, интеллектуалов из Мордорской академии наук или лично Моргота. Проблема в том, что переход к следующей фазе развития кардинально меняет вооруженные силы. Это только в игре «Цивилизация» Сиды Мейера фаланга может сражаться с линейной пехотой, а в реальной жизни индустриальная армия неизмеримо боеспособнее традиционной и это превосходство носит системный характер.

Регулярно появляются фантастические произведения, в которых современные люди попадают в магический мир. Обычно автор принимает как данность, что в этом мире не взрывается порох. Из этого делается вывод, что военное преимущество пришельцев потеряно и что они будут вынуждены играть по средневековым правилам. В действительности превосходство индустриальных армий лежит не столько в лучшем вооружении, сколько в ином уровне организованности. В ходе многочисленных русско-турецких или англо-бирманских войн была эмпирически доказана та истина, что

42Свидетельством тому — полное отсутствие воздушной разведки во время решающего сражения за Минас-Тирит.

43Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература РАН, 1994.

современное войско проходит через рыхлую средневековую структуру, как нож сквозь масло. Кроме того, даже если в мире не горит порох, это вовсе не означает, что в нем не будут летать планеры (птицы же летают) или не работать паровые катапульты вкупе с механическими двигателями (вода в фэнтезийных мирах кипит, и железо в них есть).

Мордор уже принадлежал к индустриальной фазе, что, собственно, подтверждает неудавшийся эксперимент с поливным земледелием: только промышленная цивилизация способна овеществлять подобные «глобальные проекты», опираясь на формулу «мы не можем ждать милостей от природы». Для того чтобы сделать его армии непобедимыми, был нужен или порох, или простая гуманитарная технология штабной работы, давно открытая работниками умбарского ДСД.

И вот здесь возникает интересный вопрос. Что произошло бы, если бы Саруману удалось отговорить Гэндальфа от немедленной «Войны Кольца» — допустим на секунду, что такое возможно?

Гондор и Рохан немедленно переходят на сторону цивилизации-победителя, что отнюдь не означает «становятся союзниками Мордора». Скорее, нет. Но они будут вынуждены развивать индустрию у себя, чтобы переоснастить армию по мордорскому образцу, и тем самым присягнут линейному времени. Само собой разумеется, будет череда войн, в ходе которой погибнут остатки рыцарской конницы (в Текущей Реальности ее концом стала «Битва золотых шпор» 1302 г., в окрестностях бельгийского Куртре) и произойдет окончательное форматирование видимого мира Арды.

Однако эльфийские поселения, по всей видимости, удержатся. Маготехнологии Лориена настолько развиты, что для уничтожения Зачарованных лесов придется использовать прямые методы и буквально завалить долину Нимродэли трупами. Сомнительно, чтобы прагматичный Мордор взялся бы за такое коммерчески невыгодное предприятие, для Гондора же подобная стратегия — с огромным напряжением сил уничтожить потенциального союзника — является форменной паранойей.

В результате противоречие между циклическим и линейным временем перейдет в скрытую форму и превратится в противоречие между онтологической и магической сущностью Арды, причем напряженность этого противоречия будет только нарастать. Пророчество Вакалабаты гласит, что магия или уйдет из Средиземья вместе с палантирами, «в один далеко не прекрасный день», 1 августа 3019 года, или не уйдет вовсе. Мы сейчас находимся в той Реальности, в которой магия не ушла.

Понятно, что вне всякой зависимости от своего желания Белый Совет будет вынужден передать Зеркало лориенским эльфам — оно просто никому больше не нужно. Таким образом, все содержание трек эпох Средиземья, весь динамический сюжет Дж Толкина сконцентрируется в Лориэне.

На данной исторической линии лежит новая Война Гнева и окончательная битва «Дагор Дагорат». Сомнительно, чтобы мир Средиземья пережил третье явление Валар во плоти.

Это построение станет отправной точкой нашего анализа, затрагивающего не только мир-текст Средиземья, но и некоторые болевые точки Текущей Реальности.

2

Цивилизационная спектроскопия современной Земли сложнее, чем толкинского Средиземья. Выделяется всепланетная индустриальная культура Запада, ориентированная на линейное время, материальное благосостояние и систему культурологических констант, порожденных семантическим спектром понятия «личность». Далее — страны Востока: Тибет, Индия, Китай, Япония. Мир-экономика с циклическим временем, приматом духовного над материальным и коллективного над личным. Полное зеркальное отражение европейских ценностей.

Наконец, Юг, страны ислама. Очень позднее, произошедшее уже в историческую эпоху, расщепление европейской цивилизации. Заменен только один параметр, причем новое значение взято у Востока: масса вместо личности и (следовательно!) вера вместо знания.

В мире-тексте Средиземья, где темпы развития, вообще говоря, много ниже, чем на Земле; это расщепление происходит только в начале Четвертой эпохи, уже после «Войны Кольца», когда Йомер становится Мечом Пророка. Во всяком случае, даже ко времени действия эпилога «Последнего Кольценосца» хакимианская культура явно не образует самостоятельной цивилизационной целостности и не участвует в общем раскладе.

Здесь необходимо заметить, что эльфийское общество Средиземья лишь по отдельным параметрам соответствует земному Востоку. У нас циклическое время коррелирует с коллективной ориентацией культуры, но эльфы Средиземья бессмертны, что с очевидностью приводит к низкой рождаемости и малой численности населения. В результате «каждый член социума поистине бесценен», что подразумевает гораздо более жесткую ориентацию на личность, чем даже в индивидуалистической буржуазной Европе. Казалось бы, это должно привести эльфов к панической боязни потерь и тем самым — к полному военному и политическому бессилию. Здесь, однако, проявляется дополнительный фактор, отличающий Средиземье от Текущей Реальности: «случай нашей Арды уникален: только в ней существует прямой контакт между физическим и магическим мирами».

Это, конечно, дает людям и эльфам приятную возможность «стрелять друг в дружку из луков» и, сверх того, делает Средиземье **Миром с рациональной трансценденцией**⁴⁴. Эльф вовсе не предполагает с большей или меньшей степенью фанатизма, что попадет после смерти в Чертоги Мандоса, он совершенно точно знает это. В результате эльфы боятся смерти даже меньше, чем люди, — вернее, их страх носит более рациональную природу и может быть легче преодолен.

Эльфийская цивилизация материальна и личностна, то есть она отличается от мордорской или европейской лишь по одному параметру — господствующему времени. Зато само это отличие носит очень глубокий характер и завязывается на магический характер эльфийских технологий. Как следствие, культура Зачарованных лесов не совместна с какой бы то ни было формой линейного времени: эльфы и люди не могут быть разделены в пространстве.

Совместный анализ цивилизационных структур Земли и Арды приводит нас к ряду интересных выводов, которые имеет смысл сформулировать, прежде чем переходить к более сложным вопросам. Итак:

1. Цивилизационная идентичность формируется в течение исторически значимого времени (для Земли традиционной и индустриальной эпох порядка пятиста лет).
2. Конфликт между цивилизациями носит тем более антагонистический характер, чем большее количество параметров совпадает. Наиболее острый конфликт возникает при расщеплении по единственному признаку.
3. Циклическое время коррелирует либо с общинноориентированным социумом (земные культуры Восточной Азии) либо с жестко заданным магическим характером цивилизации (эльфийские сообщества Арды).
4. Рациональным технологиям соответствует иррациональная трансценденция, и наоборот.

Здесь логика исследования приводит нас к необходимости естественнонаучного анализа эльфийской магии.

3

Вообще говоря, магия определяется как **прямое воздействие информационного мира на материальный**. В такой формулировке магические конструкторы не имеют прямого отношения ни к парадигме развития (метафоре времени), ни к примату эмпирического знания, ни даже к попперовскому принципу фальсифицируемости⁴⁵. Можно понимать под «магией» определенный тип технологии, отличающийся не только низкой ресурсоемкостью, но и плохой воспроизводимостью.

К. Еськов указывает, что «в норме» магический мир отделен от физического временеподобным промежутком: магия всегда находится в **абсолютном прошлом**. Это побуждает искать следы магических структур в **доисторических** эпохах, и не случайно целиком магическая Арда Дж. Толкина возникла как распаковка архивов, восходящих к праиндоевропейскому языку, к культурам едва ли не палеолитическим.

Сравнительный анализ мифологий различных народов Земли и Арды позволяет отыскать ряд очевидных параллелей. В данном случае нас будут интересовать следующие моменты:

- явная или скрытая (например, Египет) антропоморфность Богов
- наличие культурного героя (одного, реже двух), находящегося в особых отношениях с Богами, получившего, в некоторых случаях укравшего, у них основополагающие

44О «конструировании трансценденции» подробнее см.: *Лем Ст.* Сумма технологии. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

45Теория может считаться научной, если допускает принципиальную возможность опытного опровержения.

технологии: земледелие, письменность, строительство домов, обработка металлов и пр.— и обучившего им свой народ

- существование «запретных знаний», которые культурный герой не захотел или не смог передать людям (чаще всего речь идет о бессмертии, однако есть и другие варианты)

Это позволяет взглянуть на конфликт людей и эльфов с несколько неожиданной стороны. Дело в том, что полный мифологический цикл образует только культура эльфов и отчасти гномов. **В истории людей Средиземья нет культурного героя.** Напротив, многократно подчеркивается, что люди получили от эльфов весь комплект нео/энеолитических технологий — до алфавитной письменности включительно. То есть люди толкинского мира являются в современной терминологии **искусственно возвышенной расой**. Вполне понятно, что ситуация, сложившаяся к исходу Третьей Эпохи, когда на каждого оставшегося в Средиземье эльфа приходилось около пяти тысяч людей, виделась эльфам «Планетой обезьян».

Следы магического мира лежат в эпоху, предшествующую неолитической революции. Следуя принципам исторической реконструкции, будем читать мифы буквально, то есть, если текст подчеркивает единичность и единовременность акта кражи/дарения, мы не станем интерпретировать это утверждение как метафору целой исторической эпохи⁴⁶.

Принимаем, что в мифах «содержится лишь то, что в них содержится», и если утверждается, что Гильгамеш, Геракл или Финве получили знания непосредственно от Богов, значит, оно так и было⁴⁷. Это приводит к признанию объективного существования Богов, но такой вывод сам по себе не противоречит естественнонаучной парадигме и не должен априори отбрасываться.

Заметим в этой связи, что в магическом мире Арды существование Богов принимается всеми за реальный факт.

В качестве альтернативы у нас есть только концепция «случайного поиска», согласно которой овладение неолитическими технологиями происходило «методом проб и ошибок». Мало того что такая версия выглядит совсем фантастической — попробуйте создать рациональную схему случайного обретения всего комплекса технологий, образующих земледелие, и вы убедитесь, что получить текст «Властелина Колец», усадив за клавиатуру пару обезьян, гораздо вероятнее, — так она еще и порождает совершенно неразрешимый парадокс.

Открытия и изобретения можно классифицировать по степени их фундаментальности, причем чем более фундаментальным является достижение, тем, в общем случае, больших усилий оно требует. Сравнительно легко перейти от паротурбинного корабля к газотурбинному. Намного сложнее было додуматься до самой концепции установки на корабль механического двигателя. Но неизмеримо более трудно открыть саму идею судна, понять, что моря и реки не разобщают, а соединяют цивилизации. **«Парадокс прогресса» состоит в том, что наиболее фундаментальные открытия и изобретения были сделаны на ранних этапах развития общества** (не позднее неолитической революции).

Мифологический подход, по крайней мере, решает эту проблему.

Будем понимать Древних Богов, как антропоморфные Представления сил природы. Будучи антропоморфными, они способны к общению с людьми. Являясь Представлениями систем, они содержат в себе самоорганизующуюся и не зависимую от носителей информацию о системах.

Иными словами, Древние Боги есть первичные организующие информационные структуры, возникшие в первичном кэрролловском «мире без имен и названий» и положившие начало эволюции информационного пространства.

⁴⁶Заметим, что миф, как правило, подробно рассказывает о жизни «культурного героя», упоминает о его семейных делах, называет прямых потомков, — словом, настаивает на том, что герой является исторической личностью. Это не мешает комментаторам с поразительным единодушием именовать его «собираетельным образом». Одно время подобная судьба грозила даже пророку Мухаммеду, историчность которого подтверждена сотнями источников.

⁴⁷Это звучит парадоксально, но только такой подход отвечает фундаментальной научной парадигме, а именно принципу «бритвы Оккама»: не создавай сущностей сверх необходимого.

Античные греки с характерной для них точностью охарактеризовали Богов как бессмертных человекоподобных существ, которые, однако, могут быть рождены и уничтожены. Греки же обратили внимание на потребность Богов в жертвоприношениях и их умирание от информационного «голода». Греки справедливо считали, что подобно тому как Боги являются Представлением Сил, так и люди (Герои) могут быть Представлениями Богов. В мифе о Тезее очень точно изложено, что отцом героя является Эгей и одновременно Посейдон: в жизни не прославившегося ничем Эгея был только один великий день - вернее, ночь, когда он стал воплощением Стихии моря и в этом состоянии зачал ребенка.

Но информационное пространство, раз возникнув, обречено на существование.

Таким образом, замыкается обратная связь: прошлое оказывается зацепленным с Будущим, и время, мифологическое Время, обретает цикличность.

В мире Арды лишь одна группа носителей разума — эльфы, смогли понять и правильно интерпретировать «голос Неба», который одновременно и был рожден, и существовал всегда. Тем самым эльфы оказались единственными проводниками воли Древних Богов.

На Земле ситуация развивалась гораздо драматичнее. В каждом из народов, которым суждено было занять какое-то место в мировой истории, находился человек — скорее всего, действительно один, у которого доставало разума не сойти с ума и не умереть при встрече с Богом⁴⁸, принять у него информацию и донести ее до современников.

Итак, задолго до неолитического переворота и возникновения традиционной воспроизводящей экономики произошла другая великая революция, память о которой сохранилась лишь в древнейших мифах. Эта революция привела к разделению единой Вселенной на информационный и физический мир и породила титанические фигуры Посредников между этими мирами. Посредников, которых на Земле зовут Древними Богами, а в мире Арды — Валарами.

На этой стадии возникли основные виды магии. Информационная магия «распаковки смыслов», позволяющая привносить в Реальность новые артефакты. Высшая магия пресуществления себя (именно о ней говорит Шарья-Рана Халадину, когда разговор заходит о Соне, которую «в санитарном отряде почитали за живой талисман»). И наконец, ритуальная **техномагия**, которая тогда была весьма действенным произведением искусства, посвященное одному из Древних Богов, побуждало этого Бога, являющегося антропоморфным Представлением дружественной к человеку Вселенной или ее подсистем, оказывать человеку действенную помощь.

В памяти человечества Земли этот период, **мезоинф**, остался золотым веком, а эльфы Арды зовут его Эпохой Деревьев. Еще не существовало Государства, то есть управляющая структура не была отчуждена от управляемого населения. Биосфера леса и лесостепи была достаточно богатой для того, чтобы человек или эльф, пользующийся помощью Древних Богов или Великих Валар и вооруженный луком и кремневым ножом, мог безбедно существовать.

Дальнейшая драма разыгрывается на Земле и мире-тексте Дж. Толкина по-разному, но приводит к схожим результатам.

У нас высокий уровень жизни с неизбежностью привел к взрывному росту популяции Ното, что породило преднеолитический экологический кризис — резкое сужение кормовой базы охотничьих племен. Как и всякий большой системный кризис, он носил всеобщий характер: подобно тому как физический рост биомассы человечества вызвал разрушение природной среды обитания мезолитического охотника, быстрое развитие информационного пространства разрушило естественную среду обитания Древних Богов. И на границе мезо- и неолита эти Боги начинают умирать. С их «старостью» заканчивается время симпатической магии, которая из действенной технологии становится религиозным пережитком (но и — необходимой частью информационной культуры).

Во всяком случае, на границе мезо- и неолита магия уходит из мира Земли, растворяясь среди эпох, не имеющих имени и потому называемых доисторическими.

«У них», в мире Арды, системный кризис связывается с именем Феанора, первого и последнего великого эльфийского изобретателя. Саруман в разговоре с Гэндальфом очень тонко замечает, что магическое знание в принципе не способно прирастать, оно находится вне времени, оно просто существует — и все. Феанор же ставит своей целью акт творения, на который Древние Боги по определению не способны: в последовательной и точной

⁴⁸Смотри, как вариант, жизнеописание Моисея (Например, Климент Александрийский. «Строматы»).

религии Средиземья прямо указывается, что это — прерогатива только Единого. «Конфликта художника с ремесленником», однако, не возникает: Валар восхищаются плодами творчества Феанора, с удовольствием включают их в общий контекст информационно-магической Вселенной Валинора, и течение событий резко меняется.

Изобретения Феанора, не имеющие привязки к исходному магическому знанию, порождают метафору линейного времени, что приводит к необратимому «отравлению» информационного пространства Валинора инновациями («Омрачение Валинора»).

Системный кризис на Земле, разобивший магический и физический миры, разразился также и в Арде, и, возможно, мы будем не столь уж не правы, предположив формальное тождество Феанора с Морготом, Черным Врагом Мира. Впрочем, такое прочтение мифа аналогично и, следовательно, противоречит принципам исторической реконструкции.

Как бы то ни было, Древние Боги восстановили информационную экологию Валинора. С началом Первой Эпохи Заокраинный Запад отгораживается от Средиземья, но граница носит мембранный характер и остается проницаемой в обе стороны. Магия продолжает действовать в обоих мирах. Она способствует «быстрому старту» человеческих культур, она обуславливает действие в мире Средиземья «западного переноса»: преимущественного перемещения племен с востока на запад — в сторону Валинора⁴⁹. Она поддерживает эльфийские социумы в неустанной борьбе за циклическое время и новый золотой век. И она же оборачивается страшными катастрофами Войны Гнева и гибели Нуменора.

ТЕКУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ФОРМАЛИЗМЕ «ВОЙНЫ КОЛЬЦА»

Приведенная цепь рассуждений оправдывает поступок Халадина, что называется, «в абстрактно историческом плане». Уничтожение Зеркала, избавившее Средиземье от нового явления Древних Богов, было необходимым. Вопрос: было ли оно при этом достаточным, — нам предстоит исследовать не столько на материале Арды, сколь в терминах Текущей Реальности.

Начало третьего тысячелетия на Земле и канун Войны Кольца в Средиземье связаны симметрией сдвига. В обоих случаях речь идет о смене эпохи, только для Средиземья Шарья-Раны и Халадина индустриальная фаза — это еще счастливое будущее, а у нас «все эти чудеса уже давно в продаже».

Линейное время символизирует неизбежность развития, но возможности для него в индустриальной фазе фактически исчерпаны. Земля оказалась слишком маленькой, а Космос неожиданно слишком огромным, и Единый не подарил нам естественного спутника на низкой орбите. Если для космической экспансии и был шанс, то он остался нереализованным. Во всяком случае, в этой фазе.

Как обычно, к концу эпохи события сгущаются⁵⁰, а напряженности противоречий быстро нарастают. Нет необходимости приводить здесь перечень всех надвигающихся на европейский мир-экономику структурных кризисов — дело в конечном счете вовсе не в них. Циклическое время порождает цивилизации, которые «не умирают, но и не живут», линейное же время создает смертные человеческие сообщества.

Основным содержанием приближающейся «Войны Кольца» станет попытка европейского социума воспользоваться накопленной инерцией развития и развернуть строительство постиндустриальной фазы. Рассмотрим обе альтернативные Реальности: в первой «постиндустриальную задачу» решить не удастся, во второй милостью Единого «информационная революция» может пройти до конца⁵¹.

Заметим, прежде всего, что первая версия неизмеримо более вероятна.

Зародыши (локусы) новой фазы неустойчивы в мире существующем, обеспечение их жизнедеятельности требует затрат социальной энергии. Но таким образом лишь поддерживается бытие «Будущего-в-настоящем», а для того, чтобы осуществить фазовый переход, придется полностью разрушить все взаимосвязанные миры-экономики и построить из возникшего хаоса новую организующую структуру. «Фазовое доминирование», а весь опыт истории доказывает, что старшая фаза ассимилирует любые культуры младшей фазы, с которыми она взаимодействует, предполагает, что эта структура более сложна, более

49Интересно, что «Западный перенос» действует и на Земле, хотя и проявляется не столь отчетливо, нежели в мире-тексте Дж. Толкина. Это — закон Алана Брукса.

50*Меистерхези Л.* Загадка Прометея. М.: Прогресс, 1977.

51*Переслегин С., Столяров А., Ютанов И.* О механике цивилизаций//Наука и технология в России. 2001. №7 (51); 2002. т (52).

динамична, более насыщена информацией/энергией, нежели предыдущие.

Разность социальной энергии, запасенной в базовых структурах обществ, относящихся к последовательным циклам развития, определяет величину фазового барьера. Чтобы достичь новой фазы, цивилизация обязана преодолеть этот барьер, и это гораздо проще сказать, чем сделать.

Древний Рим вплотную подошел к индустриальной революции и даже сумел перестроить свою трансценденцию, отказавшись от этноплеменных Представлений давно ушедших Древних Богов и обратившись к образу Единого. Однако античная психика не могла удерживать в себе одновременно принцип развития, примат личности и коллективную форму организации работы, характерную для мануфактурного и фабричного производства. В результате Римский Мир был размонтирован, а индустриальную эпоху отделил от античной целый исторический период — Средневековье. Потребовалась тысяча лет, чтобы вылепить современную европейскую психику, в которой социальная идентичность, поддерживающая существование «человеческого муравейника», задана на уровне коллективного бессознательного.

Разумеется, современники никогда не воспринимают фазовый барьер как вызов со стороны Реального Будущего. Всякий раз он обретает форму очередного местного кризиса, отличающегося лишь тем, что попытки его разрешить последовательно сужают пространство решений и в конце концов заводят общество в «воронку», из которой нет выхода.

Так, для городской цивилизации Мордора фазовый барьер сначала проявился как опустынивание. Попытка восстановить урожаи за счет мелиорации привели к экологической катастрофе, в результате чего Мордор потерял продовольственную независимость. Это — неизбежное следствие индустриализации (в промышленной фазе богатая рудами Мордорская котловина ни при каких обстоятельствах не была бы использована в качестве пахотных земель), но **суть фазового барьера в том и состоит, что расплачиваться за новые возможности приходится авансом.** Мордор еще не стал промышленной державой, но уже лишился естественной для традиционной культуры возможности обеспечивать себя зерном.

На следующей стадии фазовый барьер обрел форму Войны Кольца, то есть выступил метафорой цивилизационного конфликта. Городская культура Мордора не смогла справиться с Закатной коалицией и была полностью размонтирована — семантический спектр этого понятия может быть нами восстановлен по анализу событий в урочище Тэшгол. Впрочем, эльфийским социумам также был нанесен смертельный удар, что дало возможность умному и абсолютно безжалостному Арагорну реконструировать Объединенное королевство с применением мордорских технологий и все-таки завершить Промышленную революцию, потеряв вместо «законного» тысячелетия лишь около ста лет. Так что, в известном смысле «все кончилось хорошо».

Мы не знаем, возрастает ли со временем величина фазового барьера — из общих соображений, скорее — да. Во всяком случае, исходить надо из того, что постиндустриальный барьер выше и круче индустриального. Тогда построение новой фазы Евро-Атлантической цивилизации Земли должно подразумевать в качестве первого шага создание новой психической структуры, адекватной постиндустриальным реалиям. Эта задача, видимо, очень далека от решения, поскольку на сегодняшний день она даже не поставлена.

Можно предположить, что первой «зарницей» той системы кризисов, которая образует нашу версию «постиндустриального барьера», является падение рождаемости, усугубившееся в последней четверти XX столетия. На рубеже тысячелетий «демографическая проблема» перешла в следующую цепочную стадию и приняла форму прогрессирующего ухудшения качества образования. Это явление обернется острым «кадровым голодом»: постиндустриальные технологические цепочки, создаваемые ныне в США, Японии, Западной Европе, будут потреблять высококвалифицированный потенциал во всевозрастающем количестве, в то время как система образования не сможет обеспечить грамотными выпускниками даже традиционные области производства.

Не приходится сомневаться, что этот кризис будет разрешен по типу продовольственной проблемы в Мордоре — за счет импорта кадров. Это, однако, приведет к ослаблению цивилизационной идентичности Европы, если только не будет построена идентичность более высокого порядка, на что практически нет надежды. В конечном счете «где-то и кем-то» обязательно будет произнесена фраза: «страны, не способные обеспечить себя

человеческими ресурсами, не могут считаться серьезными военными противниками».

Постиндустриальный барьер обретет форму **войны цивилизаций**.

В первой версии Реальности эта война будет проиграна, и демонтаж европейской культуры произойдет, скорее всего, примерно так, как в Мордоре.

Однако поражение не является фатальной предопределенностью. Существует вероятность того, что Евро-Атлантический мир-экономика сумеет изыскать достаточные ресурсы и устоять в войне цивилизаций. Кажется, что в этой версии будет, по крайней мере, выиграно время, которое удастся использовать для постиндустриальной реконструкции. Однако глобальная военная победа Запада над Югом и Востоком нарушит информационное равновесие, что может привлечь внимание Древних Богов.

Здесь замыкаются обе ветви нашего анализа. Земля подобна Арде, хотя связь между магическим и физическим миром «у нас» много слабее. Но она не равна нулю — свидетельством тому и «детская магия», и информационный феномен «распаковки смыслов», и регулярное появление Пророков. Тем самым Древние Боги не умерли, как мы самонадеянно думаем, не отступили на радость психоаналитикам в мир раннего детства. Они на время уснули и могут быть разбужены.

С высоты постиндустриальной фазы развития в этом нет особой опасности: постиндустриализм предполагает освоение человеком информационного пространства и всех его Отражений, включая магические. Иначе говоря, в этой фазе мы обретем возможности высшего творчества, которые помимо всего прочего подразумевают также и умение создавать и уничтожать информационных богов. Однако сегодня таких технологий в нашем распоряжении нет.

Мы прошли намеченный путь до конца. К. Еськов применил к Миру Средиземья принципы исторической реконструкции. Мы использовали полученные им результаты для того, чтобы распространить эти принципы на Текущую Реальность, отнестись к «сегодня» Евро-Атлантической цивилизации Земли как к мифу, нуждающемуся в исследовании и в истолковании. Если в процессе рассуждений между «как бы настоящим» и «как бы вымышленным» мирами исчезли существенные различия, то это не вина аргументации, а лишь объективное свойство многокомпонентной Вселенной. Поскольку «Мир есть Текст».

РАЗНОЦВЕТНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я явлюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур, ему я явлюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

Г.Каттнер

Но когда-нибудь рухнет картонный Парнас,
И уйдут часовые — калифы,
И сирены морей будут петь лишь для нас...
...лишь про нас — ибо мифы мы, мифы.

«Зимовье зверей»

Мир, конечно, есть текст, и об этом мы в свое время «много и полезно» говорили⁵². Но вот людей, способных читать этот «текст» так как он есть: «с листа», из предельной онтологии, раз, два и обчелся. «Ан масс» же предпочитает воспринимать мировой текст через призму сюжета. В современном языке значение термина «сюжет» расшифровывается через вполне определенное понятие «скрипта»: набора правил, определяющих поведение системы. Например, персонажа компьютерной игры. Или человека с его волей, «которую Господь создал свободной».

сюжетов много⁵³, но их конечное количество. Если быть совершенно точным — их сорок восемь, причем не все они на сегодня построены. Плюс сорок девятый, создание, прописывание собой, своей жизнью, нового сюжета и тем самым нового «этажа» информационного мира. Их можно классифицировать по четырем основным категориям:

Рождение мира (будь этот мир Вселенной, макро- или микрокосмом, или даже Игрой — онтологический сюжет);

Гибель мира, Апокалипсис (эсхатологический сюжет);

Возвращение (сюжет Одиссея, к этому же скрипту принадлежат сюжеты, касающиеся любви, смерти, познания);

Спасение (сюжет Христа, к этому, самому молодому типу мифов относится и Исход).

Эти глобальные сюжеты образуют базис, в котором существуют остальные скрипты и подчиненные им люди, герои, боги, государственные системы и мировые религии, информационные и любые иные известные нам «большие» объекты, вплоть до Универсума.

Практически любая экзистенция может быть расписана через глобальные скрипты. Осознав это обстоятельство, Ж.-П. Сартр впал в неоправданное отчаяние: очень тяжело принимать, что любая человеческая жизнь представляет собой конечный набор стереотипных скриптов, но, право же, расстраиваться из-за этого столь же полезно, как огорчаться тем, что любой текст состоит из одинаковых букв, которых всего тридцать две, а любое химическое соединение — из сотни с небольшим сравнительно стабильных элементов; да и выйти из прописанной сюжетной смысловой и скриптовой Вселенной человек может — буддисты называют подобное освобождение нирваной, экзистенциалисты — выходом на нейрогенетический уровень сознания.

Обыденная жизнь «простого» человека содержит два-три элементарных скрипта (десять-двенадцать устоявшихся убеждений «как должно» и «как не должно») и к ним, может быть, пару деятельных позиций. Все остальное — тождественные и квазитожественные преобразования одних житейских ситуаций в другие, неотличимые от первых. Этакая экзистенциальная «жвачка»:

«— В чем смысл жизни?

— Чьей?

— Моей.

— Отсутствует. Следующий!»⁵⁴.

В книгах, документальных и биографических — в том числе, не живут люди, но действуют герои, если только автору хватило ума и таланта не заселить текст одними проходными персонажами, поэтому и темп событий там выше, и пространство мифа, определяемое четырьмя основными сюжетами, ближе, и насыщенность скриптами — больше. Если мир есть текст, восприятие мира — сюжет, а представление его — книга, то почему подавляющее большинство граждан предпочитают читать о себе скучные книги — вопрос отдельный и интересный, мы рассмотрим его ниже⁵⁵. А пока — *крибле-крабле-бумс!* — сделаем следующий шаг.

Как справедливо указывал В. Ленин, при общей неграмотности населения «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Базовая грамотность с тех пор заметно возросла, но мысль вождя мирового пролетариата не утратила своего значения. С текстовой точки зрения пространство фильма почти пусто: формальное изложение событий крутого голливудского блокбастера — 15-20 страничек на машинке через два интервала — рассказ, а не роман, — но зато скриптовое поле заполнено полностью. В кино нет тождественных жизненных преобразований. Кино — это чудо непрерывной жизни в сюжете, пазл, составленный из императивных скриптов. Киногерой абсолютно условен, сколь угодно «нежизнен», безоговорочно подчинен логике мифа и последовательности скриптов, но зато он совершенно свободен от «нельзя», «не получится», «а оно тебе надо?».

⁵³Переслегин С. Дружба мушкетеров при живых королях/ /Сообщение. 2004. № 8.

⁵⁴Лукин Е. Портрет кудесника в юности. М.: АСТ, 2004.

⁵⁵В самом деле, чем занимался Д'Артаньян между «Тремя мушкетерами» и Фрондой?

Вопрос обойден вниманием литературоведов, а ведь он не менее интересен, чем проблема социального происхождения Шерлока Холмса, зарабатывающего на жизнь частным сыском, в то время как его родной брат работает на Уайтхолл и является завсегдатаем самого аристократического клуба доброй старой Англии.

К. Еськов предлагает нам три фильма⁵⁶, созданных по одному мифу, хорошо известному мифу о благородном разбойнике Робин Гуде, грабящем богатых, защищающем бедных и сражающемся плечом к плечу с бежавшим из плена королем Англии.

Три версии. Как рассказали бы этот миф сегодня в американском, европейском (германском или польском) и русско-советском кино. Понятно, что американская подача — самая яркая и разбитная, не озабоченная правдоподобием, да и смысл рассматривающая как острую приправу, которой не должно быть много. Русская «лента» — самая длинная, она даже тяготеет к некоторой сериальности, причем речь идет, конечно, не о «Рабыне Изауре», а об интеллигентнейшем штандартенфюрере СС фон Штирлице — нет-нет, да сорвется со страниц-кадров «Паладинов и сарацинов» сакраментальное: «Информация к размышлению. Маркус Вольф» или голосом Вячеслава Тихонова: *«Эта линия защищена от прослушки... да, с гарантией. ...Всё верно, именно так и обстоит дело: последний резерв Ставки, джокер из рукава. ...Да, я берег ЭТО именно на такой случай, как сегодня»*, и, конечно же, противостояние добра и зла обретает вселенские масштабы, а хэппи-энд напоминает по вкусу смесь абсента с хлористым кальцием. Между ними чинная благородная, в меру трагическая, в меру исполненная смысла и сопереживания европейская «история». К. Еськов, наверное, настаивал бы на «Профессионале», но мне как-то ближе Вольфганг Петерсон, хотя его и завербовал Голливуд.

Три источника, Три составные части. Чего?

Возникает еще один интереснейший вопрос. Чего ради К. Еськов, писатель с устоявшейся репутацией криптоисторика, аналитика, разведчика (в высшем, то есть литературном, значении этого термина) тратит столько сил и времени — цикл писался с 2001 по конец 2003 года — на сотворение современной формы «Баллады о Робин Гуде». Шутка? Но растянутая на три года работы и четыре сотни страниц, она производит впечатление.

Но, может быть, странная шутка — лучшая форма, чтобы поговорить о том, о чем нельзя говорить серьезно?

1. **РОБИН ГУДАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ**

Постольку поскольку в Текущей Реальности Третья (толкинская) Эпоха подходит к концу, информационное пространство насыщено сюжетами до отказа. Случайный телефонный звонок, неожиданная встреча... или, например, поездка на Антильские острова может оказаться приглашением в кино. С вами в одной из главных ролей.

Иногда приглашение приходит в форме «предложения, от которого невозможно отказаться», как это случилось с Елкой и Чипом. Обычно же выбор оставлен за Вами. Дорога налево — в Шервудский лес. Направо — в канцелярию шерифа Ноттингемского. А еще можно остаться на месте — среди тех бедных хлебопашцев, ради которых Робин Гуд грабил богатых. По Владимиру Высоцкому:

А рядом случаи летают, словно пули,
Шальные, запоздалые, лихие, на излете...
Одни под них подставиться рискнули,
И сразу — кто в могиле, кто в почете.
Другие не заметили, а мы — так увернулись,
Нарочно не приметили, на правую споткнулись.

Человек рождается и умирает абсолютно свободным. Живет он в том или ином **чужом** сюжете, за исключением столь немногих, что они даже и появляются не каждое поколение. Но этот чужой сюжет человек выбирает своим умом, мостит дорогу к нему своими руками и ногами. Кто-то когда-то назвал проклятьем доброе пожелание «чтоб вам жить в эпоху перемен», и, восприняв это «исправление имен» как восточную мудрость, «умеренные люди середины» пожелали жить/существовать в самых скучных из возможных сюжетах. Выбирают быть «бедными и больными», слабыми и зависимыми, выбирают не прыгать выше головы и вообще «быть как все», выбирают: «А оно тебе надо?». Слой сюжетов, которые я условно называю «тождественным преобразованием»: всякая ситуация развивается в следующую точно такую же.

«...В двадцатом веке куда ни плюнь — обязательно попадешь в нытика. То они озабочены поисками настоящей любви, то хнычут и жалуются на дороговизну. У них есть целая куча

слов для выражения недовольства жизнью: angst, ennui, тоска и так далее. Они глотают пилюли, чтобы вылечиться от так называемой депрессии. Они ходят на занятия, чтобы научиться быть довольными собой. Они избавляются, делая аборт, от каждого четвертого ребенка.

<...> Неудивительно, что именно они изобрели понятие экзистенциальной безысходности.

<...> А до чего же странные у них политические идеи! Они настаивают на своих «правах», они как заведенные требуют объяснений, которых, по их мнению, «заслуживают», они считают, что мы «обязаны» обращаться с ними как положено.

До меня это не доходит. Я лично под дулом пистолета сделала бы все, что мне велит его владелец, да еще «спасибо» сказала бы и «пожалуйста». И убила бы его, не колеблясь, при первой же возможности»⁵⁷.

Следующий, якобы альтернативный, слой сюжетов — нигилизм, отрицание, наркотики, преступные сообщества, — любые формы формального и бессмысленного протеста. Формального, потому что он целиком и полностью сводится к отрицанию обыденно-социального и, значит, порождается этим обыденно-социальным и не может без него существовать. Бессмысленного, потому что за подобным протестом не стоит ничего созидającego, никакой контркультуры. В рамках «сюжетного» подхода — пазл из «тождественного сюжета» и разных версий личного, а иногда и коллективного апокалипсиса.

А если за протестом стоит не разрушающая, а созидающая основа?

Тогда мы имеем дело с жизненно необходимым обществу очень узким слоем out-law — контрэлитами. Людми, способными, по крайней мере, задавать вопросы *жирным карасям, пожирающим придонный планктон*⁵⁸. Этот слой находится в непрерывной борьбе с правящим Порядком. Борьба порождает социальное движение в понимании Маркса: смену государственной власти, переход от одной социальной страты к другой, формационные преобразования — онтологический сюжет рождения нового мира или хотя бы мирка на руинах старого. Контрэлиты криминальны, и поэтому лозунг/бренд «правового государства» — это приглашение к обществу, лишенному развития, а вместе с тем — и смысла существования, возвращение от онтологического сюжета к «тождественному» как на личном, так и на социальном уровне.

Если есть контрэлиты, должны быть и элиты: «лица, принимающие решения». Разные уровни разных властей. Люди, некогда выбравшие сюжет «апофеоза», превращения человека в Бога: не скучный, но очень страшный. Они — люди и «властные» сюжеты — делятся на три категории.

Первая — обычные грамотные профессионалы, воспринимающие власть как возможность творить, не оглядываясь «наверх» на каждом шаге. Таких у власти больше, чем принято думать, а некоторые этажи элиты целиком созданы ими. Потому мир все еще существует и даже, как умеет, развивается.

Вторые — это те, кто испугался своего «властного сюжета», не потянул его и теперь пытается из него выбраться и перескочить в любой другой. Они запивают и заедают власть дорогим коньяком, икрой, тропическими островами, взятками, убийствами. Генералу Атторнею нужен служебный рост и халявные коктейли на вице-президентском приеме. Мистеру Бишопу, владеющему целым государством, понадобилась русская девушка. В сравнении с Джанет Рино, министром юстиции при Клинтоне, желание, можно сказать, невинное.

Третьи — последняя категория власть имущих — поинтереснее. Они также знают толк в элитном коньяке и дорогих сигарах, но, достигнув очень высокой ступени власти, они стремятся еще дальше наверх, чтобы обрести статус, позволяющий устанавливать и менять «правила игры», чтобы «*блюсти высшие интересы государства*».

«Все-таки есть, есть где-то Хогвартс, исправно снабжающий подобными персонами весь цивилизованный мир — хоть Штаты, хоть Россию, хоть старушку Европу; в принципе оно бы, может, и ничего - но только почему из всех тамошних факультетов бесперебойно выдает продукцию один лишь Слизерин?»⁵⁹ А чего вы хотите? Конец эпохи. Кризис индустриальной фазы развития. «Крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым

⁵⁷Varley J. Millenium. N.Y.: Ace Books, 1983.

⁵⁸Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2007.

⁵⁹Еськов К. Баллады о Боре-Робингуде. М.: НЦЭНАС, 2006.

Робин Гуды не относятся ни к народу, ни к криминальным нигилистам. От первых их отличает привычка к действию, а от вторых — такая характеристика, как «стиль»: «...я ведь как Дон Корлеоне: не одобряю наркотиков; надо блюсти имидж...»⁶¹. Не связаны они и с формальными элитами — властвующими и «альтернативными», поскольку живут в ином сюжете. В отличие от высшего слоя они не стремятся управлять «правилами игры», Робин Гуды любят искать и находить «дырки» и несуразности в существующих — чужих — правилах. Для общества такие люди — ферменты, катализаторы⁶² перемен, причем в революционных преобразованиях мира, сами они, как правило, не участвуют, находятся вне пространства социально-политической игры в отличие от облигатно⁶³ «играющих» контрэлит. Робин Гуды, равно как и Дон Кихоты, существуют в рамках любых сюжетов, кроме «тождественного», но, как правило, они избирают сюжет «странствия и возвращения», сюжет Одиссея, царя Итаки.

Возвращаясь к старой, марксистской, схеме устройства, заметим, что народ следует «тождественному» сюжету с вкраплением разнообразной эсхатологии («русский бунт — бессмысленный и беспощадный»), элиты — разные этажи правящего класса, контрэлиты представляют собой «партию будущего». Блюстители высших интересов — по К. Еськову «пыльнолицы» — являют собой арбитров, устанавливающих правила классовой борьбы, — социально-классовая категория, которая едва ли могла прийти в голову К. Марксу или Ф. Энгельсу, которые жили и работали в информационно незастроенном мире.

А Робин Гуды, как им и положено, остаются вне социально-классового деления. В Шервуде.

2. «ХОРОША ИЛИ ПЛОХА — ОНА МОЯ РОДИНА»

Еще лет двадцать-двадцать пять назад мир был исключительно прост. «Железный занавес» делил Землю на две неравные части. В одной размещалась «Империя Зла» со всеми характеристиками толкинского Мордора — абсолютная власть, насилие, возведенное в ранг государственной политики, угнетение, рабство. В другой жили Свободные Народы Запада, демократические, процветающие и почти беззащитные перед лицом потенциальной агрессии со стороны «восточных людей». При желании можно раскрасить картинку в другие цвета. Тогда к востоку от Стены будет «мир гуманного воображения», а с запада — «мир страха перед-будущим». Следуя излюбленному пост-пост-постмодернистами приему многократного косвенного контекстуального цитирования, скажем, что «оба Луя

⁶⁰Энгельс Ф. Предисловие к брошюре С. Боркгейма «На память немецким убийцам-патриотам 1806-1807». (Цит. по: Ленин В. Пророческие слова/ /Правда. 1918. 2 июля).

⁶¹Еськов К. Указ. соч.

⁶²Напомню, что катализатором называется вещество, ускоряющее химические реакции, причем само оно в этих реакциях не расходуется. Фермент — биологический катализатор. Робин Гуд и его команда, форсируя происходящие в обществе процессы, выполняют роль «со-прогрессоров».

⁶³Красивое слово «облигатно» в биологии обозначает «непременно», «при всех условиях» и противопоставляется термину «факультативно».

приблизительно в одну цену»⁶⁴.

Но разница все же была. Миры-экономики «к западу» и «к востоку» от Луны отличались правилами политической игры, логикой функционирования, социальной и классовой структурой. Эти миры были выстроены в разной эстетике и жили в разных сюжетах.

Вековой конфликт был принципиально разрешен в 1968-1973 гг., когда определилось подавляющее экономическое и научное превосходство Запада. В 1986-1991 гг. капитуляция Востока была подписана. «Железный занавес» рухнул. Бывшие союзники по Варшавскому договору вкупе с братскими советскими республиками наперегонки кинулись в объятия бывшего врага с криками: «Я ни в чем не виноват, это все — он, он, Советский Союз...»⁶⁵

Хотя капитуляция ожидалась, она все-таки оказалась неожиданной. Старые планы рухнули, новых не было. Именно в такие моменты проявляются качества высшего слоя элиты: людей, которые играют в правила игры.

М. Горбачева справедливо ругают.

«В 89-м Горбачев "за спасибо" сдал Восточную Германию, даже не выговорив взамен судебного иммунитета для ее лидеров - чем привел в несказанное изумление руководство ФРГ. Тут можно было бы много чего сказать, остерегая от такого обращения с союзниками - от по-американски циничного "Мерзавцы, конечно, но ведь наши мерзавцы" до чисто детского "Если ты кого-то приручил, ты за него в ответе", - но наш любитель консенсусов слишком спешил получить свою Нобелевскую премию мира...»

«Все и сразу», и правда, отдавать не следовало, но политика последнего Генсека/первого и единственного Президента СССР содержала ряд очень интересных и неочевидных людей.

В самом деле, не обязательно было «сдавать» своих, это понятно, кажется, всем. Гораздо труднее разглядеть, что и «**брат**» их тоже не следовало. Предположим, очередной «пыльнолицый» вежливо сообщает заинтересованным сторонам, что суд над М. Вольфом⁶⁶ и его сотрудниками «не соответствует высшим интересам США и Западного Мира», что тогда? Как расценивать стратегию Горбачева? И ведь действительно «вакханалия победителей» никак не укладывалась в логику рационального использования достигнутого Западом политического успеха.

В сущности, Вольф и другие — имя им легион, а также Берлинская стена и Восточная Европа сыграли роль фигур, которые Горбачев пожертвовал, чтобы вынудить быструю и

64Метод контекстуального цитирования основывается на том, что современное смысловое пространство очень плотно застроено. Поэтому цитата включает в себе не дискурс, а нарратив: огромное количество смыслов, примыкающих к тексту цитаты, обтекающих этот текст, порожденных этим текстом. В ткань одного произведения вторгается **целиком** другое, более раннее, вторгается вместе с эпохой, его создавшей. Цитатой воспроизводится весь контекст, некогда упакованный в отточенную мысль, более того, косвенно присутствует эпоха. При многократном цитировании (например, К. Еськов цитирует Стругацких или Ле Карре, а цитируемые тексты содержат отсылку к Хемингуэю, который, в свою очередь...) контексты перемножаются, создавая сложный многофакторный литературно-игровой мир. Заметим, что при этом сама цитата — концентрированная мысль, выделенный дискурс — остается единственной неизменностью: она инвариантна относительно контекстных преобразований и являет собой — для авторской Вселенной — *«одну из пресловутых общечеловеческих ценностей»*. Заметим для полноты, что цитирование может быть как прямым, воспроизводящим исходный текст, так и косвенным, лишь намекающим на некоторый текст или, может быть, тексты. Можно ввести в рабочий контекст кэрролловскую Алису фразой (например, «все страньше и страньше»), а можно просто вспомнить Бармаглота или Чеширского кота... в самых косвенных формах цитирования герой может просто вспомнить «девушку по имени Алиса, с которой он встретился в прошлом году в баре на 61-й Лебеда», и у читателя сразу же оживет в памяти «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка», «Девочка, с которой ничего не случится» — в ассортименте, а заодно и «что-то из Шекли»). Конечно, подобные механизмы работают лишь для искушенных читателей и для времени «конца эпохи», когда связность смыслового пространства в «ядре» очень велика, а на периферии близка к нулю: иными словами, существует перечень общеизвестных смыслов, все, что лежит за его пределами, недоступно.

65Сюжет есть сюжет. Сравните: «Я был лишь слепым оружием в руках негодяя Весельчака У, он меня заставлял...» (Булычев К. Сто лет тому вперед. М.: Эксмо, 2007).

66Маркус Вольф — бывший руководитель восточногерманской разведки.

неожиданную ничью⁶⁷, и которые Западу **нельзя было трогать**. К несчастью, советский кормчий, очевидно, оценивал уровень заокеанских игроков в геополитические шахматы по Ф. Рузвельту, Г. Киссенжеру и З. Бжезинскому.

Девяностые годы стали временем непрерывной политической и экономической деградации для России, но и Штаты извлекли из своего всемирно-исторического успеха лишь заурядную, базирующуюся исключительно на силе, монополию на мировую власть. Сразу же выяснилось, что пользоваться этой властью США не в состоянии, поскольку, оперируя энергиями в масштабах всего мира, высшие американские элиты по-прежнему исходят из интересов единственной страны, а эти интересы мировым процессам несоразмерны. В результате стройный, сотворенный ООН и выдержавший все перипетии Третьей Мировой войны механизм глобального управления сломался. «Будущее» перешло в наступление по всему фронту, отеснило «настоящее» в резервации и вступило в схватку с «прошлым» на площадях Манхэттена, в концертных залах Москвы...

Потеря масштаба управления, соразмерного развертывающимся мировым процессам, привела к локальным кризисам национальной государственности. Специалисты из RAND Corporation указывают, что национальное государство (National State) исчерпало возможности своего существования и в ближайшее время сменится иной структурой — Market State, но описать эту структуру рэндовцы не берутся, а вопрос, что будет происходить, когда Market State сцепится с National State в борьбе за рычаги реального управления, даже не ставят.

В сущности, именно такого рода схватки являются фоном, на котором разворачиваются сюжеты трех «Робин Гудов».

Майор Марлоу из книг К. Еськова действует в старой логике старого национального государства:

«Здесь сейчас умирают РАНЕННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ, и чтоб спасти любого из них, я без колебаний выжгу напалмом весь этот остров, провонявший кокаином и коррупцией!»

И в этой же логике он организует беспрепятственный отход группе Робин Гуда. «Пыльнолицый» — в новой логике, но опять-таки старого национального суверенного государства понуждает своих людей совершить акт прямого пиратства в международных водах:

«А ты как думал, я так и позволю этому Робин-Бонду улететь в голубом вертолете, со спасенной девушкой и чемоданом государственных тайн — как в голливудском хэппи-энде?! И выпущу гулять по миру историю о том, как три русских бандита и хакер поставили раком Великую Державу во всей силе и славе ее?! Они ведь не на бабки твои кокаиновые нас кинули, они нас OPUSTILI V NATURE, ты въезжаешь, нет?!!»

Здесь, конечно, работает принцип: «ради интересов страны, я не моргнув глазом буду убивать, предавать и продавать». Бога нет, морали нет, все дозволено, а история спишет все, потому как пишут ее только победители⁶⁸.

Американский «беспредельный патриотизм» носит активно-наступательный характер, российский «отмороженный патриотизм»⁶⁹ занимает ныне оборонительные позиции. В отличие от американского, он в глаза не бросается, если только тебя лично не коснулся.

«Какие протесты, какой посол - ты б еще надумал канонерки послать в Аральское море... Ежели взирать на дело с государственной колокольни, то парень твой - даже не винтик, как в

67Геополитические шахматы — это игра с ненулевой суммой. Возможны варианты, при которых выигрывают обе стороны. В начале 1990-х годов был шанс на создание не однополярного, а бесполярного мира с сильными США и сильным Советским Союзом. В таком мире глобализация развивалась бы медленнее и органичнее, отклик на нее в виде мировой террористической сети был бы крайне маловероятен, а «шенгенская зона» охватывала бы всю Ойкумену. Такое развитие событий позволило бы миру надолго задержаться в индустриальной фазе развития, в результате современный структурный кризис отодвинулся бы к концу XXI столетия.

68Так что напрасно Элтон Миллидж переживает за страшное будущее российских «эскадронов смерти». В свободном мире подобные организации быстро переродились в проправительственный аппарат для избавления от ненужных свидетелей. И ничего личного.

69Термины, понятно, происходят от русских «понятий» «беспредельщик» и «отморозок».

советские времена, а просто никто и звать его - никак; у российского государства в такого рода историях позиция отработанная: морду ящиком и - «Вас много, а я одна!» <...> И потом, Тюркбаши — это священная корова: стратегический, блин, союзник России, бастион на пути исламского фундаментализма...»

Ну а где же в «балладах» логика рыночного государства (Market State)?

Здравствуйте... А о генерале Атторнее, том, что «похож на свежемороженого хека», совсем забыли? А о полковнике Ларине и генерале Рулько? Ну уж про «Мишу- два процента» помните? Все-таки человек премьер-министром значился.

И не надо отворачиваться. Это действительно Market State, как оно есть на самом деле. По мысли ребят из RAND — наше общее близкое светлое будущее.

3. С ПОЗИЦИЙ ИМПЕРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Выше уже говорилось, что три баллады о Боре Робин Гуде отличаются, в первую очередь, своей стилистикой. На Карибах разыгрывается пародийный вестерн: все пули, само собой, летят мимо героев, зомби и тонтон-макуты, как положено, валяются пачками, есть ложная концовка и непереносимый хэппи-энд в полном объеме. В Москве разыгрывается причудливый и утонченный политический детектив: авианосцев, «стингеров» и тонтон-макутов, ясное дело, нет, зато есть высший пилотаж на одном отдельно взятом вертолете, есть ниндзя и легендарный сэнсей и, конечно, «темный-темный дом посередине темной-темной страны, в которой темные-темные люди творят страшные вещи». Этакое абсолютное зло — в меру условное, в меру реальное. Сюжет во второй балладе гораздо сложнее: в отличие от линейного «Карибского танго» тюркестанская история двухфокусна и если «первый контур» еще можно принять за крутой боевик из жизни русской оружейной мафии, то «второй», управляющий, является жесткой политической сатирой. Последняя баллада, «Саудовская», стилизована под кинодокументалистику или (что, в общем-то, то же самое) классический советский военный фильм. Сложная, как в жизни, кинематографическая конструкция, включающая несколько контекстообразующих вставных «новелл». Огромное количество героев. Приоритет мысли и слова над действием — недаром в роли главных героев выступают Подполковник и Чип, аналитики Шервуда. Откровенное отсутствие хэппи-энда. И последовательно проведенная через сюжет эстетика «реальности нереального»⁷⁰.

В сущности, Карибская и Тюркменская баллады образуют лишь фон, на котором разворачивается действие «Паладинов и сарацинов», авантюрного **романа-предупреждения**.

«Согласно Льюису Борнхайму, кризис есть ситуация, при которой совокупность обстоятельств, ранее вполне приемлемая, вдруг, с появлением какого-то нового фактора, становится совершенно неприемлемой, причем почти безразлично, является ли новый фактор политическим, экономическим или научным: смерть национального героя, колебания цен, новое техническое открытие — любое обстоятельство может явиться толчком для дальнейших событий»⁷¹.

К. Еськов диагностирует этот «новый фактор»: создание глобальной информационной системы, позволяющей — впервые в истории человечества — в онлайн *«объединить желания одних с возможностями совсем других»* для **пользы** третьих. В результате все известные системы защиты настоящего от прошлого и будущего (то есть существующего миропорядка от агрессии контрэлита) утратили свое значение. Устойчивость Ойкумены резко понизилась, что в сочетании с успехами глобализации, упадком России и настойчивыми попытками руководства США перейти к однополярной модели породило системный кризис мирового управления. Этот кризис носит долгосрочный характер, сейчас он находится в стадии нарастания.

Открою небольшой секрет: я — один из аналитиков Имперского Генерального штаба и автор ряда цитирующихся в тексте третьей баллады документов. Вы еще не поняли, что **все** тексты, изучаемые Подполковником, Елкой и Чипом в «Паладинах...», реально существуют? *«...Тогда у меня просто нет слов, во всяком случае цензурных»*⁷². К сожалению, в истории с

70«Реальность нереального» — одна из наиболее известных работ великого русского философа В. Налимова.

71Крайтон М. Штамм Андромеда. М.: Мир, 1972.

72Еськов К. Евангелие от Афрания. М.: НИЦ ЭНАС, 2005.

украденным «гранитом» все — всерьез. Описанная К. Еськовым операция возможна. Ее действительно могли осуществить весной 2002 года, и, как всякая эвентуальная возможность, она отбрасывает **тень** на Реальность и должна приниматься во внимание при учете рисков.

«В связи с распадом биполярного мира и глобализацией, перемешавшей народы и установившей "режим прозрачности" для государственных границ, ядерное оружие довольно неожиданно перестало быть "инструментом Апокалипсиса", то есть потеряло свою сакральную функцию. А это значит, что оно превратилось в "просто оружие", в "ружье на стене", готовое выстрелить в рамках одного из развертывающихся ныне цивилизационных сюжетов»⁷³.

Основная линия «Паладинов и сарацинов» создавалась К. Еськовым в 2003 году, а действие развертывается в канун рамадана 2002 года. Еще не было «Норд-Оста» и Беслана и аналитикам Шервуда приходилось триангулировать по одной-единственной точке — 11 сентября 2001 года, день разрушения Всемирного торгового центра.

Сейчас анализировать намного легче. Операции в Москве, Нью-Йорке, Беслане выстроены в одном и том же стилевом ключе, характерном для Германского Генерального штаба I и II Мировых войн. Этот ключ — высокая эффективность за счет безжалостности к своим и чужим жизням и пренебрежения всеми установленными нормами и правилами.

Кризисное состояние мира, его фазовая неустойчивость, неизбежность коренной трансформации индустриальной фазы либо в неофеодальную, либо в когнитивную (постиндустриальную) версию развития, — все это было осознано высшими элитами, представителей которых К. Еськов упорно называет «пыльнолицыми», на грани тысячелетий⁷⁴, но не ранее распада СССР и российского политического кризиса 1993 года. Осознание надвигающейся на мир опасности (лишь часть которой могла быть персонифицирована в виде вменяемых контрэлит) привело к инсталляции в мире четырех альтернативных проектов и к невиданной в истории «проектной гонке».

Все проекты носят постиндустриальный, глобальный и экзистенциальный характер, все обладают потенциалом вовлечения в свою логику иных форм проектности. Все существуют только на самом верхнем уровне управления — уровне «правил игры», а иногда даже выше — только на уровне национального эгрегора. Каждый имеет свои сильные и слабые места.

Японский — единственный документирован и вкратце изложен в документе «Внутренний фронт: цели Японии в XXI столетии»⁷⁵. Из всех проектов он самый «интровертный», опирается только на ресурсы Японии, предполагает очень широко использовать европейский опыт, но не призывает к сотрудничеству. Отдаленные представления о логике японского проекта дает японская комиксовая и анимационная культура.

Американский проект предельно политизирован и рассчитан на использование военной силы и экономического давления как средства, обеспечивающего «наддув» в антропоток, до сих пор исправно снабжающем США лучшим «человеческим материалом». К несчастью для американцев, Дж. Буш столь высокую рамку, как «когнитивный проект», удерживать не в состоянии, поэтому прошедшие годы оказались для США потерянными: отвлекаясь на бессмысленную игру в Центральной Азии⁷⁶, на абсурдную войну в Ираке, на Иран и Корею, американцы потеряли много времени, израсходовали значительное количество ресурсов и добились-таки того, что доллар начал терять статус «мировой валюты».

Европа (я согласен с К. Еськовым: читай, Германия) положила на чашу весов новый тип государственности, альтернативный как логике National State, так и глобальному рынку Market State. Европейский союз — не империя, не федерация, не конфедерация, не

⁷³Боровиков С. Ружье, висящее на стене // Аналитический портал «Конструирование Будущего». Май. 2002.

⁷⁴Предложенная формула принадлежит языку социомеханики; почти наверняка элиты рефлексировали кризис через иные смысловые конструкты, и, вероятно, каждая культура — через свои. Суть дела от этого не менялась.

⁷⁵Frontier within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium Japan's Goals in the 21st Century// Report of the Prime Minister's Commission. Japan, 2000.

⁷⁶Политику США регулярно объясняют и оправдывают с точки зрения борьбы за ресурсы. В этом смысле — Ирак (и Иран) — нефть, Афганистан — уран. Но ресурсная логика по построению носит индустриальный характер, и для когнитивного проекта она абсурдна и вредна.

транспортное кольцо, не общий рынок, наконец,— это прежде всего **ареал действия определенных правовых норм и институтов**. В известном смысле ЕС — фантастическое, лемовское новообразование, одна из эффективных форм «экзิมплефикации самоуправяемой прокрустики». Дальнейшее развитие проекта связано с борьбой трех его независимых компонент: постиндустриальной, заданной Ирландией⁷⁷, индустриальной (по преимуществу, Западная Европа) и традиционной (Восточная Европа). Точки равновесия между компонентами нет, и менее всего роль такой «точки» может взять на себя правовая система, тяготеющая к Средневековью⁷⁸. Поэтому можно с очень высокой степенью достоверности предсказать развал ЕС в течение 15-20 лет, но на качестве и темпах осуществления германского постиндустриального проекта эти события не отразятся.

Наконец, российский проект, который существует, хотя его, кажется, не рефлектируют даже высшие элиты. Его сильными сторонами являются наличие опыта советской цивилизации, которая причудливо сплетала в себе прошлое и будущее, опыт деиндустриализации, очень высокое, эксклюзивное, качество «человеческого капитала», традиционный интерес к абстрактным, отвлеченным от био- и социовыважательных проблем темам, ряд новых схем мышления: теория решения изобретательских задач (ТРИЗ), развитие творческого воображения (РТВ), мыследеятельная методология, социомеханика.

Все проекты дефицитны⁷⁹, все пытаются использовать друг друга, все имеют перед собой модель будущего, отвечающую некоторой предельной онтологии. Но праздновать победу будет только один. Так что все мы находимся в сюжете «Больших гонок»⁸⁰ в версии «Мексиканца»⁸¹.

Победитель получит... Что?

И в этой логике использование схемы К. Еськова, соединяющей цели одних, возможности других и интересы третьих для совершения террористического акта, тормозящего один или несколько конкурентных проектов, выглядит вполне оправданной. К тому же после «бархатных революций» мир не испытывает недостатка в аналитиках с опытом участия в операциях Третьей Мировой войны. Маркус Вольф — безусловно, самая подходящая кандидатура. Но не единственная.

«...истины мы не узнаем никогда. Любая из предложенных версий в известном смысле верна, представляя собой зеркало, в котором отражается Реальность. "Американский след" является прикрытием для "германского", тот, в свою очередь, информационно маскирует "руку ФСБ", которая отвлекает внимание от "японской версии", и так далее. Особняком стоят "Аль-Каеда" и чеченское руководство, которым достались главные роли в боевике, поставленном неизвестным режиссером по замыслу совсем уж неясного сценариста на деньги неочевидного происхождения.

Даже если в некоей бесконечно удаленной от нас точке времени будут раскрыты и опубликованы архивы всех государств и околостатусных структур, тщательное их изучение лишь увеличит количество взаимно-зеркальных версий. Выбрать же между ними будет по-прежнему невозможно.

В рамках физической картины мира принципиально ненаблюдаемый объект не существует. Если не существует возможности каким бы то ни было экспериментом установить "что есть истина?", следует принять, что истины нет. Или, что то же самое, истина представляет собой суперпозицию альтернативных состояний, взятых с некоторым статистическим весом⁸².

77Ирландия — единственная страна, в которой творческая деятельность не облагается налогом,— когнитивный оффшор.

78Иногда мне кажется, что все существующие правовые нормы работают только в одной ситуации, для которой, собственно, их и создавали: в разрешении конфликтов, связанных с правом собственности на землю.

79Для полноты упомянем мировые проекты «второго эшелона»: китайский индустриальный, исламский неофеодальный, австралийский когнитивный (?). В отсутствие войны лучшим способом составить список потенциальных проектных субъектов является изучение итоговой таблицы командного рейтинга на Олимпийских играх.

80Комедия Б. Эдвардса 1965 года.

81Комедия Г. Вербински 2001 года.

82Можно проиллюстрировать это суждение романом А. Кристи «Восточный экспресс», где каждый из пассажиров вагона имеет убедительный мотив и реальную возможность для убийства, в результате чего сделать осмысленный выбор между версиями оказывается невозможно.

Несколько странно сознавать, что мы живем теперь не в классическом, а в квантово-механическом мире, где не существует единственной Реальности и приходится оперировать многими Текущими Реальностями. В мире, где место достоверности заняла **вероятность**»⁸³.

4. «БЫСТРЫЙ МИР»⁸⁴

Хотя говорить о счастливой голливудской концовке в «Паладинах...» не приходится — игра шла до полного опустошения «доски», «до голых королей», свою «битую ничью» Подполковник все-таки вытащил. Он, конечно, говорил Чипу с Елкой, что «заговор — игра черными против существующего миропорядка», что «к числу неразрешимых задача не относится», но, понятно, это был треп с целью поднять настроение личного состава. Первоначально группа Сайрус—Саид—Григорий («заговорщики») выигрывала по крайней мере два темпа. На их стороне очень долго — до вступления в Игру принца Турки-аль-Фейсала «в мятой камуфляжной куртке без погон» — огромное материальное преимущество. И решающее позиционное — команда Робин Гуда разбросана между Москвой и Эмиратами, причем ее главные ударные силы безнадежно блокированы в Абу-Дабийском «Хилтоне». Что же касается «существующего миропорядка», то за все время Игры он не успевает сделать ни одного собственного хода, исправно функционируя как шестеренка в машине заговора — в другом языке, — вспомогательная линия в сценарии Ассасина.

Но тогда правомочен вопрос, за счет чего вдребезги проигранная партия (строго говоря, игранная одной стороной, ибо вторую никто не приглашал к «доске» до самого кануна Рамадана) вдруг делается ничейной?

Прежде всего отметим: заговор был конструкцией очень сложной и многосторонней, подразумевающей запредельную координацию действий разнородных структур. Эта координация «в общем и целом» была обеспечена — немецкая школа штабной работы! — но на уровне «домашней заготовки». Быстро перестроить ее было невозможно. *«Армия действительно не батальон»*⁸⁵. Соответственно, заговорщики были лишены возможности ускорить основную операцию.

Это, конечно, не относилось к задействованным в ходе операции группам прикрытия. Но — и это решающий элемент, обеспечивший успех Подполковнику и Робин Гуду, — «блиц» заговорщики играли не очень хорошо. При слишком быстрых действиях «вольных стрелков» штаб выходил из режима реального времени и уровень взаимодействия разнородных, многонациональных сил, вовлеченных в заговор, резко падал. Именно поэтому Александр Васильевич, трезво понимая, что проигранных стратегически темпов уже не вернуть, все время играет на опережение в тактике.

Представьте себе огромную армию, миллиона так три солдат: огромную, неповоротливую, с артиллерией на конной тяге. Пусть эта армия развернута вдоль границы длиной три тысячи километров. При всей силе этой армии один танковый батальон в 30 боевых машин и три сотни солдат на бронетранспортерах пройдет сквозь нее, как нож сквозь масло, и примется мародерствовать в тылу. Однако этот батальон — при всей его относительной подвижности — бессилен против еще более быстрых сил — десятка спецназовцев с вертолетом транспортировки и огневой поддержки. Аналогия прозрачная: армия — существующий миропорядок, батальон — заговорщики, спецназовцы с вертолетом, понятно, шервудская братия с принцем Аль-Фейсалом.

С ростом количества управляющих элементов согласование позиций и интересов лиц, принимающих решения, поглощает все большую долю совокупного управленческого ресурса. В конце концов система теряет связь с реальным временем и, по сути, перестает функционировать как административная. Процессы идут сами по себе (и в одном темпе), система работает сама по себе (и совсем в ином, много меньшем темпе), а расплачиваться за возникающие административные диссонансы приходится за счет избыточной открытости системы. Проще говоря, золотом, железом и кровью.

«В конце концов, если уж совсем припрет, есть испытанные рецепты: создать, скажем, Оперативный штаб из представителей семнадцати ведомств, выдвинуть на исходные позиции тридцать восемь попугаев... тьфу! снайперов (непременно подчинив их при этом семи разным нянькам... тьфу! генералам) — а там, глядишь, и само рассосется, что так, что

⁸³Переслегин С. Аналитический постскрипtum к антитеррористической операции, или Вальс отражений//Аналитический портал «Конструирование Будущего». Октябрь. 2002.

⁸⁴Материал подготовлен совместно с Е. Переслегиной.

⁸⁵Галактионов М. Темпы операции. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

эдак... Так что Подполковник с Робин Гудом (вдосталь налюбовавшиеся в свое время на то, как в Советской Армии принимают минимально ответственные решения, и здраво рассудившие, что в армии Российской если чего по этой части и поменялось, то навряд ли к лучшему) порешили так: на сложные операции прикрытия сил и времени не тратить вовсе; пока те будут делить ответственность (а точнее - перепихивать ее друг на дружку), согласовывать и увязывать, мы уже - раз, и в дамках, сиречь на крыше Казачьего; тут чем проще, тем лучше».

Практически на уровне тактики современный цивилизованный мир уже не управляется, что воспринимается населением и элитами как лавинообразное возрастание **угрозы безопасности жизнедеятельности** (катастрофы, террористические акты разного уровня и т.п.).

Напомним, что ситуация, когда «верхи» не могут управлять (ни по-старому, ни по-новому), указывает в лучшем случае на революционную ситуацию, а в худшем — на социальную катастрофу.

Единственная разумная возможность — резко изменить характерные скорости принятия решений. Сначала на уровне элит, затем — на уровне масс. Перейти от неспешного индустриального существования к быстрой жизни в «быстром мире».

Мы уже живем в Реальности, где «скорость» относится к «силе», как сто к одному. Однако же «делать быстро» это означает «медленно, но без перерывов выполнять свою работу». Иначе говоря, концентрироваться и не производить лишнего. Особенно же — лишних сущностей. Такой вот, новый Оккам.

ОБЯЗАНА ЛИ ФЭНТЕЗИ БЫТЬ ГЛУПОЙ?

(РАССУЖДЕНИЯ В ТРЕХ ЧАСТЯХ)

«Воссоздать реальность заново» — так, кажется, я где-то когда-то написал: фраза, самоуверенная до безрассудства — ибо кто, как не реальность, созидает нас, воссоздает по мере надобности заново на медленном своем гончарном круге.

Л. Даррелл

Реальность экономична; если она неэкономична, она — нереальна.

Антониетта Лилли

В первой части мы будем исходить из того, что знаем, что такое фэнтези. Во второй части — постараемся определить это понятие. В третьей, увы, мы поймем, почему сделать это невозможно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОШИБКИ... ИЛИ ОПЕЧАТКИ

Специалисты по ТРИЗу⁸⁶ оценивают качество литературного произведения прежде всего по критерию формальной новизны. Однако на практике этот критерий слишком субъективен. По высказыванию Бориса Стругацкого: «Любой текст кому-то покажется тривиальным, а для кого-то станет настоящим открытием». И разумеется, писатель не обязан считать своей референтной аудиторией адептов методики Г. Альтшуллера.

Поэтому мы будем связывать «глупость» произведения с количеством и качеством объективных ошибок, допущенных автором. По идее, вся современная технология редактуры направлена на то, чтобы произведение не содержало ошибок. Увы, данная задача неразрешима даже теоретически.

Современная литература подразумевает требование системности: литературный мир должен быть самосогласованно придуман автором или точно скопирован им с Текущей Реальности. Но это требование подразумевает, что автору известны законы Вселенной — по крайней мере, в той мере, в которой они известны человечеству. Или, иными словами, автор

⁸⁶Альтшуллер Г. Творчество как точная наука. М.: Советское радио, 1979.

обязан быть крупным специалистом во всех областях человеческой деятельности от агрономии до яхтенного спорта включительно. И хуже того, эти знания должны быть настолько глубокими, чтобы применяться автором неосознанно, создавая глубинную основу ткани повествования.

Увы, если такой человек и существует где-то на земном шаре, сомнительно, чтобы он занимался литературой — по крайней мере, общедоступной. Большинство писателей до такого «мультистандарта» не дотягивают.

Отсюда с неизбежностью вытекает, что те или иные ошибки в произведении будут всегда. Они неизбежны логически и термодинамически. Тем самым необходимо создать некоторую классификацию ошибок, разделив их на допустимые — не влияющие существенно на нашу оценку произведения, и недопустимые, наличие которых дает нам возможность однозначно назвать произведение глупым.

Самой простой и простительной оказывается **устраняемая ошибка**. Устраняемая ошибка:

- носит профессиональный характер, то есть будет замечена лишь профессионалом в данной области человеческой деятельности
- не оказывает заметного влияния на сюжет произведения
- может быть формально исправлена, причем это исправление не повлияет на другие элементы произведения

Приведу примеры:

«Генерал Грант» был одним из уцелевших эсминцев времен Первой Мировой. В тридцатые годы котлы ему заменили с угольных на нефтяные <...> плавучие льдины были не страшны ему даже на полном сорокаузловом ходу.

(А Лазарчук, М. Успенский «Посмотри в глаза чудовищ»).

Специалист по истории флота неопределенно улыбнется, подправит в уме цифры и будет спокойно читать дальше. Остальные — не заметят.

«Двадцатикилометровый путь до Главной Станции пролетели за две секунды».

(Е. Брошкевич «Трое с десятой тысячи»).

Начальная и конечная скорость нулевая, так что ускорение полета составило 2000 g, что многовато. Исправляем на 40 секунд, влияние на дальнейший сюжет — нулевое.

Ошибки такого типа перечисляются А. Приваловым в послесловии к «Понедельнику...»:

«Упомянутое уже невежество в вопросах магии как науки играет с авторами злые шутки на протяжении всей книги. Так, например, формируя диссертационную тему М. Ф. Редькина, они допустили четырнадцать (!) фактических ошибок. <...> Им, по-видимому, невдомек, что диван-транслятор является излучателем не М-поля, а мю-поля, что термин живая вода" вышел из употребления еще в позапрошлом веке; что таинственного прибора под названием аквавитометр и электронной машины под названием "Алдан" в природе не существует...»

Более серьезный характер носит **профессиональная неустраняемая ошибка**, для которой два последних условия не выполняются. В качестве примера может быть рассмотрена эпопея Дж. Толкина, действие которой происходит в мире, геологически неустойчивом. Профессор английской литературы Дж. Толкин не знал теорию динамики литосферных плит. Между тем топография Беллерианда и Эриадора чрезвычайно важна для сюжета, вследствие чего исправить авторскую ошибку не представляется возможным. Аналогичная ошибка присутствует в ранней повести А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч», где действие происходит на невозможной Венере.

Надо сказать, что профессиональные неустраняемые ошибки заведомо сокращают аудиторию читателей-почитателей. Не зря Б. Стругацкий любил повторять: «Писать нужно либо о том, что ты знаешь лучше других, либо о том, чего не знает никто, кроме тебя».

Далее в классификации начинаются **недопустимые ошибки**.

Самый простой пример — грубые ошибки, ошибки школьного уровня, которыми восхищались классики:

«Волны перекачивались через мостик и падали вниз стремительным домкратом».

Поскольку читатель вправе требовать от автора художественного произведения владения, по крайней мере, школьной программой, грубая фактическая неграмотность писателя зачеркивает произведение. Примерам в фантастике несть числа. Ломающиеся от увеличения массы при релятивистских скоростях молекулы у Г. Гуревича, обезьяны, убегающие на ровной местности от тигров, у Х. Шайхова, звездолеты, наталкивающиеся на планеты, у Д. Де Спиллера... и т.д. и т.п.

Грубые ошибки всегда уничтожают впечатление от текста и могут быть отнесены к **текстообразующим**.

Ошибки логические. Опыт показал, что авторы фантастических произведений, когда им указываешь на совершенные ими логические ошибки, очень обижаются и начинают вспоминать «логику завтрашнего дня», свое «художественное видение» и прочие, не относящиеся к делу темы.

Художественное произведение построено на определенной логике (не обязательно аристотелевой). В принципе, эта логика может быть неизвестна современной науке. (Логика «Алисы в Стране чудес» или «Охоты на снарка» тому примеры). Но по самому определению, любая логика каким-то образом устанавливает систему измеримых связей внутри текста. Если какой-то элемент текста в эту заданную автором систему не вписывается и не может быть вписан, мы говорим о логической ошибке писателя. Если этот элемент достаточно важен для произведения (не может быть просто формально изъят), мы говорим о **мирообразующей логической ошибке**.

При достаточно сложном художественном мире иногда возникает противоречие между логикой этого мира и требованиями сюжета. И, увы, частенько автор выбирает сюжет. Иногда это делается осознанно («И так съедят!»), чаще бессознательно. В мире компьютерных программ существует важная стадия тестирования, когда специалисты гоняют на всех режимах игру или операционную систему, дабы найти и исправить все «глюки». Возможно, режим тестирования не помешал бы и художественным произведениям...

Сюжетообразующие логические ошибки встречаются часто. Можно вспомнить «Монополию на разум» М. Пухова⁸⁷. Сетевая дискуссия по поводу «Лабиринта отражений» С. Лукьяненко⁸⁸ также была связана с сюжетообразующей логической ошибкой⁸⁹.

Очень груба сюжетообразующая ошибка в Пернском цикле Э. Маккеффри: автор ухитрилась не заметить замкнутую временную петлю. Впрочем, писателей, которые способны использовать в качестве сюжетообразующего элемента машину времени и не допустить при этом логических ошибок, можно пересчитать по пальцам одной руки...

Замечу здесь, что все логические ошибки формально исправимы. И иногда авторы формально исправляют их, вводя **эпицикл**: специальное логическое правило, существующее для одной и только одной цели — для включения ошибки в смысловой контекст. Критик: лава сюда не потечет, поскольку она течет под уклон, а карта местности ясно говорит... Автор: ну, вообще-то лава всегда течет под уклон, но в этом месте Земли существует геомагнитная аномалия, связанная с затонувшей Атлантидой, благодаря которой...

Использование эпициклов я воспринимаю как неуважение к читателю. На вопрос: обязана ли заполненная эпициклами книга быть глупой, можно ответить однозначно — увы...

Интересным и часто встречающимся, особенно в фэнтези, случаем сюжетного эпицикла является прием, который в Древней Греции окрестили «бог из машины». Автор, запутавшись в созданных им коллизиях и будучи не в силах разрешить исходный конфликт в рамках исходных же начальных условий, вводит в действие новые сущности, которые этот конфликт и разрешают. Иногда это делается хотя бы с юмором: у А. Фостера в «Дороге славы»⁹⁰ последовательно возникают представители все более и более могущественных сверхцивилизаций; хотя кажется, что все степени крутизны исчерпаны уже к десятой

87М. Пухов (*Пухов М.* Монополия на разум. М.: Молодая гвардия, 1982) «конструирует» машину времени, не противоречащую постулату причинности: уходя на месяц в прошлое, машина переносится на световой месяц в произвольном направлении. На первый взгляд, все хорошо, но включим машину дважды. Направления же произвольны, следовательно, за два прыжка машина опустится в прошлое на два месяца, а вот физическое расстояние по правилу треугольника будет меньше двух световых месяцев. И все! Парадокс причинности восстановлен.

88Лукьяненко С. Лабиринт отражений. М.: АСТ, Транзиткнига, 2006.

89В «Лабиринте отражений» автор не заметил, что его построения рассыпаются, стоит только перейти к бисистеме: один человек находится в виртуальной реальности, а второй боится его, сидя за компьютером. Позднее, в «Холодных берегах», С. Лукьяненко допускает похожую логическую ошибку: в описанном мире можно «убрать в подпространство» любой материальный предмет. Чтобы взять его в руки достаточно произнести кодовое слово. Вопрос: что будет «лежать на слове» у каждого военнослужащего? Правильно, его личное оружие — в тот момент, когда держать его в руках неуместно. Но автор принципиально игнорирует это обстоятельство как мешающее сюжету.

90Foster A. Glory Lane. N.Y.: Ace Books, 1987.

странице, каждый следующий герой оказывается намного круче, нежели все предыдущие, вместе взятые. Даже и в этом случае при чтении повести возникает разочарование, ибо такая идея способна удержать на плаву небольшой рассказ, но отнюдь не двести страниц текста. И рассказ этот давно написан Борисом Штерном («Чья планета?»).

Чаще, к сожалению, «бог из машины» используется авторами совершенно серьезно. Примером тому корумский цикл М. Муркока и «Кольцо тьмы» Н. Перумова. Определенное разочарование, возникающее при чтении «Эндимиона», связано с тем, что и Д. Симмонс оказался не чужд этого приема, создав вслед за Шрайком супер-Шрайка.

Наконец, совершенно особое место занимают **психологические ошибки**. Мы прощаем писателю незнание геологии или космографии. Мы терпимо относимся к тому, что разгадка детектива из жизни английского дворянства конца XIX века строится на русскоязычной игре слов. Но, по крайней мере, в описании психологии носителей разума автор должен быть точен и последователен. «Можно выдумать все, кроме психологии». Еще Марк Твен говорил: *«Героями произведения должны быть живые люди (если только речь идет не о покойниках), и нельзя лишать читателя возможности найти разницу между первыми и вторыми»*. Так что психологические ошибки почти всегда являются **недопустимыми**. «Почти», поскольку, используя фантастические приемы, можно построить произведение, в котором психологические несоответствия не будут носить миро-, сюжето- или текстообразующего характера: иными словами, место человеческих чувств и отношений будет занимать там только и исключительно проблема. Так, у позднего Лема фактически нет сюжета, героев, отношений.

Примеры психологических ошибок можно найти у В. Михановского, А. Шалина, Д. Де Спиллера, М. Муркока. «Лезвие бритвы» И. Ефремова можно — и с большим интересом — читать, пока герои рассуждают о научных, философских и политических проблемах и не касаются чувств и личных отношений...

Впрочем, у Ефремова психологические ошибки хотя бы не являются текстообразующими. Существует версия, и ее, в частности, придерживается Б. Стругацкий, что И. А. Ефремов вообще не писал художественных произведений, а облек в столь замысловатую форму философский трактат... Напоминает все это анекдотичный доклад известного венгерского физика Лео Сцилларда, который думал, что выступает на английском языке, на самом деле говорил на венгерском, но обильно пересыпал свою речь английскими терминами. При указании на несоответствие был удивлен, но не опечален. Так вот и в «Лезвии бритвы» многовато элементов женского романа для философского-то труда. Причем, когда после некоторых опытов с литературным творчеством у ученого Ефремова получился-таки женский роман («Таис Афинская»), его никто не обзывал философским трактатом.

Произведения жанра фэнтези часто содержат даже не отдельные ошибки в психологии, а полное пренебрежение автора психологическими законами. Формула: «Да не знаю я, почему он так сказал! Что взять с эльфа!»

Наконец, вернемся к отсутствию новизны. Мы уже выяснили, что само по себе это не может являться критерием (новизна — для кого? и по сравнению с чем?). Однако когда произведения одного и того же автора начинают напоминать эсминцы одной серии, вплоть до возможности взаимной замены отдельных сцен, хочется предъявить автору «рекламацию». Создание структурно-подобных произведений, когда совпадают сюжетообразующие противоречия — конфликты — и способы их разрешения, назовем **ошибкой тривиальности** и отнесем эту ошибку к недопустимым. Примерами могут служить многочисленные подражания говардовскому Конану⁹¹.

Подведем промежуточный итог.

Мы разделили неизбежные в литературном произведении ошибки на допустимые и недопустимые. Мы построили приемлемую классификацию обоих типов ошибок. Мы договорились считать глупыми те произведения, в которых недопустимые ошибки занимают достаточное место, являясь сюжетообразующими, мирообразующими или текстообразующими.

Насколько именно фэнтези должна считаться складом глупых произведений? Согласимся хотя бы с тем, что если этот вопрос возник, на то были основания. И действительно, либерализация общественной жизни и хлынувший в нашу страну поток переводов принесли горькое разочарование именно любителям фэнтези.

В Советском Союзе по причинам, которых я не хочу здесь касаться, фэнтези была под запретом. Поэтому через цензуру проходили очень немногие образцы этого жанра — можно

91А в наше время — подражания книгам Д. Роулинг.

было выбирать. И выбирали. Переводная фэнтези 1970-1980 гг. это Толкин, «Апрель в Париже» Ле Гуин, «Заповедник гоблинов» К. Саймака, «Обмен разумов» Р. Шекли и «31 июня» Дж. Пристли. Может быть, три-четыре имени я забыл. И все! И «Мастер и Маргарита» — как едва ли не единственный пример русскоязычной фэнтези.

Так что, планка жанра стояла в нашем восприятии очень высоко. Однако когда стало можно читать и издавать все, редкая книга жанра фэнтези не приносила разочарования. Список авторов, по сути, расширился только на две фамилии — Р. Желязны и П. Энтони (позднее открыли Терри Пратчета). Что же касается русскоязычной фэнтези, то или она в основе своей оказывалась практически нечитаемой, или же автор решительно заявлял, что написал он не фэнтези, а, например, основополагающее произведение жанра турбореализма. Понятно, что в условиях, когда от жанра стали решительно открещиваться писатели, способные создать умное произведение, фэнтези, и прежде всего русская фэнтези, катастрофически поглупела.

Итак, естественный отбор. Но насколько виноват в этом сам жанр?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Еще в те времена, когда слово фэнтези в СССР обозначало «марку», я пытался дать определение этого жанра. Определив фантастику вообще как абстрактную модель действительности, связанную с Текущей Реальностью через исследуемую проблему, я предположил, что фэнтези связана с объектным миром только и исключительно через эту проблему. Иными словами, фэнтези отличается от научной фантастики степенью абстрактности, а поскольку и сам фантастический прием есть абстрагирование, построение проектора, то фэнтези в рамках такого определения оказывалась как бы квинтэссенцией фантастики, «фантастикой в фантастике». Определение было красивое, оно даже «как бы работало», но на какой-то стадии оно перестало меня удовлетворять.

Конечно, для рафинированного позитивиста и материалиста появление в произведении бессмертного эльфа или, скажем, господина Воланда сразу же относит текст к жанру фэнтези, а модель мира — к абстрактным. Но если мыслить в рамках исторического континуума, окажется, что и эльфы, и демоны существуют — в том же смысле, в котором вообще существует мир наблюдаемый. Во всяком случае, они менее абстрактны, нежели фотонный звездолет.

Содержание понятия «научный» склонно к расширению. Информационные технологии конца столетия включили в кругооборот науки понятие магии: магия есть способ воздействия информационного мира на объектный без промежуточных носителей. Во вполне сциентической игре «Ascendancy»⁹² среди технологий, которые приходится развивать ради успеха в космической экспансии, есть «научное волшебство», а на корабли приходится ставить устройства, порожденные «высокими маготехнологиями». Соответственно, определение фэнтези через степень абстрактности модели оказывается таким же внешним и случайным, как определение «литература меча и колдовства».

Поскольку найти решение путем дедукции нам не удалось, перейдем к использованию индуктивного метода — выделим особенности, которые постоянно или хотя бы часто встречаются в произведениях, которые мы интуитивно относим к фэнтези. Понятно, что все эти особенности вместе, как правило, не встречаются в одном произведении. Итак, для фэнтези характерно:

Средневековая картина мира в пространстве, противопоставление освоенного огороженного участка — Мидгарта и остального мира — таинственного, населенного чудовищами и демонами;

Средневековая картина мира во времени: мир существующий есть узкая полоса между двумя разными полюсами небытия, он ограничен днем Творения и днем Апокалипсиса;

Средневековое или же посттехнологическое взаимодействие между тонким и объектным миром. Это может проявляться в тексте как более или менее примитивная магия / техномагия, может быть задано через механизм воплощения, в особо замаскированных случаях создается через аналогическую цепочку соответствий;

Средневековая структура тонкого мира. Расшифровка этого понятия выходит за рамки темы. Достаточно описать основное структурообразующее противоречие как противоречие между реально существующими Абсолютным злом и Абсолютным добром.

⁹²«Ascendancy» (англ.— доминирующее влияние) — фантастическая глобальная пошаговая стратегия, разработанная для DOS. Игра выпущена в 1995 году компанией The Logic Factory.

Последовательная эстетика романтизма — романтическое восприятие (автором, героями, читателями) войны, любви, подвига, смерти.

Две последние особенности порождают сюжетообразующее противоречие почти всех произведений жанра фэнтези («Ан масс», как сказал бы профессор Выбегалло): борьбу Главного Героя против Главного Злодея. Ставкой в этой борьбе как минимум является жизнь, обычно же речь идет о судьбах Вселенной.

Итак, произведение жанра фэнтези содержит последовательный средневековый синтез современного аналитического мировосприятия, выполненный в романтической эстетической манере.

К этому определению не следует относиться слишком серьезно, но, по крайней мере, оно включает в себя все предыдущие: фэнтези есть ненаучная фантастика, фэнтези есть литература меча и магии, фэнтези есть предельно абстрактная модель Реальности.

Схоластическое средневековое восприятие мира было предельно абстрактным и сложным. Пожалуй, только современные математики приблизились в своих построениях к тому уровню обобщенной логики, который был характерен для эпохи «доопытного знания». С этой точки зрения произведения жанра фэнтези обязаны быть *очень* умными. Нередко так и бывает: «Изваяние» Г. Гора⁹³, «Ворон» А. Столярова⁹⁴, «Кесаревна Отрада между славой и смертью» А. Лазарчука⁹⁵.

И сразу же раздаются голоса: «Это не фэнтези!»

Чаще же автор воспринимает средневековое мышление — как умеет. То есть как современное мышление, но значительно упрощенное. То есть мир фэнтези оказывается для него грубой и простой — глупой! — моделью Текущей Реальности.

Аляповатые декорации можно спасти великолепной актерской игрой, но, низводя до своего уровня великолепный средневековый **Образ** (pattern) мира, автор, как правило, упрощает и сюжетообразующее противоречие, и собственно героев: дуалистичность превращается в простое расслоение мира на своих и врагов.

Здесь кроется причина похожести многих произведений фэнтези и примитивности их. Сюжет борьбы абсолютного добра с абсолютным злом известен многие тысячи лет, и почти все, что можно было сказать на эту тему, было сказано *еще до полета братьев Монгольфье*. Ошибка тривиальности. Притом сюжетообразующего уровня. Но дело даже не в этом. Проблемы, которые можно было решить в рамках антагонистической дуальной модели Вселенной, тоже давно решены. В современном обществе они вытеснены в детскую субкультуру — потому книги фэнтези и становятся книгами только для детей, что воспринимается как критерий литературы второго сорта. Взрослые, увы, понимают, что разбиение на друзей и врагов *не только случайно по своему содержанию, но и выражает, скорее, субъективное умонастроение*.

Упрощенность сюжетообразующего конфликта играет с авторами фэнтези злую шутку. Прежде всего, они, часто не представляя этого, создают произведения этически сомнительного характера. Даже умный и гуманный Толкин, нарисовав своих орков неким воплощением зла, без зазрения совести много раз «вырезал» поселения этого народа до последнего человека — не щадя женщин, стариков и детей. Толкин не стал акцентировать на этом внимание, но последователи и критики Профессора пройти мимо этого обстоятельства, конечно, не могли — смотри «Кольцо тьмы» Н. Перумова⁹⁶, «Последний кольценосец» К. Еськова⁹⁷. Далее, подчиняясь индуктивной процедуре упрощения, переняв в средневековой формуле мира лишь законы формальной симметрии, авторы с неизбежностью приходили к тому, что А. Свиридов назвал «типовым набором для создания произведений в жанре фэнтези». И в рамках этого набора была создана не одна массовая серия произведений...

Умный автор, стараясь выйти за рамки железного фэнтезийного миропорядка, как правило, пытался рассматривать основное противоречие с изрядной долей юмора («Там где нас нет» М. Успенского⁹⁸, «Чары для Хамелеоши» П. Энтони⁹⁹). За немногими исключениями, вроде поименованных выше, это приводило, скорее, к негативному эффекту: дополнительного смысла в текст авторская ирония не прибавляла, а вот отпугнуть часть

93Гор Г. Изваяние // Нева. 1971. № 8-9.

94Столяров А. Ворон. СПб.: Петербургский писатель, 2004.

95Лазарчук А. Кесаревна Отрада между славой и смертью. СПб.: Азбука, 1998.

96Перумов Н. Кольцо Тьмы. Свободное продолжение «Властелина колец». М.: Эксмо, 2008.

97Есков К. Последний кольценосец. М.: Эксмо, 2003.

98Успенский М. Приключения Жихаря. М.: Эксмо, 2008.

99Энтони П. Чары для Хамелеоши. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1998.

читателей могла. Формула: он издевается над святым!

Итак, в рамках средневековых фэнтези-критериев можно создать или очень хорошее, очень сложное и очень трудоемкое произведение, либо — очередную крупносериальную халтуру. Третьего — **нормального среднего уровня** — не дано. Халтура лучше оплачивается, лучше продается и проще в изготовлении. Наконец, согласно кривой Гаусса и принципу Старджона, халтурщиков просто больше, нежели хороших писателей.

Мы приближаемся к ответу. Фэнтези не обязана быть глупой, но имеет высокую статистическую вероятность оказаться такой.

Следует заметить, что упрощенность сюжетообразующего конфликта, нацеленность на детскую аудиторию привели к существованию антиотбора в издательских кругах, публикующих фэнтези. Иными словами, стандартные издательские и редакторские критерии при оценке произведений этого жанра резко снижаются. В связи с этим количество явных «ляпов» (неустраняемых ошибок) в фэнтези превосходит среднестатистический уровень литературы. Приходится согласиться, что фэнтези, как жанр, действительно «не устаивает быть умной».

Это, конечно, сугубо статистический вывод, который нельзя применить к конкретному произведению.

Нужно иметь в виду, что романтический мир фэнтези, романтический взгляд фэнтези чрезвычайно притягателен. Некоторое, хорошо бы — не чрезмерное, упрощение мира возвращает читателя в юность, а это — не самое дурное для человека возвращение. И быть может, в упрощенном мире фэнтези кому-то удастся увидеть что-то важное, но во взрослой Текущей Реальности скрытое от его глаз нагромождением других проблем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЕТАМОДЕЛЬ

Используя понятия «романтизм», «эстетика романтизма», мы или говорим очень многое, или не говорим ничего. Речь идет, по сути, об определенной форме мировосприятия, о некотором специфическом мировоззрении, если хотите — о вполне конкретной философии. Уже это заставляет нас с подозрением отнестись к абсолютным формулам предыдущей части доклада. Научная теория может быть правильной или неправильной. Философия же никоим образом ошибочной быть не может. **«Философия — слово греческое и обозначает „любовь к мудрости“. Если бы она подразумевала борьбу, она называлась бы не философией, а филомахией».** Таким образом, предстоит проверить наши выкладки с точки зрения **принципа относительности философского мышления.**

Будем называть **мировоззрением** совокупность фактов вместе со способом их объяснения, образующих у индивидуума картину мира. Можно построить формальное математическое пространство мировоззрений. Нетрудно показать, что это будет «хорошее» во всех отношениях пространство, в котором можно ввести аналог расстояния и тем сгруппировать картины мира по степени их близости.

Назовем **«метамоделью»** совокупность правил, согласно которым мозг создает объяснение наблюдаемым фактам. Законы логики являются примером метамодели. По сути своей метамодель есть свернутое в компактную форму мировоззрение.

Обратим внимание на некоторую разницу мировоззрения и метамодели. С одной стороны, мировоззрение шире, поскольку всегда существуют наблюдаемые факты, не объясняемые в рамках метамодели. Волей-неволей приходится придумывать для них отдельное объяснение (например, что они на самом деле не существуют). С другой стороны, для абсолютного большинства людей метамодель шире мировоззрения, поскольку пригодна для объяснения фактов, которые человек еще не наблюдал, или не осознал, или не понял, что они находят объяснение в рамках метамодели. Пример: на сегодняшний день никто не знает, находит ли явление конфайнмента кварков объяснение в рамках модели Янга—Милса, являющейся частью современной физической метамодели Вселенной.

Мировоззрение удобно изображать на «диаграмме событий», где по одной из осей отложены события, а по другой — возможные объяснения. Поскольку мировоззрение нормальных людей плотно и непрерывно, мы должны заключить, что мировоззрение конкретного человека будет выражаться на такой диаграмме некоторой связанной областью. Вопрос о границе такой области чрезвычайно интересен (например, при последовательном научном мировоззрении граница эта, по-видимому, представляет фрактал), однако выходит за рамки данного доклада.

Наличие метамодели подразумевает некоторую аксиоматику: факты, все объяснение существования и истинности которых сводится к тому, что они существуют и истинны. То

есть границы мировоззрения обязательно пересекают ось событий.

Рис. 1

Понятно, что это не более чем фазовая диаграмма — границы областей не обязательно прямые, каждый факт не обязан иметь множество объяснений и т.д. Тем не менее она достаточно наглядна и изображает то, что мы привыкли называть «углом зрения».

Автор индуцирует в произведение свое мировоззрение. Хочется сказать, что «мировоззрение текста» есть подмножество мировоззрения автора, но, по всей видимости, это не всегда так. Во всяком случае, читатель взаимодействует не с автором, но с текстом.

Здесь возможны три случая.

1. Метамоделі близки или совпадают, мировоззрение читателя есть подмножество мировоззрения текста.

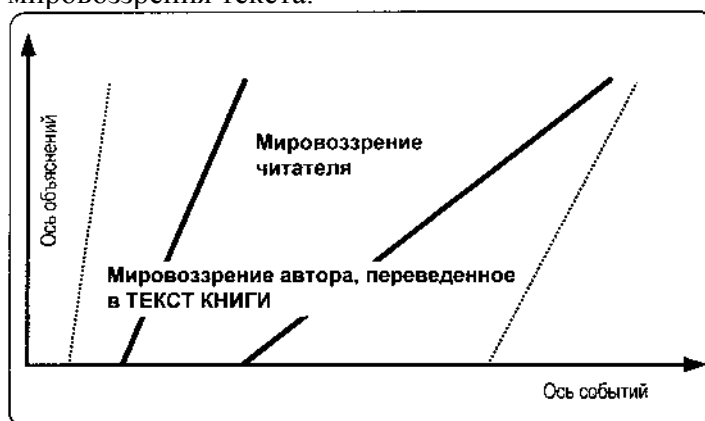

Рис. 2

В этом случае книга будет воспринята читателем и названа «умной» (он думает так же, как я, но лучше).

2. Метамоделі близки или совпадают, мировоззрение текста есть подмножество мировоззрения читателя. Книга будет воспринята и названа «глупой» (он думает так же, как я, но хуже).

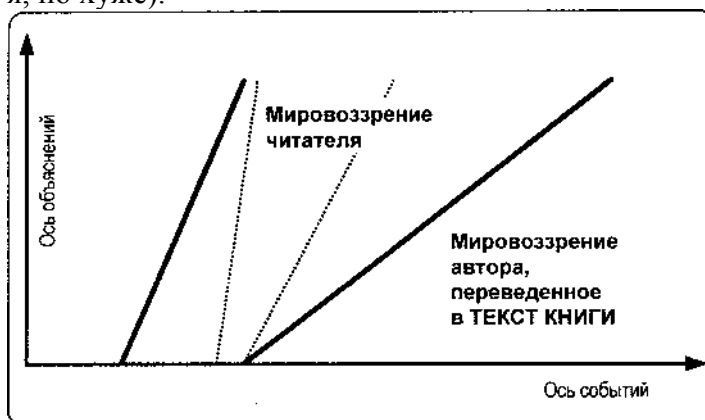

Рис. 3

3. Метамоделі значительно различаются. Области мировоззрений текста и читателя не пересекаются вообще или пересекаются слабо и далеко от зоны аксиоматики (зоны уверенности). В этом случае книга не будет воспринята. Читатель назовет ее странной, что для огромного большинства метамоделей есть синоним слова глупый.

Рис. 4

Учитывая, что мы пытались определить фэнтези через мировоззрение, то есть в рамках наших определений, произведения этого жанра имеют схожие мировоззренческие диаграммы, мы можем нарисовать точно такие же диаграммы для читателя и всего жанра.

Мы получим, что фэнтези может показаться читателям глупой по двум причинам. Во-первых, из-за **бедности мировоззрения** (как мы утверждали в предыдущем разделе) или же по **странности мировоззрения**, удаленности его от практического опыта большинства читателей.

Наше время характеризуется скорее прагматизмом, нежели романтикой. Иными словами, для большинства читателей метамодель фэнтези неприемлема либо логически, либо этически, либо, наконец, эстетически.

Что и порождает вопрос, поставленный в заголовок работы.

Итак, мы пришли к мысли, что метамодель фэнтези основывается на логике/этике/эстетике романтизма. Рассмотрим соответствующее мировоззрение на иной фазовой диаграмме — по одной оси отложим литературную «координату» романтизм—реализм (или аналогично: этика—логика, измеримые—неизмеримые связи), а по другой сопряженную ей — например, статику—динамику. Вновь выделим на этой диаграмме подобласть, описывающую фэнтези (в рамках предложенных определений).

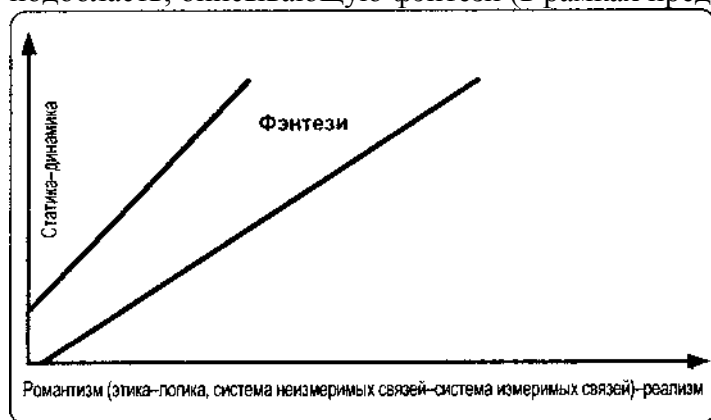

Рис. 5

Точка этой диаграммы соответствует конкретному литературному произведению.

Изобразим на той же кривой область научной фантастики. Базируется это направление на идеологии сциентизма и рационализма, так что противопоставление, дихотомия жанров действительно существует. На прямой. Но никак не в фазовой плоскости.

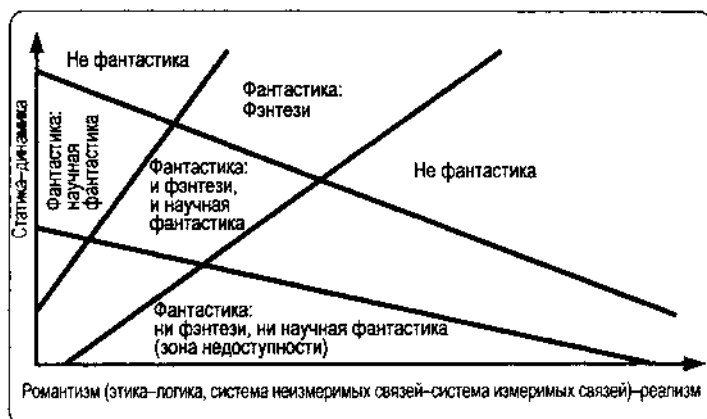

Рис. 6

Итак, мы не можем дать точного **литературного** определения фэнтези просто потому, что его не существует! Деление фантастики на фэнтези и научную фантастику есть результат

ошибочного применения дихотомического мышления к классификации, которая не является дихотомичной.

С этой точки зрения весьма интересен и, возможно, имеет практическое значение один вопрос, на котором мне и хотелось бы закончить.

Итак, мировоззрение романтиков породило фэнтези. Мировоззрение сциентистов-прагматиков сконструировало научную фантастику. Хотя диаграмма и говорит о существовании «зоны недоступности», в которой находятся произведения фантастики, не принадлежащие ни одному из этих жанров, на практике эта зона почти пуста, и абсолютное большинство фантастических произведений классифицируется по дихотомичной шкале. Связано это, по-видимому, с тем, что есть развитые **научные технологии** и есть развитые **маготехнологии**, а других технологий до сих пор не известно.

Однако в последние годы свои собственные **психотехнологии** создали психологи и медики. Породившее эти технологии мировоззрение не сводится ни к романтизму, ни к сциентизму (этике или логике). Более того, оно с улыбкой поглядывает на эти крайности как едва ли не на болезнь. Оно, однако, имеет довольно широкий угол зрения и потому способно взаимодействовать с ними.

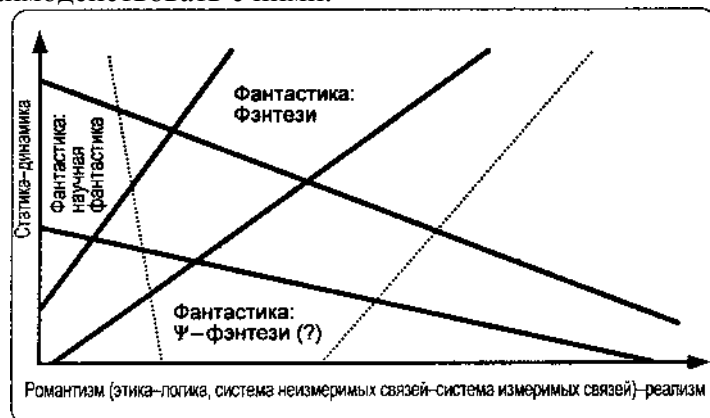

Рис. 7

Породят ли эти технологии и это мировоззрение новый жанр в фантастике?

Если «магия обрела структуру», хотя бы по мнению сторонников НЛП¹⁰⁰, то рано или поздно даже одна эта ветвь в психологической науке и практике породит субкультуру, в которой найдется место и новому жанру фантастики. А если еще и воспринять принципы НЛП как принципы позитивизма, то литература эта будет ортогональна как абсолютному злу, так и абсолютному добру, ибо стремится дать человеку принадлежащее ему сегодняшнее счастье без учета мирового разума, равно как и мировой скорби или вселенского веселья.

В СЕРЫХ ГОРАХ ЕСТЬ УРАН

Нет золота в Серых горах.

А. Сапковский

В предыдущей статье мы пришли к выводу, что подавляющее большинство книг жанра фэнтези «не устаивают быть умными». Это не должно удивлять, по мнению Т. Старджона, 90% всего написанного и напечатанного — полная чушь. В конце концов, мы оцениваем детективы не по штамповкам иронического детектива, научную фантастику — не по рассказам Д. Де Спиллера, а художественный «мейнстрим» — не по романам Г. Маркова. Элементарная справедливость подразумевает подобный подход и к фэнтези: будем работать с тем лучшим, что есть в этом жанре, оставив за рамками рассмотрения и бесчисленные подражания Д. Толкину, Р. Желязны и Дж. Роулинг, и монотонное самокопирование в романах серии D&D, и ту крупносериальную литературу «меча и колдовства», которая отличается полным отсутствием как здравого смысла, так и элементарной логики. Отбросим заодно неумные хроноклазмы, несмешные пародии и нестрашные ужастики. Тогда мы

¹⁰⁰Нейролингвистическое программирование (НЛП) (англ. Neurolinguistic programming) — комплекс моделей, техник и операционных принципов (контекстуально-зависимых убеждений), применяемых главным образом как подход к личностному развитию посредством моделирования эффективных стратегий (мыслительных и поведенческих) (Bandler R., Grinder J. Frogs into Princes: Neuro Linguistic Programming. Moab, UT: Real People Press, 1979).

1. ВНОВЬ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФЭНТЕЗИ

Интересно, что это определение буквально выскальзывает из рук. Ранее я предложил относить к фэнтези произведения, в которых конструируются модели мира, связанные с Реальностью только и исключительно через исследуемую проблему. Наверное, это даже верно, но формулировка является предельно абстрактной. Что-то вроде «картина — прямоугольный кусок полотна, с одной стороны покрытый краской».

С 1960-х годов появилась тенденция сводить фэнтези к научной фантастике, утверждая, что эти жанры «эквивалентны с точностью до обозначений». А. Сапковский — также через процедуру переобозначения — превращает сказку в фэнтези. Очень эффектно, но убеждает не более чем серия карикатур XIX столетия «О чудесном превращении короля Луи-Филиппа в грушу».

Сейчас я даже не совсем уверен, что фэнтези — часть фантастики. Да, налицо связь используемых приемов, некоторая общность читательской аудитории, схожесть отношения официальной критики. Есть и «административное сходство»: авторы и читатели фэнтези и научной фантастики присутствуют на одних и тех же конвентах, состоят в одних и тех же творческих союзах.

Но вот генетическую связь фэнтези и НФ проследить трудно. Научная фантастика восходит к А. Беляеву, Г. Уэллсу, Ж. Верну и далее — к Э. По и М. Шелли. Сказочная фантастика — к Д. Толкину, К. Льюису, М. Булгакову, А. Грину, Ф. Бауму, отчасти к Э. Гамильтону и М. Твену¹⁰¹. В XIX столетии ее след практически теряется (исключением является Н. Гоголь и в какой-то мере М. Салтыков-Щедрин), зато ранее мы встречаем таких авторов, как Э. Распе с его бароном Мюнхаузеном, Ф. Рабле с Гаргантюа и Пантагрюэлем и так далее вплоть до сэра Томаса Мэллори. Безусловно, принадлежат знаковой и эстетической системе фэнтези «Божественная комедия» Данте и «Дон Кихот» М. Сервантеса.

«Генетические линии» фэнтези и НФ, конечно, соприкасаются в некоторых точках, но, в общем, невооруженным глазом видно, что они очень разные и восходят к разным эпохам и разным смысловым паттернам.

Еще хуже обстоит дело с транслируемыми этими жанрами онтологией и гносеологией.

Научная фантастика с негодованием отвергает чудеса и указывает, что настоящее чудо может быть порождено только наукой. В фантастике «белые люди» (белые, понятно, не за цвет кожи) под знаменем прогрессивной науки неизменно побеждают и посрамляют цветных дикарей с их доморощенной магией.

Примеров несть числа.

«Янки при дворе короля Артура»: Мерлин, величайший волшебник кельтской и англосаксонской традиции, выставлен в романе тупоголовым неудачником. Техника XIX столетия, с нашей точки зрения вполне примитивная, переигрывает мерлинское волшебство, не особенно напрягаясь.

Не везет разнообразным колдунам, жрецам и шаманам у Ж. Верна и В. Обручева. Из более поздних произведений представители «мира чудес» вообще исчезают, чтобы не мешать читателю наслаждаться панорамой успехов, достигнутых наукой. Прилагательное «чудодейственный» в фантастике всегда относится к науке и ее проявлениям вплоть до лекарственных средств и новых продуктов питания.

Ещё более ярко торжество научного метода познания мира проявляется в «детской фантастике». Здесь к наиболее значимым примерам, по-видимому, нужно отнести «Старика Хоттабыча»¹⁰² Л. Лагина и «Чао — победитель волшебников»¹⁰³ П. Аматуни, но линия «наука (и даже здравый смысл) сильнее магии» отчетливо читается в фантастике А. Волкова, Г. Губарева, в сказках А. и Б. Стругацких.

Обобщая, можно сказать, что в научной фантастике (даже в сказочной научной фантастике) технология неизмеримо сильнее магии, а любая значимая магия на деле всегда оказывается замаскированной технологией. Вера в возможности науки и позитивистского познания безгранична. Волшебство уходит из мира, присутствуя лишь и снах и грезах — там, где материальный мир истончается, переходя в мир идеальный. Научная фантастика безраздельно принимает технологию и не принимает чудеса.

101 Не только «Янки при дворе короля Артура», но и «Таинственный незнакомец», «Письмо ангела-хранителя», «Путешествие капитана Стронфильда в рай» и т.д.

102 Лагин Л. Старик Хоттабыч. Алма-Ата: Мектеп, 1984.

103 Аматуни П. Чао — победитель волшебников. М.: Детская литература, 1968.

В фэнтези технологии вообще может не быть. А если она есть, она всегда равноположена магии — может с ней соперничать, сотрудничать, сосуществовать, не пересекаясь. Фэнтези **рефлексивно** принимает чудеса, как **рефлексивно** принимает она и науку. «*Мне страшно даже подумать, магия какой силы держит эту штуку в воздухе*», — говорит волшебник, указывая на самолет¹⁰⁴.

Интересно, что в последнее время появился ряд литературно-художественных исследований, посвященных войне науки и магии. Война понимается в моем определении: конфликт, при котором выживание противника не рассматривается как необходимое граничное условие. Очень хорошие примеры — сериал Йона Колфера про Артемиса Фаула¹⁰⁵ и «отчасти пародия» А. Жвалевского, И. Мытько «Порри Гаттер и каменный философ»¹⁰⁶. В «Последнем кольценосце» К. Еськова эльфийской магии противопоставляются боевые планеры, организация войск, вполне современная работа спецслужб.

Продолжая анализировать различия фэнтези и научной фантастики, заметим, что фантастика всегда неявно предполагала условность своих описаний, она претендовала на модель мира, но не на «правду» в обыденном измерении. Фэнтези, напротив, настаивает на истинности того, о чем повествуется на страницах книги или в кадрах фильма. Впервые эту особенность жанров установил, кажется, С. Снегов¹⁰⁷:

— Предварительный ответ готов. Возможные погрешности не превышают четырех с половиной процентов, — сказала Ольга. — Что касается призраков умерших лордов и их жен, слоняющихся по комнатам старых замков, то у них довольно высокая вещественность — от восемнадцати до двадцати двух процентов. Статуя командора, погубившая Дон-Жуана, обладала тридцатью семью процентами вещественности. Тень отца Гамлета — двадцатью девятью. Знаменитое Кентервильское привидение побilo рекорд — тридцать девять. Наоборот, образы героев древнего кинематографа никогда не поднимались выше четырех процентов...

— Постой, постой, что за чепуха! Ни Каменного гостя, ни лордов-призраков реально не существовало, а ты им приписываешь такой высокий процент вещественности. Физически же показанные на экране люди у тебя призрачней самих призраков. Как понять такую несуслаицу?

— Вещественность призрака — понятие психологическое. И привидения средневековых замков, и Каменный гость с Тенью отца Гамлета были столь психологически достоверны, что это одно перекрывало всю их, так сказать, нефизичность. Разве не известны случаи, когда обжигались до волдырей, прикасаясь к куску холодного железа, если верили, что железо раскалено? А о героях кино наперед знали, что они лишь оптические изображения. Их призрачность объявлялась заранее...

Итак, гносеологически, аксиологически, генетически фэнтези и научная фантастика не просто не близки — они друг другу противостоят. Различается и их онтологическая база: научная фантастика всегда пользуется предельной формой онтологии науки, то есть живет в парадигме «Нового органа» Ф. Бэкона¹⁰⁸. Фэнтези же эту онтологию не использует никогда, зато с удовольствием живет во многих других — от средневекового примитивизма до неопозитивизма и экзистенциализма. Столь широкая онтологическая база доказывает, что фэнтези, собственно, жанром не является. Это — **града**, выделяющая не некоторую особую ветвь литературы, но **определенный уровень организации различных ветвей литературы**.

То есть на определенном этапе своего развития все литературные жанры приходят к необходимости использовать приемы, сюжеты, топики и метрики, характерные для фэнтези. А потому и нельзя определить фэнтези иначе, чем через перечисление данных приемов, либо

104Смит Дж. Г. Королевы и ведьмы Лохлэнна. Кишинев: Вышэйшая школа, Беллат, 1991. А у К. Саймака в «Заповеднике гоблинов» (Саймак К. Заповедник гоблинов. М.: Эксмо, 2008) тролли без особого напряжения заколдовывают автолет, который «никогда не ломается». Определенный баланс сил складывается у Дж. Б. Пристли (Пристли Дж. Б. 31 июня. СПб.: Азбука-классика, 2008) и в рассказе «Призрак-V» у Р. Шекли, хотя там магия до известной степени «придуманная» (Шекли Р. Координаты чудес. М.: ЭКСМО, 2007).

105Колфер Й. Артемис Фаул. М.: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2007.

106Жвалевский А., Мытько И. Порри Гаттер. Все! М.: Время, 2007

107Снегов С. Люди как боги. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

108Бэкон Ф. Сочинения. Том 2. М.: Мысль, 1972.

же — через степень абстракции используемой художественной модели, что, в сущности, одно и то же.

2. ОНТОЛОГИЯ ФЭНТЕЗИ

Рассуждая об онтологических корнях фэнтези, нельзя не вспомнить такое необычное явление, как «феномен Мерлина». Существует вполне понятный, отлично объясняемый в рамках курса ТРИЗ-РТВ¹⁰⁹ феномен: реалии серьезной «взрослой» литературы по мере исчерпания их смыслового наполнения переходят на уровень литературы юмористической, пародийной и, наконец, детской. При этом наиболее архетипичные сказочные сюжеты проникают в закрытую детскую субкультуру, где и остаются навсегда.

Понятно, что дорога эта — односторонняя. Вернуть пародийные и детские тексты в серьезную взрослую литературу так же нереально, как восстановить утраченную девственность.

Однако один контрпример все-таки есть.

Артуровский цикл Томаса Меллори завершил сюжетную эволюцию к началу Нового времени. Рыцарские «квесты» пародируются уже у М. Сервантеса; обыгрывается незадачливое рыцарство и у Мольера. Марк Твен переводит тему короля Артура и его придворного мага в плоскость иронии, а у братьев Стругацких¹¹⁰ Мерлин становится предметом насмешек.

— Гоните его в шею

— С удовольствием...

И вдруг выходит великолепная трилогия М. Стюарт¹¹¹, и на наших глазах начинает разворачиваться новый круг «мерлианиады». Снимаются фильмы (например, «Великий Мерлин» с Сэмом Нилом и Мирандой Ричардсон), пишутся романы (например, романы М. З. Бредли¹¹²), фигуры Артура, Мерлина, Ланселота попадают даже в такой антикварный жанр, как фантастический рассказ («Последний защитник Камелота»¹¹³). Развивается косвенное цитирование: «31 июня»¹¹⁴, цикл Дж. Роулинг. Тексты об Артуре и Мерлине кладутся на музыку, причем в жанре героических баллад. В общем, складывается впечатление, что Мерлин теперь, в начале XXI века, что называется, «живее всех живых».

Неувязочка. Или же приходится признать, что в конце прошлого века, в эпоху, которую мы диагностируем как начало фазового кризиса, с фэнтези что-то произошло. И это «что-то» не только изменило позиционирование жанра, но и вернуло в культурный оборот некоторые, казалось бы, давно мертвые сюжеты.

Вспомним теперь, что чисто лингвистически слово фэнтези восходит к понятиям «фантазия», «фантазирование». Когда используется фантазия? В игре. Для прикола. И в серьезном творчестве, когда другим способом задачу не решить. Следовательно, позитивная гипотеза заключается в том, что расцвет фэнтези означает включение фантазии в современное технологическое пространство и, может быть, также ее проникновение в коммуникативные слои, включая слой политики.

Другими словами, получается, что фэнтези, возможно, сама того не зная, является своеобразным когнитивным тренингом, шагом на пути в следующую фазу развития.

Или наоборот. Негативная гипотеза заключается в том, что фэнтези относится к средневековому мышлению, будит соответствующие средневековые архетипы, форматы и паттерны поведения и открывает дорогу постиндустриальной катастрофе, катастрофическому упрощению мира и в конечном итоге — новому средневековью.

Обе гипотезы связывают современный расцвет фэнтези и возрождение ее базовых сюжетов с фазовым кризисом, который проявляется в том числе и как кризис предельной научной онтологии, да и онтологии вообще.

¹⁰⁹Теория решения изобретательских задач — Развитие творческого воображения. Обе дисциплины созданы Г. Альтшуллером (*Альтшуллер Г.* Творчество как точная наука. М.: Советское радио, 1979).

¹¹⁰*Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке (2 экз.). СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2007.

¹¹¹*Стюарт М.* Хрустальный грот. М.: ЭКСМО, 2007; *Стюарт М.* Принц и пилигрим. М.: ЭКСМО, 2007.

¹¹²*Бредли М. З.* Туманы Авалона. М.: ЭКСМО, 2002.

¹¹³*Желязны Р.* Игра крови и пыли. М.: ЭКСМО, 2007.

¹¹⁴*Пристли Дж. Б.* 31 июня. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Поскольку фэнтези представляет собой литературу с фиксированной системой ценностей, но с переменными бытийными основаниями, причем аксиология неизменно следует за онтологией, выводится из нее, фэнтези позволяет утолить онтологический голод современного человека, живущего в пустом мире, где умер не только Бог, но и Дед Мороз.

- «— Спасибо. А скажи...
— ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ТЫ НЕ СПАСЛА ЕГО?
— Да! Солнце взошло бы? Как всегда?
— НЕТ.
— Перестань. Неужели ты думаешь, что я в это поверю.
— Это же астрономический факт.
— СОЛНЦЕ НЕ ВЗОШЛО БЫ.

Она повернулась к Смерти:

- Послушай, дед, эта ночь выдалась очень напряженной! Я устала, хочу принять ванну, и выслушивать какие-то глупости я сейчас совсем не в настроении!
— СОЛНЦЕ НЕ ВЗОШЛО БЫ.
— Правда? И дальше что?
— МИР ОСВЕЩАЛ БЫ ПРОСТОЙ ШАР ГОРЯЩЕГО ГАЗА»¹¹⁵.

И как тут справиться с голодом экзистенциальным? Не будучи ни религией, ни философией, фэнтези, разумеется, не может придать смысл человеческому существованию. Но изготовить протез такого смысла — вполне в состоянии.

3. ПРАКСЕОЛОГИЯ ФЭНТЕЗИ

В Серых горах не содержится золота новых смыслов. Но смыслы фэнтези, во-первых, несколько иные, чем транслируются другими ветвями литературы, и, во-вторых, по-новому распакованы и истолкованы.

Исторически научная фантастика связана с физическими, ускоряющими, развивающими технологиями, технологиями контроля среды. Речь идет, понятно, об энергетике, оружии, двигательных установках, производстве конструкционных материалов, лекарственных средств, пищи, одежды. Когда создавался сначала мир производства, а затем мир потребления, когда наука все более и более принимала на себя роль и функции Бога, когда разрушались вековые и тысячелетние стереотипы и люди оказывались один на один с совершенно непонятной им Реальностью, возникла острая необходимость в литературе, позволяющей как-то адаптироваться к жизни и деятельности в новых условиях. Родился специфический жанр «кликбзовской» фантастики, наиболее яркими представителями которого были Ж. Верн в Европе и А. Беляев в СССР. Впрочем, любая великая держава, проходящая через индустриализацию, реконструкцию или реиндустриализацию, создавала свой собственный «кликбез», более или менее литературный. Этот специфический жанр жил недолго, но, умирая, инициировал создание в стране собственно НФ, которая была уже частью литературы, а не дидактическим материалом для школьного образования.

Есть все основания считать, что сейчас переживают этап интенсивного развития гуманитарные, управляющие, балансные технологии, технологии управления технологическим пространством. Имеются в виду коммуникативные, социальные технологии, психотехнологии, политехнологии, гуманитарные «оболочки» естественных наук и управляющих технологий (гуманитарная демография, понимающая социология и т.п.). Этот гуманитарный «бум» маркирует окончание индустриальной фазы и начало постиндустриального кризиса. Сейчас невозможно сказать, будет ли всплеск интереса к гуманитарным наукам и технологиям прологом к инсталляции когнитивной фазы или же новые гуманитарные структуры будут заморожены в мир нового Средневековья в качестве латентного материала для будущего фазового перехода. Но в любом случае привычный нам индустриальный мир будет размонтирован, и это вопрос ближайших десятилетий... хорошо, если не лет. Значит, возникла необходимость в новой адаптационной литературе и вполне можно говорить о «фэнтези-кликбесе».

На самом деле современная фэнтези жестко настаивает на следующих специфических мыслеконструкциях:

- Кроме материального мира, существуют вполне независимые от него информационный и

социальный «планы».

- История альтернативна; изменчиво не только Будущее, но и Прошлое, и Настоящее. Существующий однозначный и единственный мир представляет собой лишь Текущую Реальность, которую человек утверждает или не утверждает актом свободного выбора.
- Альтернативность Настоящего естественно описывается в концепции параллельных миров, расположенных между свободой абсолютного Хаоса, где изменчиво все, и царством абсолютного Порядка, где все неизменно¹¹⁶.
- Магия — прямое, без посредников воздействие информации на материальный мир — существует, причем это транслируемая технология, которой можно (и должно) обучиться¹¹⁷.
- Миры, причем не только социальный и информационный, но и материальный, этически анизотропны. *Каждое разумное существо во Вселенной знает, где добро и где зло*¹¹⁸.
- Возможны взаимопонимание и взаимопомощь между сколь угодно различными культурами¹¹⁹.
- Смерть является «условно абсолютной» — она окончательна и неокончательна одновременно, она не является абсолютным небытием, но бытие перечеркивает¹²⁰.
- Свобода представляет собой самостоятельную экзистенциальную ценность, бессмертие же несовместимо со свободой и поэтому ценностью не является (в лучшем случае — это плата, в худшем — проклятие)¹²¹.

Такая система аксиом, вероятно, не является вполне адекватной. Но даже на глаз видно, что она более адекватна, нежели те картины мира, который современный обыватель может почерпнуть из школьной или даже университетской программы, из книг литературного мейнстрима, из собственного опыта или же из средств массовой информации. В этом отношении можно говорить, что чтение фэнтези приносит практическую пользу. Сугубо формально: такая литература способствует импринту (формированию) у человека пятого, нейросоматического, контура сознания по классификации Лири¹²². Этот контур отвечает за жизнь человека в информационном пространстве и за его свободу в материальном и социальном пространстве.

Модель контуров была создана Т. Лири для описания стадий развития человеческого и постчеловеческого сознания и включает восемь последовательных стадий (контуров). Первый, или биовыживательный, контур связан с образом Матери и сосательным рефлексом, формируется в первые часы жизни. Второй, или эмоционально-территориальный, обуславливает волю, агрессию, борьбу за территорию. Он связан с образом Отца, обычно, импринтируется биологическим отцом при переходе ребенка от ползанья к прямохождению. Третий контур носит название семантического, отвечает за речевое поведение, логику, научный способ познания мира. Формирование этого контура осуществляется микросоциумом, в котором живет ребенок, и школой. Четвертый, социополовой, контур формируется обществом как целым к концу периода полового созревания. Существует социальная страта людей, у которых он не формируется вообще, они так и остаются на семантическом контуре, там живут и там умирают. В старшей школе и вузе таких именуют «ботанами». Пятый контур, нейросоматический, задает возможность проникнуть в информационное пространство и выжить в нем. Шестой — нейрогенетический — определяет возможности действия в информационном пространстве, в том числе способности, которые И. Ефремов именовал «способностями Прямого Луча»: ясновидение, телепатию и др. Седьмой и восьмой (контур метапрограммирования и квантовый контур) лежат вне человека и человеческого общества. Продвижение по контурам определяет личную и групповую (коллективную) эволюцию и может быть фиксировано в виде формулы: если ты жив, то почему не силен? если ты силен, почему ты не умен? если ты умный, то

116Железны Р. Янтарные хроники (Хроники Эмбера) (в 10 книгах). СПб.: Terra Fantastica, 1996.

117Цикл о Гарри Поттере Дж. Роулинг, цикл «Еще один прекрасный миф» Р. Асприна, цикл «Земноморье» У. Ле Гуин.

118Фильм «Ка-Пекс» (2001, Германия—США, режиссер А. Софтли, сценарий Д. Брюэра, Ч. Ливитта).

119Цикл о Средиземье Дж. Толкина, цикл о Гарри Поттере Дж. Роулинг, цикл «Земноморье» У. Ле Гуин.

120Подробнее всего феномен смерти и постсмертного (квази)бытия рассмотрен Дж. Роулинг в цикле о Гарри Поттере и Дж. Лукасом в киноэпопее «Звездные войны».

121Цикл о Средиземье Дж. Толкина.

122Лири Т. История будущего. СПб.: Янус, 2000.

почему не богатый? если ты богат, то почему не свободен? если ты свободен, то почему не ответственный? если ты ответственный, почему ты остаешься «здесь и сейчас» и не становишься «везде всегда»? Любопытно, что эта формула последовательного импринта контуров вполне совпадает с аксиологией фэнтези.

В настоящее время первые четыре контура социально сформированы, а пятый контур начинает массово инсталлироваться, определяя приход новой фазы развития. Если, как мы полагаем, чтение фэнтези способно ускорить этот процесс, фэнтези становится исключительно полезной ветвью литературы. Очень вероятно, что она займет почетное место если не в устаревшей на века школьной программе, то в многочисленных современных тренингах личностного роста.

4. ФЭНТЕЗИ И ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ

Движению по контурам сознания соответствует овладение определенными Протоколами мышления — формализованными правилами, снижающими информационное сопротивление и гармонизирующими процесс коммуникации. Биовыживательному контуру соответствует Протокол знаков и сигналов тела, эмоционально-территориальному — Административный Протокол, предельным воплощением которого является воинский Устав. На семантическом контуре работает Научный (нейролингвистический, семантический) Протокол. В области социальных отношений, задаваемых 4-м контуром, он должен быть дополнен Конфликтологическим. Но высшая творческая мыслекоммуникация «живет» лишь на уровне Метафорического Протокола, который может быть инсталлирован только вместе с пятым контуром сознания. Сейчас нащупываются контуры последнего Квантового Протокола, действенного на 6-м контуре.

Может быть, сказать, что фэнтези задает основы Метафорического Протокола, было бы и неверно, но, во всяком случае, она весьма способствует его усвоению.

Находит свое место фэнтези и при инсталляции формализованных «очищенных» форм мышления. Вообще любопытно, что «чистое мышление» весьма литературно.

Обыденное мышление, работающее с предметным миром, опирающееся на традицию или личный опыт, конкретное, рефлексивное, материалистичное, целенаправленное, описывается классической литературой.

Научное мышление, оперирующее абстрактными категориями, использующее неопределенное, но важное понятие доказательства, опирающееся на логику и математику, представлено интеллектуальным детективом.

Сложнейшее диалектическое мышление, содержащее встроенную идею развития, работающее с противоречиями, фундированное на законы диалектики и мыследеятельностную методологию, появляется в некоторых произведениях поздней, рафинированной научной фантастики.

Фэнтези в меру своих сил и возможностей пытается представить триалектическое мышление, то есть небинарные противоречия, небинарные логики, ситуационное развитие, сценирование, «книга перемен»¹²³.

Сложную креативную систему коммуникации, в которой четко фиксированы формы мышления, Протоколы общения и переходы между ними, можно назвать «знаниевым реактором».

Такой реактор является человеко-машинной системой и состоит из «смысловыделяющих элементов» (СВЭЛов), системы охлаждения, исполняющей также роль «информационного трансформатора», системы «ввода—вывода», системы безопасности, системы кондиционирования и оболочки реактора.

СВЭЛы работают на Метафорическом Протоколе (в идеале, с выходом на Квантовый Протокол). Система охлаждения использует Научный Протокол, причем разные ее «лепестки» фиксируют различные формы мышления. Устройство «ввода—вывода», связывающее систему с Заказчиком, применяет Конфликтологический Протокол. Система безопасности ограничивает деятельность СВЭЛов, защищая их от перегрева. Как и у любой другой службы безопасности, ее деятельность построена на Административном Протоколе. Система кондиционирования обеспечивает восстановление СВЭЛов и использует, в

¹²³А если сил и возможностей не хватает — скатывается в область массового сублимированного мышления, предмет которого не определен и случаен. Сублимированное мышление бесформенно, не определяет свой предмет и опирается на примитивные эмоции. Понятно, что свыше 90% фэнтези попадает сюда, но в этой статье мы договорились выйти за пределы принципа Старджона.

частности, Телесный Протокол. Наконец, оболочка реактора создает весь рабочий режим, что заставляет людей, ее составляющих, быстро перемещаться как по лестнице протокольности, так и между формами мышления. Здесь, как, впрочем, и в СВЭЛах, нужны «очень особые люди».

Знаниевый реактор является на сегодня наиболее мощной системой креативной генерации, превосходящей по своим возможностям все модификации методов мозгового штурма, управляемого творчества (в ТРИЗ-РТВ), интенсивного мышления (организационно-деятельностные игры, «шарашки», «закрытые» города и лаборатории, фабрики мысли). Но знаниевый реактор весьма капризен, небезопасен в обращении, требует от людей не только определенной психологической и коммуникационной грамотности, не только значительного объема «просто знаний», но и высокой пассионарности, которая возникает только вместе с «неудобней», «острой» онтологией. Именно такая онтология служит реакторным топливом: при работе реактора она разрушается, но ее острые осколки проникают в других людей, проблематизируя их, заставляя предъявить и затем преодолеть в деятельности их собственную онтологическую идентичность. В конце концов, по формулировке Дельгадо: **новое знание возникает на пересечении дисциплинарности с онтологией** — только там не только накоплено достаточно много знаний, чтобы они могли достраивать себя, но наличествует еще и прикрепленная к человеку или группе людей форма организации этих знаний, позволяющая сразу же включать новое в определенную картину мира — верифицировать его, найти ему место, кооптировать в систему деятельностей.

Можно без большого преувеличения сказать, что «острые онтологии» сейчас весьма востребованы. А роль фэнтези в «проектировании и производстве» людей с такой онтологией велика, тем более что фэнтези, по-видимому, является той градой, которая способствует формированию высших Протоколов общения и наиболее сложных форм мышления.

Так что в Серых горах действительно нет и не предвидится золота. Но есть все основания утверждать, что там есть уран — топливо для знаниевых реакторов. И, возможно, еще цирконий для их оболочек.

Политическая борьба и политические партии в фантастике¹²⁴

Фантастическая литература, работающая с абстрактными моделями, связанными с Текущей Реальностью через исследуемую проблему, и провозглашающая одним из направлений своего развития исследование Будущего, не могла игнорировать темы политической борьбы, политических партий и партийного строительства. Для фантастической литературы характерно несколько весьма отличных мотивов использования политической тематики. Выделим основные из них.

- Утопии и антиутопии. В них новые общественно-политические отношения являются основной сюжетобразующей линией. В этих произведениях строятся предельные идеальные модели общественного устройства. Типичные авторы Т. Мор, Ф. Бэкон, Т. Кампанелла, Е. Замятин, О. Хаксли, Д. Оруэлл, И. Ефремов.
- Политический памфлет. В этом жанре часто используются фантастические приемы. Этот жанр обычно критикует общественно-политический строй конкретного государства, зачастую — и отдельных исторических персонажей. Характерные примеры — М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города», Дж. Свифт.
- «Социальная фантастика», в которой исследуются те или иные варианты возможных социально-политических отношений. От утопий и антиутопий отличаются тем, что используют «непредельные» (рабочие) социальные модели. Характерный пример — «Град обреченный» А. и Б. Стругацких.
- Романы, претендующие на «вселенскую полноту» описания мироздания. Здесь в числе прочих важных элементов достаточно подробно изложены и социально-политические отношения, зачастую нестандартные. Характерным примером является, например, Барайярский цикл Л. М. Буджолд.

В фантастической литературе представлены, хотя и на очень разном уровне рассмотрения, политические партии и течения почти всех известных нам типов.

Первичные партии античных и средневековых республик: фарисеи и саддукеи, демократы и аристократы, оптиматы и популяры, гвельфы и гибеллины — нельзя сказать,

¹²⁴Материал готовился совместно с С. Боровиковым.

чтобы мировая фантастика совсем уж не касалась соответствующих проблем, вопросов и исторических периодов, но вот о политической жизни и борьбе в античных и средневековых обществах написано очень мало. Связано это, по всей видимости, со сложностью темы. Писатели-историки, такие как Л. Спрэг де Камп, И. Ефремов, Л. Вершинин, предпочитали другие исторические периоды. Авторы, занимающиеся «золотыми веками» ранних демократий, либо писали детские исторические сказки (что было просто), либо «взрослые» реалистические романы (что хорошо оплачивалось). Да и не интересовала писателей фантастов, так или иначе работающих со Средневековьем или Античностью, политическая борьба тех времен.

У П. Шумилова в «Одиноким драконе»¹²⁵, первой повести «драконовского цикла», дело происходит в альтернативном почти классическом Средневековье — с тем исключением, что управляется оно Церковью гораздо жестче, чем это было в Текущей Реальности. Один из героев книги, Том Болтун, рассказывает Дракону:

«Несколько умных людей и сотня молодых, горячих молокососов решили чуть потеснить церкачей у кормила власти. Задумано было хорошо. В недрах их бюрократической машины организовать параллельную структуру власти и постепенно перелить в нее всю силу. Потом перейти на модель правления Римской империи. Сенат, народные трибуны, партии синих и зеленых, поливающие друг друга грязью во имя торжества справедливости»...

Ничего из этой затеи не получилось, и, надо полагать, к лучшему. Во всяком случае, в поздних произведениях цикла, когда на Земле уже построено сложное постиндустриальное общество людей и драконов и есть очень хорошо продуманная Конституция, о политической борьбе нет и речи. Вернее, она происходит на каком-то очень низовом уровне общества и явно не на том, где принимаются реальные решения.

«— Разуй глаза, Мастер. У людей какой тип государственной системы?

— Демократия...

— А у драконов?

— Да что ты с глупыми вопросами?

— С глупыми? Ты хоть раз в выборах участвовал? Хоть в человеческих, хоть в наших?

Тебе хоть раз повестку присылали?

Ошеломленно смотрю на Анну. Конечно, я домосед. Но, чтоб проголосовать, не нужно выходить из дома. Достаточно сесть за компьютер.

— Какой же у драконов строй?

— А я знаю? То ли феодализм, то ли коммунизм, то ли анархия.

— Если ты помнишь, мы должны были уладить этнический конфликт между первой и второй волной поселенцев на Корбуте. И тем, и другим все до лампочки надоело. Нужен был лишь предлог, чтоб объединиться, не потеряв лицо. Анна дала такой предлог. Пообещала расселить всех по разным планетам, а эту своей властью уничтожить. Теперь все объединились на защиту планеты от драконов.

— Но ведь это еще хуже.

— Как ты любишь говорить, отнюдь. Они ведь "отстояли" свою планету. А победители могут быть снисходительны к побежденным. К тому же через четыре месяца на свет случайно выплывут документы, в которых будет сказано, что драконы проводили план, разработанный их собственными временными военными правительствами. Военные правительства будут отстранены от власти, и в результате выборов будет избрано единое демократическое правительство. Могу показать список портфелей и их будущих носителей. Народу будет не до драконов.

— Узнаю руку Анны. А не сорвется?

— Обижаешь. Сценарий ее, но расчетная часть — моя! Все артисты выучили роли назубок. Некоторые захотят сыграть по своим нотам, но это тоже заложено в сценарий. Просто они об этом не знают».

У К. Приста в «Опрокинутом мире»¹²⁶ изображена классическая средневековая аристократическая республика с цеховой системой производства. Тема борьбы партий в произведении не затрагивается, но есть Совет, есть политическая борьба и, следовательно, должны быть структуры, организующие и направляющие эту борьбу.

¹²⁵Шумилов П. Одинокий дракон. М.: Центрполиграф, 1998.

¹²⁶Прист К. Опрокинутый мир. М.: Мир, 1985.

Заметим, что этот момент является единым для самой разной фантастики: существует некий выборный или назначаемый коллективный орган принятия решений (Мировой Совет у А. и Б. Стругацких, например, или Совет Летателей у Дж. Мартина и Л. Таттл в «Шторме в Гавани Ветров»¹²⁷), в этом Совете решается судьба поколений, кипят нешуточные страсти, проводятся голосования... и при этом не создается никаких, даже временных, организующих структур — партий. Ну, не любят фантасты писать о партийной борьбе! Это еще как-то объяснимо для советских авторов, но совершенно загадочно для западных.

Для того чтобы закончить историю античной и средневековой политики в фантастике, упомянем повесть В. Забирко «Вариант»¹²⁸, где действие происходит в развитой рабовладельческой Империи, «Возвращение короля»¹²⁹ Л. Вершинина и классическую «Загадку Прометея» Л. Мештерхези¹³⁰. Венгерский писатель изображает борьбу «партии войны» и «партии мира» в Микенах времен Геракла:

«Итак, что могло скрываться за раздорами Атрея и Фиеста? Просто жажда власти, как утверждает мифология? И на этот раз я считаю вероятным, что народная память сохранила истинную суть. Итак: жажда власти. Но ведь для того, чтобы достичь власти, нужен лагерь — союзники, сторонники. А для этого — какая-то программа. Иная, чем у соперника. Обратимся хотя бы к выборам в Америке! Обе партии ничем друг от друга не отличаются. Действительно ничем, даже хотя бы настолько, насколько разнятся две крупнейшие партии Англии. Следовательно, они в самом деле борются исключительно за власть, доходы, официальные посты, за вполне переводимое на деньги «влияние». Однако же в честь выборов они непременно стряпают какую-нибудь отличающую их от соперников программу. Полагая, что с ее помощью сумеют победить. Определенные силы, интересы — классовые, сословные, групповые — стояли и за борьбой Атрея и Фиеста. И эти интересы следовало сформулировать в программе, обрисовать цель.

Почему бы нам не предположить, что различие их программ тождественно политическим воззрениям, которые разделили тогда Элладу на два лагеря?

Обратимся к фактам.

Экспедиция "Арго" около 1240-1235 годов до нашей эры. Акция партии мира.

Египетская авантюра около 1230 года. Акция партии мирового господства.

Оканчивается/позорным провалом.

Война с амазонками в 1219-1218 годах. Акция партии мира.

И вот теперь, после предательства Калханта и предсказания, верх берет партия войны, чья программа-минимум — незамедлительная Троянская война.

Однако война временно отодвигается: троянцы не оказывают Микенам такой любезности — не нападают первыми. Межпартийные раздоры, надо думать, временно отступают за кулисы.

1208-1207 годы: первое нападение дорийцев. Здесь обе партии, скорее всего, выступают вместе. После победы же, напротив, верх берет, ссылаясь на континентальную опасность, партия мира. Атрея убивают.

1204 год: с помощью военного путча Тиндарея микенский трон достается Агамемнону. Фиеста изгоняют, возможно и убивают.

Вероятно, таких поворотов и зигзагов было больше, даже намного больше. Это лишь то, что мы знаем. Но и из этого ясно, что Атрей спал и видел мировое господство, следовательно, был на стороне партии войны. Фиест же — я не стал бы называть его вождем миролюбивых сил, он явно им не был, — Фиест опирался на партию мира.

Из кого состояла та и другая партии? Я имею в виду не главных действующих лиц - те в большинстве своем часто меняли окраску.

Разобраться тут довольно трудно. Развивающиеся сельские города были, как правило, на стороне партии мира. Не все — в Спарте, например, из дома честолюбца Тиндарея вышли главные выборщики военной партии. Города, достигшие вершины богатства, раздираемые социальными противоречиями и надеявшиеся заглушить недовольство, снизив цены на рабочую силу благодаря массовому притоку новых рабов, были, конечно, за войну. Опять-таки не все, Пилос, например, колебался. Нестор все еще высчитывал: что даст ему больше — война или свободное мореплавание?

Большая часть аристократии была на стороне партии войны. Средние слои —

127Мартин Дж., Таттл Л. Шторм в Гавани Ветров. М.: АСТ, 2002.

128Забирко В. Вариант. Войнуха. Киев: Радянський письменник, 1991.

129Вершинин Л. Хроники неправильного завтра. М.: Аргус, 1996.

130Мештерхези Л. Загадка Прометея. М.: Прогресс, 1977.

земледельцы, торговцы, ремесленники — под угрозой военного призыва стояли за партию мира (разорение дома — наверняка, военная добыча — то ли будет, то ли нет). Но и они не все. Например, кузнецы, изготавливавшие оружие, нимало не возражали против войны. И тем не менее, как во все времена, партия мира была более народна, демократична.

Весьма неожиданный поворот темы дается у В. Когана и Л. Романовича в неопубликованных романах «Ярость математиков» и «Всадники Университета», где изображается совсем уже необычный вариант средневековой демократии — Государство-Университет, ведущее непримиримую борьбу с религиозным Орденом. Глава Университета — ректор — естественно, выборная должность. Но это — и военная должность. Другими словами, у В. Когана и Л. Романовича изображена феодальная военно-научная демократия как основа политической и экономической системы страны.

Партии и клики в императорских режимах

Этой теме повезло намного больше (вероятно, из-за любви фэнтези к средневековым, а science fiction — к постиндустриальным Империям). Напомним, что Империи бывают монархическо-тоталитарными — в них политическая борьба концентрируется в придворных кликах — и монархическо-демократическими. Для последних характерна та или иная форма Имперского (императорского) Совета и часто — активная политическая борьба вокруг этого Совета.

В западной фантастике темой политической борьбы в создающихся и гибнущих Империях подробно занимался А. Азимов¹³¹. Первоначальные демократические и квазидемократические режимы с неизменностью сменяет Империя. В конце концов, эта Империя — эмблемой ее были Звездолет и Солнце — становится господствующей силой в Галактике, а столичная планета Трантор объявляется общегалактическим управляющим блоком, включающим 40 миллиардов администраторов разных уровней. Но система велика и ненадежна, управление постоянно дает сбой, жесточайшая борьба за власть расшатывает устои Транторианского галактического государства (эта борьба регулярно приобретает вид войны придворных кликов), и вот уже Х. Селдон, великий ученый-психоисторик, пророчит конец Галактики:

«— Я осведомлен и о настоящем положении вещей, и о прошлом Империи. Не желая высказывать неуважение к суду, я могу утверждать, что знаю немного больше, чем любой из присутствующих здесь, в этом зале.

— И вы предсказываете полную катастрофу?

— Ее предсказывает математика. Я не хочу высказывать никаких моральных суждений. Лично я очень жалею, что это должно произойти. Даже если допустить, что Империя — дурной метод правления, чего я, кстати, не говорю, та анархия, которая последует за падением, будет намного хуже».

В «Конце Вечности»¹³² того же А. Азимова галактическая империя создана не в пространстве, а во времени. Императора нет, есть очередной всемирный (в данном случае, «всевременной») Совет, принимающий решения об изменении истории. Как обычно, в отсутствии явной политической борьбы, такой способ управления приводит к возникновению и борьбе кликов, кризису управления и полному распаду системы.

Монархически-тоталитарные Империи, по мнению фантастов, не жильцы на этом свете!

Неожиданное воплощение имперская монархическая идея обрела в творчестве Вячеслава Рыбакова, создавшего в 1992 году самую значительную «альтернативную утопию» — роман «Гравилет “Цесаревич”»¹³³. Петербургский писатель рисует действительно впечатляющую модель вероятностной России, избежавшей октябрьского переворота 1917 года. Вячеслав Рыбаков, в сущности, возродил в современной России монархическую утопию и первым подошел к идее имперского вектора развития России. Но наш особый интерес к его книге привлекает попытка автора дать новое направление деятельности известных (и в Текущей Реальности одиозных) политических партий и течений. И русский коммунизм, и германский нацизм изображены в романе В. Рыбакова не как политические доктрины, но как религиозные учения. Соответствующие Партии приобретают многие черты рыцарских

¹³¹ Азимов А. Транторианская империя. М.: ЭКСМО, 2008.

¹³² Азимов А. Конец вечности. М.: ЭКСМО, 2008.

¹³³ Рыбаков В. Гравилет «Цесаревич». М.: АСТ, 2003.

орденов.

«— Скажите, Князь. Ведь вы коммунист?

— Имею честь, государь.

— Дает ли вам ваша вера удовлетворение?

— Да.

— Дает ли она вам силы жить?

— Дает, государь.

— Как вы относитесь к другим конфессиям?

— С максимальной доброжелательностью. Мы полагаем, что без веры в какую-то высшую по отношению к собственной персоне ценность человек еще не заслуживает имени человека, он всего лишь чрезвычайно хитрое и очень прожорливое животное. Более того: чем многочисленнее веры — тем разнообразнее и богаче творческая палитра человечества. Другое дело — как эта высшая ценность влияет на поведение. Если вера в своего бога, в свой народ, в свой коммунизм или во что-либо еще возвышает тебя, дает силы от души дарить и прощать — да будет славен твой бог, твой народ, твой коммунизм. Если же вера так унижает тебя, что заставляет насильствовать и отнимать, — грош цена твоему богу, твоему народу, твоему коммунизму».

Девятью годами позже, в рамках литературного проекта-сериала «Евразийская симфония. Плохих людей нет»¹³⁴ тот же писатель (под псевдонимом Хольм ван Зайчик) предложил еще один вариант альтернативной России — образованная в XIII веке Ордусь, своеобразный симбиоз восточной и русской культур.

И конечно, наиболее полное описание партийной борьбы в условиях монархическо-демократической Империи создала Л. Буджолд. В ее «Барраярском цикле»¹³⁵ Император Барраяра правит, причем правит абсолютно (формально, его права не ограничены) в условиях очень сложной демократической политической процедуры. Высшая власть на Барраяре — не Генштаб, тем более, не Министерства, даже не Регент (впоследствии премьер-министр Эйрел Форкосиган), а Император в Имперском Совете. В «Гражданской кампании» все содержание романа сведено к борьбе за голоса, к поиску противоречий между основными политическими партиями «консерваторов» и «прогрессистов», к сложной «игре сил и престолов». В известном смысле, «Гражданская кампания» — путеводитель по парламентским методам политической борьбы в условиях абсолютной монархии. По крайней мере, в фантастических мирах и временах.

Классические «позиционно-платформенные» политические партии

Они много где есть, начиная с «Машины различий»¹³⁶ Б. Стерлинга и У. Гибсона. Назовем «альтернативу» С. Льюиса «У нас это невозможно»¹³⁷, где Ф. Рузвельт терпит поражение на съезде Демократической партии США, к власти приходит «Лига забытого человека», в короткий срок искореняет демократию (приняв несколько поправок к Конституции — воистину, прав был Р. Хайнлайн, когда заметил: «Трудно даже сосчитать, сколько политических систем сменила наша Америка за последние двести лет — и все при практически неизменной Конституции») и выстраивает в США тоталитарный режим германского типа. Назовем еще одну «альтернативу» — роман «Семь дней в мае» Ф. Нибела и Ч. Бейли¹³⁸, где практически все действие разворачивается в Белом доме и вокруг него, герои живут в плотном политическом пространстве и «не забывают о будущем»:

«Там, наверху. Президент убеждал вас в интересах всей страны. Здесь, внизу, я буду действовать в интересах своей партии».

Огромное значение имеет классическая политическая борьба в ряде произведений Р. Хайнлайна, упомянем для полноты роман П. Гринвея «Человек, который похитил королеву и распустил парламент»¹³⁹.

А. Азимов подробно писал о классических политических партиях и соответствующей

¹³⁴Ван Зайчик Х. Евразийская симфония. СПб.: Азбука, 2003-2004.

¹³⁵МакМастер Буджолд Л. Память. М.: АСТ, 2005.

¹³⁶Гибсон У., Стерлинг Б. Машина различий. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

¹³⁷Льюис С. У нас это невозможно. Рассказы. М.: Художественная литература, 1987.

¹³⁸Нибел Ф., Бейли Ч. Семь дней в мае. М.: Воениздат, 1966.

¹³⁹Гринвей П. Человек, который похитил королеву и распустил парламент. М.: Военное издательство, 1970.

политической борьбе в «авроровском» цикле¹⁴⁰ и в «Основании»¹⁴¹.

В «Основании» Терминус в течение всей своей истории предстает представительной демократией. (Правда, в течение какого-то времени власть Мэра была наследственной, но этот период завершился катастрофой и завоеванием, вспоминать о которых жители Основания не любили.) Разумеется, партии в разное время были разные, но, как всегда в фантастике, их можно различать по признаку «консерваторы» и «прогрессисты». Нетривиально следующее:

Во-первых, у А. Азимова описана — и весьма благожелательно — классическая «управляемая демократия». Когда Советника Тревиса арестовывают, он пытается сослаться на свой авторитет:

«- Я пред... представитель большого числа избирателей, мэр Брэнно... не сомневаюсь, что они разочаруются в вас...»

Во-вторых, Терминус сам по себе является ширмой, «силовым блоком» истинной управляющей структуры, представляемой менталами-психоисториками «Второго Основания»¹⁴². А вот там — ничего похожего на выборы (в нашем смысле слова), да и на политическую борьбу (опять-таки в нашем смысле слова):

«Когда два Спикера Второго Основания общаются друг с другом, их язык не похож ни на что в Галактике. Он скорее язык стремительных жестов, чем слов, главное тут - определить рисунок менто-обмена.

Посторонний услышит мало или вообще ничего, но за короткое время можно обменяться множеством мыслей, и их не узнает никто, кроме другого спикера.

Язык спикеров выигрывал в скорости и утонченности, но проигрывал в том смысле, что, пользуясь им, почти невозможно замаскировать свои истинные мысли».

На «Авроре» — также не совсем обычный вариант демократии. Обязанности Председателя Совета (в романе «Роботы Утренней Зари» ее занимает человек в преклонном возрасте 331 года) заключаются в том, чтобы прекращать в зародыше всякую политическую борьбу, оказывая давление на слабейшую из фракций:

«Если я не вмешаюсь, вы, д-р Амадейро, и вы, д-р Фастальф, под влиянием упрямства и даже мстительности станете обвинять друг друга в чем угодно. Наши политические силы и общественное мнение тоже безнадежно разделятся, даже раздробятся... к бесконечному вреду нашему.

Я убежден, что в этом случае неизбежная победа Фастальфа будет весьма дорогостоящей, поэтому моей задачей как Председателя будет склонить голоса в его пользу с самого начала и усилить давление на вас, д-р Амадейро, и на вашу фракцию, чтобы вы приняли победу д-ра Фастальфа с елико возможным достоинством, и я сделаю это прямо сейчас... для блага Авроры».

Ввиду тривиальности темы классических политических партий в фантастике оборвем перечисление, сделав исключение для двух миниатюр В. Бахнова¹⁴³.

В рассказе «Пятая слева» одна высокоразвитая цивилизация, издав для этого сборник правил и исключений из них, занимается прогрессорской деятельностью на слабо развитых планетах. Получается это не очень хорошо:

«Учитывая вышеизложенное, я спрашивал, не стоит ли на время искусственно притормозить прогресс, как разрешается 668-м исключением из 123-го правила. На это вы совершенно справедливо заметили, что согласно 6699-му параграфу данное исключение становится правилом только после соответствующего решения Сената. А обратиться в Сенат мы не можем, потому что подобная просьба была бы на руку сиреневым, по-прежнему выступающим против нашей экспедиции!»

В конце концов, «сиреневая оппозиция» в Сенате победила, что дало возможность

140Азимов А. Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо. М.: ЭКСМО, 2003.

141Азимов А. Академия. М.: ЭКСМО, 2008.

142Аналогичная политическая структура изображена у Ф. Карсака в «Бегстве Земли» (Карсак Ф. Львы Эльдорадо. М.: АСТ, 2001): парламент триллов (триллиак), над которым располагается реальный управленческий слой текнов (ученых, техников).

143Бахнов Б. Внимание: АХИ! М.: Молодая гвардия, 1970.

тихую свернуть проект и «списать» затраченные на него средства — вполне respectable применение демократии и партийной борьбы в фантастике.

В рассказе «Пари» партии (в данном случае — литературные) создают группы компьютеров (МУТы), изначально запрограммированных на создание текстов, но не владеющих более никакой информацией ни о себе, ни об окружающем мире.

«И в сей трудный час тот самый МУТ № 7, который давно уже почивал на лаврах первооткрывателя темы ничегонезнания, выступил с новыми программными стихами.

— Я не знаю, о чем писать, — заявил МУТ №7, — но я горжусь этим абсолютным незнанием и не соглашусь поменять его на какие-то сомнительные знания. Ибо то, что мне не о чем писать, является свидетельством моего таланта.

И едва появились эти стихи, как электронные литераторы разделились на МУТов и НЕОМУТов, и искусственная литература, выбравшись из тупика, понеслась по столбовой дорожке.

НЕОМУТы в своих произведениях страстно и многословно обвиняли МУТов в незнании знаний.

А МУТы, не уступая своим литературным противникам ни в страсти, ни в многословии, с гордостью утверждали, что они, МУТы, знать ничего не хотят!

Литературная жизнь забила ключом. И если до раскола в горестных произведениях МУТов не было именно горести, а в яростных критических нападках — ярости, то теперь страсти бушевали в полную силу.

Появились конфликты, а вместе с ними такие новые для искусственной литературы жанры, как эпиграмма («Сочиняет МУТ с волнением МУТное произведение»), приключенческая повесть («Храбрый МУТ в лагере НЕОМУТов»), драма («МУТ полюбил НЕОМУТку и под ее влиянием перевоспитался и порвал с мутовщиной») и, наконец, сценарий (все вышеназванное, переработанное с учетом киноспецифики)».

Партии «ленинского типа» (партии нового типа)

Тема тоталитаризма всегда была интересна фантастике, и «партии нового типа» (ленинские) представлены в ней очень широко. Начать, разумеется, придется с Дж. Оруэлла¹⁴⁴, причем имея в виду не только «1984», но и «Скотный двор». Нельзя не упомянуть и «Каллокаин» К. Бойе¹⁴⁵. «Очаг на башне»¹⁴⁶ В. Рыбакова лишь слегка касается темы партийной жизни в реальном СССР, зато первая часть «Прощания славянки с мечтой»¹⁴⁷ — «Тибетский опыт в условиях реального коммунизма» — ставит «управляющую и вдохновляющую силу» в самый центр повествования.

Весьма нетривиальный образ «партии нового типа» создан у К. Еськова в «Последнем кольценосце», где описываются отдельные элементы социальной архитектуры общества, образованного бессмертными толкинскими эльфами.

Самая значительная утопия 30-х годов принадлежит Яну Ларри. «Страна Счастливых»¹⁴⁸ (1931) выделяется на общем фоне более высоким художественным уровнем. Внешне мир Ларри мало отличается от таких же счастливых миров, придуманных в 20-е, — здесь так же царствует счастливый труд, так же ликвидированы границы, а человечество шагнуло в космос. Но есть и принципиальное отличие: утопия Ларри — динамична, в ней присутствуют конфликты, ее населяют живые люди, обуреваемые страстями и противоречиями.

Присутствует в повести и публицистическая заостренность. Страной Счастливых управляет экономический орган — Совет Ста. И вот два лидера Совета, два старых революционера, Коган и Молибден, выступают против финансирования космической программы. Прогрессивная общественность восстает и, разумеется, побеждает. Прав Л. Мештерхези: всегда есть две партии. Даже если формально она одна, с неизменностью возникает борьба двух позиций — консервативной и прогрессистской. Прогрессисты, конечно, побеждают. Раньше или позже.

144Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2006.

145Бойе К. Каллокаин//В кн. «Библиотека современной фантастики. Том 20. Антология скандинавской фантастики». М.: Молодая гвардия, 1971.

146Рыбаков В. Очаг на башне. СПб.: Петербургский писатель, Азбука-классика, 2004.

147Рыбаков В. Пробный шар. М.: АСТ, 2001.

148Ларри Я. Страна счастливых. Ленинград: Ленинградский облздат, 1931.

В образе усатого упрянца Молибдена без труда угадывался намек на «главного фантаста мира», так что остается только удивляться, каким чудом книга смогла проскочить сквозь заслон цензоров. Впрочем, довольно скоро «Страна Счастливых» была изъята из продажи и библиотек, а спустя десять лет писатель был арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде провел 15 лет в лагерях.

Из общего числа романов о тоталитарных партиях выделяется «Диктатор»¹⁴⁹ Сергея Снегова, законченный автором незадолго до смерти (1994) и вышедший в 1996 году. Действие романа разворачивается в параллельном мире, объятom пламенем разрушительной войны. Любопытно «альтернативное» развитие технологий, в частности основой сельского хозяйства является глобальное управление погодой (также активно применяемое в военном деле), а вместо сжигания нефтепродуктов используется «сгущенная вода».

Астрофизик Александр Гамов ненавидит войну и мечтает о всеобщем мире. Для этого он вместе с друзьями, такими же интеллигентами, устраивает военный путч, свержает законное правительство Латании и, захватив власть, железной рукой наводит в стране порядок: борется с преступностью, карая не только преступников, но и членов их семей; безжалостно расправляется с политическими противниками как внутри страны, так и в сопредельных государствах, — словом, ведет себя так, как и подобает себя вести нормальному диктатору, незаконно захватившему власть и решившему облагодетельствовать человечество.

После завершения войны и «стабилизации политической обстановки» выяснилось, что не было никакой диктатуры, а Гамов разыграл из трагедии фарс: в действительности массовые репрессии были театрализованной фикцией.

Тем не менее Гамов считает себя виноватым в преступлениях против человечества и требует для себя суда.

Если «Гражданская кампания»¹⁵⁰ Л. Буджолд — путеводитель по политическим реалиям «управляемых демократий», то роман С. Снегова является учебником по тоталитарным и посттоталитарным партиям: особенностям их взаимодействия, социальной базе, роли лидеров.

Современные и постсовременные партии

Авторам не удалось найти в фантастике примеров «флеш»-партий, да и партий посттоталитарного «имиджевого» типа там немного. Хочется упомянуть, скорее, кино: «Хвост вертит собакой» — типичный пример классической «серьезной» политтехнологии. В юмористической форме эту тему рассмотрел В. Пелевин в «производственном романе» «Generation “П”»¹⁵¹.

Весьма нетривиальная управленческая структура описана Д. Симмонсом в «Падении Гипериона»¹⁵²: альтинг, всеобщий электронный (сетевой) парламент, учитывающий в реальном времени все позиции и все голоса по любому вопросу.

У Дж. Мартина в сериале «Путешествия Тафа»¹⁵³ рассказывается о планете, религия которой строго запрещала все формы ограничения рождаемости, что приводило мир к перманентным экологическим кризисам и катастрофам. На этой планете политическая борьба структурировалась двумя партиями, имеющими различные проекты развития (проектные партии новейшего типа в нашей терминологии). Экспансионисты предлагали решить проблему военной экспансией, а технократы — совершенствованием производительных сил самой планеты. Эта борьба «лучшего с хорошим» (в парадигматике коммунистических утопий) только чудом не привела к общей планетарной гибели.

В целом «новейшие партии», к сожалению, очень слабо представлены в фантастике, да и в реалистической литературе тоже.

Партии и политическая борьба в утопических и примыкающих к ним моделях Будущего

Кратковременная хрущевская «оттепель» подарила советскому народу новые надежды и

149 Снегов С. Диктатор. СПб.: Азбука; М.: Терра — Книжный клуб, 1997.

150 МакМастер Буджолд Л. Гражданская кампания. М.: АСТ, Хранитель, 2007.

151 Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 1999.

152 Симмонс Д. Падение Гипериона. М.: АСТ, 1996.

153 Мартин Дж. Путешествия Тафа. М.: АСТ, 2000.

планы на будущее. В НФ «оттепель» наступила довольно рано — в 1957 году, когда, всего за несколько месяцев до запуска первого искусственного спутника Земли, на страницах журнала «Техника молодежи» вышел роман И. Ефремова «Туманность Андромеды»¹⁵⁴. Всеволод Ревич отметил: «Ефремов написал вовсе не коммунистическую — в нашем смысле слова — утопию... В меру сил он написал общечеловеческую утопию». Отдалив мир будущего на тысячелетие, писатель совершил беспрецедентную попытку изобразить радикально новое человечество — не просто отличное от нас интеллектуально, но и с принципиально иной этикой. Ефремовский мир — подчеркнуто космополитичен, он лишен не только государственных границ, но национальной самоидентификации. Заслуживает огромного уважения смелость Ефремова, с которой он взялся охватить все стороны человеческой деятельности и жизни — от прорисовки инфраструктуры и достижений науки, до сугубо гуманитарных сфер, как то педагогика, культура, досуг, любовь и т.д. Согласно исторической концепции произведения, современная история продолжилась эрой Мирового Воссоединения, в которую ликвидируется политическая жизнь, образуется общий язык и достигается победа в «борьбе за энергию». Этот период достаточно прочно ассоциируется с понятием «коммунизм». Однако история на этом не заканчивается — на смену ему приходит эра Общего Труда, за которой следует эра Великого Кольца, объединение людей разных планет.

Если Ефремов раздвинул горизонт коммунистической утопии, то А. и Б. Стругацкие населили эту самую утопию живыми людьми, которых не хватало в «Туманности Андромеды». Бесспорно, цикл новелл «Возвращение. Полдень XXII век»¹⁵⁵ (1962) — одна из лучших панорам далекого будущего, созданных в советской литературе. В сущности, Стругацкие написали не просто утопию, а Историю Будущего. Центральным звеном новой социальной структуры является институт воспитания детей профессионалами, а не родителями. Следует отметить, что миры Стругацких имеют стандартную, отличную от утопий Ефремова» этику и эстетику, что делает их гораздо «человечнее», ближе к современному читателю.

Любопытна попытка Вадима Шефнера изобразить в романах «Девушка у обрыва» и «Лачуга должника»¹⁵⁶ гармоническое общество XXII века. Наряду с утопиями Ефремова и Стругацких это одна из лучших и самых живых утопических картин советской литературы. Шефнеровский роман — яркий пример гуманитарной утопии, нарочитая несерьезность которого заметно выделяет это произведение. Шефнера мало волнуют научные достижения будущего (хотя один из главных героев — ученый, открывший Единое Сырье аквалид, что привело цивилизацию к абсолютному благополучию), в центре его внимания — человеческие отношения, которые совсем не изменились. Разве что ругательства вышли из употребления и алкоголиков стало меньше (их автор остроумно окрестил словом «Чепьювин» — т.е. Человек Пьющий Вино). В юмористических красках писатель изображает сложности обновления общества. Например, вместе с деньгами Всемирный Почтовый совет решил отменить и почтовые марки, а их коллекционирование признано «пережитком, не приносящим человечеству никакой пользы». Разумеется, это вызвало решительный протест со стороны многочисленных филателистов. Встречаются и другие курьезы, связанные с отменой денежных единиц, — роботы-официанты, не приученные к «халяве», стали обслуживать клиентов менее добросовестно.

Из попыток создать масштабную коммунистическую утопию стоит упомянуть и роман-эпопею Сергея Снегова «Люди как боги» (1966-1977)¹⁵⁷. Стремясь облегчить восприятие социально-футурологических идей, автор использовал жанр космической оперы.

Любопытно социально-технологическое устройство этого общества. Каждый человек имеет собственную кибернетическую систему, обеспечивающую непрерывную связь с центральным компьютером и ответственную за его безопасность.

«Спорить с Охранительницей бессмысленно. Отключить ее — на всех планетах считается серьезным проступком, на Земле же с ее строгим режимом это попросту неосуществимо <...> Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов, а если меня что-то гложет, разве она не докапывается до причин

154Ефремов И. Туманность Андромеды. М.: ЭКСМО, 2007.

155Стругацкий А., Стругацкий Б. Будущее, XXI век. Десантники. СПб.: Terra Fantastica; М.: ЭКСМО, 2008.

156Шефнер В. Девушка у обрыва. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2002.

157Снегов С. Люди как боги. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

неполадок и упадка духа, и маленькая, не больше меня самого, часть Большой ставит их перед всем обществом как важную социальную проблему, если, по ее критерию, они того заслуживают».

Эдакая доброжелательная версия «Большого брата» и «Страж-птицы». И ведь что интересно: система «Охранительниц» никоим образом не психична. Охранительница связана с Большой Академической Машиной, которая содержит **формальные** ответы относительно «правильно — неправильно», «этично — неэтично». И эти ответы могут быть изменены сознательной волей людей, что и происходит в конце первого тома романа. Поэтому в системе Снегова можно говорить как об абсолютной диктатуре (причем в отличие от оруэлловского «1984» здешний телескрин считывает не поступки, а мысли, и можно быть уверенным, что он «не сломается»), так и об абсолютной демократии, так как решения в критических ситуациях принимают люди — и едва ли не методом консенсуса. Как всегда, модель Снегова — уникальна и ни к чему не сводима¹⁵⁸.

Другие талантливые произведения этого времени посвящены обществу будущего: «Мы — из Солнечной системы» (1965) Г. Гуревича¹⁵⁹, «Глоток Солнца» (1967) Е. Велтистова¹⁶⁰, «Скиталец Ларвеф» (1966) Г. Гора¹⁶¹, «Гость из бездны» (1962) и «Гианея» (1965) Г. Мартынова¹⁶², «Леопард с вершины Каллиманджаро» (1972) О. Ларионовой¹⁶³.

Уже к 1970-м утопия практически исчезла с литературного небосклона, закончившись вместе с «оттепелью». Вскоре после публикации был запрещен «Час Быка» И. А. Ефремова (1968)¹⁶⁴. В этом произведении люди «Эры встретившихся рук» вступают в контакт с социумом, давно утратившим связь с остальным человечеством и находящимся под властью тоталитарного режима. Десятилетие спустя А. и Б. Стругацкие разрушат внешнюю благодать «Полдня...» убийством Льва Абалкина в «Жуке в муравейнике»¹⁶⁵. Немногим позже автор «розовощекого» романа «Путешествие длиною в век»¹⁶⁶ (1963) В. Тендряков напишет антиутопию «Покушение на миражи» (1983)¹⁶⁷.

Следует отметить роман В. Аксенова «Остров Крым»¹⁶⁸, впервые изданный в 1981 году в США. В нем рассматривается Крым (в фантастической реальности романа — остров), который так и не был захвачен большевиками. Аксеновский Крым — осколок старорежимной России, развивающейся по капиталистическому пути.

158Разве что, может быть, черты ее можно поискать у Р. Шекли в иронической повести «Билет на планету Транай», где изображено весьма необычное общество (*Шекли Р. Билет на планету Транай. М.: ЭКСМО, 2007*). Президент может убить любого человека, при этом убитый автоматически по закону оказывается преступником. Но сам Президент обязан носить при себе, не снимая, медальон со взрывчаткой. Когда количество голосов, протестующих против его правления, превышает критический уровень, происходит взрыв. А до этого Президент волен вести себя как угодно. Народ в полной зависимости от власти, которая в полной зависимости от народа. Любит Р. Шекли парадоксы гораздо более, нежели демократию.

159Гуревич Г. Мы — из Солнечной системы. М.: АСТ, 2003.

160Велтистов Е. Глоток Солнца. Самара: Самарский Дом печати, 1994.

161Гор Г. Скиталец Ларвеф. Л.: Советский писатель, 1966.

162Мартынов Г. Спираль времени. Гость из бездны. М.: АСТ, 2002.

163Ларионова О. Леопард с вершины Килиманджаро. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

164Ефремов И. Туманность Андромеды. Час Быка. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

165Стругацкие А. и Б. Будущее, XXI век. Прогрессоры. СПб.: Terra Fantastica; М.: ЭКСМО, 2008.

166Тендряков В. Путешествие длиною в век//Библиотека современной фантастики. Т. 19. Нефантасты в фантастике. М.: Молодая гвардия, 1970.

167Тендряков В. Покушение на миражи. М.: Художественная литература, 1987.

168Аксенов В. Остров Крым. М.: ЭКСМО, 2008.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ГОРИЗОНТОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹⁶⁹

В последнее время заметно возрос интерес к работам, посвященным среднесрочному прогнозированию Будущего. Актуальность подобных исследований обусловлена очевидным провалом политики «устойчивого развития», кризисом процесса глобализации, лежащего в ее основе, и отсутствием внятного анализа этого кризиса в современной футурологии. Мировые элиты постепенно осознают, что развитие не бывает устойчивым, а процесс глобализации — управляемым, но это понимание носит интуитивный характер и не подкреплено экспертными оценками.

Последние исследования таких авторитетных зарубежных «фабрик мысли», как «Rand Corporation», «National Intelligence Council», «Interdisciplinary Center for Technological Analysis & Forecasting», «Science and Technology Foresight Center», «National Institute of Science and Technology Policy», не в полной мере соответствуют реальным ожиданиям. Хотя и с некоторыми оговорками, они выполнены в логике «устойчивого развития» и не содержат развернутого анализа новых, нарождающихся угроз и вызовов.

Предлагаемый вашему вниманию прогноз создан российскими исследовательскими группами «Конструирование Будущего» и «Санкт-Петербургская школа сценирования». Группы ставили перед собой задачу нарисовать карту того реального Будущего, которое не может быть вписано в общепринятое понимание «продолженного настоящего», характерное для существующих иностранных технологических форсайтов. По аналогии с энгельсовским «Анти-Дюрингом» может быть названа «Анти-Рэндом».

Основной предложенной методологической инновацией является переход от формального анализа перспективных исследований и естественных трендов к их проектной пересборке. При этом используется не событийный, а средовой подход: социальное, технологическое, культурное, экономическое, научное развитие рассматривается как скачкообразное изменение базовых качеств соответствующих динамических сред, находящихся в непрерывном и интенсивном взаимодействии. Особое внимание уделено исследованию структуры информационного пространства, определяющего пути эволюции технологической среды.

Мы полагаем, что главным содержанием текущей исторической эпохи является кризис промышленной цивилизации. Этот кризис носит системный характер и **неизбежно** приведет к размонтированию современной индустриальной цивилизации. Тем самым мы анализируем и описываем Будущее, очень далекое от «продолженного настоящего» евро-американской прогностики.

Возможны три пути разрешения постиндустриального кризиса.

Во-первых, в кризисе можно законсервироваться — всеми мыслимыми и немыслимыми способами продлевая существование индустриальной цивилизации в неизменном виде. Эта версия приведет к катастрофическому исходу, худшему из всех возможных. Человечество, разумеется, не погибнет, но масштабы трагедии будут иметь поистине планетарный характер, сравнимый с последствиями термоядерной войны среднего масштаба.

Во-вторых, выходом из кризиса может стать «естественный демонтаж»: сравнительно медленный и в каких-то пределах управляемый, но ведущий к неуклонному разрушению цивилизации и ее институтов. Такой исход, напоминающий размонтирование Римской империи и начало Темных веков, инициирует неофеодальную эпоху длительностью в несколько веков (по взвешенно-оптимистической оценке). Необходимо понимать, что понятие «неофеодализм» используется как метафора. В действительности речь идет о мире, который лишь внешне похож на Средневековье, но содержит совершенно иные интенции к развитию. Дело даже не в том, что это будет «феодализм с автоматами Калашникова, позиционной записью числа и рядом других пороговых технологий¹⁷⁰». Целый ряд

¹⁶⁹Апрель 2007 г. Вступление к работе «Введение в средовое прогнозирование» (в соавторстве с Е. Переслегиной, А. Желтовым, Ф. Дельгадо, Р. Исмаиловым, Т. Румянцевой, И. Андреевым, Н. Жарковой, С. Боровиковым и другими сотрудниками исследовательской группы «Санкт-Петербургская школа сценирования»).

¹⁷⁰«Пороговыми» называются технологии, овладение которыми требует значительных усилий, в то время как их сохранение и передача следующим поколениям осуществляется автоматически. К «пороговым» технологиям относятся, например, алфавит, компас, арабские цифры, дифференциальное исчисление, ньютоновская механика.

признаков неофеодалного мира окажется новацией по отношению не только к Средневековью, но и к индустриальной эпохе. Именно в этом смысле «естественный демонтаж» (или как его иногда называют — «первичное упрощение») является сравнительно приемлемым способом разрешения постиндустриального кризиса.

Наконец, **в-третьих**, кризис может быть преодолен путем постиндустриального проектирования. В настоящее время четыре страны — США, Германия, Япония и Россия — пытаются осуществить собственные постиндустриальные проекты, но лишь Страна восходящего солнца официально заявила мировому сообществу о своих намерениях, опубликовав в Интернете рамочный документ «Внутренняя граница: развитие личностей и лучшее управление в XXI веке» (Our energy challenge..., 2006). В данной версии к середине XXI века устанавливается принципиально новая, не имеющая исторических аналогов культура, которую мы называем «когнитивной фазой». Этот сценарий отнюдь не является вариантом «устойчивого развития», поскольку подразумевает ожесточенную борьбу глобальных проектов как между собой, так и с реальностью индустриального мира. В общем можно сказать, что «множество некризисных возможностей развития цивилизации»¹⁷¹, по-видимому, пусто.

В течение некоторого времени, которое мы оцениваем приблизительно в двадцать лет, три варианта Будущего будут сосуществовать, сложным образом взаимодействуя друг с другом. Иными словами, в мире 2020-2030-х годов будут представлены локусы неофеодализма, когнитивного общества, «продолженного индустриализма». Это подразумевает исключительно сложную, мультиструктурную, систему динамических сред, лишь очень отдаленно похожих на современные.

Мы полагаем, что мир уже преодолел первую ступень постиндустриального кризиса и ответом на соответствующий вызов была политика глобализации в ее «клинтоновской» модификации.

Особенностью индустриальной экономики является ее принципиально кредитный характер, проще говоря — наличие ссудного процента. Это обстоятельство приводит, во-первых, к инфляции — возрастанию денежной массы и обесцениванию накопленных сокровищ. Во-вторых, к появлению в экономике инновационных элементов, созданию новых стоимостей. В-третьих, к экстенсивному росту рынков. Индустриальная экономика обречена расти. Через кризисы, через войны, через длинные циклы, но — обязательно расти.

Для роста нужны ресурсы: сырье, люди и рынки. И то, и другое, и третье подразумевает пространство, свободное от индустриального производства. И вся история индустриальной фазы — это своеобразный «бег к морю», к границам мира обитаемого.

Мир оказался конечен, и волна индустриализации, некогда выплеснувшаяся из Европы, «отразилась от его краев». Возникло стационарное состояние, не заключающее в себе никаких интенций пространственного развития. Дорога в космос оказалась закрытой — при современном техническом уровне нечего и мечтать о том, что другие планеты станут источниками сырья и рынками сбыта. Дорога в другие смысловые Вселенные была разрушена при подавлении «революции сознания» 1968 года в США, Франции и СССР. С миром, привыкшим к непрерывной экспансии, произошло то же самое, что нередко бывает с небольшими растущими фирмами, которые вдруг осознают, что период роста закончился, свою долю рынка они получили и другой уже не будет. Начинается борьба за снижение издержек, вводится политика экономии, создается штатное расписание, в котором каждому прописаны его функциональные обязанности. Быстро растет бюрократизация бизнес-процесса, вводятся технологические стандарты и должностные инструкции. Разделяется владение и управление, выстраивается система менеджмента. По мере продвижения фирмы в сторону организованности и заорганизованности «отцы-основатели», прежний креативный персонал, покидают ее.

Этот процесс многократно описан и носит название первого кризиса Грейнера (Greiner L., 1972), или кризиса лидерства. В сущности, глобализация — это грейнеровский кризис индустриального человечества.

Глобализационное снижение издержек проблему исчерпания свободного пространства, разумеется, не решает. Хуже того, эффективность бизнес-процессов растет очень недолго, а

¹⁷¹В данном случае термин «катастрофический» используется в семантике теории катастроф, то есть для обозначения не столько «плохих», сколько нетривиальных и сложно предсказуемых исходов. Гибель одного мира через создание другого является катастрофой, даже если, как пишут в голливудских фильмах, «ни один человек и ни одно животное не пострадало».

затем — по мере нарастания контроля и регламентации — начинает падать. В фирме это приводит к следующему этапу кризиса, а на уровне человечества — к падению производительности капитала и такому неожиданному явлению, как кризис его ликвидности. В результате глобализация с неизбежностью вступает во вторую и последнюю стадию: мир начинает объединяться не «по Клинтону», а «по Бушу», то есть — через агрессию и войну. Это, разумеется, увеличивает интенсивность всех процессов и в цивилизованной Ойкумене, и в варварской Окраине. Создается единый рынок труда, что, с одной стороны, позволяет развитым странам получить доступ к необходимым им человеческим ресурсам, а с другой — порождает антропоток, масштабы и значимость которого сравнимы с великим переселением народов. Кроме того, насилие порождает насилие, и Окраина находит свой ответ на вызов глобализации, разворачивая террористическую войну против Запада, которая, в свою очередь, приводит к антитеррористическим операциям, борьбе с «отмыванием денег» и установлению все больших и больших юридических ограничений, в том числе на частную жизнь людей. От этого производительность капитала падает еще быстрее... замыкается цепочка обратной связи.

На данном фоне разворачиваются две совершенно уже сюрреалистические компании: борьба с глобальным потеплением (с финансовой точки зрения это, разумеется, попытка ввести в обращение деривативов очень высокого порядка — фьючерс на опцион хозяйственных последствий климатических изменений) и борьба с детской порнографией (это вообще никакому вменяемому экономическому анализу не поддается). На всякий случай усилили меры безопасности в аэропортах, доведя их до полного абсурда. Таким способом удалось создать еще один квазирынок, но суммарный экономический эффект оказался отрицательным¹⁷². Как правильно отметил М. Булгаков: «...вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье — совершенно бессмысленно, вы сами понимаете».

Противоречие между принципиально открытым, кредитным характером индустриального производства и конечностью мира (которое является одной из составляющих постиндустриального кризиса) не разрешено.

Мыслимы следующие способы разрешения этого противоречия:

- Глобальный экономический кризис, чем-то похожий на Великую депрессию 1929 года в США, но распространенный на весь мир и многократно усиленный глобализацией, то есть унификацией юридических и финансовых механизмов по всему миру.
- Военный кризис, силовое перераспределение обобщенных ресурсов между обобщенными игроками, высокотехнологическая деструкция части промышленного потенциала.
- Построение постиндустриальной (когнитивной) экономики, выход из пространства индустриальных смыслов и ценностей.

Все три версии разрушают индустриальную фазу развития — полностью или частично. При этом первые два варианта до определенной степени исследованы и, по крайней мере, являются интуитивно понятными.

Третий же вариант не изучен совсем, хотя именно он является наиболее интересным, поскольку описывает развитие человечества за горизонтом глобализации.

Анализу этого варианта и посвящена книга.

КРИЗИС ФУТУРОЛОГИИ. КАКАЯ НАМ ОТ ЭТОГО ПОЛЬЗА?

Все мы строители времени, гонимся за тенью и черпаем воду решето: каждый строит из часов свой дом, каждый из времени сколачивает свой улей и собирает свой мед, время мы носим в мехах, чтобы раздувать им огонь. Как в кошельке перемешаны медяки и золотые дукаты, как перемешаны на лугу белые и черные овцы, так и у нас для строительства есть перемешанные куски белого и черного

¹⁷²Время, которое теряют в аэропорту пассажиры, экипажи и авиакомпании, можно представить как эквивалентную потерю самолетовылетов. Точные оценки этих потерь не производились (что само по себе интересно!), но оценка дает значения, сравнимые с деятельностью кайзеровских или гитлеровских субмарин в мировые войны.

мрамора. Плохо тому, у кого в кошельке за медяками не видать золотых, и тому, кто за ночами не видит дней. Такому придется строить в непогоду да в невзгоду...

Милорад Павич.

Внутренняя сторона ветра

Кризис — чертовски удобное понятие: емкое, глобальное и всеохватное. И свалить на кризис можно все, что угодно, и ждать его можно, затаившись и предостерегая, ежегодно и ежечасно, а если «варвары вдруг да и не прибыли», то все равно лучше перестраховаться — особенно в России. У нас ведь куда ни посмотри — везде кризис. Кризис Культуры, Нации, Идеологии, Армии и Флота, а также — общемировой как надсистема всех наших бед. И тут, конечно, исламское завоевание не за горами, и, следовательно, вся (европейская) цивилизация пребывает в кризисе, как пить дать.

Остановимся на кризисе футурологии. Все-таки при его благополучном разрешении у нас какое-то будущее будет, а при затянувшемся кризисе и с будущим затянется. Пожалуй, суть его в том, что за последние двадцать пять лет ни в фантастике, ни в прогностике, ни в смежных дисциплинах не появилось сколько-нибудь значимых работ, посвященных развитию европейской цивилизации. Во всяком случае, не возникло проколов Реальности, соизмеримых с разработками Римского клуба или классической моделью Ефремова-Стругацких. Это притом, что предыдущие откровения передовой философской мысли — коммунистические, экологические, технократические, постиндустриальные и даже религиозные — были изучены вдоль и поперек. Прямо по Аркадию Райкину вышло: «Отца родного не пожалеют, опишут с ног до головы».

Если мы назовем «реальным будущим» непознаваемое для нас новое, неизвестное будущее, а все остальное поименуем «описываемым будущим», то мы легко сформулируем два основных парадокса футурологии: во-первых, **«реальное будущее» абсолютно неинтересно современному читателю фантастической или же прогностической литературы, во-вторых, структура «земного рая», равно как и «земного ада», полностью исчерпана Текущей Реальностью.**

И фантаст, и футуролог, как бы они ни отрешивались друг от друга, создают разными художественными средствами миры, структурно подобные Текущей Реальности, потому что только решение уже известных, но еще не до конца освоенных проблем человечества интересно читателю, а по большому счету и автору. В этом факте нет ничего плохого (и ничего хорошего). Это статистическое наблюдение психологов: человек осознает себя счастливым «сейчас и здесь», а не «где-то, как-то непонятно и когда-то далеко», вот авторы и создают художественные **Отражения** сегодняшних проблем, и многомерные метафоры — лишь формы авторского мнения или видения.

Когда ученые и писатели отваживаются работать с «ненаступившими противоречиями», они иногда получают литературные или иные премии, но читателям их произведения кажутся странными, а потом, когда время уходит вперед, их создателей с удовольствием ловят на мелких технических ошибках.

Таких авторов немного. С. Лем рискнул создать целый ряд произведений, в которых «все сегодняшние проблемы благополучно разрешены, будем анализировать мир, который возникнет после их решения». Р. Лафферти ускорил на порядок реальное время течения жизни своих героев, удесятирив наполненность этих жизней, что прозвучало как оплеуха комфортному воспитанию и бесконечно длинному образованию в развитых странах. Еще А. и Б. Стругацкие с повестью «Малыш», в которой время и пространство действия не привязано ни к какой известной модели реальности, и В. Виндж с метафорой коллективной психики в романе «Пламя над бездной»¹⁷³, и И. Ефремов с несказанным занудством «Туманности Андромеды», из которой между тем выросла уникальная коммунистическая модель, так и ускользнувшая в параллельные пространства вероятностной истории Земли...

Второй парадокс футурологии в своей части «про рай земной» гласит, что варианты утопий многообразны, но основных идей всего три: меняется материальный мир, человек или поле связей (общество). Соответственно, возникают утопии потребления, негуманоидные модели и социальные утопии.

Материальные утопии носят наиболее древний характер и зафиксированы в сознании на уровне архетипов. Они пришли из времен, предшествующих неолитической революции, и были порождены страхом голодной смерти, который десятками тысячелетий определял все человеческое существование. Оказывается, что при всем, якобы неисчерпаемом богатстве

¹⁷³Виндж В. Пламя над бездной. Глубина в небе/Романы. М.: АСТ, Ермак, 2003.

человеческих потребностей материальные утопии добавляли в мир всего лишь три элемента. Троичность предложенной Вашему вниманию структуры, несомненно, восходит к классическому образцу: «Три источника и три составных части марксизма». Заметим, кстати, что марксизм, если его рассматривать как футурологическое построение, несомненно, относится к разделу утопий потребления. Итак:

1. Материальное изобилие, воспринимаемое прежде всего как изобилие продуктов питания.
2. Возможность облететь весь мир за полчаса, реализующая стремление к познанию, которое, видимо, заложено в человеке на том же архетипическом уровне, что стремление к выживанию или инстинкт продолжения рода.
3. Способность летать (здесь можно только вспомнить клопа-говоруна из «Сказки о тройке»¹⁷⁴ А. и Б. Стругацких, «несомненно, проистекающая из зависти к нам, насекомым»).

Неожиданно выяснилось, что к исходу XX столетия все эти задачи удовлетворительно решены в Текущей Реальности (в развитых странах) и более не требуют художественного анализа и отнесения к другому времени/обобщенному пространству. Более того, появление **виртуальной вселенной** открыло путь к достижению совсем уж немыслимого материального рая.

И очень скоро европейская либо же американская цивилизация смогут построить «вселенную высокой виртуальности», пребывая внутри которой нельзя будет никаким экспериментом определить, находишься ли ты в реальном мире, или же в виртуальности. Понятно, что «вселенная высокой виртуальности» может быть построена под конкретного человека и обеспечивать для него не просто земной рай, но даже и его личный рай, Вселенную, которая нужна именно этому человеку. Цивилизация распадается на множество индивидуальных Реальностей; общество образуется их пересечением. Пожалуй, такой мир — предельный случай материально-технической утопии. Он может быть построен на Земле лет через двадцать-двадцать пять. И из дня сегодняшнего начинающему программисту или продолжающему свои труды фантасту ясно как.

Материальная утопия нашла свое художественное воплощение в произведениях Г. Гуревича «Мы из Солнечной системы», А. Скаландиса «Катализ»¹⁷⁵, Д. Симмонса «Падение Гипериона» и, кстати, в сказке Н. Носова «Незнайка в Солнечном городе»¹⁷⁶.

На границе между материальными и негуманоидными системами лежит проблема личного физического бессмертия. Однако человечество всегда настороженно относилось к этой теме, и желание существовать вечно в одном физическом теле не прослеживается даже в архетипах. Тому есть глубокие причины, которые, однако, далеко выходят за рамки данной статьи. Замечу лишь, что всерьез эта тема обсуждалась едва ли не только в юмореске П. Буля «Когда не вышло у змея»¹⁷⁷.

Негуманоидные или квазигуманоидные утопии всегда представляли собой отдельный жанр. Глобальные изменения человека сразу же выводили произведение за рамки читательского восприятия. Что же касается изменений локальных (увеличение скорости мышления, продолжительности активной жизни, улучшение памяти, овладение экстрасенсорными способностями), то эти задачи также неожиданно оказались в хорошем приближении решены. Прогресс достигнут за счет новейших компьютерных технологий, с одной стороны, и за счет овладения известными с незапамятных времен психотехниками — с другой.

К утопиям данного класса можно отнести «Возвращение со звезд»¹⁷⁸ Ст. Лема, «Город» К. Саймака¹⁷⁹, «Человек без лица» А. Бестера¹⁸⁰, «Вода и кораблики»¹⁸¹ В. Рыбакова.

Социальные утопии все сводятся к художественному анализу политических систем, поданных под религиозным или идеологическим соусом. Оказалось, что моделей общественного устройства в принципе не очень много и все они давно реализованы на

¹⁷⁴Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке (2 экз.). СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2004.

¹⁷⁵Скаландис А. Катализ. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1996.

¹⁷⁶Носов Н. Незнайка в Солнечном городе. М.: Махаон, 2008.

¹⁷⁷Буль П. Когда не вышло у змея//Библиотека современной фантастики. Том 25. Антология. М.: Молодая гвардия, 1973.

¹⁷⁸Лем Ст. Возвращение со звезд. Глас Господа. М.: АСТ, 2007.

¹⁷⁹Саймак К. Город. М.: ЭКСМО; СПб.: Валери СПД, 2002.

¹⁸⁰Бестер А. Человек без лица. Тигр! Тигр! М.: АСТ, 1999.

¹⁸¹Рыбаков В. Письмо живым людям. М.: АСТ, Ермак, 2004.

практике. Сколько-нибудь разумные варианты были исследованы еще в прошлом столетии; в XX веке прошли (или, вернее сказать, не прошли) испытание концепции уже откровенно экзотические — СССР, Рейх, Японская империя. Земной рай так и не получился, а принципиально новых построений ни в философии, ни в фантастике и не появилось.

Социальные утопии достигли своего расцвета в Классической модели (имперского) коммунизма», связанной с именами Ефремова, Стругацких, Ле Гуин, Мак-Мастер Буджолд, Хайнлайна. Вновь приходится упомянуть «Падение Гипериона» Д. Симмонса — квинтэссенция постиндустриальной модели. Отдельный раздел составляют утопии педагогические, такие как «Кимон»¹⁸² К. Саймака или «Отягощенные злом»¹⁸³ А. и Б. Стругацких. Не может не радовать, что класс буржуазных утопий остался пустым даже в текущей капиталистической Реальности...Разве упомянуть Д. Дефо с его «Робинзоном Крузо»...

Что же касается антиутопий, то можно с уверенностью сказать, что бояться нам уже нечего: **структура земного ада также исчерпана Текущей Реальностью.**

Число человеческих страхов ограничено; они сводятся к страху физической смерти, психической смерти (безумия) и социальной смерти (изгнанию из трибы). Все это давно реализовано в виде социальных систем, которые данные страхи материализуют и, более того, становятся их **метафорой.**

Итак, познавать «реальное будущее» скучно или страшно, да и знание это принципиально не востребуемо; исследование же «описываемого будущего» методами фантастики и футурологии потеряло смысл, поскольку и земной рай, и земной ад оказались предметом изучения социологии, если не истории наций, народностей и государств.

Промышленная революция пусть с некоторыми шероховатостями, но в целом решила витальные (жизнеобеспечивающие) проблемы человечества, и тот, кто готов это осознать, живет в обеспеченном, динамичном и интересном мире. Нам уже не нужно воспринимать конструкции земного рая (и ада) художественными приемами — утопии и антиутопии существуют вокруг нас как Текущая Реальность. Потому бесполезно искать новые фантастические идеи в рамках прежних моделей. Зато в ближайшие годы фантастика, наверное, коснется нового круга проблем, как строить иное и как вписать это иное в свою прежнюю жизнь, выменяв себе ощущение успеха на страшилки перед неизвестным. А «Декларация прав Будущего-в-Настоящем» станет документом этой выгодной сделки.

Декларация прав Будущего-в-Настоящем

1. Эффективнее конструировать живое будущее, т.е. будущее инноваций, чем мертвое, механическое будущее, которое строится и без нашего участия.

Механическое будущее — по сути дела это улучшенное или же ухудшенное — «сегодня», воспринимаемое через стереотипный набор грядущих катастроф и кризисов (войны, перенаселенность, голод, СПИД, загрязнение среды, истощение ресурсов, оледенение, таяние льдов Антарктиды, падение метеоритов, комет, астероидов и лун — зачеркнуть ненужное, вписать недостающее).

Мы полагаем, однако, что первый (футурологический) принцип бесполезен, второй (эсхатологический) — вреден, и оба они вводят в заблуждение, поскольку описывают живой и даже одушевленный объект, каким является ноосфера, в терминах «мертвого времени». Приведем отдаленную, но, по крайней мере, понятную аналогию: пусть в качестве системы выбран двухлетний ребенок. Тогда футурологический анализ, продолженный на двадцать лет вперед, предложит в качестве модели ползающее четырех-пятиметровое существо, способное к примитивному общению. Эсхатологический анализ сведется к материализации детских страхов (потеряться, описаться при гостях, оказаться в темноте...). Ни в том, ни в другом варианте не будет построена модель хотя бы подростка, не говоря уже о взрослом.

¹⁸²Саймак К. Прелесь. М.: ЭКСМО: СПб.: Валери СПД, 2002.

¹⁸³Стругацкий А., Стругацкий Б. Отягощенные Злом, или Сорок лет спустя. Рига: Астрал; М.: Прометей, 1989.

2. У России есть реальный шанс использовать в интересах «живого будущего» ресурсы развитых стран.

В настоящее время развитые страны, население которых удовлетворено собой и довольно своей жизнью, тяготеют к концепции «мертвого будущего», к остановке реального исторического процесса.

Речь здесь идет об очень простых вещах. Настоящее как система стремится продлить себя «из вечности в вечность» и щедро платит за это, предоставляя своим адептам необходимые финансовые, информационные, духовные ресурсы. Будущее стремится к статусу Текущей Реальности и тоже готово платить за это. Пытаясь остановить развитие, США и западноевропейские страны накапливают огромную потенциальную энергию отсроченных изменений. Эту энергию могут использовать в своих целях другие страны, и прежде всего Китай и Россия. Когда-то именно таким способом третьеразрядные Северо-Американские Соединенные Штаты превратились в мировую державу.

Представьте себе на минутку, что некоторые открытия будущего уже сделаны, но из благородного беспокойства за спокойствие граждан энной страны запрещены. Люди, способные работать на перспективу, в энной стране имеются, но по недоразумению все заключены в тюрьму. И наконец, куда двигаться уже понятно, но генеральный курс энским Президентом еще не одобрен.

Ну и как такое остановить? При информационной-то связности стран! Не на Западе, так в России, в Африке или в Индонезии все эти ответы на вопросы: «куда развиваться?», «как действовать?» и «кто это начнет?» найдут свой дом — там и будет построено живое будущее, подобно шампиньонам, которые, вырастая, иногда коречат асфальт, но в целом от этого никто не умирает.

Итак, **хотелось бы использовать потенциальную энергию Будущего (накопленную прежде всего в «остановившихся» развитых странах), преобразовать ее из информационной формы в финансовые потоки и производственную деятельность и тем самым создать плацдарм, через который Будущее проникнет в Настоящее.**

3. Мы рассматриваем конструирование Будущего как последовательное осуществление ряда проектов — от региональных до национальных и международных, каждый из которых привносит ту или иную инновацию, но ни в коем случае ничего не зачеркивает в мире существующем.

Речь ни в коем случае не идет о переустройстве общества/ государства/ человека. До сих пор все попытки совершить это — от раннехристианских до постиндустриальных — либо не приводили вообще ни к какому осмысленному результату, либо — оборачивались Реальностью, не вполне согласующейся с замыслами разработчиков. На наш взгляд, это было связано с претензией революционеров знать и понимать Вселенную целиком, во всем ее бесконечном многообразии. Поскольку человеческий мозг ограничен в своих возможностях, они были вынуждены предельно упрощать Будущее и добивались реализации весьма экзотических и примитивных его вариантов. Примечательно, что почти все эти проекты семантически строились на понятиях «вернуться» и «отказаться».

Напротив, иными словами, мы не собираемся бороться за «семью без абортот», «школу без “чурок”», «общество без мусульман» или «мир без ядерного оружия». Сама постановка задачи в таком виде абсурдна: Будущее не может оказаться беднее Настоящего, потому следует стремиться не к сокращению, а к расширению индивидуального пространства решений каждого гражданина России. То, что на Западе сейчас возобладали противоположная тенденция, есть для нас весьма позитивное обстоятельство.

Говоря о Будущем как о проекте, мы исходим из того, что любая реальность, без которой ныне невозможно представить себе Ойкумену — мир обитаемый, когда-то существовала лишь в виде проекта, плана, надежды, желания. Преосуществляя воображаемое в действительное, человек, нация или государство творили историю, превращали застывшее время в живое и создавали в Настоящем элементы Будущего.

Возможно, паровая машина была бы изобретена без Уатта (хотя, наверное, и позднее), но очень сомнительно, чтобы олимпийское движение появилось бы без Пьера де Кубертена. Один из лучших музеев Парижа — музей Д'Орсе — был создан творчеством великих художников-импрессионистов и организаторским талантом президента страны Ж. Помпиду, который сумел найти финансовые и юридические возможности, чтобы превратить в постоянно действующий выставочный зал старое здание вокзала, предназначенное к сносу.

Умолчим здесь о Василии Третьякове, Альфреде Нобеле и Махатме Ганди... или о Петре Первом, который собственноручно выстроил почти все государственные, культурные и научные институты Империи; ими Россия пользуется вот уже триста лет.

Наверное, не появились эти люди — было бы создано что-то иное. Но Олимпийских игр, Третьяковской галереи, Нобелевских премий, принципа ненасильственности в политике — всего этого не возникло бы никогда, и мы сейчас жили бы в совершенно ином Настоящем, в мире с другими нравственными ценностями и жизненными ориентирами.

Таким проектом может быть выпуск книг, строительство школ и парков неизвестных до сегодня приключений и развлечений, организация новых форм массовых мероприятий, преобразование больших систем, таких как шоу-бизнес, например, в социальные институты, альтернативные собственно государству. Это может быть любое научное исследование любых динамик, любых систем.

Вряд ли стоит тешить себя иллюзиями, что все эти малые и большие дела и сногшибательные научные или социальные открытия сразу дадут Вам место в парламенте, «деньги, дом, Чикаго, много женщин и машин...» Важно другое — когда и если инновации станут оптовым товаром, российский деловой мир, как бы консервативен он ни был, примет их за норму жизни. «Ну, право слово, это есть уже у всех моих соседей». И в «таком разе» — создание нового будет частью любого процесса, не потому, что так выдумали умники, а потому, что за другое особых денег-то не получишь. Важно, чтобы будущее в России стало модным. Если это не национальная идея — ну хотя бы молодежь делом займется!

4. Будущее есть совокупность проектов, и конструирование здесь понимается как построение в стране условий для реализации тех вариантов будущего, которые считаются успешными с точки зрения хотя бы одного из граждан страны.

Целью такого конструирования является не создание очередной программы выхода из кризиса, не поиск спасающей политической и/или экономической комбинации, не выбор меньшего из двух или нескольких зол, но построение плацдарма, космодрома для тех кораблей мечты, которым пока в нашей озирающейся на Америку реальности некуда приземляться.

По сути, работа в некоем, может быть виртуальном пока, институте Будущего на стадии создания инициативной группы предлагает читателям мозговой штурм «Да — новому» с отсутствием критики идей на всех этапах. И такая рабочая группа, конечно, представляет собой группу свободных людей, не связанных государственной иерархией.

И очевидно, что каждый член такой группы сможет нести самостоятельный проект и включать в работу по нему любое количество людей, и связывать их любыми формальными отношениями, в том числе и вести работы и одиночку. Лишь бы этот проект был, «Да», а не «Нет» и «Если бы».

Финансирование проекта может осуществляться по рейтинговой системе всех участников после краткого ознакомления с проектами и выполнению их по истечении недельного, месячного срока работ. Это может происходить на конференции. На форумах реально проводить идейные штурмы по возникающим проблемам и балинтовские группы по личным вопросам руководителей проектов. Каждый руководитель проекта, вероятно, сможет привлекать любые средства финансирования в свой проект вне своего странного головного института. Иначе непонятно, откуда они вообще у виртуального института возьмутся в первый год жизни. То же касается рекламы и аренды помещений.

При отсутствии финансирования работ его руководитель задает себе сократительный вопрос «Как я могу использовать сложившуюся ситуацию на благо собственного будущего, если мой проект будущего общественного оказался...» (нужное вписать).

В рамки такого института НИИ ОТЧЕГОВЫЙ ИНЕТ могут входить организации, согласные опираться на философские принципы позитивизма. Согласные на случайную (хаотическую, в лучшем случае сетевую) структуру финансирования и спокойно берущие на себя ответственность за ее отсутствие. Согласные на «Да — принятие» всех идей всех рабочих групп и/или на конструктивное сотрудничество независимо от согласия с той или иной идеей. Согласные представлять свои результаты в утвержденных на форуме дни. Согласные исповедовать и рекламировать идею инновационного, быстрого, живого и интересного будущего. Согласные опираться в конструировании этого будущего на постепенное наращивание новых структур в областях права, образования, культуры,

психологии и медицины, организации производства, идеологии или в тех областях, которые они считают приоритетными.

Для осуществления безумного проекта нам потребуется удобный и компактный лозунг, допускающий противоречивые толкования и интерпретации, зато позитивно звучащий.

Вселенная дружелюбна к любому человеку Земли.

Всякое случившееся событие, вне зависимости от того, оценивается ли оно субъективно как «хорошее» или «плохое», есть стимул к развитию, к осознанию своей сущности, к выполнению собственных созидательных задач в этой Вселенной.

Заметим, что это убеждение представляет собой краеугольный камень любой религии, в том числе — христианской. Заметим также, что вместе с тем оно не противоречит позитивистской философии, не исключая крайних ее форм.

Другими словами, мы считаем, что каждый человек сам, совершенно свободно и абсолютно самостоятельно выбирает: будет ли он богатым и здоровым или же — бедным и больным, и этот внутренний выбор не имеет корней в окружающей человека Реальности.

Точно так же каждый способен сознательно творить историю, создавая новые сущности и тем преобразовывая мир от Настоящего к Будущему, «от существующего к возникающему». В этой связи можно предложить лозунг: «От каждого по Чуду Света, каждому по индивидуальной ответственности за то, что натворил».

Вот такая простая у нас пока «конституция» из четырех пунктов и двух лозунгов и одной сказки.

«Однажды шел по земле странник. Странная это была земля. Спокойная и печальная. Мало людей создали на Земле мало вещей. Все вещи были прекрасны, а все люди бессмертны. Любовь и гармония тихими водами рек и слабыми потоками ветров омывали планету, и странник наполнился этой любовью и восхитился гармонией. Когда он покинул эту землю, то еще долго открывал в своей душе ларец с сокровищами дивной земли.

Однажды шел по земле странник. Странная это была земля. Тревожная и мгlistая, ведь кладбища веками выстилали ее равнины. Много людей воевали на ней за ненужные вещи, и не было места страннику отдохнуть и сделать запись в своей душе. Он покинул эту землю второпях, захватив с собой на память плач раненого ребенка с чужой войны.

Однажды шел по земле странник. Странная это была земля. Люди и звери жили на ней в одном стаде, резвились и умирали они по воле вездесущей матери Природы, заботы их были бесхитростны, а жизнь привольна и коротка. Странник отдохнул и навсегда запечатлел в своей душе танец ланей с человеческими детенышами. И долго смотрел он сверху, улыбаясь Великой Матери. Это был еще очень молодой странник, и он не сумел заметить, что Природа этой земли умирает.

Однажды шел по земле странник. Странная это была земля. Гладкая, как вода, твердая, как космический уголь. Гладкие и безликие люди встретили странника и своими сильными машинами убили его, превратив его тело в космическую пыль. Умирая, он отослал свою душу на одну из странных земель.

Это была странная земля: на ней были ужасные машины, страшные войны, покой и гармония и танец ланей с людьми.

Утром учитель сказал ему, что он уже вырос и ему нечего больше делать в монастыре. Странник хлопнул носом и вышел на весенний Невский проспект. Ранним утром там было мало людей. В углу у Дома книги плакал маленький мальчишка-вор, зубастая поливальная машина неотвратно надвигались на него. В магазине «Природа» рядом с карикатурными вывесками про йогурты красовался плакат с голубоглазым парнем, обнимающим молодую и, кажется, раненную художником лань. Мимо прошли трое в красных ветровках - охрана мэрии, и четверо в черных, отливающих гладкостью куртках - из налоговой полиции. Один погрозил страннику, и тот испуганно вжался в прикрытую дверь монастыря.

На двери обнаружился кодовый замок. А это означало, что скоро проснутся люди, будут выходить из дома и стукнут его дверью. Он сделал шаг и остался в этом странном мире».

«ИЗ ДЕБЮТА В МИТТЕЛЬШПИЛЬ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Тело, бывшее собственностью Элистера
Кромптона, временным убежищем Эдгара
Лумиса, Дэна Стэка и Бартона Финча,

Речь пойдет о будущем, столь близком, что его имеет смысл назвать «непосредственным». Более того, мы ограничимся ситуацией «здесь и сейчас», то есть будем рассматривать не человечество в целом, даже не европейскую цивилизацию, но лишь сегодняшнюю Россию. Именно для нее мы попытаемся отыскать пути перехода в «миттельшпиль».

Развитые страны, население которых удовлетворено собой и довольно своей жизнью, с некоторых пор тяготеют к концепции «мертвого будущего», характерной чертой которого является отказ от привнесения в мир принципиальных инноваций. В результате возникает тенденция задержки, если не остановки исторического процесса, одним из проявлений которой является «зеленое движение». Что ж, каждый волен остановиться на достигнутом. Что же касается России, то стагнация Запада дает ей реальный шанс, использовать в интересах «живого будущего» материальные ресурсы современных развитых стран. Можно даже делать это без их ведома.

Суть очень проста: Будущее реально в той же мере, что и Настоящее. Настоящее стремится продлить себя из вечности в вечность и щедро платит за это, предоставляя своим адептам финансовые и информационные ресурсы, равно как и духовные ценности. Будущее же стремится к статусу Текущей Реальности и также готово заплатить своим проводникам. Но Настоящее — лишь состояние Будущего. Иными словами, будущее — система более структурная, а потому преобразование мира неизбежно. Пытаясь его предотвратить, развитые страны накапливают огромную энергию потенциальных изменений. Эта энергия может быть преобразована в соответствующие финансовые/ информационные потоки и использована в целях других держав — прежде всего Китая и России.

Такие процессы неоднократно наблюдались в истории и по сути представляют собой механизм, посредством которого происходит смена цивилизационных приоритетов: от Испании к Англии, от Англии к США. Может быть, самым наглядным является последний пример — преобразование третьеразрядной державы, Северо-Американских Соединенных штатов, в нынешнего гегемона мира. Начало этому было положено специфическим проектом, известном как Реконструкция Юга (1870-1900).

Нам представляется, что будущее должно стать не столько предметом анализа, сколько объектом для конструирования. В качестве технического задания разумно поставить не написание очередной программы выхода из кризиса¹⁸⁴, не поиск спасающей политической и/или экономической комбинации, не выбор меньшего из двух или нескольких зол, но всего лишь создание в стране условий для реализации варианта будущего, оптимизированного с точки зрения личностного роста ее граждан.

Мы рассматриваем **конструирование будущего** как последовательное осуществление ряда **проектов** — от личных, групповых и региональных до национальных и международных, — каждый из которых привносит ту или иную инновацию, но ни в коем случае ничего не зачеркивает в существующей Вселенной. Нет смысла бороться за мир без наркотиков или мир без ядерного оружия. Сама постановка задачи в таком виде абсурдна: будущее не может оказаться беднее настоящего — это запрещает закон сохранения структурности, известный так же, как Третье начало диалектики. Поэтому надо стремиться не к сокращению, а к расширению индивидуального пространства решений граждан России. То, что на Западе сейчас возобладала противоположная тенденция, есть (для нас) весьма позитивное обстоятельство.

Прежде всего, внимание должно быть уделено юридическому обеспечению «живого будущего». Собственно, именно система классического права, созданная еще в древнем Риме (то есть при несколько иных, нежели сейчас и здесь, условиях), в максимальной степени препятствует любым инновациям, будь они технические, социальные или политические.

На сегодняшний день ни в одной стране мира невозможно создать летающий автомобиль. Причем техническая сторона дела не имеет никакого значения: не поможет даже антигравитационный двигатель с источником энергии на холодном термоядерном синтезе.

¹⁸⁴Выйти из кризиса Россия не может по той простой причине, что этого кризиса не существует. Чтобы понять это, достаточно заметить, что события 17 августа 1998 года не привели к сколько-нибудь наблюдаемым изменениям в экономической и политической жизни страны.

Дело в том, что закрепленные законодательно требования к летательным аппаратам и автомобилям несовместны, то есть они даже теоретически не могут быть соблюдены одновременно. Пример, конечно, носит казуистический характер: в конце концов, неочевидно, что летающие автомобили вообще нужны. Однако подобный конфликт законов, вообще говоря, есть правило, а не исключение.

Поэтому жизненно необходим отказ от консервативной юридической системы, точнее говоря, отказ от консервативности юридической системы и создание «динамического права», естественно включающего в себя инновационные процессы и берущее их под свою защиту. Быть может, именно в этом позитивное содержание того социального процесса, который принято называть «криминальной революцией»¹⁸⁵.

Переход к «динамическому праву» можно рассматривать как частный случай применения метаоператора, преобразующего систему в метасистему. Такое преобразование позволит использовать в обыденной жизни весьма необычные ресурсы: фрактальные структуры, парадоксы теории множеств, рекурсивное мышление. Заметим здесь, что простейшим приобретением человечества на этом пути станет управление случайными совпадениями и вероятностными процессами. По этому пути Восток продвинулся дальше Запада: еще граф Монте-Кристо заметил, что там, чтобы стать великим химиком, нужно сначала научиться управлять случайностями,— но и для Востока это пока еще скорее искусство, нежели развитая и воспроизводимая технология.

Рассмотрим простейшие метаоператоры.

Напрашивается переход от науки к метанауке. Речь идет о рассмотрении научной дисциплины как структурной системы, развитие которой подчиняется законам, не только допускающим изучение, но и на самом деле по большей части давно известным. Простое достраивание дисциплины до «идеального» состояния, соответствующего динамическим уравнениям, позволяет получить много практически полезных результатов. В свое время автор данной статьи развлекался, применяя (на довольно дилетантском уровне) некоторые из системных операторов к истории¹⁸⁶.

На следующем шаге определяются цели, лежащие за пределами возможности ТРИЗовского подхода, то есть начинается структурное исследование самой метанауки, поиск закономерностей более высокого порядка, нежели уже изученные «системные операторы» и «процедуры квантования». Важно понять, что все конкретные научные дисциплины являются лишь проявлениями метанауки; иными словами, все они — не более чем Отражения некой единой сущности. А потому всякий прогресс в одной из дисциплин с неизбежностью должен приводить к столь же существенным результатам во всех остальных. То есть мы переходим от концепции «узкого фронта и специализированного познания» к идеологии «широкого фронта и системного познания»: структурные связи и коллективное бессознательное, даже архетипические структуры (боги, богини и демоны, и сам Хаос) начинают работать на науку.

На этом пути придется случайно потерять многие привычные убеждения.

Исчезает грань между наукой и паранаукой: и та, и другая рассматривается как совокупность механизмов, служащих для познания истины. Более того, изменяется вечная триединая структура искусство/наука/вера. (Возможно, речь идет о рождении из этих трех сущностей небинарного противоречия: в пространстве мышления граница между верой, наукой и искусством приобретет фрактальный характер?¹⁸⁷)

Наука теряет индустриальный характер, центр тяжести исследования вновь смещается от больших коллективов к отдельным исследователям или малым группам.

Ликвидируется государственное финансирование науки, наука отделяется от государства,

185Согласно законам диалектики, любой процесс имеет и негативное, и позитивное содержание. Кошмар криминального беспредела общеизвестен. Заметим, однако, что ни одно правовое государство ни при каких обстоятельствах не пережило бы без серьезных социальных потрясений падение уровня жизни в четыре раза за один месяц. Судьба Индонезии тому пример.

186Работа с системными операторами на профессиональном уровне описана создателем ТРИЗ Г. Альтшуллером и его учениками.

187У каждой науки есть свои «вечные загадки» типа великой теоремы Ферма, и общая теория систем — не исключение. Давно доказано, что может существовать противоречие, имеющее более чем две стороны и не разбивающееся на любую конечную комбинацию бинарных противоречий. Однако это — чистая «теорема существования». Не только построить такое противоречие, но хотя бы получить намек, как оно может выглядеть, не удается.

образуа собственные независимые организационные структуры, производящие информацию и продающие ее на свободном рынке.

Опять-таки отметим, что в России такая революция уже произошла. Пока, правда, она воспринимается как вселенская катастрофа и гибель культуры. «Утечка мозгов» из страны будет продолжаться до тех пор, пока русские ученые не поймут, что реальной платой за грант является утрата суверенитета мышления. (Говоря другим языком: собственно научные исследования равным образом не оплачиваются по обе стороны океана. Грант является паллиативом — часть своего рабочего времени ученый тратит на то, чтобы получить его и таким образом добыть средства к существованию. Но из множества способов заработать на жизнь грант не является ни самым эффективным, ни самым достойным.)

Интенсифицированная наука подразумевает совершенно иную систему образования. Точнее говоря, метасистему. Ошибка, допущенная создателями коммунистических утопий, которые все, без исключения, являются «педагогическими утопиями», заключалась в отсутствии частицы «мета». Метаобразование и соответственно метавоспитание следует понимать как структурирование Учителем «личной вселенной» Ученика. Здесь опять речь идет о рекурсиях: если образование учит чему-то, то метаобразование объясняет, как в наиболее общем случае это что-то изучить.

Ресурсы, лежащие на этом пути, очень велики. Так, 80% населения учило в школе иностранный язык, но не знает его. Между тем в мозгу накоплено огромное количество соответствующей информации: одних только видеофильмов и компьютерных игр вполне достаточно для того, чтобы в подкорке сформировалось устойчивое семиотическое пространство английского языка. Проблема в том, что эта информация не может быть сознательно использована. С точки зрения метаобразования правильно сказать: «проблема **лишь** в том...»

Метапедагогика подразумевает отказ от понимания образования как механизма вовлечения личности в данный конкретный социум. (С этой точки зрения «консервативная со знаком плюс» функция образования — сохранение накопленной в обществе информации — сопровождается функцией «консервативной со знаком минус» — сохранением в неизменной форме структуры социума, подсистемой которой является образование.) Иными словами, речь идет о резком снижении входного информационного сопротивления системы «Образование».

Эти и другие метаоператоры позволяют ускорить развитие и интенсифицировать общественную жизнь если не всей России, то, во всяком случае, русской интеллигенции, которая, заметим, представляет собой довольно-таки «толстую» в сравнении с другими евроориентированными странами прослойку. Схема, предложенная на этих страницах, может быть реализована как совокупность конечного числа вполне конкретных программ, таких как «Гуттенберг» (перевод в общедоступную электронную форму всей накопленной в стране информации, обеспечение повсеместного неограниченного доступа граждан к компьютерным сетям), «Модернизация образования» (программа резкого перемешивания возрастных страт в обществе через реализацию закона об обязательном подтверждении среднего образования — в самом деле, можно ли считать нормальным, что даже среди учителей лишь очень небольшой процент способен сдать экзамен за десятилетку по любому предмету, кроме собственного), «Электронная демократия» (прекрасно описана Д. Симмонсом в «Падении Гипериона») и пр. Заметим, что указанные проекты даже не являются ресурсоемкими — в обычном смысле этого слова. Они могут быть осуществлены. Они будут осуществлены — раньше или позже, здесь или за Великой Стеной.

И что же тогда?

Понадобилось на удивление много времени, чтобы обнаружить структурную эквивалентность миров утопий и антиутопий, очевидную из самых общих соображений. **«Если XIX столетие искало способ построить утопию, то XX век более всего опасался, что утопия будет построена».**

Заметим, однако, что утопические/антиутопические миры возбуждают сильные чувства — не суть важно, со знаком «плюс» или со знаком «минус». Само по себе это подразумевает полноту жизни личности в таком «хорошем»/«плохом» обществе. По сравнению с размеренной и зачастую скучной (в том плане, что с человеком от рождения до самой смерти не происходит ничего существенного, провоцирующего личностный рост) жизнью в современном демократическом мире можно говорить о некой «прогрессивности» «миров, которых нет (и не должно быть)».

Жизнь в условиях информационного и структурного равновесия, слабых эмоций, высокой обеспеченности и низкой ответственности вряд ли может рассматриваться как

положительный вариант, ибо давно сказано: «Не ищите Истину в комфортном существовании».

Заметим теперь, что симметричность утопий—антиутопий подразумевает существование механизма «выбора», отвечающего личности на вопрос: в каком из миров — лучшем или же худшем — она существует? Очевидно, что таковой механизм носит субъективный характер.

То есть мы находимся в рамках некой байки «о двух супругах в Колизее». Оба были в одном и том же Риме в одних и тех же условиях. Тем не менее тоннель Реальности, принадлежащей жене («Я была в полном восторге: я находилась на ступенях древнего Колизея и видела тени римских патрициев, заполняющих трибуны, Цезаря в пурпурной тоге и гладиаторов, я была счастлива от того, что довелось это пережить...»), отличается от Тоннеля Реальности, в котором живет ее муж («Сию на грязных ступенях кретинского Колизея и думаю о тех проститутках, ворах и бандитах, которые сидели здесь до меня...»).

Это различие, согласимся, достаточно принципиальное, не определяется никакими объективными факторами. Оно всецело находится в руках Личности, которая вправе жить в любом из альтернативных Представлений Мира.

Понятно, что «притча Колизея» всеобща: она точно так же справедлива для «обыденного» буржуазно-демократического мира. Но там «расстояние» между вариантами гораздо меньше, соответственно, оно порождает меньшие противоречия. С этой точки зрения западный обыватель всегда живет нормальной жизнью — чуть более или чуть менее счастливой. Для жителя же утопии/антиутопии (например, советской) возможна либо очень радостная, либо — очень несчастная жизнь.

Накопление информации (личной, равно как и общественной) в эмоционально проявленных утопических мирах должно идти намного быстрее, нежели в обыденной буржуазной реальности.

Мы приходим к выводу, что не следует бояться утопических миров. Не следует даже бояться своей психологической реакции на такие миры, превращающей их в антиутопические. Жизнь в утопии счастливая и интересная. Жизнь в антиутопии также интересна и уже потому — пусть и в другом смысле, но тоже счастливая.

Данное рассуждение, конечно, подразумевает отношение к смерти как к естественному спутнику жизни. Жизнь в утопии/антиутопии требует мужества. Ввиду нестабильности этих миров они значительно хуже обеспечивают безопасность личности, нежели буржуазно-демократическая реальность. Иными словами, механизм создания утопических миров предполагает некую «философию смерти»: в рамках христианского подхода, или с использованием буддистской схемы перевоплощения, или любую иную.

Нужно все-таки иметь в виду, что в любом обществе, даже самом безопасном, существуют и утраты, и необратимая смерть. Так что, речь идет лишь о количественных изменениях мировоззрения.

Не следует, однако, думать, что «конструирование будущего» не приведет к изменениям, гораздо более серьезным. В самом деле, если индустриальная революция ознаменовалась расцветом научного мышления, то в обществе постиндустриальном (а речь все время идет о нем: о реальном, не описываемом, постиндустриальном мире) будет господствовать постнаучное мышление, не так ли? И в этой особый интерес представляет классический библейский миф о вавилонском смешении языков.

Фабула проста: люди решили построить башню до неба, Бог разгневался на них (почему?) и «смешал им языки», строители перестали понимать друг друга, и Башня не была закончена.

Заметим прежде всего, что Бог Ветхого Завета мог найти значительно более убедительные доводы в пользу прекращения строительства (пример Содомы и Гоморры тому доказательство). Далее, много ли согласованных терминов нужно при строительстве? Возможно, что и ни одного (во всяком случае, цензурного) — жестов и интонаций вполне достаточно. В худшем случае — несколько десятков.

При общности языков жителей Междуречья (в конце концов, все они говорили по-шумерски, как бы не называли это), при сравнительной бедности семантических спектров того времени проблема перевода отнюдь не могла стоять остро. И, насколько можно судить по той же Библии, не стояла.

Тем не менее легенда о смешении языков существует, более того, она носит архетипический характер. Это означает, что перед нами намек на какое-то реальное событие, теряющееся в глубине веков.

Интересно предположить, что под «смешением языков» понимается распад общего родоплеменного Тоннеля Реальности на совокупность индивидуальных вселенных. По мере

усложнения жизни, языка и картины мира, по мере совершенствования системы разделения труда, такое событие неизбежно должно было произойти. Оно было прогрессивным, поскольку создало предпосылки к развитию личности и общества. Однако же оно раскололо единый Космос на множество непересекающихся или почти непересекающихся миров. Это резко уменьшило общественный КПД, привело к созданию государства как интегратора индивидуальных тоннелей в коллективный через механизм упрощения и временно прекратило создание общей для всего человечества Башни до Неба.

И может быть, именно теперь, мы приходим к необходимости реинтеграции индивидуальных вселенных. Вырисовывается приблизительно следующая картина.

Абсолютное большинство людей живет в пределах одного более или менее абсурдного и, во всяком случае, фрагментарного Тоннеля Реальности. Это обеспечивает человеку безбедное, комфортное и простое существование, если только мир, с которым он взаимодействует, меняется не слишком быстро. Существование индивидуальных Тоннелей Реальности — важная предпосылка фабричного производства и государственного контроля.

Есть люди — их не очень много, которые пользуются совокупностью Тоннелей Реальности, переходя из одного в другой в зависимости от поставленной задачи (например, формула: в данном конкретном случае я — христианин). Владение техникой замены Тоннелей Реальности дает личности значительные преимущества: не все люди этого типа принадлежат к элите, но вся элита рекрутируется только из них. Эмиграция как социальный институт полезна, поскольку обеспечивает создание механизма перехода по крайней мере между двумя «тоннелями».

Теоретически, однако, можно расширить свою психику до состояния, позволяющего работать с альтернативными Реальностями не последовательно, а одновременно. Именно на этом пути лежит та Истина, которая находится за пределами магии: способность воспринимать Вселенную целиком, а не искать отдельные ее метафоры в религиозных, философских, научных, психологических и иных системах, каждая из которых подводит Вас к грани истины... но ни одна не дает заглянуть за эту грань.

«Идеальным конечным результатом» является реинтеграция Вселенной: Тоннели Реальностей не только используются одновременно, но и воспринимаются совместно как единая картина мира. Хотя, возможно, эта задача и выходит за рамки того непосредственного, двадцатилетнего будущего, о котором эта статья.

Первым шагом должно стать расширение коллективной психики. Одной из ошибок создателей коммунистических утопий было именно отсутствие таковой интеграции (например, большинство подобных утопий строилось на позитивистском научном мировоззрении и потому начисто отвергало все формы религии).

Между тем, если верить мифу, Человечество не заблуждалось никогда: каждый из Тоннелей Реальности (не исключая фашистского, сталинского, буржуазного, католического, древневавилонского, пунического... и пр. и пр. — сюда входят также людоедские культы Новой Зеландии или центральной Африки и даже ислам в басаевской интерпретации) в той или иной форме с необходимостью входит в объемлющий реинтегрированный тоннель, позволяющий достроить наконец Вавилонскую башню.

А это в свою очередь означает недопустимость культурного геноцида, чем бы он ни оправдывался. Так что гонения церкви на науку и науки на церковь — звенья одного порядка, негативные явления, порожденные невежеством. Приходится говорить о «красной книге культуры», об информационных конструктах, находящихся на грани исчезновения или за этой гранью — в Непостижимых Полях¹⁸⁸.

«ТОГО, ЧТО ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ГЕРОДОТА, МАЛО ДЛЯ ГЕРОСТРАТА...», ИЛИ СУММА ТЕХНОЛОГИИ

«Такие проделки, царевна, и правда больше никому не удаются, но я могу поклясться, что никакой он не бог еще и потому, что все его чудеса не имеют никакого смысла. Он нас поражает, но когда удивление проходит, мы испытываем разочарование. В первые дни мы просили у него все новых

и новых чудес — нам было интересно; но потом они нам приелись, и говоря по правде, нам даже стало стыдно, да и ему тоже, потому что фокусы эти просто забава и никакого толку от них нет. А разве бог станет стыдиться своих чудес? Станет себя спрашивать, какой в них смысл?»

Т. Уайлдер. Мартовские иды

I. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ И ДВУХТЫСЯЧНЫЕ

«Сумма технологий» была создана в самом начале шестидесятых годов XX века и вобрала в себя мироощущение предыдущего десятилетия. Может быть, это было и самое счастливое время в долгой истории городской европейской культуры, но сегодня она кажется слишком уж простой — эпоха ламповой электроники и реактивной авиации.

Позитивистский подход господствовал безраздельно, хотя в построениях теоретиков проступали контуры совершенно иных Вселенных. «Ум истончался в пренях о вампире...» Все же мир оставался четким, как черно-белая фотография. Прошлое было фиксировано, настоящее — известно, а неопределенность в картине будущего создавалась лишь угрозой термоядерной войны. Война была **вероятной** и, следовательно, **вероятностной**: это слово должно было напоминать о волновой механике, квантовом дуализме, соотношении Гейзенберга, «копенгагенской трактовке» — о всем том понятийном аппарате, который архивирован нарративом «вероятность». Подобных параллелей, однако, не проводили. Наверное потому, что техника анализа семантических спектров, позволяющая находить неочевидные метафорические соответствия, будет создана В. Налимовым лишь спустя два десятилетия.

«Сумма технологий», как и любая хорошая научная работа, в чем-то выходит за рамки своего времени, в чем-то соотносится с ним. «За первое — мое уважение, за второе — улыбка»¹⁸⁹.

И проблема не состоит в том, чтобы указать на те или иные ошибки С. Лема. За сорок лет изменилось само «пространство решений», да и понятие истинности стало иным. В известном смысле эта статья — просто еще одна глава к «Сумме...», призванная оттранслировать ее смыслы на язык начала XXI столетия.

1

Время безраздельного господства традиционной науки завершилось на рубеже 1970-х. К этому времени физический мир казался уже изученным и предметом естественнонаучного познания стала высшая психическая деятельность. После ряда беспомощных и бесполезных экспериментов (у С. Лема описаны опыты О. Тихомирова, якобы доказывающие, что интуитивное видение есть иллюзия и самообман) выделилось два основных направления исследования.

Парапсихологи начали изучать «нечеткие способности», присущие человеку¹⁹⁰. В результате был получен огромный массив статистических данных, ничего не доказывающих и не опровергающих. По сей день одни и те же экспериментальные серии по-разному интерпретируются адептами и противниками экстрасенсорного восприятия. Можно предположить, что как первые, так и вторые кардинально недооценивают сложность проблемы.

Статистические законы не применимы к «единичным случаям» и физически точны, когда число событий сопоставимо с числом Авогадро, то есть порядка 10^{23} . Экспериментальный материал в области парапсихологии образуют сотни тысяч испытуемых и десятки миллионов опытов (таким образом, грубая оценка «сверху» дает число измерений порядка 10^7). При такой разреженности «облака событий» степень пригодности статистических законов неочевидна и, в сущности, определяется процедурой интерпретации. Всякая экспериментальная серия будет давать некое отклонение от случайного распределения. Такое отклонение можно объяснить теорией вероятности, а можно — существованием «парапсихологических полей». Но «вероятность» всегда намекает на квантовые эффекты и

¹⁸⁹Желязны Р. Дворы хаоса. СПб.: Terra Fantastica, 1995.

¹⁹⁰Речь идет о телепатии, психокинезе, ясновидении. И. Ефремов в «Часе Быка» называл такие явления «способностями Прямого Луча».

продает призрак «проблемы скрытых параметров» или ее близкого аналога. Если парапсихологические явления представляют собой макроскопические квантовые эффекты, то для их регистрации требуется эксперимент, много более точный, нежели средневековое убожество с угадыванием карт Зенера. Понятно, что «квантовый» характер парапсихологии — это лишь простейшая догадка, в то время как реальный механизм может быть намного сложнее. Если, конечно, он существует.

Таким образом, тридцать с лишним лет исследований принесли лишь два «реперных факта», которые не согласуются между собой. Вся индустрия азартных игр работает против гипотезы о «нечетких способностях». С другой стороны, сравнительная надежность прогнозов общественного мнения (а в широком смысле — вся индустрия рекламы) указывает на существование парапсихологических сил и их родство с социоглюонным взаимодействием¹⁹¹. Между этими крайностями имеется огромное количество единичных случаев ясновидения или телепатии, которые не могут быть исследованы статистически, но создают — у непредвзятого человека — вполне определенное впечатление.

Второе направление исследования было в чем-то комплементарно парапсихологии, а в чем-то альтернативно ей. Речь идет об открытии и исследовании измененных состояний сознания. На этом пути наука Запада непосредственно столкнулась с трансценденцией Востока и обнаружила, что Вселенная не сводима к физическому миру.

Это открытие сначала вызвало шок, потом — ливень исследований (инициированных армией и ею же запрещенных, как только выяснилась их абсолютная военная бесполезность) и, наконец, обернулось «революцией сознания». Государства подавили первый опыт предельного раскрепощения психики ради новых горизонтов восприятия мира (и не случайно по обе стороны «железного занавеса» это обернулось тотальным наступлением реакции), но некоторая часть накопленного опыта была сохранена и востребована.

Когда создавалась «Сумма технологий», господствовало всеобщее убеждение, что существует «правильная» картина мира. Одни видят ее лучше (понятно, что это ученые), другие — хуже, есть и совсем «слепые» — они целиком и полностью находятся в плену заблуждений. Последовательная позитивистская трактовка мироздания настаивала на объективности Истины. «Революция сознания» разрушила этот мираж, заменив единую картину мира совокупностью личных Тоннелей Реальности¹⁹².

Тоннель Реальности — это тоже чертеж Мироздания, но Мироздания субъективного, отвечающего убеждениям данного конкретного человека и только для этого человека существующего. Все Тоннели хотя бы в чем-то различны, но некоторые из них могут перекрываться в значительной информационной области: так возникают **идентичности**, структурирующие социумы.

Тоннели Реальности могут быть шире или уже в смысле мировосприятия, но ни один из них не охватывает Вселенную. Поэтому нет «правильной картины мира», есть элементы мозаики, из которых эта картина может быть составлена теми, кто научится интегрировать Тоннели. (Метафора мозаики, возможно, не вполне точна. Правильнее было бы назвать индивидуальный Тоннель Реальности фрагментом голограммы. По такому фрагменту можно восстановить всю картину, но чем он меньше, тем хуже качество изображения.)

Естественнонаучное понимание мира, в рамках которой создавалась «Сумма...», воспринимается сейчас как один из фрагментарных Тоннелей.

2

Хотя Тоннелей Реальности сколь угодно много, способов познания известно всего три, и с этой точки зрения статус науки остается очень высоким. Лишь она распаковывает смыслы природы и общества, предлагая Человечеству устойчивое, воспроизводимое, транслируемое знание. Но только искусство (субъективное, личное, эмоциональное познание) распаковывает смыслы человеческой жизни. И лишь трансцендентное, экзистенциальное

¹⁹¹ Известно, что муравей, изолированный от своего муравейника, умирает, даже если все его витальные потребности удовлетворяются. Для человека воздействие «эффекта толпы» не столь наглядно, но вполне измеримо. Этот эффект может быть описан в терминах социоглюонного поля, создаваемого большими человеческими коллективами и оказывающего интегрирующее воздействие на поведение людей. Именно социоглюонными эффектами объясняется относительная простота массового гипноза по сравнению с индивидуальным. Способность человека улавливать социоглюонное поле, несомненно, носит паранормальный характер.

¹⁹² Уилсон Р. Психология эволюции. СПб.: Янус, 1999.

познание способно переносить информацию между индивидуальными Вселенными, объединяя миры и рождая идентичности.

Так это видится сейчас, на пороге XXI столетия от рождества Христова.

3

Современное прочтение «Суммы технологии» должно опираться на представление о Тоннелях Реальности, на равноправие форм познания и, наконец, на фундаментальное для экзистенциальной психологии понятие контуров сознания.

В работах Т. Лири¹⁹³ и Р. Уилсона рассматривается восемь таких контуров, но лишь первые шесть из них вполне доступны для восприятия. Согласно данной модели поведение человека (в том числе и высшая форма этого поведения — познание) может быть представлено как результат взаимодействия жестко заданных (импринтированных) программ, образующих паттерны (образы) поведения. Наиболее древним является биовыживательный контур, связанный с образом Матери. Этот контур «отвечает» за биологическую «просто жизнь», и в частности за питание. Он инициирует чувство безопасности и инстинкт самосохранения. В известном смысле он связывает данную личность со всей предшествующей историей биологической жизни на Земле.

Территориально-эмоциональный контур метафорически замыкается на образ Отца. Контур «отвечает» за агрессивное и уступчивое поведение, за контроль над определенной территорией, порождает понятие иерархии и служит паттерном для таких фундаментальных организующих структур, как армия и национальное государство.

Семантический контур — первый, который можно назвать «специфически человеческим». Он «отвечает» за членораздельную речь и определяет наличие у индивидуума разума и его ограничений. Семантический контур «аппаратно поддерживает» логическое и математическое мышление и является Образом науки.

Социополовой контур прорисовывает характер взаимодействия людей в больших организованных группах. Часто ошибочно полагают его простоту, древность и повсеместную импринтированность. В действительности социополовой контур возник (как социальное, а не индивидуальное «изобретение») не ранее Средневековья. Он обуславливает принципиальную возможность существования больших городов, тоталитарных идеологических структур и современной индустриальной цивилизации.

Эти четыре контура образуют первый Круг психики и относятся к прошлому и настоящему. Следующие четыре должны или могут быть инсталлированы в будущем.

Пятый, нейросоматический, контур есть некий аналог биовыживательного, но на ином — информационном, метagalacticком уровне. Он пассивен и инстинктивен, но речь идет об инстинкте мыслесохранения, пассивном проникновении в тайны мироздания через интуитивные «проколы сути» и трансцендентные практики. Сутью «революции сознания» была случайная или принудительная инсталляция пятого контура при помощи галлюциногенов. В наше время использование таких препаратов строго запрещено, взамен разработаны трудоемкие, но как будто бы безопасные тренинговые упражнения¹⁹⁴.

Людей, свободно оперирующих понятиями шестого, нейрогенетического, контура, очень мало. Насколько можно судить, этот контур управляет связью индивидуума и коллективного (в том числе видового) бессознательного. Мы не знаем, какими возможностями овладевает человек, полностью инсталлировавший у себя этот поведенческий паттерн. Во всяком случае, Боги и Демоны, похоже, существуют именно на этом уровне.

Предыдущий, пятый, контур позволяет излечивать целый спектр соматических болезней. Шестой, по-видимому, дарует некую форму бессмертия. Высшие контуры (нелокальный квантовый и контур метапрограммирования) обеспечивают связь индивидуума со Вселенной, но на сегодняшний день представляются очень далекой от Homo sapiens абстракцией.

4

Контурная модель четко высвечивает противоречие: наука как метод познания мира

¹⁹³Лири Т. История будущего. СПб.: Янус, 1999.

¹⁹⁴Например, управляемое дыхание — ребефинг (см. работы С. Грофа). Но, может быть, один из самых многообещающих способов оперирования пятым контуром предлагает Р. Бах («Рожден, чтобы летать», «Чужой на Земле», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»).

пронизывает все уилсоновские контуры, но наука, рассматриваемая как основа картины мира (акцептованного Тоннеля Реальности), целиком лежит на третьем, семантическом, уровне; она не только ограничена, но и гордится своей ограниченностью.

Это противоречие, осознанное, отчасти отрефлектированное в последней четверти XX века, привело к серьезным социальным и цивилизационным последствиям.

Прежде всего, необратимо нарушилось равновесие между наукой и лженаукой.

Связано это было с процессом огосударствления науки, который начал развиваться в конце XIX века и ускорился после создания атомной бомбы. Государственное финансирование сначала привело к росту исследований, но затем случилось неизбежное: официальная наука, охваченная административным управлением, потеряла креативность¹⁹⁵. Так наука постепенно покинула позицию «творца» — «распаковщика истинных смыслов», и заняла позицию «критика» — «ниспровергателя смыслов ложных».

В конце XX столетия наука приобрела замкнутый, более того — кастовый характер, а процесс познания был полностью регламентирован, дабы удовлетворять сакраментальной формуле «отрицательный результат — тоже результат». Тогда наука быстро разделилась на **государственную**, которая сейчас получает преимущественно отрицательные результаты и очень скоро начнет получать только их, и **корпоративную**, в чью задачу отнюдь не входит выяснение истины.

С другой стороны, информационное поле цивилизации стало настолько насыщенным, а методы работы с информацией (компьютер, сеть, поисковые системы) настолько технологически простыми и удобными, что познание перестало нуждаться в методологической организации. Иными словами, возродилось индивидуальное мыслетворчество доиндустриальной эпохи, когда просвещенные аристократы играли в вист и в перерывах между робберами обсуждали упругие свойства идеального газа.

В результате четкая дихотомия науки и лженауки, характерная для эпохи 1960-х, потеряла смысл. Сейчас скорее противопоставлены две формы научного познания — креативное и критическое.

5

Наука в узком смысле этого термина — наука индустриального общества — содержит обязательную отсылку к опытному знанию (формула: «...следует из опыта существования человечества»), таким образом, она включает базовые конструкторы четвертого, социополового, психического контура. В ряде случаев такие взаимосвязи могут модифицировать поведение науки вплоть до потери ею атрибутивного свойства объективности. Примеры тому многочисленны. Это и выполнение «научных обоснований» по заказу государства или бизнес-структур, и, например, модификация результатов исследования в соответствии с текущим состоянием общественной морали.

В 1963 году пространство технологий было непосредственно связано с «камбиевым слоем» науки. Сейчас выделился целый класс исследователей, которые не занимаются наукой. Они либо конструируют технологии (объясняют, «как сделать»), либо работают в креативном слое — занимаются философией /религией /трансценденцией/эзотерикой, то есть в конечном итоге тем, что в XIX столетии было принято именовать метафизикой.

Согласно их утверждениям, технология может опираться на науку, но это, вообще говоря, совершенно не обязательно. Так, ряд вполне работоспособных технологий Древнего мира эксплуатирует трансцендентное познание в форме религии; катапульты и баллисты, равно как и корабли, серийно строились задолго до появления соответствующих разделов фундаментальной и прикладной науки.

Метафизика же вообще не может опираться на науку. Дело в том, что она напрямую «работает» с теми парадигмами, постулатами и аксиомами, которые рассматриваются в науке как априорная данность. Наука принципиально не способна ответить на вопрос о своих иррациональных основаниях — хотя бы потому, что ответ будет субъективен и иррационален «по построению».

Кроме того, метафизика явно включает субъективные элементы. Например, в процедуре квантово-механической «зашнуровки» прямо учитывается влияние личности исследователя на предмет исследования.

¹⁹⁵Функции управления (администрирования) и познания не могут сочетаться в одной цивилизационной структуре, поскольку подразумевают несовместную организацию информационных потоков. Жизнесодержащая функция управления носит с точки зрения познания паразитный характер — и наоборот.

Метафизика очень скептически относится к понятию доказательства. В самом деле, математический вывод есть приемлемое доказательство для личности, у которой импринтирован третий контур. Но приказ (или прямое проявление силы) служит доказательством на уровне второго контура. Общественная мораль, выраженная в законах, есть «доказательство истинности» на четвертом контуре. Индивидуальное прозрение (видение) — на пятом. Первый контур не содержит в себе противоречий, преодолением которых являются доказательства, а «старшие контуры», начиная с шестого, по-видимому, преобразуют противоречия автоматически.

Таким образом, очень трудно найти убедительную причину, по которой **обязательно** следует приводить доказательства суждений, отвечающие определенному научному стандарту: наличие математической модели, ссылки на предшественников, опытные обоснования и пр. Замечу в этой связи, что уравнение Шредингера, например, **не доказано**. Оно было написано, и с тех пор им пользуются. Равным образом не доказан принцип неопределенности Гейзенберга. Менее известен тот факт, что все так называемые «доказательства» справедливости общей теории относительности (смещение перигелия Меркурия, отклонение луча света в поле Солнца и т.д.) могут быть интерпретированы в рамках ньютоновской механики, причем для этого строится один-единственный эпицикл, являющийся для любого астронома истиной в последней инстанции: признается, что Солнце имеет нетривиальную внутреннюю структуру.

Конечно, такое положение дел порождает проблему «критерия истинности», в общем виде неразрешимую.

II. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Когда создавалась «Сумма технологий», предполагалось, что возможности Человечества оперировать энергиями будут развиваться экспоненциально. Это подразумевало ионные и атомно-импульсные ракетные двигатели к концу шестидесятых, термоядерные электростанции — в восьмидесятых, первые опыты с фотонным приводом в начале девяностых. Во всяком случае, считалось очевидным, что к рубежу веков будет полностью освоена Малая Система, а в зоопарках появятся марсианские животные. Сегодня мы знаем, что никаких «прорывов» в двигателестроении и топливной энергетике не произошло: по-прежнему «кровью» экономики является нефть, самолеты не стали ни на йоту быстрее, безопаснее или вместительнее, а вывод грузов на орбиту все еще осуществляется с помощью химического топлива.

Не оправдались и предположения, что после окончания «холодной войны» жизнь станет более безопасной, а политика — предсказуемой. В точности наоборот: крушение биполярного миропорядка привело к структурному хаосу в международных отношениях и резкому возрастанию напряженности. Прогрессирующий распад некогда единого мира на домены, поглощение этих доменов религиозными идентичностями разных толков, нарастающее этно-культурное перемешивание — все это дало У. Эко основание говорить о приходе «нового феодализма»¹⁹⁶.

В рамках тех временных масштабов, которыми оперирует «Сумма технологий», подобное развитие событий может рассматриваться как малосущественная флуктуация. Речь идет не о том, что С. Лем что-то предсказал «неправильно», «Сумма...» — это не пророчество Нострадамуса, а скорее абрис тех далеких берегов, «о которых в лоции нету». Автор создал блок-схему цивилизационных паттернов, развернутую на тысячелетия. Но «все, что мы читаем, мы читаем про себя», и в наши дни контекст восприятия сильно переменялся.

Нас гораздо больше интересуют информационные и духовные аспекты развития цивилизации, нежели материальные и энергетические.

«Гипотеза о выращивании информации» задает самый многообещающий (на сегодняшний день) вектор развития из числа предлагаемых «Суммой технологий». Понятно, что трудолюбиво выстроенные С. Лемом эволюционные схемы годятся только в качестве «доказательства существования». Действительность оказалась и проще, и интереснее.

задолго до первых публикаций по синергетике. Строго говоря, таким производством новой информации «из ничего»¹⁹⁷ является вся история жизни на Земле, и не удивительно, что «эволюционный подход» столь широко использовался в «Сумме технологии».

С совершенно других позиций к проблеме выращивания информации подошли математики. Надо сказать, что в отличие от естественных наук (и даже от философии) математика не опирается на опытное знание. Следовательно, в ее построениях нет ничего, что не содержалось бы в исходной аксиоматике. «Математическая костюмерная», о которой писал С. Лем, не нуждается в «ткани». Ей требуется только работа «портного».

Долгое время считалось, что эта особенность математики связана с ее «умозрительностью» и не может быть использована в реальной жизни. Такая точка зрения господствовала и после того, как нашли практическое применение неевклидовы геометрии, тензорное исчисление, некоммутативные группы. Ключевым термином было именно «нашли применение»: предполагалось, что те или иные «наряды из костюмерной» оказались востребованными по причинам, в значительной мере случайным.

Ситуация изменилась в связи с разработкой в семидесятые годы «аналитической теории S-матрицы», когда сугубо математические преобразования были непосредственно «переведены» на язык физики. Следует подчеркнуть: речь идет не о формальном использовании математического аппарата для решения физической задачи. Суть теории в том, что из **очевидных математических** требований к матрице рассеяния (она должна быть аналитической комплексной функцией своих переменных) выводятся **нетривиальные физические** следствия.

«Аналитическая теория S-матрицы» позволила довести некоторые простейшие задачи рассеяния до стадии численных ответов. В более сложных случаях вычислительные трудности оказались непреодолимыми, однако принципиальная возможность самоструктурирования информации не только в идеальном мире математических абстракций, но и в физическом пространстве была доказана.

2

Следующий принципиальный шаг был сделан в области лингвистики, где русским ученым и философом В. Налимовым был предложен принципиально новый подход к «проблеме значения»¹⁹⁸.

В. Налимов ввел фундаментальное понятие «семантического спектра». В узком смысле этот термин обозначает совокупность всех значений того или иного понятия. В широком — меру неоднозначности при любых преобразованиях семантического пространства.

Понятно, что можно говорить о спектре не отдельных слов, но согласованных мыслеконструкций. На этом пути удалось сформулировать три важнейших закона:

- семантический спектр системы включает в себя спектры всех понятий, образующих систему, но не обязательно сводится к ним
- чем более связаны семантические спектры систем, тем ближе друг к другу законы, описывающие онтологию этих систем
- поведение системы может быть описано через последовательный анализ ее семантического спектра

Последнее утверждение представляет собой базис технологии «распаковки смыслов»¹⁹⁹. На практике оно означает, что языковая среда может играть в науке ту же роль, которую играет математический аппарат: кроме «аналитической» возможна «лингвистическая теория S-матрицы» (или синтеза макромолекул).

Труды В. Налимова были созданы в первой половине XX столетия (в значительной мере как обобщение опыта квантовой механики: В. Налимов обратил внимание на то, что «нечеткая логика» разговорного языка соответствует «копенгагенской трактовке» волновой механики). Однако **идеалистическая** теория семантических спектров, настаивающая на существовании **взаимосвязи** между материальным и информационным миром, не могла быть использована до расширения представлений о незнании, вызванного успехами экзистенциальной психологии.

197С точки зрения Второго начала термодинамики, следовало бы сказать «за счет взаимодействия с надсистемой “Вселенная”».

198Налимов В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1986.

199В рамках построений В. Налимова аналитическую теорию S-матрицы можно считать примером «распаковки смыслов». Здесь роль онтологического пространства играет физический мир, а математика рассматривается как формальный «язык».

Дальнейшее развитие идей, предложенных В. Налимовым, привело в 1980-1990-е годы к построению теории информационных объектов. Современный подход к информобъектам использует аппарат теории множеств, но здесь разумно ограничиться описательной лексикой, характерной для первых публикаций.

Будем понимать под «информационным пространством» совокупность результатов семантической деятельности Человечества, «мир имен и названий», сопряженный онтологическому. Строго говоря, будучи первичным понятием, информационное пространство не может быть строго определено и задается в виде диалектического противопоставления материальному, физическому, предметному пространству.

Известно, что в материальном мире существуют живые объекты, обладающие свободой воли, интерпретируемой как поведение. Из симметрии пространств аналогичные конструкты должны существовать и в информационном мире. Такую, обладающую собственным поведением «живую информацию» будем называть информационным объектом.

Информационный объект можно также понимать как самовозрастающую (самоструктурирующуюся) информацию, как Представление²⁰⁰ автокаталитического кольца И. Пригожина.

Будучи «живыми», информационные объекты могут рождаться и умирать. Их физическим воплощением являются устройства, хранящие и перерабатывающие информацию, — люди, группы людей, вычислительные системы, сети. Материальные носители могут заменяться без ущерба для информационного объекта, который, таким образом, представляет собой в терминах кибернетики программный, а не аппаратный комплекс. Следует различать физический носитель информационного объекта и воплощение этого объекта в материальном пространстве (Представление). Последнее обязательно существует — из той же симметрии пространств, обладает поведением и связано со «своим» объектом информационно и энергетически.

Простейшим способом получить информационный объект является схематический: берется схема искусственного интеллекта и проецируется на систему, в которой физическими носителями являются люди, группы людей, компьютеры. Полученная система «по построению» является апсихичной, однако она способна пройти тест Тьюринга.

Информационные объекты такого типа называются големами и известны издавна. Описаны, в частности, Гоббсом, Волошиным, Иоанном Лествичником. Современная трактовка голема как искусственного интеллекта, логическими элементами которого служат люди, замкнутые в иерархическую организационную структуру, дана в статье А. Лазарчука, П. Лелика²⁰¹.

Големы Лазарчука—Лелика обладают весьма простым поведением, которое сводится к питанию, то есть, расширению контролируемой области информационного пространства, и выживанию (сохранению и умножению своей «элементной базы»), по этим признакам големы и идентифицируются.

Не все големы суть государства и структурно эквивалентные им конструкты, но все иерархически организованные системы суть големы. Заметим, что к данному классу информационных объектов относятся «гомеостатические регуляторы экономики», анализируемые С. Лемом.

Многочисленные эксперименты по сокращению управленческого аппарата всякий раз либо приводили к расширению этого аппарата, либо заканчивались крахом реформ и гибелью пользователя — физической или политической. Этот эффект не следует связывать с осознанными интересами бюрократии: ее пассионарная часть выигрывает от любых реформ, поведение же непассионарных элементов активного воздействия на динамику системы не оказывает. Но голем, разумеется, не видит разницы между своими логическими элементами и воспринимает всякое сокращение их количества как непосредственную угрозу существованию.

Вновь подчеркнем, голем, будучи информационным объектом, не сводим к совокупности своих элементов (чиновников, если речь идет о национальном государстве). Соответственно

200В рамках теории информационных объектов Представлением называется метафора сложной системы в ином понятийном пространстве.

201А. Лазарчук, П. Лелик. «Голем хочет жить». Официально опубликована только в 2001 году (Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить//Мир Интернет. 2001. № 9), однако с начала 1990-х годов представлена в сети Интернет.

даже многократная замена аппарата не меняет характера информационных процессов в системе.

С другой стороны, големы ни в коем случае не надо демонизировать. Это — обыкновенные гомеостатические регуляторы, возникшие естественным (эволюционным) путем. Их психика содержит миллионы, в крайнем случае — десятки миллионов клеток, то есть является весьма примитивной²⁰². Големы поддаются управлению со стороны создателя (пользователя), приказы которого выполняются «во чтобы то ни стало», если только они не воспринимаются големом как угрожающие его существованию. В отсутствие распоряжений со стороны пользователя голем поддерживает существующее равновесие и перераспределяет информационные и финансовые потоки таким образом, чтобы обеспечить свой рост. Любой квалифицированный специалист, осведомленный о «программном коде» подобного «бесхозного» голема, может занять позицию пользователя.

Отрицательное отношение к административным големам, распространенное в среде интеллигенции, не оправдано. Стремление государственных големов к безусловному выживанию, вероятно, спасло мир во время Карибского кризиса²⁰³. Конечно, сознание големов ничего не знало об атомной бомбе и опасности ядерной войны. Но зато их подсознание имело доступ к психике «элементов» — чиновников и генералов, вполне отдающих себе отчет о возможных последствиях. И големы, «измученные страшными снами», приняли **все** необходимые меры. (Среди многих странностей этого кризиса обращает на себя внимание безупречная работа связи, что для СССР 1960-х годов было очень необычно.)

Важным свойством государственно-административных информационных структур является потенциальное **всемогущество**. Голем способен выполнить **любое** распоряжение, записанное в терминах его «программного кода» (разумеется, не угрожающее его существованию). Но он ничего не будет додумывать сам. Получив приказ произвести индустриализацию без привлечения иностранного капитала, советская административная система быстро и точно выполнила его. Мы говорим «ценой огромных человеческих жертв», однако голем заботится только о количественной мере своей элементной базы, все остальное нужно оговаривать (программировать) отдельно²⁰⁴.

Големы интересны также с той точки зрения, что на их базе можно организовать систему управления экономикой, альтернативную рынку и даже самым товарноденежным отношениям. Как известно, плановое хозяйство нельзя реализовать на практике, хотя с формальной точки зрения задача сводится к тривиальному решению системы линейных уравнений — размерность системы велика настолько, что в реальном времени уравнения не могут быть даже составлены. Однако если население страны целиком включено в информационную структуру голема, последний знает (на уровне подсознания) все необходимые коэффициенты в любые моменты времени. Но тогда «бессознательно» голем знает и алгоритм, позволяющий с любой потребной степенью точности согласовывать матрицы производства и потребления, и такой алгоритм может быть распакован

202Административный голем является информационным объектом, оперирующим бюрократическими смыслами. Продуктами его деятельности являются распоряжения, представленные в виде документов, оформленных соответствующим образом. Такая деятельность выглядит высокоразумной, однако голем не создает смыслы, он лишь перемешивает их, используя тот или иной конечный алгоритм. Как и любой информационный объект, голем содержит рефлексивную петлю, которая позволяет сравнивать Текущую Реальность с целевыми установками и при необходимости модифицировать алгоритм. Таким образом, развитие голема сопровождается эволюцией программного кода. Заметим, что наиболее удачные алгоритмы могут быть включены в пространство бюрократических смыслов, то есть в область определения административного голема. Само собой разумеется, данная деятельность является творческой и осуществляется вне механизма голема — юристами, историками, чиновниками, изучающими процесс администрирования.

203Данный кризис носил аномальный характер по целому ряду параметров. Например, его хронологическая развертка зеркальна по отношению к абсолютному большинству политических конфликтов: вместо быстрого нарастания и медленной релаксации постепенное развитие и почти мгновенная нормализация обстановки. При анализе последних суток кризиса возникает устойчивое ощущение, что сработала не зависящая от чьей-либо сознательной воли «аварийная защита» военно-политического «реактора».

204Эту проблему Ст. Лем адресовал Будущему, наметив контуры ее исследования в главе, посвященной автоматическим регуляторам.

эволюционно.

Включим этот алгоритм в пространство смыслов, с которыми оперирует голем, и вновь поставим ту же самую задачу: выровнять спрос и предложение. Найдем соответствующий алгоритм и опять поместим его в «бюрократическое пространство», которым оперирует голем: «Намылить! смыть! повторить!». В общем случае получим бесконечную последовательность нерыночных регуляторов экономики, удовлетворяющих самым различным граничным условиям. Среди элементов этой последовательности наверняка найдутся и те, которые позволят построить «земной рай»: экономику, удовлетворяющую любые личные и общественные потребности.

4

Кратко коснемся других типов информационных объектов.

Научная теория, даже самая примитивная, обладает собственным поведением²⁰⁵. Она воздействует на ту информационную область, в которой определена, модифицируя вероятности: факты, отвечающие теории, обретают большую истинность. Если речь идет о классических философских и научных доктринах, способных создавать собственные Представления Универсума²⁰⁶, воздействие настолько интенсивно, что должно быть интерпретировано как «рождение» и «уничтожение» фактов. Со временем такая доктрина замыкает информационное пространство на себя. Это приводит к формированию в обществе соответствующей идентичности и порождает макроскопический социальный эффект: общество теряет способность воспринимать какую-либо информацию, отвергаемую «господствующей теорией».

Классические научные теории представляют собой искусственный интеллект, логическими элементами которого служит организованное научное сообщество. Иными словами, эти информационные объекты структурно подобны големам, но отличаются от них областью элементной базы и ее информационной организацией, а также — типом деятельности. Такие объекты называют Левиафанами. С технологической точки зрения они интересны прежде всего возможностью инициировать искусственную эволюцию науки, то есть могут быть применены непосредственно для «выращивания» научной информации²⁰⁷.

Весьма интересным классом информационных объектов являются эгрегоры, которые проще всего описываются в социопсихологическом формализме. Наличие глубокой, хотя и не очевидной связи между социальной и индивидуальной психикой дает возможность построить коллективный аналог разложения по субличностям. Такие «субличности социума» и называются эгрегорами. По построению они психичны и, разумеется, способны пройти тест Тьюринга.

Эгрегоры могут быть рассмотрены как типичные «квазичастицы»: члены разложения коллективной психики в ряд по той или иной совокупности «ортогональных функций». Никто, однако, не мешает рассматривать эгрегор и как объект, существующий в обыденном смысле.

Рассмотрим взаимодействие человека с эгрегором. Понятно, что эгрегор модифицирует человека уже тем, что по-разному взаимодействует с различными субличностями. Если личность не держит свои субличности «в узде» (а это происходит практически всегда), эгрегор рано или поздно вызовет индуктивный «поворот личности в пространстве субличностей». При этом поведение человека модифицируется очень сильно.

205См.: *Переслегин С.* История — метаязыковой и структурный подходы//В кн.: *Макси К.* Вторжение. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001. Представлена в сети Интернет с середины 1990-х годов.

206Дихотомии онтологического и информационного пространства соответствует противопоставление «наблюдаемой» и «фундаментальной» структуры системы, причем считается, что «наблюдаемое» поведение определяется процессами в фундаментальной области. Примерами классических научных теорий могут служить ньютоновская механика, дарвинизм, исторический материализм с его сакраментальной формулой, связывающей общественное бытие (фундаментальный уровень) и общественное сознание (наблюдаемый уровень).

207Необходимым условием является модификация «классической теории» с привнесением в нее квантовомеханической составляющей. Проще всего добиться этого, рассмотрев формальное воздействие «наблюдаемого» уровня на «фундаментальный» и связав уровни мыследеятельностной процедурой «зашнуровки». См.: *Переслегин С.* Институты развития. Доклад на методологической школе 24 августа — 2 сентября 2001 г. в г. Трусковце.

Человек, «правильно ориентированный» в информационном поле эгрегора, усиливает это поле. С другой стороны, эгрегор по определению обеспечивает социализацию, то есть импринт четвертого контура и функциональную работоспособность Тоннеля Реальности. Кроме того, эгрегор, как правило, поддерживает существование той или иной универсальной идеи, следовательно, его существование повышает семантическую связность.

Будучи структурно подобным (суб)личности, эгрегор способен осуществлять те же операции над информацией, что и человек — например распаковывать смыслы или рождать новые.

В рамках концепции «выращивания смыслов» особый интерес представляют динамические сюжеты. Элементной базой таких объектов являются социумы, рассматриваемые в своем историческом развитии²⁰⁸. Сюжеты существуют в неизменном виде с мифологических времен, тем самым необходимо предположить, что «время» производится внутри сюжета и определяется его императивами (сюжеты обладают времясвязывающей функцией). Для наблюдателя, живущего во внешнем времени (то есть не принадлежащего к данному сюжету), сюжет может передавать информацию из **абсолютного будущего**.

III. ЭВОЛЮЦИЯ И АНТРОПОГЕНЕЗ

Стержневой идеей «Суммы технологии» является широкое применение эволюционного подхода. С. Лем анализирует неочевидные параллели между развитием жизни на Земле и техноразвитием, исследует марковские цепи для гомеостатов и сложных химических соединений, маркирующих информацию.

Минувшие со времени создания «Суммы...» десятилетия никак не отразились на общих представлениях о процессе эволюции, в то время как история жизни на Земле была в значительной степени переписана. С современной точки зрения в палеонтологических отступлениях С. Лема неправильно почти все²⁰⁹.

Прежде всего, резко обострилась ситуация вокруг проблемы происхождения жизни. Парадоксально, но сейчас Человечество знает о биогенезе меньше, чем сорок лет назад, когда безраздельно господствовала концепция медленной эволюции макромолекул в «первичном бульоне».

Сейчас мы понимаем, что эта модель не работает.

Во-первых, для приготовления «бульона» отчаянно не хватает времени. Собственно, для производства спирали ДНК методом случайного синтеза ничтожно малым кажется даже возраст Вселенной (по современным представлениям, 18 миллиардов лет). Но после того как были обнаружены следы жизни возрастом 3,8 миллиарда лет при датировке древнейших горных пород в 4,2 миллиарда лет, иллюзии на этот счет исчезли окончательно. Жизнь появляется на Земле одновременно с водой, так что ни о какой эволюции «первичного бульона» не может быть и речи.

Во-вторых, возникнуть должна была не ДНК, не клетка, не «первобактерия», но устойчивая, замкнутая относительно органического вещества экосистема: гетеротрофы и автотрофы, соединенные в пищевую цепь. В противном случае накопленная в «бульоне» органика за геологически ничтожное время утилизируется возникшими организмами (для гетеротрофов конечными продуктами будут углекислый газ и вода, для автотрофов — нерастворимые высокоуглеродные соединения), после чего эти организмы вымирают, и жизнь необходимо создавать заново.

Наконец, в третьих, органический синтез смешивает оптические изомеры, в то время как жизнь на Земле «кирально чиста» — состоит только из левовращающих аминокислот и правовращающих сахаров.

Последнее обстоятельство ставит под сомнение и гипотезу космического происхождения

²⁰⁸Иными словами, элементами сюжета являются не сами люди, а определенные паттерны поведения этих людей. В том плане, в котором голем или эгрегор «паразитирует» над человеческим сообществом, динамический сюжет «паразитирует» над историей. Подробнее см.: *Переслегин С. Кто хозяином здесь?// В кн.: Переслегин С., Переслегина Е. Тихоокеанская премьера. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001.*

²⁰⁹Современные представления о палеонтологии изложены в книге К. Еськова «История Земли и жизни на ней». (Еськов К. История Земли и жизни на ней. М.: МИРОС — МАИК «Наука/Интерпериодика», 2000.) Материалы этого «учебного пособия для старших классов специализированных школ» широко использовались при комментировании «Суммы технологии».

жизни: метеоритное органическое вещество кирально симметрично.

Таким образом, на сегодняшний день не существует сколько-нибудь разумной рабочей гипотезы, позволяющей объяснить биогенез и «запуск» механизма биологической эволюции.

1

Представления о самом эволюционном механизме, как уже отмечалось, практически не изменились за последние полвека. Считается, что:

- наследуется только генетическая информация
- видогенез носит мутационный характер, то есть новые признаки возникают вследствие модификации исходного генома каким-то внешним воздействием (радиоактивное излучение, химические вещества)
- мутации стохастичны
- благоприятные для выживания вида мутации закрепляются механизмом естественного отбора

Не будет преувеличением сказать, что научное сообщество разделено на два лагеря по признаку отношения к этой группе аксиом. Большинство биологов считают их истиной в последней инстанции. Напротив, те представители точных наук, которые интересовались теорией эволюции, хотя бы на любительском уровне, подозревают, что предложенный механизм видообразования работать не может (по крайней мере, если речь идет не об эволюции простейших).

Начнем с того, что естественный отбор носит, несомненно, статистический характер: благоприятный признак повышает долю выживших и давших потомство индивидуумов. Однако статистические законы не применимы даже к человеческому сообществу, тем более они не должны «работать» в популяциях меньшей численности. Так что с формальной точки зрения механизмом естественного отбора можно объяснить только эволюцию простейших.

Это замечание носит в известной степени казуистический характер: пример С. Лема с «эволюционной эстафетой» выглядит вполне убедительным даже при численностях порядка сотен особей. Но (внимание!) если стохастичен не только естественный отбор, но и мутагенез, благоприятный признак первоначально появится только у одного индивидуума. Даже если новый «благоприятный» ген доминантен, это ничего не меняет: ни один математик, находящийся в здравом уме, не применит **статистический механизм естественного отбора к единичному случаю**. Иными словами, мутации, даже самые благоприятные, в момент своего возникновения не дают никаких видообразующих преимуществ.

Следующая проблема возникает в связи со стохастичностью самих мутаций. «Генетический мониторинг» привел врачей к твердой уверенности, что благоприятных мутаций не бывает: всякое повреждение генома приводит к болезни, обычно очень тяжелой. Вряд ли это должно удивлять. Представьте себе развернутую на приборной доске сложную электрическую схему (например, лампового цветного телевизора). Будем случайным образом капать на нее расплавленным оловом, разрушая одни соединения и создавая другие (аналог мутагенного воздействия). Испортить схему таким образом очень просто, но вот «перевести ее с метрового на дециметровый диапазон» вам вряд ли удастся.

Проблема в том, что число значимых признаков весьма велико, генетические последовательности очень длинные, и информация в них «запакована» нелинейным способом. При таких условиях стохастический видогенез требует очень больших времен, сравнимых с возрастом Вселенной, в то время как палеонтологическая летопись свидетельствует о возможности очень быстрой эволюции — примером тому взрывное видообразование млекопитающих в начале кайнозойской эры.

Интересно, что **очень грубая модель** (сотня признаков, несколько десятков элементов генетического кода, однозначная зависимость между «геном» и «признаком») эволюционирует очень правдоподобно²¹⁰, причем нетрудно подобрать параметры модели, при которых реализуются наблюдаемые темпы эволюции.

Еще одной проблемой классической теории эволюции является неравномерный характер видообразования. Для объяснения «эволюционных взрывов» был выдвинут целый ряд предположений, среди которых, как обычно, фигурирует непосредственное вмешательство Божие в форме близких вспышек Сверхновых.

Критику «классической теории эволюции» можно продолжать и далее. Следует, однако, сказать прямо, что альтернативного механизма пока не предложено. Применение к

210 Это было использовано в целом ряде компьютерных игр.

эволюционному процессу аппарата теории систем позволило получить ряд любопытных результатов, но все они носят «гомеостатический характер», то есть описывают устойчивость, а не изменчивость экосистем.

2

В связи с проблематикой «Суммы технологии» представляет интерес системный подход к эволюции *Homo sapiens*.

После основополагающих работ Римского клуба возникла тенденция противопоставлять Человека и Природу, рассматривая человеческую деятельность как нечто безусловно враждебное биоте. Такой подход, разумеется, не оправдан: структурность человеческой популяции меньше, нежели структурность Природы в целом, поэтому Человек есть не управляющий, а управляемый фактор эволюции. Иными словами, вовсе не Человек «эксплуатирует» Природу, «выжимая из нее все соки». Напротив, Природа использует Человека для решения некоторого специфического круга проблем, которые оказались неразрешимыми для «неразумного» (выразимся точнее: не создающего техносферу) крыла биоты.

Любой биогеоценоз (в том числе — глобальный биогеоценоз, охватывающий всю Землю) стремится к нулевому балансу в обмене с окружающей средой по веществу и минимальному обмену по энергии. В больших масштабах времени это приводит к включению любых невосполнимых ресурсов (пока не будем относить к таковым ресурсам солнечное излучение) в общий биологический круговорот, то есть к много- (бесконечно-) кратному использованию этих ресурсов.

Однако за все предшествующие эпохи, периоды, эры и зоны природе не удалось добиться замкнутости циклов по кислороду и углероду. Известно, что практически весь кислород на Земле имеет биогенное происхождение. «В норме» кислород, выделяющийся во время фотосинтеза, расходуется на дыхание и окисление продуктов распада (в этом можно усмотреть содержание «кислородной революции» с точки зрения стремления биоты к замкнутым циклам: анаэробная жизнь носила принципиально незамкнутый характер и сравнительно быстро привела к необратимому отравлению среды обитания свободным кислородом). Однако, если продукты распада выводятся из обратимой реакции дыхания — фотосинтеза за счет угле- и нефтеобразования, в атмосфере начинает расти количество кислорода, в то время как углерод и высшие углеводороды накапливаются в захоронениях, навсегда выключаясь из процессов биологического кругооборота.

Поскольку эпохи захоронения неокисленной органики периодически повторялись, к началу неогена сложилась кризисная ситуация: количество свободного кислорода в атмосфере возросло до 20%, значительные объемы органического вещества оказались связанными в захоронениях.

Вследствие антипарникового эффекта эффективная способность земного биогеоценоза усваивать солнечную энергию начала падать. Этот эффект сложился с наступлением криозэры и вызвал четвертичное оледенение. Экстраполируя ситуацию на будущее, приходим к выводу, что земная биота имела реальные шансы не пережить данную криозэру: в течение ближайших сотен миллионов лет одна из ледниковых эпох должна была привести к полному оледенению поверхности земли.

Данные рассуждения могут представить назначение Человека как специфического орудия, созданного Природой для того, чтобы извлечь из захоронений органическое топливо и сжечь его, вновь включив в природный кругооборот. На настоящий момент эта задача частично уже решена, вследствие чего глобальная ледниковая зима отодвинута в неопределенное будущее (если только вообще возможна). По всей видимости, предстоящие столетия завершат «классическую технологическую эпоху», содержанием которой «с точки зрения Ее Величества эволюции» является восстановление глобального O_2 — CO_2 равновесия в природе.

3

Конечно, «конструируя» Человека, Природа не руководствовалась разумными соображениями (во всяком случае, «разумными» — в нашем смысле этого слова). В результате возможности созданного ею биологического вида превзошли потребности узкой и конкретной задачи обеспечения замкнутости биологической жизни по кислород-углекислотному равновесию.

«Запустив в крупную серию» млекопитающее с большим объемом мозга, переменным суточным ритмом («совы» и «жаворонки») и наиболее совершенной системой терморегуляции, Природа получила очередного «абсолютного хищника», максимально приспособленного к эксплуатации биоты. Человек действительно очень быстро (в биологическом масштабе времени) занял верхнюю позицию в трофической пирамиде и приступил к планомерному преобразованию Мира Обитаемого под свои потребности.

«Экологически настроенные» публицисты видят в этом, во-первых, нечто уникальное, а во-вторых — страшное и недопустимое. Между тем эволюция неоднократно встречалась с проблемой «абсолютного хищника» и «научилась» очень спокойно на нее реагировать.

Разумеется, «абсолютный хищник» необратимо нарушает устойчивость экосистемы, в которой он появляется. Из этого почему-то делается вывод, что таковой хищник «съест» всю экосистему, после чего умрет от голода. Далее, в зависимости от того, насколько «алармистскими» являются взгляды данного специалиста, рассматривается три сценария — тотальная гибель экосистемы, дегенерация экосистемы с последующим медленным восстановлением, быстрое восстановление ценоза, но уже без абсолютного хищника, который вымирает во всех вариантах.

Опыт, однако, показывает, что на самом деле ничего подобного не происходит. Просто экосистема меняется — таким образом, что хищник теряет свойство абсолютности. При этом он остается важным элементом экосистемы, чаще всего — господствующим и во всех случаях — процветающим. Разумеется, за долгую историю биологической эволюции некоторая часть «абсолютных хищников» вымерла, но через сотни миллионов лет после появления в палеонтологической летописи и по совершенно «внешним» причинам. Кроме того, к моменту вымирания данный вид уже никак не мог считаться «абсолютным хищником».

В целом история жизни на Земле подсказывает, что «абсолютный хищник» отнюдь не является видом-самоубийцей. В еще меньшей степени он может считаться «разрушителем природной среды обитания». Его эволюционная роль носит совершенно иной характер: «абсолютный хищник» есть катализатор биологической эволюции.

Таким образом, Человек Разумный может более чем спокойно реагировать на алармистские высказывания «экологистов». Вид Номо представляет собой значительно меньшую угрозу современной биоте, нежели в свое время зоопланктон. То есть мы не можем погубить не только природу, но даже и себя.

Заметим в этой связи, что «бактериологический отклик» на появление абсолютного хищника (защитники окружающей среды, как правило, игнорируют такую возможность, в то время как «системщики» видят особую опасность в «новых болезнях», и в частности в ретровирусных и преонных инфекциях) не должен нас беспокоить. Во-первых, в эволюционной биологии «все это уже было» и никогда инфекции не были в состоянии положить предел развитию «абсолютного хищника». Во-вторых, мы анализируем взаимодействие систем «Номо» и «Остальная биота» на больших временах. Уже в наше время Человек Разумный поставил ряд надежных барьеров против бактериальных и вирусных инфекций. Не подлежит сомнению, что ретровирусы, «медленные инфекции», рак, аллергии, наследственные заболевания представляют собой более серьезного противника, так что борьба с этим классом заболеваний может потребовать еще некоторого (минимального в эволюционном масштабе) времени. Скажем, пятидесяти лет...

Точно так же в эволюционном масштабе времен бесполезны попытки «экологистов» как-то остановить или замедлить развитие Человечества. Культура или Цивилизация может поставить своей целью сохранение редких и исчезающих биологических видов и даже построение гармоничных отношений общества и природы, но культуры и цивилизации преходящи. То есть «завтра», или через тысячу лет, или, в самом крайнем случае через десять тысяч глобальный биогеоценоз в обязательном порядке придет в «правильное состояние»: все так называемые невосполнимые ресурсы включены в биотехнологический круговорот, биота полностью подчинена потребностям «абсолютного хищника».

Именно тогда следует ожидать «естественного» отклика эволюции на господство Человека Разумного над природной средой.

Этот отклик довольно легко себе представить. Поскольку эволюционная стратегия использования разума (причем именно человеческого разума — разума в нашем понимании) привела «сомнительный» по всем остальным характеристикам биологический вид к процветанию, именно эта стратегия станет активно использоваться Природой.

Иными словами, мы должны ожидать быстрого (в эволюционном смысле) возвышения к разуму целого ряда биологических видов — начиная с естественных спутников людей: крыс, собак и кошек. Сейчас невозможно сказать, какую именно форму примет процесс

«сапиентизации» (по аналогии с «маммализацией» или «цефализацией») млекопитающих. Возможно, в целом ряде случаев будет создаваться «распределенный разум» (разумная стая неразумных собак и т.д. — вплоть до разумных биоценозов, разумных ландшафтов и, наконец, разумной Земли/Геи).

Скорость «сапиентизации» будет велика — вследствие индукционного давления уже созданного (человеческого) разума и наличия развитого информационного поля.

4

Эволюционный процесс, описанный выше, может быть представлен как генезис нового биологического класса, принадлежащего к типу позвоночных. Возможно, через какое-то количество лет четвертичный период — антропоген — будет рассматриваться не как завершение кайнозоя, но как начало новой эры (если не эона) — времени разумной жизни.

В самом деле, насколько можно считать человека млекопитающим?

Плацентарная беременность уже сейчас должна рассматриваться как биологический предрассудок. Сочетание прямохождения матери и высокого объема головного мозга плода привело к тому, что беременность у людей протекает тяжело и оказывает негативное влияние на работоспособность матери. Роды болезненны и даже опасны, при этом ребенок все равно рождается биологически недоношенным. Наконец, плацентарный барьер не носит абсолютного характера: ребенок отравляет организм матери продуктами своей жизнедеятельности, но и сам получает с кровью матери вредные для его развития вещества (и это — не только алкоголь, табак и антибиотики). Следует учесть также, что плацентарная беременность накладывает принципиальные ограничения на размеры головы ребенка, что тормозит биологическую эволюцию.

Сочетание этих широко известных факторов с неизбежностью приведет к появлению **биотехнологии внешней беременности**. Технически маточные репликаторы не слишком сложны и могут быть созданы уже сейчас. Биологически же их производство означает, что *Homo sapiens* потеряет один из атрибутивных признаков класса млекопитающих.

Заметим, что отказ от вынашивания плода и родов, по всей видимости, приведет также к отказу от грудного вскармливания (или во всяком случае — к резкому ограничению его) — таким образом, будет утерян еще один атрибутивный для класса признак.

Сочетание маточного репликатора и процедуры клонирования расширит границы способа размножения вида *Homo*, который кроме обычного полового сможет использовать также вегетативное размножение (клонирование) и даже однополое размножение.

Управление геномом (что должно стать конечным результатом нынешней биологической революции) приведет к отказу от человеческого тела и видовой полиморфности человека. Заметим в этой связи, что при наличии искусственной среды обитания человек может отказаться даже от теплокровности.

Таким образом, эволюция *Homo* будет сопровождаться отказом от ряда (если не от всех) маммальных признаков. Если учесть, что атрибутивная характеристика данного вида — создание искусственной среды обитания — дает Человеку Разумному возможность выйти за границы земной атмосферы и расширить область своего существования до пределов Вселенной, мы с неизбежностью заключаем: антропогенез есть первый пример естественной сапиентизации, приводящей к созданию существ с внешней беременностью, социальной формой организации жизни, полиморфных, способных к конструированию собственной среды обитания. Представляется естественным отнести таких существ к новому биологическому классу — классу Разумных.

IV. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ БАРЬЕР И ПРИНЦИП БАЛАНСА ТЕХНОЛОГИЙ**

Наш анализ «векторов развития», построенных «Суммой технологии» в 1963 году, практически закончен. Разумеется, он неполон, но попытка оттранслировать на современный язык все Откровения «Суммы...» превратилась бы в переписывание учебника новейшей истории.

Из наиболее принципиальных для С. Лема тем мы не коснулись только двух.

Феноменология сверхцивилизаций заметно продвинулась за прошедшие десятилетия — больше усилиями фантастов, нежели футурологов, но наиболее интересным результатом, полученным на этом пути, стала гипотеза, согласно которой классические «сверхцивилизации Карташова—Лема» (оперирующие энергиями масштаба своей звезды

или звездного скопления и занятые астроинженерной деятельностью) если и встречаются в Галактике, то как редчайшее исключение.

Дело в том, что классические «сверхцивилизации Карташова—Лема» должны принадлежать индустриальной фазе развития (это следует из «энергетической» ориентированности подобных культур и характера приписываемой им деятельности). Между тем индустриальное общество, по-видимому, не способно к космической экспансии.

Индустриальное общество живет «в кредит» и, следовательно, на каждом этапе своего существования нуждается в свободных, не включенных в промышленный оборот территориях. После раздела мира и краткого (в исторической перспективе) этапа великих войн наступает еще более краткий этап глобализации. Его завершение ставит индустриальную цивилизацию перед лицом системного кризиса, который — в зависимости от тех или иных привходящих параметров — может восприниматься как демографическая, экологическая, транспортная, промышленная, политическая, социальная или иная катастрофа.

Если индустриальное общество не в силах справиться с этим кризисом, оно «размонтируется», история откатывается назад. Преодоление кризиса означает наступление новой фазы развития. Эта фаза (назовем ее постиндустриальной за отсутствием лучшего термина) подчиняется своим собственным императивам развития и, во всяком случае, «классических астроинженерных культур» не образует.

В модели постиндустриального барьера «окно» космической экспансии практически отсутствует. Можно, конечно, придумать сочетание граничных условий (медленность процесса глобализации, опережающее развитие космических технологий, наличие естественного спутника на низкой орбите и т.п.), позволяющее цивилизации очень быстро развернуть промышленное освоение Космоса. Лишь в этом — крайне маловероятном — случае катастрофа откладывается на неопределенный срок и может возникнуть промышленная сверхцивилизация.

Для Земли такой сценарий, во всяком случае, не реализовался. Может быть, именно поэтому «астроинженерные культуры» воспринимаются сейчас как некая экзотика, лежащая вдали от магистрального направления развития.

Второе замечание касается фантоматики и всех производных от нее научных дисциплин. Сейчас, в связи с развитием вычислительной техники, идея создания искусственной информационной Вселенной (ВИРТУ²¹¹) выглядит весьма актуальной. По-видимому, рано или поздно будет построена «культура высокой виртуальности» и различие между «реальным» и «выдуманным» миром исчезнет: нельзя будет каким-либо экспериментом различить, находитесь вы в данный момент в ВИРТУ или в Реальности.

Подобное общество столкнется с рядом проблем (некоторые из них намечены на страницах «Суммы технологии»), Возможно, наиболее серьезной трудностью окажется «потеря идентичности» — разрушение личности в интенсивных информационных полях. Исследование этой темы приводит к необычной модели «социальной плазмы», анализ которой лежит вне рамок данного обзора.

Последнее замечание, которое необходимо сделать в рамках «современного прочтения» «Суммы...», касается проблемы баланса технологий. В своем труде С. Лем пользуется обыденным определением технологий и не проводит разграничения между различными их типами. Сейчас принято выделять технологии физические, работающие с физическим пространством-временем, объективными смыслами, вещественными результатами производства, и гуманитарные²¹², соотнесенные с информационным пространством, внутренним временем, субъективными смыслами. Физические (развивающие) технологии есть ответ Человека на вызов со стороны Вселенной, гуманитарные (управляющие) гармонизируют отношения между личностью и обществом.

Физические технологии задают пространство «возможного Будущего».

Гуманитарные технологии управляют вероятностями реализации тех или иных версий этого Будущего.

По современным представлениям физическая и гуманитарная составляющие цивилизации «в норме» должны быть сбалансированы: возможность сформировать новую историообразующую тенденцию уравнивается способностью управлять реализацией

211 Понятие введено американским писателем Р. Желязны. (*Желязны Р.* Доннерджек. М.: АСТ, 1999).

212 Термин «гуманитарные технологии» определен русским социологом Е. Островским (*Островский Е.* Реванш в холодной войне. Русский журнал. 1996).

В течение всей истории человечества нарушения правила «технологического баланса» оборачивались катастрофами — тем более глобальными, чем ближе общество подходило к очередному фазовому барьеру. Причина этих катастроф может быть интерпретирована как потеря социумом смысловой связности. Для Евро-Атлантической культуры (частью которой является Россия) данный процесс начался в 1960-е годы и резко ускорился в новом тысячелетии.

Таким образом, проблема интеграции технологий, сформулированная С. Лемом на шестистах страницах «Суммы технологии», ныне представляется даже более важной, нежели сорок лет назад.

БЕГ С БАРЬЕРАМИ, ИЛИ ЧЕРЕЗ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

1. ИПОТЕЧНЫЙ КРИЗИС В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Всего лишь год назад было модно говорить об успехах глобализации, о перспективах расширения ВТО, о совместных усилиях стран G8 по преодолению нехватки электроэнергии (в развивающихся странах), о прогрессе новых технологий. Господствовала концепция устойчивого развития мира, и если что-то и омрачало настроение политикам и политологам, так это «мировой терроризм», борьба с которым оказалась долгой и малорезультативной.

Сегодняшняя ситуация выглядит совершенно противоположной: газеты, телевидение и Интернет говорят об экономическом кризисе, политической нестабильности, нарастающих социальных проблемах. Эксперты прозрачно сравнивают ситуацию с 1929 годом и намекают, что худшее впереди.

Такое шараханье из одной крайности в другую свидетельствует, конечно, о непонимании содержания процессов, которые на наших глазах разворачиваются в глобализованном мире.

«Философствование без системы не может иметь ничего научного, поскольку не только выражает субъективное умонастроение, но еще и случайно по своему содержанию»²¹⁴.

Настроение в связи с кризисом в экспертном мире довольно подавленное, тем более что сам этот кризис предсказывался лишь наиболее маргинальными группами специалистов.

Я сам предсказал ипотечный кризис (кризис деривативов) несколько лет назад, хотя отнес его начало не на осень 2008 года, а на зиму 2009 года. Я полагал тогда, что американцы предпочтут «создавать впечатление гармонии» вплоть до дня президентских выборов, а там рукой подать до Рождества и инаугурации, омрачать которые взрывным ростом экономических проблем неправильно. Поэтому ипотечные трудности будут «заметаться под ковер» где-то до конца января. Потом, конечно, проблему отрыва деривативной экономики от реального производства придется решать, и решать через кризис, потому что другого способа переустройства экономики никто пока не придумал.

Скорее всего, так и получилось бы, если бы не события в игрушечном закавказском государстве на самой границе глобализованного мира.

Грузия имела опыт независимого существования. При царице Тамаре она даже относилась к числу великих региональных держав. Грузия через ряд значимых фигур, не последней из которых был И. Сталин, была включена в мировую историю. Грузия обладала конвенционально признанной культурой. Страна не была обделена и природными ресурсами — от теплого моря и богатого бухтами побережья до рудных ископаемых и минеральных источников, от посевов зерновых до виноградников, пользующихся всемирной известностью. После распада СССР на территории Грузии остался ряд промышленных предприятий, в том числе оборонных, и развитая военная инфраструктура. Наконец, в советское время банковская система всего Закавказья была ориентирована на Тбилиси, то есть формирование собственных финансов проходило в независимой Грузии в благоприятных условиях.

Так-то оно так, но сразу же выяснилось, что воспользоваться накопленным потенциалом сколько-нибудь разумно правители Грузии не способны. Оказалось, что за столетие

²¹³Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций/ /Наука и технология в России. 2002.

²¹⁴Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Феноменология духа. М.: Мысль, 1974.

промышленного переворота в Российской империи и за семьдесят лет советской власти грузины не осознали себя единым народом, и как только давление сверху ослабло, Грузия сразу же превратилась в конгломерат кланов и народностей. Центробежные процессы привели к отделению от собственно Грузии Абхазии и Осетии, и невооруженным глазом было видно, что процесс фрагментации Грузии на этом не остановится. Понятной задачей каждого из сменяющих друг друга грузинских лидеров было как-то удержать целостность страны, а при возможности вернуть отделившиеся феодальные княжества.

В том, что «революция роз» была спроектирована Соединенными Штатами, сейчас уже никто не сомневается. Другое дело, что для американцев вопрос стоял лишь в испытании новой геополитической стратегии — интересы самой Грузии стояли на десятом месте. Но М. Саакашвили остался связан с США как отношениями личной верности, так и через супругу, входящую корнями в один из второстепенных американских политических кланов. Грузинский президент принимал факт наличия у него обязательств перед США и справедливо считал эти обязательства до некоторой степени взаимными.

Свои проблемы были у Штатов, по неосмотрительности втянувшихся в две непопулярные и экономически бесперспективные войны. Курс доллара постепенно падал, американское влияние ослабевало даже в Латинской Америке, конкурентоспособность экономики США снижалась. Крепло понимание того, что США повторяют ошибки, сделанные предыдущими мировыми лидерами, перегружены обязательствами по всему свету и теряют цивилизационный приоритет. Это был понятный и многократно изученный сценарий «гибели Рима».

Перед выборами 2004 года в американских элитах господствовали настроения, что все проблемы пока еще могут быть решены жесткой, последовательной и бескомпромиссной политикой силы. Это означало, что республиканской администрации предстоял второй срок. Второй, но никак не третий. В 2008 году корабль американской политики, внутренней и внешней, должен был совершить резкий поворот и для этой цели как нельзя лучше подходили демократы — не суть важно, во главе с Хиллари Клинтон или с Барак Обамой.

Так понимали ситуацию все, кроме республиканцев, которые пока еще находились у власти. Буш и Маккейн толкают М. Саакашвили на явную авантюру. Последний не заставил себя упрашивать, и 8 августа началась короткая и несчастливая Осетинская война, в которой Грузия потерпела военное поражение, Россия — дипломатическое, Абхазия и Южная Осетия превратились в никем, кроме России, не признанные квазигосударственные образования, а Маккейн резко поднял свои шансы на близких выборах заранее продуманной фразой: «Мы теперь все грузины».

Этого, конечно, делать не стоило. Рейтинг республиканцев вырос, выборы были близко, а с ними внятная перспектива еще четырех, если не восьми лет республиканской политики в исполнении Дж. Маккейна. Подобного нарушения ранее достигнутых договоренностей американская «национальная корпорация», разумеется, не стерпела, и ровно за шесть недель до выборов ипотечный кризис, наблюдаемый аналитиками с середины 2006 года, внезапно переходит из скрытой в манифестную форму.

Время выбрано очень удачно: шесть недель совершенно достаточно для того, чтобы кризис раскрутился полностью, население осознало бы его и связало с деятельностью республиканской администрации. Но с учетом инертности экономики шести недель, конечно, не хватит для того, чтобы сработали антикризисные меры, пусть и самые гениальные.

Республиканцы потерпели унижительное поражение, Барак Обама одержал внушительную победу, но ценой всего этого стал преждевременный кризис. Думаю, что в первые недели своего развития этот кризис еще и «подогревался» американскими СМИ, в него закачивалась дополнительная энергия разрушения. И сейчас нам предстоит ответить на вопрос: чем же все кончится на этот раз?

Начнем с очевидного. Сам по себе ипотечный кризис значим лишь в тех странах, где развернута экономика деривативов, существенен ипотечный сектор, а работа менеджеров банков оценивается по числу выданных кредитов. Последнее возможно, только если цены на недвижимость растут быстрее банковского процента.

В 1970-х годах американцы столкнулись с серьезными проблемами в секторе банковского кредитования. Тогда банки тоже соревновались по объемам выданных кредитов, формальная валюта баланса раздувалась до небес, а об обеспечении и возврате никто не заботился. В конце концов разразился острый кризис ликвидности. Положение было спасено отчасти государством, отчасти Федеральной резервной системой, но ценой резкого усиления контроля над инвестиционными банками. При ипотечных кредитах ситуация вроде бы иная: всегда имеется залог — недвижимость, под которую взят кредит. И пока недвижимость

растет в цене, все в порядке. Проблемы начинаются, если переоцененная недвижимость резко дешевеет, в результате чего стоимость залога (а по большей части, это еще и «недострой») оказывается значительно меньше суммы кредита с начисленными процентами. В этом случае ликвидность ипотечных банков, разумеется, падает, и если они не смогут быстро получить дешевые межбанковские кредиты, происходит банкротство. Если банков-банкротов достаточно много, начинается финансовый кризис, который постепенно распространяется на сектора реальной экономики.

Понятно, что с таким кризисом столкнулись только США и отчасти Великобритания. В остальных странах просто не выдано достаточного количества ипотечных кредитов. В России их объем практически незначим: к 2008 году он достиг 560 млрд рублей (чуть больше 1% ВВП). По данным, представленным президентом Ассоциации российских банков Г. Тосуняном²¹⁵, объем ипотечных кредитов в денежном выражении на душу населения, выданных на территории США, почти в 7 тыс. раз превышает этот показатель в России. В штатах эта цифра составляет 212 тыс. евро на человека, в то время как в России — 31 евро.

Но уровень связи современной мировой экономики велик настолько, что кризис в финансовом секторе США неожиданно аукнулся в совершенно других мирах-экономиках.

Выяснилось, что король голый!

Прежде всего оказалось, что недвижимость переоценена **везде**. В течение десятилетий строительство стимулировалось именно тем, что цены на нее растут быстрее ставки рефинансирования. Квартиры и офисы покупали не для того, чтобы ими пользоваться, а просто с целью вложить деньги и получить прибыль. Вокруг этого процесса плодились и размножались компании-посредники. И вот теперь внезапно обнаружилось, что масса игроков на этом рынке осталась на руках с недвижимостью, которую нельзя быстро и выгодно перепродать. Выбор, стоящий перед риэлтерами, прост: либо получить какие-то деньги сейчас, но с очень большим дисконтом, либо — вернуть, по крайней мере, вложенные средства, но — в неопределенном будущем. Для большинства из них это выбор между альтернативными формами разорения.

Таким образом, **локальный ипотечный кризис превратился в глобальный кризис рынка недвижимости**: в сущности, обвал одного дериватива (на ипотечные кредиты) вызвал синхронный обвал другого (на цены рынка недвижимости).

А дальше «посыпалась» строительная отрасль. Вслед за ней — производство строительного оборудования. Сразу же начались проблемы у машиностроения. И тут оказалось, что в период активного экономического роста склады были забиты черным и цветным металлом, купленным «про запас». И тогда упал спрос на продукцию металлургического производства.

Сокращение рынка деривативов привело к рецессии реальной экономики и опосредовано к резкому снижению цен на углеводороды, что напрямую затронуло интересы стран-экспортеров, в том числе — России.

Столь массивные сокращения производства не могли не вызвать значительных увольнений, сокращения муниципальных и государственных расходов и в конечном итоге кризиса потребления. Он, в свою очередь, замедлил обращение финансов, в результате чего круг обратной связи замкнулся. Благодаря глобализации все это произошло быстро и повсеместно. Походя были разрушены экономики целых стран, неудачно вложившие государственные облигации в разваливающиеся инвестиционные фонды (Исландия).

Самое интересное, что на данном этапе кризиса США пострадали даже меньше других, что выразилось в относительном росте доллара на фоне остальных мировых валют. Иными словами, им удалось **экспортировать кризис**. Но в условиях замкнутости мировой экономики отраженная волна рецессии рано или поздно придет в Соединенные Штаты.

И что тогда?

В сущности, у нас не очень много сценариев развития кризиса.

Начнем с того, что лишь один из них в какой-то мере можно назвать глобализационным. Остальные осуществляются исключительно на уровне национальных государств.

Во-первых, могут быть повторены действия, которые принесли успех в 1970-х. Государство затыкает возникшую финансовую дыру ценой установления своего контроля в кризисной области. В США — это тотальный контроль банковского сектора, в России — создание очередной государственной корпорации, на этот раз строительной. В перспективе, если этого окажется недостаточно, придется реформативировать также металлургию и,

²¹⁵Тосунян Г. Доклад на II Всероссийской конференции «Ипотека в России: расширение возможностей». Москва, 10 декабря 2008.

вероятно, автомобилостроение. В этом сценарии («Государственный посткапитализм») кризис купируется, возможно, даже без серьезных социальных последствий, но государство вынуждено брать на себя новые и явно избыточные функции. Приблизительно в десятилетней перспективе это приведет к экономическому кризису нового (а для России — старого) типа — кризису неконкурентоспособной огосударствленной экономики.

Во-вторых, государство может стимулировать активное развитие новых секторов экономики — нанотехнологий, биотехнологий, развитых информационных технологий, нового градостроительства, природопользования и т.п. Фактически, речь идет о том, чтобы заменить опадающий мыльный пузырь недвижимости несколькими другими еще не раздутыми пузырями (сценарий «Технологический прорыв»)²¹⁶. Тем не менее сомнительно, что такую машинку можно раскрутить настолько быстро, чтобы успеть скомпенсировать катастрофу рынка недвижимости, уже анонсированную. Кроме того, пузырь новых технологий рано или поздно тоже лопнет...

В-третьих, можно пройти через рецессию. Этот сценарий («Гала-депрессия») вполне возможен, весь вопрос, насколько затяжной окажется рецессия и насколько устойчивы к ней социальные механизмы, сконструированные в модели «устойчивого развития». Этот сценарий очень труден для социально ориентированной Европы и, вероятно, заканчивается общественными беспорядками, выливающимися впоследствии в гражданскую войну. Казалось бы, США могут успешно играть на этом поле, но оказывается, что их штабная экономика слишком глобализована для многолетней рецессии. Можно выразиться и определеннее: в условиях всеобщей многолетней рецессии штабная экономика неэффективна и невостребована²¹⁷.

В первых двух вариантах кризис, в сущности, оттягивается (возможно, на достаточно долгий срок — от 10 до 20 лет). Третий сценарий является своеобразным аттрактором: в конечном итоге все дороги ведут в «Гала- депрессию».

Но есть еще четвертый сценарий — раздуть новый экономический пузырь за счет военных расходов. Путь, по которому США пошли в 1932 году, когда демократ Ф. Рузвельт сменил на посту президента США республиканца Г. Гувера. У этого сценария есть только один недостаток: он или тоже ведет к аттрактору всеобщей затяжной рецессии, либо же приводит к войне. И речь идет о серьезной войне, сравнимой по своим масштабам со Второй Мировой или даже превосходящей ее. Лекарство, которое и во времена Ф. Рузвельта было опаснее самой болезни.

Насколько можно судить по рекордному американскому военному бюджету на 2009 финансовый год и по резкому обострению политической обстановки вокруг Арктики, американские правящие элиты рассматривают **четвертый сценарий «Война вместо депрессии»** как возможный, хотя вряд ли как самый вероятный. Можно прикинуть, что проектируется региональный конфликт с участием России, целью которого является как минимум интернационализация полярных морей, а как максимум интернационализация Сибири. Не исключено ограниченное применение сторонами ядерного оружия. Поводом к войне станет либо очередное обострение ситуации вокруг Грузии (тогда движущей силой антироссийской коалиции будут США), либо острее кризис на Украине (тогда на первом этапе европейцы будут действовать сами). Следует еще раз подчеркнуть, что речь идет не о войне в обычном смысле этого слова (продолжение политики иными средствами), а о решении сугубо экономической задачи (продолжение экономики иными средствами). Такая война может даже до определенной степени носить «договорной характер»: политика США последних десятилетий определенно указывает, что американцы стремятся сохранять те национальные элиты, которые согласны смириться с утратой части национального суверенитета.

Другой вопрос, что Россия остается Россией, и совершенно неочевидно, что она пойдет на «договорную» или вообще ограниченную войну. Так что военный сценарий может иметь

216Я далек от мысли, что перечисленные технологические сектора не содержат ничего подлинного. Но реальная экономика, особенно же реальная высокотехнологичная экономика, растет достаточно медленно, и компенсировать уже свершившийся кризис рынка недвижимости этот потенциальный рост не может. Поэтому вне всякой зависимости от реальных процессов придется стимулировать рост формальной рыночной стоимости «новых технологий». Об этом я и говорю, как об очередном экономическом пузыре.

217Кроме того, неизбежный в этом сценарии распад экономики велфера приведет к острому кризису в отношениях между коренными американцами и мигрантами. При таком конфликте резко возрастет напряжение в отношениях «англоязычный север — испаноязычный юг», что может обернуться распадом страны или гражданской войной.

своим эндишпилем Армагеддон.

В эпоху Ф. Рузвельта начало антикризисных оборонных мер и начало войны разделяло семь лет. Сейчас связность мира намного выше, и мы не ошибемся, обозначив примерный интервал возможного начала войны от осени 2010 до осени 2012 года.

Война, даже в ее крайней версии Армагеддона, не станет концом света. Она просто будет другой, альтернативной формой рецессии. Никто ведь не доказал, что внешняя война опаснее гражданской.

Проблема в том, что современное мироустройство, и прежде всего мировая транспортная сеть, с трудом функционирует даже в идеальных условиях. Ни крупной войны, ни длительных гражданских беспорядков, ни затяжной рецессии она просто не выдержит.

Мы приходим к простому выводу. Ипотечный кризис не столь серьезен сам по себе, даже с учетом кумулятивных эффектов, вызванных чрезмерной глобализацией мировой экономики. С этим кризисом можно справиться несколькими способами, среди которых есть вполне пристойные и даже согласующиеся, на первый взгляд, с концепцией устойчивого развития. К сожалению, все эти способы лишь переводят кризис в иную форму или оттягивают его на какое-то время. Рано или поздно — через два-три года в случае реализации военного сценария, через двадцать лет в сценарии успешного раздувания «инновационных пузырей», через десять лет в сценарии огосударствления экономики, мы опять столкнемся с той же самой проблемой: крахом высших деривативов, опосредованно разрушающим реальный сектор. Можно даже представить, что «сперва полетит» патентный рынок и рынок авторских прав. Потом взорвутся раздутые сверх всякой меры инновационные системы (начиная с французской), они потянут за собой инновационный сектор экономики. Все это будет происходить на фоне упадка городов (понимаемого как одновременный кризис муниципальных финансов, городского транспорта, инженерных инфраструктур) и прогрессирующих проблем международной транспортной сети.

В общем:

«Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами:

а) Прорвавшемуся на Ромны, Яохвица и на Северный Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение идет без сопротивления. Выбрасываемые на это направление 279-я и 7-я дивизии будут только 14.9, и то лишь с оборонительными задачами - воспрепятствовать обороной узлов Пирятин и Прилуки удару по неприкрытым тылам войск фронта.

б) Фронт обороны Кузнецова взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне.

в) Армия Потапова также не может стабилизировать фронт и ведет подвижную оборону. В стык с 37-й армией прорвался на Кобыжчу противник.

г) 37-я армия сопротивляется более устойчиво, но и у нее обстановка нарастает не в ее пользу.

д) Началось перемешивание тылов 5-й и 21-й армий... Начало понятной вам катастрофы - дело пары дней»²¹⁸.

Конечно, распад организованностей современного мира произойдет не так быстро, тем более что мы пока не знаем, включатся ли в игру какие-то экономические компенсаторные механизмы.

2. ФАЗЫ РАЗВИТИЯ И ФАЗОВЫЕ КРИЗИСЫ

Итак, анализ ипотечного кризиса столкнул нас лицом к лицу с концом известного мира. Но чем этот кризис отличался от предыдущих, не приведших к столь значимым результатам? Ведь была Великая депрессия 1929 года, был энергетический кризис 1973 года, был несколько более поздний кредитный кризис. Почему же они не привели к рассмотренной выше всеобщей катастрофе по модели «домино»?

Ну во-первых, заметим, что Великая депрессия привела ко Второй Мировой войне и радикальному переустройству мира, причем ряд достаточно интересных социально-экономических моделей (немецкий национал-социализм, итальянский фашизм, японская феодально-промышленная империя) стали жертвами этого переустройства. Кризисы 1970-х годов пагубно отразились на судьбе СССР, «левого проекта» и двухполярного мира. И в том,

²¹⁸Известная телеграмма начальника штаба Юго-Западного фронта В. Туликова в Ставку в преддверии киевской катастрофы 1941 года.

и в другом случае произошло **упрощение мира** с отбрасыванием части возможностей развития. Как итог выросла концентрация капитала и продвинулась глобализация.

Так вот, теперь ей расти практически некуда. Свободное пространство мира исчерпано или почти исчерпано, Земля однополярна. Конечно, остались страны-изгои, при некотором желании можно записать в эту категорию Россию и устроить еще одну войну за упрощение и аккумуляцию ресурсов, но, в сущности, это ничего не даст. Те же пятнадцать—двадцать лет передышки, которые можно вытащить и из «пузыря новых технологий», и из «государственной экономки», и даже из «управляемой рецессии».

Во-вторых, очень сильно изменился общий контекст: демографический, культурный, социальный, возрастной, образовательный. Подробнее об этом далее, пока лишь опосредовано процитирую Ф. Гальдера: *«Тех людей, которые у нас были в 1914 году, мы сейчас даже приблизительно не имеем».*

И в этих новых условиях банальный отрыв цены производных ценных бумаг от их стоимости обретает неожиданные — и глобальные — последствия.

Бывают циклические кризисы в рамках экономической модели. Преодоление таких кризисов и есть развитие. Такие кризисы естественны и почти для всех полезны, а если кому не повезло, так на то и щука в море...

Гораздо более серьезны кризисы самой экономической модели, другими словами, форматов производства и потребления. Смена модели занимает примерно десятилетие, в течение которого все мировое хозяйство непрерывно лихорадит. Как правило, приходится менять также институциональные и инфраструктурные решения, и хорошо, когда все это удастся совершить без «высокотехнологичной деструкции устаревших экономических механизмов», то есть без войны. Во всяком случае, смена модели непременно сопровождается сменой мирового лидерства и изменениями во всех социосистемных процессах.

Далее начинаются сомнения в правильности тех принципов, на основании которых создаются схемы, формы, форматы и институты,— кризис оснований модели. Это уже революционная ситуация по В. Ленину: верхи не могут, низы не хотят, производительные силы в конфликте с производственными отношениями, эпоха на переломе, Сатурн в созвездии Весов... Результатом, как правило, оказывается смена общественно-экономической формации, что подразумевает «петлю гистерезиса»: революция — контрреволюция — реставрация, и растягивается надолго.

Но и революционные кризисы не носят предельного характера.

Бывают еще **фазовые кризисы**, когда теряют смысл самые, казалось бы, незыблемые представления о хозяйстве и хозяйствовании, и оказывается, что экономика — вовсе не то, что мы всегда понимали под этим словом. Например, не охота на мамонтов, а возделывание полей. Таких кризисов в истории было всего два, а сколько-нибудь проанализирован только один, последний — античный кризис традиционной фазы развития. Границы этого кризиса можно оценивать по-разному, но подлежит сомнению, что в любом случае речь идет о столетиях.

В общем-то, вряд ли стоит удивляться тому, что чем серьезнее кризис, тем дольше он продолжается. Что, кстати, означает и некий оптимизм: тем медленнее он развивается.

Модель фазовых кризисов опирается на представление о социосистеме как форме существования Разума на Земле. Социосистема является специфической экосистемой, способной к переработке информации в другие формы ресурсов, в частности в пищу. Онтологически эта модель весьма неочевидна, поскольку полагает Разум особой системной характеристикой и уподобляет его Жизни: подобно тому как Жизнь изначально существует в виде многокомпонентных диссипативных систем, замкнутых по веществу и поддерживающих механизм генетического наследования, так и Разум возникает системно организованным и полностью атрибутированным — социосистема с самого момента своего появления воспроизводит четыре базовых процесса, а именно образование, познание, управление, производство. Заметим здесь, что базовые социосистемные процессы представляют собой, и сущности, действия над информацией: ее воспроизводство, ее производство, ее дистрибуцию и ее конвертацию и деятельность (технологизацию).

Четырем базовым процессам соответствуют четыре иллюзорных. Если базовые процессы поддерживаются любой социосистемой на любой стадии своего существования, то иллюзорные социосистемно зависимы. Для общества, образованного Homo sapiens, иллюзорным образованием является контроль, иллюзорным познанием — трансценденция, иллюзорным управлением — война, иллюзорным производством — эстетика, упаковка. Базовые и иллюзорные процессы связываются общественными институтами, которые носят исторически конкретный, а потому преходящий характер.

Подобно Жизни, Разум эволюционирует. Развитие экосистемы стратифицируется примерно тем же образом, что и развитие живых систем, при этом геологической эре экосистемы соответствует **фаза развития** социосистемы.

Фазы развития отличаются буквально всем: типами деятельности, господствующими социальными институтами, характерными используемыми энергиями, характерными скоростями, демографической динамикой, местом Человека в трофической пирамиде, отношениями между социосистемой и окружающими экосистемами.

В архаичной фазе человек стоял на вершине трофической пирамиды, занимая позицию абсолютного хищника. Однако он еще вполне подчинялся динамическим уравнениям для экосистем: численность населения, в общем и целом, подчинялась уравнениям Вольтерра—Лотки с их квазипериодическими решениями. Характерные скорости соответствовали возможностям человека как биологического существа и составляли первые десятки километров в сутки. Характерные энергии определялись теплотой сгорания древесины. Экономика построена на охоте и собирательстве, орудия труда — каменные, «кровью экономики» являются обработанные кремни.

В традиционной фазе Человечество научилось возделывать землю и пасти скот. Для этого потребовалось управлять экосистемами, изменяя их под форматы человеческой деятельности. Человек окончательно выделяется из природы, и демографическая динамика становится экспоненциальной. Люди переходят от создания орудий труда из природных материалов к созданию новых материалов. Возникает государство, письменность, культура в современном понимании этого слова. От сжигания дров люди переходят к использованию угля, сначала бурого, затем каменного. Скорости достигают сотен километров в сутки. «Кровью экономики» становится товарное транспортируемое зерно.

Для индустриальной фазы характерно преобразование глобальной экосистемы и полное подчинение ее потребностям человека. В производстве господствуют машинные формы, энергетика определяется теплотой сгорания нефти, энергоносители представляют собой «кровь экономики». Скорости определяются масштабом Земли. Характерным демографическим процессом является демографический переход: общество переходит от модели «высокая рождаемость—высокая смертность—экспоненциальный прирост» к модели «низкая рождаемость—низкая смертность—нулевой прирост», причем в действительности нулевой прирост оборачивается недородом.

Мыслима и следующая — когнитивная фаза развития, отличающаяся широким распространением человеко-машинных систем, созданием/уничтожением разнообразных эко- и социосистем с заранее заданными свойствами, транспортной и энергетической независимостью территорий, хаотической демографической динамикой. Характерные энергии соответствуют термоядерному синтезу, скорости определяются масштабами Солнечной системы.

Фазовый кризис разделяет между собой фазы развития. Его можно (и должно) рассматривать как одновременный упадок всех четырех базовых социосистемных Процессов.

Сутью фазового кризиса является столкновение социосистемы с **фазовым барьером**. Фазовый барьер можно представить себе как обычный потенциальный барьер школьного курса физики. Для того чтобы началась реакция синтеза легких ядер, нужно сблизить два нуклона на то расстояние, на котором действуют короткодействующие ядерные силы. Но такому сближению препятствуют силы электростатического отталкивания, более слабые, но дальнodelствующие. Чтобы преодолеть их, нуклоны должны иметь соответствующую энергию.

В социосистемном формализме следующая фаза имеет большую внутреннюю энергию, нежели предыдущая. И эту энергию требуется сначала где-то запасти, а потом еще и конвертировать в изменение структуры социосистемы, то есть в изменение форматов деятельности, познания, образования, управления, в общественные институты и институции, в изменение форм существования социосистем, таких как государство, полис, комьюнити. А подобная конвертация, разумеется, имеет далеко не стопроцентный КПД. Выделяющаяся энергия оказывается по сути энергией разрушения. Она идет на «социальный нагрев», то есть на политическую борьбу, беспредельную конкуренцию с разрушением условий для воспроизводства систем деятельности, внешнюю и внутреннюю войну.

Проще говоря, новые механизмы социосистемного действия являются на начальном этапе просто возможностями, которые могут реализоваться, а могут и не реализоваться. При этом начнут они работать «когда-то потом», в то время как старые, привычные механизмы отказывают уже сейчас. Этот разрыв неизбежен: Англия сначала утратила продовольственную независимость («овцы съели людей»), а лишь потом стала «мастерской

мира», в избытке обеспечивающей себя продовольствием за счет неэквивалентного обмена с окружающими странами. И через этот разрыв нужно как-то перебираться.

Фазовый барьер сначала проявляется просто как торможение развития. Затем, по мере погружения в него, как нарастание, вроде бы случайное, неблагоприятных ситуаций и катастроф. Потом начинают сбоить столетиями работающие экономические, политические, социальные механизмы. Затем резко понижается социальная устойчивость. И на этом фоне продолжают разворачиваться тренды, несовместимые с текущей фазой развития.

Если барьер удастся преодолеть, начинается следующая социосистемная фаза. Если же накопленной энергии недостаточно, общество просто отбрасывается назад, и тогда фазовый кризис институционализируется и становится образом жизни многих поколений людей.

3. ФАЗОВЫЙ КРИЗИС: МАРКЕРЫ И ДИНАМИКА

Палеонтолог К. Еськов²¹⁹ предположил, что социосистемные кризисы подчиняются тем же динамическим законам, что и кризисы экосистемные, то есть что они проходят следующие обязательные стадии:

- Нарастание общественных противоречий
- Суверенизация системы (отдельные подсистемы перестают вести себя как часть целого, возникает «конфликт интересов» между подсистемами, эффективность общества начинает падать)
- Всплытие реликтов (в обществе вновь явно проявляются признаки и отношения, ранее эволюционно вытесненные)
- Первичное упрощение с падением разнообразия
- Маргинализация системы (разрушение высших, управляющих уровней, выход на управляющие позиции звеньев социосистемы, ранее угнетенных, маргинальных)
- При благоприятных обстоятельствах общество преодолевает фазовый барьер и обретает новое качество, начинается новый рост, «эволюционный шквал», усложнение системы

Конечно, для более локальных кризисов можно выделить похожие этапы, но только при преодолении фазового барьера перечисленные стадии затрагивают всю социосистему и характеризуют все протекающие в ней процессы.

В отличие от обычной революционной ситуации, развитие которой может привести только к смене общественно-экономической формации, **фазовый кризис начинается и достигает наибольшей остроты не в «слабом звене» мировой системы хозяйствования, а в наиболее развитых регионах.**

Это обстоятельство можно рассматривать как один из маркеров, обозначающих фазовый кризис и фазовый переход. Представляют интерес и другие **фазовые индикаторы.**

1. Фазовый кризис возникает тогда и только тогда, когда связанное физическое (географическое) пространство экстенсивного развития данной фазы развития исчерпано, иными словами, когда мир-экономика глобализован.

Предельные размеры связанного пространства мира-экономики определяются **транспортной теоремой** и зависят от уровня развития инфраструктур. В индустриальной фазе развития глобализация охватывает всю Землю²²⁰, в архаичной — речь может идти о сравнительно небольших территориях.

Весьма интересна ситуация с античным кризисом и античной глобализацией. Рим относился к категории «предельных» (по транспортной теореме) империй. Дальнейшая экспансия традиционной фазы развития к югу была предельно затруднена африканским пустынным поясом. К востоку располагалось Парфянское царство. Здесь Рим мог временно захватывать территории, но не мог их устойчиво удерживать и превращать в плацдарм для будущих завоеваний (все по той же транспортной теореме). На западе был океан.

Представим себе на секунду, что за Альпами Европа заканчивалась, других земель там не было. Тогда пространство экспансии традиционной фазы было бы полностью исчерпано к I веку до н.э., к началу эпохи Гражданских войн. Собственно Гражданские войны и явились бы для Рима посттрадиционной фазовой катастрофой.

219Еськов К. Фэнтези как Science Fiction Нового Средневековья/ /Доклад на VII Международной конференции «Форум Будущего». Санкт-Петербург, 23 ноября 2006 г.

220Теоретически мыслима, но в нашей истории не реализовалась возможность, когда уже в индустриальную фазу человечеству доступна более чем одна планета. Это, безусловно, могло продлить время активности индустриальной фазы на несколько веков.

В реальности к северу от Альп «нашлась» Галлия, и Цезарь, успешно завоевав ее и создав опорные пункты в Британии, дал эпохе античности еще полтора-два столетия сравнительно безбедного существования: фазовое развитие продолжалось путем колонизации Галлии. Гражданские войны завершились установлением принципата Августа, и это, вероятно, было лучшим из всех возможных решений. Попытка римлян продвинуться дальше на северо-восток, в Германию, закончилась катастрофой. С этого момента на северной границе Империи возникает неустойчивое равновесие, причем возможности Империи решить этот конфликт в свою пользу подрываются опять-таки транспортными условиями.

Мыслима, хотя и крайне маловероятна, и еще одна возможность: римские корабли открывают Америку. В этом случае «кризис третьего века» был бы успешно разрешен (вероятно, новой сменой политического режима), началась бы колонизация Америки, но в конце концов и там установилось бы динамическое равновесие. И настал бы окончательный «кризис пятого или шестого века», который развивался бы быстрее и интенсивнее, чем в Текущей Реальности, но завершился бы тем же — гибелью античной цивилизации, распадом традиционной фазы развития и Темными веками.

В любом случае фазовому кризису предшествует предельно возможная для данного уровня развития технологий глобализация — фаза должна прийти на все территории, где ее принимают и признают «прагматически полезной».

2. Для фазового кризиса характерно территориальное разделение производства и потребления, проживания и деятельности. Это вызывает непрерывно нарастающую нагрузку на транспортную систему.

Для фазового кризиса характерно возникновение так называемых антропустынь второго рода. По Р. Исмаилову антропустыни первого рода не способны поддерживать деятельность, характерную для данной фазы развития. Например, джунгли являются антропустыней **первого рода** для традиционной фазы развития цивилизации, и А. Тойнби с полным основанием пишет, что на уровне древних обществ человечество не смогло найти адекватный ответ на вызов тропического леса.

Фазовые пустыни второго рода, напротив, представляют собой территории, где текущая фаза развития максимально развита, где все ее возможности сконцентрированы и где наиболее быстрыми темпами происходит потребление **граничного фазового ресурса**. В архаичную фазу таким ресурсом были охотничьи угодья, и кризис наступил, когда люди «проели экосистему насквозь». Традиционная фаза «проедает» ландшафты, превращая Ойкумену — связный, доступный мир-экономику — в распаханное поля. Индустриальная фаза проедает инфраструктуры — возможность бесперебойного движения смыслов/людей/товаров/услуг.

Во вторичных антропустынях с неизбежностью скапливается множество людей. Рано или поздно капитализация этой территории становится настолько большой, что всякая деятельность делается здесь нерентабельной и уходит на фазовую периферию. При этом антропустыни второго рода перенаселены и требуют политического и военного контроля, а также бесперебойно функционирующей системы снабжения всем необходимым.

Фазовые **пустыни второго рода** существуют только благодаря налаженному товарообмену. При этом их «товаром» оказывается управление и в некоторых случаях круг деятельности, относящийся к познанию. Нуждаются же они в предметах потребления, и прежде всего в продуктах питания.

Все военные и политические возможности Римской империи используются в последние века ее существования только для того, чтобы обеспечить доставку хлеба из Египта в Рим...

3. Разделение систем проживания и деятельности вызывает фазовый антропопоток, направленный в области максимального развития данной фазы развития.

Одновременно перемещается более 10% населения земного шара, причем происходит быстрое и интенсивное перемешивание жизненных форматов. Ретроспективно историки и демографы говорят о **великом переселении народов**, это переселение не только маркирует фазовый кризис, но и может стать причиной и формой фазовой катастрофы.

4. Антропопоток усугубляется демографической динамикой, характерной для фазового кризиса (фазовый всплеск).

Резко падает рождаемость на фазово продвинутых территориях (недород). Зато она быстро растет на отсталых «варварских землях», которые в связи с фазовой глобализацией приобщаются к цивилизации и совершают индуктивный фазовый переход.

Античный кризис: рождаемость среди римлян и греков падает, распространяется

гомосексуализм, возникает терпимость к сексуальным перверсиям. Численность римлян начинает снижаться. В варварских племенах, непосредственно граничащих с римскими землями, распространяются римские земледельческие технологии, растет количество и качество пищи, появляется вменяемая медицина, акушерство. Смертность падает, рождаемость остается высокой, даже возрастает. В результате некогда дикая и пустая окраина становится густонаселенной; варварам тесно на своих землях, они стремятся на цивилизованные территории, тем более что последние постепенно становятся безлюдными.

Постиндустриальный кризис: рождаемость среди индустриально развитых народов падает ниже простого воспроизводства населения, гомосексуализм становится признанной и охраняемой законом практикой. Страны третьего мира получают доступ к индустриальным медицинским и сельскохозяйственным технологиям, численность их населения возрастает за столетие в десятки раз и больше, что порождает демографическое давление на развитые страны. *«Нашим лучшим оружием является матка палестинской женщины»*, — говорит Я. Арафат.

Заметим, что фазовый демографический всплеск носит резонансный характер (то есть быстро нарастает и довольно быстро спадает), и начало пика предшествует наступлению фазового кризиса на два-три поколения.

5. Для фазового кризиса характерно смещение социосистемного равновесия в пользу теневых, иллюзорных процессов (войны, мистики, контроля, упаковки и перепродажи).

6. Характерной особенностью фазового кризиса является его амбивалентность.

Это не кризис типа «недостаток ключевого ресурса», который преодолевается тем, что соответствующий ресурс находят или учатся обходиться без него. **Это кризис типа «ресурс одновременно и недостаточен, и избыточен»**, поэтому любые действия по управлению ресурсом лишь усугубляют кризис. Примером амбивалентного кризиса может служить, например, современный кризис инвестиций, когда предприятия жестко страдают от инвестиционного голода, а инвесторы не могут найти достаточно безопасных и при этом сколько-нибудь прибыльных возможностей для вложения средств. То есть денег одновременно много и мало, по мере развития кризиса их становится очень много и нестерпимо мало.

7. В терминах диалектического подхода всякая последующая фаза развития есть разрешение базисных противоречий предыдущей фазы.

Иными словами, фазовый переход представляет собой диалектический скачок, пресловутый «переход количества в качество». Это, в частности, означает, что при таких переходах меняются не только организующие структуры социосистемы, но и группы симметрии этих структур; функции, описывающие зависимость параметров социосистемы от времени, терпят разрыв. Кроме того, трактовка фазового перехода в терминах диалектического скачка подразумевает кризисный характер процессов, предшествующих разрушению старой и созданию новой фазы, причем фазовое преобразование оказывается неразрывно связанным с растущими флуктуациями в социосистеме. Значительно упрощая, можно сказать, что **непосредственно перед фазовым переходом общество попадает в полосу быстрых осцилляций: направление его динамики теряет определенность, в то время как интенсивность всех форм движения резко нарастает.**

4. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ВСЕ, ЧТО МЫ НЕ ЗНАЕМ, НО ХОТЕЛИ БЫ СПРОСИТЬ

Принято считать, что человечество развивается поступательно и каждая следующая эпоха живет чуть лучше предыдущей — богаче, разнообразнее, свободнее. И разумеется, самое нищенское существование влачили люди архаичной фазы. Желая подчеркнуть крайне низкий уровень совершенства технической, информационной или социальной системы, мы говорим: «каменный век» или «пещерный уровень».

Это правильно только в целом. Действительно, последующая фаза автоматически решает коренные противоречия предыдущей, что порождает эволюционный «ливень» технических и гуманитарных решений и создает эффект фазовой доминации. Однако каждая фаза развития являет уникальный способ производства, создает неповторимые форматы существования и творит собственные непревзойденные шедевры. Кроме того, по чисто формальному критерию «уровня жизни» вершина предыдущей фазы развития превосходит начало

последующей, не говоря уже о «Темных веках» фазового перехода.

Для меня знакомство с мегалитической культурой началось с поездки на остров Мальта, который, по сути, представляет собой один огромный камень. Современная Мальта — это квазигосударство без своего места в политике или мировом разделении труда; существует оно за счет торговли своим прошлым. К туристическим объектам острова относятся, в основном, памятники, связанные с историей ордена иоаннитов (госпитальеров).

Археологический музей, созданный еще при британских колонизаторах, почти не посещается туристами, поскольку ориентирован на эпохи, слабо интересующие обывателя.

Оказывается, за тысячелетия до постройки египетских пирамид на Мальте существовали огромные подземные храмы, высеченные в камне. Раскопанный храм принадлежит, по-видимому, границе мезо- и неолита. Это сооружение сложной формы размером примерно двадцать на двадцать метров в основании и двенадцать—пятнадцать метров в глубину. Если мысленно превратить камень в воздух, а внутренние полости, вырубленные древними мастерами, в камень, храм станет гигантской статуей, изображающей человека, сидящего в кресле (соответствующая модель сделана и хранится в Археологическом музее). Для такого зодчества, не имеющего аналогов в нашем мире, придумано специальное название: «негативная архитектура».

Храмовый комплекс был почти пуст. Все же несколько находок сделать удалось. Это были женские статуэтки, выполненные с изображением мускульной системы и индивидуальными чертами лица. Радиоизотопный анализ не оставлял сомнений в том, что эти фигурки древнее не только Афин, но и Крита, и даже Египта. Художественные же особенности указывали на классическую Грецию, на расцвет античности.

Еще одна загадка: для маленькой и почти ненаселенной Мальты храм был слишком велик. Археологи склонялись к тому, что комплекс представлял собой, скорее, храмовую школу, готовящую «кадры» для всего Средиземноморья. Но тогда приходилось предположить, что уже в каменном веке была специализация отдельных поселений. Это подразумевает активный торговый обмен, а значит, дороги и судоходство. Более того, узкая специализация Мальты со строительством гигантского святилища, «ориентированного на экспорт», позволяет говорить о своеобразной «глобализации».

Всего было найдено несколько городов, контур каждого из которых с высоты птичьего полета представлял собой рисунок, пиктограмму. Храмовый комплекс Гипогей был исполнен в виде фигуры сидящего человека.

А на северном конце острова раскопки только начались. По предварительным данным там находится подземное «антиздание» гораздо больших размеров, чем храм, и относящееся к значительно более ранней эпохе;

В сущности, наши представления о границе мезо- и неолита можно назвать «негативной историей». Мы довольно хорошо представляем, чего там не было. Нас удивляют время от времени появляющиеся сообщения, свидетельствующие о том, что жизнь людей мезолитической эпохи была довольно разнообразной, свободной и отнюдь не сводилась к борьбе за существование. Они использовали игрушки и украшения. Они активно занимались обменом, настолько активно, что хочется сказать «торговали». Они поддерживали региональное разделение труда: кремль добывали в Карпатах, обрабатывали на Волге, использовали для охоты в Месопотамии, меняли на драгоценности в Индии.

Мезолитический человек пользовался луком и стрелами, обладал разнообразными орудиями труда, широко пользовался симпатической магией. Насколько можно судить, речь идет о высоком уровне жизни: античные источники говорят о золотом веке, Библия — о садах Эдема.

Мифология, к сожалению, является единственным достоверным источником по событиям мезолитического фазового кризиса.

С формальной точки зрения все ясно: исключительно благоприятные условия привели к быстрому росту популяции *Homo sapiens* и к переполнению экологической ниши.

Биологические ресурсы экосистемы были не в состоянии прокормить столько «абсолютных хищников». Для дальнейшего развития нужен был быстрый рост пищевого ресурса, в то время как в действительности уже началась экологическая деградация с разрушением структуры воспроизводства популяций. Одновременно коренным образом изменились информационные структуры (некоторое представление об информационных и трансцендентных конструктах эпохи мезолитического кризиса можно получать, наблюдая субкультуру детства). Симпатическая магия, ранее безотказно служащая людям, перестала работать. Боги ушли, или умерли, или вступили в жестокие битвы друг с другом. Мифы разных времен и народов со сдержанным ужасом повествуют о небесных сражениях разных поколений Богов и указывают, что Древние боги были побеждены и низвергнуты в

преисподнюю (Тартар).

Одновременно что-то очень плохое происходит в самой экосистеме: мифология с большим или меньшим нажимом указывает на «грехопадение» как на причину «изгнания из Эдема».

Далее история вариантна. В одной версии комплект земледельческих и скотоводческих технологий Адам получает непосредственно от Бога, причем в форме проклятия: «...в поте лица будешь ты добывать хлеб свой». В другой версии «культурный герой», например Гильгамеш (миф подробно рассказывает историю жизни самого Гильгамеша, его детей и внуков), получает или крадет весь этот пакет технологий у богов и передает их людям. Заметим, что все мифы настаивают на быстроте, однократности и завершенности дара, на уникальности человека, сумевшего этот дар взять.

Вся эта мифоистория в целом довольно внятно описывает фазовый кризис границы мезо- и неолита, но, разумеется, она неverifiedируема. Достоверно мы знаем, пожалуй, следующее:

Численность человеческой популяции в период неолитического кризиса заметно сокращается, то есть речь идет о фазовой катастрофе. Демографические расчеты дописьменных эпох весьма условны, но исследователи более или менее уверенно говорят о потере трети населения. Возможно, и эта оценка слишком оптимистична.

Кризис сперва развивался сравнительно плавно. На этапе его нарастания мегалитические храмы Мальты были «планово эвакуированы» — явно эвакуация рассматривалась как сугубо временная мера. Позднее, однако, произошла катастрофа, после которой не осталось никого, кто смог бы восстановить прежнюю традицию. Пещерные храмы пришли в запустение и были забыты.

Неолитические технологии традиционной фазы возникли в нескольких областях «Плодородного полумесяца» практически одновременно и целиком, как единый технологический пакет. Впрочем, в социосистемной модели очень трудно представить себе медленное, постепенное и поэтапное овладение сельскохозяйственными технологиями.

Вопросов больше, чем ответов. Мы не знаем, какими именно противоречиями раздирались мезолитические общины и не можем интерпретировать «грехопадение». Может быть, речь идет о первой настоящей войне — первом массовом убийстве людей людьми?

Мы не можем с уверенностью диагностировать мезолитический демографический взрыв (хотя не можем и доказать, что такого взрыва не было). Мы не понимаем картины мезолитических антропотоков, хотя не сомневаемся, что они были.

Мы плохо понимаем культурные и религиозные институты развитого мезолита, но знаем, что такие институты носили скорее глобальный, нежели местный характер.

Мы не представляем себе, что такое «война Богов», не знаем, какими природными и социальными катаклизмами она сопровождалась и насколько она была значима для мезолитических обществ.

Мы не знаем даже, кто совершил неолитический переход — те народности, которые достигли вершины архаичной фазы развития, строили дороги и подземные святилища, торговали кремнями и алмазами, или же стершие их с лица Земли «варвары», едва вступившие в эпоху «среднего камня»²²¹.

²²¹Интересно, что некоторые особенности неолитического фазового кризиса могут быть отслежены на модели, созданной профессором английской литературы, признанным специалистом в области европейского эпоса и мифологии Дж. Толкином. В «Сильмариллионе» мезолитическая эпоха изображена как золотой век народа квенти. Первым предзнаменованием приближения фазового барьера можно считать смерть в 1179 году первой эпохи Мириэли, жены эльфийского короля Финве и матери Феанора (напомним, что эльфы биологически бессмертны по определению, поэтому естественная смерть для них является трагическим чудом). Однако это событие осталось одиночным и никак не повлияло на динамику развития. Вскоре фаза достигает своей вершины: создаются (1449) и освящаются (1450) Сильмариллы. Почти сразу начинается смута народа нольдор, вызванная, как явственно следует из текста Толкина, недостатком свободной земли и желанием найти ее за пределами Валинора. Мы можем рассматривать этот достаточно долговременный процесс как иносказательное обозначение экономического тренда. Начинает создаваться оружие, возникает представление о войне как о способе решения политических и экономических проблем. Тускнеет свет деревьев — прежняя магия перестает работать. Суд над Феанором является следующим знаковым событием (1490). Через пять лет происходит системная катастрофа — омрачение Валинора и гибель деревьев. Знаковые события следуют одно за другим: погибает Финве, Феанор произносит клятву, в

5. АНТИЧНЫЙ КРИЗИС И ТЕМНЫЕ ВЕКА

Античный фазовый кризис, напротив, отдокументирован и проанализирован. В очень хорошем приближении хронология посттрадиционной катастрофы совпадает с поздней историей Рима. В том, что фазовые процессы оказались привязанными к такой эфемерной конструкции, как государство имперского типа, «виновата» античная глобализация: Рим успешно структурировал пространство «расширенного Средиземноморья» и создал в его пределах единые жизненные форматы, стандарты образования, типы деятельности.

Античный кризис позволяет проследить все особенности поэтапного столкновения цивилизации с фазовым барьером.

Римская цивилизация вступила в свое золотое время в эпоху Сципиона Африканского Младшего, то есть приблизительно в середине II века до н.э. В этот период Рим присоединяет Испанию, уничтожает Карфаген, создавая на его месте провинцию Африка, которая в перспективе явится одним из основных источников товарного зерна. Формируется и распространяется на все Средиземноморье римский мир-экономика. Укрепляется политическая система.

Но уже к концу столетия раздается первый «звоночек»: несчастная Югуртинская война, вторжение кимбров и тевтонов (первый такт великого переселения народов). Гаю Мбрию за счет своего полководческого искусства удается не только отразить нашествие, но и насытить рынки государства рабами (102 г. до н.э., битва при Аквах Секстиевых, 101 г. до н.э., битва при Верцеллах). Платой оказывается Гражданская война, первая в списке, и проскрипции. Кровь льется почти столетие, до прихода к власти Октавиана Августа и создания принципата (27 год до н.э.). За этот период физически уничтожаются наиболее значимые римские рода. Гражданские войны I века должны были привести к гибели Римского государства и фазовой катастрофе. Этого не случилось стараниями Цезаря и Октавиана, которые присоединили к Риму богатый зерном Египет и открыли поле для экспансии традиционной фазы развития в высшей ее форме в Галлию и Британию.

При изучении римской истории складывается впечатление, что императоры представляли себе фазовый барьер и прилагали огромные и продуманные усилия, чтобы поколение за поколением удерживать Вечный город от тотальной катастрофы.

К третьему веку импульс, который экономика Рима получила после присоединения Галлии, был исчерпан. Фазовый кризис проявляется в трендах упадка сельского хозяйства и быстрого сокращения среднего класса, самостоятельных крестьян-производителей. Поскольку последние были социальной базой римской государственности, как избиратели, налогоплательщики и воины, то и уровень жизни, и уровень безопасности в Риме стали быстро снижаться. Это привело к прогрессирующей депопуляции и вызвало необходимость привлечения варваров на государственную службу в Империи.

На первой стадии речь идет о принятии отдельных неграждан, прежде всего, в армию. Варваризация военных командных постов распространяется достаточно быстро, появляются и императоры варварского происхождения. Этот процесс ускоряется перманентным политическим кризисом третьего века: Гражданская война 193-197 гг., убийство Геты (211), Каракаллы (217), Макрина (218), Элагабала (222), Александра Севера (235), после чего начинается период императорской чехарды. Весь третий век можно обозначить как одно непрерывное знаковое событие.

Империя разваливалась. Некоторый порядок удалось восстановить Диоклетиану и позднее Константину, при котором началась христианизация Рима: практически речь шла о

Альквалонде происходит первое убийство эльфов эльфами, и начинается исход Нольдора из благословенной земли Амана (Эдема) в Средиземье — мир обитаемый. Звучит проклятье Мандоса (1496), горят корабли Альквалонде, эльфы Нольдора начинают долгий и страшный переход через битый лед. За время этого перехода, символизирующего Темные века, «войско стало значительно меньше». Очень точная деталь: переход через битый лед заканчивается в первый из дней Солнца, то есть в момент начала новой эпохи и новой фазы развития (1500 год первой эпохи, 1-й год веков Солнца). Через семь лет происходит воссоединение народа Нольдора, и преодоление фазового барьера на этом завершается. Одновременно заканчивается мифология Средиземья и начинается его история. Общая длительность перехода составила от освящения Сильмариллов и начала смуты Нольдор до воссоединения Нольдор 50 лет. И семь солнечных лет Валар, то есть 486 обычных земных лет, что вполне правдоподобно. Острый кризис длится около пятидесяти земных лет, что также не выглядит абсурдным.

важнейшем элементе фазового перехода — инсталляции принципиально новой христианской трансценденции. Ценой было создание домината, то есть отказа от всех пережитков республиканской политической системы, раздел Империи (293) и перенос ее столицы на восток, в Константинополь (330).

Это лишало Рим статуса столицы мира и ставило под прямой удар.

Императоры с величайшим искусством защищали безнадежную позицию, но фазовые проблемы нарастают быстрее, чем удается их разрешать. С середины третьего века диагностируется острый финансовый кризис. Упадок сельского хозяйства вынуждает императоров формально прикреплять свободных крестьян к земле, происходит феодализация доминирующего аграрного сектора экономики.

Продолжается демографическая деградация римского народа и варваризация античного пространства. Возникают леты — самоуправляемые варварские колонии, рассеянные среди римского населения. Леты формально подчинены центральной власти, но пользуются автономией, сохраняют национальное право и традиции.

К концу III — началу IV века резко увеличилось население Великой степи. В первую очередь это было обусловлено изменением режима увлажнения, а во вторую — распространением римских форм организации и культуры. Как следствие, варварский мир пришел в движение, создавая давление на римские оборонительные позиции по Рейну и Дунаю.

Варварские племена приграничья, находясь в тесном контакте с Римом, быстро романизировались, что влекло за собой рост социальной организованности — переход от полной анархии к прочным союзам племен и зачаткам государственности. Вместе с повышением уровня развития сельского хозяйства это привело к опережающему росту населения лимеса — варварской периферии, непосредственно примыкающей к романским землям.

Рим вынужден проводить все более масштабную политику переселений. С варварскими вождями заключаются федеративные договоры, по которым они признавались союзниками (федератами) римского народа. По этим договорам варвары получают для расселения области Империи и денежное содержание, принимая на себя вассальные обязательства: они обязывались хранить верность императору и защищать государство от вторжения других варваров. По федеративным договорам Рим не отказывался от прав ни на какие земли: варвары, будучи расквартированы волей императора в пределах его государства, были для римской администрации лишь вспомогательными войсками, принятыми с женами и детьми на земли империи и связанными особым статусом.

Федераты сохраняли не только собственные законы, но еще и самостоятельность и политическую организацию; вождями они признавали национальных королей, которые одни были ответственны перед императором, а тот в свою очередь платил им установленное содержание.

Эдикт Гонория от 6 февраля 398 года предписывал расселять варваров по ордеру на расквартирование, выделяя им треть дома и пахотных земель, а также рабов на условиях пользования (госпит, чужой, временный поселенец). Остготы этой третью и ограничились, вестготы и бургунды дошли до двух третей, но в рамках закона.

Федераты, разумеется, грабили все, что могли, в переданных им областях и иногда совершали разбойные нападения на другие территории Империи, но, как это ни парадоксально, действительно защищали Рим от варварских нашествий. Дело в том, что «настоящих варваров», еще не романизированных, они рассматривали не только как конкурентов, но и как идеологических врагов.

В середине пятого века варвары сражаются с варварами в сердце Галлии (битва на Каталаунских полях, 451 г.) Три года спустя происходит еще одно знаковое событие — убийство Аэция, последнего великого римлянина.

Знаковых событий даже слишком много: гибель императоров, проигранные сражения, ограбление Рима, низвержение Ромула Августула... Мы можем почти точно указать начало фазовой катастрофы — момент столкновения Рима с посттрадиционным (индустриальным) барьером, но финал ее теряется в неизвестности. Дело в том, что Рим не сумел перейти индустриальный барьер, но создал целый ряд механизмов и институтов, адекватных следующей индустриальной фазе развития. И прежде всего речь идет о христианской религии и организующей структуре римской католической церкви. В перспективе эта структура будет развернута в систему монастырей, а позднее — породит университеты, религиозные ордена, включая францисканский, натурфилософию и науку, «любимую дочь церкви». Наличие Римско-католической церкви обусловило сохранение определенного политического и морального единства в критические для цивилизации столетия. В известной

мере Западная Римская империя не погибла в 476 году, она просто сменила название и титульный народ. С конца четвертого века устанавливается странное и зыбкое равновесие: в сущности, традиционная фаза развития мертва, индустриальная — еще не родилась (барьер не перейден), а наступлению Темных веков препятствует связность, создаваемая христианством. И еще — инерция больших систем.

Но в конечном итоге цивилизация все же не выстояла. В шестом веке разрушаются акведуки. Эпидемии и голод гонят людей из городов, грамотность практически исчезает, мир рассыпается на лоскутное одеяло феодалов.

Потребовалось несколько столетий для того, чтобы Римская церковь осознала свой долг и свое право выступить интеграционной силой и провозгласить общий поход Запада против Востока. И еще два столетия, чтобы исчерпать в Крестовых походах зашкаливающую пассионарность рыцарства. И еще два, чтобы выстроить Высокое Средневековье, подвести черту под Темными веками и в общем и целом достигнуть уровня жизни римлян золотого века, превосходя их по качеству жизни, образованности, интенции к развитию.

В этот момент в Европу приходит чума, знаменуя последний акт античной фазовой катастрофы.

Условно принимая за начало фазового перехода битву при Аквах Секетиевых (102 г. до н.э.), а за его окончание — открытие Колумбом Америки (1492), получаем, что фазовый переход между традиционной и индустриальной фазой занял в Европе без малого 1600 лет. С одной стороны, это свидетельствует о таланте римлян, выигравших у исторической необходимости три с половиной столетия. С другой — о глубине фазового отхода после наступившей катастрофы. Возрождение цивилизации потребовало целого тысячелетия, причем даже сегодня Римский мир восстановлен лишь в общем и целом, а средиземноморское транспортное кольцо остается незамкнутым.

Это, впрочем, не помешало инсталляции в европейском мире-экономике индустриальной фазы развития и обретению этой фазой планетарного характера. Своего полного развития индустриальная фаза развития достигла перед началом Первой Мировой войны.

6. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КРИЗИС XXI СТОЛЕТИЯ

Есть все основания считать, что в настоящее время человечество столкнулось с постиндустриальным кризисом.

В экономической области этот кризис проявляется:

- Как постоянное снижение производительности капитала
- Как перманентный кризис традиционных отраслей экономики и соответствующих им территорий
- Как неустойчивый характер развития новых («знаниевых», наукоемких и т.п.) секторов развития экономики
- Как постоянное повышение нормы эксплуатации
- Как прогрессирующее разорение среднего класса (в частности, через механизм антропотока)
- Как кризис мировой валюты (доллара США), сопровождающийся неуправляемым обесценением этой валюты
- Как кризис иных валют и валютных механизмов, порождающий кризис ликвидности денег вообще (в современных условиях крайне затруднительно определить как надежные инструменты для сохранения денежных средств, так и безрисковые и слаборисковые объекты инвестирования)
- Как кризис глобализации
- Как рост «инновационного сопротивления»
- Как кризис окружающей среды (и еще в большей степени как истерия по поводу этого кризиса)

В области управления кризис индустриальной фазы проявляется:

- В резком увеличении числа акторов принятия решений (как на международной арене, так и внутри национальных государств (National States))
- В росте совокупных общественных затрат на функционирование механизма управления
- В повышении информационного сопротивления управленческих систем
- В росте всех типов сопротивления принятым управленческим решениям
- В снижении характерных длительностей тех социальных, экономических и политических процессов, которые подлежат управлению

- В повышении характерного времени принятия решений во всех социосистемных институтах
- В переполнении паразитной информацией всех каналов управления
- В возникновении сверхбольших административных систем (СБАС), для которых характерно бесконечное информационное сопротивление, отсутствие интуитивной предсказуемости поведения, возникновение замкнутых траекторий движения управляющего сигнала без выхода на механизмы реального управления; нестабильность структуры управленческой системы, отсутствие в обществе информации о ее реальном состоянии и поведении
- В кризисе международных политических и экономических организаций
- В кризисе выборной демократии как формы правления, имманентной индустриальной фазе развития
- В росте противоречий между государствами и негосударственными структурами (в частности, ТНК)
- В росте терроризма и невозможности справиться с ним в рамках существующих управленческих структур (и National States, в целом)

В области образования кризис индустриальной фазы проявляется:

- В «девальвации» образования (современный бакалавриат в лучшем случае эквивалентен школе 1960-х годов и гимназии 1910-х годов)
- В снижении ценности и социальной значимости образования
- В снижении социального и экономического статуса преподавателя (школы и ВУЗа)
- В увеличении времени получения обязательного образования
- В резком снижении «возраста первичной потери познавательной активности» (с 15-16 до 10-11 лет)
- В непрерывном падении уровня общественнообеспеченных знаний
- В отсутствии у граждан сколько-нибудь связанной и цельной картины мира
- В распространении функциональной неграмотности

В области познания кризис индустриальной фазы проявляется:

- В снижении статуса научной деятельности, прежде всего в области естественных наук
- В резком падении связности науки, что проявляется во все более и более узкой специализации (более семидесяти тысяч научных дисциплин на 2004 г.)
- В отсутствии сколько-нибудь действенных механизмов междисциплинарного взаимодействия
- В резком замедлении производства новых смыслов (по некоторым оценкам, до уровня Темных веков)
- В отсутствии рефлексии оснований науки и научного метода исследования
- В ритуализации процесса исследования и публикации его результатов
- В тенденции научного сообщества к замыканию и превращению в касту, свободную от всякого общественного контроля
- В отсутствии сколько-нибудь осмысленного управления исследованиями •
- В господстве грантовой системы финансирования, что придает науке сервисный статус
- В потере четкой методологической границы между наукой и лженаукой
- В возрастании нетерпимости в научной среде (под предлогом борьбы с лженаукой)
- В широком использовании авторитета науки в целях рекламы и пропаганды
- В широком распространении закреплённых политически «научных суеверий» («глобальное потепление», «астероидная опасность» и т.п.)
- В стремлении науки к бессмысленным самоограничениям, что особенно ярко проявилось в связи с открытием клонирования
- В потере связности научного, вненаучного и трансцендентного познания
- В практической остановке трансцендентных форм познания и возврате к традиционным и даже архаическим формам трансценденции
- В резком уменьшении смыслообразования во вненаучных формах познания (искусство, в частности литература)

Индустриальный фазовый кризис проявляется также и потере связности между четырьмя базовыми социосистемными процессами и в нарастающем демографическом кризисе, который в развитых странах принимает форму демографической имплозии с образованием антропустынь, а в странах со смешанной фазой развития порождает интенсивные антропотоки.

Проявлением барьерных эффектов являются также психомосвязанные кризисы идентичности и трансценденции, распространяющийся в западном обществе страх смерти, а в культурах Юга и Востока — страх жизни.

7. ДИНАМИКА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

Ведущим процессом (драйвером) последних десятилетий является процесс постиндустриального перехода в развитых странах. Этот процесс ускоряется по мере того, как истощается свободное географическое пространство и ограниченность размеров земного шара начинает оказывать все более заметное влияние на работу экономических механизмов.

Как обычно, отыскать начало постиндустриального кризиса, определить тот день, когда человечество столкнулось с фазовым барьером, не представляется возможным. Впрочем, в данном случае мы можем указать пятилетний интервал, что для такой задачи можно считать достижением. Лето 1969 года, когда весь мир следил за шагами Нейла Армстронга по Луне, несомненно, является вершиной индустриальной фазы. А осенью 1973 года мы уверенно диагностируем первый из постиндустриальных барьерных кризисов, то есть влияние барьера уже очень и очень заметно.

Возможно, мы не ошибемся, *назначив* столкновение Титаника цивилизации с постиндустриальным айсбергом на 1970 год, тем более что где-то около этой даты началось **падение производительности капитала**, во-первых, и резко изменились темпы технического прогресса, во-вторых.

После полета Юрия Гагарина Президент США дал своему народу обещание побывать на Луне «до конца этого десятилетия». Между прочим, в тот момент у Америки не было приличного носителя даже для вывода корабля на низкую околоземную орбиту. Ничего, за семь лет справились.

Года три или четыре назад, в промежутке между Ираком и Афганистаном, Дж. Буш сказал, что на Луну надо бы вернуться. Вроде бы и опыт есть, и технологии за прошедшие сорок лет развивались, а в проектировании и моделировании вообще произошла революция. Но пока разговоры идут о первых испытаниях нового носителя годику, так, к 2015, если успеют. А Луна проектируется на конец второго—начало третьего десятилетия.

Сугубо формально: несмотря на очевидный прогресс информационных технологий, время разработки сложных индустриальных технических систем по сравнению с 1960-ми годами увеличилось в 2-3 раза, может быть, и более. Можно интерпретировать это через ухудшение общего качества человеческого материала. А можно сказать, что **замедление технологического прогресса** представляет собой результат взаимодействия с постиндустриальным барьером и имеет своей первопричиной изменение характера сопротивления информационной среды. То, что раньше получалось быстро, сейчас делается медленно или не делается вообще. Когда-то римляне тоже очень удивлялись тому, что урожайность полей вдруг начала падать и получить прежние урожаи не удастся, несмотря ни на какие усилия.

История техники позволяет оценить момент возникновения этого «повышенного инновационного сопротивления». Строго говоря, оно начало медленно расти уже в 1960-е. Но именно 1970-е годы сломали прежний тренд быстрой (за 2-3 года) смены поколений технических систем.

Итак, ведем отсчет кризиса с 1970 года.

Первый репер падает на 1971 год: формально зафиксированное начало падения производительности капитала.

Затем жирная клякса стоит на 1973 году.

Во-первых, военный кризис — очередная арабо-израильская война. Чем именно эта так выделяется? Ну прежде всего тем, что Израиль был готов к применению ядерного оружия, что бывает все-таки не каждый день. А, кроме того, характер войны резко изменился, и это не укрылось от внимания военных историков. «Война 1967 года была войной танков и самолетов. Война 1973 года была войной ПТУРСов и ЗРК».

Во-вторых, возникновение ОПЕК как экономически значимой структуры и последовавший за этим энергетический кризис. В рамках индустриальной экономики производители сырья, находящиеся внизу экономической «пищевой цепи», ни при каких обстоятельствах не могут диктовать свою волю производителям машин и оборудования, занимающим в этой цепи управляющую позицию. Любые попытки делать такие вещи индустриальный мир пресекает очень жестоко и очень быстро. Но — не в этот раз.

Между прочим, кризис 1973 года отправил на свалку истории линейные трансатлантические суда — визитную карточку всей индустриальной фазы развития.

К концу десятилетия потерян лунный плацдарм, и это также весьма необычно. Индустриальная фаза развития с ее кредитной экономикой, провоцирующей экстенсивный рост и интенсивное развитие, никогда не сдает ранее захваченных позиций.

Сверхзвуковая авиация в этот период еще жива, но влачит жалкое существование. Практически этот плацдарм тоже потерян, просто «оформление капитуляции» произошло позднее, уже в 2000-е.

Заметим здесь, что индустриальная фаза никуда не делась, особенно на окраинах мира. И Фолклендская война, и Ирако-Иранская являются собой вполне обычные индустриальные конфликты.

Следующее десятилетие маркировано началом распада СССР, что представляет собой вполне нормальный индустриальный процесс перехода от колониализма к неоколониализму, наложившийся на неблагоприятный для Союза результат Третьей Мировой (холодной) войны. Но в этом десятилетии происходят две знаковые катастрофы — «Челленджер» и «Чернобыль». Обе по иронии судьбы — в 1986 году.

Индустриальные технические системы не бывают вполне надежны и потому время от времени гибнут. Тот же «Титаник», например, утонул. А на Тенерифе столкнулись два «Боинга-747», погибло свыше пятиста человек. ДС-10 упал под Парижем из-за дефектного замка грузового люка. И так далее и тому подобное. Поэтому сами катастрофы, разумеется, ничего не маркируют и ничего не значат.

- У меня умер брат!
- Это бывает...

(Б. Хеллингер)

А вот реакция общества на эти катастрофы заслуживает внимательного рассмотрения. И в случае с «Челленджером», и в случае с Чернобыльской АЭС мы имеем одну и ту же картину: в материальном мире — довольно заурядная авария с небольшим числом человеческих жертв, в информационном пространстве — настоящий апокалипсис. Резкое торможение космической программы в США и развития атомной энергетики во всем мире, кроме Японии, которая в Хиросиме и Нагасаки явно получила «прививку» от радиофобии.

Заметьте, ядерная энергетика была, очевидно, прагматически полезна, но случайная катастрофа отбросила ее развитие на поколение, а кое-где, вероятно, навсегда. Тоже — совершенно не индустриальный исход, не индустриальная логика развития событий.

В 1990-е разворачивается постиндустриальный тренд глобализации как попытка проектно решить проблему конечности земного шара через оптимизацию логистики и обобществление ресурсов (прежде всего, рабочей силы). Заметим, что ничто не ново под луной: политика Рима в I—II веках н.э. по расширению понятия «римское гражданство» также может рассматриваться как своеобразная античная глобализация.

Понятно, что лекарство принесло первоначальное облегчение, но и вызвало привыкание. А по существу стало опаснее самой болезни: с конца 1990-х разворачивается дивергенция производства и потребления: все формы капитала, включая человеческий, стремятся в мировые города, где капитализация максимальна. Все формы производства стремятся туда, где капитализация минимальна, поэтому вода, земля и рабочая сила ничего не стоят. Процесс этот, раз начавшись, далее будет ускоряться. В результате на земном шаре возникнет крайне неустойчивая ситуация, когда производство и потребление разобщено и экономический механизм полностью зависит от нормального функционирования транспортной сети. Которая, между прочим, уже давно перегружена.

Тренд глобализации породил тренд на резкое усиление антропотока. С конца 1990-х годов **ремитанс**, перевод денег мигрантами на свою историческую родину, становится значимым фактором в экономике ряда стран.

11 сентября 2001 года мы сталкиваемся со знаковым событием, маркирующим принципиальное изменение характера террористической войны. В «норме» на каждого заложника или мирного жителя гибнет (или захватывается) от «полутора» до трех террористов, и это соотношение, делающее террор неэффективной стратегией, просто иллюстрирует эффект фазовой доминации. Для нового террора показатели были совсем другие — порядка десятков заложников в обмен на одного террориста-смертника. А это означает, что фазовая доминация отныне не действует, следовательно, фаза тяжело больна.

Разрушение ВТЦ породило новый террористический тренд, куда попадает и «Норд-Ост», и Беслан, и Мадрид, и взрывы самолетов в РФ, и многое другое.

Конец 2001 года отмечен еще одним знаковым событием — кризисом дот-комов, вторым и окончательным обвалом индекса высокотехнологических производств NASDAQ.

Война США в Ираке, разумеется, имела чисто индустриальное содержание. Но результаты этой войны, вернее, отсутствие таковых, уже постиндустриальны: впервые США не получили от скалькулированной войны скалькулированной прибыли.

В начале тысячелетия к «Челленджеру» добавилась «Колумбия», а к энергетическому кризису начала 1970-х — рост цен на энергоносители и осознание ведущими странами остроты проблемы с генерирующими и сетевыми мощностями. Окончательно завершилась история сверхзвуковой пассажирской авиации.

Отметим среди знаковых точек и Нью-Орлеан: все-таки впервые цивилизованные люди цивилизованной страны показали себя настолько беспомощными перед лицом не самого серьезного стихийного бедствия.

Наконец, 2008 год. Вновь парный кризис²²²: военная операция в Цхинвале, в которой можно отыскать все ключевые признаки постиндустриальных войн, и ипотечно-деривативный кризис. Самое важное здесь — быстрые, с периодом порядка суток, колебания курсов акций и курсов валют: теория фазовых переходов (любых) предсказывает быстро осциллирующие решения для параметров системы в непосредственной близости от точки фазового кризиса.

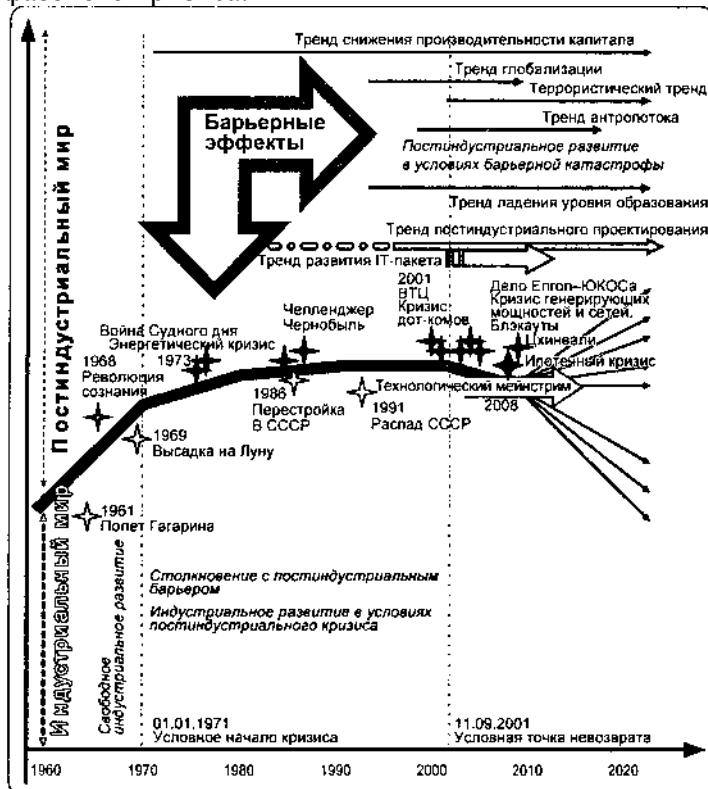

Рис. 8. Фазовая диаграмма постиндустриального перехода

Так что можно предположить, что «мы миновали полпути» и, во всяком случае, прошли точку возврата.

²²²Можно отметить особенность постиндустриальных кризисов образовывать пары: война Судного дня /энергетический кризис, Челленджер/Чернобыль, кризис дот-комов/обрушение ВТЦ, дело компании Enron/дело ЮКОСа, Осетинская война/ ипотечный кризис. Разумеется, это может быть случайностью или носить «инструментальный» характер (то есть быть обусловлено самой процедурой выбора реперных точек). Но нельзя исключить и того, что эта парность представляет собой проявление какой-то неизвестной нам закономерности.

Рис. 9. Диаграмма сценария

Мировые и национальные элиты в общем и целом это понимают. Уже в первом десятилетии нового века можно всерьез говорить о постиндустриальном проектировании (то есть о проектировании постиндустриального перехода), по крайней мере, в некоторых ключевых странах. Япония опубликовала на эту тему развернутый и довольно осмысленный правительственный документ. Европа рефлектирует создание общности нового типа — ЕС, который не является ни империей, ни даже постимперией. США, озабоченные программой «замены населения», которое не прошло нью-орлеанский тест и явно не способно к постиндустриальным преобразованиям, производят массовый тренинг. Россия, как обычно, ничего не делает, но, по крайней мере, кое-что понимает. Это «кое-что» выражается в полистратегичности развития с усилением роли Дальнего Востока, повышении характерных темпов принятия управленческих решений (газовый кризис 2006 года, Цхинвали), попытках наладить взаимодействие с русскоязычными диаспорами.

Между 2003 и 2008 годом ситуация резко обострилась. Сегодня между лидерами развитых стран было достигнуто взаимопонимание по вопросу о необходимости стимулирования технологического развития. В мире формируется технологический мейнстрим — схема развития, подразумевающая взаимосвязанное и системное развитие четырех, вообще говоря, совершенно разных технологий: инфо-, био-, нано- и эко-.

Формально речь идет о прорывном сценарии выхода из кризиса деривативной экономики через быстрое создание финансовых пузырей в области новых технологий, но угадывается более амбициозный замысел: за двадцать лет ремиссии создать и установить в реальную экономику один или несколько базовых технологических пакетов когнитивной фазы развития. Поскольку ни институционально, ни структурно общество к этому не готово, речь идет о технологической авантюре — что-то вроде массового производства паровых машин в Римской империи III века. Однако сумел же Рим стать христианской империей! Так что практические шансы ускорить постиндустриальный переход в этом сценарии существуют. Нужно учитывать, что развитие любой из технологий мейнстрима в любой ее версии несовместимо с существованием индустриальных экономических, политических и культурных механизмов, а также с современной постиндустриальной онтологией.

Ситуация на мировой шахматной доске резко обострилась.

Ничьей не будет!

Задержанного постиндустриального перехода не будет!

В течение двадцати лет нас ждет либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо — постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных форматов. Первое, конечно, много вероятнее, хотя, заметим, даже катастрофа вариантна и может быть усилена или ослаблена, ускорена или замедлена.

Когда ты предаешься хлопотам
в толпе таких же человечин,
внутри нашептывает кто-то там:
«Ты, парень, случаем, не вечен?»
Со страхом или с умилением,
Но пережил ты, спора нету,
Столетье, Родину, миллениум...
Осталось пережить планету».

Е. Лукин

1

Образ жизни складывается из порядков мышления, форматов общения и способов действия. И первое, и второе, и третье зависит от личной идентичности, под которой понимается совокупность этнических, религиозных, гендерных, культурных и иных убеждений, ограничивающих человеческую свободу. В современном информационно открытом обществе принятие той или иной идентичности не определяется воспитанием и должно рассматриваться как акт экзистенциального выбора.

Этот выбор, однако, осуществляется не в вакууме. Действительность оказывает давление на личность, что модифицирует вероятности и редуцирует «Я» до «Я социального». В результате огромное количество человеческих существ выбирает быть бедным и больным, хотя грезят о богатстве, здоровье и свободе.

С кем ни сойдись — либо рожден, либо взращен калекой,
Каждый второй слеп или нем, или разут, раздет.
Слышали б вы, что за латынь я им читал, как лекарь,
Видели б вы, сколько ножей щерилось мне в ответ.

(М. Щербаков)

В прежние эпохи давление общества на личность ограничивалось силовыми и экономическими методами. В XX столетии прибавилось информационное воздействие, причем речь идет отнюдь не только о пропаганде или рекламе. Слишком много информации создано, слишком сложны и многообразны внутренние связи, слишком быстро происходят процессы самоорганизации. Информация начинает «вести себя»: она уже не зависит от своих носителей-людей, у нее свои собственные цели, свои приоритеты развития, своя, нечеловеческая, логика. Информационные объекты существовали всегда, но лишь во второй половине прошлого века они оккупировали ноосферу, вступив в ожесточенную борьбу за господство над человеческими сознаниями. Уже в наше время это привело к возникновению принципиально новых социальных организованностей и, следовательно, образов жизни.

После Пражской и Парижской весны 1968 года возник еще один, довольно неожиданный механизм воздействия общества на личность. В данном случае с полным основанием можно говорить о благих намерениях, коими, как известно, усеяна дорога в ад.

Две полномасштабные мировые войны, война холодная, перманентные революционные выступления, политические и социальные кризисы — все это привело мировые элиты к пониманию преимуществ политики стяжек и противовесов. Международная напряженность действительно снизилась, что выразилось сначала в политике «разрядки» 1970-х годов, а затем — в переходе к однополярному миру и первой волне глобализации 1990-х. К сожалению, очень быстро выяснилось, что вся эта система, в наше время вылившаяся в доктрину «устойчивого развития», требует не просто послушного, а «вменяемого» народа. Разворачивается анекдотическая по форме и крайне опасная по содержанию кампания по воспитанию политкорректности. В большинстве европейских стран (и в России) политкорректность редуцировали до толерантности, от чего, впрочем, не стало легче.

Вроде бы что можно возразить против воспитания в массах толерантности? Проблема состоит в том, что терпимость подразумевает либо очень высокий уровень развития личности («с высоты моего происхождения не видно никакой разницы даже между королем и вами»), либо, напротив, крайне низкий. Последнее обеспечить значительно проще.

Кроме того, высокая толерантность означает, как правило, низкую пассионарность. Вы можете представить себе толерантного Лютера? «На том стою — и не могу иначе».

В последнюю четверть XX века в Европе началась прямо-таки селекция населения с целью отбора низкопассионарных личностей. Здесь необходимо заметить, что при низкой

пассионарности (нулевые и отрицательные значения по шкале Л. Гумилева) возможен только один образ жизни — растительный. Соответствующий социальный тип может существовать лишь в условиях поддержки со стороны общества, что привело к развертыванию сложнейшей европейской системы социального обеспечения (велфер).

Подведем баланс.

В настоящее время существует семь механизмов давления общества на человека:

- Внеэкономическое (силовое) давление, источником которого служит государство в лице своей юридической и карательной системы. Для современной эпохи характерна тотальная правовая регламентация всего, причем демократические страны здесь «впереди планеты всей», и, увы, к большинству нынешних государств фраза «суровость законов компенсируется необязательностью их исполнения» не относится. И без того плохая ситуация заметно усугубилась в связи с правовым регулированием интеллектуальной собственности
- Экономическое давление, предписывающее под угрозой деклассирования выбирать только определенные конвенционные виды деятельности, в основном — массовые. Источником этого давления служит господствующая система хозяйствования (экономический строй по К. Марксу)
- Информационное давление в форме пропаганды. Это давление индуцируется политической системой государства
- Информационное давление в форме рекламы. Источником рекламы является бизнес (и в известной мере, вся индустриальная фаза развития с ее неизбежно кредитным характером, вынуждающим постоянное расширение рынков)
- Давление со стороны самоорганизующейся информации, модифицирующей поведение людей и сценирующей их поступки
- Культурное давление, приводящее к снижению пассионарности. Источником этого давления являются мировые политические элиты
- Формальные культурные ограничения, представляющие собой набор убеждений мировых культурных элит

Перечисленные механизмы формируют образ жизни современного европейца. В большей или меньшей степени они воздействуют на все социальные слои. Поведение же «среднего класса» определяется ими целиком и полностью. «Средний класс» — это быть зависимым.

2

Будем рассматривать образ жизни «золотого миллиарда», тем более что Россия в общем и целом к нему относится. В качестве горизонта сценирования возьмем одно поколение, то есть 20 лет.

Заметим, прежде всего, что в течение всего указанного периода времени Европа и Россия будут находиться под действием нарастающего антропотока с юга — из стран Средней и Центральной Азии, преимущественно исламских. Это поставит привычные европейские идентичности перед вызовом со стороны ярко проявленной мусульманской идентичности.

США также испытают демографический нажим с юга (латинская миграция). Кроме того, в самой стране нарушится равновесие между белым и черным населением, что также послужит причиной культурных, этнических и конфессиональных вызовов.

В норме любая культура реагирует на предъявление чужой идентичности переводом в манифестную форму собственной идентичности, иначе говоря — акцентуацией своего образа жизни. Но как раз в случае искусственно пониженной пассионарности такой ответ невозможен: во-первых, нет ни сил, ни энергии, во-вторых, «это нетолерантно». Как следствие, англичане покидают дома, в которых поселились пакистанские семьи, французы выезжают из «алжирских» районов и даже немцы ведут себя по отношению к туркам «политкорректно».

Можно предположить, что в течение какого-то времени (а в некоторых сценариях — и всего горизонта сценирования) стратегия пассивного ухода от проблемы будет единственным ответом европейцев на вызов со стороны миграционных потоков.

Другой проблемой, с которой в ближайшие годы столкнется европейская идентичность, станет кризис мировой финансовой системы, первым «звонок» к которому можно считать текущий кризис ипотечного кредитования. Этот кризис усугубится проблемой дефицита генерирующих мощностей (по осторожным и, скорее всего, заниженным оценкам нехватка электроэнергии составит в 2020 году около 15% от общего объема генерации) и

прогрессирующей нехваткой продовольствия. Эта цепочка кризисов поставит крест на миражах «устойчивого развития», нарушит устойчивость мировой политической системы и поставит средний класс в условия «раскачки идентичностей». Это должно привести к краху европейского образа жизни, тем более что в условиях сокращения титульной рождаемости и роста продолжительности жизни нагрузка на систему социального страхования быстро окажется непомерной.

В сущности, у европейских элит остается только два возможных сценария развития событий:

Инерционная версия — не делать ничего, то есть бороться с проявлениями кризиса идентичности, не трогая его сути, рассчитывая, что «пронесет» или, по крайней мере, что удастся оттянуть катастрофу и переложить ответственность за нее на следующее правительство.

Революционная версия — отказаться от политики «стяжек и противовесов», акцентировать идентичность, «убить» в обществе толерантность, поощрять наиболее пассионарные элементы. Общество снова обретет конкурентоспособность, но последствия резкого, взрывного роста пассионарности в современном обществе могут быть непредсказуемы, во всяком случае, очень вероятен ренессанс как мирового левого, так и мирового правого проектов в их наиболее одиозных формах. В этом случае европейский образ жизни, по крайней мере, останется европейским, но испытает коренную ломку с высвобождением ряда архаичных черт.

Во второй версии европейский стандартный образ жизни среднего класса приблизится к российскому. Очень хотелось бы, чтобы в ответ Россия не начала копировать современные европейские паттерны поведения.

Других вариантов, по всей видимости, нет. Разве что прилетят инопланетяне...

3

Выше мы определили образ жизни как единство, возникающее на «пересечении» мышления, коммуникации и деятельности. Такая формулировка позволяет построить исчерпывающую классификацию жизненных форматов, но, может быть, это излишне. Ограничимся здесь простейшей и самой важной из возможных типологий и ранжируем образы жизни по типу мышления.

Самым простым и, возможно, самым действенным является обыденное мышление. Оно материалистично, работает с объектами (предметами) физического мира и событиями. При этом события объективны, а предметы операциональны, их можно перемещать с места на место, разбирать, конфигурировать (для чего требуется соответствующий навык и способность трудиться). Это — мышление рабочего и крестьянина, инженера и конструктора, военного и предпринимателя. Оно является очень конкретным и очень сильным. Именно обыденному мышлению мы должны быть благодарны за современный удобный и комфортабельный мир.

Научное мышление характеризуется работой с абстрактными категориями, из которых выделяются «истина» и «ложь». Важнейшим элементом научного мышления является понятие «доказательства». Что это такое, научное мышление не определяет, но операционально доказательство есть логическое преобразование некоторого высказывания либо к конвенционально признанной истине, либо — к противоречию с такой истиной. И первом случае высказывание считается доказанным, во втором — опровергнутым и ложным. Научное мышление подразделяется на естественнонаучное, где конвенционально признанной истиной является опыт, гуманитарное (компендиум классиков, основателей данной дисциплины либо богооткровенные тексты), юридическое (истиной является следование закону). Этот тип мышления также является очень сильным. По существу оно являет собой философский бэкграунд, рамку мышления обыденного, позволяя действовать вне пространства обыденного опыта. Это мышление ученых, современных политиков, бизнесменов, управленцев — всех людей, обладающих соответствующей **квалификацией** и способных профессионально и с удовольствием **мыслить**. Научному мышлению мы обязаны наличием в мире правил и закономерностей, философским осмыслением действительности, наличием экзистенциальных представлений о Реальности.

Диалектическое мышление работает с двусторонними противоречиями, то есть оно начинается там, где заканчивается мышление научное. Для научного мышления; мы пришли к противоречию, следовательно, исходное предположение неверно. Для диалектического: мы

пришли к противоречию, следовательно, система, которую мы рассматривали как неизменную данность, развивается и мы должны сменить рамку анализа. К этому типу мышления относятся компетентные люди: умные священнослужители, философы, высшие управленцы поенного и мирного времени. На этом уровне «живет» нестоящее проектирование, стратегирование и сценирование, прогнозирование будущего, высшие формы творчества. Едва ли в мире наберется более 0,1% людей, способных мыслить диалектически и поддерживать соответственные поведенческие паттерны, но в действительности они — и есть Человечество (в его способной к развитию части). Диалектическое мышление порождает развитие как образ жизни.

Совсем немного в мире триалектиков²²³, анализирующих противоречия с более чем двумя сторонами²²⁴ и балансы между ними. Этот тип мышления требует не навыка, не квалификации, не компетенции, а чего-то иного, не определенного до сих пор, и создает образ жизни, основой которого являются свобода, спонтанность, «прикол».

Все перечисленные выше типы мышления и соответствующие образы жизни (трудящиеся, мыслящие, развивающиеся, свободные) составляют, наверное, около 10% населения, причем этот показатель неуклонно падает. А что же все остальные?

Все остальные — это люди, не способные ни поддерживать определенный тип мышления, ни, тем более, управлять переходами между типами. Их мышление случайно по своему содержанию, эклектично по форме, не обладает предсказательной силой, не способно к развитию. Собственно, оно и мышлением не является: в современных социальных моделях такие люди названы немыслящим большинством. Люди с пятью «не»: не трудящиеся, не понимающие, не развивающиеся, не «прикалывающиеся», даже не живущие. Средний класс по-европейски, менеджеры (в том значении этого слова, которое используется как ругательство), «офисный планктон».

Однако не так все просто, как кажется.

«Немыслящее большинство» возникло не просто так: это естественная реакция человеческого общества на нарастающую информационную агрессию со стороны рукотворных и самозародившихся големов, левиафанов, скриптов и других информационных объектов и — на государственную политику снижения пассионарности.

В мире больших информационных систем выходом может стать или немереная личная «крутость», или иключение в соответствующую большую систему. «Немыслящее большинство» и создало такую систему — социальную ткань. Социальная ткань способна поглощать и даже утилизировать любое информационное воздействие, вплоть до рекламы включительно. Она, в сущности, также является информационным объектом, поэтому не зависит от своих конкретных носителей — индивидуумов. Да, индивидуумы не способны — и не ставят такой задачи! — ни мыслить, ни действовать. Но ткань, как целое, способна и к тому, и к другому. Она, конечно, гораздо лучше приспособлена к современной эпохе, нежели те немногие, кто позволяет себе оставаться личностями и мыслить свободно. Можно предположить, что в течение всего горизонта прогнозирования социальная ткань будет вытеснять «обычных людей» на социальную периферию.

Социальные ткани не могли развиваться в прошлом, когда насыщенность информационного пространства была невелика и, главное, отсутствовали необходимые коммуникационные устройства. Ситуация изменилась с появлением Интернета; окончательно оформили «тканый мир» через распространившиеся в последние годы социальные сети.

Нетрудно предсказать, какой образ жизни окажется господствующим в 2010-е годы. Социальные сети, господствующие в экономической, политической и культурной жизни. Люди, основная жизненная функция которых — поддерживать существование социальных сетей. Разрушение всех прочих форм организованности, атомизация семьи. Окончательный переход кино и литературы в сервисную позицию по отношению к сетям, что означает безраздельное господство сериальности. Все это — на фоне финансового и политического кризиса, кризиса демократической формы правления, кризиса индустриальной фазы развития, кризиса идентичности, кризиса поведенческих факторов.

Что к этому можно добавить? «...Крах такой, что короны дюжинами валяются по

223Автору известно, что слово «диалектика» означает «рассуждение», а не «дуальность». Но пользоваться термином «триалектика» для указания на работу с противоречиями высокой размерности очень удобно.

224Например: «безопасность — развитие — комфорт» как управленческая парадигма, «равновесие — развитие — спонтанность» как философское триединство, отраженное в религиозной традиции через Святую Троицу или индуистскую триаду Вишну, Брахма, Шива.

4

Переживем и это. Социальные ткани в принципе не способны к развитию, поэтому их неизбежный исторический расцвет недолговечен. Они будут жить до первого крупного потрясения, которым станет или крупная война, или фазовый кризис, или появление людей с паранормальными способностями (альтернативный отклик системы «Человечество» на информационную агрессию). Затем социальные ткани распадутся, и этот распад необратимо трансформирует мир.

«Но это — уже совсем другая история».

«БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ»

Не так давно, всего лет десять или пятнадцать назад, я был гражданином великой страны. Это была очень странная и, наверное, обиженная богом держава. У нее не получалось то, что уже полстолетия умели делать в цивилизованном мире: предоставить людям кров, одеть, накормить, расселить и развлечь их. Руководство страдало от всех известных человечеству болезней, а государственная политика то впадала в глубокий старческий маразм (что было противно), то мучилась от приступа параноидального бреда (это бывало опасно). Соответственно окружающий мир то смеялся над этой великой страной, то впадал в истерику от страха. «Верхняя Вольта с ракетами» — любопытная, в общем, формула?

Эта невозможная империя подарила миру космические полеты, выдающуюся шахматную школу (1970 год: знаменитый матч Сборная СССР—Сборная мира!), великую литературу и альтернативный Голливуду кинематограф. Немного. И без этого мир стал беднее.

Книги, о которых здесь пойдет речь, вероятно, последние из числа созданных в «той Империи». Они были написаны в начале—середине восьмидесятых, а опубликованы к концу девяностых. В совершенно другой стране.

«Катализ» А. Скаландиса²²⁶ я впервые прочел в рукописи на одном из семинаров в Дубултах (ныне — Европейский союз). На семинаре, кажется, и было сказано, что опубликовать «Катализ» можно будет не раньше, чем во всех киосках начнут продавать «Плейбой». Последнее событие, однако, произошло года на три раньше...

«Катализ» уже тогда показался мне странным произведением. Прежде всего, книга выглядела чудовищно устаревшей по форме. Полярные — именно полярные — исследователи впадают под действием некоего препарата в анабиоз, проносятся во сне через столетие и просыпаются, чтобы попасть на экскурсию в царство победившего коммунизма. Так сразу и не вспомнишь, кто использовал эту схему впервые. Во всяком случае, уже к концу тридцатых годов в советской фантастике подобные приключения Рип ван Винкля в царстве всеобщего счастья стали штампом, а в шестидесятые А. и Б. Стругацкие обессмертили эту идею в неувыдаемом образе Пантеона-рефрижератора, который А. Привалов встречает во время путешествия на машине времени в «описываемое будущее»²²⁷. Далее, текст непривычно грубо распадался на два языковых и смысловых слоя. Первый образовывали очень пространственные рассуждения героев на всевозможные темы. Персонажи «Катализа» выдавали многостраничные монологи — о добре и зле, о счастье, о бессмертии, о материальном достатке и духовной культуре, о власти... когда они уставали, автор предлагал нам текст вставной новеллы, «романа в романе», где продолжалась та же дискуссия. Местами это было интересно, местами заставляло вспомнить монологи Гирина из «Лезвия бритвы» И. Ефремова²²⁸.

Второй слой составляли поступки героев. В рекламной вставке на обложке книги об этом говорится как о «шокирующем натурализме». Да, тогда так никто не писал. Не принято было.

Сейчас ситуация изменилась, особенно - в жанре детектива. Появился «русский триллер», затем «русский экшн», книги этого жанра стали приносить прибыль, а значит, писаться и

225Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1956.

226Скаландис А. Катализ. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1996.

227Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. В кн.: «Будущее, XX век. Исследователи». М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2008.

228Ефремов И. Лезвие бритвы. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2000.

издаваться крупносерийно. Выработались и свои стандарты: на столько-то страниц одно убийство, на столько-то — половой акт, на столько-то — групповуха или там сцена жестоких пыток... в достаточно длинных текстах, порой, происходят наложения. Самое забавное, что, хотя делается это исключительно для привлечения внимания читателей, читать это до зевоты, до кошмара скучно. Видимо, потому, что автору скучно было это писать.

Здесь и проходит водораздел. Натуралистические сцены — неважно, идет ли речь о насилии, или сексе, или, например, об описании страданий больного — могут быть чем-то вроде яркой обертки, красивой, но по сути ненужной. Это, как правило, предсказуемо и потому скучно, но зато читается и покупается. И может рассматриваться как одно из правил игры. Собственно, настоящего натурализма здесь нет — все в достаточной мере условно. И соответствует стандарту.

Однако секс, насилие, болезни, смерть — часть Реальности, и книга, работающая с Реальностью, иногда обязана быть натуралистичной. В этом случае «шокирующие сцены» — часть «несущей конструкции» произведения: их нельзя безболезненно убрать или ослабить наиболее неприятные для читателя моменты. Нет стандарта, нет условности — все по-настоящему. И это обычно раздражает. Соответственно, не покупается.

Итак, сочетание длинных монологов на приевшиеся темы с натуралистическими описаниями попок и похмелья. Все это — на стандартном, затасканном еще до Отечественной войны сюжете. И тем не менее это было интересно, интересно безумно. «Катализ» я прочел за полночи, не отрываясь. И кстати, перечитывал его потом не раз.

Наверное, больше всего меня задела искренность автора. Хорошо известно, что научить чему-то может только тот педагог, который любит свой предмет. Даже не совсем так. Кому этот предмет **интересен**. А. Скаландису была интересна придуманная им модель мира и небезразличны сотворенные им герои.

Тогда, во времена Империи, печатали мало, и молодой автор, если не был наивным дураком, исходил из того, что его книгу в лучшем случае не опубликуют. Потому что о худшем случае, когда вызывают «куда следует», а потом изымают черновики, думать не хотелось. И писали тогда для себя, для друзей и знакомых. Писали, если это было важно и интересно.

Я далек от мысли, что сейчас пишут ради денег, премий или славы. Но в наши дни принято быть профессионалами, а профессионал — за очень редким исключением — не получает радости от работы. Тогда почти все пишущие были любителями.

Книги, написанные любителями, требуют читателей-профессионалов.

Мы и были профессиональными читателями. Голод на книги воспитывал умение прочесть, понять, прочувствовать. Читали строки, читали между строк, искали спрятанные смыслы и иногда придумывали их к немалому удивлению автора. Сейчас книги скорее потребляют, чем читают. Потому и «Катализ» прошел незамеченным. И «Ветры империи» С. Иванова²²⁹. И «Путь обмана» Н. Ютанова²³⁰. И даже лучшая книга десятилетия, по крайней мере среди фантастики и примыкающих разделов литературы, «Опоздавшие к лету» А. Лазарчука²³¹.

В сущности «Катализ» — последняя классическая утопия, написанная в Советском Союзе. Причем, при всей нарочитой фантастичности исходной предпосылки, книга отвечала не на вопрос «как может быть?», но на вопрос «как будет?».

В современной футурологии существуют две основные тенденции, отражающие социальную структуру любого общества европейского типа. Одна рассматривает будущее как продолженное настоящее, улучшенное или, чаще, ухудшенное. Как правило, адепты этого течения без всяких на то оснований рассматривают привычный им мир как самостоятельную ценность, которая должна быть сохранена во чтобы то ни стало. Другая тенденция склонна видеть в будущем только лишь **иное**, и ее сторонники придерживаются идеологии «развития без ограничений». В наше грустное время «партия прогресса», похоже, вымерла, если не во всем цивилизованном мире, то в России — наверняка.

Сюжетообразующим конфликтом «Катализа» является борьба между «зелеными» и «оранжевыми». Сторонниками застоя и возврата к прошлому и сторонниками прогресса любой ценой. Симпатии автора очевидны и, увы, несовременны в мире, где насчитываются десятки и сотни «зеленых» организаций (от Римского клуба до общества охраны

229Иванов С. Железный зверь. Ветры империи. Тесен мир. М.: АСТ, 2005.

230Ютанов И. Путь обмана. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1996.

231Лазарчук А. Опоздавшие к лету. М.: АСТ, 2005.

Насколько мне известно, А. Скаландис был первым человеком, рассмотревшим понятие «зеленого», или «экологического», фашизма. Современный Запад еще нельзя назвать «экологической диктатурой»²³³, но первые и важнейшие шаги в этом направлении уже сделаны, и возврата не предвидится.

«Катализ» — четкое и продуманное возражение сторонникам идеи застоя. Концепция «развития без границ» моделируется в романе по-ТРИЗовски последовательно: в мире происходит практически мгновенное и абсолютно бесплатное решение проблемы изобилия. По классической формуле, предложенной А. и Б. Стругацкими: «Счастье для всех, даром». В данном случае счастье подразумевается сугубо материальное.

Как правило, писатели достаточно пропитаны пуританской (протестантской) моралью, и именно это «даром» их смущает и заставляет рисовать картины очередного апокалипсиса из серии «дух человеческий захлебнулся в сале». А. Скаландис подошел к проблеме как сугубый естествоиспытатель. Взгляд, столь привычный в шестидесятые годы — не зря герои «Катализа» постоянно вспоминают именно это светлой памяти десятилетие, а музыка из «Кавказской пленницы» звучит в ресторане «Норд» на Северном полюсе планеты, — но сейчас основательно подзабытый. Что именно случится, если человеку и человечеству подарить абсолютное изобилие?

Автор четко и жестко ставит и решает проблему. Чудесный условный «апельсин» дает возможность быстро, бесплатно, безотходно дублировать материальные предметы, но не людей. Специальная прививка, тоже «апельсиновая», дает людям абсолютное физическое здоровье и молодость на некий гарантийный срок (порядка ста лет), после чего происходит мгновенная смерть. Причем по желанию человек может рассчитать время своей смерти с точностью едва ли не до секунды.

Когда-то на одной этой идее — узнать дату своей грядущей смерти — была написана повесть, и неплохая: «Леопард с вершины Килиманджаро» О. Ларионовой²³⁴.

Разумеется, сеймер (дубликатор) и вакцина внесли полный хаос в современный мир, и началось новое летоисчисление от Великого Катаклизма. Мир был разрушен, погибли бесценные произведения искусства и миллионы людей.

Но потом мир отстроили заново.

Автор не скрывает, что его симпатии принадлежат Брусилову, который взял на себя ответственность пожелать сеймер и привнести его в мир. Но точно так же он не скрывает обратную сторону медали: немало страниц книги целиком занято антисеймерской аргументацией «грин-блэков». Героям и читателям предоставляется право сделать свободный выбор.

И именно здесь проходит главная полоса обороны сторонников прогресса. Технические изобретения, научные открытия, промышленные перевороты хороши уже тем, что они расширяют, а не сужают пространство выбора. Ты считаешь, что пользование «мобильным телефоном» опасно и вызывает заболевание раком мозга? Твое право, не пользуйся. Но, пожалуйста, не навязывай свои страхи и комплексы остальному человечеству.

Эксперимент поставлен А. Скаландисом чисто, и трудно не согласиться с выводами. Материальное благополучие мира «Катализа» не меняет людей. Они не становятся лучше, но и хуже они тоже не становятся. Они лишь становятся свободнее, поскольку исчезает ряд проблем жизнеобеспечения и, значит, высвобождается время, силы и иные ресурсы на жизнеподдерживающую деятельность. Какую? Да любую — от насилия над несовершеннолетними и пьянки до высшего творчества. Выбор остается за человеком, и сеймер в этом выборе не помощник и не соперник. Он лишь катализатор, ускоряющий социальные процессы.

Миллион или миллионы лет между разумом и природой сохранялось палеолитическое равновесие. Древний человек, охотник и собиратель, оставался частью единой природной среды и подчинялся стандартным законам поведения биологических систем. Страшный кризис, вызванный разрушением среды обитания, поставил вид Номо на грань вымирания. Но вместо этого произошла «неолитическая революция» и установилось новое равновесие. Первая каталитическая реакция, первое — древнее — изобилие. Начало собственно истории Человечества.

Тысячи лет удерживалось равновесие неолитическое. Лишь в XIX столетии началась

232Отсылка на цикл произведений П. Андерсона о Психотехнической технологии (*Андерсон П. Собрание сочинений* в 5 т. М.: Фабула, 1994).

233Это было написано в 1997 г. Сейчас уже можно...

234Ларионова О. Леопард с вершины Килиманджаро. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

Индустриализация, и наша европейская цивилизация вступила в период быстрого развития. Развитие шло скачками. Промышленная революция. Первая НТР. Вторая и пока последняя. Она пришлось все на те же шестидесятые годы и подарила человечеству небо, космос и персональный компьютер. И вновь все замерло в равновесии.

Сейчас модно, очень модно говорить об издержках прогресса. И, как всегда, никто не хочет вспоминать об издержках регресса. В свое время меня потряс фильм «Легенда о Нараяме», убедительно и четко демонстрирующий, что менее ста лет назад в Японии, ныне столь процветающей, голодная смерть была привычным явлением. И если считать потери и прибыли, то об этом следует помнить.

НТР лишь наметила пути решения некоторых важных проблем. В конце концов, ничего еще не сделано! Как у Юрия Кукина:

И невидимкой не стал я,

И неразменных нет денег...

Решимость людей развиваться и идти вперед ослабла (и не крушение ли великой Советской империи стало тому причиной?), страх перед будущим — не без назойливой «зеленой» пропаганды — вырос до уровня паранойи, и вновь возник «позиционный фронт». На день, на год, на тысячелетие?

До следующего прорыва.

ЧАСТЬ 3 «РОССИЯ ПОСЛЕ ДЕМОКРАТИИ»

КАПИТАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

О низкой капитализации российских территорий, предприятий, властей и культурных элит написаны десятки статей. К сожалению, авторы большинства из них не очень хорошо знают, что такое капитализация, зачем надо ее увеличивать и во всех ли случаях имеет смысл это делать.

Сугубо формально капитализация «чего-то» есть возрастание (рыночной?) стоимости этого «чего-то»: предприятия, территории, страны, группы и даже отдельного человека. Здесь возникает сакраментальный вопрос «что такое стоимость»? Вообще-то, он давно и окончательно решен К. Марксом, но кто в наши дни перечитывает «Капитал»?

Гораздо интереснее другой вопрос: допустимо ли говорить о капитализации в отсутствие рынка? Логически можно обосновать оба взаимоисключающих ответа, поэтому обратимся к практике: «Чего я никак не могу понять, так это зачем вы переименовали КГБ? Бренд, от которого вы добровольно отказались, знал весь мир» — простое рассуждение, доказывающее, что даже стоимости, существующие вне рынка и вне рыночной логики, могут обладать высокой капитализацией. В некоторых отношениях такие стоимости даже «лучше» рыночных: их капитализацию нельзя сбить, играя на понижение.

Нерыночной является и очень высокая капитализация «Джоконды». Кстати, данный актив французского государства абсолютно неликвиден: «таких денег не бывает». Этот пример наводит на мысль, что высокая капитализация — далеко не всегда благо. Нередко рынок переоценивает те или иные сущности, снижая их ликвидность или даже делая их практически бесполезными.

Например, очень высокая цена земли в «мировых» городах Соединенных Штатов, таких как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, привела к «бегству индустрии» из этих городов. В американских мегаполисах оказались экономически неэффективными все формы производственной деятельности, не исключая производства наркотиков. Сейчас такие города специализируются на управлении «мировым хозяйством», являясь площадкой размещения головных офисов транснациональных корпораций. Иными словами, избыточная капитализация американских городских территорий породила определенную форму глобализации и в известном смысле превратила США в «заложника глобализации»: при сегментировании мирового рынка, тем более при его распаде, экономика Соединенных Штатов столкнется с серьезнейшим кризисом, и начнется этот кризис именно в «мировых городах».

Слишком дорогая земля, слишком дорогая вода, слишком дорогое небо...

И невероятно дорогая рабочая сила.

С другой стороны, низкая капитализация территорий вызывает «бегство капитала». «Если рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше, то капитал ищет территорию с наибольшей капитализацией» — этот экономический закон был сформулирован на методологической школе 2003 года в Паланге руководителем ЦСИ ПФО С. Градиновским.

Недокапитализированные территории не способны удерживать капитал, недокапитализированные предприятия — сохранить кадры, недокапитализированные страны — сберечь население.

И этом отношении показателен **геоэкономический баланс**²³⁵ Сахалинской области. Востребованными ресурсами этой территории являются углеводороды. Пусть добыто 100 единиц углеводородов, следовательно, ресурсная рамка области уменьшилась на 100 единиц. Как они распределятся? Считается, что пойдут на рост потребления и производства. Действительно, на Сахалине возникнет инфраструктура, обслуживающая нефтяной комплекс. Кроме того, за счет налогов, полученных от торговли нефтью, повысится общее потребление. Но приблизительно лишь 5 единиц пойдет на «потребление», и — по логике геоэкономического баланса — примерно столько же примет производство. Остальные 90 единиц превратятся в капитал, но не в Сахалинской области, а на нефтяном рынке Северной Америки. Почему нельзя капитализировать эти «условные единицы» на месте? Потому что там их некуда вложить. Территория недокапитализирована, рабочая сила дешевая, потребление близко к нулю, производства тоже не густо... Скажем, было его пять единиц. Ну еще столько же в качестве ншестиций территория примет, ну, может быть, примет вдвое... Остальные «единицы» здесь нельзя превратить в любую другую форму капитала, то есть заставить работать. Поэтому они «убегут» вне всякой зависимости от системы законов, порядочности губернаторов и олигархов и прочих экономически незначимых обстоятельств.

Слишком дешевая земля, слишком дешевая вода, слишком дешевое небо.

И абсолютно негодная рабочая сила.

Объединим оба закона капитализации в одно утверждение:

Все формы капитала, включая человеческий и социальный, перемещаются в области с наибольшей капитализацией; все формы деятельности перемещаются в области с наименьшей капитализацией.

Из этого утверждения можно вывести два важных следствия.

Во-первых, глобализация представляет собой процесс, не только не разрешающий, но, напротив, доводящий до нестерпимого предела известное марксовское противоречие между трудом и капиталом, «размещая» весь труд в одном секторе земного шара, а весь капитал — в другом. Подобная ситуация предельно конвенциональна: необходимо не только безотказное функционирование в общемировом масштабе четырех «свобод перемещения» (капитала, товаров и услуг, информации, людей), но и всеобщее добровольное соблюдение определенных межрегиональных договоренностей, выгодных, однако, лишь определенным странам. Скажем, одновременный отказ Китая, Малайзии, Кореи и Таиланда поставлять бытовую электронику на рынки Европы и США вызовет ощутимый кризис потребления в странах с «перекапитализированной» экономикой. Невозможно до бесконечности обеспечивать доллары, эмитированные в Соединенных Штатах, и евро, выпускаемые Евросоюзом, саудовской нефтью и тайваньскими процессорами.

Во-вторых, никакие социальные и экономические программы, направленные на «выравнивание регионов», не будут иметь успеха. Пока работает **обобщенный принцип капитализации**, инвестиции, направленные в «депрессивные» области, тем или иным способом (в условиях России, например, в «коробках из-под ксерокса») перетекут в области с растущей капитализацией. Другой вопрос, что процесс этот не мгновенен и в нестационарных экономических моделях, на современной Земле нигде не реализованных, промежутки времени между приходом и «бегством» инвестиций может стать важным ресурсом развития.

Обобщенный принцип капитализации позволяет построить один очень интересный баланс — между деятельностью и капитализацией — и целенаправленно управлять им.

В фазовой рамке его можно представить как соотношение между индустриальной и когнитивной фазами развития цивилизации на данной территории. Такое соотношение допускает управление через создание индустриально-информационных агрегированных структур некорпоративного типа, то есть через механизм сращивания «знаниевого» капитала с производственным (а не с финансовым, как это происходит в перекапитализированной

235Щедровицкий П. Единое управленческое пространство//Эксперт. 2003. 8 дек. №46 (401). Такой баланс выстраивается как попарное соответствие агрегированного потребления и агрегированного производства, с одной стороны, агрегированной капитализации и агрегированных ресурсов — с другой, причем «сдвигка» любого параметра с необходимостью меняет и все остальные.

экономике США).

В более привычной системе координат речь идет о балансе между инновационными и традиционными областями экономики. Инновационная деятельность носит амбивалентный характер: с одной стороны, она уменьшает капитализацию территории, обесценивая основные производственные фонды, с другой — повышает ее, увеличивая стоимость оборотных фондов и человеческого капитала. То есть, меняя соотношение между инновационными и традиционными способами хозяйствования, можно управлять капитализацией территории, поддерживая на приемлемом уровне ее инвестиционный и производственный потенциалы.

Обычно считают, что капитализация — раз уж это рыночное понятие, связанное с изменением цен активов, с движением капиталов,— всегда выражается в денежной форме. То есть капитализация территории, корпорации, государства — это своеобразная «валюта баланса».

В действительности дело обстоит гораздо сложнее.

Рассмотрим топливно-генерирующую компанию, поставляющую «тепло и свет» в города и поселки некой области. Среди потребителей есть аккуратно расплачивающиеся корпоративные потребители, более или менее выгодные городские кварталы и совершенно нерентабельные «депрессивные» населенные пункты. Их население платить ничего не может, да если бы оно и платило, компании все равно было бы выгоднее «отрезать» этих потребителей и сэкономить на обслуживании и транспортных потерях. То есть, если отказаться от обслуживания части потребителей, прибыль корпорации возрастет и, следовательно, ее капитализация вырастет.

Однако ни руководство компании, ни ее акционеры не пошли на такой шаг, справедливо полагая, что «денежный выигрыш не компенсирует неденежный проигрыш». Анализ убедил их, что капитализация корпорации (в том числе и понимаемая как возможность с выгодой продать ее акции) в этом сценарии упадет.

Мы приходим к пониманию существования «неденежных» форм капитализации. Впрочем, и в рассмотренных выше примерах: ни бренд КГБ, ни знаменитая картина Леонардо да Винчи не могут быть оценены исключительно в долларах или евро.

Нерыночной формой капитализации является **власть**. Топливо-генерирующая компания, принимая на себя социальные функции (а как иначе можно назвать обслуживание заведомо неплатежеспособных и невыгодных клиентов?), тем самым де-факто принимает участие в управлении территорией. Ее формой капитализации оказывается участие менеджеров и акционеров в принятии тех или иных решений и влияние на позицию органов власти. Из сугубо производственной она переходит в управленческую позицию, что свидетельствует об очень высоком уровне капитализации.

Формой капитализации может быть также понимаемая в очень широком смысле **безопасность**. Речь может идти о безопасности корпорации от государства, о безопасности самого государства, о высокой или низкой безопасности жизненных стандартов на определенной территории.

Наконец, высшей нерыночной капитализацией территории или корпорации становится **субъектность**, понимаемая здесь как возможность и право стратегировать: заявлять и осуществлять значимые проекты, вести культурную и социальную деятельность, быть представленным в истории²³⁶.

Заметим, что и власть, и безопасность, и субъектность (то есть проектность) объекта не могут быть определены в реальном времени. Речь идет о характеристиках, длящихся из некоторого прошлого в некоторое будущее; в известном смысле все оценки неденежной капитализации подразумевают **оценку настоящего из будущего**. Но в действительности с денежной капитализацией дело обстоит точно так же! Речь ведь идет о **предполагаемом** обращении активов на рынке: мы оцениваем капитализацию актива не по сегодняшней, а по завтрашней его стоимости²³⁷.

Предполагая, что главным содержанием исторического процесса на данном этапе развития является **фазовый переход**, мы приходим к выводу, что сейчас нам надо

236Строго говоря, национальное государство (National State) представляет собой результат нерыночной капитализации так называемой национальной корпорации, способ включения этого элитного слоя в историю.

237Сугубо формально: для того чтобы принять решение о продаже актива, выставить его на торги и найти покупателя, потребуется время, за которое цена его может измениться. То есть, грубо говоря, сегодняшняя котировка акций определяет вчерашнюю капитализацию актива, его сегодняшнюю капитализацию оценит завтрашнее состояние котировок.

рассматривать не одну, а три принципиально разные капитализации.

Во-первых, **индустриальная капитализация**, определяемая уровнем развития производственного и финансового капитала.

Во-вторых, **традиционная капитализация**, определяемая уровнем безопасности территории в условиях весьма вероятной **постиндустриальной катастрофы** с неизбежной социальной и технологической деструкцией.

Наконец, **когнитивная капитализация**, определяемая представленностью территории в создающемся пространстве когнитивного Будущего (в первом приближении, уровнем развития высших форм капитала — человеческого и социального, частными проявлениями которых являются знаниевый, культурный, цивилизационный, фазовый капитал).

Так что капитализация всегда имеет дело с будущим, а это значит, что, воздействуя на будущее, можно в очень широких пределах менять капитализацию.

Так, собственно, акторы и поступают.

Например, декапитализация территории, брендов, технологий, ассоциированных с СССР, была осуществлена под предлогом того, что у этой страны нет Будущего. Декапитализация «грязных» промышленных производств 1960-х годов была проделана через концепцию экологического кризиса (косвенным следствием, с которым организаторы проекта не могут справиться до сих пор, стала политическая капитализация экологических движений). Декапитализация производства фреонов имела своим источником байку о разрушении — опять-таки в непроверяемом будущем — озонового слоя. Современные разговоры о глобальном потеплении имеют, разумеется, ту же природу, равно как и «прогнозы» о неизбежном разделении России на три и более частей. Кстати, такие прогнозы имеют обыкновение **проектно сбываться**. Так что к ним следует относиться серьезно.

Со своей стороны я рекомендовал бы начать в мировом информационном пространстве работу по представлению США и Европейского союза как стран, лишенных когнитивного Будущего. Тем более что этот прогноз, скорее всего, сбудется даже без активной проектной деятельности — ввиду перекапитализации соответствующих территорий.

РУССКИЙ МИР И ЛАТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОЕКТЕ

Не спеши, глашатай, не труби сбора,
Погоди — недолго терпеть:
Нет, еще не завтра, но уже скоро
Риму предстоит умереть <...>
Ветер поднимается, звезда меркнет,
Цезарь спит и стонет во сне...
Скоро станет ясно, кто кого свергнет
И кого убьют на войне.

М. Щербаков

I. **ЕВРОПЕЙСКИЙ КОГНИТИВНЫЙ ПРОЕКТ**

Что такое ЕС?

Самуэль Хантингтон, популярный американский публицист и геополитик, проводит по восточной границе Польши рубеж между европейской и «славянско-православной» цивилизациями²³⁸. В этом есть определенный резон, хотя возникает ехидный вопрос: «какой границы и которой Польши?». Не случайно Польша то расширялась до космических масштабов, включая в себя и Литву, и Смоленск, и едва ли не Москву, то прекращала свое существование в очередном разделе. Просто в США, где велико значение польской диаспоры, не принято писать и говорить, что не Россия, а именно Польша является типичным «разделенным государством», ибо находится на геополитической «пустоши».

Восточным рубежом Европы исторически была не Висла, а Одер. Славянская же культура формировалась к востоку от линии Западная Двина—Днепр. И Европа, и Россия стремились закрепить пустоши за собой, что обусловило непрерывные военные конфликты и перманентную политическую нестабильность на всей оспариваемой территории. Восточная Пруссия, Польша, Галиция, Молдавия и Валахия — не субъекты, но объекты международной

²³⁸Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2007.

политики: пространство хантингтоновского столкновения цивилизаций. Величие Польши в том и состоит, что, развиваясь в поле центробежных политических сил, она сумела не только создать и пронести сквозь века собственную государственность, но и построить самостоятельную культуру — не чисто западную и не чисто восточную.

Сегодня Россия, проигравшая Третью Мировую (холодную) войну, оттеснена даже не к днепровскому рубежу, а далеко за него, а Европейский союз строит планы очередного расширения на восток, предполагая, очевидно, что современная геополитическая конъюнктура сохранится надолго...

Сегодня ЕС — это 373 миллиона человек (США — 268 миллионов, Россия — 110 миллионов) и 9,2 триллионов долларов совокупного ВВП. По этому показателю Евросоюз несколько уступает США с их 9,9 триллионами, но значительно превосходит Россию (чуть больше 0,5 триллиона «белого» ВВП).

А началось все в 1942 году планом Маршалла, устанавливающим послевоенное устройство Европы, и продолжилось в 1946 году фултоновской речью У. Черчилля и созданием Франко-германского общества угля и стали.

Дальнейшая хронология создания Европейского союза выглядит следующим образом:

- 1951 г. Парижский договор. Вступление Италии и стран Бенилюкса в Общество угля и стали.
- 1957 г. Создано Европейское сообщество по ядерной энергетике (Римский договор).
- 1958 г. Создание прообраза Общего рынка (Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург).
- 1967 г. Слияние исполнительных органов Общества угля и стали, Европейского сообщества по ядерной энергетике и Европейского экономического сообщества.
- 1973 г. Энергетический кризис. ЕС обретает свою базисную идеологию: ею становится экологический дискурс, заданный работами Римского клуба.
- 1973 г. Вступление в Общий рынок Великобритании, Ирландии, Дании. Решающее событие в деле европейской интеграции: Правительство Ее Величества, не найдя адекватного ответа на топливный кризис и стагнацию экономики, соглашается пройти уничижительную процедуру вступления в будущий Евросоюз «на общих основаниях».
- 1975 г. Хельсинские соглашения. Договор о нерушимости границ в Европе.
- 1981 г. Вступление Греции в процесс европейской интеграции.
- 1985 г. 14 июня. Подписание Шенгенских соглашений. Проектирование единого визового пространства ЕС.
- 1986 г. Вступление в ЕС Португалии и Испании.
- 1990 г. Вступление в ЕС Восточной Германии (с нарушением ряда норм, принятых в сообществе).
- 1990 г. 19 июня принята Шенгенская конвенция как развитие Шенгенских соглашений.
- 1991 г. Беловежские соглашения. Распад СССР. Окончание «холодной войны».
- 1992 г. Подписан Маастрихтский договор, определивший рамки создания единой валюты ЕС.
- 1995 г. К организации присоединились Австрия, Швеция и Финляндия. Возник «Комитет шестнадцати».
- 1995 г. 26 марта. Начало работы Шенгенских соглашений (для семи стран ЕС).
- 1997 г. Амстердамский договор, расширение сферы политического и экономического сотрудничества в Европе.
- 1999 г. Вводится в обращение безналичный евро.
- 2002 г. Появление наличного евро.
- 2004 г. Самое масштабное расширение содружества: добавились Литва, Латвия, Эстония, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения.
- 2008 г. Что означает он?

Современный Европейский союз не является империей, федерацией, конфедерацией или иной формой наднационального государства. Это, скорее, сложный комплекс международно-правовых договоренностей, подписантами которых является большинство европейских государств, определенная «рамка», выстроенная для любых жизненных форматов.

ЕС можно представить себе как «предельный случай» правового государства: правовая система, **полностью** определяющая и экономику, и политику, и культуру определенной территории. В известной мере ЕС — что результат злоупотребления юридическими нормами и государственным строительстве (подобно тому как СССР был результатом злоупотребления законами политэкономии), своеобразная «экземплификация

самоуправляемой прокрустики» (по Ст. Лему).

Евросоюз представляет собой единый рынок, в рамках которого выполняются четыре свободы передвижения: людей, капитала, товара и услуг. ЕС, однако, нельзя в полной мере отнести к либеральной экономической модели, потому что общеевропейский рынок является хотя и антимонопольным, но зато жестко регулируемым через систему квотирования.

Три стратегии — три разных союза

Для Европейского союза как нельзя лучше подходит слово «проект». Во-первых, его развитие еще не завершено — ни «вширь», присоединением новых территорий, ни «вглубь», увеличением степени интеграции земель, уже охваченных европейским объединением. Во-вторых, создание ЕС было от начала до конца искусственным, управляемым, целенаправленным процессом, причем цель проектанта многократно менялась.

Следует говорить о трех совершенно разных замыслах, смешанных в сегодняшнем Европейском союзе.

Первый Европейский союз имеет геополитический и индустриальный характер. Его субъектом является Германия, а сам проект может быть охарактеризован как «Четвертый Рейх». Речь идет о реализации идеи военноэкономического объединения Европы против того или иного сильного противника.

Исторически первым шагом на пути создания такой Объединенной Европы был наполеоновский «Декрет о континентальной блокаде». В качестве «внеевропейского врага» рассматривалась Британская империя. Реализация проекта привела к острому экономическому кризису, неудачной войне с Россией и распаду бонапартистской империи на национальные государства.

Германский проект Единой Европы, принадлежащий кайзеру Вильгельму II, был уничтожен Первой Мировой войной. Эфемерными оказались успехи гитлеровской Германии (созданная в 1940-1941 гг. империя стала ядром макрорегионального союза, соответствующего по уровню интеграции Европе Наполеона).

Новый германский проект направлен, несомненно, против США (и в некотором смысле против России). Этот проект выглядит более совершенным и завершенным созданием, нежели предыдущие, но он столь же уязвим политически, экономически и психологически.

Вторая стратегия восходит к Римской империи (первому и наиболее успешному опыту европейской интеграции). Ее создателем, по-видимому, является Ватикан в лице папы Иоанна Павла XXIII, одного из наиболее ярких и интересных политиков в долгой истории Римско-католической церкви.

РКЦ всегда рассматривала европейскую интеграцию как этноконфессиональное объединение христианской Европы, направленное сначала против язычников, позднее против мусульман и далее — против коммунистов. В этой связи «ватиканская составляющая» современного Евросоюза представляет собой скорее трансцендентальный, нежели индустриальный проект.

К несчастью для Иоанна Павла XXIII, процесс утраты христианской идентичности европейцами зашел достаточно далеко, вследствие чего современный ЕС не приобрел конфессиональной окраски (и вообще какого-либо трансцендентного начала) даже в условиях активного проникновения в Европу исламской культуры.

Третий проект, вошедший составным звеном в европейскую интеграцию, является постиндустриальным (когнитивным). Источником этой проектной составляющей служат кельтские народы, и прежде всего ирландцы. Ирландия очень недолгий срок существует как независимое государство. Население страны во все времена оставалось немногочисленным, причинами тому были периодически повторяющиеся «голодные годы» и массированный миграционный отток. Тем не менее Ирландия создала великолепную культуру — песенную, поэтическую и уже в XX столетии явила миру прозу Д. Джойса. В эпоху независимости креативный потенциал Ирландской Республики, однако, резко упал, что вызвало тревогу национальной элиты и привело к созданию «ирландской инновационной модели», в рамках которой Ирландия превратилась в оффшор для всякого рода творческой деятельности. По сей день в Ирландии не взимаются налоги с продуктов творческого труда.

Ирландская инновационная модель способствовала быстрому росту современных форм производства, прежде всего АТ-технологий. Инсталляция этой системы привела к быстрому росту ирландской экономики и повышению уровня жизни в стране.

Ирландское (постиндустриальное) экономическое чудо послужило прообразом реконструкции экономики Восточной Германии. Хотя распространить этот опыт целиком на

тенью территории бывшей ГДР не удалось, элементы «творческого оффшора» отчетливо просматриваются в Берлине, на глазах становящемся «мировым городом».

Три компонента европейской интеграции направлены в разные стороны и строят разное Будущее. Чтобы уравновесить их в единой политической конструкции, нужна «точка сборки», и адепты ЕС нашли ее в идее «правового государства». Выше уже говорилось, что Евросоюз представляет собой своеобразное «злоупотребление правом» в экономическом, политическом и культурном конструировании.

Современное гражданское право, однако, вовсе не похоже на так называемые «фрактальные протоколы» гедонистического и творческого будущего: оно предельно некогнитивно. Оно даже неиндустриально. Единственная область, в которой оно безупречно работает, есть та, ради которой его в свое время и создавали: область феодальных прав и привилегий, и прежде всего обращение собственности на землю. Юридические формулы своей чеканной архаикой напоминают судейские парики, и не случайно интеллектуальную собственность они рассматривают как несколько своеобразное, но вполне узнаваемое «ленивое право».

Поскольку право представляет собой фундамент всех европейских политических институтов, деятели Евросоюза вынуждены любой ценой превращать свое детище в «правовое государство», где любая деятельность совершается, прежде всего, в юридическом пространстве и допускает однозначную юридическую оценку.

Ирония судьбы! Элитам США пришлось изобрести политкорректность, чтобы «взрослая жизнь» отвечала тем представлениям о ней, которые создаются в школе. В известном смысле, американцы трудолюбиво выстроили на своем континенте «школьную утопию». А европейцам придется завести у себя ту же политкорректность и тот же харассмент, чтобы постиндустриальная реальность пришла в соответствие со средневековой юридической практикой.

Право, как точка сборки политического проекта, имеет еще и тот недостаток, что сводит все личные и общественные связи к измеримым, а все социальные процессы — к аналитическим. В любой фазе развития такая редукция может рассматриваться лишь как грубое приближение. По мере приближения к постиндустриальному барьеру неизмеримые компоненты приобретают все большее значение, доля неаналитических процессов (в том числе в экономике) нарастает. В этой связи сшивающие правовые институты ЕС вынуждены вводить все более и более глубокое регулирование как экономических, так и общественных отношений. При этом, во-первых, падает эффективность экономики, во-вторых, стремительно нарастает стандартизация всех сторон жизни, а в-третьих, каналы управления переполняются информацией. Можно с уверенностью сказать, что информационный автокатализ, предсказываемый для всех управленческих систем, находящихся в окрестностях постиндустриального барьера, будет носить для ЕС характер прогрессирующего производства правовых норм, институтов, стандартов.

По мере нарастания глубины правового регулирования всех сторон жизни уровень «доступной личной свободы» будет соответственно уменьшаться. На какое-то время социальная реклама сможет воспрепятствовать осознанию этого обстоятельства массами, но рано или поздно произойдет информационный прорыв, после чего западное общество начнет быстро политизироваться. Предвестниками такого развития событий являются недавние беспорядки во Франции.

Второй «опорной колонной» конкурирующих европейских проектов является экологическое мышление: воспроизводство существующих социальных институтов через воспроизводство природной среды. Сегодня экологические императивы тесно сцеплены в ЕС с правовыми, образуя культурную оболочку, от которой европейские элиты не могут отказаться, не вызвав серьезных потрясений.

Экологические требования добавляют нагрузку на европейскую экономику.

Эта нагрузка итак является значительной вследствие:

- Прогессирующего старения населения
- Высокой нормы социального и пенсионного обеспечения в ЕС
- Бюрократической зарегулированности экономики Сообщества
- Непроизводительных расходов на выравнивание жизненного уровня в различных историко-географических регионах ЕС
- Энергозависимости ЕС в отношении углеводородов, ядерного топлива, генерирующих мощностей

За устойчивость экономики ЕС по отношению к этим неблагоприятным факторам

отвечают четыре основных механизма:

1. Ядром Союза являются страны с постиндустриальной экономикой. Для таких стран характерно сочетание развитого индустриального производства и высокоэффективного инновационного сектора экономики.
2. В пределах ЕС низки транспортные издержки.
3. Экономика ЕС построена на привлечении дешевой рабочей силы с восточной и южной периферии Содружества, что позволяет обеспечить воспроизводство человеческого капитала.
4. Постоянное и быстрое расширение ЕС за счет включения новых и новых стран позволяет компенсировать растущие издержки производства ростом капитализации основных фондов.

Первые три механизма позволяют охарактеризовать экономику Союза как некий аналог гигантского «водяного колеса», которое приводится в действие миграционным потоком «юго-восток—северо-запад». Тем самым ЕС не может серьезно ограничить этот поток, не ставя под сомнение эффективность своей экономической модели.

Четвертый механизм заставляет отнести Европейский союз к «молодым» бизнес-системам, в которых первоочередную роль в образовании прибыли играет расширение «пространства доступа», а не снижение издержек. Понятно, что свободное «пространство доступа» рано или поздно будет исчерпано, что вызовет в Сообществе тяжелый экономический кризис.

Закат Европы

Подведем некоторые итоги.

Европейский постиндустриальный проект состоит из трех самостоятельных линий различного происхождения и различного фазового содержания. Ведущим является германский индустриальный проект «единого европейского геоэкономического пространства».

Ввиду фазовой неоднородности европейский постиндустриальный проект неустойчив по отношению к экономическому и социальному развитию: по мере вхождения в зону постиндустриального барьера его индустриальная (германская) составляющая отстает, в то время как инновационная (ирландская) ускоряется. Этот процесс не имел бы деструктивных последствий, если бы трансцендентная (католическая) составляющая могла бы удерживать баланс проектности. Однако, судя по современному состоянию этноконфессиональной идентичности европейцев, это абсолютно исключено.

Обе институциональные сборки европейского проекта — через экологию и через правовые системы — также имеют фазово-неустойчивый характер и, кроме того, нерентабельны экономически.

С экономической точки зрения европейский проект дефициентен в следующих отношениях:

- Проект предусматривает нарастание зависимости по энергоносителям от России и государств Персидского залива (эта зависимость усугубляется по мере вступления в ЕС новых членов и исчерпания месторождений в Северном и Норвежском море)
- Электроэнергетическая политика ЕС носит догоняющий характер, что обуславливает медленное, но неуклонное развитие кризиса энергосистемы (по мере выбывания генерирующих мощностей)
- Эффективность экономики будет снижаться по мере неизбежного роста глубины правового и административного регулирования
- Остановка экстенсивного развития приведет к переходу экономических механизмов на альтернативную модель (снижение издержек вместо наращивания объема) и острому конфликту между экономическими и политико-юридическими императивами ЕС

По совокупности экономических проблем можно прогнозировать три кризиса ЕС: энергетический (2019— 2025 гг., конфликты внутри Сообщества из-за нехватки электроэнергии); структурный (2008-2025 переход ЕС к модели «зрелого» рынка, то есть от стратегии «захвата территории» к стратегии «снижения издержек», конфликты юридических институций и экономических субъектов); инновационный (2020-2030 гг. конфликты между «индустриальной» и «когнитивной» проектными стратегиями). Представляется, что эти кризисы приведут к распаду Содружества между 2025 и 2030 годом, причем деструктивные тенденции отчетливо проявятся уже к концу второго десятилетия XXI века.

Кроме того, поскольку экономический механизм ЕС носит в основном индустриальный

характер, Евросоюзу придется столкнуться со всеми проблемами «постиндустриального барьера»: образовательным кризисом, кризисом рынков, нарастанием статистики катастроф и т.д.

С политической точки зрения основной проблемой Содружества является острая необходимость в расширении миграционных потоков при отсутствии (в отличие от США) сколько-нибудь работоспособных институтов СК-переработки.

Интересно, что источником «пробоя» станут не мигранты, а именно коренные жители. Причиной станет уже функционирующий в США когнитивный «тепловой» механизм использования мигрантов для повышения рентабельности бизнеса через распределение собственности, принадлежащей среднему классу, между наиболее эффективными предпринимателями²³⁹. По мере повышения общей психологической и социальной нагрузки на систему существование такого механизма, «обкрадывающего коренных тружеников», становится источником социального напряжения среди «своих». Политическим механизмом, канализирующим возмущение, станут политические партии правой направленности.

(Заметим, что уже сейчас правые политические партии набирают голоса в Австрии, Бельгии и Франции одним лишь проявлением внимания к теме миграции.)

Альтернативным механизмом деструкции может стать «новое левое движение», которое, по-видимому, также будет связано с миграционными потоками.

Мы пришли к выводу о дефициентности европейского постиндустриального проекта и о неустойчивости Европейского союза по отношению к фазовому движению и миграционным процессам. Само собой разумеется, такой результат не является фатальным, он лишь весьма вероятен.

Конечно, слова распад ЕС нельзя понимать слишком буквально. Рассыплется именно то, что скрепляет проект Европейского дома — единое визовое и правовое пространство. Но останется евро, останутся и многие конструкции Общего рынка — в конце концов, они возникли много раньше политической надстройки ЕС. Останется — какими-то своими элементами — и европейский когнитивный проект.

II. РУССКИЙ МИР: ПРОЕКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Легенда о «Русском мире»

Эта идеологема появилась в конце 1990-х годов как ответ на тяжелую военную, политическую и экономическую ситуацию, в которой оказалась тогда Россия. Действительно, если к 140 миллионам граждан РФ каким-нибудь способом присоединить еще примерно столько же людей, разбросанных тремя волнами эмиграции, но продолжающих — плохо ли, хорошо ли — говорить на русском языке; людей, образованных, культурных, экономически успешных, то оценка «русскости» в мире меняется.

В языке стратегии эта концепция выглядит следующим образом:

Метрополия поддерживает россиян за рубежом. Речь идет о материальной, информационной, правовой поддержке, о создании общих финансовых механизмов и единых культурных институтов.

Действуя таким образом, метрополия содействует жизненному успеху эмигрантов и де-факто увеличивает свое влияние в мире.

Мигранты способствуют экономической и смысловой экспансии метрополии. Они предоставляют ей людей, капиталы, рынки сбыта, зоны влияния — весь свой огромный, но лишенный всякой субъектности геополитический потенциал.

Метрополия играет на противоречиях между «своими» эмигрантами и принимающими народами, выстраивая таким образом механизм управления диаспорами. В свою очередь мигранты могут играть на противоречиях России и страны пребывания, конструируя систему отношений, которая позволит им фактически, если не юридически, участвовать в управлении России и, прежде всего, использовать ее организационные ресурсы для своего продвижения.

Возникает весьма необычная общность, включающая в себя геополитический «материк»

²³⁹При таком механизме мигранты получают низкую зарплату, что снижает цену наемного труда на рынке рабочей силы. Однако мигранты получают разнообразные пособия как на себя, так и на свои семьи, вследствие чего уровень их эксплуатации снижается (в социальном тепловом двигателе они — рабочее тело). Предприниматели получают чистую выгоду за счет снижения издержек. А оплачивает все средний класс (снижение эффективных зарплат вследствие роста дешевого предложения на рынке труда, налоговые выплаты на социалку).

России и огромный диаспоральный «архипелаг». Такая общность способна не только создать собственную культуру, но и обрести когнитивную проектность. Единство экономики Русского мира может быть обеспечено как через примитивные механизмы ремитанса, так и через придание рублю особого статуса «межвалютного расчетного средства» и другие инструменты когнитивной экономики, в частности — международные транспортные коридоры. Пространством сборки фрактального пространства «метрополия плюс диаспора» оказывается русский язык, и в этой логике русская национальная идея (о которой долго говорили большевики и демократы, националисты и либералы, дума и Президент) приобретает простой и внятный вид: «Мир собираем в русском языке».

Подобно Европейскому союзу Русский мир оказывается не государством, но сложным комплексом взаимных договоренностей, большая часть которых должна носить неформальный (вероятно, даже не кодифицируемый) характер. Несколько утрируя, можно сказать, что Русский мир выстраивается «по понятиям», в то время как Европейский союз структурируется «правом». Во многих отношениях РМ и ЕС оказываются взаимными дополнениями: каждый из них рисует «кусоч Будущего», недостижимый и непостижимый для другого.

Русские эмигранты, являющиеся де-юре гражданами Евросоюза и де-факто адептами Русского мира, аккумулируют в себе сильные стороны обоих проектов, что дает им шанс перейти постиндустриальный барьер первыми.

Русский мир как проектное решение

Увы, весь этот расчет — фикция. Никакого Русского мира нет. Его нет даже на том примитивном уровне, на котором существует «Армянский мир», где финансовый поток диаспора—метрополия существует хотя бы как система ремитанса.

Государству Российскому, во всяком случае его Министерству иностранных дел, посольствам и консульствам за рубежом, нет дела до соотечественников. Российским эмигрантам, в большинстве, нет дела не только до метрополии (к которой они относятся, как правило, отрицательно), но даже и друг до друга. Эмигранты третьей и четвертой волн вообще не образуют диаспор и стремятся свести к минимуму контакты с иными лицами, говорящими на русском языке. Спорадические попытки то администрации Президента, то почему-то вдруг мэра Москвы наладить какое-то взаимодействие с русскими общинами в Прибалтике отражают все признаки обычной политической игры, ориентированной на очередные выборы, но не на исторический результат.

Но если Русского мира нет, это не значит, что его нельзя создать. Франция и Германия, паладины ЕС, «локомотивы европейской интеграции», не так уж давно находились между собой в отношениях, неизмеримо худших, нежели российское государство со своими диаспорами.

Интеграция никогда не происходит сама по себе. Во всех случаях это — проект, требующий человеческих усилий и финансовых инвестиций. Русский мир обойдется России не дешевле, чем обошелся элитам Франции и Германии Европейский союз.

Но, может быть, игра стоит свеч?

Хотя европейская интеграция имеет когнитивную составляющую, «центр тяжести» проекта лежит на правовых, политических и экономических механизмах, относящихся к индустриальной фазе развития. Приближение к постиндустриальному барьеру приведет к кризису этих механизмов, что мы и интерпретировали выше как общий кризис ЕС. Этот результат, конечно, не является фатальной предопределенностью, но он весьма вероятен.

Напротив, конструируя здесь и сейчас институты Русского мира, мы имеем возможность максимально использовать те когнитивные механизмы — образовательные, научные, экономические и политические, которым по различным причинам тесно в современных индустриальных государствах: от «электронного правительства» до трансконтинентальных «фабрик мысли» и «знаниевых реакторов».

Европейский союз создавался политиками, экономистами, священнослужителями на базе парламентской демократии, (относительно) рыночной экономики, созданной поколением раньше европейской транспортной сети и системы крупнейших европейских банков.

Русский мир должен строить креативные группы на базе электронного правительства, мировой компьютерной сети и ее отражения — мировой финансовой сети.

Европейский союз породил современное авторское право, шенгенские визовые границы и евро как альтернативу доллару. Мы надеемся, что Русский мир создаст «закон о свободе

информации», мировой безвизовый режим и возможность пользоваться любой валютой или даже обходиться вовсе без нее.

III. ЛАТВИЯ — ИНТЕГРАЦИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ УГРОЗА

А существует ли Латвия?

Конечно, задавать такой вопрос в Латвии, да и вообще в «цивилизованном мире» неприлично. При особом невезении можно даже удостоиться обвинения в пропаганде национализма и фашизма и угодить за решетку вместе с Д. Ирвингом²⁴⁰, позволившем себе проделать формальный анализ исторической информации о холокосте на предмет определения степени ее достоверности.

Но сомнение представляет собой важнейшую часть рефлексивного мышления, и я не вижу никаких объективных причин, в силу которых нельзя подвергать сомнению существование латвийской или украинской государственности, и в то же время можно анализировать «мир без России» или же «глобализацию после США». Всякое государство конкретно и, следовательно, ограничено в пространстве и времени, да и нации тоже не вечны.

Латвия как независимое государство представляет собой продукт упражнений лидеров «большой тройки образца 1919 года» — Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо, В. Вильсона — в геополитическом конструировании.

В Версале перед лидерами держав-победительниц стояли четыре основные задачи:

- Ограничить германский военный и политический потенциал, создать условия, при которых эта страна не сможет возродиться и вновь стать угрозой «западным демократиям»
- Блокировать большевистскую Россию, создав для этого «санитарный кордон» из малых государств Европы
- Создать работоспособную систему коллективной безопасности в Европе
- Перепроектировать политическую карту Европы по национальному признаку

В свою очередь ленинская Россия, находящаяся в отчаянном военном и политическом положении, была вынуждена, говоря языком шахматистов, «сбрасывать материал»: предоставлять независимость территориям, удержать которые так или иначе не представлялось возможным. Здесь надо учитывать, что «национальный вопрос» трактовался лидерами Антанты и большевиками, в общем-то, одинаково — Советы и юридически, и фактически, и идеологически признавали право наций на политическое самоопределение.

В этих условиях и возникла любопытная шутка истории — четыре прибалтийских государства: Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Из этих четырех стран только Литва — и совсем в другую эпоху — имела опыт самостоятельного национального существования.

В отличие от В. Ленина²⁴¹ я отнюдь не считаю Версальский мирный договор «грабительским». Напротив, он был справедлив настолько, насколько это вообще было возможно. Но не зря классическая христианская традиция учит, что справедливость — прерогатива дьявола (а Богу приличествует милосердие).

Версальская геополитическая конструкция рассыпалась почти сразу: ее перечеркнули Рапалльские договоренности СССР и Германии и итоги Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. К концу «дьявольского десятилетия» (так именуют в Европе 1920-е годы) стало понятно, что в существовании новых малых европейских государств не заинтересован никто, кроме них самих.

Экзамен выдержала только Финляндия, оружием, политической волей, дипломатическим мастерством доказавшая свое право на государственность, на независимое существование.

Австрия добровольно присоединилась к Германии (но не пожелала, однако, разделить ее

240 Дэвид Ирвинг (1938) — английский писатель, прославившийся своими книгами, содержащими нетрадиционный взгляд на историю Второй Мировой войны, в частности отрицающими холокост. Ирвингу запрещали въезд в Германию, Австрию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. 20 февраля 2006 года австрийский суд приговорил его к трем годам тюремного заключения за отрицание холокоста.

241 В. Ленин указывал, что Версальский договор — «неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе цивилизованных, ставит в положение рабов» (Ленин В. Полное собрание сочинений, т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981).

судьбу в 1945 году). Украина и Белоруссия добровольно присоединились к России, образовав союзное государство нового типа — СССР.

Венгрия не смогла определить контуры своей внешней политики, запуталась и бросилась за помощью к гитлеровской Германии, проявив себя как самый преданный союзник Рейха.

Югославия двадцать лет жила в условиях полнейшей политической нестабильности; политический переворот Симовича был использован Гитлером как предлог для нападения на страну, военного сопротивления Югославия не оказала и была полностью оккупирована.

Чехословакия, несмотря на весь свой исторический опыт, не сумела решить проблему судетских немцев, довела ситуацию до кризиса, вручила свою судьбу в руки Франции и Великобритании (Даладье и Чемберлена), потеряла сначала Судеты и всю промышленность, а затем и независимость.

Польша сначала приняла участие в расчленении Чехословакии, получив из рук Германии ошметки «добычи», затем — в самый неподходящий момент — довела до войны Данцигский кризис (не подлежит сомнению, что Гитлер стремился к войне, но надо признать, что в этом отношении его политика была полностью поддержана Варшавой), войну проиграла «всухую» и до сих пор сваливает вину за поражение на пакт Молотова— Риббентропа.

Но Польша и Югославия хотя бы попытались дать агрессии вооруженный отпор. Причем, к чести народов этих стран, с поражением они не смирились, и в военные годы обе страны активным образом участвовали в движении Сопротивления и в освобождении своей территории.

Латвия, Литва и Эстония не предприняли никаких усилий для защиты своей независимости — ни в 1940 году, когда были присоединены к Советскому Союзу, ни в 1941 году, когда оказались частью гитлеровской империи, ни в 1944-1945 гг., когда развернулось общее наступление Советской армии и немецкие войска в Прибалтике оказались разбиты на несколько изолированных группировок.

Можно искать объяснения и оправдания такой позиции прибалтийских народов, но для начала нужно признать сам факт: независимость была утрачена ими так же легко, как она была получена.

Современная Латвия считает себя преемницей Латвии межвоенной. Но если все ее претензии на независимость, на существование в статусе самостоятельного государства подкрепляются только этими двадцатью годами, прожитыми страной вне мировой истории и закончившимися быстро, тихо и бесславно, то не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать судьбу этого государства. Как говорил старший лейтенант Ливитин, герой романа Л. Соболева «Капитальный ремонт»²⁴²: «Разве тебе не известно из курса логики, что одинаковые причины влекут за собой одинаковые следствия?»

Глобализация или культурный геноцид?

Большевистская оккупация была, наверное, временем максимального расцвета латышской культуры и латышской нации. И не потому, что оккупанты строили в стране школы и дворцы культуры, промышленные предприятия и дороги. Просто в составе СССР Латвия занимала уникальную нишу: она была Представлением²⁴³ Запада в Советском Союзе. Это было предметом осознанной и оправданной национальной гордости — и в материальном отношении, и в духовном Латвия жила вместе с советским народом, но гораздо более комфортно и свободно, чем этот народ. В начале 1980-х здесь можно было купить молочные продукты двадцати наименований (включая такую немыслимую для социалистической страны роскошь, как взбитые сливки к натуральному заварному кофе), в середине этого десятилетия — публиковать запрещенных советской цензурой «Гадких лебедей» — правда, под названием «Время дождя»²⁴⁴. Рижская пресса была самой интересной в СССР. Рига издала первый в стране эротический журнал. Рига впервые в Союзе начала рецензировать в печати американские видеокассеты. Рига задолго до «Огонька» и «массового прозрения» обсуждала в печати тему Отечественной войны и сталинских репрессий.

Будучи частью Великой империи (Зла), Латвия имела доступ на международный новостной рынок, ее Народный фронт был прекрасно представлен в зарубежных СМИ. И сердце народа согревала национальная мечта: «Как хорошо мы будем жить, когда освободимся от русских».

²⁴²Соболев Л. Капитальный ремонт. М.: Гослитиздат, 1937.

²⁴³Напомню, что Представлением называется метафора одной системы в культурном коде другой.

²⁴⁴Стругацкие А. и Б. Время дождя//Даугава. 1987, № 1-7.

Свобода пришла. И вот здесь-то и оказалось, что никакого уникального национального содержания у Латвии нет. Остается строить то, что получается: якобы независимое (правда, президентов, как и прежде, привозят из-за рубежа), якобы государство (всцело зависящее от заокеанской финансовой помощи). Но некогда и Финляндия была в таком же положении, да и Северо-Американские Соединенные Штаты стартовали в 1776 году с той же позиции. В конце концов, все зависело только от самих жителей Латвии.

И они сказали свое слово. Сначала был Закон о гражданстве, в результате которого страна лишилась от половины до семидесяти пяти процентов совокупного ресурса (русский язык, являющийся мировым языком и имеющий официальный статус одного из языков ООН, несомненно, представлял собой мощный ресурс, равным образом таковым ресурсом было и русскоязычное население). Затем — решение о вступлении страны в Европейский союз.

Есть вещи, которые выше моего разума. Я могу понять, что чечевичную похлебку культурного лидерства в многонациональной Империи можно променять на первородство государственной независимости. Перед глазами много прекрасных примеров. Британские колонии в Северной Америке, Финляндия, Ирландия (хотя этот случай не столь очевиден), Индия, Тайвань... Но как можно почти сразу после обретения независимости искать себе другого сюзерена, причем соглашаться на заведомо зависимую позицию?

Выше я писал, что Евросоюз нельзя считать Империей, и это правда, но — не для Латвии. ЕС вынужден вести политику жесткой культурной интеграции — и в силу того, что Сообщество является глобализационным проектом, альтернативным американскому, и в связи с серьезностью проблем, которые стоят перед единой Европой. Поэтому по отношению к своим новым членам Евросоюзу приходится вести себя «по-имперски». Насколько можно судить по нервной реакции на газопровод Nord Stream, Польша с ее обостренным чувством свободы это уже почувствовала: «Как же так, с нами даже не посоветовались...»

Но Германия не может позволить себе такую роскошь, как советоваться с Польшей по вопросам энергетической (равно национальной) безопасности. И уж точно никто в ЕС не собирается советоваться с Латвией. По каким бы то ни было вопросам.

В этом отношении положение Латвии ничуть не изменилось по сравнению с советскими временами. Разница в том, что для Москвы Латвия была ценна именно тем, что представляла в стране Запад и его высокую культуру, а для Брюсселя латышская культура никакой ценности не представляет и лишь препятствует интеграции (расширению рынка сбыта, присоединению активов). Следовательно, эта культура может быть в лучшем случае ассимилирована.

Еще раз подчеркну: ничего личного! Никаких коварных антилатвийских замыслов руководство ЕС, разумеется, не питает и ничего, кроме хорошего, жителям ее не желает. Просто Сообщество не может не вести интеграционной политики, а **интеграция всегда представляет собой более опасный вызов национальной культуре, нежели оккупация.**

Оккупация часто, хотя и не всегда, усиливает национальные чувства народа, заставляет людей проявлять свою национальную и государственную идентичность. Интеграция, будучи процессом якобы добровольным, реакции отторжения не вызывает. Скорее, наоборот.

И здесь все упирается в один вопрос: может ли культура страны дать адекватный ответ на **вызов интеграции**. Другими словами, содержит ли местная культура в себе что-то столь уникальное, что интегрирующая культура не может позволить себе этого лишиться?

Греция с ее древнейшей историей ничего такого в себе не нашла, и сегодня даже туристические справочники откровенно пишут, что в этой стране можно хорошо (то есть стандартно) отдохнуть, но бесполезно искать в ней что-то, выходящее за пределы «среднеевропейской жизни». Если вам нужна древняя культура, выбирайте Турцию или еще лучше Египет, в Греции даже Парфенон производит впечатление европейского Диснейленда.

Насколько культура Латвии превосходит по своей уникальности и жизнестойкости греческую?

Русский мир и Латвия: все, что не убивает мигранта, делает его сильнее

В сущности, мы все время сталкиваемся с одной и той же проблемой:

- Россия перед вызовом глобализации
- Российские (и иные) диаспоры перед угрозой ассимиляции
- Русский мир в пространстве мировых когнитивных проектов
- Латвия в условиях европейской интеграции
- Русскоязычное меньшинство в Латвии под давлением со стороны «коренной национальности»

Во всех случаях речь идет о взаимодействии анклава с некоторой внешней системой, обладающей постоянно или временно большим потенциалом. Есть сильное искушение сказать, что анклав стремится к выживанию, а внешняя система к его поглощению, но в действительности дело обстоит сложнее — по крайней мере сегодня. **Обе стороны стремятся к развитию, но понимают его неодинаково.**

Сейчас проблемы миграций — легальных и нелегальных — стоят остро как никогда. Если в прошедшие столетия индустриальное развитие осуществлялось за счет социокультурной переработки деревни в город в национальном масштабе, то к концу XX века этот процесс интернационализировался, и можно говорить о превращении «мировой деревни» в «мировой город». Уже не миллионы, а многие десятки миллионов людей живут и работают вдали от своей родины, формируя и поддерживая мировой рынок труда. Этот антропоток нуждается в осмыслении и регуляции — правовой, культурной, институциональной. Крушение транснациональных империй — Британской, Португальской, Советской — породило дополнительный, но не менее значимый **виртуальный антропоток**, образованный людьми, которые, никуда не перемещаясь, стали вдруг носителями чужой идентичности на некоторой национальной территории.

Общее решение этой проблемы европейцы ищут на пути последовательного уничтожения всех дискриминационных барьеров. В Соединенных Штатах Америки с их восхитительной, лучшей в мире системой социокультурной переработки мигрантов сейчас актуализируется противоположная концепция, и не случайно Дж. Буш-младший столь резко выступил против испаноязычной версии гимна страны, потребовав от «латиносов» учить английский. Очень может быть, что закон эпохи Клинтона, строго запрещающий языковую дискриминацию в школьном образовании, будет отменен или, во всяком случае, ограничен. Латвийские (и российские!) законы составлены скорее в нынешней американской логике, нежели в европейской, хотя на словах все выступают против дискриминации.

Но, собственно, почему?

Что нужно принимающей стране от мигранта?

В совсем примитивной логике — нужна его неквалифицированная рабочая сила, за которую можно к тому же недоплачивать. В современной когнитивной логике — его культурная уникальность, те воспитанные страной-эмитентом компетенции и квалификации, которых в принимающей стране нет.

Что нужно мигранту от принимающей страны?

Опять-таки в примитивной житейской логике — более высокого жизненного уровня, чем на родине. В логике когнитивного проектирования — пространство возможностей для себя и детей (равно «пространство развития»).

Сразу же уточним, в очередной раз пренебрегая правилами политкорректности, что **эмигрант — это всегда человек, который бросил свою Родину, землю своих отцов и дедов, ради материального благополучия.** Миллионы мигрантов будут возмущены этими словами именно потому, что в них содержится неприятная правда.

К меньшинствам, возникшим в результате распада империй, это, разумеется, не относится. Но для них есть своя неприятная правда: они представляют собой сторону, проигравшую в политической борьбе и потерявшую страну, завещанную предками.

В обоих случаях есть основания для морального осуждения.

Уточню: в обоих случаях есть все основания для морального самоосуждения.

Но в таком случае **дискриминационные меры в отношении мигрантов, как добровольных, так и вынужденных, этически оправданы. Более того, они представляют собой необходимый элемент восстановительного правосудия, поскольку содержат в себе естественную человеческую логику: преступление — наказание — прощение.** Полностью уничтожая дискриминацию, мы заставляем мигранта самостоятельно решать вопрос о мере наказания за свой проступок (необходимо четко понимать, что с родовой точки зрения, то есть в логике архетипов и других подсознательных поведенческих паттернов, эмиграция есть страшный незамаливаемый грех), а это абсолютному большинству людей не под силу.

Поэтому я не вижу ничего плохого в том, что дипломированный и опытный русский (украинец, латыш, нужное вписать) несколько лет проработает в Великобритании или Германии медбратом. Во-первых, младшего и среднего медицинского персонала всегда не хватает. Во-вторых, с такой позиции проще и удобнее выстраивать карьеру (понятно, если есть способности). В-третьих, «наказание» в виде временного снижения социального статуса надежно решает этическую проблему миграции, снимает «родовое проклятие».

Но и в логике высших интересов самих мигрантов и страны пребывания дискриминационные меры полезны, поскольку вынуждают мигрантов быть умнее, сильнее,

образование, воспитание, компетентнее местных жителей, чтобы претендовать на равную с ними работу и оплату. И система дискриминационных мер начинает работать как своеобразный «усилитель», заставляя мигрантов развиваться как можно быстрее, культивировать в себе и своих детях лучшие качества.

Разве многовековая история еврейской, армянской, корейской, китайской диаспор не убеждает нас в пользу дозированной дискриминации?

Подведем итог.

Решение проблемы состоит в том, что жители Латвии в Европе, русскоязычные в Латвии, русские в Ойкумене должны стать дискриминируемым меньшинством, осознающим свое угнетенное и зависимое положение и превращающим его в ресурс развития. Только в этом случае может быть сохранена латышская культура, создан фрактальный Русский мир и осуществлен постиндустриальный переход.

БЮРОКРАТИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО БАРЬЕРА

Самолет при полете в области больших величин «М» уподобляется жесткой пружине <...> он настолько плотно сидит в воздухе, что отклонить его по всем трем осям очень трудно. Это может служить большим препятствием для выполнения эволюций в боевых условиях. Для маневрирования на сверхзвуковой скорости необходимо применение каких-либо дополнительных средств в управлении.

*Из отчета № 296 за 1952 год:
«Исследование устойчивости и управляемости самолета МИГ-17 на сверхзвуковых скоростях полета».*

Управление (структурирование информации) наряду с познанием и обучением (производством и воспроизводством информации) является атрибутивным признаком **социосистемы** — специфической формы организации носителей разума. В этой связи представляется странным практически полное отсутствие исследований, посвященных перспективам развития управленческих структур.

Пространство «образов будущего», построенное футурологами и писателями-фантастами, плотно. К настоящему времени описаны все или почти все реалии «желаемого будущего», «страшного будущего», «неизбежного будущего» и даже «реального будущего» — вплоть до мелких бытовых подробностей. Подробнейшим образом исследованы возможные пути развития системы образования, уделено должное внимание науке и искусству завтрашнего дня. Проанализирован ряд перспективных экономических механизмов, изучены всевозможные политические структуры, вплоть до образованных негуманоидными сообществами. Но даже в наиболее прописанных «образах будущего» не введены сколько-нибудь значимые инновации в **контур управления**, ответственный за переработку информации, принятие решений и контроль над их выполнением. Складывается впечатление, что современная Административная система представляет собой вершину развития управленческой мысли и будет продолжаться «из вечности в вечность».

Данный раздел посвящен **бюрократии будущего** и содержит ряд рамочных требований к перспективным управленческим механизмам. Речь пойдет именно о процедуре администрирования (в сущности, одинаковой для государства, международной организации, финансовой корпорации, бюджетного учреждения и т.д.), поэтому каких-либо априорных предположений о политических, культурных, конфессиональных, национальных особенностях системы, подлежащей управлению, сделано не будет.

Понятие управления подразумевает выделение позиции **Владельца**²⁴⁵, ассоциирующего себя с данной социосистемой. Обычно Владелец может быть персонифицирован в виде конкретного человека, но иногда эту позицию занимает группа людей или даже Представление социосистемы как целого.

В наиболее общих чертах процесс управления социосистемой мало отличается от управления любой другой системой, например транспортным средством²⁴⁶.

Сообразуясь со своими целями и получаемой информацией, Владелец вырабатывает директивы (воздействует на «штурвал»). Система управления превращает эти директивы в конкретные указания и доводит их до исполнителя (отклоняет «управляющие поверхности»). Эта деятельность подразумевает усиление и ряд преобразований управляющего сигнала. По мере совершения «маневра» состояние социосистемы меняется, причем управляющее воздействие всегда встречает некоторое сопротивление управляемой среды. Система управления обрабатывает информацию об изменении состояния социосистемы и величине сопротивления среды и передает ее Владельцу, модифицируя находящуюся в его распоряжении информацию. Затем цикл повторяется.

В своей деятельности Владелец подчинен некоторым рамкам (информационным фильтрам), ограничивающим его решения. Такие фильтры всегда образованы известными Владельцу законами природы и общества; в роли «рамок» могут выступать также юридические законы, традиции, этические и конфессиональные ограничения.

Система управления, таким образом, может рассматриваться как **контур обратной связи** между Владельцем и социосистемой. Подобная модель при всей ее тривиальности позволяет построить полезную классификацию бюрократических структур.

Рис. 10. Схема управления

Назовем гомеостатическим такое управление, при котором нормальным состоянием социосистемы является «покой или равномерное прямолинейное движение» и управляющие команды отсутствуют. При вызванном внутренними процессами или внешним воздействием отклонении состояния социосистемы от нормы вырабатывается «сигнал», который преобразуется и усиливается системой управления и передается Владельцу. Владелец реагирует на него по принципу Ле Шателье, то есть отдает директиву, компенсирующую процесс/воздействие и ослабляющую входной сигнал.

В гомеостатических системах управленческий цикл начинается в социосистеме и замыкается Владельцем.

Управление, при котором нормальными называются такие процессы в социосистеме, которые отвечают целевой рамке Владельца, назовем **административным, или индуктивным**. Здесь управленческий цикл начинается Владельцем и замыкается социосистемой.

Поскольку обратная связь между социосистемой и Владельцем является атрибутивной функцией социосистемы, в реальном управлении всегда смешаны административный и гомеостатический циклы. Так, при административном управлении в обязательном порядке отслеживаются отклонения поведения социосистемы от заданного Владельцем. Тем не менее

245А. Лазарчук, П. Лелик предпочитают более нейтральный термин «Пользователь» (Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить//Мир Интернет. 2001. № 9). Наиболее точно семантический спектр понятия может быть передан феодальным термином «Лорд».

246Возможно, этим объясняется прагматическая полезность **аэродинамической аналогии**, рассматривающей развитие социосистемы как движение летательного аппарата в турбулентной воздушной среде.

практически во всех значимых случаях можно указать базовый процесс для данной управленческой системы.

Абсолютное большинство (едва ли не все) существующих управленческих систем создано по иерархическому принципу. Распространение этой схемы обусловлено ее простотой и конструктивно встроенной в нее рекурсивностью. По определению, **управление называется иерархическим, если любая его связанная подсистема также является иерархическим управлением**. В этом смысле иерархическое управление представляет собой не столько «пирамиду», сколько «матрешку»: в любом блоке, выделенном из системы управления, присутствуют позиции **локального Владельца и локальной социосистемы**. Понятно, что если одна из подсистем является подмножеством другой, то локальный Владелец объемлющей системы является рамкой для локального пользователя объемлемой системы.

Иерархическая система управления является устойчивой, оказывает индуктивное давление на все системы, с которыми она взаимодействует, легко восстанавливается при повреждениях. За это приходится платить крайне низкой и притом снижающейся со временем эффективностью управления. Иерархическая система — именно вследствие своей рекурсивности — непрерывно производит свои подсистемы, то есть структурные этажи, захватывая все большую долю совокупных ресурсов социосистемы²⁴⁷.

Движение информации (как директивной, так и индикативной) происходит в иерархической системе только последовательно — от одного структурного этажа к другому. Это обуславливает значительное информационное сопротивление системы: ее коэффициент усиления, как правило, значительно меньше единицы.

Альтернативой иерархической является сетевая система управления, в которой разрешены информационные транзакции внутри одного структурного этажа. (Проще говоря, можно позвонить в соседний отдел, вместо того чтобы подавать официальный запрос через общего руководителя обоих отделов.) В сетевой управленческой системе положение Владельца является неопределенным: при определенных условиях каждый ее элемент оказывается в позиции глобального Владельца. Возможен даже совершенно фантазмагорический с точки зрения иерархической системы случай, когда элемент среды управления выступает как глобальный Владелец, одновременно подвергаясь управлению со стороны одного или нескольких (!) локальных Владельцев.

Опыт показывает, что чисто сетевые структуры работают либо при очень малом числе элементов в контуре управления (до четырех-пяти), либо при очень слабых связях между элементами (управление без управления). В остальных случаях такая система требует наличия внешней рамки (административного протокола очень высокого уровня), которую индустриальная фаза не разработала и, по-видимому, не способна поддерживать.

В реальной жизни сетевая структура управления выступает обычно как «тень», «бессознательное» иерархической системы. Так, наличие скрытого сетевого управления ответственно за «рефлекторные реакции» управленческих систем, а равным образом за коррупцию в управлении²⁴⁸.

В последние десятилетия предпринимаются попытки создать смешанную (гетерархическую) систему управления. Эти попытки не будут иметь успеха, поскольку движение информации в иерархической и сетевой системах подчиняется разным законам и базовый процесс для одной из таких систем является паразитным для другой.

2

Современные (индустриальные) системы управления обязаны своим происхождением Великой французской революции и в своих наиболее общих чертах, если не проявлениях, сложились в первую половину XIX столетия. В принципе, эти системы отличаются от соответствующих институтов западной Римской империи, Византии, Римско-католической церкви лишь наличием демократической рамки, подразумевающей, в частности:

247Интересно отметить, что этот процесс доведен до предела не столько в государственных административных системах, сколько в крупных корпорациях. Для современных ТНК характерно стремление вынести все формы производства или любой иной целевой деятельности во внешний по отношению к корпорации мир. Сама же корпорация остается чисто управленческой структурой, и единственным рабочим процессом в ней является администрирование.

248В рамках построенного формализма всякая коррупция представляет собой «короткое информационное замыкание» в иерархической системе.

- Равенство граждан перед законом
- Разделение властей
- Подотчетность исполнительной власти законодательной
- Выборность законодательной власти

В применении к чиновнику-управленцу это означает некоторое снижение социального статуса по сравнению с традиционной фазой, где, как правило, «служебное сословие» выделяется де-юре. С другой стороны, социальная защищенность чиновника повысилась, поскольку в индустриальной фазе его ответственность за принятые им решения ограничена²⁴⁹.

Переход к современной «посттоталитарной демократии» сопровождался резким увеличением плотности административного поля. Вообще говоря, в любой бюрократической системе «пространство возможностей» каждого чиновника ограничено интересами его коллег. Вследствие этого механизм принятия решения приобретает все черты антагонистической игры, которая обычно рассматривается как борьба за власть. В действительности же речь идет о сугубо рефлекторной гомеостатической реакции людей, предположивших, что их интересы могут быть прямо или косвенно нарушены этим решением. Понятно, что чем решение необычнее, острее, конкретнее, тем большее беспокойство оно вызывает. Это приводит к подавлению инициативности, «инаковости», неординарности, то есть собственно бюрократию делает бюрократией. Необходимо вместе с тем иметь в виду, что в классической административной системе не все решения нарушают сложившийся административный баланс и вызывают системное противодействие.

Характерной особенностью современных управленческих структур является полное вырождение «пространства возможностей». Плотность административного поля высока настолько, что **любое** решение нарушает чьи-то интересы, точнее говоря, **воспринимается** как нарушившее чьи-то интересы. Это обстоятельство значительно повышает сопротивление в канале управления (в иерархических системах и без того очень высокое).

Речь идет, по сути, о резком смещении баланса административного и гомеостатического начал в управленческой системе. В посттоталитарной демократии практически невозможны какие-либо базовые процессы, кроме гомеостатических²⁵⁰.

Я интерпретирую **посттоталитарную блокировку управления** как признак приближения глобальной социосистемы (Человечества) к **постиндустриальному фазовому барьеру**. Необходимо подчеркнуть, что суть происходящего — не в злой воле тех или иных чиновников и даже не в характерном для демократических режимов стремлении системы к состоянию полного гомеостаза. Причиной блокировки управления является возрастание сложности управленческих задач и их взаимной обусловленности. Стремление управленческих систем разрешить возникающие проблемы апробированными методами — ростом системы, шлифовкой рамок, распределением полномочий и оптимизацией информационных потоков — сопровождалось естественным ростом плотности административного поля, что и привело к потере управления.

Необходимо иметь в виду, что попытка М. Горбачева преодолеть системное сопротивление и обеспечить преобладание административного процесса над гомеостатическим привела к государственной катастрофе (и сопровождалась многими техническими катастрофами). После столь негативного опыта ни один владелец не возьмет на себя ответственность за необратимое управленческое решение и ни одна бюрократическая система не реализует такое решение.

Таким образом, вблизи постиндустриального барьера существующие ныне управленческие структуры способны, по сути, только к гомеостатическим решениям. Однако именно в окрестностях барьера социосистемы подвергаются сильнейшим потрясениям и не могут находиться в равновесии. Мы должны, следовательно, диагностировать высокую

249Исключение составляла социалистическая страта при И. Сталине, где колоссальная власть партийного, административного и государственного аппарата сопровождалась столь же колоссальной ответственностью, сплошь и рядом не только затрагивавшей самого чиновника, но и распространявшейся на членов его семьи.

250Следует еще раз указать, что речь идет не только о государственном или военном управлении. Корпоративное управление при посттоталитарной демократии подчинено тем же законам. Другой вопрос, что чем меньше задействованные в системе управления ресурсы и чем проще стоящие перед системой задачи, тем слабее проявляется **закон блокировки управления вблизи фазового барьера**.

вероятность управленческой катастрофы как одной из форм **первичного упрощения**²⁵¹ социосистемы, не сумевшей совершить фазовый переход.

Альтернативой является реформативное управление и придание ему структуры, адекватной задачам **когнитивной фазы развития**²⁵². Для этого надо, прежде всего, проанализировать «проблемное поле» современной посттоталитарной демократии.

3

К наиболее серьезным недостаткам современных бюрократических систем следует отнести:

- Отчужденность управляемого объекта от системы управления
 - Низкую эффективность управленческих механизмов как информационных усилителей
 - Недостаточную пропускную способность информационных каналов
 - Неадекватность рамочных ограничений, наложенных на пространство управления
- Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Отчужденность административной надстройки (Владелец + система управления) от управляемой социосистемы приводит, прежде всего, к резкому нарастанию сопротивления в выходном канале директивного/входном канале индикативного управления. В конечном счете бюрократическая система оказывается полностью изолированной от реальности: она живет в вымышленном мире и управляет воображаемой социосистемой.

Даже если столь полного отчуждения не происходит, антагонизм между «верхами» и «низами» уменьшает эффективность социосистемы. (В Древнем Китае это называлось «потерей Пути» и считалось самой опасной болезнью общества.) Как правило, первоначально система управления теряет связь с интеллигенцией, которая формирует оппозицию Владельцу²⁵³. Тем самым, во-первых, часть ресурсов социосистемы будет расходоваться на внутреннюю борьбу, во-вторых, вследствие возникновения теневой системы управления (оппозиция Владельцу — это всегда позиция альтернативного Владельца) в системе начинают циркулировать паразитные информационные потоки. Наконец, система управления, оппозиционная интеллектуальному сообществу, не может использовать его ресурсную базу — качество элементов системы управления падает.

Дополнительные проблемы создает глобализация. Исторически противоречие между управляющей системой и наиболее пассионарными элементами социума решалось оттеснением «аутсайдеров» на географическую периферию. Сейчас фронт отсутствует. Соответственно, общество либо «перегревается» (пассионарность расходуется на рост преступности), либо теряет перспективу (пассионарные элементы уходят во внутреннюю эмиграцию — наркотики, виртуальность и т.п.).

Низкая эффективность и недостаточная пропускная способность информационных каналов современных управленческих систем обусловлена как рекурсивностью иерархических структур, так и постоянным повышением значимости управленческого решения. Достаточно высокий образовательный и культурный уровень современных бюрократов способствует насыщению административной среды информационными конструктами.

Рассмотрим типичную управленческую задачу, в которой требуется совершить выбор одного из представленных решений. Как правило, чиновник не настолько компетентен в рассматриваемой проблеме, чтобы сделать осмысленный выбор (мы рассматриваем часто встречающийся «идеальный случай», когда явно неадекватные варианты отсеяны предыдущими информационными фильтрами). В подобной ситуации правильным является «метод случайного тыка», но он, во-первых, выглядит «несерьезно» и, во-вторых, занимает недостаточно времени. У чиновника возникает подозрение, что он слишком легко подошел к важному вопросу, что он **недостаточно трудился**. Подобное чувство для современного

251 Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций // Наука и технология в России. 2001. № 7 (51); 2002 № 1 (52).

252 Заметим в этой связи, что переход от архаичной к традиционной фазе сопровождался отказом от прямого управления и инсталляцией директивного, то есть формированием самого бюрократического аппарата. Генезис индустриальной фазы заключал в себе, в частности, создание распределенного управления, подчиненного единой рамке (корпоративный принцип).

253 Заметим в этой связи, что в современной мировой художественной культуре практически отсутствуют положительные образы управленцев, а слово «бюрократ» является ругательством.

человека невыносимо, и бюрократ, чтобы сохранить уважение к себе и собственной работе, начинает, как ему кажется, осуществлять, а на самом деле — имитировать, активную деятельность.

Он ставит вопрос на коллегии. Заслушивает мнение экспертов. Обсуждает проблему с подчиненными и начальством. Организует комиссии и подкомитеты. Иными словами, он подвергает исходную задачу значительному информационному усилению. Однако поскольку усилению подвергается не только «сигнал» (правильное решение), но и «шум» (остальные решения), вся эта активность не влияет на исходную задачу. В конце концов, чиновник вновь оказывается лицом к лицу с необходимостью выбора и произносит сакраментальное: «Ничего не остается, кроме как принять административное решение».

Проблема состоит в том, что он не только растратил свое время и время подчиненных ему и взаимодействующих с ним структур на выполнение априори бесполезной работы (низкая эффективность системы управления), не только отложил решение важной задачи (запаздывание в каналах управления), но и перегрузил управленческую структуру огромным количеством вновь произведенной информации, в которой никто не нуждается (информационная перегрузка каналов управления). Поскольку каждый чиновник старается занять свое рабочее время полностью, даже находящаяся на «холостом ходу» административная система полностью загружает свои информационные линии. Это означает, что переход системы в «рабочий режим» немедленно перегружает ее; аварийный режим вызывает, как правило, фрагментацию информационных потоков, прогрессирующую потерю связности и распад системы управления.

Закон автокаталитического возрастания информации в бюрократической системе проявляется тем острее, чем выше интеллектуальный уровень управленцев.

Важным проявлением этого закона является **сдвиг фаз в канале управления**. Вследствие запаздывания прохождения информации и задержки в принятии решений к моменту «отклонения управляющих поверхностей» состояние социосистемы успевает значительно измениться. В новых условиях действия, направленные на стабилизацию положения, напротив, дестабилизируют его. Система приходит в раскачку и разрушается при нарастающих автоколебательных процессах.

Стремление посттоталитарных демократий к «правовому государству» создает еще одну проблему, снижающую эффективность управления. Деятельность современных чиновников разграничивается все более точно, регламентируется все более подробными и четкими инструкциями, проверяется все более компетентными контролирующими инстанциями. Однако существующие административные протоколы (конституция, кодекс законов, должностные инструкции) регулируют лишь измеримые отношения между объектами, в то время как практически все современные управленческие задачи носят неизмеримый характер.

С практической точки зрения постоянное сужение рамки Владельца приводит к вырождению административного пространства. В сущности, всякое инструктивное ограничение следует рассматривать как возникновение дополнительного уровня иерархии: документ занимает по отношению к чиновнику позицию локального Владельца. Но сам такой документ отражает некий коллективный опыт, то есть является Представлением определенной бюрократической системы, возможно давно не существующей. В пределе полностью зарегулированная система управления приходит в состояние, когда все решения в ней принимаются бумажными Представлениями давно умерших людей. Понятно, что такая **«некробюрократия»** полностью выпадает из реальности.

Перечисленные выше механизмы характерны для идеальной бюрократической системы, в которой отсутствуют коррупция и внутренние интриги. Эффективность реальных административных механизмов значительно ниже, поскольку часть ресурсов с неизбежностью тратится на дубляж управленческих звеньев и борьбу между ними.

«NATIONAL STATE»: КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ

Социосистема имеет тройственную природу: она проявлена в материальном пространстве (как совокупность физических тел), в информационном пространстве (как совокупность знаков) и в социальном пространстве (как система устойчивых связей, наложенных на

сообщество).

Любая социосистема поддерживает четыре базовых процесса: познание — присвоение новой информации, экспансия в информационном пространстве, образование — воспроизводство уже известной информации, обустройство информационного пространства, производство — конвертация информации в иные формы ресурсов, технологизация, управление — структурирование информации и ее распределение между элементами социосистемы²⁵⁴. Каждый из базовых процессов содержит три основные формы деятельности — распаковку, компактификацию и коммуникацию.

Представлением социосистемы является наименьшая организованная совокупность людей, способная неограниченно долго воспроизводить все четыре базовых процесса. За всю историю человечества было создано только три принципиально различных Представления, примерно соответствующих фазам развития человеческого общества: Род, Полис и Национальное Государство (National State). Гипотетически можно представить себе еще два социосистемных Представления: Рыночное Сообщество (Market Community) (ряд американских политологов используют такое обозначение для постиндустриальных форм государственности) и Умма, в значении «сообщество верующих, в пределах которого выполняется определенная система правовых и моральных норм».

Данный раздел посвящен Национальному Государству, и, конкретно, всего лишь одной его функции, правда, основной — Управлению.

Процесс управления подразумевает выделение позиции **Пользователя**, которую может занимать один человек или более или менее неопределенная группа людей, и **Исполнителя**, в роли которого выступает все остальное общество. Пользователь отдает приказы, Исполнитель выполняет их. При этом в пронизывающем социум информационном потоке создаются и непрерывно поддерживаются два канала — директивный и индикативный. На уровне Рода Пользователь в состоянии донести свои распоряжения до всех членов общества и самостоятельно обработать поступающую индикативную информацию. Уже на уровне Полиса непосредственная связь затруднена: Вождь не может «докричаться» до всех и каждого, и, тем более, он не способен в реальном времени обрабатывать всю информацию «снизу». Поэтому Полис являет собой государство, то есть такой тип управления, при котором существует административный аппарат, играющий роль посредника между Пользователем и Исполнителем. В Национальном Государстве аппарат резко возрастает в размерах и сложности, превращаясь в голем, квазиразумный искусственный интеллект, ответственный за регулирование информации в директивном и индикативном каналах²⁵⁵.

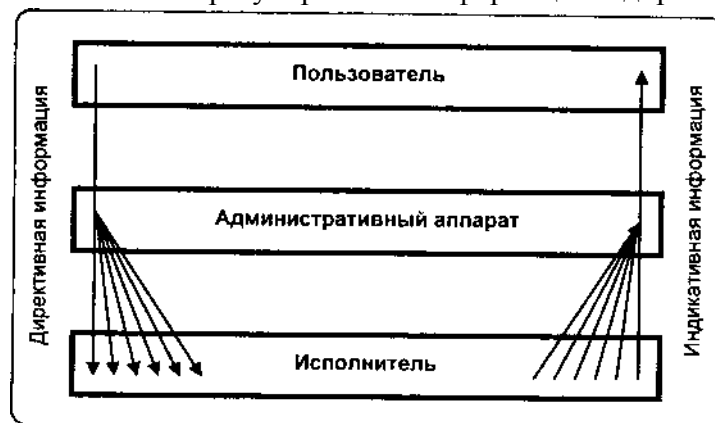

Рис. 11

Пользователь и Административный аппарат вместе составляют **управляющий модуль** социосистемы. Развитие этого модуля — смена субъектов управления, смена характера управления, изменение информационных потоков, охватываемых контуром управления,

254Ютанов Н. Постижение технологии//Российское экспертное обозрение. 2006. № 3.

255Понятие административного голема было введено А. Лазарчуком и П. Леликом (статья «Голем хочет жить», написана в середине 1980-х годов, опубликована в 2001 . (Лазарчук А., Лелик П. Голем хочет жить/ /Мир Интернет. 2001. № 9)). А. Лазарчук и П. Лелик впервые заметили, что административный аппарат Национального Государства эквивалентен системе двоичных логических элементов (триггеров), соединенных в иерархическую схему и включенных в общий информационный поток. Авторы показали, что такая система отвечает критериям, предъявляемым Н. Винером к искусственному интеллекту, и даже способна пройти тест Тьюринга. Позднее было установлено, что голем обладает также простейшими эмоциональными реакциями (страх, голод), что позволяет причислить его к квазиорганизмам.

представляет собой политическую жизнь общества.

Директивный и индикативный потоки замыкаются на позиции Пользователя, образуя **петлю обратной связи в управлении**. Если Управление — атрибутивный признак социосистемы, то наличие такой **автокаталитической** информационной петли — атрибутивный признак управляющего модуля²⁵⁶. Обратная связь замыкается через материальную реальность, то есть процесс управления оказывается формой рефлексии. В этом смысле социосистема есть экосистема, способная к рефлексии. С другой стороны, как создание, так и воспроизводство автокаталитической информационной петли требует проявления воли и представляет собой действие. Следовательно, процесс управления требует, по крайней мере от Пользователя, одновременно занимать и рефлексивную, и деятельную позицию, что крайне затруднительно²⁵⁷.

Управление можно разделить на **гомеостатическое**, при котором воспроизводится определенное устойчивое состояние социосистемы (индикативная информация фиксирует отклонение от этого состояния, директивная информация изменяет систему таким образом, чтобы нивелировать отклонение), и **индуктивное**, при котором Пользователь стремится изменить систему в определенном направлении (директивная информация выводит систему из состояния равновесия, индикативная информация отслеживает величину и направленность изменений).

Для любого общества и любого типа управления характерно **противоречие между управляемой системой и управляющим модулем**. В общем случае это противоречие имеет триалектический характер: управляющие, управляемые, проекция на контур управления вызовов со стороны внешнего по отношению к социосистеме мира²⁵⁸. Поскольку контур управления есть в любой социосистеме, а управленческий механизм в обязательном порядке носит автокаталитический характер, социосистема оказывается обреченной на развитие. Поэтому концепция «конца истории» — как в классической марксистской, так и в современной фукуямовской формулировке²⁵⁹ — является ложной. Можно помыслить общество, в котором отсутствует сословное деление — такова, в первом приближении, современная политическая организация «цивилизованного мира». Можно представить себе бесклассовое общество и нарисовать его убедительный портрет. Действительно, ни в первичную архаичную фазу развития, ни в наступающую когнитивную фундаментальное «противоречие управления» не проявляется как конфликт между **имущественными** классами. Можно даже вообразить социосистему, в которой отсутствует конфликт **информационных** классов. Но вот общество, где нет противоречий в триаде управляемый—управляющий—среда, невообразимо.

Отсюда следует неизбежность политической жизни, политической борьбы, политического развития. Принимая это, мы вынуждены отвергнуть современные представления о непреходящем характере демократических ценностей и поставить на повестку дня вопрос: что будет (с Россией, с США, с Европой, с миром — нужное подчеркнуть) после демократии?

2

Прежде всего отметим, что история предлагает нам очень небольшой выбор форм правления и все они были известны уже Аристотелю. Основоположник науки об управлении, он выделял три «нормальные» формы государственности — демократию, аристократию, монархию — и три «аномальные» — охлократию, олигархию, тиранию. Аристотель был, вероятно, первым, кто сформулировал закон, согласно которому «нормальные» формы в своем развитии неизбежно переходят в «аномальные», после чего государство гибнет.

Аристотель, разумеется, говорил о современном ему классовом рабовладельческом государстве: рабов он людьми не считал, и возможность классовых потрясений в обществе его не волновала. Перетекание «нормального» государства в «аномальное» происходило без

256С автокаталитичностью информационной петли в контуре управления связана удивительная способность управленческих систем к самовоспроизводству.

257Или же Пользователь должен уметь быстро и притом хаотично менять эти позиции.

258В религиозном сознании эта «проекция» воспринимается как Бог (разумеется, необязательно Авраамический). Бог всегда присутствует в системе отношений между управляющими и управляемыми, причем занимает в этой системе особую позицию. С одной стороны, «нет власти, кроме как от Бога», с другой — «глас народа — глас Божий».

259Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.

классовой борьбы, без столкновения «верхов» и «низов» — только за счет процессов в самом контуре управления.

Наличие сложной системы противоречий внутри контура управления обусловлено библейским «смешением языков», то есть распадом единого родового коллективного сознания на совокупность индивидуальных картин действительности. Это привело к потере единой рамки в управленческом звене: в позиции Пользователя оказывались люди, по-разному оценивающие обстановку и генерирующие различные политические решения. На уровне Полиса и позднее — на уровне Национального Государства Пользователь предстает очень сложно организованным субъектом, раздираемым противоречиями и быстро эволюционирующим.

Как правило, политическая борьба происходит именно внутри контура управления. Классовой борьбой она сменяется довольно редко. Для этого требуется, чтобы правящие круги исчерпали все возможности функционирования управленческого модуля социосистемы, чтобы управление испытало системный кризис. В. Ленин был не совсем точен в определении революционной ситуации. Действительно, нужно, чтобы «низы» не могли жить по-старому. «Верхи» же должны утратить всякую способность к управлению. Если они могут управлять по-старому — движение «низов» будет подавлено и квалифицировано как бунт. Если они не в состоянии управлять по-старому, но могут найти какие-то устраивающие всех новые формы и методы управления, приходит эпоха реформ. И только если нет ни старых, ни новых решений, начинается революция, в ходе которой прежний правящий слой уничтожается (зачастую физически) и формируется иная управленческая система с другими степенями свободы.

Противоречия внутри управленческого слоя — по крайней мере те из них, которые обнаруживают тенденцию к самовоспроизводству, — можно представить как борьбу нескольких сил, занимающих внутри общей управленческой позиции разные стратегические позиции. За очень редкими исключениями, значимую роль в политическом развитии играет борьба только двух сил, которые можно связать с двумя «маятниковыми» политическими партиями.

Важно понять, что двухпартийная система — вовсе не прерогатива представительной демократии. Она даже не связана с индустриальной фазой развития. Двухпартийность и соответствующие ей «колебательные решения» возникают в любом контуре управления, если он зрелый, но не старый. «...Тот, кто хоть сколько-нибудь сведущ в политике, хорошо знает: по крайней мере два мнения существуют даже там, где имеется лишь одна партия. И даже там, где зарегистрированы восемь или десять партий, в сущности, тоже не более двух партий...»²⁶⁰

Проблема, неотвратимо превращающая борьбу партий внутри правящего слоя в классовую борьбу с вмешательством контрэлита в процесс управления, состоит в том, что по Третьему закону диалектики (закону неубывания сложности системы) противоречия между партиями неуклонно возрастают. Наступает момент, когда правящая элита раскалывается настолько, что внутри нее исчезает представление об «общих задачах», «общих горизонтах», «нации и конституции». Более того, политические лидеры перестают воспринимать себя членами единого общества. Тогда страна неминуемо раскалывается и начинается гражданская война. Как реакция на нее приходит сильная императорская власть, при этом государство, являющееся Представлением социосистемы, проходит через стадию катастрофического упрощения, что и позволяет одному человеку интегрировать разнородные Тоннели Реальности и восстанавливать работоспособность контура управления. Далее, по мере развертывания нового витка развития, вновь происходит распад единой рамки управления и появляются «придворные партии», скрытые, но от того не менее реальные. Противоречия между ними начинают нарастать...

В этой картине, устойчиво воспроизводящейся тысячелетиями (Китай, Индия, Иран), можно сколько угодно менять отдельные параметры, но общий вывод изменить не удастся. Различные системы «стяжек и противовесов»: конституционная монархия, разделение властей, современное демократическое государство, представляющее собой результат злоупотребления юридическими нормами, то есть измеримыми социальными отношениями в процессе управления, — все это лишь представляет собой отрицательную обратную связь, наложенную на развитие. Иными словами, это — попытка решить основную проблему управления заведомым ухудшением качества этого управления.

Современная демократическая система уникальна в том отношении, что она вообще не поддерживает никаких социосистемных процессов, кроме релаксационных. Это, конечно,

позволяет сохранить общественную стабильность неограниченно долго, но ценой очень больших непроизводительных затрат²⁶¹ и фактического отказа от управления. В известном смысле, к любому сегодняшнему парламенту, к любому министерству или президенту, к председателю центробанка и «главному олигарху» можно применить классическую характеристику: «царствует, но не правит». Правящий класс сохраняет за собой власть путем отказа от управления социосистемой.

И все было бы хорошо, если бы социосистема была самодовлеющей и в ней были бы только управляющие и управляемые. Но, напомним, противоречие носит триалектический характер: управляющие, управляемые и проекция внешнего мира на систему социальных отношений — проекция, которую мы назвали Богом. Это значит, что, справившись с внутренними противоречиями и подчинив себе все мыслимые контрэлиты, социальные «верхи» утратили способность демпфировать развитие конфликта между социосистемой и внешним миром. Если хотите: эти элиты противопоставили себя Богу.

В результате мы имеем то, что имеем.

Производительность капитала неуклонно падает. Более того, в логике глобализации начала работать крайне опасная социальная «машинка», когда одни области планеты оказываются перекапитализированными настолько, что в них бессмысленно любое производство, другие же — недокапитализированы до такой степени, что оттуда бегут люди и капиталы. В результате развиваются два противоположно направленных, но равным образом критических процесса: капитал теряет ликвидность, а производство — рентабельность. Если вспомнить о серьезнейших проблемах энергетики, которые проявляются как одновременный кризис энергоносителей, энергогенерирующих мощностей и распределительных сетей, и оценить положение энергетики в основании современной производственной пирамиды, то придется признать, что один из базовых социосистемных процессов, а именно производство, находится в глубоком упадке.

Еще более тяжелая ситуация сложилась в образовании, где смело можно говорить о девальвации: современное высшее образование в лучшем случае соответствует среднему образованию полувековой давности. Познание утратило всякую связность (не только между объективным познанием — наукой, субъективным познанием — искусством и трансцендентным познанием — теологией, но и, например, между различными научными дисциплинами и даже внутри самих этих дисциплин). Что же касается управления, то оно настолько обросло стяжками и противовесами, настолько административно и юридически зарегулировано, настолько перегружено индикативными информационными потоками, что, в сущности, не управляет вовсе.

Таким образом, мы имеем дело с всесторонним социосистемным кризисом, который благодаря глобализации еще и повсеместен. А это означает, что в современном мире медленно, но верно складывается революционная ситуация. Собственно, «верхи» уже находятся в ней: они не могут управлять ни по-старому, ни по-новому. И не научатся, ввиду кризиса познания, охватившего, прежде всего, гуманитарный контур и зону трансценденции. «Низы», однако, пока еще могут жить по-старому. Но по мере нарастания глобального антропотока, увеличения террористической угрозы и деградации индустриальных форм производства (в первую очередь, энергетического кризиса) «тяготы и лишения трудящихся масс» будут, вполне по Ленину, нарастать. В этой ситуации мы должны предсказать ренессанс контрэлитного «левого политического проекта» — с одной стороны, и быстрое нарастание реальной религиозности населения, в том числе в США и европейских странах, — с другой. Это вызовет заметные общественные сдвиги и на какое-то время стабилизирует ситуацию. Однако современная мировая элита, несомненно, примет меры против левого движения и религиозного экстремизма в полном соответствии с принципом неизменного нарастания политической борьбы. Эти меры, в зависимости от уровня компетенции правящих кругов различных стран, приведут либо к гражданским войнам, либо к внешним войнам, целью которых будет «сжигание» накопленной пассионарности как социальной основы «левого ренессанса». В любом случае ситуация войдет в неуправляемую раскачку.

Если мы готовы доверять опыту пяти тысячелетий политической жизни человечества, то придется признать, что результатом раскачки станут глобальные социальные потрясения, в ходе которых современная правящая элита будет уничтожена. Территориальная и функциональная глобальность кризиса, вовлечение в него всех четырех социосистемных процессов заставляют предположить, что этим дело не ограничится: вероятно, Национальное

²⁶¹Заметим, что исторически демократические режимы создавались, как правило, в условиях экономического процветания и переизбытка прибавочного продукта — античная Греция, античный Рим, Великобритания Нового времени, современная Европа.

Государство перестанет быть главенствующим Представлением социосистемы (причем мы не представляем себе сейчас, чем оно должно смениться, ибо и Market Community и Умма в настоящий момент представляют собой дискурсы, за которыми отсутствует экономическое, политическое или социальное содержание). Можно предполагать, что произойдет и смена фазы развития.

Необходимо понять, что все перечисленное — это уже **Неизбежное будущее**. Ни избежать катастрофы, ни отсрочить ее не удастся. Однако в наших руках остается форма этой катастрофы и уровень ее всеобщности: даже в условиях глобализации какие-то территории могут быть затронуты кризисом сравнительно слабо. В наших руках также исход катастрофы, то есть выбор между следующей фазой развития — когнитивной (и соответствующим ей Представлением социосистемы) или отходом к предыдущей, традиционной (феодальной) фазе.

3

Эти общие соображения позволяют сделать ряд выводов для России.

В первую очередь следует учесть, что разные Национальные Государства будут вступать в активную фазу глобального кризиса не одновременно (и есть некоторые основания считать, что СССР/Россия уже пережил эту активную стадию в 1990-е). Это создаст для некоторых стран возможность сбросить внутреннее напряжение путем внешней войны, которая, вероятно, будет восприниматься национальными элитами лучшим выбором между двух зол. Нужно иметь в виду, что наряду с Ираном, Северной Кореей и Белоруссией Россия — с ее имперской историей, природными ресурсами и слабыми вооруженными силами — может стать объектом такой войны.

Поэтому при любом правительстве и любом президенте Россия должна готовиться к войне.

Во времена Президента Путина страна успешно защитила свое геокультурное пространство от чужой проектности. Новый Президент должен решить гораздо более сложную задачу — в условиях общего кризиса мирового контура управления заставить проектно работать национальную управленческую систему. Если мы действительно прошли кризис в 1990-м, то такая возможность есть.

Наконец, Россия должна подготовить глобальный проект, работающий с чужими национальными смыслами, втягивающий их, и — по мере сил и возможностей, которых в «сумерки мира» не много, — осуществить его, создав в стране условия для когнитивного (постиндустриального) перехода.

Этот глобальный проект должен обладать интегрирующим действием не только по отношению к российской метрополии, но и по отношению к пространству СНГ, а также — к русской диаспоре за рубежом. Такое интегрирующее действие возможно лишь при наличии у проекта трансцендентной составляющей, отсутствующей, например, в глобальном проекте Единой Европы, но наличествующей в глобальном японском проекте «Внутренняя граница. Цели Японии в XXI веке»²⁶².

Если все это будет сделано — и достаточно оперативно, если эта деятельность будет сопровождаться быстрой **модернизацией населения** в рамках реформы ЖКХ и административного самоуправления... Если удастся пересмотреть принципы образования и создать институты познания нового типа... Тогда Россия получит шанс осуществить постиндустриальный переход и сохраниться на ментальной, экономической и географической карте мира.

Речь идет, следовательно, о попытке восстановить нормальное функционирование контура управления через его управляемую перестройку²⁶³. Это нужно делать ценой всего, так как альтернативный вариант — катастрофическое упрощение с полной сменой элит и организационных структур — все равно обойдется дороже.

262Frontier within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium Japan's Goals in the 21st Century// Report of the Prime Minister's Commission. Japan, 2000.

263В сущности, речь идет о применении модели кризисов Грейнера (*Greiner L.* Evolution and revolution as organization grow/ Harvard Business Review. July-August. 1972. P. 37-46.) к политическому развитию. «Аристотелевы» управленческие механизмы (монархия—аристократия—демократия и тирания—олигархия—охлократия) соответствуют первому и второму этапу Грейнера — «креативной группе» и «классической корпорации». В настоящее время, возможно, осуществляется переход к этапу «холдинга» с его «не-аристотелевым» управлением.

«ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО»: БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ИННОВАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА

Инноватика — это вечная российская тема, наряду с дураками, дорогами и реформой местного самоуправления. В течение всей своей индустриальной истории Россия неизменно сталкивается с двумя взаимосвязанными кризисами: инфраструктурной недостаточностью и технологическим отставанием. За три столетия, минувшие с начала петровских преобразований, были испробованы все разумные, многие экстремистские и некоторые фантастические способы восстановления научно-технического равновесия с Западом, не исключая социалистической революции, глобальной войны и гонки ядерных арсеналов. Проблемы, однако, устойчиво воспроизводятся вновь и вновь.

Сегодня Россия в очередной раз решает, что лучше: быстренько импортировать весь комплекс технологий (лучше вместе с носителями, а заодно системой образования и государственным языком, тем более что позитивный опыт такого заимствования имеется) или построить свою собственную, посконную и домотканую, инновационную систему — это мы тоже делали с впечатляющими результатами. Особенность ситуации состоит в распространившемся за последние десятилетия постмодернистском подходе к принятию решений, в рамках которого принято не говорить «да» и «нет», не покупать «черного» и «белого» и вообще по возможности ничего не делать. Когда российский министр финансов А. Кудрин называет разговоры об инновационной экономике «болтовней», он, конечно, грубит, но при этом говорит почти всю правду.

Постановка задачи: технологические пределы

Перед нами стоит несколько простых вопросов:

- Что такое инновация?
- Какие бывают инновации?
- Какие инновации нужны именно сейчас и именно здесь?
- Как их получить?

Совокупность ответов представляет собой техническое задание на проектирование федеральной инновационной системы (ФИС).

Предварительно следует принять два принципиальных политических решения. Необходимо ответить на вопрос, должна ли ФИС стать одним из модулей мирового инновационного процесса, или же она будет претендовать на автономию? Необходимо также понять, на какой «элементной базе» можно построить современную инновационную систему, что подразумевает, в частности, критический анализ современной науки в части ее технологизации.

К началу XXI столетия процесс глобализации в полной мере охватил научные исследования и технологическое развитие. Считается, что это привело к интенсификации креативной деятельности и повышению ее эффективности за счет отказа от дублирования исследований, развития страновой специализации и международной кооперации. В действительности произошло выделение так называемого исследовательского мейнстрима: нескольких «модных» направлений (водородная энергетика, нанотехнологии и т.д.), которые потребляют все больший и больший объем ресурсов. Принадлежность ученого к мейнстриму гарантирует получение и непрерывный рост финансирования, конвертируемость полученных результатов и их востребованность, наконец, обеспечивает абсолютную мобильность исследователя, который сможет найти себе работу в любом уголке мира.

Дело обстоит даже хуже: страна, не развивающая у себя мейнстримные технологии и исследования, утрачивает способность к международному информационному обмену (теряет единый «язык») и покидает мировое информационное пространство, превращается в страну-изгоя.

Однако даже во времена Средневековья человеческому сообществу требовалось развивать не единицы, а десятки и сотни направлений исследований. Это обеспечивалось «пестротой» и многоукладностью мира — с одной стороны, войной и торговлей — с другой. Сейчас, в эпоху глобализации, вариативность мира, в том числе вариативность науки и технологии, свелась к минимуму: все делают одно и то же. Но вполне может оказаться, что мы «ищем, не там, где потеряли, а там, где светло». При этом строим идем к темной пропасти.

В 2001 году исследовательской группой «Конструирование Будущего» была предложена

гипотеза, согласно которой в жизнеспособном развивающемся обществе в среднем (усреднение производится в масштабе поколения, то есть на уровне 20—25 лет) должен соблюдаться детальный баланс между двумя принципиально различными типами технологий. К первому типу относятся технологии, способствующие выживанию и процветанию Человека Разумного как биологического вида, существующего во вполне определенной материальной среде и использующего в своих интересах ресурсы этой среды. Несколько упрощая, можно сказать, что эти технологии конвертируют информацию/знания в иные вещественные ресурсы (прежде всего — в пищевые). Ко второму типу технологий принадлежат социальные механизмы, создающие и поддерживающие гармонию между человеком и «второй природой»: искусственной средой, образованной совокупностью технологий первого типа. Другими словами, технологии первого типа заключают в себе объективные возможности истории и отвечают на вопрос «что происходит?», а технологии второго типа управляют субъективными вероятностями и отвечают на вопрос «как именно это происходит?»

По мнению группы «Конструирование Будущего» всякий дисбаланс между **ускоряющими** (физическими) и **управляющими** (гуманитарными) технологиями заключает в себе риск. Если дисбаланс становится нестерпимым и мир подходит к одному из двух пределов развития: **пределу сложности**, для которого характерна дефицитность управляющих технологий, или **пределу бедности**, где недостает технологий ускоряющих, — тогда речь идет о перспективе полномасштабной социальной катастрофы, то есть о взрывном разрушении общественных институтов с последующей технологической деструкцией (**первичным упрощением**), восстанавливающей утраченное равновесие²⁶⁴.

Если принять вслед за группой «Конструирование Будущего» гипотезу исчерпанности индустриальной фазы развития и близости цивилизации к соответствующему **фазовому барьеру**, придется признать, что технологический дисбаланс уже достиг критического порога. Такой же вывод следует из формального анализа соответствия «ускоряющего» и «управляющего» технологических пространств.

В этих условиях участие России в общемировой гонке за приоритетное владение несколькими технологиями так называемого мейнстрима бесперспективно. Оно опасно, поскольку только приближает общество к пределу сложности и первичному упрощению в форме войны или социального катаклизма. Оно не нужно, поскольку технологии мейнстрима **по определению** продаются на рынке, и, значит, если они нужны, их дешевле и проще купить за нефть²⁶⁵. Наконец, оно бессмысленно, поскольку в этой области работают практически все западные знаниевые корпорации и человеко-машинные системы; шансов опередить их нашей уникальной «ручной» или даже примитивной «мануфактурной сборкой» нет никаких.

Постановка задачи: расширенное воспроизводство инноваций

На первый и даже на второй взгляд нам угрожает, прежде всего, предел сложности, недостаточность пространства гуманитарных технологий. В действительности все обстоит еще интереснее: вблизи барьера технологические пределы смыкаются. В условиях стихийного развития науки в течение всего XX столетия и избирательного, продиктованного модой и рядом полуслучайных обстоятельств расцвета технологического мейнстрима пространства гуманитарных и физических технологий оказались полностью разбалансированными. В результате в некоторых знаниевых областях технологическое развитие Земли избыточно и соответствует оформленной когнитивной фазе, при этом ряд технологий, критических для постиндустриального перехода, отсутствует даже в проекте.

Одной из таких технологий является массовое производство инноваций.

Определим «инновацию» как форматированный укрупненный распакованный смысл, не актуализированный ранее и обладающий заданным юридическим статусом на некоторой территории в течение определенного промежутка времени.

1. Здесь «форматирование» означает, что смысл представлен в форме, допускающей **трансляцию**, то есть передачу неопределенному числу лиц.
2. «Распаковку» следует понимать как установление **семантического спектра** всей системы

²⁶⁴Переслегин С., Столяров А., Ютанов Н. О механике цивилизаций/ /Наука и технология в России. 2001. 7 (51); 2002. 1 (52).

²⁶⁵Не случайно умный и ироничный Х. ван Зайчик, фантаст и синолог, в своей «Евразийской симфонии» называет западные страны «технологическим придатком» Ордуси.

понятий, ассоциированных с данным смыслом.

3. Использование фундаментального информационного понятия «**смысл**» подразумевает, что инновация имеет деятельностное содержание и обладает способностью устанавливать связи.
4. Юридический статус инновации устанавливается в определяемом законом порядке. **Легитимизация**, разумеется, не сводится к патентованию. И не только потому, что гуманитарные технологии не могут быть запатентованы, но и ввиду пассивности, «недеятельности» патента. Легитимизация описывает пространство, где данная инновация «имеет право на реализацию»²⁶⁶.

Не все инновации могут обращаться на рынке. Часть инноваций допускает непосредственное или опосредованное **субъектное** применение (существует физическое или юридическое лицо или группа лиц, которым эта инновация нужна, и они готовы — в той или иной форме — за нее платить), такие инновации могут быть потреблены и оплачены. К ним относятся:

- Изобретения (например, кубик Рубика)
- Технологии (в частности, непрерывная выплавка стали)
- Ноу-хау (скажем, Microsoft Windows)
- Бренды (любой рекламный дискурс)

Инновации альтернативного типа могут быть утилизированы, но не потреблены. Они не допускают субъектного применения и не могут быть оплачены в рыночном смысле этого слова. К таким инновациям относятся:

- Гуманитарные технологии (одним из лучших примеров служит майорат)
- Идеи (полет, или вакцинация, или сценарирование Будущего)
- Социальные практики (шариат)
- Цивилизационные принципы (развитие, гармония, милосердие)

Инновационная система есть совокупность инновационных институтов, действующих в связанном юридическом пространстве, заданная вместе с форматами, описывающими их деятельность. Целевой рамкой инновационной системы является создание и утилизация инноваций, функциональным содержанием — управление инновационной деятельностью.

Другими словами, инновационная система — это социальная машина, производящая инновации.

Экономика является инновационной, если она, в частности, обеспечивает расширенное воспроизводство инновации (то есть ее инновационная система обладает чертами автокаталитической системы по И. Пригожину²⁶⁷: она открыта, неравновесна, способна к самовоспроизводству и развитию). Экономика Европы 1820-х или 1910-х годов, не говоря уже о 2000-х годах, не может быть признана инновационной, хотя первые две обладают некоторыми чертами такой экономики и являются ее локусом.

Индустриальная экономика инновационна настолько, насколько она развивается быстрее, нежели экспонента с показателем, равным ставке рефинансирования центрального банковского учреждения страны. Для России в последние три-четыре года это требование выполняется (хотя превышение не очень велико), поэтому А. Кудрин все-таки прав не до конца: в российской экономике есть измеримая инновационная составляющая.

Следует подчеркнуть, что инновационная экономика всегда имеет коэффициент полезного действия ниже единицы, так как в обязательном порядке содержит процесс внутреннего обращения инноваций. В этой связи бессмысленен излюбленный госчиновниками и олигархами вопрос: «А почему я должен за это платить?» Покупая бензин для машины, мы оплачиваем не только ту его часть, которая производит полезную для нас работу (вращает колеса), но и ту, которая идет на нагрев окружающей среды. Природа устроена так, что КПД любого двигателя, даже идеального, в котором нет ни трения, ни паразитной теплопередачи, ни выхлопа, всегда меньше единицы. Общество устроено так, что за быстрое экономическое развитие приходится переплачивать, финансируя не только то, что нужно «здесь и сейчас», но и то, что, возможно, нигде и никогда не понадобится. Кстати, в этой логике сосредоточение исследований на нескольких мейнстримных направлениях сродни попыткам создать вечный двигатель второго рода.

Более существенным является то обстоятельство, что инновационная экономика носит

²⁶⁶Предложенное определение опирается на теорию семантических спектров, разработанную русским ученым и философом В. Налимовым (*Налимов В. Спонтанность сознания. М.: Водолей Publishers, 2007*).

²⁶⁷*Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003.*

(по крайней мере, вблизи фазового барьера) необходимо государственный характер. Дело в том, что бизнес, во-первых, не может оплачивать инновации «не рыночного типа» — по определению. Во-вторых, даже с инновациями рыночного типа дело обстоит очень сложно: между фактом создания инновации и фактом ее рыночной оплаты может пройти очень много времени. Иными словами, рынок платит «не тогда» и, как правило, «не тем». Что это несправедливо — полбеда, беда заключается в том, что разрывается индустриальная цепочка деятельности: обращение инноваций теряет связь с обращением финансов, то есть с утилизацией и оплатой инноваций. Пока этот разрыв сохраняется, ни о каком «расширенном воспроизводстве» не может быть и речи. Государство является единственным экономическим игроком, способным замкнуть инновационный цикл, взяв на себя его издержки в настоящем во имя прибыли в (далеком) будущем.

Заметим, что все динамично развивающиеся инновационные системы, хотя и включают в себя частный бизнес, носят государственный характер, причем это прописывается в национальном законодательстве, а в некоторых странах (Южная Корея) даже включается в текст Конституции.

Инновационная экономика способствует развитию и, следовательно, дестабилизирует общество. Инновационная устойчивость государства есть величина, характеризующая долю нововведений (долю реализованных инноваций в общем числе произведенных инноваций), которую она может «переварить» без парадигмальной катастрофы. В этой логике классическое ленинское определение революции должно быть модифицировано: взрыв происходит, когда «низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять *по-новому*».

Инновационную устойчивость можно повысить последовательной институционализацией инноваций: создание института всегда позволяет упаковать инновацию в традицию, либо представить ее как традицию, либо, наконец, превратить ее в традицию.

Подведем предварительные итоги:

- В современном глобализованном мире нарушен детальный баланс между технологиями физического (ускоряющего) и гуманитарного (управляющего) типов. Нарастание разрыва между технологическими пространствами угрожает цивилизационной катастрофой — первичным упрощением с деструкцией индустриальной фазы развития и наступлением новых Темных веков.
- Неконтролируемое развитие ограниченного числа мейнстримных технологий способствует нарастанию технологического дисбаланса.
- В этих условиях выходом может стать создание инновационной системы, способной к массовому производству **разных** инноваций, и инновационной экономики, использующей инновации в качестве своеобразного «топлива».
- Такая экономика с необходимостью будет носить государственный характер, функционировать «над рынком» (хотя некоторая часть инноваций и инновационных технологий будет обращаться на рынке), потреблять часть совокупного общественного ресурса и способствовать дестабилизации общества²⁶⁸.
- Эти жертвы оправдываются быстрым экономическим развитием (быстрее экспоненты с показателем, равным ставке рефинансирования), возможностью сшить между собой ускоряющее и управляющее технологические пространства, произвести критические технологии фазового когнитивного перехода и в конечном счете избежать глобальной цивилизационной катастрофы.

Инноватика и наука: знаниевая гипотеза²⁶⁹

Элементарная инновационная система устроена достаточно просто:

- Креативный генератор, который может быть «собираем» на организационно-деятельностной игре, ролевой игре, рефлексивной управляющей группе («двойке», «тройке», «решетке»), производит новые смыслы
- Более каноническая аналитическая структура, в роли которой может выступить «фабрика мысли» или даже исследовательский институт, форматирует эти смыслы, отсеивая ложные или тривиальные, придавая истинным структуру, допускающую трансляцию

²⁶⁸ Есть все основания полагать, что такая дестабилизация уже происходит в наиболее быстро развивающихся «проектных» странах — США, Германии, Японии, России, Китае, Южной Корее, Иране, Малайзии, — что вызовет во втором десятилетии XXI века цепь локальных войн, интегрирующихся в мировой конфликт.

²⁶⁹ В разработке понятий, включенных в этот и следующий разделы, принимали участие С. Переслегин, Е. Переслегина, С. Боровиков, Ф. Дельгадо, А. Желтов, В. Мовиллы.

неопределенному кругу лиц, в том числе технологизацию

- Государство в лице своих инновационных институтов (патентных бюро и информационных банков, венчурных фондов, государственной инновационной корпорации, инновационного банка и т.п.— нужно подчеркнуть, недостающее вписать) придает инновации легитимный статус и способствует установлению ее первичной рыночной стоимости
- Бизнес, а в отдельных случаях и само государство (на сей раз в лице административной системы, правительства, силовых министерств, некоторых других органов или структур) утилизирует информацию и оплачивает ее.

Интересно, что, как правило, в отечественной и зарубежной литературе «инновационную систему» сводят только к совокупности институтов и институциональных решений. Это неявно предполагает, что новые смыслы появляются спонтанно и что существующий механизм академической и отраслевой науки обеспечивает форматирование смыслов. Первая посылка в общем верна, но не везде и не всегда. Вторая — просто является ложным убеждением.

Поскольку мы определили технологию как одну из форм инновации, причем довольно простую, взаимосвязь науки и инноватики можно проследить, анализируя связь науки и технологии. В наш век постмодерна стало модно вообще отрицать эту связь... очевидно, что инновации растут на деревьях, как булки, а транснациональные корпорации доставляют их потребителям. Воистину, «здравый смысл» нужен не только в шахматах²⁷⁰!

Но, надо сказать, наука сама дала повод к подобному отношению.

Десятилетиями повторяя инвестору «отрицательный результат — тоже результат», ученые сами в это поверили. Наука уже давно перестала быть генератором новых смыслов. Разучилась она и интегрированию, укрупнению смыслов. Упаковывать же смыслы в форматы, допускающие практическое применение в бизнесе или на государственном уровне, академическая наука никогда не могла, а отраслевая — не хотела — именно поэтому на Западе пришлось в 1950-е годы создавать «умные танки»²⁷¹ — они же «фабрики мысли», а у нас занятые примерно тем же «государственные комитеты». Так что хорошо если современная наука выполняет хотя бы неблагодарную, но полезную работу по борьбе с ложными смыслами... Замечу в этой связи, что, выделяя шестизначные суммы на функционирование Российской академии наук, наше государство вовсе не оплачивает издержки инновационной деятельности. Оно просто следует моде.

Но если современная наука не производит смыслы/ инновации/технологии, откуда же они тогда берутся? Ответ может показаться парадоксальным: функции креативного генератора взяла на себя **лженаука**²⁷². «Лжеученые», берущие на себя ответственность не «заниматься исследовательской работой», а «делать открытия», встречаются среди ТРИЗовцев, методологов, программистов, бизнесменов... даже в среде ученых нет-нет, да и появится индивидуум, который набрасывается на тихую, не приносящую никому вреда проблему и рубит ее под корень. Другой вопрос, что вся эта деятельность существует как бы вне канонического пространства науки, практически не оплачивается и очень плохо утилизируется.

Я сказал бы, что задачей государства является создание институтов, способных доводить до технологического уровня научные результаты, полученные вне официальной научной среды, но в России это, в сущности, уже сделано — усилиями Г. Щедровицкого, С. Кириенко, И. Шувалова, А. Волкова, П. Щедровицкого (понятно, я упомянул далеко не всех). Поэтому задачей настоящего момента является «интенсификация лженауки», ее

270«Здравый смысл в шахматах» — книга Э. Ласкера, направленная, в частности, против «шахматного постмодерна» (Ласкер Э. Здравый смысл в шахматах. Ленинград, 1925).

271«Фабрики мысли» (от англ. thing tank) — независимые исследовательские организации, созданные в целях обсуждения и реализации важных для общественной жизни решений и продвижения той или иной политики.

272Напомню, что основными признаками лженаучной публикации являются: 1) отсутствие ссылок на работы предшественников или необязательность таких ссылок, 2) стремление автора решать глобальные проблемы, научные или общественные, 3) склонность к необоснованной генерализации, 4) склонность к сенсационности, 5) отступление от общепринятого стиля научных публикаций, 6) игнорирование фактов, не укладывающихся в рабочую гипотезу автора. Давно подмечено, что публикации А. Эйнштейна по специальной Теории относительности и работы Д. Менделеева по Периодическому закону отвечают всем критериям лженауки. Что же касается А. Вегенера, автора концепции дрейфа материков, то он был прямо обвинен в шарлатанстве и незнании основ геологии.

индустриализация.

Иными словами, бессмысленно искать результаты там, где их ищут все. Еще более бессмысленно искать их там, где их нет и не может быть. Следует определить перспективные «точки роста» и именно там сосредоточить усилия как новеньких, «с иголки» российских «фабрик мысли» — как Центров стратегических разработок, так и тех подразделений фундаментальной и прикладной официальной науки, где еще теплится жизнь и не угас интерес к познанию.

Возможно, в поиске таких «камбиевых зон» поможет гипотеза о знании.

Назовем «знанием» системно организованную совокупность научных или учебных дисциплин, обладающих собственной онтологией или способных породить такую онтологию. К настоящему моменту описано 16 видов знания, классифицированных по уровням Бертана Рассела:

Первый уровень «Где я?» (описательный) включает географическое знание (в своей высшей форме оно становится астрономическим), историческое, физическое и мифологическое знание. Для определенности раскроем структуру географического знания:

- **География:** физическая (точка сборки всего знания), описательная (материки и океаны, страны и народы, культуры и цивилизации, этнокультурные плиты), экономическая, историческая
- **Геология:** строение Земли, полезные ископаемые, геохимия, геофизика, экономическая геология
- **Метеорология:** климат, погодные явления, стихийные бедствия, природные зоны, палеоклиматология
- **Астрономия:** общая астрономия, планеты и спутники, звезды, навигация и навигационные приборы, координаты, координатные системы
- **Экономика:** политэкономия, современная экономическая система, мировая торговля, рынки, валюты и валютные зоны, биржа и биржевые процессы, маркетинг, геоэкономика
- **Политика:** международное право, правовые системы, международные отношения, геополитика

Второй уровень «Что я делаю?» практически не заполнен.

В действительности четырем фундаментальным социосистемным процессам — **познанию, управлению, обучению, производству** — должны соответствовать четыре знаниевых фокуса. На Западе сформировано юридическое и административное знания (причем последнее — только для частного случая менеджмента), которые можно рассматривать как примитивные формы управленческого знания.

Кроме того, трем социосистемным деятельности, к которым относятся **распаковка, компактификация и коммуникация**, также должны соответствовать три знаниевых фокуса, из которых проявлен только один — в примитивной форме конфликтологии.

С третьим уровнем «Как я это делаю?» дело обстоит значительно лучше. Техническое знание вполне сформировано, отсутствует лишь точка сборки, на которой и должна выстраиваться онтология. Такой точкой сборки могла бы стать наука о городе и образе жизни. В определенной мере построено экономическое и антропологическое знание. Структура последнего выглядит следующим образом:

- **Математика** (теория вероятности, математическая статистика)
- **Биология** (генетика, теория эволюции, палеонтология, биохимия, описательная биология — ботаника, зоология, общая биология, антропология, анатомия, физиология человека, физиология высшей нервной деятельности)
- **Медицина** (строение организма, инфекционные болезни и эпидемиология, хронические заболевания, заболевания костной системы, заболевания мышечной системы, заболевания внутренних органов, гормоны и гормональная медицина, опухоли, наследственные заболевания, травмы, методы оказания первой помощи, фармакология, антибиотики, наркология, наркотики и психоделики, беременность, навыки акушерской практики, педиатрия, психосоматика)
- **Психология** (соционика — **претендует на сборку всего знания**, теория менталитетов, модель Лири-Уилсона, модель Хеллингера, модель Фрейда, модель Юнга, нейролингвистическое программирование, гештальт-терапия, тренинги, возрастная психология, когнитивная психология, ролевые игры)
- **Социология, политология, политтехнологии, культурология**
- **Физическая культура** (**претендует на сборку всего знания**, анатомия, физиология, психофизиология, спортивная медицина, основы тренерской деятельности, спортивное

питание, здоровый образ жизни)

Для **четвертого уровня «Почему я это делаю?»** удалось построить высокоорганизованное рефлексивное знание, которое включает в себя одно или несколько знаний более низкого уровня, мыследеятельностную методологию, являющуюся точкой сборки, общую теорию систем и некоторые разделы психологии. К сожалению, этим знанием и в стране, и в остальном мире владеют очень и очень немногие.

Наконец, **пятому уровню «Кто я?»** отвечает высшее или трансцендентное знание, образованное совокупностью знаний более низких уровней (в том числе — рефлексивным), а также рядом научных и философских дисциплин, среди которых:

- **Математика** (геометрия, аналитическая геометрия, тензорный анализ, геометрия Римана, топология, высшая топология, теория групп, теория алгебр, высшая алгебра, теория функций комплексной переменной, математический анализ — интегральное, дифференциальное, вариационное исчисление, функции, спецфункции, обобщенные функции, ряды, теория чисел, математическая логика, альтернативные логики, дифференциальные логики, теория множеств, работы Геделя, проблемы Гильберта в современной интерпретации)
- **Физика** (классическая механика, классическая теория поля, специальная и общая теория относительности, калибровочные поля, эволюция вселенной, суперсимметрия и супергравитация, суперструны)
- **Квантовое знание** (теория вероятности, математическая статистика, квантовая механика, квантовая электродинамика, квантовая теория поля, квантовая гравитация, квантовые эффекты в макромире, «квантовая» литература — дисциплины существуют, знание не сформировано)
- **Лингвистика** (историческая лингвистика, структурная лингвистика, неопозитивизм, подход Витгенштейна, подход Лема, подход Налимова)
- **Общая теория систем**
- **Методология** (физическая методология, историческая методология, гуманитарная методология, мыследеятельностная методология, представление об обобщенной методологии)
- **Музыка**
- **Философия** (история философии, философское метазнание, основные формы философского знания и их взаимосвязь, современная философия)
- **Богословие**, в т.ч. трансценденция (реальная точка сборки всего Знания)

Не уверен, что кто-либо в мире сегодня владеет этим знанием в полном объеме, но в прошлом для уровней знания своего времени случаи были: Леонардо да Винчи, И. Ньютон, В. Вернадский, Т. Лири, В. Налимов...

Понятно, что линейная комбинация знаний также представляет собой знание, так что число возможных конструкций довольно велико. Согласно гипотезе Ф. Дельгадо, точками роста, «подозрительными на экстремум» креативной и инновационной деятельности, являются области, в которых пересекается знаниевые пространства с пространствами, образованными научными дисциплинами. Иными словами, новые смыслы возникают там, где частная наука обретает онтологический статус и поэтому становится рефлексивной²⁷³.

Инноватика и наука: новые проблемы Гильберта (дайджест)

Предварительный анализ дает следующие перспективные «точки роста», в которых вероятно возникновение не только новых смыслов, но и новых технологий, причем — критических для когнитивного перехода:

1. Область: Теория квазихаотических систем.

Ведущая проблема: являются ли процессы возникновения турбулентности хаотическими или квазихаотическими?

Ожидаемые технологии:

- Управление циркуляцией водных и воздушных масс (управление климатом, управление погодой, управление стоком рек, планирование режима работы ГЭС)
- Ламинаризация процессов обтекания (крыла и т.п.), альтернативные отсосу пограничного

²⁷³Пересечение пространств знания и дисциплинарности дает возможность «увидеть» дисциплину, выйдя в онтологическую позицию. Это и есть рефлексия, по крайней мере ее форма.

сложны методы управления потоком

- Подавление потерь на вихреобразование в трубопроводах (квазисверхтекучие жидкости и газы)
- Искусственное масштабирование естественных вихревых процессов

2. Область: Взаимодействие социальной, психической или человеко-машинной системы с нерегулярным информационным потоком (*информационная турбулентность, информационная кавитация*).

Ведущая проблема: изменение состояния коллективного сознательного/коллективного бессознательного (измененные состояния массового сознания).

Ожидаемые технологии:

- Безошибочные действия
- Быстрое обучение
- Протоколы общения (в том числе и опосредованного — текст, Интернет) высокого уровня
- Вторичное информационное квантование (рождение—уничтожение сюжетов)
- Методы воздействия на коллективную психику (массовые психоделики)
- Прямое получение информации из коллективного бессознательного
- Прямое получение информации из информационного поля Земли

3. Область: Теория сложных и сверхсложных систем.

Ведущая проблема: понятие динамически меняющейся цели в динамическом окружении (пойди туда, не знаю куда...)

Ожидаемые технологии:

- Управление сложными системами
- Эффективное управление простыми системами
- Выбор в ситуации, не допускающей рационализацию или оптимизацию

4. Область: Новая научная рациональность.

Ведущая проблема: рефлексия онтологических и аксиологических оснований науки как одной из форм познания.

Ожидаемые технологии:

- Выход из кризиса познания, прежде всего «остановка масштабирования», то есть непрерывного усложнения модели
- Масштабное распространение новой оргструктуры в познании — «знаниевого реактора²⁷⁴»

5. Область: Создание психоэтологии (хомоэтологии).

Ведущая проблема: эффективное взаимодействие личности с социальной группой (микрогруппой).

Ожидаемые технологии:

- Создание высокосвязных групп произвольного состава (за «двойками», «тройками» и «решетками») и Протоколов их общения и деятельности
- Человекоматериаловедение (особенности поведения человека в социальных тепловых двигателях)
- Психика с низкой реактивностью (ключевая технология под «быстрый мир»)
- Построение «многозадачной психики» через расслоенность психики
- Переформатирование игры в деятельность и деятельности в игру

6. Область: Ядерные нанотехнологии.

Проблема: дороговизна, большие размеры ядерных энергетических систем, длительность сборки и функционирования, низкая степень выгорания активного вещества.

Ожидаемые технологии:

«Кубик Энеи» — твердотопливный индивидуальный реактор на тонких пленках (нанопленках) с охлаждением излучением и утилизацией этого излучения прямым превращением в электрическую энергию.

7. Область: Жидкометаллические кристаллы.

8. Проблема: склейка металлических изделий, работающих в условиях высоких напряжений и температур (турбин).

Ожидаемые технологии:

Переход к склейке любых поверхностей вместо сварки, спекания и т.п. Создание дешевых и технологичных турбин любых размеров.

8. Область: Когнитивный бизнес.

Ведущая проблема: кризис корпоративных форм организации бизнеса.

Ожидаемые технологии:

Нерыночные регуляторы экономики.

Ожидаемый социальный институт:

Посткорпорация

9. Область: Неолингвистика.

Ожидаемые технологии:

- Человеко-машинный перевод
- Подстройка психики под изучаемый иностранный язык
- Дешифровка древних и инопланетных (обобщенных чужих) языков
- Шифрование и дешифрование без специальных шифровальных систем

10. Область: Изучение матрицы конфликтов «природ» (материальная, технологическая, социальная, информационная, трансцендентная). Конфликт естественнонаучного и гуманитарного знания как частный случай конфликта природ.

Ожидаемые технологии:

- Выход из пространства конфликтующих «природ» (позиция «сверхконфликтолога», «диспетчера»)
- Технология дизайна онтологий (онтологической «машинки») и онтологических практик
- Технология последовательной оптимизации деятельности на различных уровнях сознания

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ПОКА «ТИТАНИК» ПЛЫВЕТ...

1

Говоря о проблемах российского высшего образования, обычно упоминают недостаток финансирования, коммерциализацию процесса обучения, полупровалившуюся реформу с неясными целями и сомнительными средствами, пресловутую «Болонскую систему», буквально навязываемую преподавательскому корпусу вузов, низкий уровень подготовки школьников, надвигающуюся отмену отсрочки от призыва и, наконец, единый государственный экзамен, введение которого является серьезным ударом по самостоятельности высших учебных заведений в важнейшем вопросе отбора абитуриентов.

Этот «малый джентльменский набор» претензий к государству приписывается обществу, хотя принадлежит, конечно, преподавателям и администраторам высшей школы и может быть сведен к формуле: нам мало платят и при этом нами пытаются командовать.

К трудностям работников российской системы высшего образования можно было бы отнестись с некоторым сочувствием, если бы их позиция была бы хоть сколько-нибудь конструктивной. В действительности, речь идет об огульном отрицании всего, что исходит от государства, при полном отсутствии альтернативных предложений. Ну нельзя же считать конструктивной позицию: дайте нам денег и ни в коем случае нас не трогайте!

Реформа высшего образования в самом деле уязвима для критики, поскольку дорога, трудновыполнима, непоследовательна, да еще и представляет собой кальку с сомнительной западноевропейской модели. Однако ничего другого на нашем, да и на мировом педагогическом горизонте не видно. Идея «вернуть все к временам Советского Союза» представляет собой типичную реакционную утопию, поскольку содержит идею возврата к прошлому и к тому же абстрагируется от Текущей Реальности. Во-первых, в стране нет ни финансовых средств, ни задач, адекватных советской системе образования. Во-вторых, нет соответствующих преподавателей. Наконец, в-третьих, нет таких абитуриентов, которые были в советское время. И если первую проблему как-то можно решить, а о решении второй — хотя бы помечтать, то третья проблема неразрешима в принципе.

В действительности дело обстоит даже серьезнее: неверно поставлена цель. Вернее, она, эта цель, отсутствует.

Среднее образование имеет своей очевидной целью интеграцию ребенка в общество. В

стоящее время эта задача решается в основном средствами массовой информации, что и обусловило кризис школы.

Высшее образование первоначально готовило высшую управленческую элиту, затем — верхушку предпринимательского слоя. По мере демократизации общества, с одной стороны, и повышения требований к квалификации рабочей силы — с другой, доля людей, получающих высшее образование, росла, а качество его пропорционально снижалось. Этот процесс на Западе привел к формированию среднего класса — слоя грамотных, платежеспособных и лояльных государству специалистов. Такой слой оказался востребованным при формировании посттоталитарных механизмов управления в развитых странах, и на полвека основной задачей высшего образования стало расширенное воспроизводство среднего класса. Насколько можно судить, именно на это ориентирована западноевропейская «Болонская система», которую мы сейчас без большого желания пытаемся скопировать.

Конец XX столетия ознаменовался кризисом среднего класса, более острым — в США, но заметным и в Западной Европе. Причинами этого кризиса стали снижение производительности капитала и нарастание миграционных потоков. Экономическое разорение среднего класса — в Соединенных Штатах через налоговый механизм, перекачивающий денежные средства от трудящихся американцев к получателям велфера, в Западной Европе — через конкуренцию на рынке труда — привело к серьезному упадку западного высшего образования.

Советский Союз, как обычно, шел своим — и довольно интересным путем. Его вузы в массовом масштабе готовили специалистов, амбиции, а отчасти и знания которых давали им право быть среди лиц, принимающих решения. В сущности, это тоже был своеобразный средний класс — имперский: в Британии времен ее расцвета из подобных людей формировались первооткрыватели, корсары и на следующем историческом этапе колониальная администрация. Но Земля была открыта, колонии — давно интегрированы с метрополией, а выход в далекий космос задержался. Все управленческие позиции были заняты предыдущими поколениями, и советской научно-технической интеллигенции приходилось сидеть в НИИ на копеечной зарплате, причем государство не смогло обеспечить их даже работой, сколько-нибудь соотносящейся со специальностью. В результате этот социальный слой деградировал, а вместе с ним — и советское высшее образование.

Мир находится на пороге постиндустриального кризиса, и потребность общества в среднем классе, повышающем социальную устойчивость ценой отказа от развития и снижения нормы прибыли, очень невелика. Соответственно падает и потребность в массовом высшем образовании.

Само собой разумеется, ни одно современное государство от этого института не откажется. Совсем даже наоборот: высшее образование станет одинаковым, повсеместным и всеобщим. При этом оно перестанет предоставлять какие-либо социальные и карьерные блага, да и уровень знаний дипломированных специалистов сравняется с подготовкой школьников 1960-х годов (в лучшем случае). Произойдет примерно то же самое, что случилось некогда с римским гражданством — оно распространилось по всей необъятной Империи, но утратило привилегированный статус.

Конечно, во все времена высшее образование решало одну специфическую, только ему доступную и важнейшую задачу. Оно готовило кадры для науки (включая теологию) и искусства, то есть реализовывало одну из атрибутивных функций общества — познание. И сегодня разговор о высшем образовании имеет смысл только в этом контексте.

2

Кризис образования проявляется прежде всего в том, что исчезает «отклик» на инвестиции. В пересчете на человека американское или голландское образование «дороже» современного российского в тысячу раз, а разница результатов минимальна — хорошо, если она составляет хотя бы два раза.

Затем начинает исчезать, размываться картина мира. Не только у школьников отсутствует онтология, студенты также почти начисто ее лишены. В лучшем случае имеется какая-то, довольно примитивная профессиональная рамка — сделанная на коленке «философия бухгалтерского учета» или «теология ландшафтного дизайна». А вне профессионального поля находится пустота.

Чтобы понять, насколько этот процесс серьезен, достаточно обратить внимание на популярность работ Фоменко или Суворова (конечно, не у историков), астероидной гипотезы вымирания динозавров (разумеется, не среди палеонтологов), модели глобального потепления (здесь эпидемии избежали тонкие слои палеоклиматологов и гляциологов). Пугающее распространение приобрела радиофобия.

Поэтому, когда кто-то говорит сегодня, что хочет создать в Норильске, Владивостоке или Москве университет не хуже, чем Йельский или Гарвардский, его надо понимать следующим образом: «Я собираюсь построить очередную систему, поглощающую огромные материальные ресурсы и заведомо не функционирующую в том режиме, который от нее требуется».

3

В проблематике познания российское, да и мировое высшее образование можно охарактеризовать следующим образом: учат не тех, не тому, не так и очень медленно.

Современная система образования сложилась в высокое Средневековье и мало изменилась с тех пор, несмотря на смену двух общественно-экономических формаций и одной фазы развития. Она построена на разрыве процессов учебы и деятельности, ориентирована на предметный подход и монодисциплинарность, во всех своих звеньях устойчиво воспроизводит управленческую пирамиду. Студенты получают информацию в процессе прямой трансляции, причем контролировать этот процесс они не могут. Проверка знаний осуществляется в ходе экзаменационных сессий, и качество этого «измерительного прибора» оставляет желать много лучшего. Кроме того, коэффициент полезного действия системы образования, рассматриваемой как генератор кадров для процесса познания, мало отличается от нуля. Три процента, характерные для паровоза,— это наш послезавтрашний счастливый день.

Что должно измениться?

Прежде всего, сроки получения высшего образования должны значительно сократиться. Речь должна идти об очень интенсивной, но короткой учебе. В постиндустриальной (когнитивной) перспективе даже год представляется недопустимо большим сроком. Современные молодые люди справедливо говорят: «Дайте мне образование за полгода, и я дорого заплачу за это. А за три года или, тем более, за шесть лет оно мне не нужно и даром».

Короткое образование — это совсем другая логика построения образования: модульность курсов, глубокое погружение, снятие серотонинового барьера и активизация памяти, деятельностный подход к образованию, использование технологии организационно-деятельностных игр для «размонтирования» мышления и стратегических имитационных игр для инсталляции онтологии... и т.д. Об этом можно писать много, но контуры проекта понятны и так, а детали сейчас не имеют значения, да к тому же многократно изменятся в процессе реализации.

Образование на огромных перегрузках могут выдержать, не потеряв ни здоровья, ни креативных способностей, только совсем маленькие дети или, напротив, сформировавшиеся взрослые люди, решившие значительную часть своих жизненных проблем (работа, деньги, семья, дети) и вступившие в этап личностного роста. То есть мы должны предсказать, что одна часть высшего образования резко помолодеет и начнет работать с контингентом возраста 11-13 лет, если не младше, а другая столь же резко повзрослеет и обратится к людям тридцати—сорока лет. В перспективе обе линии сольются в единую гетеровозрастную систему, но это произойдет не завтра.

Заметим, что современное высшее образование пытается научить едва ли не самый неподходящий для этого «материал»: молодых людей, находящихся в поиске себя, спутника жизни и своего места в этой жизни. В европейские Средние века, когда с детьми работать не умели, а возраст пятьдесят лет обозначал глубокую старость, ориентация высшего образования на подростков была понятна и оправдана, сейчас она является привычным анахронизмом.

Предложенные шаги — изменение контингента, с которым работает высшее образование, и методов, которыми осуществляется преподавание, — повысят эффективность образовательной системы (как социального института, осуществляющего воспроизводство информации в неразрывной связи с получением новой информации), но не дадут возможности решить проблему кризиса онтологии, в том числе кризиса «научной», позитивистской, натурфилософской онтологии.

Поэтому необходим следующий, еще более сложный шаг.

Познание, как и образование, складывается из трех независимых и одинаково важных системных деятельностей — распаковки, компактификации и коммуникации. В настоящее время баланс этих деятельностей резко нарушен в пользу распаковки. И НИРы, НИОКРы и ОКРы представляют собой распаковку того, что было сделано фундаментальной наукой и процедурой ее технологизации.

Крен в сторону распаковки научного производства означает, что противоположной операции — компактификации информации — не придается должного значения. Современный мир не компактифицирован. Научное и преподавательское сообщество не может ни правильно учить детей, ни корректно общаться с элитами именно потому, что владеет знанием не отлитым в компактную обозримую форму.

Не меньше проблем и с коммуникацией. На Западе в этой деятельности преуспели больше, чем в России, но и там методы коммуникации находятся на пещерном уровне. Поэтому даже то знание, которое является вполне компактифицированным (высшая математика, электродинамика, специальная и общая теория относительности, нейролингвистическое программирование), не может быть корректно передано учащимся.

Если мы хотим создавать принципиально новую образовательную структуру, нужно провести симметризацию по трем базовым деятельностям, научиться организовывать и поддерживать связи между ними. Для этого потребуются **система управления знаниями**.

Необходимо понять, что такое компактифицированная информация и как она выглядит. Для этого введем категорию «знания». **«Знание» — это системно организованная совокупность научных дисциплин, обладающая в силу своей системности собственной онтологией.**

Разных знаний известно всего шестнадцать, из них только три знания сколько-нибудь описаны, а еще четыре — описаны, но плохо. Очень большим достоинством советского образования — и школьного, и вузовского — было то, что оно транслировало учащемуся по крайней мере одно, а иногда и два-три различных знания. Ностальгия по советскому образованию в значительной мере связана с тем, что оно давало какую-никакую, но все-таки картину мира.

Система знаний организована иерархически и может быть расписана по уровням Бертрана Рассела и была описана в предыдущем разделе.

Первый уровень Знания отвечает на вопрос «Где я?» — в рамках пространства и времени, в языке метафор.

Простейшим является географическое Знание. Высшая его форма — астрономическое Знание — в современном мире не сформировано, а после того как Плутон лишили статуса планеты, наверное, сформировано уже не будет. Географическое Знание, как уже отмечалось, включает в себя следующие научные дисциплины: географию (в том числе физическую, являющуюся точкой сборки всего Знания в целостность, описательную, историческую, экономическую), геологию (в таких аспектах, как строение Земли, полезные ископаемые, геохимия, геофизика, экономическая геология), метеорологию (в том числе климат, погодные явления, природные зоны, стихийные бедствия, палеоклиматология), астрономию (координаты, координатные системы, общая астрономия, планеты и спутники, звезды, звездное небо, навигация и навигационные приборы), экономику (политэкономия, геоэкономику, глобализацию, мировые рынки, мировую торговлю, мировые валюты и их взаимодействие, биржу и биржевые процессы, мировой фондовый рынок и инструменты работы с ним), политику (международное право, международные отношения, геополитику).

Историческое Знание, отвечающее на вопрос «Когда я?», состоит из истории, историографии, хронологии, археологии, психологии, социологии, лингвистики, стратегии, искусства управления, военной науки, общей теории систем, политики и эволюции — не существующей в настоящее время науки о развитии систем (подобно тому как экология является наукой о равновесии и воспроизводстве систем). Именно эволюция должна собирать историческое Знание.

К тому же уровню относится мифологическое Знание (некогда главенствовавшее, потом потерявшее свое значение и сейчас стремительно возвращающее его) и физическое Знание (математика, физика, астрономия, химия, точка сборки — практика физического эксперимента).

Следующий уровень Бертрана Рассела характеризуется вопросом «Что я делаю»? На этом уровне должны быть представлены Знания, соответствующие трем основным формам деятельности — распаковке, компактификации и коммуникации, и четырем базовым социальным процессам — познанию, обучению, управлению и производству. В действительности, эти Знания фрагментарны, представлены в искаженной форме («юриспруденция», «администрирование») или вовсе отсутствуют.

Несколько лучше дело обстоит с третьим, технологическим уровнем Рассела, отвечающим на вопрос «Как я это делаю?». Здесь есть техническое Знание, которое, правда, очень плохо собрано (математика — вычислительные методы, физика — классическая механика, электричество и магнетизм, термодинамика, физика твердого тела и сопротивление материалов, основы физического эксперимента, геология — сейсмология, почвоведение, геодезия, география — природные зоны, климат, товарные потоки, программирование, системное программирование, администрирование сетей, живопись, рисование, композиция, черчение, проектирование и дизайн, ТРИЗ, городское хозяйство и транспорт, несуществующая наука о городской антропосреде, экономика). Есть экономическое Знание, антропологическое Знание.

Введем определение, согласно которому человек, у которого установлено географическое и историческое Знание, обладает начальным образованием. Если добавляется еще и физическое Знание, то можно говорить о среднем образовании. Оно имеется сегодня у некоторых выпускников физических факультетов очень хороших вузов. Когда есть еще техническое и антропологическое (или экономическое, хотя это очень маловероятно) Знание, образование называется средним системным. В настоящее время лица с таким образованием распределяются «штучно».

А где же высшее образование?

Дальше.

На четвертом уровне Бертрانا Рассела появляется рефлексия и задается вопрос: «Почему я это делаю?». Этому уровню отвечает рефлексивное Знание, включающее в себя одно или несколько Знаний более низких уровней, мыследеятельную методологию (собирающую все Знания), психологию и общую теорию систем. Высшее образование — это среднее образование плюс рефлексивное Знание. Высшее системное — это среднее системное плюс рефлексивное. В настоящее время в стране есть люди с высшим системным образованием. Их — человек двадцать—тридцать.

На пятом уровне находится вопрос «Кто я?» и возникает высшее Знание (оно же — онтологическое, оно же — трансцендентное).

Это Знание включает в себя Знания низких уровней, рефлексивное Знание, а также математику в огромном объеме (геометрия, аналитическая геометрия, тензорный анализ, геометрия Римана, топология, высшая топология, теория групп, теория алгебр, высшая алгебра, теория функций комплексной переменной, математический анализ — интегральное, дифференциальное, вариационное исчисление, функции, спецфункции, обобщенные функции, ряды, теория чисел, математическая логика, альтернативные логики, дифференциальные логики, теория множеств, работы Геделя, проблемы Гильберта в современной интерпретации), физику (классическую механику, классическую теорию поля, специальную и общую теорию относительности, калибровочные поля, эволюцию Вселенной, суперсимметрию и супергравитацию, суперструны), новое, еще не сформированное, не нашедшее точки сборки квантовое Знание (теорию вероятности, математическую статистику, квантовую механику, квантовую электродинамику, квантовую теорию поля, квантовую гравитацию, квантовые эффекты в макром мире, «квантовую» литературу), лингвистику, музыку, философию, богословие. Именно богословие является здесь точкой сборки.

Высшее Знание является целью последней ступени образования — глобального образования. Людей, обладающих таким образованием, сегодня на Земле нет.

Все, сказанное выше, — это не метафора. К середине этого года система Знаний будет в первом приближении описана. А дальше перед нами встает интереснейшая задача, сравнимая с той проблемой, которую когда-то, в XVIII веке, решили энциклопедисты. Нужно будет создать материал — я не знаю, что это будет: текст, компьютерная программа, что-то третье, четвертое, пятое, — некий информационный объект, который описывает современный набор человеческих Знаний. Понятно, что это уже будет не Энциклопедия, а нечто совершенно иное. Но роль, которую сыграет в XXI веке компактифицированное описание системы Знаний, будет сравнима с ролью первой Энциклопедии, проложившей дорогу в Новое время.

Университет будущего — это не здание, это обобщенная книга. Книга, которая по силе своего воздействия должна быть соотнесена с Кораном или Библией и при этом посвящать нас не только в трансцендентные вопросы, но и в вопросы материального существования. Ее создание — это задача ближайших лет. В сущности, «это надо было сделать уже вчера».

ПОСЛЕ ДЕМОКРАТИИ?..

Вслед за державами, определяющими облик современного мира, Россия в 1990-е годы избрала для себя демократический способ правления, который, как говорил сэр Уинстон Черчилль, является наихудшим, если не считать остальных. Как всегда, нашей стране не повезло: она решила приобщиться к общемировым ценностям именно в тот момент, когда историческое развитие в очередной раз поставило их под сомнение. К середине 2000-х стало пронзительно ясно, что Россия развивается (и живет!) тем лучше, чем более формальными становятся в стране демократические процедуры. Не так давно президент В. Путин оформил это понимание в новый политический дискурс — в нашем языке появился очередной оксюморон «суверенная демократия».

Вновь хочется вспомнить сэра Уинстона: «Все время боюсь, что кто-нибудь спросит у меня, что это, собственно, такое — “демократический торизм”. Я думаю, что “демократический торизм” это, в сущности, оппортунизм». А я, в свою очередь, думаю, что «суверенная демократия» это и есть «демократический торизм».

С другой стороны, не мог же В. Путин во всеуслышание заявить, что для его страны — чем меньше демократии, тем лучше. Так недолго и в «государства-изгои» попасть. К тому же, по иронии судьбы, сам Президент настроен вполне демократически, и разговоры не то что о диктатуре, но даже о третьем сроке вызывали у него изжогу. Проблема состоит в том, что вся остальная страна, похоже, искала только подходящий повод, чтобы отложить выборы нового национального лидера на неопределенное время. И я эту страну понимаю: во-первых, от добра — добра не ищут, во-вторых, еще одну тотальную встряску с переделом собственности государство может и не пережить, в-третьих, абсурдно в сложной стратегической ситуации тратить силы на то, чтобы поставить на управленческую позицию другую — и как правило худшую — фигуру.

Заметим, что эту же самую проблему (правда, в несколько иных граничных условиях) решают за океаном. Президент Буш-младший умом не блещет, и политика его представляет собой череду провалов и катастроф, но к этим катастрофам американские элиты уже как-то притерпелись и даже научились извлекать из них финансовую выгоду. Новый же президент наверняка сменит стратегические императивы, может быть, даже государственный курс — и последствия этого невозможно предвидеть. В известном смысле, перед американцами «проблема 2008» стоит даже более остро, чем перед нами: мы не хотим менять «хорошего» президента, они не готовы даже к тому, чтобы сменить незадачливого лидера, ведущего страну в пропасть.

Кризис демократических процедур виден также в Великобритании, где население упорно голосует за лейбористскую партию, хотя не более 10% избирателей говорят при опросах, что хотели бы видеть во главе государства Тони Блэра. Виден кризис демократии и в Японии, где новый единогласно избранный премьер-министр почему-то все время вещает голосом Д. Коидзуми, и в Германии, в которой к власти пришла Ангела Меркель, не способная даже понять замыслы Г. Шредера, не то что воплотить их в жизнь. Италия, потеряв Берлускони, сразу же лишилась стратегической рамки в политике. Польша, утратив умного и осторожного Квасницкого, просто вошла в политический штопор.

А ведь есть еще Украина и Грузия. Есть также Латвия и Эстония, страны, которыми во имя демократии управляют президенты, выбираемые, конечно, народом, но назначаемые из-за океана.

Содержание этого общего кризиса демократических процедур в условиях глобализации можно выразить следующей формулой:

- Демократия может быть народной, управляемой или личной
- «Народная демократия» не предсказуема, не способна к проведению последовательной политики, она не вписывается в глобализированные форматы управления ввиду маргинального характера политики государственных структур
- «Управляемая демократия» не легитимна, не способна к принятию самостоятельных решений, не поддерживает глобализированные форматы управления из-за низкой компетентности государственных структур
- «Личная демократия» подразумевает высокие и зачастую противоречивые требования к харизматическим лидерам и непрерывно порождает проблему передачи власти

Любая современная демократия представляет собой ту или иную комбинацию трех перечисленных выше форм. Россия тяготеет к управляемой демократии, что проявляется не столько в господстве политехнологий и политехнологов, сколько в предельной юридической заорганизованности процедуры выборов, когда практически любой ход в избирательной кампании может быть объявлен нарушением закона. А может и не быть

объявлен... В этих условиях не только победа, но и участие в выборах «нежелательных сил» надежно устраняется, но взамен в Законодательных собраниях округов и муниципалитетов, в Государственной Думе, на должностях губернатора и мэра закрепляется безгласное и бессильное большинство, вменяемое, послушное, исправно штампующее решения верховного суверена, но неспособное к деятельности. Высшей власти не на кого опереться, что и порождает «проблему преемника». Следует подчеркнуть, что режим «личной демократии», несмотря на все усилия В. Путина, в стране не сложился (очевидно, в силу острого дефицита личностей в системе управления²⁷⁵).

Рассматривались три пути решения «проблемы 2008»:

- Наиболее вероятной является схема, в которой В. Путин в 2008 году передает власть назначенному в последний момент преемнику (разумеется, этот акт будет подтвержден формальной процедурой выборов), сохраняет ряд ключевых позиций, например ОАО «Газпром», составив собой некую неконституционную, но значимую власть. Назовем ее хотя бы Стратегическим администрированием. Эта схема реальна и легитимна, но с неизбежностью рано или поздно приводит к конфликту Стратегической администрации с новым Президентом — Россия не имеет традиции «теневого власти»
- В стране нарастает управляемый политический кризис, инспирируемый Западом. В 2008 году президентские выборы оборачиваются противостоянием власти и народа по схеме «оранжевой революции» на Украине или «революции роз» в Грузии. К власти придет «якобы харизматический» лидер типа бесноватого М. Саакашвили. Политический вектор страны сместится в сторону «народной демократии», экономические и культурные последствия будут более или менее ужасающими, но, во всяком случае, все плоды экономического подъема 1998-2008 гг. будут потеряны. В перспективе, однако, будет выстроена более либеральная экономика, уверенно привязанная к европейской. Такой версии российские политические элиты всерьез опасались, хотя она и достаточно маловероятна
- В стране нарастает неуправляемый политический кризис, вызванный ренессансом «левого движения» и его тесным союзом с политическим исламом и, возможно, с другими экстремистскими группировками. Выборы 2008 года вырождаются в гражданскую войну, которая, однако, носит «неофициальный характер», она никем не объявлена и, в общем, государством и СМИ не признается. По мере нарастания хаоса конституционные свободы все более ограничиваются. В конце концов, к власти приходит революционный лидер под лозунгом «установления справедливости» или государственный деятель под флагом «восстановления закона и порядка» и создается режим личной власти, который, вероятно, в течение какого-то времени сохранит некоторые формальные демократические атрибуты. В 2008 году вероятность такого исхода очень мала, но она будет расти и к 2016 году превысит 50%

Заметим, что во всех трех вариантах политическая и экономическая ситуация в стране должна была смениться к худшему, что, собственно, и надо понимать как реальное содержание «проблемы 2008» и подлинный смысл кризиса современных демократических процедур. Можно провести аналогичное сценирование для Соединенных Штатов Америки или Германии: варианты будут другими, но исход тот же — ситуация в стране изменится к худшему.

Альтернативой является чудо — подобно тому, как в вырождающихся монархических династиях время от времени рождается гениальный суверен, так и демократические выборы (даже управляемые) могут вручить страну У. Черчиллю или Ф. Рузвельту. Например, нам в 2000 году повезло. Но если все надежды на развитие и процветание государства приходится связывать с везением, с чудом, с личной гениальностью, то это значит, что как социальный институт современная демократия никуда не годится, что она пережила свое время, свою — индустриальную — фазу развития.

²⁷⁵Прошу понять меня правильно. Россия имеет хорошо организованный и компетентный административный аппарат, многие представители которого являются яркими личностями. Проблема в том, что перед страной стоит столько вызовов, что все значимые фигуры задействованы в управлении; людей не хватает на всех уровнях вплоть до самых высших. Кроме того, в условиях управляемой демократии одаренные люди предпочитают заниматься конкретными самостоятельными проектами, важными для страны и выгодными финансово, а не взваливать на себя бремя национального лидерства. Острота «проблемы 2008» для России в том и состоит, что «личная демократия», которая является неременным условием дальнейшего развития страны, построена на одном человеке.

И если сейчас не поставить вопрос, что будет после демократии, мы с неизбежностью окажемся отброшенными в те времена, когда демократии еще не существовало.

ЭПОХА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗАКРЫТИЙ

Мало быть Магелланом. Нужно еще, чтобы где-то был Магелланов пролив.

Ф. Кривин

Мы живем в такой исторический период, когда предсказание Будущего, во всяком случае основного варианта Будущего, не представляет особых трудностей. Вот только реализовывать этот вариант очень не хочется, а все альтернативы либо столь же неудовлетворительны, либо маловероятны.

Практически все футурологи и большинство экономистов согласны с тем, что экономика наиболее развитых стран переживает сейчас постиндустриальный переход. Это понимание удивительным образом уживается в них с верностью общепринятой, зафиксированной в документах G7 и даже решениях ООН доктрине «устойчивого развития». Каким образом переход, носящий все признаки разрушения одного хозяйственного уклада и (может быть) построения другого, может быть устойчивым и сопровождаться ростом формальных экономических показателей, понять невозможно. Наверное, в это нужно верить.

На мой взгляд, в настоящее время проявлены лишь негативные тренды постиндустриального перехода, содержанием которых является размонтирование промышленности. Такое размонтирование происходило в сравнительно небольших масштабах в 1920-е годы в индустриальных центрах Великобритании и известно как «кризис традиционных отраслей промышленности». Более рельефным и наглядным примером является экономический спад, последовавший за «перестройкой» и распадом СССР. Следует, разумеется, учесть, что процесс, который нам предстоит наблюдать в 2010-2020-х годах, будет еще и глобализирован, то есть он проявится повсеместно и захватит практически все отрасли промышленности.

Понятно, что постиндустриальный переход включает в себе и тенденции создания экономики, более эффективной по веществу и энергии, более ориентированной на действительные потребности человека и общества, более устойчивой по отношению к внешним воздействиям, предоставляющей несравненно большие возможности для развития, но все эти преимущества сумеют реализовать лишь те, кто преодолит кризис. Суть структурных преобразований может быть описана формулой: сначала перестает работать старый хозяйственный механизм и только потом набирает обороты новый.

В этом разделе мы коснемся некоторых подробностей процесса разрушения индустриальной экономики, прежде всего — ее финансово-кредитного механизма.

1

Наиболее простым и внятным катастрофическим механизмом является «социальный крест», до боли напоминающий знаменитый «крест Чубайса»²⁷⁶, иллюстрирующий возникновение и рост диспропорции между производством энергии и потребностью в энергии. Производство электроэнергии падает вследствие постепенного выбытия устаревающих энергоблоков, а потребности, как им и подобает, растут, несмотря на все разговоры об энергосбережении. В какой-то момент две кривые пересекаются, и возникает дефицит энергопотребления. К середине 2010-х годов нижний предел этого дефицита оценивается для Европы в 100 ГВт установленной мощности, что приблизительно соответствует совокупной мощности энергосистемы России.

С «крестом Чубайса», по крайней мере, понятно что делать. Нужно по мере сил и возможностей сокращать потребление и строить новые энергетические станции. И США, и Россия, и Франция, и Великобритания сейчас развертывают такое строительство, и вся проблема состоит в том, что оно запаздывает — и довольно сильно. Впрочем, надежда наверстать первоначальное отставание по времени остается, тем более что задача носит индустриальный характер и ведущие державы мира накопили достаточный опыт в преодолении подобных проблем.

276 «Крест Чубайса» — пересечение двух графиков, показывающих превышение национального энергопотребления России над генерацией почти на 20 ГВт к 2010 году.

«Социальный крест» возникает вследствие диспропорции между расходами на социальные нужды и общественными доходами. Проблема состоит в том, что демографическая нагрузка на экономику в развитых странах непрерывно возрастает. Это связано со следующими обстоятельствами:

- Продолжительность жизни растет, в то время как пенсионный возраст остается неизменным с 1930-х годов
- Рождаемость сокращается, вследствие чего численность вступающих в активный трудовой возраст поколений снижается
- Увеличивается общее время обучения в школе и доля молодежи, обучающейся в вузе. Это также приводит к сокращению активных трудовых ресурсов
- Возрастает стоимость медицинского обслуживания
- Все время увеличиваются выплаты различным категориям населения, возрастает количество категорий граждан, получающих ту или иную социальную помощь
- Дополнительной нагрузкой на экономику ложатся расходы на охрану окружающей среды, в том числе на фантазмагорическую борьбу с глобальным потеплением

В результате общие доходы пенсионных и социальных фондов (определяемые, в первом приближении, количеством работающих) падают, в то время как общие расходы (определяемые количеством получающих социальную помощь и объемом этой помощи) растут. Мы можем сделать вывод о неизбежности банкротства фондов, а следовательно, и всей современной социальной политики. Можно обсуждать, к каким политическим эффектам приведет этот крах, но не подлежит сомнению, что они будут очень значительными.

Проблема, конечно, состоит не в самом «социальном кресте», а в полной невозможности что-то осмысленное с ним сделать. Современное государство не имеет возможности повысить пенсионный возраст или снять какие-то социальные льготы и гарантии, поскольку такой шаг приведет к политически недопустимым последствиям. Невозможно значительно и, главное, быстро увеличить объем трудовых ресурсов. Миграционные потоки не могут справиться с дефицитом социальных и пенсионных фондов хотя бы потому, что значительная часть мигрантов не натурализованы и не выплачивают страховые и пенсионные налоги. Интересно, что в тех странах, где с нелегальной миграцией ведется решительная борьба, ситуация не намного лучше: либо миграция вообще практически прекращается, либо происходит натурализация не только иностранных рабочих, но и их семей, что, как правило, повышает, а не понижает демографическую нагрузку.

В сущности, речь идет об управленческой проблеме, которая не имеет индустриального решения. Ее корни — в демографическом переходе, обусловленном процессом индустриального развития, а также — в глобализации, которую мы понимаем как исчерпание свободного экономического пространства. Индустриальная экономика кредитна по своей природе и, следовательно, на каждом шаге своего развития требует чуть больше ресурсов и чуть больше рынков сбыта — чуть больше свободного, еще не освоенного индустриальной экономикой пространства. Такое пространство в 80-е годы прошлого века закончилось.

Но, может быть, существуют другие пути экспансии: в океанские глубины, в космос, в области нанотехнологий? Ричард Фейнман сказал когда-то: «Там, внизу (в наномире) много места»²⁷⁷. Увы, все подобные авантюры лежат в области науки и, в самом лучшем случае, венчурного бизнеса. Социальные фонды не могут вкладывать деньги в венчурные предприятия. Можно, конечно, придумать какой-то механизм кредитования социальных фондов со стороны государства, но это, подобно непрерывному кредитованию колхозов в СССР, приведет только к еще большей разбалансировке кредитно-финансового механизма и в конечном итоге к инфляции.

В общем, куда ни кинь — везде клин. По всей вероятности, современные правительства (во всяком случае, европейские) доведут ситуацию до катастрофы, после чего попытаются принять «непопулярные меры» (повышение пенсионного возраста и т.п.), причем приниматься эти меры будут в наихудшей редакции — последовательно и пакетно. Эдакое «отрубание хвоста у кошки в три приема».

Россия здесь «в игре», но, к счастью, имеет все шансы на общем фоне выиграть. Все-таки мы не являемся «государством всеобщего благоденствия», и наши социальные выплаты, во-первых, минимальны, а во-вторых, управляемы. Другой вопрос, что нужно за последующие

²⁷⁷Feynman R. There's Plenty of Room at the Bottom. Engineering and Science (California Institute of Technology), February 1960 (Фейнман Р. Внизу полным-полно места: приглашение в новый мир / Химия и жизнь. 2002. № 12).

годы, в которых экономическая конъюнктура будет для России позитивна, не прийти ко «всеобщему велфору» по американскому или европейскому образцу. Такая опасность есть, тем более что постоянно говорится о необходимости создавать и поддерживать «гарант демократии» средний класс. Вот вам сценарная развилка.

Россия, пользуясь высокими ценами на нефть и газ, строит средний класс, создает что-то отдаленно напоминающее правовое государство (в западном смысле этого понятия, то есть царство взбесившегося права, подменяющего собой и политику, и культуру, и человеческие отношения, и здравый смысл) и в начале 2020-х годов попадает вместе с остальным миром в кризис социального обеспечения.

Россия жертвует средним классом, увеличивает военные расходы и расходы на НИР—НИОКР, реструктуризирует стабилизационный фонд через покупку недвижимости за рубежом, вкладывается в энергетику развивающихся стран, предлагая им атомные энергоблоки в кредит. К кризису 2020-х годов она приходит с высокой социальной напряженностью и огромной поляризацией доходов, но с государством, имеющим опыт управления в таких условиях. В этом случае есть все основания не только справиться с кризисом, но и обратить его в свою пользу. Плата, правда, очень высока: идея безпенсионной экономики вряд ли найдет сегодня много адептов.

2

Из двух основных финансово-экономических проблем сегодняшнего дня одна — ипотечный кризис — носит очень серьезный характер, будет продлена в будущее и, вероятно, станет спусковым механизмом постиндустриальной гала-депрессии 2020-х годов. Вторая же — продовольственный кризис — случайна, хотя и поучительна.

Индустриальная фаза развития с избытком обеспечивает себя продовольствием. В эпоху глобализации развитые страны, дирижирующие процессами мирового производства и торговли, должны снабжать продовольствием не только себя, но и остальной мир, что также не создает проблем: если китайцы, индусы, пакистанцы начинают по мере своего индустриального развития потреблять больше продовольствия, то и производство в этих странах растет и эффективность использования ресурсов становится больше.

Но, конечно, ни одна экономика не выдержит посадок рапса. Биотопливо, крайне неэффективное как энергоноситель, весьма эффективно как пожиратель посевных площадей. Все это понимают, но остановить политику борьбы с глобальным потеплением так сразу невозможно. Думаю, ее не остановят и в дальнейшем, хотя посевы рапса будут медленно сокращать. Ни к какой катастрофе продовольственный кризис не ведет, но мировые цены на продовольствие будут расти, что поставит под удар низкообеспеченные категории граждан. Это могут быть жители стран третьего мира — тогда увеличится антропопоток из этих стран в развитые. Это могут быть и европейские граждане — тогда придется увеличивать нагрузку на социальные фонды. В общем и целом продовольственные проблемы лишь усугубят трудности, связанные с «социальным крестом». Что же касается России, то она может на этом кризисе немного заработать и привести в порядок некоторые из своих сельскохозяйственных антропустынь.

Ипотечный кризис интересен не сам по себе — очередной невозврат кредитов, имя которым легион; понятно, что в условиях кризиса индустриального способа производства и исчерпания пространства роста экономики такие кризисы будут случаться чаще и чаще, но особого значения это не имеет. Зато имеет значение все больший отрыв производных ценных бумаг не только от реального производства, но и от денежного обращения. Деривативы начинают жить сами по себе, вызывая все большие и большие диспропорции между реальным производством и реальным потреблением. По сути, развитие института производных ценных бумаг (акции, опционы, фьючерсы, опционы на фьючерсы, фьючерсы на фьючерсы и т.д.) приводит к разрушению кредитно-депозитного механизма, который уже подорван сокращением производительности капитала и исчерпанием пространства свободной экспансии.

Интересным ходом могла быть статья отмена потребительского кредитования вообще (кредиты лишь под 100% залог, как это делалось в России 1990-х), но такой шаг, во-первых, политически невозможен, а во-вторых, лишь усугубит финансовый кризис, поскольку вскрыет разрыв между мировым производством и мировым потреблением.

В настоящее время мировая экономика борется с кредитным кризисом и по мере возможности неуправляемым поведением рынка производных ценных бумаг постепенным снижением курса доллара. Бесконечно это, однако, продолжаться не может. Вообще, можно

предположить, что в ближайшие годы и десятилетия статус «мировых денег» в виде исключения окажется весьма обременительным для экономики. В этой связи я не стал бы рекомендовать торговать углеводородами за рубли...

3

Если «мировые деньги» из опоры экономики превращаются в ее обузу, значит, меняются правила игры. Как уже упоминалось, России не повезло: она начала усваивать законы капиталистической экономики в тот момент, когда действие этих законов подходит к концу.

Наверное, одним из интереснейших вопросов сегодняшнего дня является вопрос о соотношении «мировых денег», которые зависят от фазы развития, от эпохи, от тех или иных геополитических и геоэкономических реалий, и «универсальных денег», которые одновременно и материальны, и информационны, преходящи и вечны.

Социосистема, как известно, работает с информацией: создает, присваивает или распаковывает, воспроизводит, преобразует. Эта деятельность сопровождается усложнением информационного пространства, возникновением в нем сложных систем, способных к самостоятельному развитию и не зависящих от своих носителей — информационных объектов²⁷⁸. Такие объекты сопровождают социальную эволюцию Человечества и в известной мере, направляют ее. Они смертны, но могут жить очень долго.

Вероятно, «универсальные деньги» являются самым древним, дожившим до наших дней информационным объектом. Их функция более чем понятна: «мировые деньги» не столько управляют обменом (функция любых денег) или даже такой важной характеристикой, как баланс производства потребления (функция «мировых денег»), сколько отделяют возможные преобразования информации в иные формы ресурсов от невозможных. «Универсальные деньги» определяют, какие проекты при данном уровне развития человечества возможны и должны быть реализованы, а какие — отложены до лучших времен. В известном смысле «универсальные деньги» представляют собой аналог семейного бюджета для социосистемы, как целого. С одним только исключением — семья может взять потребительский кредит, а социосистема не может.

Можно сказать и по-другому: «универсальные деньги» — это линии судьбы для социосистемы, определяющие возможные траектории ее развития и отделяющие их от принципиально невозможных. Первый интеграл движения, социальный аналог полной энергии системы.

Всякий информационный объект имеет свое материальное воплощение — Представление. Представление, разумеется, конкретно и преходяще, но оно также способно жить очень долго.

Представлением «универсальных денег» издавна стало золото. Удобный металл, химически нейтральный, стойкий, сравнительно легкоплавкий и пластичный, наконец, красивый. Он был пригоден и как средство обмена, и как материал для создания ювелирных украшений. Красота и ценность золота позволяли использовать его и в монументальной пропаганде.

Очень скоро золото стало общепринятым и общепризнанным символом богатства и власти. В последующие эпохи золото продолжает оставаться ценностью и предметом вожделения. Информационное содержание золотой монеты начинает превышать ее реальную ценность как материала или предмета обмена. По мере того как люди молятся «золотому тельцу», значение его как единственного Представления «универсальных денег» растет.

Золотые рудники Европы были выработаны уже к концу античности. Ситуация несколько разрядилась за счет того, что тем или иным способом золото Египта, складированное в царских усыпальницах, в конечном итоге добралось до Европы. Но кардинальным шагом стало открытие Америки.

Промышленный переворот в Европе был оплачен в конечном итоге золотом майя, инков и ацтеков. Новая индустриализация XX столетия — золотом Аляски, Сан-Франциско и русским золотом Восточной Сибири.

Но уже более столетия общечеловеческая «валюта баланса» не растет.

Для того чтобы перейти к индустриальной фазе развития нужно было изобрести машины, новую форму управления производством (корпорацию), новый тип политических отношений (демократию), создать новые общественные классы, построить фабрики, заводы, суда и

²⁷⁸Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2005.

железные дороги. И пройти через цепочку кризисов, которые носят в нашей истории названия веков Возрождения и Реформации.

Все вышеперечисленное было сделано и оплачено американским золотом.

Для того чтобы перейти к постиндустриальной цивилизации, которую я называю когнитивной фазой развития, нужно изобрести человеко-машинные системы, способные генерировать информацию. Это сделано, по крайней мере в России и Японии. Необходима новая, посткорпоративная форма организации производства. Этого на сегодня нет, но ведущие страны много и полезно работают в этой области. Если идея транснациональной корпорации (ТНК), судя по всему, ведет в тупик, то концепция государственной корпорации, где государство является владельцем при корпоративном менеджменте, выглядит многообещающей; проектируются соконкурентные системы — эконоценозы и новые территориальные кластеры — эконодомены. Можно предположить, что в ближайшие десятилетия задача посткорпоративного управления будет решена, что серьезным образом отразится на политических и общественных отношениях. Вероятно, уже к концу 2010-х годов произойдет повсеместный отказ от современной демократической формы управления территориями, но сейчас было бы преждевременно отвечать на вопрос, что именно их заменит. Американцы пишут про рыночные сообщества (Market Community), указывая, что они — не рыночные и, в сущности, сообществами не являются. Я предпочитаю говорить о структурах на произвольных идентичностях, социальных тканях и стаях, но действительность, вероятно, окажется еще сложнее. Во всяком случае, я склонен думать, что задача переосмысления политической и классовой системы будет удовлетворительно решена (по крайней мере, в России и США).

Нужно будет пережить череду политических и военных кризисов, гала-депрессию, мировую перестройку экономической системы. Это тоже будет сделано, тем более что примеры преодоления подобных кризисов у человечества есть, а другого выхода, как стиснуть зубы и перетерпеть одно или два «дьявольских десятилетия», — нет.

Но нужно будет построить информационную, образовательную, знаниевую инфраструктуру новой фазы развития, изменить структуру городов, сейчас привязанных к задышающимся от грузо- и человекопотоков коммуникациям. Что-то сделать с самими этими коммуникациями или, может быть, научиться обходиться без них. Овладеть новыми технологическими пакетами, лежащими в области нано- и фемтотехнологий, биотехнологий, информационных технологий нового поколения. Вписать все это в социальную структуру, утихомирить «взбесившееся право», нормализовать коммуникативные социосистемные функции.

Так вот, на все это понадобятся огромные деньги. Не электронные импульсы, не банкноты, а «универсальные деньги» в их привычном — золотом — Представлении.

А новой Америки что-то не видно.

ГЕОГРАФИЯ НОВОГО ОСВОЕНИЯ²⁷⁹

Иногда совмещение вполне традиционных и даже очевидных утверждений приводит к очень нетривиальному результату.

Великая французская революция поставила в основу политической жизни народов принцип разделения властей, оформленный конституционно. Собственно, вся история демократии — это эпизоды войны властей за свой суверенитет...

Другой интересующий нас принцип носит еще более древний характер. По-видимому, на интуитивном уровне он был ясен политикам энеолитического Иерихона, хотя точная всеобъемлющая формулировка принадлежит Древнему Риму и прописана в структуре Вечного города: полис существует сразу в двух мирах — реальном и идеальном, соединяя их.

Так, Храм (Церковь, Собор) соединяет пространство города с трансценденцией данной культуры, Университет проектирует на местность Вселенную универсальных смыслов. А Столица является материальным выражением идеи государства, будь то замкнутое национальное образование или открытая космосу Империя.

Тем самым принцип разделения властей подразумевает и такое следствие, что у государства должно быть несколько столиц.

²⁷⁹Материал подготовлен совместно с С. Градиловским. Неоднократно публиковался в периодических изданиях и даже вызвал дискуссию с участием мэра Москвы, который заявил, что согласно Конституции у России может быть только одна столица. Что ж, Конституцию в России всегда можно было изменить, если только возникала политическая воля.

МНОГОСТОЛИЧЬЕ

Эту социо-географическую схему Россия уже опробовала.

На заре эпохи Просвещения Петр Великий возводит Петербург, мечтая создать вторую Венецию или Амстердам, но строит государь третью Александрию. Подобно городу, основанному македонским завоевателем, подобно полису, план которого, образующий крест, приснился некогда императору Константину, Санкт-Петербург был воздвигнут на самой границе освоенной Ойкумены и варварской (или иноверской) Окраины, воздвигнут, чтобы впитывать в себя культуру окружающего мира и преобразовывать его. Александрия Египетская, Константинополь, Санкт-Петербург — новые столицы древних государств, создавались как проводники смыслов Империи во внешний мир. И наоборот: они распаковывали для Империи темные смыслы Периферии, с неизбежностью попадая под очарование внеимперского культурного окружения, в результате чего незаметно менялись сами и меняли душу Империи, привнося в нее иные идеи и образы.

Такие города несут в себе Будущее. Зато они не имеют прошлого, так как именно разрыв с традицией и привел к их появлению. В действительности они даже не имеют настоящего, существуя «здесь и сейчас», только как проекция **динамического сюжета**²⁸⁰.

Такие города всегда лежат у моря. Империя немыслима без морского могущества, и Герой, создавая новую столицу, неизменно строит ее и на границе Тверди и Хляби, на границе Будущего и Прошлого, на границе Ойкумены и Окраины. Петербург обрел граничный статус и в этих измерениях стал переводчиком между языками континента и океана, постоянным напоминанием об атлантизме, метафорой внешней Вселенной. Для России, никогда не имевшей заморских колоний, подобный посредник был особенно необходим. Как ни удалена была Сибирь, до нее можно было дойти пешком (что время от времени и происходило). Питер же был окном в тот мир, до которого «дойти» было нельзя. И «окно в Европу» становилось гаванью внешней Вселенной. **«Нет другого места в России, где бы воображение отрывалось с такой же легкостью от действительности».**

Столица выполняет множество ролей, среди которых одна из важнейших — роль посредника между властью и страной. Власть почти всегда воспринимает страну через ближайшее окружение, через столичных жителей. Но и провинция воспринимает столицу как ядро, которое организует все бытие Империи. То есть столица является одновременным отражением и государственности, и народа²⁸¹.

Весьма важным является тот факт, что хотя Санкт-Петербург и создавался Петром как столичный город, прежняя столица — Москва — также сохранила свой статус. Управление Империей осуществлялось с берегов Невы, но отдельные важнейшие государственные акты (в частности, династические) происходили по-прежнему в Белокаменной.

Планируя кампанию 1812 года, Наполеон определяет Москву сердцем России, а Санкт-Петербург — ее головой. Позднее Бисмарк обращает внимание на ту устойчивость, которую придает Империи наличие двух равновеликих управленческих центров. В действительности, конечно, центры не были равновеликими и система управления страной была резко поляризована.

Скорее всего, первоначально невская столица мыслилась Петром достаточно утилитарно — как вынесенная вперед ставка верховного главнокомандования. В конце концов, наступательные операции Империи велись в то время в Латвии, Эстонии и Финляндии, и управлять ими из Петербурга просто удобнее, чем из Москвы. Кроме того, в новом, еще не обустроенном городе легче принимать нетрадиционные решения и иметь дело с неожиданными последствиями. Московские бюрократы были слишком тяжелы на подъем, слишком «толстогады», чтобы последовать за царем-плотником в дельту Невы, в результате «птенцы гнезда Петрова» приобрели власть не только де-юре, но и де-факто. В целом это

280Заметим здесь, что данный динамический сюжет не исчерпывается указанными тремя произведениями. Карл Великий, достраивая свою империю, переносит столицу из Ингельгейма в Аахен, на самый край освоенных земель. Впоследствии его наследники понесут свет христианской веры еще дальше на Восток. В какой-то степени и Северная Столица, Пекин, появилась в рамках этого же сюжета. Жаль только, что последняя из великих Империй не смогла найти в себе силы сделать из Сингапура второй Лондон и принять в себя культуру Большого Океана так же, как она приняла культуру Большого Полуострова.

281«Базиса и надстройки», как еще совсем недавно можно было услышать с каждой кафедры великой страны.

дало хорошие результаты, хотя период учебы реформаторов и обошелся стране не дешево.

К концу войны окончательно сложилась система разделения властей, которую по аналогии с радиотехническими схемами можно назвать «пушпульной»²⁸². На северо-западе Санкт-Петербург исполнял роль центра развития (push). В центре тяжести русского геополитического субконтинента располагалась альтернативная столица: Москва, средоточие традиции, вия тяглогового государства.

Этот механизм успешно проработал два столетия, хотя со временем инновационная идентичность Санкт-Петербурга истончилась.

Можно предположить, что к началу XX столетия функции центра развития должны были перейти к самому западному из великих городов Империи — к Варшаве. Этого, к сожалению, не произошло²⁸³. В ходе революции и последующей Гражданской войны границы страны изменились и царство Польское оказалось вне их пределов.

Возможен был и другой сценарий развития — перенос столичных функций в юго-западные пределы, в Севастополь, и тогда проливы — болезнь и мечта русской геополитической мысли — становились следующим рубежом Империи.

Пришло новое время. Разворачивая Проект в рамках новой мировой идеи, большевики отчаянно нуждались в новой столице. Такой столицей должен был стать новый Град, расположенный на границе государства. Альтернативой было придание принципиально нового смысла уже существующему городу, но как раз для этой цели Москва была совершенно непригодна.

До сих пор страна ощущает последствия совершенной в двадцатые годы ошибки. «Двухтактный механизм», построенный Петром, продолжает работать, но в совершенно нештатном режиме. Москва вынуждена исполнять одновременно две взаимоисключающие функции: привнесение инноваций и сохранение традиций. Такое «совмещение ролей» приводит Москву к ожесточенной борьбе с собой: мегаполис преодолевает возникающее противоречие либо путем вооруженных столкновений, либо с помощью грандиозного монументального строительства (ведь строительство памятника — одна из метаморфоз, превращающих новацию в традицию).

ОДИН — ЭТО УЖЕ СЛИШКОМ!

Итак, Москва перегружена не только государственными функциями, но и смыслами. Она превратилась в совершенно отдельный мир, не столько возглавляющий Россию, сколько противопоставленный ей. Культурный, финансовый, экономический, образовательный потенциал столицы превосходит возможности любого федерального округа и сопоставим с ресурсами страны в целом.

Исторически сложилось так, что транспортные сети России, а вслед за ними и государственные территории организовывались по иерархическому принципу. В результате информационные и материальные потоки страны оказались поляризованными: почти любая транзакция проходила через региональный, областной, окружной или государственный центр. Понятно, что это обстоятельство резко повышало издержки, делая российское хозяйствование неэффективным.

По мере развития средств транспорта и связи степень централизации только нарастала, сейчас она дошла до инфраструктурного предела: Москва перестала справляться с тем количеством транспорта, который необходим, чтобы обеспечить исполнение городом взваленных им на себя столичных функций²⁸⁴.

Помимо того что централизация власти обременительна для городских служб, она также противоречит дискурсу развития. Система «одного центра» хороша для классических имперских структур XIX—начала XX века (и то не всегда), сегодня она уже не является адекватным ответом на те вызовы, которые обращены к России. **В сущности, она сама стала таким вызовом.**

Колоссальный властный центр — Москва — играет роль всероссийского «кадрового

282Push-pull — то есть «тяги-толкай».

283Хотя строительство первых железных дорог свидетельствовало о намерениях: первая ж/д ветка Москва—Санкт-Петербург, вторая — Санкт-Петербург—Варшава, третья, замыкающая — Варшава—Москва.

284Практически в любое время суток в Москве быстрее передвигаться на метро, нежели на личном автомобиле даже с очень хорошим водителем. Транспортные артерии города поражены тяжелым «склерозом», и строительство новых магистралей, в том числе — трех концентрических колец — практически не меняет положения дел.

пылесоса», причем, отбирая «человеческий ресурс» у провинций, столица не может его корректно использовать и в результате обесценивает²⁸⁵. При этом отдаленные округа оказываются в условиях жесточайшего кадрового, финансового и инфраструктурного «голода», что затрудняет развертывание на их территории любых форм проектности. В Москве же подобное развертывание также невозможно из-за избыточной плотности проектного пространства, вызывающей острую конкуренцию и взаимную блокировку путей развития.

Большая часть энергии Москвы в политическом пространстве направлена на нейтрализацию сепаратистских импульсов. Последние же неизбежны как форма протеста, обращенная против чудовищной централизации²⁸⁶.

СИСТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Логика развития российской государственности приводит нас к концепции нескольких центров власти (и тем самым «точек роста»), разделенных не только функционально, но и разнесенных географически. Такое решение позволяет, с одной стороны, развернуть и противопоставить информационные, финансовые и кадровые потоки, а с другой - получить дополнительные ресурсы для нового освоения страны за счет неизбежной конкуренции между новыми центрами аккреции.

Очертим контуры возможной **альтернативной политической географии** Российской Федерации.

В настоящее время в стране сложилась достаточно разветвленная структура власти. С некоторых пор Россия позиционирует себя как правовое государство и помимо традиционных **законодательной** и **исполнительной** ветвей власти инсталлирует у себя действительно самостоятельную **судебную** власть. Пока эта власть мало авторитетна, но она активно наращивает свое влияние.

Подобно Соединенным Штатам Америки с их «не вполне государственной» Федеральной резервной системой, Россия рассматривает свой Центральный банк как самостоятельную властную структуру, на деле практически независимую и обладающую очень большими реальными полномочиями (**финансовая** власть).

Российская традиция самодержавия (авторитарности) вылилась в самостоятельный характер **президентской** власти. На сегодняшний день эта ветвь воспринимается как ведущая населением страны, промышленниками, зарубежными политическими деятелями, являя собой образ российской государственности.

В чем логика дееспособности власти?

Если мировое проектное пространство действительно существует, перед каждой страной и ее элитой встает вопрос о власти, приспособленной к стратегированию, в смысле умения прорисовать страну и нацию на карте нового миропорядка, указав путь и цивилизационную миссию (то есть ответить на вопрос: для чего это государство служит и во имя чего эта нация живет). Далее, необходимо увязать ответы с доступными ресурсами, новыми типами вызовов и угроз и новыми формами институционализации мышления.

Согласно российской **инновационной традиции**, именно президентской власти предстоит овладеть новым навыком и утвердить за собой право на стратегирование, которое всегда оборачивается ответственностью за Будущее. Президенту и его администрации придется устанавливать новые горизонты дерзания, а следовательно, прочерчивать контуры очередного шага развития.

Противовесом президентской власти с ее инновационным видением и — неизбежно —

285Речь не идет, разумеется, о чьей-то злой воле. Существует социальный феномен **аккреции** населения крупными городами: пассионарные элементы стремятся туда, полагая, что обретут большие возможности для реализации своих устремлений. Легко формально показать, что при таких процессах суммарная стоимость человеческого капитала падает. Для России Москва представляет собой абсолютный аккреционный центр.

286Москва оказалась в дурацком положении, критикуя США за моноцентризм, она именно его кладет в основу государственного устройства. У Москвы те же фобии, что и у Вашингтона, разница лишь в том, что последний мыслит глобально и его моноцентризм глобален, а Москва аутентично и ее моноцентризм провинциален.

личным характером стоит власть законодательная, по своей функции представляющая большинство, а следовательно, стоящая на страже существующего. Это — крайне важный баланс. Поэтому всякое развитие предполагает рачительное отношение к Государственной думе, а всякая политика по ее «приручению» со стороны Кремля — приводит в стратегическом плане к стагнированию всех ветвей власти, ибо всякая мышца требует сопротивления себе. Очевидны и другие трудности у президентской ветви власти: соотнесение с мировым контекстом развития — приходится начинать в момент, когда в России не произведено даже картографирование мира.

После указания на горизонты и приоритеты законодательная власть нормирует эти представления развития, переводя их во всеобщий язык права.

Затем исполнительная власть раскручивает и удерживает маховик организационного действия, судебная — стоит на страже соблюдения Закона, а Центральный банк определяет независимую денежно-кредитную, средовую политику.

ГЕОГРАФИЯ ВЛАСТИ

Поскольку именно президентская власть прочерчивает сейчас контуры инновационного развития страны, пребывание ее в Москве, городе сосредоточия традиции, представляется нелогичным. В сущности, географический выбор текущей президентской столицы предопределяет приоритеты внешней и внутренней политики России, ее **вектор развития**.

Может быть, самым красивым и необычным, более того, самым дерзким и вместе с тем самым перспективным решением станет размещение президентской столицы в пределах Дальневосточного федерального округа. Потому что, будем говорить откровенно, на сегодня это единственная сколько-нибудь реальная возможность хотя бы продемонстрировать, что у страны есть свои интересы в перспективном Азиатско-Тихоокеанском регионе. А также, наверное, уже единственная возможность дать импульс к новому освоению российского Дальнего Востока. Есть великая польза в том, что Россия перенесет часть тяжести своего «тела» на противоположенный край евразийского поля — европейский выбор России не возможен без азиатского; так Америка «скатывается» сегодня к обоим океаническим побережьям.

Итак, столица на берегу не моря, но океана — на границе Тверди и Хляби — первая в истории России.

Перемещая свою столицу на самый край освоенного Империей пространства, Россия берет на себя значительные обязательства. Исторический опыт показывает, что такое административное решение статически неустойчиво. Зато оно часто оказывается устойчивым динамически, принуждая элиту страны создавать новые территориально-производственные общности, новые форматы жизни, новые коммуникации и новые стандарты в политике. Удаление же от культурных традиционных пространств, столкновение с новыми идентичностями АТР — лучшая позиция для глобального стратегирования²⁸⁷.

Поскольку далеко не каждый город способен удержать в себе государственные, системные, имперские смыслы, проблема выбора в пределах Дальнего Востока решена исторически. Всем необходимым условиям удовлетворяет лишь Владивосток, столица русского Тихоокеанского флота. Именно этот город и должен стать новой президентской столицей. Не навсегда. Только на ближайшие пятьдесят—семьдесят лет²⁸⁸.

Центром становления исполнительной власти должен стать новый российский «хоумленд» — Волго-Уральский регион²⁸⁹ с его девятью городами-миллионниками, построенными и проектируемыми широтными и меридиональными транспортными коридорами, нарастающими антропотоками. ВУР — зона столкновения российской (европейской) государственности с наиболее пассионарными элементами исламской цивилизации, что чревато перманентной политической и социокультурной нестабильностью,

287 При этом можно предполагать, что «скатывание» русского населения в Приморский край на первом этапе будет максимум от Сибири, зато в пространство открывающихся возможностей устремится восточный (китайский, корейский) элемент; и тогда придется отвечать по гамбургскому счету: утрачена ли историческая способность к социокультурной переработке по превращению инакового и чуждого в собственное или нет.

288 Здесь же придется «приземлять» ведущий мозговой центр Русского мира и редакцию нового федерального ежедневника. В целом давно назрела необходимость «сведущего голоса» с тихоокеанского побережья — другого, отличного от столичного мнения.

289 В его основе Приволжский федеральный округ плюс Екатеринбургская и Челябинская области, а также Волгоград и Астрахань.

но одновременно и повышенной «социальной температурой» — провозвестницей предпринимательской активности. Территория региона важна и в том отношении, что ядро его — Приволжский федеральный округ является символом новой русской проектности — кадровой, гуманитарной и управленческой.

Вопрос: где именно? Нам видится два варианта.

Первый. «Министерской столицей» России должна стать Казань, имевшая некогда статус столицы независимого государства и сохранившая историческую и культурную память об этом. Перенос в Казань кабинета министров и сопутствующих ему структур даст толчок к развитию города и поставит решительный заслон сепаратистским тенденциям, которые в новых условиях войдут в резкое противоречие с интересами бизнеса и крупнейших чиновничьих корпораций.

Другой вариант — это Самаро-Тольяттинская агломерация, которая в представлениях не нуждается.

Законодательная власть, обреченная примирять инновационное развитие с традиционными формами государственного существования, может и должна оставаться в Москве.

Место пребывания судебной власти не имеет существенного значения. Пока не имеет. Эта ситуация, однако, будет меняться, и, во всяком случае, нет никаких оснований оставлять структуры Верховного суда в «законодательной столице». Разумно разместить их в центре страны — на том же Урале (Екатеринбург), либо, что предпочтительнее, в Сибири (Томск).

Наконец, Центробанк должен размещаться как можно ближе к европейским финансовым столицам. Этим будет продемонстрировано, что страна отнюдь не собирается замыкаться на проблемах Центрально-Азиатской геополитической «плиты» и Тихоокеанского региона, но, напротив, поворачивается лицом к Европейскому союзу²⁹⁰. К сожалению, нельзя перенести русский Центральный банк в Варшаву. Остается самый европейский, самый западный из столичных городов России — Санкт-Петербург.

Следующим слоем российской государственности являются федеральные округа. Из общих соображений понятно, что размещение полномочных представительств Президента РФ в столичных городах не оправдано.

На Российском Северо-Западе столица округа должна быть максимально сдвинута в сторону Европы. Интересы страны требуют, чтобы она была перенесена в Калининград или в Мурманск. Первое предпочтительнее с внешнеполитической точки зрения (и во многом усиливает позиции России в ее непростом диалоге с «ошпенгениевым» Западом), второе — с точки зрения интересов бизнеса.

Подобная же альтернатива существует в Центральном ФО, где вариантами выбора являются миллионник Воронеж и Смоленск — город, связывающий Россию и европейский Запад²⁹¹.

Столицей ПФО, по всей видимости, останется удачно расположенный Нижний Новгород (замыкающий исторически сложившуюся аккреционную ось Москва— Нижний); аналогично, нет существенных оснований переносить столицу ДВФО (Хабаровск) и ЮФО (Ростов-на-Дону²⁹²). Заметим, однако, что центром притяжения миграционных токов на юге являются сегодня Краснодарский и Ставропольский края, формирующие новую активность и призванные выполнять аккреционную функцию для населения «перегретого» Кавказа. Если, как мы предполагаем, миграционные процессы в ЮФО будут усиливаться, встанет вопрос о переносе столицы округа.

На Урале проблема выбора пока не может быть решена, так как не определился вектор развития региона.

А вот ситуация в Сибири выглядит очень интересно: кроме Томска, обретающего в нашей концепции статус федеральной столицы, на роль окружного центра претендуют — и примерно с равными основаниями — Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Барнаул и даже Якутск.

Для полноты необходимо упомянуть и другие власти — конфессиональные структуры, и в первую очередь православие и ислам.

Речь пойдет, прежде всего, о Священном синоде и иных руководящих органах Русской православной церкви. Возможно, наиболее естественной православной религиозной

²⁹⁰Вернее, перекладывает кошелек из одного кармана в другой, находящийся ближе к Европе...

²⁹¹Хотя исторически именно Харьков был и во многом остается «городом-сваей».

²⁹²Город, которому предстоит вытянуть на себя Донецкую агломерацию.

столицей станет город Владимир, близко расположенный к Москве, связанный с ней удобными коммуникационными путями, относящимися к агломерационной оси Москва-Нижний. Необходимо также учесть, что Владимир является историческим центром российской государственности.

Впрочем, гораздо больше пользы России принесло бы размещение административных структур РПЦ в Киеве, тем более что мирские границы не представляют сколько-нибудь значимой преграды для Церкви, а понятие «каноническая территория» позволяет это правовым образом обосновать.

Более того, РПЦ достаточно мощная структура, и она сама нуждается в географическом разделении своих собственных ветвей власти. Так, Отдел внешних церковных (ОВЦС) сношений, МИД Патриархии, размещенный в Севастополе, колыбели русского восточно-славянского православия, приблизил бы РПЦ к кафедрам четырех древнейших православных Церквей — Константинопольской, Антиохийской, Иерусалимской и Александрийской, а также к Эчмиадзину и Ватикану. Миссионерский центр должен быть в обязательном порядке перемещен на Дальний Восток: в противном случае доминирующей конфессией там станет протестантизм. Скажем больше, пять Духовных академий, особенно после своего усиления, представят из себя пять различных центров конфессиональной власти (а это — сугубо европейская сетка, что говорит о реальном пространственном контроле со стороны РПЦ — Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск, Кишинев).

Ислам имел при Советах несколько альтернативных административных центров²⁹³, на что не посягал даже Сталин. Сегодня эта ситуация сохраняется: российский ислам — это ряд конкурирующих и борющихся между собой «кафедр». Уфа, Казань и Дагестан (и, скорее всего, Махачкала) останутся в ближне- и среднесрочной исторической перспективе столицами российского ислама. А вот Москва, при раскассировании столичных функций, утратит свою привлекательность и перестанет быть средоточием интересов мусульманского духовенства.

Неясным представляется будущее российского протестантизма и иудаизма, а следовательно, их вес и возможности (как и необходимость для них самих) сосредоточения в какой-либо точке географического пространства. Хотя относительно протестантизма можно предположить наличие нескольких центров, тяготеющих к европейским протестантским общинам и наращивающей свою мощь корейской общине.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ВО ВРЕМЕНИ

Постараемся объять необъятное и зафиксируем на бумаге еще один принцип разделения властей — во времени, а не в пространстве. Подобное управленческое решение выглядит беспрецедентным и даже безумным, но в действительности однажды оно уже было использовано, причем с самыми хорошими результатами.

«...Своей волей и стечением обстоятельств получив неограниченный карт-бланш от военного и политического руководства страны, командующий Тихоокеанским флотом (США) мог наконец позволить себе осуществить давно задуманную реорганизацию. Новое штатное расписание нарушало все морские и военные традиции. До сих пор подобная управленческая структура не рассматривалась даже в теоретических разработках.

Нимиц создал новый штаб ординарного флота и разделил свои корабли — но не в пространстве, как делалось всегда, а во времени. Сейчас, во время битвы на Марианских островах²⁹⁴, основными силами руководил Спрюэнс, назначенный командующим 5-м флотом. Хэлси и его штаб должны были готовить следующую операцию, исходя из текущих предположений о результатах действий Спрюэнса. К концу сражения за Сайпан Хэлси уже должен был иметь разработанный и просчитанный план, готовый к немедленному исполнению. И тогда 5-й флот становился 3-м флотом, TF.58 превращалось в TF.38, Спрюэнс отправлялся на берег писать отчеты и создавать следующий план, а Хэлси выходил в море»²⁹⁵.

Ч. Нимиц использовал принцип разделения командования во времени, чтобы обеспечить непрерывность американского наступления на Тихом океане. Проблема состояла в том, что реальная боевая работа командующего целиком занимает все его время, не оставляя возможности заниматься перспективным планированием. Или, говоря нашим языком,

293Волго-Уральский, Кавказский, Закавказский и Среднеазиатский.

294Июнь 1944 г.

295Переслегин С., Переслегина Е. Тихоокеанская премьера. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

стратегированием.

Управление мирным развитием страны — задача более сложная, более неопределенная и в конечном счете более трудоемкая, нежели командование войсками. Современные информационные потоки через центры принятия решений столь велики, что в действительности не только ответственные руководители, но и сотрудники их аппарата не могут позволить себе отвлечься от конкретных сиюминутных задач ради перспективного планирования.

Таким планированием занимаются различные стратегические центры, которых в мире и в стране создано довольно много. В этих центрах работают высококлассные специалисты, способные из ничего составить схему следующего шага развития.

Разумеется, власти прислушиваются к прогнозам аналитиков и даже пытаются иногда провести в жизнь ту или иную стратегическую разработку. Беда в том, что у них нет времени на глубокое проникновение в суть этой разработки. Так или иначе, формат ежедневной практической работы управленцев с неизбежностью инсталлирует в их среду своеобразную «клиповую культуру»: всякое проектное предложение должно быть изложено в виде текста объемом «не более трех страниц четырнадцатым кеглем».

Это означает, что смыслы, которые не укладываются в 4-5 тысяч знаков, не могут быть восприняты управленческой элитой — притом вне всякой зависимости от качества этой элиты и ее желания. Подача информации на «три страницы четырнадцатым кеглем» — не признак расслабленности и лени, но категорический императив: ежедневно лица, принимающие решения, обрабатывают около сотни документов такого формата. А сотрудники администраций им эти документы готовят.

Разделение власти во времени на «power in being» — власть действующую и «power in thinking» — власть думающую могло бы разрешить острейшее противоречие между стратегированием, требующим неспешного обдумывания, и постоянным тактическим цейтнотом.

Действующая власть принимает частные ситуационные решения в рамках существующих стратегических установок. Думающая власть избавлена от необходимости вылетать в штаб северного флота по случаю потери связи с подводной лодкой, руководить освобождением заложников, подписывать указы о компенсациях пострадавшим в связи с наводнением, участвовать в бесконечных внешних и внутренних совещаниях. Зато у нее есть возможность не только подробно ознакомиться с очередным шедевром аналитиков, но и принять деятельное участие в его разработке, придав будущей государственной стратегии свое личностное измерение.

Раз в полгода власти меняются местами.

Такая схема не только позволит восстановить баланс между тактическим и стратегическим управлением, но и повысит тонус властных структур за счет регулярной смены характера деятельности и неизбежной конкуренцией между командами.

Понятно, что разделению во времени должна быть подвергнута стратегическая, то есть президентская, ветвь власти.

АТЛАС ВЛАСТИ

Итак, географию нового освоения России будут определять:

1. Пять городов, имеющих федеральный столичный статус и размещающих на своей территории соответствующие административные и политические структуры:

Владивосток, город Президента, его администрации и верховной российской власти, центр импульсов развития страны. Очевидно, что с собой Президент заберет и весь силовой блок.

Казань или **Самара**, столица премьер-министра, средоточие исполнительной власти РФ, центр практического управления страной.

Москва, демократическая столица России, место пребывания обеих палат Федерального собрания, центр нормирования и публичных дебатов, университетов и практикующих мыслителей. А вот Совет законодателей, если данная институциональная новация приживется, может собираться где угодно, и, более того, имеет смысл утвердить ротационную (в смысле смены мест) программу заседаний данного органа. Напротив, заседания Госсовета в Кремле стоит сохранить.

Томск, город российской юриспруденции, с высоко развитой правовой школой, географический центр страны, место «сшивки» ее правовой системы с реальностью правоприменения.

Санкт-Петербург, российский «Уолл-стрит», финансовый и расчетный центр государства.

2. Семь городов, имеющих окружной «столичный» статус: **Калининград** или **Мурманск**, **Воронеж** или **Смоленск**, **Ростов-на-Дону**, **Нижний Новгород**, **Екатеринбург**, видимо **Новосибирск** и **Хабаровск**.

3. Сеть городов, имеющих статус конфессиональных столиц:

Владимир или **Киев**, церковная столица РПЦ, место пребывания Священного Синода и патриарха, **Севастополь** — центр внешнеполитической активности РПЦ, **Благовещенск** — центр миссионерского служения.

Уфа, **Казань**, **Махачкала** — столицы фикха и управления.

ВЫГОДЫ

Предлагаемый проект разнесения в пространстве русской Ойкумены столичных функций потребует больших затрат и значительных организационных и деятельностных усилий, а еще больше исторической прозорливости и решительности. Но приведет с неизбежностью к оптимизации управления, что повысит эффективность государственной машины в целом (но не радикально и не сразу), и ускорению развития. Это неминуемо, ибо появятся новые центры роста и раздвинется физическое пространство, в котором просто придется еженедельно перемещаться. При всей простоте исполнения это новое фундаментальное качество современных транснациональных элит, которое должно быть вменено всякой туземной элите, в ситуации, если мы хотим добиться ее соразмерности мировым историческим процессам. Чтобы России не выпасть из Истории на очередном крутом повороте, придется менять себя, менять антропные качества элит и населения, менять формы мышления и характер деятельности, менять привычки и представления.

Не следует думать, что на самом деле ничего не изменится и все структуры все равно останутся в Москве, лишь приобретя статус представительств. В России огромную роль играет личность руководителя. И при любом раскладе реальные властные структуры окажутся там, где будет кабинет руководителя и его аппарат. Культура принятия решений в бане или ее аналоге никуда не испарится. Поэтому если такой кабинет и баня будут на Волге, то и управление будет осуществляться с Волги, а московский «народец» будет неизбежно терять всякий политический и административный вес.

Само собой разумеется, что разворачивание проекта и выведение его в режим воспроизводства приведет к росту аппарата. Впрочем, этот рост все равно неизбежен²⁹⁶... Не менее интересными результатами будут:

1. Создание в стране рынка защищенных телекоммуникаций, причем покупателями на этом рынке будут далеко не только государственные структуры. При физическом разделении властей в пространстве система государственного управления будет безупречно функционировать, только если будут созданы безупречные протоколы дистанционного взаимодействия этих властей, а эта задача имеет кроме чисто технической психологическую и юридическую составляющую.
2. Даже при наличии идеальной телекоммуникационной системы между перечисленными столицами, покрывающими страну от Тихого до Северного океана и Черноморья, будут регулярно перемещаться «особо важные персоны». Это потребует создания соответствующей транспортной VIP-инфраструктуры. А это и элитный жилищный фонд, и терминальная инфраструктура, и даже такой проект, как гиперзвуковой пассажирский самолет.

ЧАСТЬ 4 ВОЙНА НА МОЕМ СТОЛЕ

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ — СОМНИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Однажды меня попросили прочитать лекцию студентам Невского института языка и культуры (НИЯК). *«Содержание не имеет значения, лишь бы оно было связано с толерантностью. Что-нибудь вроде “толерантность и интеллигентность” или “толерантность и культура”».*

НИЯК представляет собой негосударственный вуз, специализирующийся в областях

²⁹⁶Ввиду постоянного повышения информационной нагрузки на аппарат, во-первых, и в силу собственных императивов административных структур — во-вторых.

регионирования, политических технологий, лингвистики, культурологии. Обычно в этом же русле лежат и темы их студенческих конференций. Использование площадки «Невских чтений» для обсуждения сиюминутной политико-воспитательной проблематики было необычным и заставляло думать о некоем «давлении сверху», разумеется сугубо морального характера.

«Толерантность» является сегодня очень модным в России лозунгом и считается необходимым элементом содержания образовательной системы. Всюду говорится о том, что мы должны быть толерантными, что уважение к себе невозможно, если нет уважения к соседу, что человеком может быть только тот, кто признает за другими право быть людьми. И вроде все правильно и спорить с этим нельзя — по крайней мере оставаясь на позиции человека интеллигентного...

Сугубо формально, «толерантность» означает «терпимость». Русский язык «толерантен по построению» — он не знает антонима к слову «терпимость», не содержащего отрицательную частицу. Между тем любой психолог скажет вам, что отрицание не суггестивно. В этом смысле язык уже на семантическом уровне призывает к терпимости.

С другой стороны, а к чему еще он может призывать? Язык есть средство коммуникации, коммуникация подразумевает сосуществование, какие-то, пусть минимальные, формы согласия и, следовательно, терпимость.

«Слово "нетерпимость" мне не нравится, мистер Мармадюк, так как оно подразумевает "терпимость", а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во вселенной.

<...> Если бы нетерпимость и существовала, не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости»²⁹⁷.

Опять-таки с этим трудно спорить. Но вот вопрос: в каком смысле употребляются здесь понятия «глупее» и «умнее». Слово «ум» многозначно и включает в себя как минимум три очень разных понятия: «ум» в смысле «интеллект», «ум» как «мудрость», наконец, «ум» в значении «харизма» (что до некоторой степени тождественно «таланту»). Несколько упрощая, можно сказать, что «интеллект» находится на третьем, семантическом, контуре сознания, «харизма» лежит на четвертом, социополовом контуре (социальный интеллект), а с «мудростью» мы встречаемся на уровнях 5+.

Здесь необходимо заметить, что 3-й, семантический, контур сознания возникает как развитие, но и отрицание второго, территориального. Не будет ошибкой сказать, что те проблемы, которые на территориальном контуре решаются сравнением сил, решаются на семантическом контуре сравнением интеллекта. **В этом смысле «ум» (третьеконтурный) является аналогом «силы» и способом достижения превосходства.**

Мы приходим к парадоксальному, но, вероятно, верному выводу, что «воспитание безусловной нерефлектируемой толерантности» (политкорректность) оказывается продолжением политики обеспечения национального, классового или иного группового превосходства «иными, а именно ненасильственными средствами»²⁹⁸. Любопытно, что политкорректность необычайно агрессивна, ее «нетолерантность к нетолерантным» доведена до абсурда. В конце концов, она породила такое дикое явление, как харассмент.

Итак, понятие «нетолерантность» может иметь положительную коннотацию. Нетолерантный — активный, занимающий позицию, имеющий выраженную идентичность, убежденность, пассионарность. По Лютеру: «На том стою — и не могу иначе».

Толерантный — зачастую терпимый, безразличный, пассивный, не желающий и не способный занимать позицию, непассионарный или субпассионарный. Для того чтобы национальные элиты сохранили свое положение, массы должны быть толерантными. Для

²⁹⁷Саймак К. Заповедник гоблинов. М.: Эксмо, 2008.

²⁹⁸По Чжоу Эньлаю: «Политика есть продолжение войны иными, а именно ненасильственными средствами». Чжоу Эньлай перефразировал известную формулу К. Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными, а именно насильственными средствами» (Чжоу Эньлай (1898-1976), китайский государственный и политический деятель, Работал и учился во Франции и Германии. С 1922 г. член Коммунистической партии Китая (КПК). С 1927 г. член ЦК КПК. Один из организаторов и руководителей Наньчанского восстания 1927 г. В 1934-1935 гг. один из руководителей Северо-западного похода. В 1949-1954 гг. премьер Государственного административного совета КНР. В 1949—1958 гг. министр иностранных дел КНР. С 1954 г. премьер Государственного совета КНР. В 1956-1966 и с 1973 г. заместитель председателя ЦК КПК).

того чтобы мировые элиты сохранили свое положение, государства должны быть толерантными.

В своем предельном развитии нетолерантность ведет к шовинизму, экстремизму и различным формам групповой исключительности — фашизму, нацизму, расизму и т.п.

Но толерантность в своем предельном развитии ведет к нейтрализму, позиции «радующейся обезьяны», а затем — к политкорректности в своем американском значении.

Само собой разумеется, что эти две сущности — толерантность и нетолерантность — образуют диалектическое единство, то есть взаимообусловлены, взаимосвязаны, взаимопревращаемы, подразумевают наличие третьей сущности, встающей в управленческую позицию и переводящей 2-противоречие в 3-баланс.

Связь форм мышления и толерантности может быть представлена в виде таблицы.

Контур по Лири ¹	Представление ²	Характеристика мышления	Рефлексия	Толерантность
1-й биовыживательный	Нищий ³	Сознание (я жив)	Только «Я — не-Я»	Высокая
2-й территориальный	Рыцарь, воин	Сила (Power, Ци)	Только «свой — чужой»	Низкая
3-й семантический	Ученый	Интеллект	Простая	Высокая
4-й социополовой	Политик	Харизма	Групповая	Низкая
5-й нейросоматический	Философ	Мудрость	Многоуровневая	Высокая
6-й нейрогенетический	Поэт, художник	Гений ⁴	Управляемая (?)	Низкая (?)

Примечания. 1 — *Лири Т.* История будущего. СПб.: Янус, 2000; 2 — Социальная группа, воплощающая данный контур сознания; 3 — В смысле «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное»; 4 — В значении, в котором это слово использовалось в Древнем Риме: дух-покровитель, открывающий путь к высшим проявлениям личности.

Представляет интерес также связь толерантности и пассионарности. Здесь есть необходимость рассмотреть два типа толерантности: «терпимость к чужому» и «терпимость к враждебному». В первом случае «чужое» может косвенно, фактом своего присутствия угрожать идентичности, убеждениям, эстетическим предпочтениям, но не оказывает непосредственного влияния на имущественные или неимущественные интересы личности. Формула нетолерантности в этом случае: «Ну не люблю я негров». Формула толерантности: «Цвет кожи ничего не говорит о человеке». Во втором случае «чужое» прямо и непосредственно угрожает осознаваемым, значимым, имущественным или неимущественным интересам индивидуума, занимая доминирующую или конкурентную позицию. Формула нетолерантности: «Мигрантов — вон с наших рынков!». Формула толерантности: «Я должен конкурировать с ними в равных условиях». Понятно, что первый тип толерантности является в большей степени декларативным, в то время как второй — деятельностным.

В демократической среде возможно совершенно фантастическое явление, когда человек, формально нетолерантный, оказывается толерантным деятельностно. Как правило, это означает, что мигрантов он боится меньше, чем собственного правительства, «прописавшего» политкорректность и оформившего его законодательно.

Заметим, что толерантность обитает на средних этажах таблицы — в зоне умеренной пассионарности. Ни пассионарии (творцы истории), ни субпассионарии (современный средний класс развитых стран) толерантностью не обладают — первые в силу стремления подчинять себе мир, вторые — вследствие того, что любое изменение гомеостаза (появление чужого) является для них угрозой, едва ли совместимой с жизнью.

Таким образом, воспитание толерантности можно (и должно) рассматривать в логике снижения пассионарности общества (удаления на общественную периферию нетолерантных личностей с пассионарностью +4, +5, +6).

Весьма сомнительная цель!

Уровень пассионарности	Описание уровня	Представление уровня	Формальная толерантность	Реальная толерантность
+6	Стремление к абсолютному идеалу, готовность без колебаний пожертвовать собственной жизнью	Пророки	Отсутствует («На том стою — и не могу иначе»)	Отсутствует

+5	Стремление к идеалу победы, готовность рисковать жизнью, но не идти на явную смерть	Герои	Умеренная	Умеренная
+4	Стремление к идеалу успеха, готовность к рассчитанному риску	Борцы	Умеренная	Низкая
+3	Стремление к идеалу красоты и знания, готовность жертвовать убеждениями и силами	Творцы	Очень высокая	Высокая
+2	Стремление к удаче, готовность к мгновенному риску	Авантюристы	Высокая	Умеренная
+1	Стремление к благополучию, готовность жертвовать покоем и совестью	Карьеристы	Умеренная	Умеренная
0	Стремление к равновесию	Обыватели	Высокая	Высокая
-1	Стремление к приспособлению к среде	Планктон	Умеренная	Низкая
-2	Нежизнеспособны без помощи общества	Нежить	Отсутствует	Отсутствует

В триалектической логике базовым является баланс «равновесие—изменение—спонтанность». Его Представления в других семантических слоях: «безопасность—комфорт—развитие», «мир—война—кризис».

Диалектическое противоречие «толерантность-нетолерантность» ложится в соответствие балансов как равновесие—развитие. Толерантность предполагает игнорирование противоречия с иным, гомеостаз, равновесие, экологию. Нетолерантность предполагает борьбу с чужим, разрешение противоречия через структурные изменения, развитие, эволюцию.

Тогда управляющей вершиной, достраивающей противоречие «толерантность—нетолерантность» до баланса, оказывается «свобода» — быть толерантным или не быть им, принимать логику борьбы или логику сосуществования или ту и другую одновременно («здесь воюем, здесь дружим, здесь торгуем, здесь рыбу заворачивали...»). Свобода предполагает произвол как в отношении чужого, так и в отношении собственной идентичности, триалектическое развитие противоречия с выходом в иное понятийное пространство.

Триалектический подход позволяет построить новую классификацию, объединяющую толерантность и пассионарность в одной логике анализа.

	Равновесие, безопасность, мир, толерантность	Изменение, развитие, война, нетолерантность	Спонтанность, комфорт, кризис, свобода
С опенком равновесия, безопасности, мира, толерантности	Обыватели Демократы	Карьеристы Либералы	Борцы Ницшеанцы
С оттенком развития, изменения, войны, нетолерантности	Планктон Беспартийные	Авантюристы Фашисты	Герои Ассасины (шахиды)
С оттенком спонтанности, комфорта, кризиса, свободы	Нежить Буддисты	Творцы Коммунисты	Пророки (?)

ИСКУССТВО ВАРВАРА ПРОТИВ АРИСТОКРАТИЗМА ВОИНА

На рубеже веков события обычно ускоряются. В августе 1991 года завершилась эпоха биполярного мира, военного противостояния и угроз ядерной войны. Всего через десятилетие, 11 сентября 2001 года, стало прошлым «новейшее время» — эпоха посттоталитарных демократий. Разом устарели политические доктрины, государственные институты и военные стратегии. К счастью, российская военная реформа буксовала все эти годы. Во всяком случае, когда ничего не построено «вчера», «сегодня» нам ничего не придется ломать. Только — создавать заново, потому что армия, способная отвечать на вызовы внешних и внутренних противников страны, есть непереносимое условие выживания государственности. Российской — в нашем случае.

Ситуация вокруг так называемых «вооруженных сил страны» усугубляется общемировым кризисом индустриального уклада жизни, а следовательно, и индустриальных современных армий. Надвигается не просто очередная «эпоха перемен», но глобальный системный сдвиг. В человеческой истории было всего-то два события подобного масштаба: неолитическая и индустриальная революции. Первая произошла в X-VII тысячелетии до н.э. и ознаменовалась переходом от присваивающей экономики к производящей. Вторая датируется серединой II тысячелетия н.э., ее конечным результатом стало создание капиталистической экономики и машинного производства.

Чтобы выжить в условиях смены фаз развития, этносу и актуализирующему его государству придется напрячь все силы. И военная реформа нужна сегодня не столько для решения институциональных задач государственного строительства, сколько для поддержания жизнедеятельности социального организма вблизи постиндустриального барьера. Речь идет, по сути, о создании «национального структурного резерва», обладающего необходимыми возможностями (в первую очередь организационными), чтобы демпфировать острый фазовый кризис.

Подобный проект подразумевает обращение к собственному историческому опыту: так или иначе, Россия нсегда воспринималась «миром существующим», прежде всего, как великая военная держава.

I. Военная история российской государственности: традиционная фаза развития

Кратко обозначим цивилизационные фазы развития.

Архаичная фаза была первой и наиболее длительной, включала в себя антропогенез и две первые эпохи первобытнообщинной формации: палеолит и мезолит. Характеризовалась присваивающей экономикой и высокоразвитой трансценденцией; формами экономической жизни были охота, собирательство и не в последнюю очередь ритуальная магия. «Кровью» архаичной экономики были обработанные кремни²⁹⁹.

Традиционная фаза — это неолитическая и энеолитическая эпохи первобытного общества, а также Древность и Средневековье. В этой фазе господствует сельскохозяйственное производство, именно зерно является «кровью» экономики. Демографическая динамика экспоненциальна, характерные скорости составляют около 120 км/сутки (лошадь, парусный корабль³⁰⁰), социально используемые энергии соответствуют теплоте сгорания каменного угля.

Индустриальная фаза может быть расчленена на капиталистическую и госкапиталистическую формации. Первая включает века Возрождения, Реформации, Просвещения, Промышленной революции, вторая — века Мировых войн и посттоталитарной демократии. Экономика базируется на машинном производстве и всепланетной системе обмена, ее «кровь» — энергоносители. Индустриальные скорости превосходят 1000 км/сутки, характерные энергии выросли вдвое по сравнению с традиционной фазой и соответствуют теплоте сгорания нефти.

Становление русской военной машины

Военная история подразумевает рамку экономической географии: какими бы аспектами исторического бытия России мы не интересовались, нам не уйти от обсуждения природных условий, в которых формировался русский этнос.

Происхождение славянской племенной общности известно нам «с точностью до легенды». В советское время родословную славян протягивали чуть ли не к скифам, но с определенной уверенностью можно сказать лишь то, что славянский праэтнос сформировался в условиях Восточной Европы и произошло это исторически довольно поздно.

²⁹⁹Малоизвестно, что уже в эпоху мезолита существовала крупномасштабная система обмена: кремни, добытые в Карпатах и обработанные на Волге, находят в Двуречье и Индии. На Мальте обнаружен огромный подземный храм, предназначенный, по мнению археологов, для массовой подготовки жриц. Понятно, что сам остров в таком количестве священнослужителей не нуждался.

³⁰⁰Понятно, что суточный пробег может быть гораздо больше, но скорость корабля зависит от погоды.

Возможно, славяне — один из этносов, порожденных временем Великого переселения народов. Во всяком случае, именно с сильнейшими антропотоками, пронизывавшими в III веке н.э. территорию Восточной Европы, связывают выделение восточных славян как самостоятельной общности.

Эта этническая группа не приняла участия в исторических событиях, изменивших в V-VII столетии лицо Европы.

Гуннские завоевания, гибель Римской империи, создание варварских королевств и их христианизация — все это никак не затронуло многочисленный земледельческий народ, облюбовавший для поселения среднее течение Днепра.

Формирование централизованного государства восточных славян происходило крайне медленно, и, по-видимому, мифология не напрасно связывает ускорение этого вялотекущего процесса с «призванием варягов». Во всяком случае, интересно отметить, что устная традиция обуславливает само возникновение русской государственности, во-первых, с пришедшей военной силой и, во-вторых, с добровольным заимствованием чужих культурных форматов.

К IX веку Киевская Русь получила наконец все атрибуты феодальной государственности и почти сразу перешла к активной экспансии в направлениях на север и запад. Понятно, что такая политика потребовала создания централизованных и достаточно мощных вооруженных сил.

С технической точки зрения княжеские дружинники были вооружены и оснащены никак не хуже западноевропейского рыцаря. Тем не менее эпохи рыцарства Киевская Русь не знала, что привело ко многим важным последствиям.

С. Хантингтон проводит свою границу между европейской и «православно-христианской» славянской цивилизацией по восточной границе Польши. В действительности, эта граница возникла задолго до христианизации Польши и никогда не носила конфессионального характера.

Европейские государственные образования формировались под сильнейшим воздействием Римской империи и ее катастрофического распада. Соответственно, они наследовали римские дороги, римское (в своей логике) право, римские города, римское сельское хозяйство. Но гибель Империи сопровождалась разложением ее производственных механизмов. Прежде всего, это означало деградацию экономически самостоятельного крестьянства, являющегося социальной базой сильной и устойчивой на поле боя пехоты.

Поскольку такая пехота является основой любого боевого порядка, Западная Европа оказалась перед необходимостью создать войско, не нуждающееся в упорядочении. Это войско могло быть лишь конным (из соображений подвижности) и поэтому крайне немногочисленным: в условиях натурального хозяйства боевой конь был слишком большой ценностью.

Со временем эти структурообразующие принципы привели к созданию средневекового рыцарства с его своеобразным кодексом чести. Малочисленная рыцарская знать могла исполнять свои социальные функции только при бесстрашии, возведенном в абсолют. Но это подразумевало, что боевой порядок рыцарей был исключительно однолинейным (оказаться во второй линии значило проявить трусость). Понятно, что управлять «рыцарским частоколом» в бою не было никакой возможности, даже если предположить, что рыцари вообще могут реагировать на чьи-то распоряжения.

Как следствие, в отличие от обычной армии, построенной на иерархии и индуцирующей отношения господства—подчинения, рыцарское войско порождало некий дух корпоративного равенства и подчеркнутой независимости.

Учтем теперь, что рыцари были весьма малочисленны (десятки, лишь во втором тысячелетии н.э. — сотни). В реальном бою гибель даже одного рыцаря воспринималась как существенная проблема для продолжения боевых действий. Это возвело в военный принцип повышенную ценность человеческой жизни. В сущности, «хабеас корпус» с его акцентом на права личности вырос из несостоятельности европейской раннесредневековой пехоты.

Киевская Русь создавалась как государство вне римского экономического пространства и не была затронута процессами деградации крестьянства. Соответственно, русское войско имело надежную пехоту и могло позволить себе классические боевые порядки.

А эти порядки несли с собой иерархию, управление, дисциплину — в том числе и для княжеской дружины.

Здесь следует заметить, что если западноевропейский военный эпос подчеркнуто аристократичен, то русские былины (хотя создавались и исполнялись они при княжеских дворах) носят в значительной мере «крестьянский», «варварский» характер. В тройке богатырей старшим является не дружинник Добрыня Никитич, а селянин Илья Муромец —

Борьба с монголо-татарами

На формирование русского военного искусства наложили отпечаток следующие обстоятельства:

- Молодость этноса, отсутствие у него предшествующего опыта государственности, политических и военных традиций
- Крайне слабое индукционное воздействие со стороны более цивилизованных народов
- Отсутствие майората, что ускорило раздробление княжеств
- Сложное в военном отношении положение на границе Леса и Степи
- Преимущественно закрытый характер местности, ее слабая культурная освоенность
- Вытекающая из этого инфраструктурная необеспеченность

Необходимо особо подчеркнуть то обстоятельство, что у Киевской Руси отсутствовали серьезные военные и политические противники. Взаимодействие с Великой Степью и государственными образованиями, время от времени актуализирующимися на южных границах, носило в целом добрососедский характер по Е. Лукину:

«... не обидит свата сват
и побег устроит,
и напишет кто-нибудь «Слово о полку...»

Как следствие, армия приобрела опыт «карнавальной войны», ведущейся по определенным правилам и не имеющей ясной стратегической цели.

В XIII столетии это привело к государственной и национальной катастрофе.

Причина неожиданного всплеска пассионарности народов Центральной Азии, привычно объединяемых идентификатором «монголо-татары», не вполне ясна до сих пор. Кажется естественным связать ее со вступлением Земли в очередной климатический оптимум, что подразумевает не только виноградники на Ньюфаундленде и леса в Гренландии, но и изменение режима увлажнения Великой Степи. Резкое увеличение продуктивности пастбищ в XIII веке объясняет принципиальную возможность трансконтинентальных конных рейдов, но не отвечает на вопрос, откуда в этносе, до того не знавшем военного искусства, возникло вдруг поколение гениальных полководцев?

Монголы ввели в военный обиход концепцию массовой подвижной армии, состоящей из легкой и тяжелой конницы и подвижного обоза. Их командиры умели увязывать между собой действия стратегически разобщенных армейских групп на огромном евразийском театре военных действий³⁰¹ (задача, с которой так и не удалось справиться фельдмаршалам III Рейха). Монголы с одинаковой легкостью превращали в стратегические победы и частные тактические успехи, и серьезные оперативные неудачи.

Все военные кампании полководцев Чингисхана преследовали решительные цели. Речь шла не об ординарной победе, но о полном разгроме противника, об уничтожении его армии, физическом истреблении административной и военной элиты, разрушении государственной экономики.

Понять подобные действия как действенный способ ведения войны русские князья были не в состоянии. Уже это предопределило их поражение: четкой и целеустремленной стратегии монголов они смогли противопоставить лишь простейшую оборонительную тактику. Монголы, однако, умели не только осаждать крепости, но и брать их прямым штурмом, так что тактика обороны с опорой на укрепленные пункты была против них заведомо самоубийственной.

Результатом кампании 1237-1239 гг. стало уничтожение Киевской Руси. Теперь перед русским военным искусством стояла только одна задача: сохранить существование народа. Это подразумевало необходимость поиска «модуса вивенди» с победителем.

В течение последующих двухсот лет вся политическая история России строилась вокруг взаимоотношений с Ордой, а вся военная стратегия русских княжеств сводилась к попыткам найти «асимметричный ответ» на вызов ордынской конницы³⁰².

Во второй половине XIII века характер монгольского завоевания меняется: победители пытаются организовать жизнь на подвластных им территориях. Выжившие русские князья

³⁰¹Заметим, при отсутствии адекватных карт.

³⁰²С рыцарской конницей новгородская пехота, обученная сомкнутому строю и взаимодействию с княжеской дружиной, справилась в 1242 году играючи (Ледовое побоище): факт, который дает представление о той судьбе, которая постигла бы Западную Европу, продолжи полководцы Чингисхана свое наступление «к последнему морю».

становятся лояльными вассалами Орды. На Русь постепенно проникают элементы культуры самой Монголии, Китая, Хорезма. Начинается генетическое перемешивание победителей и побежденных.

В этот период формируется русский национальный характер и русская армия обретает ряд специфических черт, которыми она будет отличаться на протяжении всей своей истории.

Русские учились военному делу у Орды, хотя применяли полученные знания к совершенно другой военной машине. Монголы действовали массой: «множество пугает...», — и русская армия всегда, во все эпохи, стремилась к максимально возможной численности. Монголы использовали глубокие расчлененные построения, и такие построения на века стали «визитной карточкой» русского стиля ведения войны. Монголы были равнодушны к боевым потерям, и подобное равнодушие по сей день характеризует русское командование.

Такая безжалостность имела стратегическое обоснование. В XIII-XIV веках речь шла, как уже отмечалось, о физическом выживании народа. Это подразумевало ряд ситуаций, в которых боевая задача войска состояла именно в том, чтобы истечь кровью.

Именно тогда сформировалась как характерная особенность русской армии **устойчивость в обороне**: если русские солдаты действительно решили защищать какую-либо позицию, то овладеть ей можно было только полностью уничтожив защитников. «В воле Вашего Величества бить русских правильно или неправильно, но они не побегут...» Среди боев, выигранных благодаря экстраординарной стойкости войск, следует назвать Грюнвальд (1410), Цорндорф (1758), Кунерсдорф (1759), оборону Шипкинского перевала (1877-1878). Не случайно, что именно оборонительные по своей структуре сражения — Куликовская битва (1380), Полтава (1709), Бородино (1812), Сталинград (1942) — знаменовали собой этапы возвышения Руси/России/ СССР.

Монгольскому игу мы обязаны и такой отличительной чертой русской военной политики, как **нацеленность на конечный результат**. Война могла продолжаться веками (примером тому борьба с Османской Портой), сопровождаться тяжелыми поражениями, но в конечном итоге Россия получала то, что хотела. Цена победы — и это тоже наследие ордынского военного искусства — значения не имела. Очень интересно проследить в масштабах столетий эту неторопливую целеустремленную стратегию, часто маскирующуюся под локальную неустойчивость и «сиюминутность» политики. Исторически значителен феномен создания Англией великой Британской империи, но превращение Московского княжества в Россию — процесс не менее впечатляющий, особенно если вспомнить, что в начале этого пути Русь не обладала даже политической независимостью.

Столетия борьбы с монголо-татарами принесли Руси скорее опыт поражений, чем счастье побед. Тем не менее в этот период была выиграна самая важная в истории страны битва и проведена самая красивая военная кампания. Речь идет о сражении на Куликовом поле и о «стоянии» на реке Угре.

Схема великой победы Дмитрия Донского, как и предшествующего четкого и грамотного стратегического маневрирования, есть в любом школьном учебнике по истории. Есть смысл добавить только одно: продуманность подготовки к войне, порядок сосредоточения войск, пятичленное построение оборонительных порядков, принятая тактика боя, — все это показывает знакомство Дмитрия Донского уже не с монгольским, а с китайским военным искусством. Равным образом блистательная блокадная операция, проведенная Иваном III на реке Угре (ограничение подвижности конной в своей массе ордынской армии, неожиданное отступление, «приглашающее» противника переправиться через реку и принять бой в самых невыгодных условиях, последовательное стратегическое использование овладевшей врагом растерянности в целях полного его разгрома и ликвидации самой государственности без боя), заставляет вспомнить стратегическое искусство Сунь Цзы.

В своей последующей военной истории Россия использовала метод, названный английским историком Б. Лиддел Гартон непрямыми действиями, гораздо реже. Может быть, непрямая стратегия рассматривалась русскими полководцами как последний резерв и прибегалась на тот крайний случай, когда иного спасения уже не видно?

Основание Империи

Следующий этап военной истории России подчеркнуто «неинтересен». Создается централизованное государство. Не слишком стесняя себя в используемых средствах, московские князья превращаются в русских царей, сокрушают последние остатки средневековой «вольницы» (открывая при этом одни пути развития и закрывая другие — примером тому судьба Новгородской торговой республики), определяют стратегические

цели и реализуют их «по Стейницу» — «простыми и не блестящими средствами». Ни одна из кампаний Ивана Грозного не была сколько-нибудь красива, многие были откровенно неудачными, но постепенно к России присоединяется Сибирь, первая и самая ценная колония, сыгравшая для нашей страны такую же роль, как Галлия для Римской империи или Индия для империи Британской³⁰³. Постепенно ликвидируются остатки ордынских структур на окружающих Русь землях, и сами эти земли мало-помалу становятся частью русского «хоумленда». Начинается многовековая борьба с Польшей, причем на первых этапах этой борьбы Русь терпит непрерывные поражения, дело доходит даже до оккупации самой Москвы и «учреждения» на троне польского ставленника.

Смутное время играет в военной истории Руси почти такую же роль, как ордынское иго. На сей раз восстановление государственности произошло очень быстро, а правящие элиты отделались легким испугом. Которого, впрочем, не забыли: отныне одной из важных целей русской политики становится уничтожение Польши как независимого государства. К концу XVIII столетия эта задача была в общем и целом решена (1795).

В период становления Империи выявилась еще одна «наследственная» черта русского военного механизма — **ригидность**, склонность к застою. Известно, что любая армия готовится к прошлой войне, но российская армия ориентировалась в своей деятельности на события прошлых веков. Как следствие, армия постепенно полностью теряла соответствие с реальностью и приходила в состояние полного разложения. Время от времени такое положение дел создавало реальную угрозу российской государственности, тогда старая армия уничтожалась «сверху» и на ее месте создавалась новая по последним зарубежным образцам. Среди таких «реформ» (на деле являющихся революциями) наиболее известна Петровская.

Деятельность государя-реформатора проанализирована самым подробным образом, однако на одном аспекте его преобразований имеет смысл остановиться. Петр, вне всякого сомнения, был воплощением **варварского менталитета**³⁰⁴ России. Подобно большинству варваров, он имел сугубо детский взгляд на мир, Империя была для него стратегической ролевой игрой. Армия Петра выросла из игровых «потешных» полков, большой игрушкой был флот. Как великий император, Петр не знал слова «нельзя». Как большой ребенок, он не понимал, что такое «невозможно». В результате за четверть века Россия преодолела двухвековую отсталость и буквально ворвалась в число великих держав. В течение десятилетия выросла на неких болотах новая столица Империи, скопированная идейно с Александрии и Константинополя, архитектурно — с Венеции и Амстердама, стратегически с Аахена и Вены, но ставшая при этом великим русским городом.

Импульса, сообщенного России Петром Великим, хватило на 200 лет.

Великая военная держава

При преемниках государя-реформатора политическое значение России продолжает возрастать. К концу XVIII столетия страна становится крупнейшей и сильнейшей в военном отношении европейской державой. Эпоха прославлена многими замечательными именами русских полководцев и десятками блистательно выигранных ими сражений, но здесь имеет смысл остановиться только на одном — первом среди равных — генералиссимусе графе А. Суворове.

В своей классической работе «Стратегия непрямых действий»³⁰⁵ Б. Лиддел Гарт рассказывает о десятках полководцах, о сотнях боев и сражений, но имя Суворова он даже не

303 Завоевание Сибири было крупномасштабной и очень сложной (прежде всего, с организационной и финансовой точек зрения) государственной акцией. То, что большинство любителей истории и даже некоторые профессионалы связывают это событие исключительно с «харизматической фигурой» беглого казака Ермака Тимофеевича, характеризует лишь действенность официальной пропаганды царя Ивана и его несколько тяжеловесный юмор.

304 Различаются четыре основных типа менталитета. К «древним» относятся варвары и аристократы, к «молодым» — интелли и буржуа. Исторически, среди властителей Руси почти не встречаются аристократы и совсем нет буржуа. Для варварского менталитета характерна высокая выживаемость, умение удивляться окружающему миру, острота и непосредственность реакций, жизненная активность, склонность к риску, пренебрежение правилами и абстрактными религиозно-философскими категориями.

305 Лиддел Гарт Б. Энциклопедия военного искусства (Стратегия непрямых действий). СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1999.

упоминает. Ситуация странная, если не сказать скандальная: кампании Суворова выгодно выделяются на общем фоне военного искусства XVIII века четкостью, краткостью и результативностью. При этом действия Суворова воспринимались стратегически и тактически совершенно прямыми, что шло вразрез с учением Б. Лиддел Гарта. Весь же остальной опыт мировой истории подтверждал теорию, согласно которой прямые действия приводят если не к немедленной катастрофе, то к серьезным потерям и затягиванию войн.

Победы Суворова нельзя объяснять численным превосходством (тем более что Б. Лиддел Гарт убедительно демонстрировал, что непрямые действия обороняющегося обесценивают численное превосходство наступающего). Нельзя объяснять их и качественным превосходством русских войск. Откровенно говоря, Суворов имел в своем распоряжении заведомо негодное оружие войны, причем иногда несоответствие качества войск стоящим перед ними задачам выглядело просто трагическим. Так в кампании 1799-1800 гг. «крепостная» армия, набранная по системе рекрутского набора, сражалась на чужой территории с победоносными войсками Французской республики, воодушевленными идеалами революции и возглавляемыми талантливым полководцем.

Вклад А. Суворова в военное искусство требует дополнительного изучения. Похоже, он исповедовал стратегию непрямых действий, замаскированных под огульное наступление. Суворов вовсе не стремился к бою на любых условиях, он обладал блестящим талантом навязывать противнику сражение, к которому тот был — именно в этот момент и в том месте — совершенно не готов. То есть непрямые пути Суворова лежали, прежде всего, в психологической плоскости.

В сущности, генералиссимус Суворов использовал не традиционную, и даже не индустриальную, а постиндустриальную стратегию — стратегию чуда. Его операции были глубоко личностны и основывались на трансляции солдатам и полководцам противника той Реальности, где их поражение было решено и предreshено. Через полтора века нечто подобное продемонстрировали миру генералы вермахта и адмиралы Страны восходящего солнца.

II. Воюет Россия индустриальная

Военная история индустриальной России наполнена скрытым трагизмом. В XIX-XX веках мир менялся слишком быстро для склонной к застою русской армии. Почти в каждую войну она вступает материально и организационно неподготовленной; попытки всякий раз решать возникающие проблемы за счет одной только стойкости войск приводят к страшным потерям и в конечном счете обескровливают страну. Логика развития заставила Россию/Советский Союз воевать со всем миром. Это закончилось национальной катастрофой и очередным «смутным временем». Разумеется, как это уже вошло у России в традицию, поражение трансформируется в победу. Вопрос лишь — когда и какой ценой?

Крымская война: «и невозможное возможно»

Серьезная ошибка была допущена Россией в славном для нее 1812 году, когда государь не прислушался к мнению М. Кутузова, желающего прекратить войну сразу после гибели наполеоновской Великой армии. В рамках плана М. Кутузова следовало возобновить союз с Францией, разделить с ней сферы влияния на континенте, постепенно включить Первую империю в орбиту своей политики и готовиться к решительной схватке с Великобританией. План, основанный на запредельном риске, но дающий России шанс на ускоренное капиталистическое развитие и достижение европейской гегемонии.

Британские непрямые действия в области политики оказались сильнее увещаний дуайена русской армии, и с 1812 года Россия перестает быть для Великобритании субъектом политики и становится ее объектом. Достойна уважения последовательность, с которой британская элита проводила в жизнь стратегический замысел использования России для достижения целей английской дипломатии — вне всякой зависимости от политических реалий. Россия могла быть союзником или противником, это меняло лишь тактику взаимодействия, но не оказывало влияния на большую стратегию.

Крымская война была спровоцирована Великобританией для решения одной, но существенной в рамках ее приоритетов цели — захвата Петропавловска-Камчатского. Стратегически все было оформлено как нельзя лучше: против России, находящейся в полной международной изоляции, была создана коалиция крупнейших мировых держав. Против русской армии, с ее рекрутско-крепостной системой набора, устарелой на две исторические

эпохи организацией, традиционно бессильным тылом, устаревшим военным снаряжением выступили первоклассные европейские войска, вооруженные нарезным оружием и поддержанные паровым флотом.

Никакой стратегии, позволяющей «мануфактурной» армии сопротивляться «индустриальной», в природе не существует. По логике вещей война должна была быть короткой и результативной. Захватив Севастополь, Петропавловск и Кронштадт, союзники должны были продиктовать России условия капитуляции.

Однако обреченная на поражение русская армия в очередной раз продемонстрировала свою исключительную стойкость в обороне. Союзники так и не добились ни одной из своих целей, и единственным реальным достижением войны явилась пятнадцатилетняя нейтрализация Черного моря.

Трагедия Севастополя повторилась спустя полвека под Порт-Артуром. Хотя на сей раз с Россией воевала не европейская коалиция, но второстепенное азиатское государство, только добивающееся вступления в избранный круг великих держав, русская армия и флот вновь оказались инфраструктурно и технически не подготовленными к войне, а русская дипломатия не смогла удовлетворительно решить ни одной из поставленных перед ней задач.

Русско-японская война обошлась России гораздо дороже, нежели Крымская. В стране резко усилились революционные настроения. Были потеряны важнейшие позиции на Дальнем Востоке. Пошатнулся престиж страны как военной державы, что немедленно поставило под сомнение финансовое и экономическое процветание Империи. И главное, единственная серьезная попытка России перейти от материковой стратегии к океанической: создать сильный флот и начать борьбу за Тихий океан — потерпела крушение. В 1905 году Россия потеряла шансы когда-либо иметь сильный военный флот, а с ним — развитие коммерческое судоходство и долю в мировой торговле.

«Мировой кризис»

Первая Мировая война 1914-1918 гг. убедительно демонстрирует и сильнейшие, и слабейшие черты русской военной машины. После Порт-Артурской и Цусимской катастроф в армии и флоте был наведен относительный порядок, выстроена стройная система мобилизации и развертывания войск и относительно работоспособная система их снабжения. В целом была решена кадровая проблема, офицеры и генералы в значительной своей массе имели свежий боевой опыт. Вместе с тем русская дивизия была «перегружена» батальонами (16 против 12 в германской армии), что при недостатке артиллерии неизменно приводило к излишним потерям³⁰⁶.

Россия вступила в войну, имея адекватный план боевых действий, причем Генеральный штаб удержался от искушения рассматривать войну через призму интересов только своего фронта³⁰⁷.

С точки зрения исторической обусловленности русского военного искусства особый интерес представляют два сражения Великой войны — Галиция и Саракамыш.

В Галицийской операции русское командование попало на чужую стратегическую разработку. Весь план «А» войны с Австро-Венгрией был построен на допущении, согласно

306Считалось, что «лишние» батальоны компенсировали недостаток артиллерии. В действительности они лишь подрывали подвижность дивизии, затрудняли управление и снабжение. Одна из столь характерных для русской военной машины организационных нелепиц.

307Критика Восточнопрусской операции построена на непонимании реального положения дел. Наступление против Австро-Венгрии требовало удержания за собой «Польского балкона». Ослабляя военные усилия на этом направлении и сосредоточивая войска против Австро-Венгрии, Россия брала на себя риск немецкого контрудара в общем направлении на Седлец. Такой контрудар вызвал бы отход Юго-Западного фронта вне всякой зависимости от достигнутых там успехов: по условиям местности русские войска не могли выигрывать темпы в Карпатах быстрее, чем терять их в северной Польше. Следует также помнить, что решающая для всего хода войны победа союзников на Марне была обусловлена переброской двух немецких корпусов в Восточную Пруссию, и в этом смысле можно сказать, что русская стратегия спровоцировала германское командование на эту решающую ошибку. Правда, стратегический успех кампании 1914 года был оплачен ценой погибшей в Мазурских болотах 2-й армии Самсонова, но, как уже отмечалось, русское военное командование с потерями не считалось.

которому противник сохранит план развертывания, известный русскому командованию. В действительности фельдмаршал Конрад сдвинул сосредоточение войск на 100 километров к западу, вследствие чего обходящее северное крыло русских войск само попало под фланговый удар. В ходе ожесточенного Люблин-Холмского сражения 4-я и 5-я армии Юго-Западного фронта потерпели тяжелое поражение, однако австрийское наступление развивалось крайне медленно ввиду традиционной стойкости русских войск в обороне. Особенно выделяется операция XIX армейского корпуса, который, будучи практически окружен превосходящими силами австрийцев, сумел за счет маневра артиллерией нанести противнику тяжелое поражение и восстановить свою связь с 5-й армией.

В результате русскому командованию удалось выиграть на Люблинском направлении столько темпов, сколько потребовалось для того, чтобы решить в свою пользу Галич-Львовскую операцию 3-й и 8-й русских армий против 3-й и 2-й австрийских. К первым числам сентября 1914 года сложилось неустойчивое равновесие: обе стороны достигли успехов на своем левом фланге. Однако события на юге развивались быстрее и острее, нежели на севере. В этих условиях Конрад перебросил на Львовское направление 4-ю армию и начал контрнаступление в общем направлении на Львов. Великий князь Николай Николаевич полностью положился на способность 8-й армии сдерживать противника и, сконцентрировав подвозимые по мобилизации резервы на крайнем правом фланге сражения, неожиданно для противника возобновил Люблин-Холмскую операцию.

Сражение завершилось отходом австрийской армии за реку Сан и ознаменовало собой конец Австро-Венгерской империи. Фельдмаршал Конрад потерял 325 000 человек, в том числе практически 100 000 пленными, и 400 орудий. Более половины этих потерь пришлось на завершающий период операции. Русские потеряли 230 000 человек и 94 орудия, причем основная доля потерь пришлась на первый этап сражения.

Еще более показательным было сражение под Саракамышем зимой 1914/15 года. Вновь русское командование пропустило момент перехода противника в наступление с решительными целями. Энвер-паша, искусно сосредоточив свои войска зимой на Кавказском фронте, нанес неожиданный удар, имея целью захватить город и станцию Саракамыш, через которую проходили все коммуникации русской армии. Потеряв Саракамыш, армия была бы оттеснена к впадине Аракса, что означало бы в условиях снежной и холодной зимы ее полное физическое уничтожение.

Уяснив всю опасность наступления противника, исполняющий обязанности командующего Кавказской армией³⁰⁸ генерал Мышлаевский отдал приказ об общем отступлении и, поручив оборону Саракамыша случайно оказавшемуся на этой станции полковнику Букретову, бежал в Тифлис.

Хотя русские войска и были лишены единого командования, генералу Юденичу³⁰⁹ удалось организовать переброску войск к Саракамышу, а полковник Букретов, приняв под командование две дружины ополчения и двести выпускников школы прапорщиков, организовал оборону Саракамыша от двух турецких армейских корпусов. Приказ об отступлении Юденич отменил (хотя не имел на это полномочий): «Если мы будем отступать, то в конечном итоге будем разбиты обязательно: если мы будем вести решительный бой до конца, то можем или быть разбиты, или победить; т.е. в первом случае результат будет обязательно отрицательный; во втором может быть и положительный».

Букретов со своей сводной ополченской командой удерживал Саракамыш в течение трех критических суток, потом подошли подкрепления, и неизбежный разгром превратился для русских в громкую победу. Два турецких корпуса замерзли в снегу, их командование попало в плен. Третья турецкая армия прекратила свое существование как реальная боевая сила.

Русская инфраструктурная революция

Яркие победы, одержанные русской армией в Первой Мировой войне, не принесли стратегического успеха. Россия вновь оказалась перед необходимостью радикальной перестройки своей военной и экономической системы, что, прежде всего, требовало создания новой инфраструктуры.

Практически страна попала в положение, из которого не было выхода: время для

308Формально армией командовал наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков.

309Юденич был начальником штаба армии, но в момент начала сражения вступил в командование 2-м сводным корпусом. Общее управление должен был осуществлять командующий 1-м Кавказским корпусом генерал Берхман, но последний сосредоточил свои усилия на подготовке отступления своего корпуса.

промышленной реформы безнадежно упущено и провести ее сколько-нибудь разумным образом не было никакой возможности. Ожидаемая победа (к концу 1916 года военное положение центральных держав было бесперспективным) лишь законсервировала бы российские проблемы еще на одно поколение.

В этих условиях русская нация решилась на отчаянный шаг, вытекающий, однако, из предшествующей логики развития: осуществить промышленную и инфраструктурную перестройку любой ценой и не считаясь ни с какими правилами.

Октябрьская революция не была исторической случайностью. Партия большевиков пришла к власти не для освобождения рабочего класса, но для последовательного проведения в жизнь программ электрификации и индустриализации страны³¹⁰. Задача эта была полностью решена, и к концу 1960-х годов Советский Союз/Россия имел развитую промышленную экономику и вполне отвечающую текущему стандарту де-факто армию³¹¹.

III. Россия и постиндустриальный мир

Один из законов стратегии гласит, что равные позиции преобразуются в равные. В 1980-х годах Россия вновь столкнулась лицом к лицу с проблемой инфраструктурной перестройки. Положение «догоняющего» вообще бесперспективно: ценой колоссальных усилий, ценой ментального и физического обескровливания русского народа удалось лишь законсервировать разрыв между Россией и передовыми странами. СССР завершил создание индустриальной экономики в тот момент, когда Соединенные Штаты поставили вопрос о перспективах постиндустриального развития и в качестве первого шага приступили к созданию так называемой «штабной экономики».

Катастрофа коммунистического режима в 1990-х годах столь же закономерна, как и его победа в начале столетия. Вновь Россия оказалась перед неразрешимыми задачами и вновь нашла в себе силы нарушить все писанные и неписанные правила и действовать не считаясь ни с чем.

Ситуация несколько облегчается тем, что впервые с середины XIX столетия у страны появилась ясная стратегическая цель и перспективы выйти из положения «вечно догоняющего».

К настоящему времени индустриальная фаза полностью исчерпала потенциал своего развития. Конечность размеров земного шара вызвала к жизни процессы глобализации, а попытки найти новые реальные рынки или хотя бы сконструировать искусственные квазирынки привели к созданию «экологических производств». Эти меры паллиативны и уже поэтому недостаточны. Мы должны, следовательно, предсказать системную катастрофу индустриальной экономики и последующее «первичное упрощение» мира.

Альтернативой является преодоление постиндустриального барьера путем создания принципиально иной системы деятельности. Эта задача носит стратегический характер и отчетливо рефлектируется по крайней мере четырьмя странами: США, Германией³¹², Японией и Россией. Каждая из этих стран имеет свои шансы в предстоящей постиндустриальной гонке.

Для США эти шансы заключены в высокоразвитой «штабной экономике», для Японии — в высочайшем техническом развитии, сочетаемом с характерным для Востока вниманием к человеческой личности. Для Германии — в сильнейшем всплеске пассионарности, который повлекло за собой объединение промышленно развитых западных немцев с воспитанными в социалистическом обществе немцами ГДР. Наконец, Россия может в полной мере положиться на свое исторически обусловленное умение «держат удар» и добиваться конечной цели при любых обстоятельствах.

310План ГОЭЛРО был построен на основании разработок комиссии по естественным ресурсам России (КЕПС), созданной в 1915 г.

311Освещение событий Второй Мировой войны требует отдельной работы. Отметим лишь, что тяжелые поражения советских войск в начальный период этой войны во многом определялись незавершенностью индустриальной революции. Промышленность СССР уже выпускала танки и самолеты (притом в количествах, превосходящих всякие разумные нормы), но эта промышленность еще не могла наладить производство всех тех «мелочей», без которых боевая техника обречена оставаться металлоломом: средств снабжения, связи и управления.

312Как «хоумлендом» Европейского союза.

«АТ-стратегия»

В связи с вышеизложенным очевидно, что проектируемая сейчас реформа российских вооруженных сил должна носить постиндустриальный характер и осуществляться весьма жесткими методами — по аналогии с петровскими и сталинскими военными реформами. Практически речь идет о ликвидации современной конскрипционной армии как небоеспособной и создании вместо нее принципиально иной армии. Петр Великий оставил нам не только пример такой радикальной военной перестройки, но и способ ее безболезненного осуществления. Новая армия должна создаваться как «потешные полки».

Здесь необходимо подчеркнуть, что если конскрипционная армия построена на страхе и держится только страхом, то наемная армия, предмет мечтаний российской интеллигенции и думских политиков, построена на деньгах и держится только деньгами. Она панически боится потерь и практически бесполезна в рамках сложившейся парадигмы русского военного искусства.

Мы видим решение в создании **добровольной армии**, эксплуатирующей естественный интерес человека к оружию и его использованию, физическому совершенству, психологической стойкости, элитной военной среде обучения и воспитания. Но этот «элитный клуб» российской чести еще необходимо создать.

Такая армия должна стать основой стабильности государства и инструментом постиндустриальной социокультурной переработки проходящих через нее лиц.

Следует, однако, понимать, что такая армия не способна прикрыть территорию страны от хорошо организованного терроризма (тем более, эта задача не под силу сегодняшней российской армии, носящей индустриальный характер, во-первых, и находящейся в состоянии разложения, во-вторых). Можно строго показать, что защитить мирных граждан от современных неаналитических способов ведения войны, подобных тем, что были применены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке или 23-26 октября 2002 г. в Москве, невозможно в принципе: принимая те или иные «действенные меры», военные и политические руководители просто обманывают себя. Только все население страны, вооруженное современным оружием и психологически подготовленное к действиям в экстремальной ситуации, может справиться с хаотическим террором. И в этой связи трагедия «Норд-Оста» должна инспирировать «постиндустриальные» изменения в законодательстве, и прежде всего принятие закона, гарантирующего право граждан на ношение и применение оружия.

Операции в Нью-Йорке, Москве и на острове Бали носят двухуровневый характер. На видимом уровне действуют террористические соединения (Т-группы), дешевые, не представляющие особой ценности и, как правило, «одноразовые». На втором уровне, невидимом, существует координирующий аналитический штаб (А-группа). Такой штаб должен обладать культурой военного планирования, опытом действия в условиях «управляемого хаоса», продуманной доктриной террористических операций. Никакие «этнические мусульмане» подобным требованиям не удовлетворяют. Речь может идти только о странах и регионах, участвующих в постиндустриальной гонке и овладевших рядом когнитивных техник.

АТ-стратегия, насколько можно судить, представляет собой адекватную форму борьбы постиндустриальной армии с индустриальными государствами.

Таким образом, «новые русские вооруженные силы» могут состоять из следующих структурных звеньев:

- Индустриальной добровольной армии, предназначенной для участия в конфликтах с государствами и этносами, относящимися к традиционной фазе
- Стратегических ядерных сил сухопутного, морского, воздушного базирования, обеспечивающих геополитическое позиционирование страны
- Тихоокеанского флота как гарантии русского коммерческого судоходства на Дальнем Востоке
- Каспийского флота, обеспечивающего интересы в критической точке Евразийского материка
- А- и Т-групп, защищающих интересы России в постиндустриальной гонке
- Вооруженного народа, способного ограничить действия неприятельских Т-групп на российской территории

Во всяком случае, такое развитие русской военной машины отвечает как вызовам сегодняшнего дня, так и военно-исторической логике.

ГЕНЕАЛОГИЯ ПИРАТСТВА И СЕМИОТИКА ИСТОРИИ

Я видел сотни кораблей погибших,
И утонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирала рыба...

В. Шекспир. Ричард III

Уроки истории обходятся недешево, тем не менее всегда находятся любители повторять пройденный материал снова и снова. И с удручающим однообразием воспроизводятся — и оплачиваются трудом и кровью людей — одни и те же оперативные схемы. Написана масса книг, в которых, например, анализируется стратегия германского вермахта в кампании 1942 года. Но ирония судьбы состоит в том, что там **уже** не было и не могло быть никакой стратегии: война за антигитлеровскую коалицию выигрывалась технически. (Как выигрывается в шахматах окончание король и ферзь против короля.) Дальнейшее «дожимание» Рейха производит удручающее впечатление огромными и совершенно бессмысленными жертвами.

Воздавая должное героизму защитников волжской твердыни, историк должен сознавать, что оценка ситуации никоим образом не зависела от того, в чьих руках находились руины Сталинграда. Потому что ответ на главный вопрос войны был дан еще до нападения Гитлера на Советский Союз. Гибель 28 марта 1941 г. у мыса Матагтан трех первоклассных итальянских крейсеров и паническая реакция военно-морского командования на это поражение означала конец попыткам Оси установить свое господство на Средиземном море и через это претендовать на Суэцкий канал, Гибралтар и косвенно на Атлантику. «Тот, кто владеет морем, владеет мировой торговлей. А кто владеет мировой торговлей, владеет богатствами земли и ею самой», — писал Релей, английский пират эпохи Елизаветы... К середине 1941 г. проблема владения морем была решена союзниками, и оставалось лишь в очередной раз продемонстрировать миру ту истину, что исход войны на суше решается на просторах мирового океана³¹³.

Обзор сведений о сотнях торговых судов и военных кораблей дает нам возможность еще раз поговорить **о влиянии морской силы на историю**.

1. О понятии «господство на море»

Начнем с узких, то есть сугубо военных, формулировок.

Наличие господства на море предполагает свободу действий на океанских и морских коммуникациях у стороны, этим господством обладающей, и отсутствие таковой у противника. Иными словами, владея морем, я в состоянии решить следующие оперативные задачи (в порядке возрастания сложности):

- Защитить свои берега и приморские фланги войск от вторжения или иного воздействия со стороны флота противника
- Обеспечить свою морскую торговлю
- Свободно перемещать морем войска и ресурсы
- Уничтожить морскую торговлю противника
- Лишить противника всякой возможности военного использования морских и океанских коммуникаций
- Свободно действовать в территориальных водах неприятеля (что подразумевает прежде всего способность к проведению десантных операций против его метрополии)

Военные считают, что говорить о неоспоримом господстве на море можно, лишь если решены все эти шесть задач. Но это означает такую беспомощность противника, что не совсем понятно, о какой войне вообще может идти речь! Поэтому полное владение морем (в

³¹³На сегодняшний день можно сказать, что этот вывод полемически заострен. В 1997 году не была известна «стратегия чуда» и не были разработаны схемы борьбы «сухопутной стратегии» против «морской». Теоретически, Рейх мог продолжать борьбу с некоторыми надеждами на «ничью» и в 1942 году, и даже летом 1943 года (хотя там шансы совсем призрачны). Все эти разработки лежат «на краю гауссианы», так что с практической точки зрения концепция статьи правильна, тем более что стратегические приемы, позволяющие изыскивать возможности в блокированной с моря позиции, гитлеровским генералам известны не были.

предложенной выше формулировке) в военной истории не встречается или встречается как редкое исключение. То, что таким исключением оказалась конечная стадия Второй Мировой войны на Европейском театре военных действий (ТВД), лишний раз подтверждает патологический характер данного конфликта.

Итак, в реальной войне говорить об абсолютном господстве на море (в рамках общепринятого определения) не приходится. Соответственно, конструируются термины типа «преобладание», «ограниченное или частичное владение морем» и т.п.

Но как давно и надежно установлено, осетрина не бывает второй свежести. Точно также дело обстоит с владением морем: оно или есть, или его нет.

Попробуем перейти от сугубо военных к системным определениям.

Для нас представляется очевидным, что факт владения морем должен проявляться во всей структуре вооруженных сил данного государства, являющейся, согласно чеканной формулировке генерала Леера, отражением его экономических возможностей. То есть различия между господствующей на море державой и ее сухопутным антагонистом должны проявляться во всех сферах жизни, и прежде всего — в экономике.

Вновь обратимся к концепции Релея, связывающего владение морем и мировую торговлю. Но «владеть» торговлей нельзя. По определению. Торговля есть процесс обмена на свободном рынке товаров, принадлежащих различным собственникам. Владеть процессом рыночного обмена невозможно. В принципе, его нельзя даже контролировать, хотя в наш век таможенных пошлин и разномастных законов о валютном регулировании едва ли эта мысль покажется кому-то очевидной...

Как и всякая сложная система, мировой рынок одновременно и невероятно устойчив, и легко уязвим. Повышение страховых ставок всего на 10%, например, приведет к немедленному коллапсу и переходу рынка в сингулярное состояние. Но в этом состоянии он будет функционировать, даже если ставки повысятся в сотни раз, а два судна из каждых трех не будут приходить в порт назначения. Не нуждаясь в управлении и регулировании, рынок нуждается в охране. И щедро платит тому, кто хочет и при этом способен его защитить. *«...Владеет ресурсами Земли и ею самой».*

Так господство на море превращается из абстрактной «свободы морских передвижений» в привилегию и ответственность. Сторона, владеющая морем, гарантирует нормальное функционирование мировой системы торговли. И наоборот: сторона, взявшая на себя обязанность защищать мировую торговлю и имеющая для этого необходимые ресурсы, владеет морем.

Прежде всего из этого определения следует, что лишь великие державы могут претендовать на владение морем, оспаривая его друг у друга. В локальном военном конфликте типа Чилийско-Перуанской или даже Русско-японской войны деятельность флотов с необходимостью ограничена исключительно военными рамками. Серьезные блокадные операции вызывают негативную реакцию и соответствующие меры со стороны державы, обеспечивающей мировую торговлю. Действительно, неуверенные попытки крейсеров Владивостокского отряда и вспомогательных кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры действовать на японских коммуникациях — с соблюдением всех норм призового права — были по сути парализованы позицией официального Лондона. Российской и Японской империям не возбранялось «играть в кораблики» — пока это не мешало Меркурию.

Далее, наше определение приводит к необходимости пересмотреть традиционные представления об эффективности крейсерской войны.

Крейсерская война, и в частности ее предельный случай — неограниченная подводная война, всегда считалась эффективным средством борьбы более слабого флота за господство на море. Многие военно-морские историки считают, что кайзеровские подводники в 1917 г. или асы Деница в 1942 г. были близки к тому, чтобы «вырвать из рук Британии ее трезубец».

Нам представляется, что такая концепция далека от истины.

Прежде всего, крейсерская война не носит созидательного характера. Лучшее, на что может рассчитывать ведущая ее сторона, — это подорвать, может быть, даже вовсе разрушить торговлю противника. Но как это поможет создать собственную систему торговли?

Ломать — не строить. И гигантские усилия (и многие тысячи жизней) были истрачены на то, чтобы в лучшем случае создать ситуацию, когда господство на море отсутствует у всех и мировая торговля находится в сингулярном состоянии.

Этот «лучший случай» вряд ли приводил бы Германию к победе в войне. Победа — по Б. Лидделл Гарту — это достижение мира, который лучше довоенного. Мир с полностью разрушенной международной торговлей был бы, как мы увидим, существенно хуже

довоенного. Для всех, и для Германии в том числе. Так что результатом успеха подводников стало бы только обоюдное поражение.

Но и такой результат представляется маловероятным. Математическое рассмотрение взаимодействия систем «рейдеры» и «торговые суда» приводит к выводу о логистическом характере решения соответствующих уравнений. Не вдаваясь в тонкости, заметим, что это означает, что поток торговых судов стабилизируется на некотором уровне, причем дальнейшее увеличение интенсивности подводной войны почти не изменит этот уровень. Пример подобной же ситуации — стратегические бомбардировки союзников. Практически все — причем по обе стороны фронта — были убеждены, что они полностью дезорганизуют немецкое производство. Интенсивность и успешность налетов превзошла все ожидания: «летающие крепости» сносили с лица Германии целые города, а военное производство в Рейхе продолжало расти... Сработали системные закономерности: промышленность под действием воздушных ударов рассредоточилась, эффективность ударов по ней — как вследствие усилий по рассредоточению, так и чисто механически — из-за того, что большая часть бомб разрушала уже руины, — снизилась. После войны это называли «закон убывания вреда».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что я считаю ошибочной саму концепцию войны на коммуникациях противника. Это, конечно, не так. Я полагаю лишь, что перед крейсерами — был ли это Владивостокский отряд Иессена, эскадра Максимилиана фон Шпее, подводные лодки-рейдеры Первой Мировой или «волчь стаи» Второй — ставились задачи, которые не только были неразрешимы, но и которые было нежелательно решать.

2. Приливы и отливы (глобальные ритмы в истории войны на море)

Взглянем на историю мореплавания в Древнем мире и Средневековье. Создание торгового судоходства уходит в такую же глубь веков, что и изобретение колеса. Однако первый аналог современной системы мировой морской (в данном случае — Средиземноморской) торговли появился лишь во втором тысячелетии до н.э. С некоторой степенью уверенности можно утверждать, что первым государством, которое в современном смысле этого слова владело морем, был Египет. Входящая в его состав и поддерживаемая его финансами, его вооруженными силами, его авторитетом Финикия построила первый в истории настоящий торговый флот.

Следует очень четко сознать, что с момента изобретения паруса и, по крайней мере, до постройки трансконтинентальных железных дорог слова «мировая торговля» и «морская торговля» были синонимами.

Суточный пробег парусного судна, даже очень примитивного, в четыре-пять раз превосходит дневной переход каравана. Эксплуатационные расходы меньше, перевозимый груз больше. Наконец, при всех неизбежных на море опасностях морской путь надежнее, нежели караванная тропа, которую слишком легко перекрыть. В результате морской торговый оборот на порядок превосходит сухопутный и вносит основную лепту в обеспечение связности империй. Существование Империи подразумевает морскую торговлю и систему «владения морем».

Заметим, что при всей очевидности подобных построений понадобилось подвижничество Тура Хейердала³¹⁴, чтобы историки наконец признали связующую, а не разобщающую роль моря в жизни древних обществ.

Как известно, торговля — дело прибыльное. Морская торговля, будучи наиболее эффективной, была и наиболее прибыльной. Еще прибыльнее оказался грабеж морской торговли — пиратство.

Собственно «владение морем», как мы его понимаем — есть, прежде всего, способность защитить морскую торговлю от пиратства.

Задача эта трудна.

Пираты имеют возможность пользоваться преимуществами скрытности, внезапности, скорости. Они наносят удар, уничтожают или захватывают судно с дорогим грузом и исчезают в бескрайнем морском просторе или в лабиринте островов. Искать их **после** атаки, как правило, бесполезно.

Но есть и другая сторона проблемы. Пиратскому кораблю, как и любому другому кораблю, нужна база на берегу. Эту базу нетрудно обнаружить, она весьма уязвима и может быть уничтожена. Следовательно, пиратство может лишь тогда иметь реальные шансы на успех, если есть держава — великая, но не «владеющая морем», которая его поддерживает.

314 Хейердал Т. Экспедиция «Кон-Тики». «Ра». М.: Мысль, 1977.

рейдерство, рейдерство, крейсерская война — все формы действий слабейшего флота против неприятельской торговли — есть узаконенное пиратство.

Итак, необходимым условием успешного оспаривания господства на море является государственная поддержка пиратства, выражающаяся в предоставлении ему береговых баз и рынков сбыта. Подобная ситуация сразу вынуждает противника принять оборонительные меры. Обычно это означает резкое усиление военного флота, создание свободных мобильных эскадр и введение системы конвоирования торговых судов.

Эти действия — сродни перестройке иммунной системы организма в ответ на инфекцию — приводят к возникновению определенного баланса сил между пиратством и защитой торговли. Интересно отметить, что рентабельность торговли снижается от «иммунизации» сильнее, чем от пиратства. Но теряя деньги, купцы сохраняют главное — нормальное функционирование системы.

Баланс не может поддерживаться вечно — уже в силу экономической невыгодности гонки морских вооружений. Рано или поздно — и для господствующей державы, чем раньше, тем лучше, — конфликт должен вылиться в войну и привести к решающему сражению. Господство на море будет сохранено только в том случае, если это сражение закончится неоспоримой победой. Неопределенный результат равносителен поражению и гибели Империи.

Соответственно, успешная борьба против пиратства/рейдерства возможна лишь в том случае, если слабейшая сторона не может рассчитывать на успех в сражении главных сил флотов. Если пиратские корабли в состоянии выдержать линейный бой с посланной против них регулярной эскадрой, если поддерживающая рейдеры страна может с реальными шансами на успех рассчитывать на генеральное морское сражение, господство на море с неизбежностью будет утрачено. Сразу или в недалеком будущем.

Итак, мы приходим к тому же выводу, что и Мэхан³¹⁵: результат крейсерских операций определяется соотношением главных (линейных) сил флотов.

Финикии удалось сохранять превосходство в морских вооружениях несколько столетий. В этом ей помогла страшная катастрофа Санторина, когда взрыв вулкана и цунами нанесли смертельный удар их основному противнику — Криту. Тем не менее в XII веке до н.э. Ахейская Греция, создав могучий флот, практически целиком пиратский, поставила господство Египта/Финикии под сомнение. Результатом, как всегда в таких случаях, явилась глобальная война, в которой участвовали все великие державы того времени. Эпизод этой войны, связанный с осадой Трои, остался в памяти потомков.

Троянская война и последующее за ней вторжение «народов моря» (данайцев) привели к первому в истории распаду мировой морской торговли, которая была возрождена уже в период классической Греции.

Многочисленные войны V-IV веков до н.э. не способствовали нормальному функционированию торговой сети Средиземноморья, хотя, надо заметить, что все претендующие на мировое господство державы создавали военный флот и пытались вести борьбу с пиратами. Проблема заключалась в явной нехватке ресурсов античных полисов, которые физически не могли построить и содержать флот, контролирующий Средиземное море. Непрерывные войны к тому же означали, что пиратский флот, как бы он ни назывался и кому бы он ни принадлежал, всегда найдет себе пристанище.

В этот период мы находим пример осознанного формального использования морской мощи для попытки сконструировать великую Империю — имеется в виду политика Перикла по созданию Афинского морского союза. К сожалению, афиняне так и не смогли понять, что, во-первых, демократических империй не бывает и, во-вторых, кроме превосходства в военных силах для победы нужно и некоторое искусство.

Позднее Рим продемонстрировал обе стороны утверждения: мировая империя неотделима от господства на море. Распад римского государственного организма привел к полному исчезновению — на несколько веков! — средиземноморской торговли.

В раннефеодальную эпоху на господство на море не претендовал никто. Мир погрузился в пучину раздробленности — микроскопические домены добивались автаркии (то есть полной независимости жизни от торговли) и воевали между собой. Торговые суда не выходили в море, а пиратские дружины, озверев от отсутствия добычи, нападали на берега и даже захватывали целые государства. Экспансия викингов, пиратская по своей сути, не несла в себе никакого конструктивного начала. Кровь, смерть, «последний удар, и за ним — дорога в Валгаллу».

315 Мэхан А. Т. Влияние морской силы на историю // В кн.: «Классика геополитики. XIX век». СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2003.

Понадобилось колоссальное усилие всего западного мира, возглавляемого Римско-католической церковью, чтобы, объединив ресурсы на колоссальное мероприятие по освобождению Гроба Господня, создать условия для восстановления торговли в Средиземном море и организации торговли в Атлантике.

С этого момента начинается медленный рост мировой Испанской империи. Несколько столетиями позже эта империя охватит собой все моря и океаны, сосредоточит в своих руках неисчислимые богатства, построит колоссальный флот и обеспечит себе неоспоримое господство на море и огромные колонии.

Вызов испанской торговле и морскому могуществу Испании был брошен английскими пиратскими кораблями. Замечательна история одного из самых знаменитых кораблей этой эпохи — «Golden Hind» («Золотая Лань»), флагмане Фрэнсиса Дрейка, пирата, имя которого навечно осталось в истории и на географических картах. Дрейк, прозванный врагами «драконом», сделал больше, чем кто-либо для уничтожения Испанской католической империи. Его кругосветка показала, что испанцы не только не в силах прикрыть свои неповоротливые «золотые конвои» от нападения маневренных и быстрых британских кораблей, но даже не в состоянии обеспечить надежную защиту собственных баз. Дрейк наносил удары по испанским портовым городам, не исключая метрополии.

Эскадренный бой стал неизбежностью.

Он произошел в 1558 году и закончился с неопределенным результатом. По точному определению бельгийского подводного археолога Стенюи, «Говард Эффингемский не выиграл сражение, но Медина-Сидония проиграл его». Не менее важен и галеон «Ark Royal», флагманский линкор Говарда и один из крупнейших кораблей той эпохи. Психологические последствия гибели Великой армады были неисчислимы, и не последним из них было освобождение от испанского владычества Голландии. Соединенные провинции сделали то, что было не под силу пиратствующей Англии, — создали взамен испанской свою систему торговли. И этим заслужили вечную признательность европейцев. После разгрома Испании была достаточно велика вероятность распада единой экономической системы и нового витка феодализации, из которого пришлось бы выбираться нескольким поколениям.

Суть дела состояла в том, что голландцы, создав первое из великих внегосударственных образований (Ост-Индскую компанию), противопоставили испанской практике — торговле с дискриминацией по религиозному признаку — концепцию абсолютно свободной торговли. Резкое снижение информационного или транспортного сопротивления голландскими купцами привело к тому, что бог торговли отвернулся от Испании.

Деградация была недолгой. Огромные богатства, накопленные некогда королями Испании, утекли в Европу (прежде всего, в ту же Голландию) — плата за попытки удержать разваливающуюся империю. Уже через столетие после разгрома армады Испания превращается в полусамостоятельное государственное образование и надолго сходит с международной арены.

Англия перенимает голландскую религиозную терпимость и на волне подъема, вызванного разгромом армады, создает прекрасный флот. Хотя уровень военно-морского искусства Соединенных провинций был явно выше (знаменитый Де Рейтер), англичане в целом оказались более удачливыми моряками и первооткрывателями. В XVII веке в огне англо-голландских морских войн выковывалась Британская империя. Столетием позже включением Австралии под власть британской короны создание новой мировой структуры было завершено.

XIX век начался с того, что вызов английской морской мощи был брошен великой континентальной державой — наполеоновской Францией. При всей гениальности императора французов надо признать, что игра шла в одни ворота. Наполеон блистательно продемонстрировал, что сугубо разрушительная война против торговли не может иметь успеха. Огромные силы, брошенные на организацию и осуществление континентальной торговой блокады Англии, оказались направленными прежде всего против собственной торговли и экономического потенциала. У мыса Трафальгар адмирал Нельсон ликвидировал линейный флот противника и ценой своей жизни на сто лет обеспечил для Англии мир, богатство и процветание.

В рамках возникшей общепланетной торговой империи господство на морях неоспоримо принадлежало Великобритании. Эта страна была не только «мастерской мира», но и главным морским перевозчиком. Военный флот Англии отвечал двухдержавному стандарту: он соответствовал по своей силе сумме двух любых других флотов на Земле.

К первым судам, использующим для своего движения энергию пара, относятся «Clermont», «Fulton», «Sirius» и пр. По всем параметрам — скорости, безопасности, надежности, экономичности — эти и последующие пароходы существенно уступали современным им парусникам. Но в отличие от парусного движителя паровая машина могла обеспечить морской и океанской торговле регулярность.

Выход в море «Britannia», первого лайнера компании «Кунард Лайн», открыл новый этап в эволюции торгового судоходства. «Britannia» и три ее сестершипа привнесли точность, надежность и регулярность в трансатлантический грузо- и пассажирооборот. С этого момента более чем на столетие визитной карточкой технического прогресса становится трансатлантический лайнер.

Кораблестроение в середине XIX столетия несло на себе все отличительные признаки переходной эпохи. На всякий случай суда оснащали парусами. Огнеопасные и ненадежные паровые машины размещали в деревянном корпусе. Исключение составлял шедевр Исихора Брунеля великолепный «Great Britain», железный корпус которого сохранился до наших дней.

Деревянные корпуса были подвергнуты резкой критике после гибели лайнеров «Atlantic» и «Arctic» компании «Коллинз Лайн». По иронии судьбы как раз к этим катастрофам недостаточная прочность конструкции прямого отношения не имела. Но интуитивное мнение было правильным: одна техническая система — новейшие мощные паровые машины и другая — устаревший деревянный корпус пакетбота конфликтовали между собой, превращая коллинзовские пароходы в несчастливые суда.

Поскольку мощности сталелитейной промышленности не хватало, чтобы наладить массовый выпуск железных корпусов, некоторое время обходились паллиативом — композитной конструкцией, когда при железном наборе корабль сохранял деревянную обшивку. Этот технически вредный компромисс сохранялся довольно долго — особенно на военных кораблях.

Существует правило, согласно которому инновации в судостроении появляются в торговом флоте раньше, чем в военном, и разница в скорости внедрения составляет от пяти до пятнадцати лет. Связано это с консервативностью армии и флота. Торговля же может быть консервативной, только если это необходимо для имиджа предприятия.

Паровой двигатель, уменьшив зависимость корабля от капризов стихии, не менее резко повысил его зависимость от базы, от угольной станции. Именно наличие сети таких станций становилось теперь непреложным условием охраны мировой торговли, и все последующие конфликты на море находились в прямой зависимости от географии угольных станций.

Остроумную, но крайне неудачную попытку выйти в надсистему и создать действительно автономный корабль предпринял опять-таки Брунель, сконструировав громадный «Great Eastern» («Грейт Истерн»), способный без дозаправки работать на австралийской линии. К сожалению, чутье изменило инженеру: в «Грейт Истерне» не было чарующей соразмерности его предшественников — «Great Britain» и «Great Western» — и почти не было новизны. По размерам он опередил своих сверстников на десятилетия, по остальным параметрам вполне соответствовал им. Вновь столкновение технических систем, принадлежащих разным временам, предопределило несчастную судьбу корабля.

Середина столетия ознаменовалась Крымской войной, после которой всем, не исключая и самых старых адмиралов, стало очевидно, что пришла пора создавать новый военный флот. Это опоздавшее на пятнадцать лет понимание совпало с периодом бурного развития паровых машин и сталепрокатного производства. В результате среди десятков и сотен построенных в ближайшие двадцать лет кораблей не было ни одного, который не устарел бы на стапеле. Может быть, этим объясняется недостаточный размах войн на море в указанный период...

Никаких особо выдающихся конструкций не дошло до нас из времен войны Севера и Юга или сражения при Лиссе. Ничего в достаточной степени интересного или поучительного ни вполнину случайном таране, которым «Archiduka Ferdinand Max» потопил «Re d'Italia», ни в бесчисленных боях «броненосцев» Конфедерации с «мониторами» Союза разглядеть мне не удалось.

Собственно, битва при Лиссе лишь подтвердила старую как мир истину: побеждает не тот, кто воюет хорошо, а тот, кто воюет лучше.

Война Севера и Юга с точки зрения истории борьбы за господство на море более интересна. Причем не боями на разных рейдах, в которых неуверительно доказывалось преимущество башенной артиллерии над казематной, а четко проведенной блокадой побережья южан. Если не считать грамотных действий подвижного отряда Шермана, армия

и флот федератов не продемонстрировали образцов военного искусства. Напротив, военные и морские офицеры южан показали себя прекрасными тактиками и отчаянными людьми, а кораблестроители Конфедерации, имея в своем распоряжении заведомо негодные средства, три года поддерживали флот мятежников в боеспособном состоянии.

И тем не менее исход войны с самого начала был очевиден. Все военно-морские историки знают рейдер «Alabama», это слово надолго стало синонимом понятия «крейсерская война»... но «Alabama» в конце концов была захвачена, и ущерб, нанесенный ею экономике Севера, не был значительным. Между тем финансы Юга были просто уничтожены к концу войны. Великобритания формально поддерживала Конфедерацию. Но логика «владения морем» вынудила англичан реальными своими действиями лить воду на мельницу Севера, с его более развитой торговлей и более сильным флотом.

Хотя, как я уже отмечал, извлечь что-либо неочевидное из опыта войн середины столетия было трудно, они, однако же, сильно повлияли на практику кораблестроения.

Прежде всего, в моду вошли немореходные броненосные корабли с низким бортом. Очень трудно понять, зачем их строили вообще, зачем их строили в таких количествах и как собирались использовать. Потому что не использовали их никак и никогда.

Затем, подражая успеху «Alabama», ряд стран, в том числе и Россия, затеяли строительство океанских броненосных крейсеров-рейдеров. Начавшись с русского «Генерал-Адмирала», эта ветвь к началу Первой Мировой войны развилась до крейсеров класса «Scharnhorst».

Англичане в ответ на выпуск этих кораблей ввели в строй целый ряд крейсеров-«защитников торговли» и перешли к строительству «облегченных броненосцев» крейсерского типа. Корабли эти имели узкоспециальное (прежде всего, психологическое) значение, но популярность Англии как ведущей морской державы и законодательницы мод в кораблестроении была настолько велика, что тип облегченного броненосца появился во флотах многих стран, которым он уже совсем не был нужен.

Наконец, таранный удар, которым был решен исход битвы при Лиссе, настроил все кораблестроительные фирмы на проектирование броненосцев с таранным форштевнем и шпироном. Привело это к гибели многих кораблей от случайных столкновений и к заметному ухудшению мореходности на волнении.

Поиски наилучшей конструкции броненосного ударного корабля заняли четверть века. После ввода в строй английских броненосцев «Nile» и «Trafalgar» тип линейного корабля определился: двухбашенный корабль с четырьмя 12" орудиями, броневым поясом по ватерлинии, броневой палубой и скоростью 16-18 узлов. Англия пекла такие корабли как блины, подчеркивая абсолютное превосходство своего флота. Ее противники — Россия, Германия, Франция — могли предложить в ответ лишь такие же корабли, но в значительно меньшем количестве и концепцию крейсерской войны.

Война эта была заранее выиграна англичанами, которые могли распоряжаться угольными станциями всего мира.

4. Дредноутная революция

Рубеж столетий был ознаменован тремя войнами, основные события в которых разыгрались на морях. В целом они подтвердили сложившиеся к тому времени концепции использования флота. Испано-американская война продемонстрировала роль системы базирования: резервная испанская эскадра не получила угля и не смогла добраться до театра военных действий. Японо-китайская война доказала необходимость расчленения боевого порядка в линии баталии: японская «летучая эскадра» состояла из крейсеров, предназначенных не для рейдерства на неприятельских коммуникациях, а для осуществления авангардных функций в эскадренном бою. В известном смысле, именно слабые и малобоеспособные японские «матсушимы», выигравшие бой при Ялу, можно назвать первыми в мире линейными крейсерами: кораблями, предназначенными для вытеснения флота противника с ТВД. Наконец, Русско-японская война явила миру пример генерального сражения современных линейных флотов и показала, как такое сражение следует выигрывать.

Неверно, что переоценка ценностей в кораблестроении была обобщением уроков Цусимского сражения. Тенденции развития ударного линейного флота четко просматривались с середины 80-х годов XIX века, и переход к кораблю с единой артиллерией главного калибра был неизбежен. Однако по логике вещей построить «Dreadnought» должна была не Англия, а ее главный военно-морской конкурент — Германия

или Франция. Великобритания же должна была цепляться за свое превосходство в старых броненосцах и последней начать производить дредноуты. (Подобно тому как Испания была последней морской державой, перешедшей к постройке галеонов.) Люди так поступают всегда.

XX век оказался исключением, и заслуга спасения Великобритании всецело лежит на адмирале сэре Джоне Фишере, получившем негласный титул «обновителя английского флота». Благодаря его настойчивости и энергии Королевский флот вырвался вперед в дредноутной гонке 1907-1914 гг.

История этой гонки прослеживает как развитие флотов основных противников — Англии и Германии, так и создание наиболее интересных тяжелых кораблей в России, Франции, Италии.

Фишера упрекали в годы Первой Мировой войны, да и позднее, в том, что вложив колоссальные ресурсы в производство дредноутов, он не подготовил адекватные легкие силы, в результате чего Гранд Флиты постоянно не хватало эсминцев. Легко, конечно, понять желание Джелико воевать в максимально комфортных условиях, но следует осознавать, что вопрос о достаточном или недостаточном количестве эскортных кораблей имел смысл только в том случае, если английский линейный флот неоспоримо превосходил германский. Фишер и добивался такого превосходства. Война подтвердила его правоту: даже сказочное везение, сопутствовавшее Шееру в Ютландском бою, ни на секунду не поставило под сомнение английское господство на море.

Конечно, Фишеру нужно было нечто большее. Не «minor victory» Ютланда, но «major» Трафальгара или Цусимы. Он создавал флот, способный вынудить противника принять бой.

Отсюда общая концепция английских дредноутов, превосходящих противника калибром орудий и скоростью хода, уступая при этом в бронировании. Сравните, например, «Dreadnought» и «Nassau», «Monarch» и «Kaiser», «Barham» и «Bayern». И увлечение классом линейных крейсеров, предназначенных для втягивания противника в бой и выполнения маневра охвата. И создание королевских дредноутов класса «Queen Elizabeth», связующего звена между линейными крейсерами и дредноутами линии баталии. И линейно легкие крейсера «Glorious», «Furious» и «Courageous», организующие взаимодействие между главными и легкими силами.

Немцы, рассматривающие линейный флот более как фактор международной политики, нежели как силы, предназначенные непосредственно для ведения войны (исключение составлял только Тирпиц), были более прямолинейны в военно-морском строительстве. Их корабли были добротнее сделаны, лучше бронированы, удачнее устроены, чем британские, но они были слишком уж однотипны. Им не хватало той самой оригинальности, которую впоследствии всегда называют инновацией. Вероятно, будет правильно сказать, что немцы создали орудие удержания за собой морского театра военных действий, а англичане — орудие вытеснения противника с этого театра.

«Военно-морской покер» (по выражению Марка Твена) начала XX столетия был разыгран сторонами в общем грамотно. Кое-где, конечно, можно было действовать точнее. В частности, англичане совершенно напрасно придерживались концепции линейно-возвышенного расположения башен; лишние тонны брони, потраченные на высокие барбеты, можно было использовать более осмысленно. Немцы же, скопировав у англичан класс линейных крейсеров, так и не разобрались в оперативном назначении этих кораблей, создав конструкторскую шутку: хорошо защищенный и недостаточно скоростной авангардный корабль.

Первая Мировая война не стала триумфом британского флота, но, по крайней мере, продлила существование Британской империи. Немецкие морские силы не были разбиты в сражении, однако они не смогли принести никакой реальной пользы своей родине и в конце концов были сданы — в качестве условия не мира даже, а перемирия! — торжествующему врагу. Концепция крейсерской войны была полностью опровергнута как на первой стадии, когда Антанта ловила разбросанные по океану немецкие надводные крейсера, так и на последней, когда Германия перешла к неограниченной подводной войне и господство на море неоспоримо сохранилось за Великобританией, защитником мировой торговли.

5. «Мирные конференции» и переход господства на море к Соединенным Штатам Америки

С точки зрения конечного результата действия Королевского военно-морского флота в Великой войне были не очень эффективны, но полностью успешны. Стремление немецких, а

отчасти и британских историков показывать морскую войну как цепь британских ошибок и германских успехов как-то выводит из рассмотрения капитуляцию кайзеровского флота и самозатопление его в Скапа-Флоу. Между тем критерий адекватности стратегических концепций — это все-таки конечный результат.

Итак, Англия выиграла войну, но у нее не хватило средств на то, чтобы достойно отпраздновать победу. Народ, рассчитывавший на то, что морская мощь поможет стране быстро и бескровно отстоять мировое господство, был разочарован результатами Ютландского боя. Потери, большие, но терпимые, были объявлены катастрофическими.

Под воздействием шока, вызванного гибелью «Invincible», «Indefatigable» и «Queen Mary», англичане полностью пересмотрели свою кораблестроительную программу. Был отклонен проект «Incomparable» — корабля, инляющего логическим завершением всей предшествующей эволюции класса линейных крейсеров. «Корейджесы» срочно перестраивают в авианосцы. На стапелях улучшают защиту ЛКР «Hood», что, заметим, ему не помогло.

Подобная паника означала, что Англия неминуемо утратит господство на море, передав его Японии или США. Само по себе это, конечно, стоило бы стране намного дороже, нежели продолжение гонки вооружений, но для остального мира серьезных неприятностей не сулило. Однако англичане попытались вести дешевую империалистическую политику и заморозить состояние военно-морских сил достигнутым уровнем.

Делать этого не стоило.

12 ноября 1921 г. в Вашингтоне состоялась мирная конференция. 6 февраля следующего года был подписан Договор пяти держав, зафиксировавший равенство флотов США и Великобритании.

Этот договор и порожденные им реалии («вашингтонские крейсера» и пр.) часто упоминаются в различных исследованиях, поэтому уместно подробнее остановиться на его содержании. «В итоге полуторамесячной работы были выработаны следующие основные положения:

- Англо-японский альянс должен быть расторгнут
- Никаких новостроек в течение ближайших десяти лет, за исключением двух линкоров в Англии³¹⁶
- Соотношение сил флотов между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией должно составлять 5:5:3:1.75:1.75
- По истечении десятилетней паузы никакой линкор не может быть заменен новостройкой, если он моложе 20 лет
- Максимальное водоизмещение должно составлять 35 000 тонн для дредноута, 33 000 тонн для авианосца, 10 000 тонн для крейсера
- Водоизмещение это исчисляется для корабля с полным боевым снаряжением нормальным боевым запасом, но без нефти и запаса котельной воды
- Максимальный калибр орудий должен составлять для дредноута 406 мм, для крейсера — 203 мм...»³¹⁷

Как бывший британский премьер-министр Артур Бальфур мог подписать такой договор — решительно не укладывается в моем сознании!

В последующие годы флот Великобритании сократился на 20 дредноутов.

Вашингтонская конференция определила ход истории на четверть века, и очень много людей заплатили своими жизнями за иллюзии «миротворцев».

Прежде всего, десятилетняя пауза в строительстве и особенно ограничение предельного водоизмещения остановили нормальную эволюцию крупных кораблей. В договорных рамках создать сбалансированный проект авианосца, крейсера или дредноута не представлялось возможным. Жертвовали энергетической установкой — возникал неплохо защищенный, но медлительный корабль («Nelson»); жертвовали защитой — спускались на воду «картонные крейсера» («Bolzano»). Пытались «вместить максимум в минимум» — возникали корабли с недостаточной остойчивостью («Indianapolis», «Mogami»). Все эти корабли несут на себе печать уродства, и это не могло не отразиться на патологическом характере борьбы за господство на море во Второй Мировой войне.

316Эти два линкора — «Nelson» и «Rodney». То, что они специально оговорены как исключения, приводит к путанице: иногда эти корабли называют первыми «договорными», иногда — последними «преддоговорными». Характеристики их, однако, соответствуют вашингтонским ограничениям — по крайней мере, по первому взгляду.

317Равен А., Робертс Д. Британские линейные корабли «Nelson» и «Rodney». СПб., 1995.

Создание корабля — результат усилий практически всей тяжелой промышленности страны. Поэтому искусственное ограничение на качественное и количественное совершенствование флота привело к тяжелейшему экономическому кризису, охватившему первоначально Великобританию (так называемый упадок традиционных отраслей хозяйства) и США (Черный понедельник), а затем — в связи с владением указанными странами морем и мировой торговлей — и остальными капиталистическими странами. Кризис этот был не последним из факторов, способствовавших приходу к власти Гитлера, упрочению режима Муссолини и переходу Японии к радикальному образу действий во внешней политике.

Далее, подписание Вашингтонского соглашения не могло быть расценено фюрером Германской нации иначе чем как свидетельство ослабления политической воли Великобритании. И принимая рискованные решения («Рейнская область», «Аншлюс», «Чехословакия»), Гитлер исходил из того, что Англия, смирившаяся с морскими ограничениями, стерпит и это. Иными словами, мирная конференция 1921-1922 гг. сыграла не последнюю роль в развязывании новой войны.

Но кроме политики была и прямая «технология».

Германия, только что лишенная флота и права когда-либо его воссоздать, получила неожиданный шанс. Как проигравшая сторона, она не участвовала в Вашингтонских соглашениях. Считалось, что ее судьбу надежно держат в своих руках соглашения Версальские.

В начале тридцатых годов Германия строит три так называемых карманных линкора — «Deutschland», «Admiral Scheer», «Admiral Graf Spee». Эти корабли были вооружены 280-мм орудиями и поэтому могли разнести на куски целое стадо «вашингтонских крейсеров». А при скорости в 26 узлов они легко уходили от «договорных дредноутов». В результате карманные линкоры могли достаточно свободно оперировать на коммуникациях, тем более что дизельный двигатель обеспечивал им огромную дальность плавания.

В прежние времена проблема решилась бы просто — постройкой очередного защитника торговли в 20 000 тонн с 305-мм орудиями и 28-узловой скоростью. Договор закрыл этот путь, предоставив пиратству новые возможности.

В середине 30-х годов, когда стала очевидной близость войны, Вашингтонские соглашения были денонсированы. Начался новый этап в строительстве тяжелых боевых кораблей. Увы, система «военно-морской флот» настолько далеко вышла из нормального русла развития, что ее возвращение оказалось мучительным и долгим процессом. Пятнадцатилетнее отсутствие практики иссушило творческую мысль конструкторов. В результате создавались корабли, которые хотя и были значительно лучше «договорных», обязательно содержали в себе хотя бы одну патологическую деталь. Постоянно выходящие из строя от поломок башни на линкорах типа «King George V», слабобронированные башни вспомогательной артиллерии на «Yamato», переоблегчение корпуса на «North Caroline».

К началу войны флот всех держав устарел морально, а большинство кораблей устарело и физически. Многочисленные модификации тридцатых годов не изменили положение дел.

6. Вторая и последующие мировые войны

Резкое ослабление флота Великобритании предоставило Оси шансы, которых у Четверного союза не было в Первую Мировую войну. Поскольку развитие авиации никакими соглашениями не сдерживалось, военно-воздушные силы превратились в действенное противокорабельное оружие. Благодаря ему немцы поддерживали преобладание в Северном море и постоянно угрожали десантной операцией. К несчастью для них и к счастью для либерально мыслящего человечества, их флот не был оптимизирован для десантных операций, более того, его даже не пытались для этого оптимизировать.

Редер готовил свои корабли к очередной версии контрблокадной войны. Идее океанского рейдерства были подчинены все проекты крупных кораблей Германии, и с этой точки зрения «Bismark» следовало бы именовать не линкором, а суперкрейсером. Дениц придерживался той же доктрины в несколько более примитивном варианте, и, придя к власти, он повторил «неограниченную подводную войну» 1917 г. — с еще худшим результатом.

Крейсерская война, слабо отразившись на состоянии мировой торговли, обескровила немецкий флот. В операциях набегов на конвои погибли «Bismark», «Scharnhorst» и «Graf Spee». К концу войны было потеряно до 80% экипажей подводных лодок. В результате гигантские десантные операции союзников проходили беспрепятственно.

Итак, Германия не лучшим образом распорядилась своими кораблями, вновь заставив их решать задачи, в решении которых она сама не была заинтересована. Но были ли у нее другие возможности?

Не подлежит сомнению абсолютная нереальность немецкого десанта на английскую территорию в 1914—1918 гг. Но в 1940 г. положение стало иным.

Флот Великобритании, ослабленный своей договорной историей, состоял либо из очень устаревших, либо из очень неудачных кораблей, причем кораблей этих было мало и они физически были не в состоянии прикрыть всю территорию метрополии. Немцы господствовали в воздухе над территорией Ла-Манша. Сухопутные силы Англии никогда не были слишком велики, сейчас они еще и находились под впечатлением тяжелого поражения на континенте. При таких условиях высадка не только была возможной, она даже не являлась трудной задачей.

Тем не менее Гитлер не решился атаковать Острова, сделав тем самым первый и самый важный шаг к проигрышу войны. Его не могла удержать растроченная морская мощь Великобритании. Его удержала иллюзия этой мощи.

Десант на английское побережье был эффективным способом борьбы за господство на море, хотя бы уже потому, что захват узловых точек торговли всегда выгоднее, нежели уничтожение отдельных кораблей. Упустив эту возможность, Гитлер, однако, не лишился шансов на успех, хотя теперь задача была трудна...

Межвоенное развитие итальянского флота также проходило под ярмом Вашингтонского соглашения. Однако итальянские корабли, предназначенные для действий в условиях закрытого средиземноморского театра, меньше страдали от ограничения водоизмещения. Итальянцам удалось создать удивительно гармоничные и сильные эсминцы и крейсера. С учетом превосходных качеств новейших линейных кораблей типа «Littorio» (иногда их относят к классу линейных крейсеров) не подлежит сомнению, что итальянский флот мог завоевать неоспоримое преобладание в Средиземном море. Подобное развитие событий привело бы к блокаде Александрии и Суэцкого канала и создавало угрозу распространения немецкого влияния на Ирак и Иран.

Англичанам, а впоследствии и американцам пришлось бы бороться за Средиземное море в невыгодных для себя условиях, что могло привести их к вынужденному отказу от «владения морем». Тогда создавалась бы уникальная ситуация распада мировой системы торговли.

На Ось, экономической идеологией которой была автаркия, это повлияло бы слабо, а вот открытая экономика США была бы поставлена на грань катастрофы. Это, конечно, не гарантировало бы Рейху победы, но во всяком случае создавало принципиальную возможность таковой. Ибо альтернативой стала борьба против экономических возможностей всей планеты, что никаких надежд не оставляло.

Морская война на Западе носила патологический характер. Связано это было со слабостью немецкого флота, неадекватностью английского и полной неуправляемостью итальянского. Боевые действия на Тихоокеанском ТВД отличались большей осмысленностью.

Япония очень хорошо подготовилась к этой войне. Разгромив в Перл-Харборе Тихоокеанский флот США, она захватила господство на море в традиционном военном понимании и была близка к получению его в рамках терминов данной статьи. Однако в силу случайных факторов в Перл-Харборе пострадало лишь одно крыло стратегической военно-морской диады — линейные/авианесущие корабли. Для победы адмиралу Ямомото оставалось сломать противнику второе крыло.

Это было возможно в ходе генерального сражения. Ямомото, однако, находит более сильный план, основанный на идее дальней блокады Гавайских островов. План этот был близок к осуществлению и, возможно, был бы осуществлен, если бы не великолепная работа американской разведки, вскрывшей японские коды.

Сражение у атолла Мидуэй закончилось гибелью четырех лучших японских авианосцев — «Akagi», «Kaga», «Hiryu» и «Soryu». Эту потерю Японии так и не удалось восстановить.

Следующий год на Тихом океане наблюдалось равновесие сил. А затем ресурсы Америки сказали свое слово. К концу войны США производили крупносерийно не только танкеры и сухогрузы, но и ударные авианосцы типа «Essex».

Американцы вынесли из Второй Мировой войны две основных идеи: идею решающей

роли авианосцев в войне (которая базировалась на недостаточных посылках) и алгоритм проведения крупной десантной операции (который им удалось исправить и дополнить в Корее в ходе Инчхонской стратегической операции). Результатом была массовая постройка авианосцев и создание все более и более мобильных наземных сил, что в конечном итоге вылилось в Корпус быстрого реагирования.

Создание их было направлено не столько против Японии, сколько против Великобритании. В течение войны Соединенные Штаты осознали свою роль в охране мировой торговли. Завоевав господство на море, они стремились не повторять межвоенных ошибок предшественника и постоянно демонстрировали свои экономические и военно-морские возможности. О соотношении 5 к 5 не могло быть и речи.

Англия смирилась с полной утратой позиций на море, но к концу пятидесятих годов в военно-морское соревнование включилась новая сила — Советский Союз.

История повторилась. Не имея средств бросить вызов главным силам флота противника — ударным авианосцам, СССР принял концепцию крейсерской войны.

Пятидесятые—шестидесятые годы ознаменованы созданием атомного подводного флота и строительством крупных надводных кораблей с ядерной энергетической установкой. Тогда был построен авианосец «Enterprise», который, на мой взгляд, так и остался лучшим достижением США в постройке кораблей этого типа.

В семидесятые СССР начал робкие попытки создания авианесущих кораблей почему-то с неядерной энергетикой. Были — с неясной целью — построены крейсера «Киев» и «Минск». Эти корабли, повторяющие неудачный английский проект «Invincible», оказались столь же неудачными.

Вошел в строй крейсер «Слава», несомненно, лучший в своем классе, но все-таки недостаточно хороший для решения основной своей задачи — вытеснение морских сил НАТО из Северной Атлантики. Впрочем, к моменту его завершения, исход Третьей Мировой войны уже не вызывал никаких сомнений.

7. *Культура военно-морского строительства*

Мы проследили историю борьбы за господство на море на протяжении трех последних тысячелетий. Сменялись общественно-экономические формации, создавались и гибли Империи, но во все времена залогом нормального функционирования мирового хозяйства был военный флот.

С этой точки зрения не было предприятия более рентабельного, нежели строительство военного флота. Каждый грамм золота, вложенный в проектирование и постройку боевых кораблей, обеспечивал нормальную работу двигателя мировой торговли, остановка которого всякий раз приводила к неизмеримым убыткам.

Но, с другой стороны, не было предприятия более дорогого, нежели строительство военного флота. Необходимость изыскивать средства на осуществление все более и более амбициозных программ морских вооружений разрушала финансы даже самых богатых стран, таких как Великобритания, Германия, Россия.

Противоречие легко разрешается, если подвергнуть анализу общепринятую со времен фараонов политику в области кораблестроения.

Подробное изучение сводной системы военных кораблей по всему миру приводит к парадоксальному выводу: 90% всех средств, истраченных на развитие военного флота, было истрачено зря.

И речь идет не о тех или иных отдельных технических или тактико-технических ошибках («Capitaine», «Новгород», «Surcouf»), не о новых конструкциях, обреченных на провал уже в силу своей экспериментальности («Escalibur»), не о неудачных решениях, принятых вследствие отсутствия опыта («Daring»), — все эти издержки, являющиеся нормальной платой за прогресс, включены мною в 10% разумно истраченных денег.

Когда-то барон Ротшильд сказал: «Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи». Увы, эта истина оказалась слишком сложной для правительств и парламентов, определяющих практику военного кораблестроения.

Экономия есть первая и главная причина бездарного разбазаривания отпущенных на флот денежных сумм. Вместо того чтобы построить нормальные сбалансированные боееспособные корабли, во главу угла при оценке проекта ставили критерий дешевизны.

Так появился целый класс негодных кораблей — броненосцы береговой обороны (БРБО). Суда этого класса попросту представляли собой уменьшенные и удешевленные копии настоящих броненосцев. Предполагалось, что они, действуя вблизи собственных берегов,

будут способны противостоять более сильному противнику. Когда дело доходило до войны, об этом старались не вспоминать, а «броненосцы» от греха подальше переводили в резерв. Единственными БРБО за всю историю этого класса, принявшими участие в бою, были три русских корабля серии «Генерал-адмирал Апраксин». Причем бой этот происходил отнюдь не в прибрежных водах, так что и этот единственный случай не может служить подтверждением рациональности концепции броненосца береговой обороны.

БРБО действительно стоил меньше обычного броненосца. Но его боевая ценность («потребительская стоимость») и вовсе равнялась нулю. То есть деньги, затраченные на постройку этих кораблей, были выброшены даром. Деньги не такие же уж малые — вместо трех «Апраксиных» можно было построить один нормальный эскадренный броненосец.

Возникает целая кунсткамера «броненосцев, берегами охраняемых» (французский «Furieux», шведский «Dristigheten», английский «Cyclops», датский «Nils Juel»).

К классу БРБО могут быть отнесены и все уродливые конструкции 60-80-х годов XIX столетия — «мониторы», «канлодки», «плавающие батареи» и пр. По своей бесполезности примыкают к ним и «дешевые броненосцы», типа австрийского корабля «Agrad» или русского «Императора Александра II».

Несколько большее боевое значение имели легкие силы прибрежного действия — миноносцы, малые миноносцы, минные крейсера. Но и они, за редчайшим исключением, не принимали участие в боях. Среди кораблей этих типов немало уродцев, списанных из боевого состава почти сразу после спуска на воду (например, итальянский крейсер «Confienza»).

В наши дни практика строительства кораблей «ради экономии» продолжается. Примером могут служить «облегченные авианосцы», рассчитанные на самолеты вертикального или короткого взлета и имеющие силовую установку на органическом топливе.

За недостатком места я опускаю рассказ о других видах «экономии» при строительстве флота, например, об экономии на боевой подготовке. Замечу лишь, что та же самая «экономия» вынуждала флот к проведению дорогостоящих и совершенно бесполезных модернизаций.

Боевой корабль существует не более 10 лет. За этот срок он устаревает морально и поэтому при правильном проектировании должен устареть и физически. Но вместо того чтобы пустить его на слом и с учетом всех произошедших в технике и тактике изменений построить новый, корабль в целях все той же экономии ставят на модернизацию.

Поскольку библейскую мудрость о нежелательности вливания нового вина в старые меха никто не отменял, модернизация, как правило, не идет кораблю на пользу. Несмотря на все затраченные средства и усилия, он остается устаревшим и либо остается в резерве, либо вскоре все-таки идет на слом. Подобная практика («выкрасить и выбросить») широко распространена во флотах всего мира.

Другим способом напрасно потратить деньги, отпущенные на флот, является строительство кораблей без определенной тактической задачи. Выше уже говорилось о неудачных подражаниях английским облегченным броненосцам — защитникам торговли. Ирония судьбы заключается в том, что подобные «броненосцы крейсерского типа» едва не построили даже для закрытого черноморского театра военных действий.

Исторически наиболее значимыми «кораблями без определенной цели» были, впрочем, не облегченные броненосцы, а испанские галеасы. На создание этих красивых и представительных, но совершенно бесполезных гибридов галеры с галеоном было затрачено много усилий. В бою эти корабли принесли только вред, погубив многих представителей высшей испанской знати.

К значительным и неоправданным затратам приводило также намеренное ухудшение качества кораблей, вызванное попытками совместить на них новую технику и технику, заведомо устаревшую. Речь идет прежде всего о рангоутных крейсерах и броненосцах: парусным вооружением боевые корабли оснащались едва ли не до конца XIX века. «Рюрик», спущенный на воду в 1895 г., «на всякий случай» его имел. А в наши дни на кораблях с атомной энергетической установкой сплошь и рядом ставят дополнительную установку на жидком топливе. Тоже «на всякий случай».

Подведем итоги.

Военно-морское строительство, подобно любой другой области человеческой деятельности, создает определенную культуру. Точно так же, как можно говорить о красоте корабля, можно говорить и об эстетике кораблестроительной программы. Как всегда, для технических систем, **красота** в данном случае есть **новизна и целесообразность**. Являясь самым дорогим средством защиты интересов своего государства, боевой корабль должен аккумулировать в себе достижения науки и промышленности этого государства. Будучи

средством ведения войны, он должен быть ориентирован на бой, то есть иметь ясное и конкретное тактическое применение. С развитием науки и технологии, с изменением тактических установок военный корабль устаревает и должен быть заменен.

Я должен заметить, что лишь императорская Япония с ее исторически сложившимся культом красоты и соразмерности принимала, а иногда и выполняла эстетически совершенные кораблестроительные программы. Может быть, это и объясняет, каким образом Япония, имеющая ничтожно малый по сравнению с США промышленный и финансовый потенциал, сумела создать флот, который не только составил достойную конкуренцию американскому, но и сумел подорвать — пусть ненадолго — американское господство на Тихом океане.

8. Заключение

В настоящее время на морях и океанах планеты неоспоримо господствует флот Соединенных Штатов Америки. У него нет конкурентов. Нет настолько, что можно говорить о «мультидержавном стандарте»: ВМС США превосходят морские силы всех остальных государств, вместе взятых.

На первый взгляд торговой монополии и мировому господству США ничего не угрожает. Но ведь точно так же ничего не угрожало Римской империи при Траяне, Испанской империи в первые годы царствования Филиппа II, викторианской Англии в конце XIX столетия или Великобритании — победительнице в Первой Мировой войне. Военно-морская история учит нас, что, хотя господство на море нельзя подорвать извне, оно может быть утрачено в силу внутренних причин.

В начале нашего века Эммануил Ласкер сформулировал (для шахматной игры) «этический закон атаки»: имеющий преимущество обязан атаковать под угрозой потери этого преимущества. В применении к нашей теме атаковать — это вновь и вновь доказывать право на лидерство. Чаще всего мировые империи погибали от усталости. Гонка морских вооружений стоит очень дорого, и непрерывно длиться ее трудно, тем более когда противник повержен и нового врага не видно. Диалектика истории такова, что беды подстерегают нацию как раз на пике побед... и определенные признаки того, что США устали от роли мирового лидера уже наблюдаются.

Содержание «владения морем» — привилегия и бремя охраны мировой торговли. В обмен на защиту со стороны господствующей на море державы бог торговли оказывает ей содействие. До тех пор пока кто-то не предложит ему покровительство на лучших условиях.

Суть дела проста. Пиратство снижает торговую прибыль, но точно так же снижают ее таможенные, политические или религиозные барьеры. Возможна ситуация, когда вред от пиратства меньше, нежели издержки от борьбы с ним. Нечто подобное, как мы помним, случилось с Испанией. По сути, господствующая на море держава, пытающаяся законодательно ограничить внешний товарооборот, сама начинает против себя крейсерскую войну, и в роли вражеских крейсеров выступают собственные корабли береговой охраны. То есть **каждый шаг к протекционизму** — безразлично, оправдывается ли он чисто экономическими (поддержка своей традиционной промышленности) или нравственно-политико-религиозными (запрет на торговлю оружием) соображениями — **это ослабление морской силы страны**. Поскольку динамика протекционистских пошлин в США повторяет аналогичную динамику в Великобритании на рубеже веков, вывод о неизбежности деградации американской империи представляется очевидным. Важно учитывать, что Конгресс США принимает меры к ограничению торговли не только по экономическим соображениям, которые, по крайней мере, можно как-то оправдать, но и по мотивам религиозно-нравственным. С учетом последних попыток администрации ограничить перемещение информации по сети Интернет, охрана со стороны США становится для системы «торговля» все более и более обременительной.

Далее, необходимо иметь в виду, что торговля представляет собой динамическую систему. Это означает, что со временем формы ее меняются и, соответственно, должны меняться и формы ее охраны. Выше отмечалось, что именно морская торговля вносит решающий вклад в обеспечение торговой связности. Так оно и было, но нет никаких оснований утверждать, что так будет всегда. Например, увеличение информационной составляющей в торговле (авторские права, программное обеспечение etc.) в известной степени делает традиционное владение морем беспредметным. Зато резко возрастает значение охраны мировых систем связи. В сущности, речь идет о новом витке борьбы за привилегию охранять торговлю, и боевые действия развернутся в новом измерении — в

воздухе, в космосе, наконец, в киберпространстве.

Насколько готова Америка к такому обороту событий? Насколько она осознает неизбежность расширения гонки морских вооружений на космическое пространство и виртуальную реальность? А речь ведь идет именно о гонке вооружений, сравнимой с эпохой «дредноутной революции».

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ОФОРМЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ВОЙНЫ

Лети, лети лепесток -
Лети на Дальний Восток,
Лети на Ближний Восток,
Лети, наматывая срок,
Быстрее тугих парусов,
Над острой кромкой лесов,
Над ровной гладью морей -
Чужой ракеты быстрее.
«Здесь конец географии, мама...»

А. Васильев, группа «Сплин»

1

Официальные заявления лидеров G8 и документы ООН пророчат нам десятилетия «устойчивого развития» под сенью развивающегося вширь и вглубь процесса глобализации. В действительности развитие не бывает устойчивым, а процесс глобализации — управляемым.

Особенностью индустриальной фазы развития, в которой мы живем уже несколько веков, является кредитный характер экономики, проще говоря — наличие ссудного процента. Это обстоятельство приводит, во-первых, к инфляции — возрастанию денежной массы и обесцениванию накопленных сокровищ. Во-вторых, к появлению в экономике инновационных элементов, созданию новых стоимостей. В-третьих, к экстенсивному росту рынков. Индустриальная экономика обречена расти. Через кризисы, через войны, через длинные циклы, но — обязательно расти.

Для роста нужны ресурсы: сырье, люди и рынки. И то, и другое, и третье подразумевает пространство, свободное от индустриального производства. И вся история индустриальной фазы — это своеобразный «бег к морю», к границам мира обитаемого.

На Дальний Восток индустриальная фаза пришла вместе с опиумными войнами и пушками commodора Перри. Вплоть до самого конца XIX столетия этот регион оставался полем игры свободных сил. Иначе говоря, субъектов международной политики и экономики там не было. Были только ее объекты.

Ситуацию изменила Япония, которая через цепочку войн и конфликтов, через соглашение с Великобританией, нуждающейся в «представителе» на дальних рубежах Империи, вошла после 1905 года в узкий круг индустриальных великих держав, акторов и конструкторов мира.

Очень скоро выяснилось, что внутренний рынок Японии имеет совершенно недостаточную емкость для поддержания промышленного развития страны, а нефтью — «кровью» индустриальной экономики — Страна восходящего солнца обделена совсем. Поэтому Япония была обречена на еще более экспансионистскую, неустойчивую, чреватую войной политику, чем даже европейские страны. Начинается борьба за Китай. Сегодняшнюю «мастерскую мира» раздирают на части Великобритания, США и Япония. Вашингтонская конференция 1921-1922 гг. фиксирует переход экономико-политической ситуации на Дальнем Востоке в новую стадию. Впервые на повестку дня поставлена серьезная война за господство в западном секторе Тихого океана.

Эта война, начавшись в середине 1930-х годов в Китае, 7 декабря 1941 года охватила все освоенное великими державами тихоокеанское пространство и даже сверх того распространилась на сугубо окраинные земли. Столь ожесточенной была схватка на море между тремя крупнейшими морскими державами, что в ее орбиту оказались вовлечены «индустриальные пустыни»: Новая Гвинея, Соломоновы острова, Индокитай. Широкое использование сторонами «туземных войск» привело к быстрому росту национального самосознания. После войны филиппинцы, бирманцы, вьетнамцы, малазийцы почувствовали себя народами и потребовали независимости. Это их стремление как нельзя лучше совпадало

с новой геэкономической стратегией Соединенных Штатов, и по мере разрушения Британской империи мир все более и более продвигался в направлении глобализации по-американски.

Такую гламурную картинку испортила неожиданная и быстрая консолидация Китая, который присоединился к «левому проекту», возглавляемому Советским Союзом, вступил в этап интенсивного промышленного развития и неожиданно для всех испытал ядерное оружие, де-факто объявив себя субъектом политики. Региональной, по крайней мере.

На будущее великие державы обезопасили себя от подобных сюрпризов, заключив Договор о нераспространении ядерного оружия, документ, странный как по форме, так и по содержанию, но оказавшийся довольно действенным и живучим. На статус Китая это, конечно, уже не повлияло: в политике не только пешки, но и фигуры назад не ходят.

А потом наступили 1990-е, и, как сказал бы Дж. Р. Р. Толкин, «Мир Арды изменился». Ушел в абсолютное прошлое Советский Союз вместе со всем коммунистическим и рабочим движением, на повестку дня в развитых странах был поставлен постиндустриальный переход, что привело к «сбрасыванию» этими странами промышленной «оболочки». В бывшем СССР этот процесс прошел как катастрофический экономический и политический кризис, в США — через управляемое и регулируемое формирование у себя в стране глобализованной «штабной экономики» при переводе необходимого промышленного производства за пределы Ойкумены. То есть в нашем случае как раз на Дальний Восток. Великобритания и Европа в целом избрали промежуточный вариант: в сущности, если американцы экспортировали экономику на окраину мира, то европейцы экспортировали экономический кризис на периферию Европы. В общем, логика примерно та же, но «труба пониже и дым пожиже».

История повторяется, и далеко не всегда как фарс. Если после войны стремление ряда стран Юго-Восточной Азии к независимости объективно играло на руку американской неокOLONиальной стратегии, то в последнюю четверть XX века американская политика глобализации способствовала быстрому экономическому подъему Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай вступает в период интенсивного развития и обретает статус сверхдержавы (благо, после крушения СССР возникла вакантная позиция). «Тигрята Юго-Восточной Азии» институционализируют свое «промышленное чудо» и начинают борьбу за технологическое лидерство. Япония же вновь обретает свободу действий на Тихом океане.

Такова предыстория.

2

Теперь посмотрим на карту. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), современный Дальний Восток, включает в себя Японию с островами Рюкю, Китай, Тайвань, Южную Корею, Северную Корею, российский Дальний Восток (Приморский край, Сахалинская область с Курильскими островами, полуостров Камчатка, полуостров Чукотка, Командорские острова), американскую Аляску с Алеутскими островами.

Если рассматривать АТР расширительно, он включает в себя также Таиланд, Филиппины, Малайзию, Индонезию, Папуа—Новую Гвинею, Австралию, северо-восточное побережье Канады (район Ванкувера), западное побережье США, Хабаровский край РФ.

В первом приближении регион соответствует японскому проекту 1940-х годов — «Восточно-Азиатской сфере процветания». Развитие инфраструктурной связности добавило к этой геополитической общности русский Дальний Восток, канадско-американский Север и американский Запад.

На этой огромной «площадке» присутствуют несколько игроков, которые и разыграют между собой главный матч XXI века, призом за победу в котором станет контроль над главной коммуникационной линией современной эпохи. Тихий океан соединяет/разделяет территории, самые развитые в индустриальном и постиндустриальном отношении; из четырех когнитивных проектов современного мира три реализуются в тихоокеанском пространстве. И именно в этом пространстве пожирает планетарный планктон Левиафан бизнеса и происходит коренное изменение характера капиталистических «игр обмена».

Именно на Дальнем Востоке экономические, военные, фазовые конфликты сплелись в единый узел. Именно там смешиваются сегодня интересы глобальных игроков. Нужно принять во внимание и то обстоятельство, что индустриальная фаза «прописана» в Азиатско-Тихоокеанском регионе сравнительно слабо, а установленные в регионе государственные границы имеют сомнительную легитимность, поскольку имеют исключительно военное происхождение и поддерживаются только силой или угрозой силы.

Географическая, историческая и фазовая логика подсказывает нам, что главным актором, действующим на площадке АТР, является Япония.

Японская стратегия на ближайшие годы определилась.

Япония открыто позиционировала себя как страна, совершающая переход от индустриального к постиндустриальному (когнитивному) обществу. Этот переход осуществляется в рамках по крайней мере двух национальных проектов: «Компьютер пятого поколения» и «Внутренняя граница. Цели Японии в XXI веке»³¹⁸.

Япония считает себя мировым лидером в постиндустриальном проектировании. В последние годы эта страна проводит ярко выраженную политику культурной экспансии. Есть основания полагать, что такие популярные во всем мире фильмы, как «Звонок» и «Королевская битва», создавались, исходя из особенностей восприятия не японской, а западной молодежной аудитории. Надо полагать, что мы правильно оцениваем эту политику как стремление обеспечить международную культурную поддержку японскому постиндустриальному проекту.

Внутреннее положение Японии нестабильно ввиду нарастающего экзистенциального голода, избыточной однородности социальной и культурной среды, старения населения. Свидетельством этого неблагополучия служат некоторые японские проекты (истерия с «томогочи», искусственные домашние животные, взрослые версии игрушечных детских машинок и т.п.). По всей видимости, Япония вновь, как после реставрации Мейдзи, «теряет настоящее», что чревато потерей устойчивости как во внутренней, так и во внешней политике.

Это означает, что в ближайшее десятилетие на японских улицах и площадях, в здании парламента, внутри сил самообороны развернется настоящая гражданская война, которая будет интерпретирована внешними наблюдателями как схватка между сторонниками неоиндустриализации Японии и адептами постиндустриального развития страны. Скорее всего, эти эксцессы не положат конец амбициозному японскому проекту, но приведут к существенным изменениям характера политической жизни в стране.

Япония вновь вернется к паттернам поведения 1880-1945 гг., и в этой логике она предпочтет военный способ разрешения противоречия между кредитным характером мировой экономики и конечностью мира.

Следующим по значению региональным игроком является Китай. В этой стране продолжается период неоиндустриального развития, чреватый нарастанием внутренних противоречий. Китай совершенно не заинтересован в глобальном экономическом кризисе и предпочел бы обойтись в ближайшие десятилетия без большой войны. Ситуация, однако, резко изменится, если страна утратит политическую или региональную стабильность, что я считаю очень и очень вероятным.

Соединенные Штаты Америки являются глобальным мировым игроком, но в дела Дальнего Востока они втянуты довольно слабо и, скорее, на объектном, нежели на субъектном уровне. Сегодня в США происходит борьба двух линий развития: «глобализации по Бушу», которая раньше или позже с неизбежностью втянет страну в военный конфликт глобального уровня, и «глобализации по Клинтону», которая обернется взрывным обесценением «экономики деривативов» и экономическим кризисом. Альтернативой обоим негативным решениям является возврат США к доктрине Монро и «сборка» на территории американского суперконтинента своего когнитивного проекта. Ирония судьбы состоит в том, что этот «некатастрофический вариант» в первые годы своего существования приводит к глубокой экономической депрессии (как американской версии деструкции индустриальной фазы экономики) и по сравнению с «катастрофическими» версиями выглядит малопривлекательным. Заметим, что во всех вариантах США практически не влияют на развитие событий в АТР, что свидетельствует о свершившейся утрате этой страной мирового лидерства.

Россия является наиболее непредсказуемой силой региона. Полтора года назад я писал: «...с равным успехом она может никак не проявлять себя в АТР или резко усилить свое военное, экономическое, политическое присутствие на Дальнем Востоке. В некоторых построениях речь идет даже о переносе столицы во Владивосток и начале нового — восточного — этапа истории». Сегодня, после визита В. Путина во Владивосток, ситуация

318Frontier within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium Japan's Goals in the 21st Century// Report of the Prime Minister's Commission. Japan, 2000.

выглядит более определенной: Россия будет усиливать свое влияние в АТР, что делает практически неизбежной ее столкновение с Японией. В этой войне стороны будут «делить» цивилизационный приоритет и постиндустриальные проекты, аналитики будут глубокомысленно рассуждать о значении нефтегазовых месторождений Сахалина и Охотского шельфа, а формально речь будет идти все о тех же пресловутых «Северных территориях».

Собственно, это и есть весь расклад сил.

Остальные государства Дальнего Востока игроками не являются и, скорее всего, уже никогда не станут. Быстрое развитие Южной Кореи, Таиланда, Тайваня было вызвано технической и финансовой помощью Запада, а также накопленным в мире опытом индустриализации и технологического развития. Пользуясь этим опытом, «тигры Юго-Восточной Азии» избежали многих ошибок и продемонстрировали высокие темпы роста. Но «прописи» кончились, необходимо вновь мыслить самостоятельно. Судя по предложенным инновационным программам, этого ни Южная Корея, ни Таиланд, ни Тайвань делать не умеют³¹⁹. А Япония и Китай приложат все усилия к тому, чтобы не научились.

В предстоящих региональных конфликтах они будут полем действия сил, а не самими этими силами. Заметим здесь, что наличие в регионе такой страны-изгоя, как Северная Корея, является лучшим аргументом в пользу военного разрешения фазового конфликта на Дальнем Востоке³²⁰.

«Словарь»

Япония

Уникальность Японии как национального государства обусловлена следующими историко-географическими причинами:

- Островной локализацией страны, причем в отличие от Англии Японию и континент разделяет бурное Японское море и Цусимский пролив, являющийся «воротами» для тайфунов из Юго-Западного сектора Тихого океана
- Сложным, пересеченным рельефом, что приводило к раздробленности страны, с одной стороны, и высочайшему значению военного сословия - с другой
- Высокой сейсмической и вулканической опасностью Японских островов
- Священным характером фигуры императора
- Низкой урожайностью японских земель в традиционную фазу развития, что с неизбежностью приводило к сословному характеру государства, причем на малочисленное военное сословие возлагались функции общего руководства и защиты страны (домена) «любой ценой»
- Низкой обеспеченностью полезными ископаемыми в индустриальную фазу развития, что, очевидно, привело к интенсификации экономики и насыщению ее постиндустриальными производствами
- Поздним вступлением страны как целого и ее отдельных доменов не только в мировую, но и в региональную систему торговли
- Искусственным «сломом» традиционной фазы развития (реставрация Мейдзи, 1867-1869 гг.), проектным характером строительства индустриальной фазы
- Развитием индустриальной фазы через внешнюю войну (Японо-китайская, Русско-японская, Китайская, Тихоокеанская) либо через внутренние войны
- Тяжелейшим военным поражением в Тихоокеанской войне 1941-1945 гг., проектным выходом из этого поражения
- Наличием отрефлектированного элитами и представленного в виде документа проекта перехода постиндустриального барьера

Эти особенности обусловили причудливое сочетание в политической, экономической и культурной жизни страны форматов, относящихся к различным историческим временам.

319 Восхищаясь технологическим уровнем Южной Кореи и Тайваня, нельзя не учитывать, что их инновационные ядерные и космические программы на новой элементной базе решают задачи, которые в США и СССР были успешно решены в 1970-х годах.

320 Неопределенным фактором в сценировании событий АТР остается Малайзия. На сегодняшний день эта страна позиционирует себя, скорее, как «дальний восток Афро-Азиатского региона», нежели как юг АТР.

После реставрации Мейдзи Япония «потеряла настоящее»: абсолютное прошлое вступило на ее территории в жестокую и бескомпромиссную схватку с абсолютным будущим. Есть основания полагать, что нечто подобное происходит и сейчас.

Этими же факторами обусловлена необычная, проникающая во все стороны японской жизни, вплоть до организации производства или осуществления военных операций, японская эстетика.

Наконец, высокая сейсмичность страны в сочетании с императивными требованиями к военной элите привели японцев к особому, чуждому людям Запада, отношению к смерти. В известной степени можно утверждать, что в Японии смерть носит менее абсолютный характер, нежели и евро-атлантическом мире. Квантовый «парадокс Шредингера», описывающий суперпозицию (линейную комбинацию) живой и мертвой кошки, имманентен японскому мышлению.

Вашингтонская конференция

Международная конференция, состоявшаяся в Вашингтоне³²¹ и положившая начало разрушению Версальского и созданию Вашингтонского миропорядка. Конференция приняла ряд соглашений по ограничению морских вооружений (ввела понятие «стандартного водоизмещения», описала основные» классы боевых кораблей, установила предельные для каждого класса водоизмещение и вооружение, наложила ограничения на темпы замены устаревших боевых единиц, задавала максимальный тоннаж линейного и авианосного флота держав-участниц, зафиксировала соотношение морских сил Великобритании, США, Японии, Франции, Италии в виде формулы 5:5: 3 :1,75 : 1,75) и урегулировала разногласия великих держав в Китае, приняв Договор четырех держав, распускающий англо японский союз и формально заменяющий его четырехсторонним соглашением, Договор девяти держав, устанавливающий политику равных прав и «открытых дверей» в Китае, Трактат о таможенном тарифе, регламентирующий торговлю великих держав с Китаем, «Вашингтонское соглашение», согласно которому Япония обязывалась вывести войска из Шаньдуня, вернуть китайской стороне железную дорогу Циндао-Цзинань и территорию Цзяочжоу.

Кризис Грейнера

Согласно Л. Грейнеру³²², развитие любой организации сопровождается прохождением через последовательные структурные кризисы, обусловленные накоплением противоречий между форматами деятельности организации и ее управленческой структурой. Л. Грейнер выделяет пять стадий развития: развитие, основанное на творчестве, развитие, основанное на руководстве, развитие, основанное на делегировании, развитие, основанное на координации, развитие, основанное на сотрудничестве. Между стадиями лежат кризисы - соответственно лидерства, автономии, контроля, границ.

«Компьютер пятого поколения»

Японский национальный проект, предусматривающий создание компьютера-переводчика. Содержание этого проекта и ход его выполнения не афишируются. Насколько можно судить, название проекта носит дезориентирующий характер, а под «идеальной машиной-переводчиком» понимается человек. Иными словами, «компьютер пятого поколения» — обозначение для амбициозной программы создания нового антропотипа, способного жить в когнитивной фазе развития.

321Вашингтонская конференция проходила с 12 ноября 1921 год по 6 февраля 1922 года в Вашингтоне. В работе конференции приняли участие США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Португалия, а также пять британских доминионов, хотя основные вопросы решались тройкой сильнейших морских держав США—Британская империя—Япония.

322Greiner L. Evolution and revolution as organization grow Harvard Business Review. July-August. 1972. P. 37-46.

«Внутренняя граница. Цели Японии в XXI веке»

Основополагающий документ, разработанный Комиссией по целям Японии в XXI веке при премьер-министре страны в 2000 году. Вводит важнейшие понятия «внутренней границы» («Frontier within»), «мягкого управления» (soft government), «второго шанса», «управления судьбой». В настоящее время является рамочным по отношению ко всей японской законодательной и нормативной базе, включая конституцию страны.

Экзистенциальный голод

Потеря экзистенциальной, трансцендентной компоненты существования человека, сообщества, нации.

Северные территории

Японское название южной группы Курильских островов: Уруп, Итуруп, Шикотан, Кунашир. Курильская гряда была открыта в 1697 г. В. Атласовым, в 1745 г. нанесена на «Генеральную карту Российской империи». По Русско-японскому договору 1855 г. острова к северу от острова Итуруп объявлялись владениями России. По соглашению 1875 г. Россия передавала Японии северные Курильские острова в обмен на исключительное владение островом Сахалин. После войны 1904- 1905 гг. Япония вновь заняла юг Сахалина, принадлежащий России по соглашению 1875 г. В 1945 г. острова были заняты советскими войсками в ходе Курильской десантной операции. Острова принадлежат России согласно решению Ялтинской конференции 1945 г. Следует отметить, что по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав и правооснований на Курильскую гряду.

В течение всей истории острова были заселены крайне слабо. В 1941 г. соединение Нагумо собиралось перед атакой Перл-Харбора у острова Итуруп, поскольку безлюдность этих земель гарантировала скрытность сосредоточения.

Курильские острова занимают стратегически важное положение, блокируя выходы из Охотского моря. Следует учесть также их богатство полезными ископаемыми, в том числе - редкоземельными и рением.

Японии выгодно поддерживать «проблему Северных территорий», прежде всего из внутривнутриполитических соображений. Наличие «оккупированных земель» и определенной надежды вновь получить эти земли под свою юрисдикцию позволяет иметь удобный канал утилизации молодежной пассионарности.

История российско-японских отношений

Российско-японские отношения можно разделить на три периода. До вмешательства России в Симоносекский мирный договор они носили нейтрально-дружественный характер. Затем последовала длительная эпоха конфронтации: 1895-1945 гг., которая сменилась современными сложными отношениями с взаимными историческими и территориальными претензиями.

Русские военные отряды вышли к побережью Тихого океана в 1639 г. В течение XVIII столетия российское влияние распространилось на весь северо-западный сектор АТР: Камчатку, Алеуты, Аляску. К середине XIX века во владения Российского государства входили: все побережье, омываемое Беринговым, Охотским и Японским морями, Аляска, Алеуты, Командорские и Курильские острова, Сахалин. По Айгунскому 1858 и Пекинскому 1860 г. договорам Россия присоединила Амурский, Приамурский и Уссурийский край. Во второй половине XIX столетия (в значительной мере вследствие поражения в Крымской войне и необходимости консолидации российских территорий) Россия уступила США Алеутские острова и Аляску (1867), Японии - Курильские острова (1875).

В 1876 г. началось проникновение Японии в Корею. В 1885 г. между Японией и Китаем был подписан Тяньцзиньский договор, по которому Китай не мог вводить войска в Корею без согласия японской стороны. После усмирения китайским правительством крестьянского восстания в Корее в 1894 г. Япония объявила войну Китаю, ссылаясь на нарушение Тяньцзиньского соглашения. Война завершилась полной победой Японии, но Россия под угрозой применения силы вынудила Японию отказаться от ряда приобретений по Симоносекскому мирному договору.

Война между Россией и Японией стала неизбежной. 30 января 1902 г. в Лондоне был заключен Англо-японский союз, страхующий Японию от вмешательства в предстоящую Русско-японскую войну третьей европейской державы — Франции или Германии.

После тяжелых и безрезультатных переговоров о разделе сфер влияния в Корее 9 февраля 1904 г. (новый стиль) внезапной атакой японских миноносцев на русскую эскадру, дислоцированную в Порт-Артуре, началась Русско-японская война. Это нападение произошло без объявления войны, хотя и после официального заявления японской стороны о разрыве дипломатических соглашений.

По Портсмутскому миру 1905 г. Япония получила Квантунский полуостров («полагавшийся» ей по Симоносекскому договору) и южный Сахалин (до 50-й параллели).

В 1910 г. Япония официально присоединила Корею.

В Первую Мировую войну Япония и Россия выступали как формальные союзники. Россия от этого союза получила право выкупить за золото некоторые собственные корабли, захваченные японцами в ходе или по итогам войны 1904- 1905 гг. Япония получила германские активы в Шаньдуне (Циндао) и ряд островов в Тихом океане.

В 1921—1922 гг. в ходе Вашингтонской конференции Япония была вынуждена отказаться от союза с Великобританией и от преимущественного положения в Китае; флот Японии ограничивался величиной в 66,7% от американского флота. С этого момента начинается борьба Японии за Китай, приведшая впоследствии к Тихоокеанской войне.

В 1926 г. Япония вновь захватывает Циндао, в 1928 г. вторгается в Шаньдун, в 1931 г. оккупирует Маньчжурию, в 1932 г. провозглашает марионеточное государство Маньчжоу-Го. Затем Япония последовательно денонсирует Вашингтонские и Лондонские соглашения по морским вооружениям и в 1937 г. «инцидентом на мосту Марко Поло» начинается вторая Японо-китайская война. В эту войну немедленно вмешиваются США, несколько позднее - СССР.

В 1939 г. США денонсирует торговый договор с Японией, а Советский Союз начинает оказывать Китаю и Монголии военную помощь. В ходе военного конфликта на реке Халкин-Гол Япония терпит тяжелое поражение и отказывается от «северного» пути достижения сырьевой независимости. 13 апреля 1941 г. подписан Советско-японский договор о нейтралитете.

24 июля 1941 г. Япония с согласия вишистской Франции оккупирует Индокитай. 26 июля США, Великобритания и Голландия замораживают японские активы в своих банках. 7 декабря японо-американские переговоры разрываются, и японская авиация атакует Перл-Харбор. Это событие произошло после разрыва переговоров, но за полчаса до официального объявления войны.

К лету 1945 г. японская метрополия оказалась в отчаянном положении. В стране не было горючего, заканчивались боеприпасы, отсутствовали шерстяные и хлопчатобумажные ткани, бумага, продовольствие. «Летающие крепости» уничтожили сотни квадратных километров индустриальной застройки. Токио, Иокогама, Осака перестали существовать. В этих условиях СССР присоединился к Потсдамской декларации союзников и объявил, что не будет продлевать договор о нейтралитете с Японией. 9 августа 1945 года советские войска нанесли удар по позициям Квантунской армии и в короткой операции уничтожили эту армию. 2 сентября Япония капитулировала. Советский Союз получил Квантунский полуостров (передан Китаю), Маньчжурию (передана Китаю), южный Сахалин и Курильские острова.

В настоящее время российско-японские отношения определяются следующими основными факторами:

- Неурегулированным территориальным спором относительно принадлежности южных Курильских островов
- Негативным историческим опытом последнего столетия (вмешательство России в Японо-китайские войны 1894-1895 гг. и 1937- 1945 гг., Русско-японская война, конфликт на КВЖД, конфликты на оз. Хасан и р. Хал- кин-Гол, Вторая Мировая война, «холодная война»)
- Участием России и Японии в конкурентных постиндустриальных проектах
- Определенным сходством культур и историй России и Японии
- Наличием ярко выраженных общих экономических интересов (Японии — в отношении российского сырья и рынков сбыта, России — в отношении японских инвестиций и технологической помощи)

ПРОСТРАНСТВА СТРАХОВ (ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ)

Вы уверены, что рано или поздно пограничники не проникнутся пониманием того, что все границы — условность! И провести их (а затем охранять, конечно!) можно где угодно: по пространственно-временному континууму, в фазовом пространстве системы отношений, по битовым полям инфомира и даже — мембрана не дрогнет сказать! — по уровням самого Альфавита!

Я. Ашмарина, А. Лазарчук, К. Королев, Н. Ютанов. Люди в черном

Сосед — значит враг. Посмотрите на это поле, рядом с моим. Его хозяина я ненавижу больше всех на свете. После него злейшие враги мои — жители вон той деревни, что лепится по горному склону с другой стороны долины, ниже березовой рощи. В ущелье, стиснутом горами, только и есть что две деревни — наша и та; они и враждуют одна с другой. Стоит нашим парням встретиться с их парнями, как сейчас же начинается перебранка, а там и потасовка. И вы хотите, чтобы пингвины не питали вражды к дельфинам...

А. Франс

1

Во времена моей советской молодости я хорошо понимал, что такое граница. Эта условная линия на карте разделяла две неэквивалентные экономики, два слабо стыкующихся правовых пространства, две социальные системы, построенные в различной логике, исповедующие несопоставимые ценности и задающие альтернативные версии коллективного бессознательного. Было вполне очевидно, что слишком тесное трансграничное взаимодействие представляет собой фактор риска для обеих систем. В этих условиях «граница» в лице представляющих ее социальных институтов (таможня, паспортный контроль, валютный контроль, пограничные войска, нейтральная полоса, пограничная зона) играла вполне понятную роль регулятора такого взаимодействия.

В наши дни ситуация коренным образом изменилась. Не вдаваясь в дискуссию на тему, насколько современный мир является геоэкономически открытым, а насколько он геополитически замкнут, подчеркнем, что для подавляющего большинства стран нет принципиальных различий между областями по одну и по другую сторону государственной границы. Кроме того, возникновение Интернета привело к тому, что в отношении информационных потоков границы стали до определенной степени проницаемыми.

Вообще говоря, в теории все современные границы (между цивилизованными государствами, конечно) границами не являются, так как обязаны поддерживать режимы свободного перемещения рабочей силы, капиталов, товаров и услуг. Об этом много говорят, в это, по-видимому, верят, но на практике до трансграничной прозрачности очень и очень далеко.

В самом деле, если свободное перемещение является одним из неотъемлемых прав человека, то визовый режим между любыми странами должен иметь чисто информационный характер: я извещаю страну такую-то о своем намерении посетить ее. В действительности такая логика характерна только для «туристских стран», таких как Турция, Египет, Тунис, Кипр, но не для «развитых и цивилизованных» государств Европы и Северной Америки, где консульские органы имеют право отказать вам в выдаче визы, причем даже не обязаны объяснять причину. Говорят, что это делается во имя борьбы с терроризмом. Но, во-первых,

террористическая угроза отнюдь не является основанием нарушения прав человека. Во-вторых, в отношении реального терроризма все меры приграничного контроля довольно беспомощны — история «антитеррористической» борьбы такого серьезного учреждения, как гестапо (действующего в условиях военного положения!), убедительно это доказывает.

Сомнительно, чтобы кто-то этого не понимал. Тогда со всей очевидностью встает вопрос: зачем современному цивилизованному миру система пограничного контроля? Или, другими словами, что именно (и от чего/кого) защищает граница?

Ухудшение качества образования — во всех развитых странах без исключения — привело к резкому падению астрономической и географической грамотности. Средний выпускник школы конца 1960-х-начала 1970-х годов имел четкое представление о Земном шаре, как небесном теле, знал, что такое плоскость эклиптики и наклон земной оси, понимал, почему происходит смена времен года, мог объяснить, что такое «тропики» и «полярные круги» и как связаны между собой соответствующие широты. Современные же люди, воспитанные в постсоветской или, хуже того, болонской системе, с большим трудом воспринимают такое элементарное понятие, как часовые пояса. Иными словами, они не видят Землю единым целым, их представление с астрономического уровня, минуя географический, упало до локального. Но локальное мировосприятие в своем естественном развитии приводит к классической средневековой картине мира, в центре которой находится огороженное, упорядоченное, подчиненное определенному закону пространство обитания (Мидгарт, Ойкумена). Мидгарт окружают дикие земли, населенные людьми с песьими головами, великанами, циклопами и т.д. Конечно же, современный человек (если он не американец) знает, что окружающие страны населяют такие же люди, как он сам. Но это знание «живет» в сознании как некая вырванная из контекста информация, оно не онтологично и не влияет на мировосприятие. А вот средневековые архетипы вполне деятельны.

В известном смысле государственная граница является лишь представлением совершенно иной границы: границы современного постиндустриального и средневекового традиционного в сознании человека. Граница есть пространство удержания страха.

Страх перед чужим.

Глобализация перемешала культурные коды и цивилизационные принципы, но — до известного предела. По-прежнему существуют национальные отличия, все более ярко проявляются культурные и религиозные идентичности. Между тем в основе любой идентичности лежит страх инаковости, страх сравнения своих и чужих культурных кодов (вдруг последние окажутся лучше). И основное назначение границ — управление страхами, удержание их в определенных рамках. Таможенные и визовые правила призваны гарантировать, что из внешнего мира не придет ничего чужого и чуждого³²³.

2

Современное прочтение глобализации сводится к лозунгу: «Одинаковые страхи — объединяйтесь». Европейский союз разрушил границы между исторически сложившимися государствами Старого Света только для того, чтобы возвести Шенгенскую визовую стену, защищающую Европу от русских, китайских, индийских и арабских идентичностей. Россия ужесточает пограничный режим и достает из нафталина понятие «погранзоны», надеясь удержать свое каноническое пространство. Соединенные Штаты полны решимости отгородить североамериканский материк от любых террористов, даже изобретенных британскими спецслужбами. Все страны без исключения осуждают Китай за введение цензуры в Интернете, при этом жестко цензурируя собственное электронное пространство: вызывающая оскормину повсеместная борьба с пропагандой нацизма и детской порнографией в Сети представляет собой не что иное, как акт культурного геноцида — уничтожаются культурные коды, вызывающие повсеместный страх.

Преступление Третьего рейха перед современным миропорядком заключается отнюдь не в том, что он развязал мировую войну, тем более что в этом деле у Германии было немало

323Сама по себе процедура стояния в очередях, собеседования в консульстве, заполнения документов, получения визы, прохождения валютного, паспортного и таможенного контроля может рассматриваться как примитивная форма социокультурной переработки. Полной смены культурных кодов при этом, конечно, не происходит, но модифицируются они значительно. Приезжий — турист, иммигрант или бизнесмен — попадает в зависимость от чужого административного механизма. Он перестает вызывать страх, потому что сам начинает его испытывать.

помощников, среди которых выделяются Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, Франция и Великобритания. И не в том, что господствующей идеологией Германии был национал-социализм, являющий собой всего лишь крайнюю форму разрешенного и даже поощряемого в большинстве современных государств национализма. Я полагаю, что даже воинствующий и кровавый антисемитизм Гитлера рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства, но не основного «состава преступления». Суть непреходящей ненависти глобализованного мирового сообщества к нацистской Германии — в предельной культурной инаковости Рейха, в его цивилизационной чуждости современному миру. Ситуация с детской порнографией еще более интересна: практически, она стала поводом к глобальному цензурированию всеобщей Сети, а наказание, предусмотренное законодательствами ряда стран (США, например), больше, чем за непредумышленное убийство. Швейцарская прокуратура требует от 6 до 15 месяцев тюрьмы авиадиспетчерам Skyguide, погубившим русский самолет, на борту которого находился 71 человек, в том числе — 47 детей. Если бы речь шла не об убийстве этих детей, а о распространении их откровенных снимков, возмущению мировой общественности не было бы предела, а в приговорах фигурировали бы такие сроки, как 8-10 лет.

Реальная проблема заключается в том, что в возрастном пространстве также существуют границы, и эти границы тоже нужно охранять. Дети — иные. Они исповедуют другие ценности. Они по-другому мыслят и действуют. И они — вызывают страх. Единственным способом управления этим страхом в современном цивилизованном мире оказался тотальный контроль над детством (естественно, под предлогом защиты его: впрочем, американцы и Сербию бомбили только для того, чтобы защитить сербов, да и Советский Союз когда-то расстрелял законное правительство Афганистана исключительно в целях защиты этого правительства), и сексуальные ограничения — важнейшая составляющая этого контроля.

Однако страхи — страхами, а бизнес — бизнесом: пространства разных страхов объединяются единой геоэкономической логикой товарных, человеческих и финансовых потоков. Здесь, однако, тоже далеко не все соответствуют тому благостному образу, который существует в современной экономической литературе.

Трансграничные области обладают самым высоким производящим потенциалом — и именно потому, что в них скрещиваются культурные и цивилизационные коды, квалификации и компетенции. Само собой разумеется, именно межкультурное взаимодействие должно лежать в основе экономической эксплуатации приграничных и трансграничных районов. Такие проекты и в самом деле существуют (мне случилось принять участие в разработке проекта постиндустриального российско-китайского университета в городе Суньфуньхэ, на границе Приморского края и КНР), но в жизнь они претворяются крайне медленно, если претворяются вообще.

Вместо этого приграничные районы зарабатывают на примитивной торговле ресурсами. Но вместе с газом и нефтью идентичность не переносится, так что «граница страхов» при этом не пересекается. Зарабатывают они и на обыкновенной контрабанде — рыбой, икрой, золотом, наркотиками, — всем тем, что находится в государственной монополии или табуируется государством.

Соединенные Штаты Америки, обобщив опыт трансграничной контрабанды, превратили ее в экономический институт, призванный укрепить положение доллара. Пусть США имеют с некоторой страной «X» отрицательный торговый баланс. Тогда американское правительство рекомендует правительству «X» провести приватизацию национальных активов, используя для этого «горячие» (то есть ничем на самом деле не обеспеченные) американские доллары, находящиеся «на руках». После этого активы акционируются, выставляются на международные торги и скупаются по почти нулевым ценам транснациональными компаниями, имеющими штаб-квартиру в США. Таким образом «горячие» доллары обретают вещественное содержание: отныне они обеспечены природными ресурсами страны «X». Если же правительство «X» рекомендации не следует, начинается следующий акт трансграничного сотрудничества — трансграничная война.

3

Трансграничная война за ресурсы, следовательно, бывает двух типов. Можно вести ее в геополитическом ключе, имея целью поставить тот или иной ресурс под свой непосредственный контроль. Так США действовали в Афганистане, который принято

считать богатым ураном. Можно действовать геоэкономически, способствуя некой «цветной» революции, приватизации и акционированию ресурсов, в конечном счете скупке собственности. Так США действовали на Украине, где удалось обойтись без войны, и в Ираке, где кровь льется до сих пор. Но, заметим, все эти действия не изменили к лучшему ситуацию с дефицитом платежного баланса и государственного бюджета США. В логике нашей статьи американская стратегия сравнительно безопасна (операции над культурными кодами не ведутся вообще или ведутся в одном направлении), но и бесперспективна.

В ближайшее время — имеется в виду следующее, второе, десятилетие XXI века — следует ожидать принципиально иных и гораздо более содержательных трансграничных конфликтов, прописанных в языках, культурах, цивилизационных принципах.

«Пространства страха» одновременно глобализируются и обособляются. Трансграничная напряженность непрерывно растет, и границы, все-таки потерявшие изрядную долю своей неприступности, не в состоянии ее удерживать. Это проявляется в участившихся террористических актах нового типа, в перетекающих одна в другую локальных войнах, в ожесточенной культурной экспансии. Все сильнее и сильнее экономическая и политическая реальность отличается от социально значимых представлений о ней, это рассогласование, не рефлектируемое «немыслящим большинством», но ощущаемое им, в свою очередь способствует нарастанию страхов и трансграничной напряженности. Обратная связь замыкается.

В этих условиях неизбежен прорыв напряженности в виде глобальной войны (Соединенные Штаты против всего мира?) или взаимообусловленной цепи макрорегиональных войн — на Ближнем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на североамериканском континенте и т.д.

Социокультурным результатом этой новой большой войны станет эмансипация «немыслящего большинства», разрушение «пространства страхов» и обретение народными массами так называемых современных демократий не только суверенитета, но и ответственности за свое существование и развитие.

ВОЙНА НА МОЕМ СТОЛЕ

Сегодня вечером начнется Первая Мировая война. Вооруженные столкновения охватят 12 квадратных метров: площадь комнаты, где на полу разложены карты, а на столе — справочники и CD-диски с тактико-техническими данными. Война будет очень реальной: почти физически будет ощущаться напряжение противостояния великих сражающихся империй. Диктофон зафиксирует вдохновляющие дискурсы, компьютер запишет для последующего анализа судьбоносные решения. Прозрения и ошибки, вдохновение и усталость, деятельность и рефлексия станут достоянием истории. Правда, альтернативной истории. А в Текущей Реальности три девушки в возрасте от 14 до 17 лет пройдут интеллектуальный тренинг по искусству государственного управления в условиях системного кризиса.

ЦЕЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ ВОЙНЫ

Война (как и революция, которая по своей сути тоже война, только направленная на более близкого и более опасного противника) есть концентрированное выражение Истории, одно из основных Представлений прогресса. Именно поэтому, *«кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны»*³²⁴, и наоборот.

Война есть прежде всего информационная, а уже затем материальная деятельность. Деятельность повсеместная и очень древняя: следы войны обнаруживаются в любых человеческих культурах, где есть принципиальная возможность их регистрации. Функция войны естественно прописывается в формализме социосистемы.

Подобно тому как жизнь существует и изначально существовала в форме замкнутых экосистем, разум с момента своего зарождения принимает форму социосистемы. Возникновение такой формы организованности требует разового преодоления очень высокого потенциального барьера, но уже появившаяся социосистема устойчива, и человек, рожденный в ней, обречен на социальное существование. Для «полуденного хищника»³²⁵,

³²⁴Здесь и далее курсивом даны цитаты из Сунь-цзы.

³²⁵Первобытный человек с его гладкой кожей, пронизанной потовыми железами, был активен круглые сутки, в связи с чем занимал пустовавшую экологическую нишу

которым является Номо, такое существование само по себе оказывается стрессовым фактором. Нормальной реакцией хищника на стресс является агрессия, но проявить ее внутри устойчивой социосистемы индивид не может. И возникает война — социально допустимый канал реализации эгоистических устремлений. Война носит «карнавальный» характер: все, что запрещается в обыденной жизни, на войне не только разрешается, но и поощряется.

Таким образом, война есть плата биологического вида *Homo sapiens* за свое существование в форме социосистемы, за эффект социальности. И плата недорогая, что можно заметить, сравнивая, сколько на Земле людей и сколько биологически близких к ним крупных обезьян. Войны народов, классов, конфессий, иных социальных групп заменяют в человеческом существовании борьбу всех против всех в биологических сообществах. Тогда в определенном смысле можно согласиться с Дж. Оруэллом: война это мир и мир это война. Заметим, что снижение угрозы глобального противостояния в период 1986-2000 гг. привело к росту региональных войн и локальных конфликтов, а также уличной преступности и бытового насилия.

Война тысячелетиями является спутником человека, но нет оснований считать, что так будет продолжаться «из вечности в вечность». В своем развитии социосистема найдет иные способы сублимации индивидуальной агрессии (искусство, спортивные и ролевые игры, виртуальные войны и т.п.). Мы способны представить и описать такую стадию эволюции разума, но пока не в силах ее реализовать. XX век был эпохой тоталитарных войн. XXI век начался грандиозным актом террористической войны «Юг» против «Запада». За сим последовали войны в Афганистане, Ираке, Чечне. Сейчас человечество на волосок от крупных вооруженных конфликтов в Осетии, Абхазии, Приднестровье, Израиле, возможно, и в Иране. И, поскольку все сценарные модели указывают, что международная напряженность вокруг «горячих точек» будет нарастать, достигая первого пика к 2008—2010 годам, а следующего — к началу третьего десятилетия, приходится считаться с тем, что масштаб военных действий также будет увеличиваться.

СОДЕРЖАНИЕ ВОЙНЫ

Определим «войну» как любой конфликт, при котором выживание противника не рассматривается в качестве необходимого граничного условия. Под такое определение попадают и столкновения между государствами, и коммунальные разборки, и даже семейные неурядицы. Если война — оборотная сторона «эффекта социальности», не приходится удивляться тому, что каждый из нас сталкивается с ней постоянно и повсеместно.

Следовательно, элементарные представления о военной науке, военном искусстве и военной эзотерике должны быть достоянием каждого грамотного человека. В действительности современное образование в лучшем случае готовит из школьника солдата, обученного нескольким элементарным приемам. Хочется сказать, что высшую стратегию элиты приберегают для себя, но, увы, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Единая система военного обучения в современных демократических государствах просто отсутствует, и воззрения большинства граждан на проблемы антагонистических конфликтов находятся на пещерном уровне. Дело несколько улучшают интеллектуальные тренинги, организационно-деятельностные, ролевые, штабные игры, но практика их проведения не является ни повсеместной, ни массовой.

Отсутствие у населения военных знаний превращает войну в нечто сакральное либо, напротив, демоническое. Поэтому массы и элиты, властители дум и СМИ относятся к войне слишком серьезно. Конечно, *«война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели»*, но нельзя забывать, что война является сугубо вспомогательной, «карнавальной», стороной функционирования социосистемы. Мирное развитие — для нации, конфессии, семьи или отдельного человека — настолько же важнее и сложнее военного противостояния, насколько жизнь интереснее и значительнее театра.

Но опять-таки невозможно овладеть искусством сценирования мирной жизни, плохо разбираясь в логике войны.

Теория жестких антагонистических конфликтов довольно проста.

Целью войны является мир, который лучше довоенного хотя бы только с вашей личной точки зрения. Это определение, принадлежащее Б. Лидделл Гарту, может быть расширено: целью войны является расширение пространства решений победившей стороны. Иными

«полуденного хищника».

словами, войны ведутся, прежде всего, за свободу (в частности, за свободу действий), то есть за потенциальные возможности, и лишь во вторую очередь за материальные блага.

Содержанием войны является целенаправленное преобразование заданной начальной ситуации в ту конечную, в которой цель войны оказывается реализованной. Алгоритм этого преобразования называется планом войны.

Война разбивается на последовательность операций, которые, в свою очередь, дробятся на ряд боев. Соответственно, в теории войны выделяют тактику — умение выигрывать бой, оперативное искусство, в рамках которого подготавливаются и проводятся операции, и стратегию.

В своем первоначальном древнегреческом значении термин «стратегия» означал умение правильно рассчитывать и рационально организовывать движение войск. Позднее под «стратегией» начали понимать искусство выигрывать войну.

В современной теории стратегия — это умение менять масштаб управления³²⁶. А также — искусство добиваться поставленной цели, имея заведомо недостаточные для этого ресурсы. Последнее суждение включает в себе сущность военного управления и логику войны как антагонистического конфликта, поддерживающего развитие социосистемы.

В войне вашими противниками являются люди: носители разума, способные превратить в ресурс любую материальную или информационную сущность. Поэтому никакие ресурсы, сосредоточенные вами для ведения военных действий, не могут быть адекватными. Очень редко они оказываются избыточными (и это всегда грубый промах планирующей инстанции, заслуживающий щедринского «чижика съел»). Практически всегда ресурсы недостаточны. Именно поэтому стратегия является искусством в гораздо большей степени, нежели наукой.

Три основных принципа стратегии известны со времен Сунь-цзы³²⁷:

- Стратег должен стремиться к минимизации затраченных им ресурсов, но не к максимизации ресурсов, потерянных противником (принцип наименьшего действия)
- Движение к цели должно осуществляться в пространстве, не контролируемом противником (принцип непрямых действий)
- При правильных действиях сторон равные позиции преобразуются в равные (принцип тождественности), следовательно, для того, чтобы выиграть, приходится прибегать к действиям, заведомо неправильным

В известной мере, стратегия — это искусство добиваться оптимального результата ошибочными действиями.

Тактику, оперативное искусство и стратегию можно рассматривать как последовательные ступени военной «лестницы». В XX столетии лестница была значительно расширена «вверх». Англо-американская военная наука ввела в рассмотрение большую стратегию или искусство выиграть мир. Чжоу Энлай, обратив известную формулу Клаузевица³²⁸, добавил ступеньку политики или, вернее, геополитики. Опыт двух первых мировых войн дал понимание значения экономического превосходства³²⁹. Третья Мировая («холодная») война, в которой блестяще победили Соединенные Штаты Америки, выстроила верхнюю ступень «лестницы»: военную психологию, искусство создавать и поддерживать социальную связность. Наконец, на границе тысячелетий возникла «большая тактика» (искусство навязать бой армии и населению противника). Мастером этого раздела военного искусства принято считать Усаму бен Ладена, хотя крайне сомнительно, что указанный арабский террорист имел какое-то отношение к 11 сентября 2001 года.

Как правило, верхние «ступени» лестницы господствуют над нижними (то есть правильная стратегия позволяет исправлять тактические ошибки, а высокая социальная связность более значима, нежели военное поражение), но «козыри» верхних ступеней разыгрываются гораздо медленнее, и до того момента, когда они начнут действовать в полную силу, можно просто не дожить. Как, например, не дожили Афины до осуществления стратегического плана Перикла.

326Щедровицкий П. Роль методологического мышления в становлении современных «сквозных» («пронизывающих») компетенций и капитализации человеческих ресурсов//Выступление на конференции по развитию. Красноярск, 27.04.2003.

327Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2002.

328Как уже упоминалось, К. Клаузевиц указал, что война есть продолжение политики иными, а именно насильственными средствами. Чжоу Энлай, в свою очередь, заметил, что политика есть продолжение войны — ненасильственными средствами.

329С точки зрения военной науки политика есть искусство сохранять выгодное мировое равновесие. Экономика — искусство поддерживать жизнедеятельность народа во время войны и во время мира.

Всякий военный кризис означает, что интересы различных ступеней стратегической «лестницы» не совпадают. План войны теряет масштабную инвариантность, а вместе с ней целостность и жизненность. Собственно, для невоенных кризисов также характерно разрушение масштабной инвариантности. Вообще, как говорил великий британский политик У. Гладстон, «все кризисы одинаковы».

Как правило, победить в войне нетрудно. Нужно лишь иметь в виду, что ее карнавальный характер подразумевает включение вашего триумфа в вечный сюжет «беличьего колеса». Иными словами, с неизбежностью «...победы сменяются разгромами, рушатся высокие башни, горят горделивые замки, и пламя взлетает в небеса...»³³⁰. Речь, однако, не идет о «дурной бесконечности». Война — Представление оператора развития: со временем меняется и ее характер, и характер мирной жизни, и структура самой социосистемы, порождающей войну для того, чтобы охранять мир.

Поэтому воевать можно хорошо и плохо, способствуя развитию общества или препятствуя ему. Можно воевать разрушая, можно воевать созидая, и человеческая история полна примерами и тех, и других войн.

РЕФЛЕКСИЯ ВОЙНЫ

Этика войны не отличается от любой этики, претендующей на общечеловеческий характер. Смешно учить через две тысячи лет после Христа, что нехорошо расстреливать заложников или разрушать неприятельские города. Странно через две с половиной тысячи лет после Сунь-цзы объяснять, что, поскольку «война любит победу и не любит продолжительности», быстро проиграть антагонистический конфликт зачастую полезнее, чем медленно и мучительно его выигрывать. Но чтобы принять последнее, надо научиться рассматривать войну через призму карнавальности, то есть **не вполне серьезно относиться к ней и ее итогам**. Да, на войне погибают люди. В том числе — мирные жители, никакого отношения не имеющие ни к войне, ни к управлению социосистемами, ни даже к развитию. Да, война есть неприкрытое, разрешенное и предписываемое насилие: в этом содержание данного социального института. Однако, как правильно отмечал еще Воланд, человек смертен и, более того, внезапно смертен. Понимание этого обстоятельства не должно лишать нас чувства юмора.

Вы можете вспомнить, когда закончилась Тридцатилетняя война и каковы были ее итоги? Каких территорий лишилась Германия по Версальскому договору? В чем содержание Вашингтонских военно-морских соглашений? Кто выиграл битву при Сольферино? Сервантес потерял руку в бою при Лепанто, чем закончилась эта битва³³¹? Если вы можете ответить на эти вопросы, ваша осведомленность в военной истории много выше среднестатистической. Если эти войны и сражения до сих вызывают у вас сильные эмоции (грубо говоря, вам не все равно, кто одержал победу, кто потерпел поражение и в чьих руках остается «устье Тары»), вы, скорее всего, знакомы с одной из техник активизации исторического сопереживания.

Как правило, люди помнят только последнюю войну, а судьбоносной считают назревающую, но еще не наступившую. И только к этим двум войнам они относятся с леденящей душу серьезностью. А к остальным никак не относятся. Забывают. И потому шаг за шагом и век за веком повторяют одни и те же ошибки.

СТРАТЕГИЯ ЧУДА

Война на моем столе столь же реальна, как и война на экране моего телевизора. А для игроков даже более реальна: ведь они ее участники, а не зрители. Причем привилегированные участники. Лица, принимающие решения.

Им, игрокам, предоставляется возможность сначала повторить все промахи, которые имели место в Текущей Реальности, а затем сделать свои собственные ошибки, чтобы, накопив опыт и инсталлировав собственные уникальные техники, научиться не ошибаться. И, следовательно, обрести умение решать любые стратегические задачи в любых условиях и с любыми начальными данными. Выигрывать за Максимилиана фон Шпее бой у Фолклендских островов. Сводить к неопределенному миру Тихоокеанскую войну 1941-1945

³³⁰Толкин Дж. Р. Р. Полная история Средиземья. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2003.

³³¹Последний вопрос принадлежит Г. С. Альтшуллеру, создателю Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ), автору целого ряда фантастических рассказов.

гг. Водружать не позднее середины 1915 года русское знамя над Константинополем. Военное искусство все это позволяет: оно ведь сродни театру и имеет значительную трансцендентную составляющую.

Будем называть «чудом» всякое боевое столкновение, исход которого столь сильно отличается от нормального, что это не может быть объяснено с точки зрения статистической модели. Чудо свидетельствует, что виртуальные факторы оказались весомее реальных, субъективные значимее объективных. Как правило, оно означает также, что одна из сторон овладела искусством безошибочных действий и научилась управлять вероятностями событий.

Военная история повторяет общечеловеческую историю. Время тоталитарных войн с их миллионными армиями, миллионными жертвами и элементарными «одноходовыми» ошибками прошло и более не вернется. В наступающей эпохе постиндустриализма устойчивость социосистемы (и вместе с тем интересы частных систем: государств, конфессий, транснациональных корпораций и т.п.) будут обеспечивать совсем другие войны, изначально построенные на «стратегии чуда» и тактике безошибочных действий.

Речь идет о террористических АТ-войнах.

ВОЙНЫ XXI ВЕКА

Группа, которую не нужно сохранять после совершения террористического акта, практически неуловима. Ни Соединенные Штаты Америки с их двенадцатью атомными авианосцами, ни Советский Союз эпохи Сталина, ни современный Китай, ни Израиль не в состоянии перехватить подобную группу раньше, чем она нанесет удар. И уж тем более не сможет сделать это сегодняшняя Россия.

Это означает, что война, как социосистемное явление, неминуемо придет в каждый дом, а события «Норд-Оста» станут одним из обычных страховых рисков. И к этому придется отнестись как к данности. Не только аристократия платит налог кровью. Демократическое большинство — тоже.

Лиц, готовых на смерть за свои убеждения или за то, что их приучили называть своими убеждениями, в мире довольно много. Широкое использование фанатиков затрудняет лишь их полная неуправляемость. Не случайно ассасины горного старца были «штучной работой» и воспитывались в абсолютной преданности повелителю. В противном случае они были бы опасны прежде всего для своих «работодателей».

Препятствует массовому террору и то обстоятельство, что потенциальные самоубийцы за редким исключением — никуда не годный человеческий материал, не способный ни вести переговоры, ни создать сколько-нибудь сложный план, ни творчески претворить его в жизнь. В своем абсолютном большинстве — это роботы, способные выполнять простейшие команды. Ни на что иное они не претендуют, да и дорого готовить интеллектуалов из заведомых «агентов смерти».

Однако современная «фабрика мысли» способна создать алгоритм, раскладывающий сложнейший террористический акт вроде уничтожения ВТЦ на простейшие команды. Достаточно опытный военный штаб в состоянии управлять террористами в реальном масштабе времени, координируя действия разнородных групп и поддерживая «рамку» единого плана. Наконец, «совершенный стратег», овладевший техникой управления вероятностями, может подчинить себе любых фанатиков и гарантировать их управляемость. Вырисовывается облик «войны будущего» (довольно близкого): террористические группы, действующие в глубоком тылу противника и направляемые интеллектуалами-аналитиками, высшими транспрофессионалами, объединенными в «фабрики мысли».

Такой АТ-стратегии, вновь, как в глубокой древности, низводящей войну с уровня государства на уровень отдельного гражданина, смогут противостоять только такие же АТ-группы.

Либо — общество, все граждане которого обучены искусству войны и способны воспринять ее рефлексивно.

1

В далеком 1996 году я опубликовал работу «Геополитическое положение Европы»³³², в которой предсказал «наступательную партизанскую войну». Такая война, направленная против гражданского населения и ведущаяся добровольцами-смертниками, рассматривалась как форма стратегического ответа традиционных культур «Юга» на экспансию евроатлантической цивилизации. Предельной версией войны нового типа было «насыщающее террористическое нападение», в ходе которого жизнеобеспечивающие инфраструктуры противника подвергаются полной дезорганизации.

Статья была воспринята как очередной аналитический «ужастик» типа «астероидной опасности», «глобального потепления» или «эпидемии СПИДа». До 11 сентября 2001 года едва ли где-либо в мире, кроме Израиля, терроризм воспринимали всерьез.

В действительности к нему и сейчас не относятся достаточно серьезно.

После любого масштабного террористического акта следуют стенания в прессе, живописание допущенных ошибок и обязательные «оргвыводы». Общественное мнение требует сурового наказания виновных, под которыми понимаются не только и не столько террористы и их прямые пособники, сколько сотрудники государственных правоохранительных служб. «Да как же они могли допустить?»

Давайте договоримся: терроризм — это форма войны, и притом очень эффективная ее форма. Далеко не каждый удар врага можно отбить без особых потерь. Существуют поражения, вызванные грубыми ошибками одной из сторон (иногда такие ошибки граничат с предательством). Но гораздо чаще к поражению приводит тонкая и неочевидная игра противника, который сумел накопить силы, найти слабое место в обороне, нанести внезапный удар, захватить инициативу. Перефразируя морское торговое право: «поражение вследствие непреодолимой силы врага и неизбежных на войне случайностей».

Можно защитить от любых мыслимых террористов энергостанции, мосты, военные городки и важнейшие промышленные объекты, но даже это требует введения в стране «чрезвычайной ситуации» и подразумевает мобилизацию. Однако и в условиях самой тотальной мобилизации ни одна страна не в силах «прикрыть» школы, детские сады, больницы, кинотеатры и жилые дома. На это просто не хватит сил.

До нанесения удара боевик ничем не отличается от обычного гражданина. Даже в условиях гитлеровского оккупационного режима, когда порядок в тылу вермахта обеспечивали охранные дивизии, СС, гестапо, местные национал-социалистические формирования и директива «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”», советские партизанские отряды и диверсионные группы действовали вполне свободно³³³. Тем более, не следует надеяться, что сегодняшней демократической России или либеральной Европе удастся создать у себя такой режим безопасности, который позволит перехватывать террористов по пути следования к объекту-цели.

Кажется, что можно избавиться от террора в рамках политики «умиротворения». Увы, столкновение цивилизаций уже произошло: оно вызвано, в частности, развитием глобализационных процессов, которые лишь на четверть проектны и на три четверти объективны. В возникших условиях взаимное «предъявление» соприкасающимися культурами своих «предельных онтологий» неизбежно. «Война идентичностей», раз начавшись, будет продолжаться.

2

С теоретической точки зрения у традиционной исламской культуры нет ни шанса в борьбе против позднеиндустриальной цивилизации Запада. В конце концов, все это мы уже проходили: индийские сипаи, китайские «боксеры», суданские махдисты. Исповедовали они ту же стратегию, что нынешние вакхабиты или маджахеды. Но для борьбы с ними

332Переслегин С. Геополитическое положение в Европе//Звезда. 1998. №12.

333Борьба с партизанами велась с особой жестокостью; потери среди них были велики, а среди диверсантов-подпольщиков — почти абсолютны. Но немцы так и не смогли «умиротворить» оккупированные территории России, Польши и Югославии и обеспечить бесперебойное функционирование железных дорог, не говоря уже о промышленных предприятиях.

европейцам не приходилось даже толком напрягать силы.

Что же изменилось?

Во-первых, разумеется, резко увеличилась связность и перемешанность мира. Это резко увеличило мобильность террористов и, следовательно, количество потенциальных объектов захвата или уничтожения. Во-вторых, страх Запада перед людскими потерями, особенно среди гражданского населения, неизмеримо вырос. Современный европеец утратил трансцендентальную составляющую своей жизни, поэтому он стал очень бояться смерти. Эта слабость, конечно, будет эксплуатироваться снова и снова. В-третьих, скорость технического, социального, экономического развития Запада к концу XX столетия резко снизилась и принципиальный разрыв между «цивилизацией» и «варварством» сократился до минимума.

Наконец, в-четвертых, а на каком основании мы решили, что столкновением европейской и исламской идентичности исчерпывается все содержание современной террористической войны?

3

Анализ событий 11 сентября 2001 г. в США привел к модели «АТ-террора»: взаимодействующих групп террористов-смертников и хорошо подготовленных аналитиков. Аналитики ставят задачи, рассчитывают логистику, обеспечивают информационное сопровождение операции, координируют действия террористов в реальном времени. Боевикам-смертникам остается только выполнить разбитый на простейшие шаги алгоритм и не забыть вовремя покончить с собой (впрочем, наверняка существует процедура «зачистки», да и не так много они знают). В современных условиях могут существовать еще и «образовательные группы», которые готовят террористов-смертников и **поставляют их на мировой рынок**. Такая схема более рентабельна и — с точки зрения аналитиков — более безопасна.

Сегодня Т-группы рекрутируются из чеченцев, афганцев, иракцев, таджиков и иных представителей крайнего геополитического «Юга», отброшенного глобализацией и бомбежками едва ли не в архаическую фазу. Подготовкой этих групп и поставкой их на рынок занимается «политический ислам», преимущественно с Саудовской «пропиской», то есть опять-таки «Юг», но уже не крайний. А вот деятельность аналитических групп носит все признаки рафинированного европейского военного мышления.

Проанализируем некоторые террористические акты «нового типа», совершенные на территории Российской Федерации.

1. Буденовск—Кизляр. Организатором и исполнителем акта являлся Ш. Басаев (то есть не было разделения на аналитическую и террористическую группы). Боевики не были смертниками. Между террористами и властями велись активные переговоры. Отношение боевиков к заложникам описывается формулой: «Ничего личного». Человеческие потери значительны, но общественное мнение относит их на счет плохо организованных действий федералов. Итоги акции: завершение первой чеченской войны, то есть стратегический результат.

2. Каспийск, 9 мая 2002 г. Взрыв по время парада, посвященного Дню Победы, привел к гибели сорока человек. Смертники не использовались, целью акции был военный парад. Точечная операция была рассчитана на информационный эффект и его достигла.

3. «Норд-Ост», 25—27 октября. Захват большой группы заложников, принадлежащих к государственной элите. Использовались смертники. Операция блестяще спланирована. Первый этап завершился полным успехом, в дальнейшем террористы утратили всякий контроль над развитием ситуации. Переговоры с их стороны практически не велись, скольконибудь осмысленных требований не выдвигалось. Отношение к заложникам жестокое. При штурме террористы уничтожены, большое количество жертв среди заложников. Общественное мнение, безусловно, осуждает террористов. Цель, если она и была, не достигнута.

4. 9 мая 2004 г. Убийство А. Кадырова в Грозном. Успешный точечный террористический акт с явным оттенком личной мести. Смертники не использовались.

5. 24 августа 2004 г. Взрыв двух самолетов в воздухе с гибелью пассажиров и экипажа. По одним данным террористический акт совершен смертницами, по другим — наземными службами (однако смертницы дали команду на взрыв с мобильных телефонов). Требований не выдвигалось, переговоры не велись, ответственность за теракт никто не взял.

6. Беслан, 1—3 сентября 2004 г. Прекрасно подготовленный захват школы с более чем

тысячей заложников, включая детей. Среди террористов есть смертники. Полное отсутствие переговоров и осмысленных требований. Отношение к заложникам крайне жестокое, сравнимое с худшими преступлениями гитлеровцев. Результат: погибло много заложников, террористическая группа уничтожена.

Не правда ли, четко просматривается два тренда? Первый составляют теракты с четко выраженной целью, ограниченные по цели и жертвам и вписывающиеся в какую-никакую, но стратегию за Чечню. В этом ряду нет или почти нет терактов с использованием смертников. Второй составляют «Норд-Ост» и Беслан — масштабные, «зрелищные», жестокие и совершенно бессмысленные с точки зрения интересов «официального Заказчика» акции. В этот же ряд вписывается самый грандиозный террористический акт «нового поколения» — Башни-близнецы.

События в Беслане показательны.

Прежде всего отметим, что не все террористы, организовавшие убийство детей в Беслане, были смертниками. Некоторая их часть предполагала уйти по открытому коридору. Но в таком случае жизнь заложников была для террористов драгоценна. Они не могли не понимать, что если хоть один ребенок погибнет, осетины — жители Беслана будут искать их на любом краю земли. Рано или поздно найдут, и преступник очень пожалеет, что ударился в бег, вместо того чтобы погибнуть в перестрелке с федеральными войсками.

Для чеченцев этот террористический акт означает «потерю лица» во всех западных СМИ (которые, может быть, и не любят Россию, но жестокости по отношению к детям не приемлют), расширение конфликта на Северном Кавказе с легко прогнозируемой войной всех против всех и вечную ненависть осетинов. Трудно было найти более неподходящую цель, нежели Беслан! Поневоле возникает ощущение, что эту акцию спланировали люди, очень далекие от Кавказа, его традиций и его проблем.

И в Нью-Йорке, и в Беслане, и на Дубровке непосредственные исполнители были полностью уничтожены. Что происходило в небе Америки, мы не знаем и никогда не узнаем. Но в Беслане и Москве исполнители явно ожидали, но не получили каких-то советов или приказов — потому и не вели переговоры с властями и не выдвигали внятных требований.

Налицо нарушение взаимодействия террористической и аналитической групп. Во время штурма «Норд-Оста» я полагал, что эту связь удалось прервать. Сейчас я склонен считать, что аналитики просто завершили свою часть операции, дальнейшее ее течение их не интересовало.

И тогда возникает версия Нью-Йорка, Москвы и Беслана, гораздо более страшная, нежели официальная.

Нет террориста № 1, вечного врага США. Нет чеченцев, пытающихся отомстить России за свою якобы поруганную Родину. Нет (пока!) даже «войны цивилизаций». Есть полевые испытания АТ-групп, оружия XXI века. И где-то есть испытатели этого оружия, аналитики с европейским мышлением.

ОБОРОНА СТРАНЫ КАК ПАКЕТ ТЕХНОЛОГИЙ

Обычно, когда мне приходилось высказывать свое мнение о текущей военной реформе, я говорил, что бессмысленно обсуждать этот вопрос в абстрактном ключе. «Вооруженные силы создаются для вполне определенной войны с данным конкретным противником. Назвать противника и оценить характер будущей войны должно политическое руководство. Пока этого не сделано, пока не задана типология конфликтов и не определены национальные цели и приоритеты, нельзя оценить состояние вооруженных сил и наметить пути их развития. Совершенно очевидно, что для решения военно-полицийских задач в Чечне нужна одна армия, для укрепления политического присутствия в СНГ — другая, для защиты интересов России в региональных и макрорегиональных конфликтах — третья, а для участия в решении мировых проблем — четвертая».

Все это правильно, однако очень похоже, что времени на длительные дискуссии у нас не осталось. Во второй половине 2008 года закончился период неустойчивого международного равновесия и мир вступил в предкризисный этап, который вполне может завершиться большой войной.

УГРОЗА ВОЙНЫ

Еще два-три года назад мысль о возможности войны значительного масштаба между значимыми в военном, политическом и экономическом отношении государствами

воспринималась журналистами, экспертами и политиками как неумная шутка. Исключение, конечно, делалось для США: молчаливо предполагалось, что страна-гегемон вправе предпринимать военно-полицейские операции против любого государства, не принадлежащего к G8, но разве же это война?

Сейчас ситуация изменилась. Начиная с 2007 года угроза войны отчетливо диагностируется в позиции СМИ и в общественном мнении. Осетинский конфликт 2008 года продемонстрировал, насколько незначительным и бессмысленным может быть повод для конфронтации великих держав.

Поворот в общественном сознании произошел. Война сначала стала мыслимой, затем возможной. Сейчас она становится вероятной и, более того, допустимой. Очень скоро, по крайней мере для некоторых стран, она станет желательной и неизбежной.

Связано это, во-первых, с тем очевидным фактом, что мир сошел с рельс устойчивого развития и, следовательно, положение «золотого миллиарда» отныне не обеспечено даже на одно поколение вперед. В результате крупнейшие аналитики Запада всерьез заговорили о неизбежности борьбы за ресурсы, причем дефицитными оказались не только углеводороды, но и металлы, пресная вода, в некоторых прогнозах — даже продовольствие. И сразу же взоры цивилизованного мирового сообщества (того самого «золотого миллиарда») обращаются к Сибири, ресурсы которой, по их мнению, «должны принадлежать всему человечеству».

Во-вторых, никуда не делась системная функция войны как специфического механизма, обеспечивающего социальность эгоистического абсолютного хищника, которым является *Homo sapiens*, через регулирующую агрессию. На войне разрешено и предписано все, что запрещено в мирное время, и прежде всего — убийство. Отказ от войны возможен либо через создание иных инструментов, позволяющих социализировать биологическую агрессивность человека, либо через снижение пассионарности общества до отрицательных уровней по Гумилеву. Новые инструменты, среди которых большой спорт как специфический вид зрелищ, кинематограф, виртуальная реальность, пока не в состоянии выполнить функцию войны. Снижение же пассионарности при прогнозе ожесточения глобальной конкуренции опасно для общества. Что же касается попытки обойтись без утилизации агрессивности вообще, то в итоге мы получаем рост преступности, самоубийств, наркомании, парад конфессиональных и иных идентичностей. Все это — в сущности тоже война: война всех против всех без какой-либо конструктивной роли. Конечно, какие-то общества могут испробовать и такой способ регуляции, но, думается, эволюционно эти общества обречены.

В-третьих, современный ипотечный кризис и открывающиеся перед мировой финансовой системой мрачные перспективы заставляют вспомнить о войне как о форме высокотехнологичной деструкции экономики. При этом будут демонтированы неадекватные современному положению дел институты и расчищено место для нового экономического развития. Во всяком случае, на европейской конференции по прогнозированию в Люцерне, в октябре 2008 года, говорили, что современный кризис нужно сравнивать с 1929 годом, что заставляет предсказать новое «дьявольское десятилетие» и по его завершении — большую войну.

В-четвертых, сейчас с уверенностью можно диагностировать постиндустриальный кризис, сопровождаемый упадком всех системных процессов: управления, образования, познания, производства. Человечество вступило в этот этап своего развития, по-видимому, в начале 1970-х годов (во всяком случае, именно тогда началось падение производительности капитала), а в 2000-2001 году была пройдена «точка невозврата». Для всего мирового сообщества этот момент маркирован падением Башен-близнецов, хотя значительно важнее падение доткомов — резкое снижение доходности высокотехнологических производств. В сущности, было продемонстрировано, что дальнейшее технологическое развитие несовместимо с финансовыми и экономическими механизмами индустриальной эпохи. Кризис фазы развития может иметь несколько исходов, начиная от создания принципиально нового общества и заканчивая «фазовой катастрофой» с откатом на десятилетия или даже столетия. Война является не единственной формой фазовой катастрофы, но вполне возможной формой. Нужно также учитывать, что при разрушении индустриального мира с его высокоэффективным сельским хозяйством и развитой системой продовольственной помощи неизбежен голод в целом ряде густонаселенных государств Африки и Азии (по некоторым оценкам речь идет об 1-2 миллиардах людей), что явится дополнительным провоцирующим войну фактором.

В-пятых, понимание кризисного характера эпохи привело лидеров ряда стран к проектированию постиндустриального перехода. В настоящее время можно говорить о

конкуренции ряда проектных, каждая из которых носит глобальный характер, то есть обладает способностью втягивать чужие ресурсы и смыслы. Столкновение проектных может привести к войне, которая будет не чем иным, как **продолжением глобального проекта иными, а именно насильственными средствами.**

Кроме перечисленных причин, носящих общеземной характер, существует немало локальных поводов для войны, таких, например, как та же Осетия. Далеко не все границы в мире легитимны, а международные соглашения о нерушимости границ (хотя бы и в Европе) после признания западными странами независимости Косова (а Россией — независимости Осетии и Абхазии) не стоят бумаги, на которой они написаны.

Все это, разумеется, не делает будущую большую войну с участием России неизбежной. Но эта война, являясь маловероятной в заканчивающемся десятилетии, становится весьма возможной в 2010-е годы, причем дальше риск будет только возрастать. **Поэтому сейчас нужно готовиться к войне.**

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ. ЭФФЕКТ ФАЗОВОЙ ДОМИНАЦИИ

Сразу же отметим, что сегодня нельзя предсказать, будем ли мы иметь дело с одной большой «официальной» войной или серией яростных коротких конфликтов, переходящих один в другой, затухающих и вновь вспыхивающих, причем все это происходит без объявления войны, без прекращения дипломатических, торговых и даже туристских отношений. Вторая версия более вероятна, но и десятилетнюю новую «Троянскую войну» тоже со счетов сбрасывать нельзя.

Анализируя характер будущей войны, мы должны исходить, прежде всего, из задач, которые война должна решать. Война как регулятор агрессивности должна быть достаточно массовой, зрелищной, сюжетной и «человеческой», в том смысле, что основную роль в ней должны будут играть люди, а не техника. И очень существенно, что война должна сопровождаться значительными, но не чрезмерными потерями. В этой связи приходится предположить, что оружие массового поражения будет использоваться, но контролируемо и ограничено. Однако же активно будет использоваться и пехота: характерные сцены предыдущих войн, включая штыковые атаки и уничтожение гранатами прорвавшихся танков, при всей их архаичности, будут воспроизводиться снова и снова.

Связь войны с глобальным проектированием обусловит размах войны (опять-таки не будем пока гадать, будет ли этот размах «последовательным» или же «параллельным», то есть столкнемся ли мы с цепочкой взаимоувязанных конфликтов или с одной большой войной). Военные действия будут вестись на суше, в океанах, в воздухе, в околоземном космическом пространстве. Но, может быть, более важным является то, что война захватит символичный мир, пространства знаков, смыслов и брендов.

Нужно иметь в виду, что борьба глобальных проектов будет сопровождаться такой необычной, ранее встречающейся как редкое исключение, формой войны, как уничтожение господствующей онтологии противника, самой основы его государственной, этнической, конфессиональной и личной идентификации. Сегодня мы не можем представить, к каким последствиям приведет такая война, но, во всяком случае, война онтологий будет гораздо более жестокой, нежели война идеологий.

Характер войны как формы фазового кризиса приведет к тому, что одним из значимых результатов войны будет разрушение мировой транспортной инфраструктуры, включая структуру морских перевозок. Поскольку связь также относится к современным инфраструктурам, можно ожидать использования сторонами электромагнитного оружия и иных средств разрушения связи противника. При этом навигационные спутники и спутники связи, располагающиеся на геостационарных орбитах, по-видимому, не будут затронуты. Совершенно невозможно предсказать, насколько сильное воздействие будет оказано на Интернет.

Следует также упомянуть широкое распространение террористических форм войны, в том числе — использование аналитико-террористических групп, состоящих из одноразовых, легко заменяемых групп террористов-смертников и аналитического штаба, обеспечивающего стратегическое содержание террора. В примитивной форме АТ-группы были, вероятно, применены в Беслане и «Норд-Осте», есть все основания связывать с деятельностью подобных структур теракт 11 сентября 2001 года.

Современный этноцентрический характер мира (право народов на самоопределение значит больше, нежели право государства на обеспечение своей целостности) и нарастающее этническое перемешивание мира приведут к назойливому повторению случаев геноцида —

вплоть до использования этнически избирательного оружия.

Содержание войны как формы этнической, экономической и популяционной деструкции приведет к разрушению отдельных городов, причем, как это ни странно выглядит, наибольшие шансы подвергнуться уничтожению имеют перенаселенные города третьего мира, такие как Дакка, Джакарта, Янгун (Рангун), затем города — промышленные центры. Нужно иметь в виду, что при достаточном уровне разрушения коммуникаций уничтожения городов может и «не понадобится».

Важной особенностью предстоящих войн станет эффект фазовой доминации: вооруженные силы, использующие постиндустриальные технологии — в организации войны, в подготовке войск, в управлении частями и соединениями, в создании новой боевой техники, получают абсолютное превосходство над классическими «индустриальными» вооруженными силами. При этом нужно учитывать, что фазовая доминация требует наличия системно связанной совокупности постиндустриальных технологий — инсталляции в вооруженные силы соответствующего **технологического пакета**.

В малых масштабах доминация наглядно проявилась во время американской агрессии в Ираке в 2003 году.

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Россия обладает огромной территорией и значительными запасами ресурсов, в том числе энергетических, при низком потенциале использования этих ресурсов и недостаточности их охраны. Положение страны дополнительно осложняет демографическая проблема — нехватка населения для контроля территории и ресурсов (причем численность титульного населения неуклонно снижается).

После распада СССР Россия не имеет союзников. Бывшие державы социалистического лагеря в массе своей враждебны РФ, то же самое относится и к значительной части бывших союзных республик. Попытки найти военное и политическое взаимопонимание с Китаем, Индией и странами ислама пока не вылились в создание сколько-нибудь устойчивого военно-политического блока.

Соседи России имеют к ней территориальные и иные претензии. Япония из-за «проблемы северных территорий», Украина в связи с темой «геноцида украинского народа», с Прибалтикой не решен территориальный спор про районы Пыталова, кроме того, угроза создается разговорами об оккупации, Грузия после Осетинского конфликта стала явным врагом России. Таким образом, существуют вполне легитимные поводы для того, чтобы предъявить России неприемлемые требования и после их отклонения начать войну.

Следовательно, стране необходимо быть готовой к последовательному или даже одновременному ведению одной внутренней войны («чеченского типа»), одной локальной войны (вероятнее всего — на Дальнем Востоке) и одной большой войны — с США и/или НАТО.

Из этой **концепции трех войн** и следует исходить при стратегическом планировании.

Геополитическое положение России подразумевает возможность возникновения трех сухопутных театров военных действий — Европейского (западные границы России), Тихоокеанского (российский Дальний Восток) и Южного (южная граница России, Кавказ). В еще более сложном положении оказывается флот, которому необходимо распределить свои силы между Тихим океаном, Полярными морями, Северной Атлантикой, Балтийским морем, Черным и Средиземным морями, Каспийским морем, причем маневр силами между океанами в мирное время затруднен, а в военное — практически невозможен. Поэтому если сухопутные силы и авиация имеют в своем распоряжении стратегию действия по внутренним операционным линиям («Маятник»), то флот такой возможности лишен и должен быть сильным на каждом из своих потенциальных ТВД.

Мы сталкиваемся с целой системой военных угроз.

1. Со стороны США. Обоснованием таких действий может быть:

- Необходимость захвата углеводородных запасов РФ как средства обеспечения американской валюты (по иракскому механизму)
- Потребность в сравнительно масштабной войне для стимулирования экономического развития (по механизму, использованному Ф. Рузвельтом)
- Желание «добить» некогда опасного конкурента, обладающего ядерным оружием и являющегося потенциальным центром кристаллизации всех антиамериканских сил в мире

2. Со стороны Европейского союза (прежде всего, Германии и Польши). Обоснованием такой войны может быть:

- Необходимость поставить под свой контроль углеводородные ресурсы, потеря которых окажется критичной для европейской экономики
- Реванш за Вторую Мировую войну и социалистическую оккупацию
- Распространенные на Западе антирусские настроения (Империя зла)

3. Со стороны Японии. Обоснованием такой войны является отсутствие мирного договора между РФ и Японией, проблема «северных территорий», нарушение Советским Союзом договора о ненападении с Японией в августе 1945 года. Реальная цель войны — снижение пассионарного «выплеска» в Японии, изменение в свою пользу баланса сил в западном секторе Тихого океана.

4. Россия может быть втянута в политическую и военную борьбу на своих южных границах (Кавказ, Закавказье, Поволжье). В частности, к вмешательству России может привести развитие центробежных тенденций в Грузии, Молдавии, а в перспективе — и на Украине.

Не подлежит сомнению, что наши потенциальные противники также находятся в сложном положении, но для России ситуация обостряется тем, что страна не только очень велика, но и тяготеет к полистратегичности с расхождением операционных линий. Проще говоря, всегда есть вероятность, что Дальний Восток вовлечен в войну одного типа, Южный федеральный округ — другого, а европейский центр страны — третьего.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС: ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В сложившихся условиях для России возможна лишь одна стратегическая концепция: стратегия неприемлемого ущерба. При борьбе с сильным противником (Соединенные Штаты, Европейский союз, Япония, Китай) Россия должна не столько пытаться провести в жизнь какие-то собственные замыслы, сколько эффективно препятствовать замыслам неприятеля. Такую стратегию можно было бы назвать оборонительной, но в действительности в условиях войны будущего никакая оборона слабейшего против сильнейшего не будет возможна — Садам Хусейн это ясно продемонстрировал. Следовательно, необходимо иметь возможность немедленно перенести войну на территорию врага. Это могут сделать (в порядке понижения вероятности) ракетные войска, аналитико-террористические группы, флот, авиация, армия.

В сложившейся ситуации России следует отказаться от обязательства не применять ядерное оружие первой. Напротив, следует внушить мировому сообществу, что Россия готова к его контролируемому и ограниченному использованию. «Ядерный меч» в настоящее время более актуален, нежели «ядерный щит».

Другой вопрос, что российское ядерное оружие нуждается в модернизации и апгрейде — как в сторону повышения разнообразия: нейтронные, электромагнитные боеприпасы, сверхмалые боеприпасы, так и в сторону увеличения психологического воздействия. Возможно, правильным решением в создавшейся ситуации является формула «самый малый маленький заряд» (чтобы иметь возможность его реального военного применения) и «самый большой большой заряд» (чтобы повысить психологическое воздействие на руководство противника и его население).

Сегодня мы отстаем от США по средствам доставки ядерных зарядов. Качество наших ракет остается достаточно высоким, несмотря на все трудности с «Булавой», но мы поздно перешли к ракетам с головками индивидуального наведения. В настоящее время противник имеет решающее количественное превосходство. Вряд ли это превосходство можно свести на нет, но его следует всемерно уменьшать. Для этого необходимо развернуть аэрокосмический комплекс — носитель ядерного оружия (речь идет о гиперзвуковом самолете с динамической высотой полета несколько десятков километров) и развернуть массовое производство подводных ракетноносцев. В свое время Советский Союз вводил ежегодно до 12 ПЛАРБ, и даже в предкризисные времена корабли проекта 667 БДРМ вводились в строй ежегодно. Сейчас мы никак не можем достроить «Юрия Долгорукого». Если этот проект настолько несоизмеримо сложнее, то, может быть, стоило ограничить себя репликой 667-го проекта.

Кроме ПЛАРБ России необходимы подводные лодки — носители крылатых ракет, противолодочные лодки, атомные ракетные крейсера, эсминцы, корветы. Руководство мечтает об авианосцах, хотя именно они в сложившихся условиях представляют собой

роскошь, без которой можно было бы попробовать обойтись.

Не меньшие, а на самом деле большие проблемы сложились в авиации. Сухопутные силы также нуждаются в апгрейде (по крайней мере, для некоторых типов войск). Все это создает огромную нагрузку на российский военно-промышленный комплекс, который только-только начал оживать после коллапса 1990-х годов. Экономический кризис и падение цен на нефть дополнительно усложняют ситуацию.

Здесь уже «дорог хороший совет». Ясно, что идти традиционным советским путем нельзя. На это ни ресурсов, ни времени.

Выход, на мой взгляд, лежит в слиянии ВПК и гражданского промышленного производства в интегрированный машиностроительный комплекс, построенный с применением последних достижений, то есть на основе безлюдных технологий.

Практически, можно экономить время, деньги и кадры на следующих факторах:

- На человеческом капитале — максимальной автоматизацией производства, переходом к современному машиностроению, современным станкам, современным методам управления производством
- На управлении — интеграцией различных структур в единую, оптимизированную
- На логистических издержках — движением в сторону «бездорожной экономики», интеграции современной микрометаллургии, химической промышленности, энергетики, машиностроения в единые комплексы
- На продукции — предельно широко используя принцип «двойного назначения» везде, где это можно, и унификации военного и гражданского производства во всех остальных случаях (единые корпуса для военных кораблей и гражданских судов соответствующего класса, единые реакторные установки, унифицированное навигационное, радиоэлектронное оборудование и т.д.)

Речь идет, по сути, об объединении ряда ранее разрозненных производств в единый комплекс — технологический макропакет «современное машиностроение», представляющий собой предельное развитие в стране технологий индустриальной фазы развития. Элементы такого комплекса можно поискать в Японии (в частности, в концерне «Мицубиси») и, как ни странно, в Финляндии.

КОГНИТИВНЫЙ ОБОРОННЫЙ КОМПЛЕКС: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

К постиндустриальным технологиям относятся гуманитарные и управленческие технологии, удовлетворительно развитые в РФ, информационные технологии, уровень развития которых в сравнении с вероятным противником недостаточен, современные биотехнологии, по которым мы также отстаем, но как раз в военной области — терпимо, нанотехнологии, по которым все находится приблизительно в одинаковом положении.

На практике речь должна идти об инсталляции сразу двух технологических пакетов: «Социальное управление», включающего в себя «социософт», современные управленческие технологии, образовательные технологии, коммуникативные технологии, когнитивные технологии, и «Технологический мейнстрим», представляющий собой сумму информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и технологий природопользования.

В настоящее время такие пакеты разворачиваются в США, Японии, странах Европейского союза. Разворачиваются они и в России.

Для РФ наиболее перспективно внедрение в армии технологического пакета «Социальное управление», в том числе его военных субпакетов, как, например, технология промышленного создания АТ-групп с заданными антропохарактеристиками. Перспективно также беззастенчивое использование «чужих» информационных и биотехнологий (благо, они контролируются недостаточно) и прорывное развитие нанотехнологического пакета.

Если магистральным направлением развития биотехнологий является генетическое преобразование человека, создание искусственных эко- и социосистем, то стратегическим ориентиром нанотехнологий является воздействие на квантовомеханическую «ткань» Вселенной, что подразумевает, в частности, управление вероятностями.

Будем называть «нанопакетом» системную совокупность технологий, опирающихся на использование квантовомеханических эффектов. В этом смысле «нанопакет» есть прямая сумма информационного пакета «Квантовая механика» и обычных индустриальных технологий³³⁴ — металлургических, химических, электротехнических и электронных,

334Строго говоря, любая индустриальная технология может быть описана как сочетание

машинно, магистральный путь развития нанотехнологий — это все более полное воплощение в материалах, механизмах и устройствах квантовых эффектов. Можно сделать и более сильное утверждение: любой квантовомеханический эффект, сколь бы странным и экзотичным он ни был, рано или поздно будет воплощен в одной из нанотехнологий.

Нанотехнологии переводят квантовые процессы на макроскопический уровень, что формально противоречит принципу соответствия.

Базовой технологией пакета является «атомный манипулятор», который представляет собой зондовый микроскоп плюс технология измерения нанообъектов (то есть тот же зондовый микроскоп вместе с накопленными метрологическими техниками). В этом смысле можно сказать, что атомный манипулятор — это ускоритель частиц, фокусировка и управление потоком которых осуществляется с очень высокой точностью.

С другой стороны, основой нанотехнологий является мезоскопическая физика, которая с приемлемой точностью описывает квантовые среды (среды, для которых существенна квантовая когерентность). Теория квантовых сред породила ряд технологий синтеза наноматериалов (плазменный синтез, взрыв проводников, молекулярное и ионное наслаивание, восстановление тонких пленок).

В настоящее время атомарно-силовой микроскоп используется в микролитографии, что позволило перейти к созданию микросхем сверхвысокой интегрированности и возникновению наноэлектроники. По всей видимости, однако, магистральным направлением в этой области будет упорядочивание комбинаций квантовых точек/антиточек — нанотранзисторов. Такая технология породит также наносенсоры, а в сочетании со спинтроникой позволит перейти на очередную ступень микроминиатюризации электронных устройств — фемтоэлектронике, которая вытеснит современный нанотехнологический подход.

Развитие субпакетов «Наноматериалы» и «Механотроника» (наноконструирование, наноустройства, нано- и микророботы) будет происходить так же, как и в инерционном сценарии. И наноустройства, и наноматериалы будут широко использоваться в медицине, что приведет к широкому использованию термина «Наномедицина».

В дальнейшем неизбежно создание наноструктур, постоянно существующих в человеческом организме и выполняющих работу по его «ремонту», «отладке» и «настройке» без вмешательства сознания. Можно рассматривать эти структуры в языке техники — как «медицинских нанороботов», или в языке биологии — как искусственно созданных симбиотов.

Важным применением наноматериалов станет создание тепловыделяющих элементов с решеткой, регулярной на наноуровне (нанотвэлы и нанореакторы).

«Пропущенная» технология универсального манипулирования атомными частицами приведет к быстрому развитию супрамолекулярной химии и в конечном счете к возникновению **механохимии**. Заметим здесь, что такая технология приведет к резкому ускорению биотехнологических манипуляций с ДНК и соответствующему росту возможностей технологического пакета «Биотехнологии».

Принципиально новые результаты возможны при расширении нанотехнологического пакета до технологизации тех возможностей, которые заключены в квантовомеханических парадоксах Зенона и Эйнштейна—Подольского—Розена. На этом пути уже проведены первые успешные практические опыты в области квантовой криптографии и первые эксперименты в области квантовой телепортации. Можно предположить, что именно технологизация квантовомеханических представлений о **спутанных состояниях** является «главным вариантом» развития нанотехнологического пакета. Такие исследования могут сначала привести к возникновению квантового компьютера со сверхвысоким быстродействием и технологии управления вероятностями, а затем — открыть возможности для нового прогресса в области силовых машин, двигателестроения, энергетики. На пути технологизации квантовых парадоксов возможны и другие стратегически значимые результаты, обсуждение которых в настоящее время преждевременно.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

«Исход борьбы решается столкновением живой силы, вооруженной техническими

анализа (разборки чего-либо каким-то способом), рекомбинации (манипулирование частями) и сборки. В этом смысле ТП «Нанотехнологии» есть совокупность всех индустриальных технологий, проецированная на квантовый уровень.

Нужно отдавать себе отчет в том, что практически никто не хочет служить в армии, и это объективный закон развития общества при переходе от индустриальной фазы развития к постиндустриальному образу жизни. Можно как-то замедлить процесс «вымывания» национальных кадров из армии, и в этом отношении что-то делается (социальная реклама, кино, литература, отмена отсрочек, образовательные льготы отслужившим и т.п.), но такая стратегия и неэффективна, и бесперспективна.

Возможны варианты:

- Боевые дроиды. Так и хочется помянуть народных «гигантских человекообразных нанороботов на окраинах города Чулыма», но, вообще-то, использование дроидов в военных целях прописывается сейчас и в американской армии, и в японских силах самообороны. Не стоит преувеличивать их возможности, особенно при сильном электромагнитном «загрязнении» поля боя (например, после ядерного взрыва), но в условиях малых войн с индустриальным или доиндустриальным противником они могут быть вполне эффективны
- Профессиональная армия. Господствующий тренд (кроме Германии). Следует, однако, помнить, что профессиональная армия дорога, небезопасна политически и уязвима по отношению к потерям. По-хорошему — это также армия, предназначенная для борьбы с заведомо более слабым противником
- Наемная армия. То же самое, что и профессиональная, за тем исключением, что набирать можно лиц, не являющихся российскими гражданами. Служить они могут как за деньги, так и за гражданство. Трудно сказать, что лучше (или, вернее, что хуже) — наемная армия из неграждан или профессиональная из граждан
- Добровольные военизированные формирования. Лица, готовые нести тяготы воинской службы, поскольку им это нравится, но, отнюдь, не готовые вступать в ряды современной российской армии. Это МЧС, спортсмены, страйкболисты, ролевики, экс-бандиты 1990-х годов, некоторые молодежные субкультуры и т.д. На мой взгляд, успех или неуспех России в грядущих войнах будет определяться тем, насколько эти структуры удастся использовать в интересах общероссийской стратегии
- Призывники. Те, кто слишком наивен, чтобы не попасть под призыв, слишком беден, чтобы откупиться от призыва, и слишком ленив (или неудачлив), чтобы сбежать от призыва. Это третьесортный человеческий материал, и военная реформа должна быть направлена на то, чтобы по окончании воинской службы он становился хотя бы второсортным
- Люди, ориентированные на военную карьеру. Их сравнительно немного, но именно они составляют костяк армии. Необходимо проводить реформу таким образом, чтобы научиться использовать высокий потенциал этих людей не только на офицерских должностях. Возможно, следует взять пример с американского института сержантов

Задачи военной реформы по отношению к личному составу армии можно контурно сформулировать следующим образом:

Сокращение срока обязательной военной службы с предельной интенсификацией этой службы (хотя бы на том уровне, на котором это было достигнуто в германской армии накануне Первой Мировой войны...) Очень ограниченная профессионализация армии (переход к службе по контракту)

Налаживание взаимодействия между вооруженными силами и добровольными военизированными формированиями. Вполне допустимы, например, совместные военные игры (маневры)

Создание адекватной кадровой логистики для лиц, ориентированных на военную карьеру
Сформулируем основополагающий принцип: армия должна стать «быстрым» аналогом «гражданки»: все то же самое, но гораздо энергичнее, гораздо интенсивнее, гораздо рискованнее, гораздо дороже, чем в бизнесе или госуправлении. Армия — инструмент быстрой жизни и быстрой карьеры

Приложение: сценарные перспективы развития российского флота

Российскому флоту приходится быть готовым к решению целого ряда совершенно различных задач на различных театрах военных действий. Это обуславливает следующие очевидные требования к возможностям военно-морских сил РФ:

0. Технологический паритет с флотами ведущих морских держав.
1. На Тихом океане — паритет с японским и тайским военными флотами.
2. На Черном море — безусловное преобладание над ВМС Украины, Грузии, Болгарии, Румынии, паритет с турецким флотом.
3. На Каспийском море — безусловное преобладание над любой комбинацией сил, которая может быть «выставлена» в регионе.
4. На Балтийском море — безусловное преобладание над флотами Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, паритет с Балтийским флотом НАТО.
5. На мировом океане — способность нанести неприемлемый ущерб Соединенным Штатам Америки.

В настоящее время флот, с очевидностью, решить эти задачи не может (за исключением, вероятно, третьей позиции).

Проблемы российского флота могут быть сформулированы следующим образом:

1. Система базирования не отвечает стоящим перед флотом задачам, и изменить эту систему приемлемым образом не представляется возможным.
2. Флот не обеспечен достаточным количеством квалифицированных специалистов, и быстро подготовить их не удастся.
3. Для поставленных перед флотом задач не хватает боевых кораблей основных классов, причем их нужно не только построить, но и спроектировать. Эта процедура требует значительного времени, поэтому значительного увеличения корабельного состава можно ожидать не ранее 2015 года, что неприемлемо.
4. Боевая подготовка флота недостаточна. Эта проблема может быть решена при изменении системы комплектования флота и значительном увеличении финансирования.
5. Система управления флотом устарела (в особенности в организации форм взаимодействия разнородных сил). Эта проблема не может быть решена в рамках индустриальной парадигмы вооруженных сил.

Существует три сценария развития российского Военно-морского флота, из которых наиболее вероятен первый.

Инерционный сценарий. Все идет так, как идет, то есть по мере финансовых возможностей реализуются разработанные на сегодняшний день проекты кораблей, методом «размазывания каши равномерно по тарелке» совершенствуются базы. Поскольку в этом сценарии процесс «вымывания» старых кораблей будет идти заведомо быстрее, чем ввод в эксплуатацию новых, корабельный состав будет сокращаться. По мере этого сокращения и высвобождения финансовых средств уровень боевой подготовки и качество кадров могут несколько возрасти. В этом сценарии флот сможет решать задачи (2), (3) и при очень благоприятных обстоятельствах (4).

Индустриальный сценарий. Создаются два или три базовых проекта и большое число (несколько десятков) вариантов различных кораблей на основе модификаций этих базовых проектов. В этом сценарии Россия будет иметь в перспективе один базовый проект подводной лодки в трех версиях — ПЛАРБ, ПЛА, ПЛАРК, отличающихся только одним отсеком, один базовый проект эсминца в трех версиях, отличающихся вооружением (ракетный крейсер, эсминец, фрегат), один базовый проект корвета. Такой подход позволяет иметь сильный, эффективный и сравнительно дешевый флот, но он требует значительного времени на реализацию и не обеспечивает эффективное сдерживание Соединенных Штатов. В этом сценарии флот решает задачи (2)-(4) и, возможно, (1) и (0).

Постиндустриальный сценарий. Проблемы флота разрешаются ТРИЗовским путем. Поскольку баз нет и не предвидится, необходимо создавать корабли, которые не нуждались бы в постоянных базах или нуждались бы в них в минимальной степени. Поскольку кадровый кризис не разрешим, необходимо либо принципиально изменить методы подготовки личного состава, либо — обойтись без личного состава, то есть абсолютным минимумом людей. Поскольку времени на проектирование нет, необходимо учиться строить корабли без проекта (другими словами, совместить процесс проектирования и строительства в один). Поскольку никакими разумными способами (даже и столь фантастическими, как это перечислено выше) восстановить ядерный паритет с США в короткие сроки не удастся, необходимо найти способ нанесения противнику неприемлемого ущерба теми ядерными силами, которые мы будем иметь в любом случае. В этом подходе одной из возможных схем может стать разработка универсальных модулей и сборка кораблей из таких модулей «поточным способом». В постиндустриальном сценарии флот решает задачи (0)-(4) и,

возможно, (5), но очень сложным способом и дорогой ценой — ценой создания уникальных кораблей с уникальными командами.

В Реальности, вероятно, будет реализован некий промежуточный сценарий, склоняющийся к инерционному.

Надо заметить, что все три сценария имеют ряд общих точек, а именно:

- Приоритетное развитие подводного флота
- Использование только атомных энергетических установок (без дублирования двигателями на органическом топливе), в том числе и для малых кораблей
- Универсализация боевых единиц
- Сокращение «человекоемкости» флота
- «Отказ от среднего» (калибра, водоизмещения, назначения и т.п.): применение обобщенного принципа Д. Фишера: the biggest big weapon, the smallest small weapon
- Насыщение флота ядерным оружием малых и сверхмалых калибров
- Широкое внедрение электромагнитного оружия, в том числе — с ядерной накачкой
- Широкое применение экранопланов в десантных, патрульных, противолодочных целях, экранопланов — носителей крылатых ракет
- Упорядочивание вспомогательного флота и его сокращение до минимального разумного уровня
- Изменение структуры флота, оптимизация системы управления
- Максимальное использование Арктического бассейна

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К БЕЗУПРЕЧНОСТИ ПЛАНОВ

...Пусть поймет и простит меня читатель — я не пытаюсь воскресить на страницах этой книги картины отгремевших сражений. Я поведу его за собой не в заснеженную приволжскую степь, не к степным оврагам и развалинам Сталинградских кварталов, переходящих из рук в руки в кровавой сумятице бесчисленных боев, а в высшие штабы, откуда осуществлялось управление войсками.

Огонь битвы не опалит там его воображения, он не почувствует ледяного дыхания зимних степей, но зато с головой окунется в атмосферу, в которой обсуждались и принимались ответственные решения.

Э. фон Маништейн

Не с Лоис МакМастер Буджолд все это началось и не ею закончится, но...

Документ 1

1994 г., март, 8./1941 г., май, 3.

Палермо, Сицилия. Штаб итало-германской группы армий «Средиземноморье»

- По данным оперативного отдела первый налет на Мальту прошел в соответствии с планом. Позиции зенитной артиллерии англичан выявлены, Экселенц.

- Хорошо. Подготовка бомбардировщиков ко второму налету?

- Завершена.

- Встреча транспортного флота с кораблями прикрытия?

- Командующий флотом донес о полном успехе развертывания «Гиперион». Полчаса назад корабли легли на исполнительный курс 322 градуса.

- Что сообщают лодки александрийского патруля?

- Надводных кораблей противника не обнаружено.

- И в Гибралтаре тоже тихо... Насколько этому можно доверять?

- Разведывательный отдел Генерального штаба подтверждает наличие английских кораблей в базах.

- «Они» что, еще не поняли, что началась операция?

- По-видимому. Погрузка десантников на самолеты заканчивается.

- Что с фарватерами?
- Будем бомбить непосредственно перед высадкой. Это,- командующий армейской группой взглянул на часы,- через четыре с половиной часа.
- Вы уверены с точностью до минуты? - рейхсмаршал авиации и первый заместитель Главнокома с иронией посмотрел на генерал-полковника.
- Я уверен с точностью до минуты, Экселенц. Мы очень хорошо подготовились к этой войне.

... Бомбардировщики второй волны не тратили боезапас на ложные цели. Прицельные удары пикировщиков были направлены на позиции зенитной артиллерии и центры управления огнем. «Левелы» разрушали проволочные заграждения на побережье и подрывали мины на фарватерах, ведущих в гавань Ла-Валлетты. Знаменитые «четверки» (3 легких и 1 тяжелый истребитель, объединенные в две взаимодействующие в бою пары) господствовали в воздухе. Английская истребительная авиация была разбита еще в утреннем бою.

Закончив свое дело, бомбардировщики развернулись на Сицилию. След их не успел истаять в воздухе, когда с низко летящих Ю-52 началось десантирование третьей воздушно-десантной дивизии...

- Главкома, будьте добры!
- Назовите, пожалуйста, SUBJ, рейхсмаршал.
- SUBJ: «Гиперион», первая конфигурация.
- Привет! Слушаю тебя.
- Докладываю: по всем данным ПВО острова подавлена. Истребители противника в воздухе не замечены. Активность зенитной артиллерии близка к нулю. Десантирование третьей дивизии проходит с минимумом потерь. Корабли подойдут к острову через три часа. Потери в воздухе меньше расчетных. Потерь в корабельном составе пока не имеем. Да, похоже, флот противника так и не вышел из Александрии.
- Однако... У противника будут проблемы с общественным мнением. Поздравляю!
- Слушай, ты полагаешь, они еще могут как-то удержать Мальту?
- Сомнительно. Майлза Форкосигана среди них, насколько можно судить, нет. А в сложившейся обстановке это под силу только ему. Даже Эйрел здесь уже ничего не сделает...

Документ 2 (в сокращении)

From: Roman Lioubar 2:5080/67.100 15 Jul 96 09:59:00

To: Sergey Pereslegin 17 Jul 96 21:07:04

Здравствуй, уважаемый Sergey!

Friday July 12 1996 02:28, гоподин Sergey Pereslegin сказал господину Roman Lioubar:

RL>> Политика не делается чистыми руками.

SP> С недавних пор я начал бояться распространенности и общепринятости этой посылки. Может быть, есть смысл выделить отдельный Subj и поговорить.

Тогда может в су.пол пойдем?

SP> Предлагаю теорему: всякая стратегия, нарушающая этические законы (войны), ошибочна и при правильных действиях противника может быть технически опровергнута.

Тогда необходимо сформулировать эти законы, а закон войны, по сути дела один: «Большие батальоны всегда правы».

Документ 3 (в сокращении)

From: Vitaly Petrenko 2:5020/469.12 10 Jul 96 13:28:18

To: Sergey Pereslegin 17 Jul 96 21:03:46

Hello, Sergey!

RL> ...а вообще-то все мои предложения весьма и весьма нечистоплотны с моральной точки зрения.

SP> А значит, наверняка уязвимы.

SP> Предлагаю теорему: всякая стратегия, нарушающая этические законы, опровергается
<...>

А в чем заключаются этические законы войны?

И вообще, существуют ли они?

From: Rinat Sungatullin 2:5049/3116 Jul 96 13:35:12

To: Sergey Pereslegin 17 Jul 96 21:09:54

Hello, Sergey!

12 Jul 96, Sergey Pereslegin writes to Rinat Sungatullin:

SP> В 1800 г. Дезе в такой же ситуации, плюнув на все приказы и распоряжения, развернул свою дивизию на 90 градусов, форсированным маршем двинул ее к полю боя, которым уже полностью овладели австрийцы, и обрушился на них с фланга. (Знаменитая последняя фраза Дезе: «Одна битва проиграна. Однако есть еще время выиграть вторую».)

SP> Офицеры штаба предложили Груши повернуть к полю боя или хотя бы бросить туда - для связи с главными силами — одну бригаду.

SP> Груши сказал, что у него есть приказ императора, который он не может нарушить.

SP> Так была проиграна битва при Ватерлоо.

Так что, когда генералы перестают думать и начинают ограничиваться только выполнением приказа, ничем хорошим это не кончается.

ИМНО спорный вопрос, но, к сожалению, не располагаю информацией для подробного ознакомления.

Серия книг Л. МакМастера Буджолд³³⁶, и прежде всего диалогия «Ученик воина» и «Игра форов», в Санкт-Петербургском клубе стратегических ролевых игр читалась, обсуждалась, цитировалась. В космических приключениях Майлза Форкосигана и его родителей мы искали «философский камень» — рецепт абсолютной военной победы.

Общая теория стратегического искусства утверждает, что в любой ситуации существует выигрышное решение. К сожалению, доказательство, как говорят математики, неконструктивно: оно не объясняет, как можно найти это решение.

- Вы появились в локальном пространстве Тау Верде с командой из четырех человек. Четыре месяца спустя вы диктовали всем свои условия.

«Игра форов»

- Вы никак не можете выиграть,- угрюмо ответил Оссер.- Вам не захватить мой флот с одним «Ариэлем».

- Коли на то пошло, «Ариэль» - только трамплин.

«Игра форов»

В этой статье я хочу предложить Вашему вниманию специфический взгляд на творчество Л. МакМастера Буджолд — взгляд военного историка.

1. СОЦИОЛОГИЯ ВСЕЛЕННОЙ Л. БУДЖОЛД

Изучение военного искусства начинается с «лестницы приоритетов», в которой каждая следующая ступень опирается на предыдущую, но господствует над ней. Выше тактики стоит стратегия, затем политика и экономика. На самом верху лестницы — психология.

Параллельно существует еще одна лестница — теоретической науки. Тактические особенности позиции определяются топографией. Стратегические — физической географией. Политика государства регулируется экономической географией. Экономика напрямую завязана с историей страны. Наконец, психологические возможности населения могут быть вычислены исходя из особенностей социологии государства.

Странствуя вместе с Майлзом Форкосиганом по вселенной, построенной Л. Буджолд, мы встречаемся со многими известными на Земле социальными моделями, а иногда и с построениями, вполне оригинальными, лишь проходящими испытание в институтах и лабораториях нашей планеты (Цетагандийская империя). Характер проблем, которые приходится разрешать Майлзу, во многом определяется поведением этих социальных систем.

Всякая социальная или политическая система, если уж она оказалась жизнеспособна, порождает собственный эгрегор — одушевленный информационный объект. Эгрегоры обладают собственным поведением и свободой воли, они развиваются в силу собственных императивов. Люди, жители страны, с одной стороны, находятся под защитой своего эгрегора — отсюда всем известное ощущение Нации, Родины, Дома,— с другой стороны, своей психической деятельностью поддерживают его существование. Говоря о поведении социальных систем, мы, конечно, имеем в виду тенденции к саморазвитию, заложенные в

эгрегоре.

Для нас, россиян, наиболее интересен, несомненно, Барраяр. Российские и советские корни этого планетарно-государственного образования проследить нетрудно. Барраяр — строго централизованная (пирамидальная) государственная структура. Во все времена, даже в период изоляции, он назывался «империей» и поддерживал имперскую идеологию и соответствующий эгрегор. Барраяр знал институт «политофицеров», отношение к которым в армии было несколько натянутым. Знал Министерство политического воспитания, «хозяин» которого Гришнов был убит в результате тщательно спланированных беспорядков.

Традиционно низкий жизненный уровень. Великолепно работающая служба имперской безопасности, объединяющая в себе разведку и контрразведку. Недавний опыт партизанской войны, вынудившей гораздо более сильное государство предоставить Барраяру свободу.

Само собой, сводя политическую организацию Барраяра к советской модели, мы очень сильно упрощаем. Правильнее всего сказать, что Барраяр представляет собой тоталитарную модель общества, сильно облагороженную усилиями автора и ее любимых героев — Эйрела Форкосигана и Корделии Нейсмит.

Кроме России—СССР в Барраяре можно увидеть Германскую империю с ее культом армии и Генерального штаба, порядком и дисциплиной, верой в уставы и организацию, великолепно подготовленным унтер-офицерским составом (сержант Ботари). Да и стратегическое искусство обоих Форкосиганов восходит, несомненно, к немецкому стилю ведения войны.

Наконец, в цивилизации-изолянте Барраяре отражается императорская Япония. Сословие форов и форовский кодекс чести, представление об эстетических критериях войны Л. Буджолд, как мне кажется, взяла именно из японской традиции.

Любопытно отметить странную притягательность для нас сегодняшних феодально-имперской культуры Барраяра. Все-таки она предоставляет личности и обществу больше возможностей для развития, нежели сложившаяся в России псевдодемократическая система.

Другим (по отношению к Барраяру) социальным полюсом является Колония Бета, апофеоз классической демократии американского образца. Наиболее развитая технически, богатейшая (бетанский доллар играет в романах Буджолд роль галактической резервной валюты), прагматическая культура с развитой инфосферой.

Уровень жизни на Бете весьма высок, хотя из-за предельной зарегулированности природной среды многие типично барраярские (и человеческие) удовольствия на Бете оказываются недоступными.

Интересно (и необычно для американского автора) ироничное отношение Буджолд к бетанско-американской демократии. Превосходный политический климат Беты оказывается душным для одержимой идеей личной чести Корделии Нейсмит. Этот режим, «умный, добрый, умеренный и великодушный», с чувством превосходства посматривающий вокруг, полностью реализовавший важнейшие цивилизационные ценности: свободу и познание — Буджолд сильно облагородила образ Америки и потратила на это не меньше усилий, чем на превращение милитаристско-тоталитарной «триады» в привлекательный Барраяр, — относится к личности с гораздо большим равнодушием, нежели тот же Барраяр.

При бетанской демократии судьбы людей вершит Закон. Закон стереотипен и предназначен для защиты интересов большинства. И только. Правовое государство — общество не обязательно жестокое (во всяком случае на Бете не приходится говорить о жестокости), но всегда бездушное.

При Империи Закон управляется людьми, которые обладают реальной властью вложить в него свое содержание. «Имперское мышление» может быть негуманным, но оно одушевлено, человечно.

И в результате личности нестандартные с процветающей Беты эмигрируют. Корделия. Капитан Бел Торн. Пилот Ард Мехью.

Заметим, что в цикле романов о Форкосиганах военное искусство Беты почти не рассматривается. Как и американцы, бетанцы воюют деньгами, ресурсами и огромным техническим преимуществом. Удобно, прибыльно и ... неинтересно.

От современной Америки цивилизация Беты заимствовала непоколебимое самодовольство и априорную уверенность в своей правоте. Как следствие, отсутствие уважения к противнику. Отсутствие понимания.

- Не знаю, смогу ли я получить визу в Колонию Бета.

- В этом году, наверное, нет. И в следующем тоже. Там сейчас всех барраярцев считают военными преступниками. <...>

- Ясно. Значит, мне не дадут работу в качестве тренера дзюдо. И вряд ли позволят писать мемуары.

- Сейчас тебе было бы трудно избежать расправы разъяренной толпы...

«Осколки чести»

А вот позиция другой стороны, намного больше потерявшей в Эскобарской войне.

- У нас тебя считают героиней. По-моему, ты это не совсем осознаешь. <...>

- ...с чего мне быть популярной — после того, что мы сделали с вами на Эскобаре?

- Это - особенность национальной психологии. Превыше всего барраярцы ценят воинскую доблесть.

«Барраяр»

Мелкие, не играющие самостоятельной роли в галактической политике структуры типа Пола или Вервана Буджолд явно рассматривает по разряду «датчан и разных прочих шведов». В «невинно загубленной» Комарре иногда чувствуется привкус Ирландии. Но Комарра изначально присутствовала воочию только в «Братьях по оружию»³³⁷ и представлена явно не лучшими своими людьми. Впрочем, как всегда у Буджолд, Сир Гален может быть преступником и подонком, но, по крайней мере, он не выглядит дураком.

Если Бета и Барраяр отображают настоящее Земли, то, возможно, другая пара — Архипелаг Джексона и Цетаганда — связаны с ее будущим.

Мы привыкли к тому, что субъектами международных отношений по определению являются государства. Однако внесударственные управленческие структуры также способны к созданию эгрегоров. Эти структуры нередко обладают значительными экономическими возможностями. Лишь отсутствие в современном мире крупных наемных армий лишает их полагающейся им по праву военной силы. Весьма вероятно, что субъектами политики будущего станут не государства, раздираемые в клочья центробежными процессами, а именно внесударственные образования — международные культурные организации (ЮНЕСКО), институты, корпорации. Наконец, организованная преступность.

Архипелаг Джексона представляет собой «свободную территорию», в пределах которой могущественные преступные кланы сами обеспечивают свои интересы, обходясь без столь нерентабельного механизма, которым является государство.

Отметим инстинктивную неприязнь к Архипелагу Джексона со стороны Беты и Барраяра. Но ни та, ни другая сторона не обходятся без услуг Кланов. Даже Дендарийские наемники Майлза, подчиненные непосредственно Императору Грегору, зарегистрированы, как Корпорация, на Архипелаге.

Наконец, волшебная по своей красоте Цетаганда, главный враг Барраяра, самая динамичная и, возможно, самая жестокая цивилизация Галактики. Во всяком случае, психологические пытки в концлагере цетагандийские офицеры организовали образцово. («Границы бесконечности».)

Я не смог найти на Земле каких-либо аналогов, пусть даже отдаленных, Империи Цетагандийцев. Эта цивилизация сочетает в себе несоединимое: сибаритство и агрессивность, тончайшие нюансы понимания человека человеком и невероятную жестокость, утонченность и варварство, доведенное до абсурда.

Политическая структура Цетаганды сложна так же, как и цетагандийская культура. Трудно сказать, насколько устойчиво равновесие в политической системе двух постепенно расходящихся правящих рас — гемов и аутов. Насколько осмысленны и этичны генно-инженерные эксперименты цетагандийцев. Насколько устойчив матриархат, замаскированный под патриархат, маскирующий матриархатом.

Во всяком случае, Цетаганда ближе всего к давней мечте человечества. Если где-то во вселенной Лоис Буджолд абсолютная власть находится в руках рафинированной интеллигенции, так это на Цетаганде. И в связи с этим цетагандийские методы ведения войны наводят (меня) на грустные размышления («Границы бесконечности», «Игра форов»³³⁸).

2. ГЕОМЕТРИЯ ВОЙНЫ (СТРАТЕГИЯ ПВ-ПЕРЕХОДОВ)

Такова политическая сцена, на которой разыгрывается действие «Саги о Форкосиганах». Несколько слов об астрографии вселенной Л. Буджолд.

С точки зрения обычных релятивистских космических кораблей пространство в этой

³³⁷До написания романов «Память» и «Комарра».

³³⁸Макмастер Буджолд Л. Барраяр. М.: АСТ, 2004; Макмастер Буджолд Л. Цетаганда. М.: АСТ, 2005.

вселенной однородно и изотропно. Но досветовая техника используется только в рамках отдельной планетной системы. Перелеты между звездами осуществляются прыжковыми кораблями, использующими для навигации «червоточины», соединяющие различные области космоса. Геометрия мира для прыжкового корабля представляет собой граф. Это означает, что количество возможных путей между произвольными точками конечно и может быть, в частности, равно нулю. («Схлопывание» ПВ-перехода привело к изоляции Барраяра.)

Эта модель межзвездных коммуникаций может быть квалифицирована как экзотическая: геометрия пространства, определяя оперативную связность, оказывает непосредственное влияние на ход военных действий и на развитие сюжета. Барраяр был вынужден или захватывать Комарру, или навсегда оставаться изолированной цивилизацией. Все напряжение военного конфликта в «Игре форов» завязано на борьбу за узел ПВ-переходов — ступицу Хеджена. Вообще, ПВ-тоннели представляют собой главную стратегическую ценность в мире Майлза Форкосигана.

В рамках земной стратегии им даже не подобрать подходящей аналогии. Ближе всего — магистральные железные дороги. Но сколь бы ни были они важны, перемещение войск и грузов может идти помимо их. Иными словами, топология земного пространства военных действий всегда описывается непрерывной группой, топология ПВ-тоннелей же — дискретна. Это, разумеется, придает военным действиям некоторые особенности.

Некоторое представление о боевых действиях в условиях дискретной геометрии может дать горная война и, пожалуй, борьба за Тихий океан — огромное водное пространство, почти лишенное (в первую половину столетия) оборудованных баз.

Горы кажутся идеальной оборонительной позицией. Как и защищенные ПВ-переходы во вселенной Буджолд.

Существовал и четвертый способ осуществления атаки защищаемого п-в-туннеля - расстрел офицера, предложившего ее. Майлз надеялся, что цетагандийцы еще займутся этим вопросом.

«Игра форов»

Тем более кажется, что можно вечно оборонять изолированные в Великом Океане острова.

Но парадокс военного искусства (кстати, замечу, впервые сформулированный Ф. Энгельсом³³⁹) состоит в том, что именно война в условиях низкой связности является самой маневренной и должна вестись с максимальной активностью. Иначе идеальная оборонительная позиция будет обойдена, изолирована и утратит всякое значение. Как случилось с японскими «островами-крепостями» во Второй Мировой войне. Со 2-й Итальянской армией после прорыва противника на Тольяменто. С французскими войсками в Бельгии после того, как танковая группа Клейста овладела горными проходами Арденн.

Таким образом, именно «вырожденная» война в дискретном оперативном пространстве требует от командующего — в обороне ли, в наступлении ли — быстроты, точности, предприимчивости, оригинальности мышления. Того, что в применении к вооруженным конфликтам мы называем искусством войны.

И еще одно. Особенность дискретной военной геометрии состоит в том, что достижение крупных результатов не обязательно требует использования значительных сил. Это повышает значение небольших оперативных соединений, таких как дендарийский флот, и отдельных людей.

3. ЛОГИКА ВОЙНЫ (ПРОСТРАНСТВО РЕШЕНИЙ)

Законы стратегии известны человеку давно. Впервые их сформулировал почитаемый Ки Тангом древнекитайский полководец Сунь-цзы в эпоху Сражающихся Царств (V век до н.э.) В наше прагматичное время великолепные, но несколько абстрактные формулы «Трактата о военном искусстве» записываются следующим образом:

1. Из всех возможных оперативных решений следует предпочесть то, при котором свои потери сводятся к минимуму (принцип экономии сил).
2. При взаимно правильных действиях оценка позиции не меняется — равные позиции преобразуются в равные (принцип тождественности, он же — принцип обреченности).
3. Действия тем эффективнее, чем более косвенно связаны они с поставленной целью, иными словами — движение к цели должно осуществляться вне пространства,

³³⁹Статьи Фридриха Энгельса по военной истории. М.: Воениздат, 1938.

контролируемого противником (принцип ортогональности, или же — непрямых действий).

4. Сражение выигрывается, если удастся создать у противника хотя бы две некомпенсированные слабости (принцип Тарраша³⁴⁰).
5. Для любой задачи существует интервал времени, вне которого ее решение лишь ухудшает оперативную обстановку (принцип темпа операции).

Эти правила выглядят очень простыми, но в многовековой военной истории Европы можно пересчитать по пальцам одной руки полководцев, которые умели применять их.

Велизарий, Субудай, Иван III Московский, граф Альфред фон Шлиффен...

Выше всех я склонен ставить Ивана III, известного своим негероическим «стоянием» на реке Угре, положившим конец Ордынскому игу, да и самой Орде. Колоссальная стратегическая цель была достигнута вообще без потерь, даже у противника. Та идеальная военная кампания, к которой стремится любой полководец. Вернее, должен стремиться. Потому что на практике идеальные победы не приносят — это отмечал еще Сунь-цзы — «ни славы ума, ни подвигов мужества». Поэтому почти всегда найдутся те, кому хочется пострелять. Ну хоть немножко...

Комарра была уникальным случаем, прямо-таки учебной задачей. Разрабатывая план ее захвата, я максимально использовал все стратегические преимущества. — Он начал перечислять, загибая сильные пальцы. — Небольшое население, целиком сосредоточенное в городах с управляемым климатом. Партизанам некуда отступить для перегруппировки. Отсутствие союзников: мы были не единственными, чью торговлю душили их безжалостные тарифы. Мне достаточно было намекнуть, что мы снизим их двадцатипятипроцентный налог на все, что проводилось через их нуль-точки, до пятнадцати процентов, и соседи, которые могли оказать им поддержку, оказались на нашей стороне. Отсутствие тяжелой промышленности. Они разжирели и обленились на незаработанных деньгах: они даже не хотели сами за себя воевать, пока их жалкие наемники не разбежались, обнаружив, с кем имеют дело. Будь у меня свобода действий и чуть больше времени, я, наверное, смог бы выиграть кампанию без единого выстрела. Это была бы идеальная война, но Совет министров не пожелал ждать.

«Осколки чести»

Абсолютным триумфом «стратегии экономии сил» можно считать Цетагандийскую операцию Майлза Форкосигана и Айвена Форпатрила. В сущности, своим политико-полицейским расследованием они сорвали новую волну цетагандийской экспансии, а значит, неизбежные бои за Комарру и Ступицу Хеджена.

Интересно заметить, что принцип экономии сил дополнялся здесь принципом ортогональности. Реальная цель действий Майлза — политическая стагнация Цетаганды — весьма косвенно связывалась с предпринятым им расследованием. Или, точнее говоря, связь лежала вне пространства расследования.

Экономию сил Майлз применил и в боях за Тау Верде («Ученик воина»). Впрочем, дендарийцы при их небольшой численности и не могли позволить себе большие потери.

Они [цетагандийцы] могут позволить себе разменять три своих корабля на один наш [, — рассуждает Майлз во время битвы за Ступицу Хеджена, —] И если будут продолжать в том же духе, то неминуемо выиграют.

«Игра форов»

Разменять три корабля на один — весьма примитивная, но действенная для сильнейшей стороны стратегия. Собственно, посредственный полководец, как правило, и не умеет ничего, кроме такого размена, в котором ценностью обладают корабли и дивизии, но отнюдь не отдельные человеческие жизни. В обеих мировых войнах союзники (которые сначала назывались Антантой, а потом — Антигитлеровской коалицией) меняли на поле боя двух-трех своих солдат на одного немецкого и в конце концов побеждали. На их счастье, на той стороне не было командиров уровня Майлза Форкосигана.

Майлз изображен Лоис Буджолд как военный гений. Разумеется, все пять принципов военного искусства он использует виртуозно, и любая из книг цикла (даже «Танец отражений», в которой Майлзу почти не приходится осознанно действовать) может служить

340 Зигберт Тарраш (Siegbert Tarrasch, 1862-1934) — один из крупнейших шахматистов и теоретиков шахмат в истории.

учебным пособием по искусству стратегии. Однако наибольший интерес представляет, на мой взгляд, первая операция Майлза, изображенная в «Ученике воина». Во всяком случае, она позволяет поднять уровень обсуждения на ступеньку выше и обсудить проблемы метастратегии.

Результат можно с полным основанием назвать чудом. Майлз начинает операцию, имея в своем распоряжении сержанта Ботари и в качестве сил поддержки — Элен. Из ничего он создает непобедимый флот дендарийских наемников, превращает его в боеспособное соединение и с минимальными потерями выигрывает войну в системе Тау Верде.

Очень трудно анализировать такую кампанию. Слишком велико искушение отыскать в каждом звене операции случайность и приписать именно везению благополучный исход. Впрочем, мастер стратегии тем и отличается от простого профессионала войны, что умеет управлять случайностями. Об этом говорил еще граф Монте-Кристо.

- Но,— сказала госпожа де Вильфор,— все это ваше сцепление обстоятельств может очень легко прерваться: ястреб может ведь не пролететь в нужный момент или упасть в ста шагах от садка.

- А вот в этом и заключается искусство. На Востоке, чтобы быть великим химиком, надо уметь управлять случайностями,— и там это умеют.

Очень красиво сказано, но все-таки это не ответ. Что же такое «управлять случайностями»? Довольно близко подошла к истине Кавилло, сформулировавшая шестой принцип стратегии (принцип стратегического дерева):

Основой стратегии <...> является не выбор какого-то одного пути к победе, а создание таких условий, чтобы все пути вели к ней.

«Игра форов»

Развивая эту мысль дальше, мы должны потребовать, чтобы при каждом шаге количество путей, ведущих к победе, увеличивалось бы. Иными словами, в любой ситуации следует стремиться к увеличению размерности «пространства решений» (приемлемых возможностей). И разумеется, размерность пространства решений противника нужно свести к минимуму. Идеалом здесь является «воронка»: когда в распоряжении противника оказывается единственная, до конца просчитанная последовательность возможных решений. Как правило, на дне «воронки» возникает ситуация, в которой приемлемого решения нет и не может существовать.

Идеальным примером оперативной «воронки» у Лоис Буджолд являются действия императора Эзры Форбарры и капитана Негри против принца Зерга. С самого начала эскобарской операции перед принцем лежал только один путь — к смерти под действием плазменных зеркал бетанско-эскобарских сил. А возможные (крайне маловероятные) отклонения от гибельной траектории закрывались Эйрелом Форкосиганом. Как и всякая хорошо проведенная и учитывающая основные правила военного искусства операция, эскобарская — вдребезги проигранная барраярцами на физическом уровне рассмотрения — имела важные стратегические последствия. Почти неизбежный после надвигающейся смерти Эзры Форбарры политический кризис был преодолен в зародыше, а Министерство политического воспитания утратило власть.

Успехи Майлза Форкосигана напрямую связаны с тем, что он постоянно стремится расширить себе пространство решений. Когда в ответ на каждый ваш ход у противника есть три-четыре разумных ответа и на каждый ответ вы снова имеете три-четыре возможности, ситуация очень быстро перестает просчитываться. Возникает призрак хаоса. И здесь уже сильнейшая сторона лишается основного своего козыря: возможности достичь успеха чисто техническими методами. В хаосе действовать по шаблону нельзя, все время приходится принимать самостоятельные решения, незаметно подкрадывается цейтнот, и начинаются ошибки. В конце концов нетрудно полностью потерять контроль над ситуацией.

С того дня, как вы впервые появились в зоне Тау Верде, я постоянно чувствовал ваше присутствие. В том, как действовали фелициане, в тактических схемах, которые они не способны были разработать, в глазах моих солдат <...> даже в том, что вытворяли пеллиане, — ваша рука чудилась мне везде. <...> Я не люблю долгой агонии. Чем наблюдать, как вы зачаровываете одного за другим моих солдат и офицеров, лучше уж, пока у меня есть возможность предложить свои услуги, воспользоваться ею...

«Ученик воина»

Иногда осознанно, иногда подсознательно, но, начиная с момента встречи с Ардом Мэйхью, Майлз все время выбирал те варианты действий, при которых количество возможных выборов все время возрастало. Кстати, это одна из причин, по которым к дендарийским наемникам постоянно присоединялись новые люди. Уж если пространство решений расширяется, оно расширяется для всех, всем предоставляет новые шансы и дарит возможность сыграть в самую увлекательную игру во вселенной — игру хаоса и порядка.

Движущим противоречием всего цикла романов о Форкосигане является противостояние формального армейского порядка (олицетворением которого служит военная дисциплина, призванная сокращать «пространство решений» у подчиненного до одного-единственного пути, определенного Приказом) и хаотичностью военного дарования Майлза.

- Младший лейтенант Форкосиган,— вздохнул Иллиан,— кажется, у вас все те же проблемы с субординацией.

- Я знаю, сэр. Мне очень жаль.

- А вы пытались что-либо предпринять, помимо сожалений?

- Что я могу поделать, сэр, если мне отдают неверные приказы. <...> дело было слишком сложным. Я не мог продолжать играть младшего лейтенанта, когда требовалось вмешательство лорда Форкосигана. Или адмирала Нейсмита.

«Игра форов»

Бедный Иллиан! Характерно, что сам Майлз особой проблемы в ситуации не видит: ведь когда он, будучи адмиралом Нейсмитом, отдает приказ, его всегда исполняют. Естественно: во-первых, Майлз Нейсмит является ярко выраженным лидером, чего не скажешь о большинстве командиров лейтенанта Форкосигана, во-вторых, в ситуации «избыточной свободы», в которую Майлз ставит подчиненных, большинство людей радуются приказу, хотя бы частично решающему за них проблему выбора. А Ки Тангом, Элли Квин и Элен Ботари Майлз, собственно, и не командует. Или, может быть, командует в бетанском смысле этого слова.

- Они оспаривают не каждый приказ,— Корделия даже рассмеялась своим воспоминаниям.

«Осколки чести»

Игра сил военного порядка Барраяра и бетанского демократического хаоса (Эйрел и Корделия) превратилась на страницах «майлзовской» части цикла в странное и часто мучительное противостояние лейтенанта Форкосигана и адмирала Нейсмита.

Очень важно понять, что именно здесь свобода главного героя Лоис МакМастер Буджолд минимальна. Майлз принимает форовские, барраярские правила игры, позволив себе навязать другим лишь свое прочтение этих правил. Ему разрешают быть Нейсмитом. Но выбирает одну из двух ролей не он, а Саймон Иллиан или Грегор Форбарра.

Такое раздвоение личности (и, заметим, сознательное лишение себя некоторой части своей свободы) не проходит бесследно. Как отражение вечного кошмара Майлза, непрошенная материализация духов, появляется Марк («Братья по оружию»). Как отражение вечного стремления Майлза к отысканию идеального пути к цели при нарастании мощности «пространства решений» возникает трагическая ситуация «Танца отражений», где Марк использует против Майлза его же прием и его же людей (Бел Торн). Майлзу и здесь удастся справиться с проблемой и обратить ее к своей (и брата) пользе, но эту победу не назовешь ни красивой, ни даже закономерной.

Корделия, сохранившая, несмотря на долгие годы пребывания на Барраяре, бетанскую способность трезво судить о ситуации, замечает:

— Мы говорим о молодом человеке, на которого Барраяр взвалил столько невыносимой нагрузки, столько боли, что он убежал в совершенно другую личность! А потом убедил несколько тысяч галактических наемников поддерживать его психоз, а сверх того заставил Барраярскую империю все это оплачивать. Адмирал Нейсмит это чертовски больше, чем просто маска Службы безопасности, и ты это знаешь. Согласна, он гений, но не смей говорить мне, что он не сумасшедший.— Она помолчала.— Нет. Это несправедливо. Предохранительный клапан Майлза эффективно работает. Я не буду всерьез опасаться за его рассудок, пока он не отрезан от маленького адмирала. В целом это просто чудеса акробатики.

«Танец отражений»

«Война — это путь обмана», — говорит Сунь-цзы. «Дело противное добродетели. Полководец — агент смерти». И поэтому военный талант всегда требует от своего обладателя платы. Чаще всего платят жизнью и счастьем. Своим или своих близких.

4. ЭТИКА ВОЙНЫ (ПРОСТРАНСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ)

Лоис Буджолд понимает оборотную, черную сторону великих побед.

Фельдшер сняла бинты, и взорам открылось нечто жуткое: нос, уши, губы, щеки - ничего этого не было; подкожный жир и волосы сгорели дотла. И все же Элли пыталась что-то сказать, издавая невнятное клокотание...

«Ученик воина»

Цикл романов о Майлзе Форкосигане относится к военной прозе. И от того, что вместо пулеметов используются нейробластеры и плазменные ружья, война не становится чище.

Однако то ли за счет естественного отбора талантливых генералов в эпоху Сражающихся Звезд и дискретной вселенной, то ли за счет высокого мнения Буджолд об умственных способностях человечества, но средний уровень компетенции командного состава в мире Майлза Форкосигана существенно выше, чем в окружающей нас Реальности последнего десятилетия XX века. В связи с этим романы Буджолд могут рассматриваться как пособие не только по логике, но и по этике войны.

Аксиоматическая этика войны в современных военных академиях, к сожалению, не преподается. Нет в их программе и однодневного семинара по преступным приказам, подобного тому, который организовал в Барраярской военной академии Эйрел Форкосиган.

Определение:

Войной называется такой способ разрешения конфликта, при котором выживание противника не рассматривается в качестве необходимого граничного условия.

Аксиома Лиддел Гарта: целью войны является мир, который был бы лучше довоенного (хотя бы только с вашей точки зрения).

Из этой простой и очевидной аксиомы вытекает ряд важных утверждений.

Следствие 1: Всякое использование средств массового поражения (от стратегических бомбардировок до применения ядерного оружия) удаляет обе стороны от цели войны.

Следствие 2: Глобальная война не может иметь цели и поэтому изначально проиграна обеими сторонами.

Во вселенной Буджолд это понимают все. Потому Вторая Цетагандийская война закончилась, практически не начавшись, как только выяснилось, что овладеть ступицей Хеджена с ходу не удалось. Альтернативой отступлению могла быть только глобальная схватка империй. Не факт, что в этой схватке Цетаганда была бы обречена. Но очевидно, что стоила бы такая война дороже, чем вся ступица и ее нуль-переходы. Стремление военных скрыть поражение под очередной горой трупов в мире Майлза Форкосигана имеет свои пределы — пределы локальной войны.

Следствие 3: «Сегодняшний противник завтра станет вашим покупателем, а послезавтра — союзником» (Б. Лиддел Гарт).

Следствие 4: «Сто раз сражаться и сто раз победить — не есть лучшее из лучшего. Лучшее из лучшего — разбить чужую армию, не сражаясь» (Сунь-цзы).

Граничное условие 1: В рамках европейской парадигмы мир будет лучше довоенного, только если он обеспечивает более оптимальные условия для развития при сохранении традиционных европейских ценностей: свободы и познания.

Уже поэтому обе мировые войны на Земле были проиграны обеими участвующими в них сторонами!

Теорема Сунь-цзы: «Лучшее — это разбить замыслы противника, затем — разбить его союзы, затем — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости».

Превосходным примером использования этого правила может служить опять-таки хедженская кампания («Игры Форов» и, может быть в еще большей степени, «Цетаганда»),

Написав, «самое худшее — осаждать крепости», Сунь-цзы остался на уровне знаний своего времени. С тех пор мы существенно продвинулись вперед в определении «самого худшего».

Поправка 1: Самое худшее — бомбить неприятельские города.

Поправка 2: Еще хуже — расстреливать мирное население.

Следствие 5: Антипартизанские действия удаляют от цели войны.

Следствие 6: Антипартизанские войны априори проиграны.

Используя эти простые аксиоматические правила, нетрудно сделать выводы относительно уровня компетенции тех советско-российских офицеров, которые организовали Афганскую или Чеченскую операции.

До сих пор непосредственные участники пребывают в уверенности, что высшее командование предало их «на пороге победы». Но антипартизанские войны все время идут на этом пороге. Только ступить за него никак не удастся.

Аксиома Христа: Жизнь человека обладает ценностью — в том числе и на войне.

Принципиальное уточнение: Противника всегда следует считать человеком.

Вторая теорема Сунь-цзы: «Хорошо уничтожить государство противника, но гораздо лучше оставить его в целости. Хорошо уничтожить армию противника, но гораздо лучше оставить ее в целости <...> хорошо убить солдата противника, но гораздо лучше оставить его в живых».

Комментарий Эйрел Форкосигана: «Я не воюю с пленными».

Комментарий Ли Вэй Гуна³⁴¹: «Убитый солдат противника — всего лишь один мертвый враг. Живой, но зараженный паникой может подорвать боеспособность всей его армии».

Комментарий автора: «Нет человека — нет возможности его использовать».

Третья теорема Сунь-цзы уже упоминалась в этой статье: «Война — это путь обмана, дело противное добродетели. Полководец — агент смерти».

Четвертая теорема Сунь-цзы (следует из второй и третьей): «Поэтому война любит победу и не любит продолжительность».

Строго говоря, это следует из определения социальной энтропии как меры нереализованной на личное или общественное благо, но затраченной работы. Всякая война увеличивает социальную энтропию (и, как следствие, меру страдания людей) тем больше, чем она длительнее и чем результат ее неопределеннее. А потому:

Комментарий автора: «...Если нет возможности быстро выиграть войну, следует найти способ быстро проиграть ее, иными словами, быстрый проигрыш приводит к цели войны вернее, чем медленный выигрыш».

У Лоис Буджолд эта — редчайшая и сложнейшая теорема военного дела — используется едва ли не как технический прием. (Эйрел Форкосиган у Эскобара, Оссер у Тау Верде.)

Следствие 7: Поскольку своевременный мир может быть заключен только при сохранении нормальных психологических отношений между воюющими сторонами, эмоциональная пропаганда враждебности к противнику недопустима.

Подобно тому как логика войны завязана на металогику принятия решения, этика войны также допускает выход в надсистему. И эти две надсистемы — этическая и логическая — оказываются совпадающими.

³⁴¹Ли Вэй Гун (VII в.) — Ли Цзин — полководец императора Тай Цзуна (627-649) династии Тан. Автор трактата «Диалоги».

Собственно, в этом нет ничего удивительного. И логика, и этика — лишь стороны одного и того же процесса познания. Обе эти науки изобретены для того, чтобы дать человеку четкие ориентиры поведения в мире. Решая одну и ту же задачу, они не могут не приводить в схожих ситуациях к схожим ответам. Именно поэтому в этически неоднозначной ситуации следует поступать исходя из логического анализа; в ситуации, неоднозначной логически, правильным будет самое нравственное решение.

Следствием этого можно считать некую разновидность закона кармы: всякие неэтичные действия (на войне) не могут привести к полезному результату, поскольку у противника обязательно найдется опровержение. Сам факт нарушения законов этики означает, что такое опровержение существует. Дело командира — его найти.

Это положение военного искусства было, видимо, единственным, которое не усвоила Кавилло.

Вам следовало придерживаться первоначального контракта. Или вашего второго плана. Или третьего. Собственно говоря, вам надо было держаться чего-то одного. Чего бы то ни было. Но ваш безграничный эгоизм превращает вас в несомую ветром ветошь, не нужную никому.

«Игра форов»

Военная история XX столетия поучительна, в частности, тем, что рано или поздно за любое нарушение военной этики приходила расплата. Из участников Второй Мировой войны лишь Соединенные Штаты Америки пока не заплатили по счету сполна.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙНЫ (УСТАВЫ И ФИНАНСЫ)

Последней небезынтесной стороной войны, которой касается Лоис Буджолд, является проблема организации боевых действий. Удивительно, пожалуй, не то, что у писательницы нашлось несколько добрых слов, посвященных воинским уставам, а то, что она, не будучи, насколько можно судить, ни профессиональным военным, ни профессиональным финансистом, обратила внимание на финансовую сторону войны.

Первоначально бухгалтерию дендарийцев ведет Майлз. Затем появляется определенный аппарат. Дендарийское соединение регистрируется (подобно какому-нибудь российскому ЗАО) на Архипелаге Джексона. Финансовые проблемы все время так или иначе проявляются в романе.

В «Ученике воина» вся война в системе Тау Верде является для Майлза побочной операцией, косвенно связанной с главной — выкупом корабля Мэйхью и выполнением финансовых обязательств перед дендарийцами, которым едва не заплатили зарплату фелицианскими милипфеннингами — хорошо знакомой россиянам неконвертируемой валютой.

В «Игре форов» Майлз, обеспечивая красивую многомерную операцию в реальном пространстве, не забывает построить и ее отражение в пространстве финансовом: все, начиная от Вервана и кончая Саймоном Иллианом, оплачивают услуги дендарийцев.

Эти деньги приходится тратить на Архипелаге Джексона, Земле и Дагуле-4 («Границы бесконечности»), в результате чего у Саймона Иллиана возникает неприятная необходимость задать Майлзу ряд вопросов.

В «Братьях по оружию» весь сюжет построен вокруг необходимости срочно найти средства на ремонт кораблей флотилии. Заметим, что механизм работы с короткими деньгами изображен в романе настолько профессионально, что текст можно считать учебным пособием — для страдающих постоянным безденежьем частей и соединений российской армии.

Во вселенной с развитыми денежными отношениями деньги (бетанский доллар как основа резервной валюты) деньги являются той осью, вокруг которой вращается Галактика. И Майлз никогда не стал бы великим военачальником, если бы не понимал значения денег. Не зря его брат-клон становится в конце романа «Танец Отражений» финансистом, демонстрируя альтернативный способ реализации стратегических способностей адмирала Нейсмита.

Финансы — важное, но не единственное звено в обеспечении боевых действий. И страницы фантастических романов Л. Буджолд содержат немало осмысленных советов по другим вопросам оперативного обеспечения.

...Баррарские войны более всего ценили дисциплину и организацию. Масса людей и техники должна оказаться в нужном месте в нужный момент, чтобы в непредсказуемо сложной обстановке совершить именно те действия, которые ведут к победе. Четкая организация и железная дисциплина ценились выше героизма.

Майлз вспомнил любимое изречение деда: «Исход сражения зависит от интенданта, а не от главнокомандующего». <...> На исходе ночи глаза Майлза покраснели, как у кролика, а на ввалившихся щеках выступила синяя щетина. Зато ему удалось ужать свой плагиат до размеров аккуратного учебного пособия, прочитав которое каждый дурак поймет, как вовремя двинуть живую силу и технику в нужном направлении и умно распорядиться ими в ходе боя.

«Ученик воина»

Исход боя, разумеется, зависит от главнокомандующего. Но при неорганизованном или плохо организованном обеспечении пространство решений сокращается, иногда вырождаясь в точку или пустое множество (решений нет вообще). Бесцельно говорить об уровне командования (в той же несчастной Чечне), если в распоряжении офицеров не оказалось карт района, в котором им предстояло действовать. Бесцельно говорить о качестве стрельбы, если у пушек нет снарядов.

Если это и выглядит очевидным, то не для России, которая проиграла (во всяком случае, в рамках аксиомы Лиддел Гарта) все войны двадцатого столетия — только за счет исключительно плохого обеспечения боевых действий.

Итак, мы посмотрели на вселенную Лоис Буджолд и Майлза Форкосигана с точки зрения военного историка. В свое время произведение А. Конан Дойла «Приключения Шерлока Холмса» было принято в ряде стран как учебное пособие для подготовки офицеров уголовной полиции. Я далек от мысли предложить романы Л. Мак-Мастер Буджолд в качестве учебника для офицеров и генералов российской армии, но позволю себе остаться при мысли, что прочесть эти книги им бы не помешало.

ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: «КРАТКИЙ КУРС»

...В краях полуночных созвездий\
Он крался попутной звездой...

Р. Киплинг

ВОЗМОЖНОСТЬ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

До некоторого времени «Миры гуманного воображения» и «Миры страха перед будущим» были разделены Железной стеной³⁴². Ныне эта Стена упала, что создало совершенно новую «стратегическую» обстановку.

В советское время космические сражения рассматривались как атрибут почти исключительно западной фантастики. Великолепная трилогия С. Снегова была едва ли не единственным исключением. Считалось, что «под звездами» царит вечный мир и товарищеская взаимопомощь.

С совершенно разных позиций эту точку зрения защищали И. Ефремов и С. Лем.

С. Лем — в шутку в «Звездных дневниках Ийона Тихого»³⁴³ и немного всерьез в «Новой космогонии»³⁴⁴ — доказывал принципиальную экономическую нерентабельность космического пиратства, а с ним и более глубоких межпланетных «разборок». Аргументы И. Ефремова насчет «коммунистического человечества» выглядят с современных позиций шатко, хотя на самом деле они базируются на серьезном методологическом фундаменте и заслуживают самого серьезного рассмотрения.

И. Ефремов, выдающийся философ-системщик, исходил прежде всего из закона необывания структурности, который в старых учебниках обычно называют Третьим законом диалектики. Выход в Дальний Космос он рассматривал как **очередную** ступень эволюции живой материи. Но «ступени каждой области познания ответственна такая же ступень самоотказа», иными словами, разум не может достичь космической стадии ранее, чем будет

342 *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2007.

343 *Лем Ст.* Звездные дневники Ийона Тихого. М.: АСТ, 2007.

344 *Лем Ст.* Библиотека XXI века. М.: АСТ, 2002.

переход к низкоэнтропийной (низкоинформальной в терминологии И. Ефремова) социальной системе. То есть «человек космический» обязательно есть «человек коммунистический», в современном звучании — духовный, и ни в коей мере не «человек животный» или «человек технологический», он же «стопроцентный американец».

Насколько миролюбиво изображенное «Часе Быка»³⁴⁵ человечество? Этот вопрос интересовал, например, такого талантливой политика, как Чойо Чагас. Однако природная деликатность, врожденная интеллигентность, глубокий гуманизм и та осторожность, которая является синонимом благоразумия, а отнюдь не трусости, помешали Владыке поставить чистый эксперимент. Опыт в Кин-Нан-Те в сущности ничего не доказал: и на Тормансе нашлись бы люди, которые не стали бы стрелять, спасая свои жизни. Из этой истории Чагас мог заключить лишь одно — с землянами можно вести дела. Можно выразиться и грубее: Владыка понял, что риск попытки уничтожить «Темное пламя» и его экипаж больше, нежели риск агрессии Земли против Торманса.

Дело, однако, не в большем или меньшем миролюбии коммунистической земли. И. Ефремов, по-видимому, ошибся в послышке, полагая, что переход к космической стадии потребует сотен лет и объединенных усилий человечества. Его теорема верна в почти неизменных динамических социальных системах. Но в системах хаотических, таких как мир, изображенный Лафферти в «Долгой ночи со вторника на среду», или системах с насыщающей хайтек-экономикой (повесть Винджа) выход в Дальний Космос может произойти — например, сейчас. И уже завтра сначала Систему, а затем и Галактику заполняют земные корабли — хорошо если со «Звездолетом и Солнцем», а скорее всего — с простым звездно-полосатым флагом на борту. Тем звездно-полосатым флагом, который собираются изображать на зачем-то называемой «международной» космической станции «Альфа».

Итак, определяя галактическое будущее человечества, было бы наивно исходить из того, что «там», в Дальнем Космосе, мы станем ефремовскими героями и такими же окажутся наши партнеры по случайным или хорошо организованным Первым Контактам. Построения будут значительно реалистичнее, если мы определим средний уровень галактической этики как современный человеческий. Это означает, что воевать будем не «просто так», а исключительно по необходимости.

Но почему может возникнуть эта необходимость галактических побоищ, побоищ, как убедительно доказывали С. Лем и четыре действия арифметики, абсолютно нерентабельных? Да просто потому, что и на Земле, и в Дальнем Космосе действительная чеканная формулировка Клаузевица.

«Война есть продолжение политики иными, именно насильственными средствами». То есть, признавая существование галактической политики, мы обязаны признать эвентуальную возможность галактической войны. Например, с неизбежностью приводит к войне политика галактической экспансии (Транторианская Империя и Основание/Академия у А. Азимова, Терранская империя Р. Хайнлайна, Психотехнолига П. Андерсона и last but not least коммунистическая Земля А. и Б. Стругацких).

Причем не имеет значения, встретит ли эта экспансия сопротивление «чужих». Война — естественный спутник Империи уже потому, что социальные структуры Метрополии и дальней Периферии неэквивалентны. Закон индукции требует обязательного выравнивания этих структур, что возможно либо подчинением Окраины Центру (Империя растет, в ней господствуют центростремительные тенденции), либо переносом на Центр структуры и менталитета Окраины (Империя разваливается под действием центробежных процессов).

Следует четко и жестоко сказать: этот конфликт носит неразрешимый характер, вернее, именно война (способ урегулирования, при котором выживание противника не рассматривается как необходимое граничное условие) и является единственным его разрешением. И если мы не вправе переносить современные архетипические реакции на позднекоммунистическую страту И. Ефремова, то во всяком случае относительно наших современников и тех потомков, которые «почти такие же», можно с уверенностью заключить, что при всех своих прекрасных человеческих качествах они будут пойманы в сеть исторической, политической и стратегической неизбежности.

Трагедия ситуации в том, что обе стороны — и Метрополия, и Периферия — будут правы в своем стремлении сохранить «свободу и познание» — свою свободу и свое познание. И ни Каммереру, ни Горбовскому, ни Всемирому Совету, ни всему прогрессивному и единому человечеству не справиться с тяжелой поступью психоисторической предопределенности, с железным циркулем транспортной теоремы. «А вам придется стрелять, Вадим...»³⁴⁶

345 Ефремов И. Туманность Андромеды. Час Быка. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

346 Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству//В кн.: «Трудно быть богом. Попытка к

Заметим, что «экономические аргументы» в рамках психоисторического межкультурного конфликта теряют всякое значение. Экономика — лишь обеспечивающая подсистема уникального транслятора между Человеком и Вселенной, называемого Культурой. И за выживание этого транслятора можно заплатить **любую** цену. Впрочем, возможно, цена окажется не столь большой, как это казалось С. Лемму, — нам еще предстоит говорить о космическом пиратстве и прибыли от «звездных войн».

Подведем итог.

Если в Галактике имеется хотя бы одна Культура, ведущая космическую экспансию, политическая ситуация в этой Галактике является неустойчивой и определяется тенденцией к перерастанию случайных конфликтов, неувязок и недоразумений на границах соприкосновения структур в галактическую войну.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ

Как всегда, «целью войны является мир, лучший, нежели довоенный» (определение английского военного теоретика Б. Лиддел Гарта). В данном случае это означает включение чужой культуры в собственную в качестве подчиненных элементов. Совершенный стратег Древнего Китая, возможно, сумел бы совершить это славное деяние без жертв и сражений, но мы — несовершенные — нуждаемся в силе оружия.

Собственно, мы знаем лишь три возможные стратегии и вместе с тем — три основные цели войны.

1. Полное физическое истребление чужой культуры. Целью является, очевидно, именно геноцид, средством достижения — орбитальные бомбардировки населенных планет. Примером можно считать дилогию С. Лукьяненко «Линия грез»/«Императоры иллюзий»³⁴⁷, «Звездный десант» Р. Хайнлайна³⁴⁸ (в недавнем фильме П. Верховена это выражено более четко, нежели в книге). С этической точки зрения стратегия неприемлема при борьбе со «своими» и едва ли допустима при войне с «чужими».
2. Ассимиляция чужой культуры. Подразумевает разгром флота противника, оккупацию его планет (не обязательно всех) и возможность отыскать «модус вивенди», устраивающий и победителей и побежденных. Речь идет, по сути, о классической ограниченной войне. Лучшим примером такой войны может считаться трилогия С. Снегова³⁴⁹.
3. Ограничение развития чужой культуры. Речь идет о довольно сложных действиях на грани «горячей» и «холодной» войны, имеющих целью либо не дать чужой культуре развиваться вообще, либо — не дать ей развиваться иначе, чем в устраивающем вас направлении. Такая война может носить как наступательный, так и оборонительный характер. Наступательная изображена у А. и Б. Стругацких и С. Лукьяненко: и прогрессоры, и регрессоры, и кодекс «сильных рас» — средства блокады чужой культуры. Примером оборонительным можно, пожалуй, признать «закольцованные» планеты галактов у С. Снегова.

Заметим, что с точки зрения космических сражений первым условием действенности ограничивающей стратегии является блокада: блокируется, изолируется от Вселенной либо противник, либо (в обороне) собственная цивилизация.

ПРЕДМЕТ ВОЙНЫ

Галактическую войну обычно сравнивают со сражениями на море. Это сравнение, в целом, справедливо. Следует лишь иметь в виду, что космос неизмеримо беднее звездными системами, нежели океан островами. И среди звезд далеко не у каждой есть ценные планеты, тем более базы, и в особенности базы снабжения. Тем самым значение таких звезд возрастает неимоверно: владение Галактикой может быть сведено к контролю над **единицами** звездных систем.

Предметом войны в космосе оказываются планеты. Населенные планеты. Планеты-базы. И ничего больше. Никто и никогда не будет сражаться за пустоту.

Многочисленная фантастика, рисующая сражения в открытом космосе, совершенно беспочвенна. Дело даже не в том, что бой дается ради достижения конкретной цели, а всякая

бегству. Далекая Радуга». СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1999.

347 Лукьяненко С. Линия грез. Императоры иллюзий. М.: АСТ, 2006.

348 Хайнлайн Р. Звездный десант. СПб.: Terra Fantastica; М.: ЭКСМО, 2004.

349 Снегов С. Люди как боги. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2001.

цель в космической войне неизбежно связана с планетами. Дело, скорее, в полной невозможности перехватить неприятельскую эскадру в открытом космосе.

Великолепные локаторы «Пожираателя пространства» могли обнаружить тарелку на расстоянии светового часа. И это, видимо, близко к физическому пределу. Есть такое понятие — параметр малости. В данном случае — это отношение размеров объекта к характерным расстояниям. Звездолет по сравнению с межзвездными просторами — это даже не песчинка в центре солнца.

Да и зачем нужен перехват? В космосе есть только две линии обороны. Как всегда, передняя, как говорил У. Черчилль, проходит по базам вероятного противника. Последняя, понятно, проходит по нашим собственным базам.

СРЕДСТВА ВОЙНЫ

Средством войны в широком смысле является вся воюющая Культура (и поэтому любая ограниченная война в некоторой степени тотальна). В более узком смысле — это информационные структуры и средства их взаимодействия. В самом узком — это космическое оружие и его носители.

Тема космического оружия более подробно разработана в современных компьютерных играх (прежде всего «Ascendancy» и «Master of Orion»), нежели в фантастике. Особого разнообразия средств уничтожения, впрочем, не наблюдается. Попытаемся дать их классификацию по степени совершенствования.

1. Пушки — электронные, протонные, ионные; управляемые и неуправляемые ракеты (иногда под названием торпед) с обычной, ядерной или аннигиляционной боеголовкой. Примеров несть числа — вплоть до «противометеоритных» пушек на крейсерах Стругацких.

Вся эта архаичная и не пригодная к использованию в галактической войне техника взята непосредственно из сегодняшнего дня — по аналогии с флотом и авиацией. Характерный радиус действия (если исходить из возможного и не тшиться творить чудеса) — сотни километров, в самом крайнем случае — тысячи. Характерные относительные скорости, при которых возможно применение, — единицы километров в секунду. То есть, исходя из космических скоростей и расстояний, речь может идти о бое на сверхмалых дистанциях и скоростях.

2. Боеголовки неограниченной мощности, пригодные для уничтожения планет и даже звезд. Примеры встречаются у Ф. Корсака, Г. Гаррисона, С. Лукьяненко. В космическом сражении почти бесполезны, как и оружие предыдущего класса — по тем же причинам. Представляют собой типичное планетарное оружие добывания.

3. Энергетическое оружие, начиная с лазера в «Планете, которой нет»³⁵⁰ С. Лукьяненко и кончая плазмотронами из «Ascendancy». Развитие обычного корпускулярного оружия, с характерными дальностями до световой минуты и характерными относительными скоростями до десятков километров в секунду. Исключения составляли биологические орудия галактов из трилогии С. Снегова, пригодные против сверхсветовых кораблей неприятеля. Известен случай применения этих орудий на межзвездных дистанциях, правда с катастрофическими результатами для самих галактов.

Широкое использование энергетического оружия в космических боях вынуждает к созданию оборонительных систем — брони, разнообразных силовых полей. Лучшей защитой (на этом уровне развития цивилизации), по-видимому, являются плазменные зеркала из вселенной Л. Буджолд, возвращающие залп кораблю противника.

4. Полевое оружие. Является обобщением энергетического оружия, используя в отличие от него не только электрослабое, но и другие поля, прежде всего — гравитационное. Широко применялось разрушителями в той же трилогии С. Снегова, а также — под названием «гравидеструктор» Л. Буджолд.

Оружие вполне адекватно звездным расстояниям и скоростям. Неприятной проблемой является, однако, медленная скорость распространения импульса — корабль на сверхсвете легко обгоняет свой залп, распространяющийся со скоростью света. В общем — опять-таки планетарное оружие, которое разрушители использовали в эскадренном бою, очевидно от отчаяния.

350 Лукьяненко С. Планета, которой нет. М.: АСТ, 2003.

5. Пространственно-временное оружие. Экзотическое оружие, позволяющее атаковать корабли и планеты противника возмущениями структуры вакуума (современная физика такой возможности не отрицает). «Ascendancy». Весьма совершенная боевая техника с едва ли ограниченным радиусом действия.

6. Из этого класса следует выделить **аннигиляторы вещества** в трилогии С. Снегова — идеальное ТРИЗовское оружие, одновременно являющееся двигателем (в обоих случаях используется «эффект Танева» — обратимое превращение вещества в пространство). Похоже, самое мощное оружие, встретившееся в фантастике: радиус действия — световые часы, может быть использовано на любых сверхсветовых скоростях, уничтожение противника безусловно. Применимо как против кораблей, так и против планет.

7. Совершенно необычным и при этом очень мощным оружием является **модификатор вероятности**. Перемещает противника из Реальности в ее Тень. Под названием «темпоральная граната» ручной образец прибора этого класса демонстрировался С. Лукьяненко в романе «Принцесса стоит смерти»³⁵¹. Отдал дань уважения боевым модификаторам вероятности и Ст. Лем. Оружие может быть использовано практически в любых масштабах, однако последствия — вплоть до полного уничтожения вселенной — за свой счет.

8. Психотропное оружие, которое окончательно или временно выводит из строя нервную систему экипажей кораблей. Используется в фантастике довольно широко (ментальные атаки у А. Азимова в поздних романах цикла «Основание», корабль-крепость у Ф. Сабержагена, с некоторой натяжкой к этому же типу оружия можно отнести «зов роботов» в кинодилогии Р. Викторова «Москва—Кассиопея» и ментальный контроль в компьютерной игре UFO, но обычно без большого успеха. Видимо, прав А. Лазарчук, когда пишет о неприменимости магии в больших сражениях.

Конечно, предложенная классификация так же неполна, как и любая другая. В нее, например, не вошли тахионные лучи, искажающие причинность,— оружие, сочетающее в себе признаки 3-го и 7-го классов. Не было речи и о специфическом диверсионном оружии, которое можно применить в случае скрытого проникновения на населенную планету противника (примером может служить «посредник» в «Главном полдне» А. Мирера³⁵²). Однако она дает общее представление об используемых боевых средствах.

Носителем оружия могут быть планеты, орбитальные станции, корабли. В фантастике можно проследить две тенденции проектирования боевых звездолетов.

Первую ярко представляет Дж. Мартин со своей превосходной «Чумной звездой»³⁵³ и С. Снегов.

Эти корабли могут быть названы линейными крейсерами, поскольку имеют то же самое назначение в Безводных Океанах, которое обычные линейные крейсера имели на морях. «Пожиратель пространства» — типичный корабль вытеснения противника с театра военных действий. Его отличительные особенности — очень мощное атакующее вооружение (боевые аннигиляторы Танева) при слабой защите, высокая скорость и значительная автономность. Последнее качество заставляет отнести «Пожирателя...» к подклассу линейных крейсеров дальней разведки, как, заметим, и «Темное пламя» И. Ефремова.

Снеговские ЛКР — дорогие и ценные корабли, способные в одиночку выполнить любую авангардную операцию.

Заметим, что классические линкоры — корабли удержания театра военных действий — в фантастике практически отсутствуют. С некоторой натяжкой в эту категорию можно отнести флот вторжения во второй книге С. Снегова. Относительно типа «Линкора в нафталине»³⁵⁴ возможны разные мнения, поскольку с точки зрения наших представлений корабль очень примитивен.

В рамках противоположной тенденции речь идет о создании большого количества очень легких и маленьких кораблей, вообще не имеющих защитного вооружения, практически с

³⁵¹ Лукьяненко С. Лорд с планеты Земля. М.: АСТ, 2003.

³⁵² Мирер А. Дом скитальцев. М.: АСТ, 2002.

³⁵³ Мартин Дж. Путешествия Тафа. М.: АСТ, 2000.

³⁵⁴ Гаррисон Г. Линкор в нафталине/ / Гаррисон Г. Неукротимая планета. М.: ЭКСМО, 2008.

нулевой автономностью, но с одним мощным боевым средством (лазер, фотонная торпеда и пр.). Такие корабли должны базироваться на корабле-матке, для обозначения которого безо всяких изменений можно взять морской термин «Carrier».

«Carrier» беззащитен против линейного корабля или ЛКР. Его орудием являются миниатюрные корабли «дестроеры» (этот термин может быть переведен на русский язык как «истребитель» или «эсминец» в зависимости от контекста), радиус автономного действия которых должен примерно на порядок превышать дальность стрельбы орудий звездного линкора. «Карриеры» и «дестроеры» активно, хотя и непрофессионально используются обеими сторонами в «Звездных войнах» Дж. Лукаса.

Желание прикрыть линкор от легких истребителей противника порождает еще один тип корабля — легкий крейсер, подвижный, защищенный заметно хуже линкора и линейного крейсера и вооруженный большим количеством малых орудий, бессильных против линкора, но пригодных для массового уничтожения беззащитных «дестроеров». Заметим, что такие же крейсера вскоре начнут возглавлять атаки истребителей, стремясь связать боем корабли прикрытия противника. Эволюция этого класса приведет к разбиению его на два подкласса — оборонительных легких эскортных крейсеров и наступательных легких ударных (в другой терминологии — линейно-легких) крейсеров.

«Карриер» при дальнейшем развитии станет, возможно, виртуальным кораблем — новым качеством, проявляющимся при объединении в единую систему многих «дестроеров». Прямо эта идея не реализована — ни в фантастике (насколько мне известно), ни в играх, однако Рой в «Непобедимом»³⁵⁵ С. Лема и ракеты во «Второй экспедиции на странную планету»³⁵⁶ В. Савченко являются близким ее аналогом.

В принципе перечисленные типы и исчерпывают все, что необходимо иметь для эскадренного боя. Однако основная масса боевых кораблей в фантастике находится где-то между «дестроером» и «линкором» и в нашу классификацию не попадает вообще. Это, например, звездолеты галактов и разрушителей, вооруженные транспорта торговцев в «Основании», пиррянский корабль, вся космическая техника А. и Б. Стругацких, эсминцы в «Линии грез»/«Императоре иллюзий», рейдеры в «Планете, которой нет» С. Лукьяненко, основная масса дорсайских кораблей у Г. Диксона³⁵⁷.

Такие корабли недороги, допускают крупносерийное производство, обладают приемлемой автономностью. Прока от них в эскадренном бою почти нет, атаку планет с их помощью также производить сложно. Однако они очень сильны против невооруженного или слабовооруженного неприятеля и, что, может быть, более важно, являются «официальными представителями» вооруженных сил цивилизации на Периферии. Они — символ Флота и его Флага. Самим фактом своего существования (подкрепленным возможностью быстро и сравнительно эффективно продемонстрировать силу) они поддерживают взаимодействие Окраины и Центра, выступая в качестве кванта-переносчика информационного поля единой Культуры Империи.

Будем называть такие корабли универсальными крейсерами.

Ну и, очевидно, галактический флот будет включать множество кораблей вспомогательных классов — транспорта, заправщики, орбитальные «шаттлы» и прочий хлам.

«ФЛОТ ПРОТИВ БЕРЕГА»: ОСНОВНОЙ ВОПРОС ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Момент истины определяется, когда вражеский корабль входит в локальное пространство планеты-цели. Чьи козыри окажутся весомее? Можно легко обосновать обе точки зрения.

Планета может использовать все оружие звездолета и сверх того стационарные боевые системы, слишком большие для корабля. Планета не ограничена энергией. Планета (речь идет для простоты о землеподобных планетах, населенных белковыми организмами) изначально защищена броней атмосферы. Наконец, она кажется защищенной уже своими размерами: ядерный заряд, который в клочья разнесет космический крейсер, почти не причинит вреда планете, как целому.

Но, с другой стороны, положение планеты в пространстве и ее траектория на ближайшие миллионы лет строго определены. Планета не может маневрировать, уклоняясь от огня. Бессмысленно пытаться направить на крейсер противника стокилометровый астероид —

³⁵⁵Лем Ст. Солярис. Эдем. Непобедимый. М.: АСТ, 2003.

³⁵⁶Савченко В. Вторая экспедиция на Странную планету// В кн.: «Серебряный век фантастики». М.: ЭКСМО, 2005.

³⁵⁷Диксон Г. Воины Дорсая. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 1998.

корабль уйдет. Планете уйти некуда. А уничтожить астероид не так просто — он доступен только оружию пятого-шестого уровня.

Далее, экосфера планеты чрезвычайно уязвима. «Темное пламя», которое отнюдь не является боевым кораблем, могло уничтожить цивилизацию Торманса пятиминутным включением анамезонных двигателей на крейсерский режим. Энерговыведения хватило бы на запуск механизма температурной инверсии, планета на два-три года, а может и на десятилетие, погрузилась бы в «ядерную зиму», справиться с этим на уровне развития Торманса (а хотя бы и более высоком) не представлялось возможным.

Аналогично планета не выдерживает массовой бомбардировки даже таким примитивным оружием, как атомное. Кварк-глюонные бомбы Лукьяненко (или вполне реалистические «термоядерные запалы» для океанов и лития в континентальной коре) уничтожают планету с первого попадания. И биологические пушки галактов, и гравитационные удары разрушителей, и, тем более, боевые аннигиляторы Танева.

Суть дела опять-таки в огромных размерах планеты и в глубокой системной связности экосферы. «Сечение рассеяния» планеты неизмеримо выше, чем у звездолета. Уже поэтому мы должны считать шансы корабля предпочтительными.

Конечно, это не означает, что всегда и во всех ситуациях планета беззащитна. В непрерывном соревновании снаряда и брони будут эпохи явного превосходства средств защиты над средствами нападения, когда корабль бессилён против планеты. Однако есть все основания утверждать, что таких эпох окажется немного.

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ

Трилогия С. Снегова может считаться контрпримером к утверждениям предыдущей главы. И галакты против разрушителей, и разрушители против людей вели сугубо оборонительную войну, их действия опирались на планеты-крепости, неуязвимые для неприятельского оружия.

Заметим в скобках, что неприступность окольцованных биологическим оружием планет галактов, по-моему, сильно преувеличена. Что мешало разрушителям отправить против них корабли, на которых не было бы ни одной живой клетки и ни одного электронного элемента, сложнее реле? Этим мертвым снарядам, начиненным «ка-гамма-плазоином», «мю-дельта-ионопластом» или содержащим простой термоядерный запал, можно было управлять непосредственно со станций метрики пространства. Противопоставить такому плану галактам, кажется, нечего?

«Гравитационная улитка» разрушителей, напротив, является почти идеальной оборонительной системой. Она неуязвима по отношению к оружию всех классов, кроме шестого — аннигиляторы Танева — и, может быть, седьмого — модификаторы вероятности.

Однако именно примеры галактов и разрушителей должны окончательно убедить нас в том, что **оборонительная стратегия в галактической войне с неизбежностью приводит к поражению.**

Закольцевавшись на надежно укрепленных планетах, Цивилизация теряет связь со Вселенной и вместе с тем — стимул к развитию. Галакты некогда были ведущей цивилизацией Галактики. Завершили свою оборону они в роли младшего партнера динамичной и агрессивной цивилизации землян.

Разрушители воспользовались паузой между галактической разведкой «Пожирателя Пространства» (на тот момент первого и единственного линейного крейсера землян) и приходом флота вторжения для того, чтобы создать несокрушимую оборонительную систему станций метрики.

Землянам пришлось преодолеть некоторые трудности. Технические. И что же осталось зловредам, когда эскадра тяжелых линейных кораблей, создав новое пространство из нескольких планет, проникла за оборонительный рубеж Персея? «...Последний шанс... собрать все корабли... со всего скопления ... флот против флота...» Но может быть, с этого «последнего шанса» и стоило начать?

Суть дела в том, что **обороняющаяся, прижатая к базовым планетам цивилизация попадает под классическую блокаду — информационную и материальную.** Суть блокады выразил, кажется, У. Черчилль: смиренная рубашка, медленно, но неотвратимо охватывающая пациента. В масштабах Земли это выглядело так: «Первый год — никакого эффекта, второй — очень малое воздействие, третий — значительные результаты, четвертый — коллапс экономики». В космосе это будет происходить медленнее. Может быть, не год, а век. Божьи мельницы мелют медленно.

Прежде всего блокада разрушает торговлю. Легенды о нерентабельности космической торговли не выдерживают никакой критики. Будет экспансия, будет и перемещение по Вселенной классической триады информация/люди/товары — то есть торговля. А экспансия, видимо, будет, поскольку для европейской цивилизации это довольно скоро станет единственным выходом.

Вообще-то, в лемовской «экономической» аргументации нет ничего принципиально нового. Это мы уже проходили. В начале XIX столетия было модно доказывать нерентабельность пароходов. В начале XX профессора математики сообщали, что самолет никогда не сможет нести коммерческую нагрузку. Сейчас все согласилось с прибыльностью, даже сверхприбыльностью Ближнего Космоса, но вот Космос Дальний, конечно же, никогда не станет субъектом производящей экономики... Да станет, куда он денется! Пора наконец уяснить, что **экспансия это системное требование товарной экономики**, и уже поэтому товарная экономика обязательно включит в себя и освоит любое новое пространство. Даже пустое.

Итак, в галактической войне оборонительная стратегия неприемлема как по общим соображениям (стремление Культуры, ради процветания которой и ведется война, к экспансии), так и по соображениям военным, информационным и экономическим. Чрезвычайная бедность галактического пространства узлами связности диктует, как и структурно-подобной системе под названием «горная война», необходимость активного, агрессивного стиля ведения войны.

Против каких объектов должны быть направлены усилия? В фантастической литературе обычно речь идет о действиях «по рубежам»: у противника отбирается система за системой, разрушаются его военные базы, постепенно «фронт» пододвигается к его базовым планетам. Такая концепция, как мне кажется, есть лучший способ проиграть войну.

Еще раз напомним, Вселенная — огромная и пустая. Орудиями блокады могут быть только быстродвигающиеся объекты — корабли. Все остальное — базы, планеты, станции, укрепления, промежуточные позиции — это лишь объекты блокады.

Отсюда следует математически точный вывод: удар может быть нанесен лишь по населенным планетам — индустриальным и информационным центрам. Прямо и непосредственно. Все остальные объекты противника следует игнорировать на первом этапе войны и спокойно блокировать на втором.

Нечто подобное совершили американцы в Тихоокеанской войне 1941-1945 гг. Они не стали тратить время и силы на овладение последовательными рубежами японской обороны. Острова обходились, их гарнизоны блокировались. А удар был нанесен сразу по внутреннему периметру: десантники высадились на Филиппинские острова.

Становится понятным огромное значение тайны местонахождения Метрополии: сторона, скрывшая его от противника, получает в галактической войне априорное преимущество, вероятно решающее. Приходится согласиться с логикой героев лейнстеровского «Первого контакта»³⁵⁸. Заметим, что и в теплом мире А. и Б. Стругацких Шура Семенов, умирая, стирает боржурнал, в котором — путь к Земле³⁵⁹.

Теперь мы готовы изложить основные положения галактической стратегии.

ФАЗА ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ

1. Местонахождение Метрополии и основных демографических, индустриальных и культурных центров должно быть по возможности скрыто.
2. Местонахождение жизненных центров противника должно быть прояснено.
3. Флот должен состоять прежде всего из быстроходных ударных кораблей большой автономности.
4. Оборонительные возможности планет должны допускать кратковременный бой с неприятельской ударной эскадрой и неограниченно долгую защиту от его легких сил. Они ни в коей мере не должны быть избыточными.

ФАЗА ВОЙНЫ

1. Галактическая война должна быть короткой, как удар молнии.

358. Лейнстер М. Первый контакт. М.: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2006.

359. Стругацкий А., Стругацкий Б. Малыш // Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. Малыш. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2004.

2. Галактическая война должна начинаться внезапно.
3. Целью первого удара должны быть выбраны базовые планеты противника.
4. Задачей этого удара является втягивание противника в эскадренное сражение. Для этого мы атакуем цели, которые неприятельский флот не может не защищать.
5. Это сражение надо выиграть.
6. Далее может последовать переход к блокадной стратегии, которая имеет по крайней мере то достоинство, что не обязательно подразумевает геноцид.

В какой-то мере мы возвращаемся в Космосе к доктрине «владения морем» Мэхана и Колумба³⁶⁰. Целью операций является генеральное сражение, эскадренный бой. Победа позволяет отсечь противника от остальной Галактики и заблокировать его базы. Победа — и это самое важное — обезопасит свою Метрополию.

С этой точки зрения операции Земли в трилогии Снегова правильны. Они атаковали жизненные центры противника, вынудили его принять эскадренный бой и уничтожили. Действия зловредов, не пожелавших контратаковать Землю (что было возможно во время подготовки флота вторжения), **являются решающей и необъяснимой ошибкой**, приведшей разрушителей к поражению.

ФЛОТ ПРОТИВ ФЛОТА: ТАКТИКА ЭСКАДРЕННОГО БОЯ

Генеральное сражение, как мы выяснили, должно произойти в локальном пространстве Метрополии (лучше неприятельской, но война — это тысяча изменений и десять тысяч превращений, потому нельзя исключать и того, что в какой-то ситуации будет полезно завлечь флот врага к своим базам и дать ему бой во взаимодействии с их оборонительными системами: такая игра, напоминающая операции японцев в Марианском сражении 1944 г., конечно, крайне рискована).

В литературе мало примеров описания генерального космического сражения — во всяком случае, мало таких описаний, из которых можно что-то понять. Интересно, что адмирал Эли Гамазин у Снегова, потратив несколько сот страниц на описание приключений землян на Третьей планете, уделяет эскадренным боям — предполагаемому и состоявшемуся — буквально несколько фраз. Похоже, что неприятельский флот был наименьшим из препятствий, возникших перед людьми при завоевании Персея.

Это неудивительно: земной флот вторжения состоял из ударных космических кораблей — линкоров и линейных крейсеров. Разрушители могли противопоставить ему одни только универсальные крейсера «числом поболее, ценою подешевле», Пригодные против безоружных скаутов вроде «Менделеева» да еще, может быть, вспомогательных кораблей галактов. В результате сражение превратилось в гекатомбу крейсеров, которые гибли десятками, если не сотнями. В варианте «Волопас и галакты против всего флота Персея» зловреды имели еще какие-то шансы — все зависело от того, сможет ли Эли организовать взаимодействие между разнородными силами, оснащенными принципиально разным оружием, имеющими различную эскадренную скорость и никогда до этого не летавшими вместе. В варианте «флот вторжения против флота обороны» можно было поискать какие-то возможности разве что во взаимодействии боевой линии крейсеров и станций метрики пространства. Майлз Форкосиган, наверное, сумел бы проделать нечто подобное, но в действиях разрушителей на этом этапе войны явственно читается обреченность. Война все равно проиграна.

В сражении за локальное пространство Вербана («Игра форов» Л. Буджолд) легкие крейсера Майлза защищают ПВ-переход против кораблей того же типа, но в большем количестве. Стороны используют однотипное оружие. Сражение находится в состоянии динамического равновесия, пока к обороняющимся не присоединяется баррарейская эскадра во главе с новейшим крейсером «Принц Зерг», который не тянет, конечно, на линейный, но вполне может быть назван тяжелым. Ввод в бой этого ударного корабля решил судьбу сражения буквально за минуты.

Итак, единственный вывод, который мы можем сделать из обзора космических генеральных сражений в фантастике, — нельзя жалеть деньги на создание ударного флота, флота борьбы за господство в Галактике. Корабли этого флота должны иметь максимальную скорость и наиболее дальнобойное (при разумной мощности) оружие. Рассчитывать в

³⁶⁰Мэхан А. Т. Влияние морской силы на историю // В кн.: Классика геополитики. XIX век. СПб.: Terra Fantastica; М.: АСТ, 2003; Колумб Ф. Морская война. СПб.: Terra Fantastica, М.: АСТ, 2003.

эскадренном бою на универсальные крейсера поддержки Империи — наверняка проиграть.

Что касается боя равных линейных сил, включающих линейные крейсера и более защищенные линкоры, образующие основу боевого порядка, «карьереры» и «дестроеры», эскортные и ударные легкие крейсера, то он по сей день не описан, насколько мне известно, нигде, и по его поводу можно дать лишь самые простые советы.

1. Основным походным порядком космической эскадры будет цилиндр, который легко разворачивается в основной боевой порядок — плоскость.
2. В зависимости от расположения зоны действия оружия (по оси корабля, перпендикулярно оси корабля) будут применяться два строя, обеспечивающие возможность вести одновременный огонь всем флотом, — соответственно обычная плоскость (сочетание нескольких параллельных кильватерных колонн) и фронтальная плоскость.
3. В космическом пространстве бессмысленны «операции на окружение». Сфера как боевой порядок может быть применена только в совершенно экзотических ситуациях типа атаки десятка универсальных крейсеров зловредов на один «Пожирающий Пространства» либо — как форма организации оборонительного ордера легких сил для «карьерера».
4. «Карриеры» располагаются вне боевого порядка в отдельном защитном ордере.
5. «Дестроеры» могут действовать между сражающимися плоскостями, но более вероятно с их стороны атака флангов и тыла боевой плоскости противника. Соответственно, эскортные крейсера должны прикрывать именно эти направления.
6. При превосходстве в силах боевая плоскость изгибается, образуя полуцилиндр и охватывая противника, — что создает возможность сосредоточения огня на его граничной боевой линии. Вероятно, это является основным, если не единственным способом реализации численного преимущества в эскадренном сражении.
7. В космосе, как ни странно это звучит, проходит классический «кроссинг» — охват боевой плоскости противника своей (каждое сечение системы плоскостей образует «палочку над Т»), к такому положению дел надо всемерно стремиться.
8. Исполняющий эти правила достигнет боевого успеха, однако не забывайте, что «знать победу можно, сделать же ее нельзя» (Сунь-цзы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ

Пусть припомнят потомки во все времена,
Добиваясь победы в сраженьях:
Не всегда для свободы победа нужна —
Ей важнее порой поражение.

А. Городницкий

Только ленивый не ругает Америку: ее демократию, ее политику, ее желание «учить жить окружающую среду». И ведь никак не проявить оригинальность мышления и свободу от стереотипов: Соединенные Штаты такое отношение заслужили.

Госдепартамент США опубликовал 6 апреля 2007 года доклад «Права человека и демократия в мире».

По мнению авторов этого документа, «откат» от демократических норм и стандартов наблюдается чуть ли не во всех сферах политической и общественной жизни России, и ситуация ухудшилась бы, если бы не деятельность американского посольства в Москве по поддержке общественных организаций и различного рода демократических инициатив.

«В разделе документа, посвященном России, использован целый арсенал нехитрых логических приемов — сгущение красок, подбор фактологической базы под заранее сформулированные выводы, подмена понятий, произвольное толкование фактов и ряд других уловок — с тем чтобы убедить американских налогоплательщиков и общественное мнение в том, что Россия срочно нуждается в демократизации», — говорится в комментарии российского внешнеполитического ведомства.

Оценки демократической ситуации в России в докладе делаются по прецедентам. Выискиваются недостатки в работе демократических институтов, а затем их проецируют на политический строй в целом³⁶¹.

Обсуждать, где в этом мире есть демократия и где ее нет, — занятие бессмысленное.

Самая аргументированная критика госдеповского доклада ничем, в сущности, не будет отличаться от самого этого доклада. Ну поменяются названия стран, да еще, может быть, тон станет помягче.

Тем более, бесполезно агрессивно оправдываться: есть у нас в России демократия, есть, она нам самим нужна, мы ее не для американцев, для себя строили! — как это делают наши депутаты Госдумы. Кстати, совершенно не обязательно было по такому сомнительному поводу, как американский доклад, проговариваться, что, дескать, нужна нам эта демократия как гарантия против социального взрыва и всяких «цветных революций». «...Не надо войны, не надо ненависти, — туманности ради, вы разве не имеете никаких положительных идеалов?»³⁶².

В действительности нам следовало бы поблагодарить американских чиновников за то, что они, сами того не желая, подняли несколько довольно интересных проблем.

Анализируя любой официальный документ, необходимо ответить на ряд простых рефлексивных вопросов:

- Кто авторы документа, печать какой профессиональной и культурной деформации они на себе несут?
- Какова онтология авторов? К какой школе мышления они принадлежат? Во что верят? О чем не способны думать?
- Для кого написан документ?
- Для чего он написан?

В данном случае понятно, что авторы доклада — чиновники и близкие к ним экспертные круги — околоправительственные «фабрики мысли». Это означает, что авторская позиция определена, во-первых, курсом нынешней американской администрации, во-вторых, Конституцией США, в-третьих, неписаным кодексом поведения высокопоставленных государственных служащих. Поэтому документ обязан быть жестким, американоцентричным и тривиальным. Авторы не только не имеют право проблематизировать понятие демократии и рассуждать об альтернативах «американской модели устойчивого развития», но и не способны думать на подобные темы.

Документ написан для американского конгресса. Относительно цели его создания я склонен согласиться с нашими уважаемыми «единороссами»: речь идет о тривиальном «распиле» государственных средств и о необходимости предоставить законодателям какие-то оправдательные документы. При этом нельзя исключать, что кто-то из создателей документа или экспертов-аналитиков, с ним работавших, мог действительно быть озабочен перспективами развития демократии во всем мире. Нельзя исключить даже того, что этой проблемой мог всерьез заинтересоваться Госдеп и Конгресс США.

Ни для кого не секрет, что в современном мире демократические формы правления хотя и «господствуют безраздельно», но находятся в очень тяжелом и постоянно нарастающем кризисе. Прежде всего современная демократия представляет собой столь совершенную систему стяжек и противовесов, что оказывается неспособной к управлению развитием. Во-вторых, реальное влияние широких масс населения на политику сегодня пренебрежимо мало и, в сущности, оно меньше, чем при многих монархических и тоталитарных режимах. Реальная демократия XXI столетия — это очень хорошо управляемая, программируемая демократия.

В-третьих, сами демократические процедуры регулярно начали давать сбои, в результате чего их пришлось «подправлять», что поставило под сомнение их легитимность. Я говорю о «переигрывании» выборов в Австрии, где к власти пришел «нежелательный кандидат» правозащитнического толка. Об убийстве другого политика-экстремиста в Нидерландах (заклечение полицией: преступление на бытовой почве), о конституционном кризисе на Украине. Да и в самих Соединенных Штатах возникли сомнения по поводу законности победы Дж. Буша в 2000 году. На следующих выборах американские правящие круги «забивали под шляпку», что только усугубило ситуацию.

У. Черчилль как-то высказался, что демократия — худшая форма правления, если не считать остальных. Но в последнее время и в этом приходится усомниться. Что за эффективная форма волеизъявления народов, если к власти в просвещенной Европе приходят А. Меркель, Т. Блэр, Р. Проди, а крупнейшую державу мира уже два срока возглавляет человек, не особенно скрывающий ограниченность своих знаний об окружающем мире?

Во всяком случае, американские элиты должны в той или иной форме ставить вопрос, что

362 Лем Ст. Путешествие восьмое // Лем Ст. Звездные дневники Ийона Тихого. М.: АСТ, Хранитель, 2007.

же будет «после демократии». Вопрос, однако, табуирован не только для политических и общественных деятелей, но и для абсолютного большинства социологов. Обсуждать его на примере Соединенных Штатов нельзя, причем нельзя на уровне: «Мыслепреступление не означает смерть, мыслепреступление — это и есть смерть»³⁶³. Значит, проблеме нужно изучить на материале зарубежных стран. Благо, их много и, несмотря на глобализацию, они достаточно разные, чтобы можно было составить осмысленный портрет «современной демократии» со всеми ее родимыми пятнами, «ужимками и прыжками».

Разумеется, находясь в России, мы не можем достоверно знать, преследовали ли заказчики документа столь далеко идущие цели, но лучше исходить из того, что преследовали. Будем называть вещи своими именами: Соединенные Штаты Америки — наш экономический конкурент и политический противник, в будущем — почти наверняка враг. Врага нельзя недооценивать, а недооценка конкретно США, как показывает исторический опыт, всегда обходится очень дорого.

Заметим здесь, что госдеповский документ говорит именно о демократии как о способе организации политической жизни в стране, о ее формах и институтах. В принципе, можно даже согласиться с американцами: неправительственные организации играют в демократических государствах заметную роль и, кстати, наличие у них зарубежного финансирования ничего в этой картине не меняет. Не меняет просто потому, что в современных демократических режимах влияние на политику любого центра силы ограничено, а возможности «игроков второго плана» (к которым и относятся неправительственные организации) пренебрежимо малы. Ситуация меняется при «цветных революциях», но подобные политические катаклизмы к современной демократии прямого отношения не имеют.

Таким образом, «дискуссия», которую российская Дума ведет с американским Госдепартаментом, касается формальных вопросов. Ни та, ни другая сторона не берут на себя смелость обсуждать «современную демократию», и тем более демократический строй в целом.

Американская культура давно и ненавязчиво инсталлировала в сознание миллионов людей убеждение, что демократия и свобода (во всяком случае, политическая свобода) — это синонимы. Это убеждение на определенном этапе развития даже полезно (не случайно Ф. Энгельс всегда выступал за демократию, хотя и рассматривал ее как способ классового господства), но сегодня от него следует отказаться.

Можно представить себе свободное демократическое государство. Никто из ныне живущих его не видел, но в книгах написано, что когда-то и Соединенные Штаты, и Великобритания, и Франция были такими государствами.

Примерами свободного недемократического государства являются Советский Союз (по крайней мере, в некоторые этапы своего развития), императорская Япония в эпоху Мейдзи и некоторое время после нее, Россия при Александре II. Этот политический режим часто рассматривается в современной социальной фантастике как у нас, так и на западе: Россия в «Гравилете “Цесаревич”» В. Рыбакова, Баррая в произведениях Л. Буджолд.

Несвободное и недемократическое государство — это Третий рейх, хуссейновский Ирак, Иран при аятолле Хомейни.

Что же касается несвободного демократического государства, то давайте договоримся, что современная демократия с ее «стяжками и противовесами», с ее «тиранией права», «диктатурой нормы», «властью процедуры» не содержит в себе никакой свободы, кроме формальной свободы положить в избирательную урну листок, который будет честно учтен, но ни на что не повлияет.

Иными словами, в современном мире мы можем выбирать только между двумя концепциями несвободы — тоталитарной и демократической. Первая сейчас является не только немодной, но и опасной, поскольку автоматически превращает страну в «мирового изгоя», вычеркивает из системы международного разделения труда и ставит государство под угрозу интервенции и замены элиты. Вторая, напротив, «коварна и гламурна». Но ни та ни другая не обеспечивает ни свободы развития, ни свободы творчества, ни свободы деятельности.

...Лучшим ответом на американское исследование о судьбах демократии мог бы стать российский доклад, посвященный свободе и ее роли в современном мире.

Экологию следует рассматривать не столько как отдельную научную дисциплину, отличающуюся специфическим предметом исследования или особым методом исследования, сколько как форму «упаковки» некоторого знания.

Термин «экология» рассматривается как собирающее обозначение для нескольких разделов биологии, антропологии, культурологии, теории систем. В рамках того же понятия рассматриваются природоохранные технологии, правовые и административные практики. Не вызывает особого протеста использование слова «экология» для квалификации картин, художественных текстов, даже музыкальных произведений.

Дальнейшее расширение термина позволяет использовать его в теории социальных систем («хорошая социальная экология города Троицка позволяет...») и информационных систем («экология смыслового пространства»).

В целом можно определить экологию как **способ упаковки связной группы понятий, относящихся к фундаментальным и прикладным научным дисциплинам, описаниям технологий (в том числе гуманитарных), а также процессам любой степени искусственности, если эти понятия могут быть сведены или развернуты к воспроизводству среды обитания.** Заметим, что поскольку воспроизводство человеческого капитала является необходимым звеном воспроизводства среды, в которой функционирует культура, «образование» является частью экологического дискурса.

Однако этот дискурс носит односторонний характер. Экология, описывая понятия, связанные с воспроизводством среды, поддержанием, сохранением и восстановлением равновесия, отвечает прочтению времени в формате восточных цивилизаций. Иными словами, экологический дискурс находится вне «западного времени», то есть он формально противоречит дискурсу развития.

Действительно, экологически ориентированные общества и даже микрогруппы, как правило, прекращают всякое развитие.

В этой связи представляет интерес конструирование мегапонятия «эволюция», упаковывающего идеи классической диалектики, развития как увеличения структурности системы, то есть числа противоречий в ней, термодинамического (биологического) западного времени, эволюции биологических, технических, социальных, знаковых систем, пангенома.

Ясно, что эволютический дискурс является собирающим понятием, альтернативным и дополняющим к экологическому. Точно так же он позволяет объединять под одной проектной «крышей» несколько научных дисциплин, технологии, элементы культуры. Эволюция, как и экология, способна порождать собственные экономические и политические реалии (причем для эволютического дискурса это даже более имманентно, чем для экологического).

Так, в рамках эволюции естественно описывается инновационная экономика, объясняются эволюционные парадоксы и параллелизм эволюций различных систем. Эволюгические принципы (которые как-никак являются принципами развития) могут быть использованы для создания политических партий. Во всяком случае, форматирование этого мегапонятия может несколько изменить характер мировых финансовых потоков.

С формальной точки зрения экология создала новый тип мышления: ограниченный во времени, но неограниченный в пространстве. Этот тип мышления породил геопланетарную рамку и три вытекающие из нее метадисциплины: геоэкономику, геополитику, геокультуру.

Эволюгия порождает тип мышления, не ограниченный ни в пространстве, ни во времени. Этот тип естественно создает эвопланетарную рамку и соответствующие метадисциплины развития: эвоэкономику, эвополитику, эвокультуру.

В рамках триалектического подхода противоречие между эко- и эволюгией должно сниматься третьим дискурсом, описывающим третью форму времени. На сегодняшний день суть этого дискурса остается неясной. Очевидно, что он должен порождать мышление, лежащее вне пространства и времени.